ЭВЕРЕТТ ТРУ

NIRVANA

правдивая история

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Со смерти Курта Кобейна прошло больше двух десятков лет, а интерес к группе Nirvana не угасает. И не зря: ее по праву можно назвать последней великой рок-командой, завоевавшей умы и сердца целого поколения. Известный журналист Эверетт Тру, помощник редактора старейшего британского музыкального издания Melody Maker, предлагает нам взглянуть на Nirvana изнутри, в контексте сиэтлской рок-сцены времен зарождения гранжа. В полной и исчерпывающей биографии группы Тру раскроет множество секретов и заполнит немало белых пятен в ее истории.

- Эверетт Тру
  -
  - Вступление
  - Часть I
    - Глава первая
    - Глава вторая
    - Глава третья
    - Глава четвертая
    - Глава пятая
    - Глава шестая
    - Глава седьмая
    - Глава восьмая
    - Глава девятая
    - Глава десятая
    - Глава одиннадцатая
    - Глава двенадцатая
    - Глава тринадцатая
    - Глава четырнадцатая
    - Глава пятнадцатая
  - Часть II
    -
    - Глава шестнадцатая
    - Глава семнадцатая
    - Глава восемнадцатая
  - Часть III
    - Глава девятнадцатая
    - Глава двадцатая
    - Глава двадцать первая
    - Глава двадцать вторая
    - Глава двадцать третья

        - Глава двадцать четвертая
        - Глава двадцать пятая
        - Глава двадцать шестая
        - Глава двадцать седьмая
        - Глава двадцать восьмая
        - Глава двадцать девятая
        - Глава тридцатая
    - Дискография
    - Благодарности
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24
    - 25
    - 26
    - 27
    - 28
    - 29
    - 30
    - 31
    - 32
    - 33
    - 34

- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78

- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122

- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166

- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210

- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254

- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274
- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277
- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281
- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284
- ○ 285
- ○ 286
- ○ 287
- ○ 288
- ○ 289
- ○ 290
- ○ 291
- ○ 292
- ○ 293
- ○ 294
- ○ 295
- ○ 296
- ○ 297
- ○ 298

- ○ 299
- ○ 300
- ○ 301
- ○ 302
- ○ 303
- ○ 304
- ○ 305
- ○ 306
- ○ 307
- ○ 308
- ○ 309
- ○ 310
- ○ 311
- ○ 312
- ○ 313
- ○ 314
- ○ 315
- ○ 316
- ○ 317
- ○ 318
- ○ 319
- ○ 320
- ○ 321
- ○ 322
- ○ 323
- ○ 324
- ○ 325
- ○ 326
- ○ 327
- ○ 328
- ○ 329
- ○ 330
- ○ 331
- ○ 332
- ○ 333
- ○ 334
- ○ 335
- ○ 336
- ○ 337
- ○ 338
- ○ 339
- ○ 340
- ○ 341
- ○ 342

- ○ 343
- ○ 344
- ○ 345
- ○ 346
- ○ 347
- ○ 348
- ○ 349
- ○ 350
- ○ 351
- ○ 352
- ○ 353
- ○ 354
- ○ 355
- ○ 356
- ○ 357
- ○ 358
- ○ 359
- ○ 360
- ○ 361
- ○ 362
- ○ 363
- ○ 364
- ○ 365
- ○ 366
- ○ 367
- ○ 368
- ○ 369
- ○ 370
- ○ 371
- ○ 372
- ○ 373
- ○ 374
- ○ 375
- ○ 376
- ○ 377
- ○ 378
- ○ 379
- ○ 380
- ○ 381
- ○ 382
- ○ 383
- ○ 384
- ○ 385
- ○ 386

- ○ 387
- ○ 388
- ○ 389
- ○ 390
- ○ 391

Эверетт Тру
Nirvana: правдивая история

Шарлотте и Исааку

Вступление

Вы заметили, что в последнее время среди рок-музыкантов стало модно носить футболки с символикой «Ramones»?

Все представители новейшего поколения – от Эдди Веддера и Джессики Симпсон до «Red Hot Chili Peppers» – все носят футболки с названием мертвой группы: как будто бы в знак их признания, ведь сейчас никто не спорит с тем, что «Ramones» приняли свой статус аутсайдеров на рок-сцене с истинным стоицизмом. Или нынешние звезды надеются, что футболка сможет передать им частичку музыкального дарования «Ramones»? Черта с два. Нет у тебя таланта – никогда и не будет.

И никто из них не носит футболку с символикой «Nirvana». Ни-кто.

Разве что дети. Те, кому сейчас восемь и кто даже не застал Курта Кобейна живым. Те, кому сейчас двенадцать и кто отчаянно жаждет признания со стороны ровесников; чьи головы уже не выдерживают атак со стороны современных СМИ. Пятнадцатилетние готы, слоняющиеся по городу, притворяющиеся, что им на все плевать, живущие в страхе перед враждебным миром взрослых. Им знакомы эти чувства: когда тебя не любят, когда ты запутался, когда предают те, кому ты доверяешь и кто лишь делает вид, что помогает тебе. Дети понимают все это.

У каждой истории должно быть начало.

Моя история – это настоящая свалка, полная неразбериха: ночные клубы и неудавшиеся розыгрыши; лица и имена, влетевшие в одно ухо и вылетевшие в другое; вечера, начинающиеся с алкоголя и заканчивающиеся амнезией; ползание по аэропорту на четвереньках; сбитые в кровь от ударов по стенам кулаки; бритые головы, крыши домов, красная луна; смех, крики; и посреди всего этого – музыка. Громкая и насыщенная, спонтанная и необработанная, красивая и завораживающая. Я все время твержу себе: это книга о группе «Nirvana». Не о Курте Кобейне. Все сплетни, все теории заговора – все они уже были изложены, причем людьми, которые намного лучше меня могут обо всем этом рассказать. Людьми, которым по праву полагается интересоваться историями и количеством проданных дисков; людьми, которые заинтересованы в том, чтобы поддерживать миф. Это был дворецкий. Каждый, кто читал Агату Кристи, знает убийцу наверняка. Это сделал дворецкий. Если не он, тогда убила няня. Все просто, вы же видите. Это все из-за

наркотиков. Это наследственность. Наверное, это была няня. А может быть, и жена имеет какое-то отношение. Слова нагромождаются на другие слова, пока от действительности не остается и следа – из-за постоянного циничного переписывания истории и бесконечных рассказов о прошлом.

– …Мы приехали очень поздно. Отыскали Курта – с ним был Крист, пьяный вдрызг. В тот вечер его то ли оштрафовали за вождение в нетрезвом виде, то ли он чуть не сбил кого-то на парковке. Еще там была Кортни – о ней я читала и слышала от своих знакомых, которые знали ее или были на ней женаты. Она была…

Это книга про «Nirvana». Я должен себе об этом все время напоминать. «Nirvana». Школьные друзья Курт Кобейн и Крист Новоселич создали группу в городе Абердин, штат Вашингтон, в середине 80-х – от скуки и любви к музыке. Больше в Абердине нечем было заняться. Дома все было хреново; делать было нечего, разве что смотреть телевизор – шоу «Saturday Night Live», «The Monkees», фантастические фильмы по ночам. Лесозаготовительная промышленность, кормившая ранее город, исчезла – найдя дешевую рабочую силу в других местах. Жизнь была чередой бесперспективных занятий: уборщик в отеле, официант в забегаловке. Панк-рок манил – панк-рок и Олимпия, штат Вашингтон. Создать группу? Почему бы и нет? Если ты этого хочешь – вперед.

– …Во всех командах в этом городе или не хватало басиста, или были только вокалист и клавишник, или чувак пел под записанную фонограмму, или в группе были только вокалист и один гитарист. Вся реакция остального мира сводилась к фразе: «То, что вы играете, не может называться настоящим рок-н-роллом». Особенно часто мы слышали это от людей из большого города по соседству – из Сиэтла. Они над нами смеялись…

«Nirvana» сменила несколько составов и названий, выгоняла и приглашала барабанщиков, переезжала – по воле обстоятельств – из города в город, пока участники группы не увидели изнанку мира шоу-бизнеса. Они наивно верили в силу спонтанности. Они выпустили всего три альбома и тут же изменили жизни нескольких миллионов людей. Они часто появлялись на MTV, они помогли возродить традиционную музыкальную индустрию, которую так презирали, – как это сделал панк-рок за двадцать лет до них. Их выступление на фестивале в Рединге – это было что-то. Особенно запомнился концерт в 1992 году в «Cow Palace» (Сан-Франциско), выручка от которого пошла в фонд поддержки жертв насилия в Боснии. В течение нескольких непродолжительных клубных туров по городам США, Великобритании и Европы

укрепились их разрушительные тенденции. Курт, Крист и Дэйв. Курдт, Крис и Чед. Пэт, Лори и Эрни Бэйли, улыбчивый гитарный техник. Алекс Маклеод, язвительный тур-менеджер из Шотландии, Крэйг, Монте, Антон, Нильс, Сьюзи, Чарлз, Джеки, Джон, Джанет, Дэнни, Джон и Брюс из «Sub Pop records». Огромное количество имен – хотя не так много, как в большинстве крупных корпораций, которые продают миллионы дисков по всему миру. «Nirvana» – величайшая «живая» группа!

– …Не то чтобы мы договаривались: «Так, Крист, ты, короче, прыгаешь высоко-высоко, бросаешь басуху вверх и ловишь ее башкой. А ты, Курт, падаешь на пол и начинаешь извиваться, как червяк». Нас просто уже тошнило, выворачивало от этого стадионного рока, его спецэффектов и всего того…

У каждой истории должно быть начало, но, конечно же, ни у одной истории его нет.

Искусство постоянно меняется. Именно благодаря этому оно остается искусством. Его невозможно поймать и записать, а затем сосредоточенно изучать в душных галереях и библиотеках. Но каждый должен чем-то заниматься. И никто не может прожить без вымышленных историй, которые помогают разобраться в собственной жизни. И есть люди, которым определенно не прожить без отчислений за разработку дизайна всех этих футболок!

Я должен все время себе напоминать. Это книга о «Nirvana».

* * *

Я поскальзываюсь, моя футболка взмокла от пота, чьи-то ноги мельтешат перед моим лицом – на сцену пытается взобраться очередной фанат, за которым несутся пять разъяренных охранников, – солнце бьет в глаза, виски ноют после вчерашней ночи, все тело в порезах и ссадинах. Что вы сделали за свою короткую жизнь? Вошли в чью-то судьбу? Изменили жизни своих близких? Как? Зачем? Были ли это музыка, стиль жизни или миф, созданный людьми, которые с вами никогда даже не встречались, из нескольких случайных действий или взаимодействий? Большинство из нас не может даже надеяться на то, чтобы понять «Nirvana»: мы – не победители, окружающие нас люди не стараются изо всех сил угодить нам. Большинство из нас всего лишь существует, не понимая жизни вокруг нас. Но так ли уж трудно понять очарование «Nirvana»? Они ухватили и передали дух времени, цайтгайст: неудовлетворенность своего поколения. И из-за того, что Курт застрелился, «Nirvana» верна своему духу и

по-прежнему находит отклик в душах всех подростков-аутсайдеров. А Курт Кобейн так и остался злым обманутым подростком.

«Умри молодым, оставь после себя красивый труп», – гласила житейская мудрость моей молодости. Курт Кобейн оставил один из самых красивых трупов за всю историю.

– …Героин заставляет забыть обо всем, что происходит вокруг. Он позволяет забыть о том, что твоя группа не так популярна, как другие команды, или о том, что нужно идти на работу – грузить рыбу на Пайк-Плейс-Маркет. Он дает непередаваемое ощущение комфорта. Это просто охрененно. Но затем он завладевает тобой полностью. И – да, ты крадешь коллекцию дисков «Sub Pop 45» у своего друга, таскаешь бумажники у старушек, воруешь там, где работаешь. Мне повезло – я выжил…

Это книга про «Nirvana». Это книга о предательстве Олимпии и о том, как мир бьет тебя прямо по лицу – как раз в тот момент, когда ты думаешь, что вот он, свет в конце тоннеля, что жизнь можно изменить к лучшему, что униженные и оскорбленные получат возможность быть услышанными. Побеждают корпорации. Игнорируй их. Отгородись от них. Уйди из общего потока, из обычного, повседневного существования и создавай свои собственные общины, свои альтернативные миры, где никто не нуждается и не ищет одобрения со стороны взрослых, со стороны внешнего мира.

Самое грустное в истории «Ramones» – это то, что группа оставалась непризнанной до тех пор, пока их не включили в Зал славы рок-н-ролла. На протяжении двадцати лет их концепции, звучанию и карьере чинили всевозможные препоны, и после этого их признали, потому что та же самая кучка придурков, наделенных властью, снизошла до того, чтобы заметить их талант, когда они уже давно перестали что-либо значить. Самое грустное в истории «Nirvana» заключается в том, что шоу-бизнес принял их с раскрытыми объятиями, хотя и позволяя себе гнусные шуточки и намеки за их спиной. Курт Кобейн не хотел принадлежать этому миру – но как можно не принадлежать миру и одновременно продавать свои альбомы 8-миллионными тиражами?

Если ты не можешь реагировать на обстоятельства, в которых оказываешься, – прыгнуть на спину охраннику, вышибающему дурь из твоего фаната; прекратить играть песню только из-за того, что весь зал поет ее с тобой; или сыграть вступление к своему главному хиту так, что его никто не может узнать, – тогда, наверное, тебе не стоит и появляться на сцене. Сиди дома, играй для себя и своих родителей, годами просиживай в студии с

мягким светом и красивой мебелью, оттачивая свое мастерство, – но не старайся стать «живой» рок-группой. Это тонкая линия, по которой проходит граница между посредственностью и гением, между «The Vines» и «The White Stripes», между «Cold-play» и «Oasis», между гламурным гранжем («Offspring», «Muse», «Alice In Chains») и «Nirvana». Впечатление от аудио– и видеозаписей обманчиво: они никогда не смогут передать чувства, которые переживаешь на концерте – со спутанными влажными волосами и висками, пульсирующими кровью. Это всего лишь документы, моментальные снимки времени, которое уже исчезает из памяти, сохранившись лишь на пленках, дисках и в выпусках передачи «Behind The Music»…

– …нас вышвырнули с вечеринки, посвященной выходу «Nevermind», мы все отправились к Сьюзи, нарядили чуваков из «Nirvana» в женские платья, накрасили их и танцевали вокруг дома. Мне кажется, это в ту ночь Курт стрелял яйцами из рогатки по машинам, стоя на крыльце у Сьюзи. А в гостиной Курт Блоч навалил огромную кучу компакт-дисков, люди разбегались и прыгали на них. На холодильнике мы с Куртом увидели бутылочку с болеутоляющими и подумали: «О! Нужная вещь!» Мы проглотили все, что осталось в бутылочке, и решили, что было бы прикольно прыгнуть из окна спальни на крышу соседнего гаража и…

ЗАТКНИТЕСЬ! ЗАТКНИТЕСЬ! Это книга о «Nirvana». Вы же не хотите сплетен, слухов. Личные дневники должны быть личными. Задумывались ли вы над тем, что за всем этим стоит человек? Что не все на этом свете должно принадлежать всему обществу? Посмотрите на себя со стороны, когда вы твердите обо всех этих заговорах, о наркотиках, разногласиях и эксплуатации. «Nirvana» – это прежде всего группа. Охрененная «живая» группа, которая извлекла пользу из того, что им благоволили на радио, и из того, что у их солиста были голубые, как у ребенка, глаза. Все остальное – наносное. Слушайте музыку. Слушайте музыку. Почему вы хотите знать что-то еще?

Часть I
Вверх

Глава первая
Добро пожаловать в Абердин

Привет, Эверетт.

В Абердине я чаще всего бывал тогда, когда ехал на выходные к побережью или когда возвращался обратно. Еще я там обедал в паре закусочных и забегаловок – в общем, вряд ли меня можно назвать большим экспертом по Абердину. Одно я заметил: как только покидаешь Абердин и въезжаешь в Хокуэм, дома и улицы становятся лучше. Ничего особенного, те же самые дома, те же самые дворы – только не такие захудалые и не такие заброшенные. Города не отличить друг от друга, и если бы не знак «Добро пожаловать в Хокуэм» (или Абердин), то никогда не поймешь, что пересек их границу.

Абердин – это мелкий и мелочный город с белым отребьем и высоким уровнем безработицы и поэтому мало отличается от тысяч других мелких и мелочных американских городов с белым отребьем и низким уровнем занятости. Если Абердин породил Курта Кобейна, то по всему США должны быть тысячи Куртов Кобейнов. Но их нет. Я не думаю, что в Абердине есть нечто особенно хорошее или особенно плохое. Бывают города и похуже – например, Батт, штат Монтана. Батт не дал миру мятежного гения – по крайней мере, такого, который выбрался бы из этого города. Разве что именно Батт заставил Ивила Нивела перепрыгнуть на мотоцикле через каньон Снейк-ривер.

С любовью, Марк Арм[1]

История «Nirvana» берет свое начало в Абердине, штат Вашингтон, США.

Давайте договоримся на берегу.

Я мало что знаю о биографии отдельных участников «Nirvana». Вы найдете о них кое-что в этой книге, но гораздо больше фактов вы сможете прочитать в других. История и прочая хрень – это не по моей части. Я не умею выверять факты до такой степени, что они перестают иметь хоть какое-то отношение к действительности. Я предпочитаю воспоминания и рассказы очевидцев, хотя такой метод неизбежно ведет к противоречиям и путанице – каждый рассказывает собственную версию одного и того же события. И из этой кучи разнообразных взглядов приходится выбирать мнения, основываясь лишь на известности персонажа.

На сегодняшний день основные факты биографии самого

знаменитого участника «Nirvana» хорошо известны: Курт Дональд Кобейн родился 20 февраля 1967 года в больнице района Грейс-Харбор. Его 21-летний отец Дон работал механиком в автомастерской «Шеврон» в Хокуэме; его несовершеннолетняя мать Венди забеременела сразу же после окончания школы. Когда Курту исполнилось 6 месяцев, семья переехала из Хокуэма в Абердин. В детстве у Курта был воображаемый друг Бодда – его он придумал в два года. Верил он в его реальность и потом, слушая эхо собственного голоса, записанного на магнитофон своей тетушки Мэри[2]. Родственники обожали мальчика; только по материнской линии у него было семь тетушек и дядюшек. Когда ему было три, у него появилась сестра Кимберли (Ким). В семье активно поощряли интерес Курта к музыке и очевидные способности к рисованию: ему подарили набор кисточек и ударную установку «Микки-Маус». Дядя Чак играл в группе – в подвале у него была оборудована студия с большими акустическими колонками.

В детстве Курт любил рисовать персонажей комиксов (Аквамэн, Существо из Черной Лагуны) и петь песню «Motorcycle Song» Арло Гатри. Всей семьей они катались на санках. Позже врачи поставят ему диагноз «гиперактивность» – говорят, что уже в шесть лет он наполнял банки из-под газировки камешками и кидался ими по проезжавшим полицейским машинам.

Певец умер в 27 лет, выстрелив в себя из ружья.

Многие ставят этот факт под вопрос, потому что люди любят отыскивать теории заговора абсолютно везде: они поняли, что в этом несправедливом мире побеждают жадные и наглые, что побеждают чаще всего те, кто не испытывает угрызений совести и кто готов пройти по головам, не моргнув глазом. А может быть, люди просто любят красивые истории, и не важно, какое отношение они имеют к действительности. Эти люди неправы. Но подождите, мы же пытаемся быть объективными, мы не верим всему на слово – может быть, Курт вовсе не был рожден в больнице района Грейс-Харбор в Абердине? Но нет – там присутствовали другие люди. Факт рождения можно проверить.

Факт самоубийства – нельзя.

Привет, Ледж. В Абердине я был всего один раз. Абсолютная глухомань… рабочий городок. Вроде бы там деревообрабатывающий завод, да? Что меня поражает: каким образом группа из этой поистине черной дыры смогла <…> за 4 года приобрести такую популярность во всем мире?

Брюс[3]

Абердин – это заброшенный городок на юге самого северо-западного штата США[4], час езды на запад от столицы штата Олимпии и немного южнее полуострова Олимпик, того самого, где находятся самые красивые горы на всем тихоокеанском побережье. Говоря о таких местах, в путеводителях любят употреблять штамп «природа потрясающей красоты». По отношению к штату Вашингтон это абсолютная правда; горы (Олимпийские, Каскадные), реки, заливы, бескрайние лесные массивы – их чередование и переплетение в солнечный день просто дух захватывает. Правда, солнечные дни здесь случаются редко. Но если ваш родной город – Абердин, вы вряд ли знаете, что такое красота: в городе одни лесопильные заводы, среди которых выделяется завод фирмы «Rayonier» – клубы белого дыма поднимаются на 30 метров в небо.

Название «Абердин» имеет шотландские корни и означает «слияние двух рек»: город расположен на берегах рек Чихелис и Уишка. Абердин расположен в заливе Грейс-Харбор, у подножия гор, и на протяжении 100 лет являлся городом лесопильных заводов. К концу 70-х годов здесь уже больше нечего было вырубать, и абсолютно все предприятия, всех видов и размеров, закрылись. В крупных супермаркетах кончились товары, после чего они превратились в блошиные рынки, где можно было купить старые книги, журналы и поношенную одежду за бесценок. В свои лучшие дни – в начале XX века – население Абердина насчитывало более 50 тысяч человек. На сегодняшний день оно сократилось больше чем на две трети. Это умирающий город. Абердин образца 2006 года практически неотличим от города, в котором юный Курт Кобейн рисовал неразборчивые граффити в парках.

Количество безработных в Абердине огромно – так же, как количество алкоголиков и самоубийц[5]. Молодым людям здесь нечем особенно заняться, поэтому они напиваются, разводят костры на заброшенных свалках или закидываются галлюциногенными грибами, растущими в полях неподалеку от города. Первоначально Абердин процветал благодаря тому, что лесообрабатывающую промышленность обслуживали железная дорога и морские порты, работники которых регулярно спускали свои зарплаты в салунах и борделях. Но в 60-х и 70-х годах XX века железные дороги последовательно закрывались американским правительством; лесообрабатывающая промышленность стала децентрализованной, моряки – после запрета проституции в 50-х годах – начали искать развлечений в других местах. Звучит мрачновато, но Абердин не отличается от любого другого городка в Америке – нужно только заменить

лесозаготовочную промышленность на добычу нефти или горной руды. Хотя сегодня, скорее, многочисленные сети супермаркетов вроде «Уолмарт» облепляют маленький городок как пиявки, высасывают из него все соки – и перебираются в другой.

– Абердин выглядел как город, в котором наступил конец света; так же выглядят и другие промышленные города, когда в них умирает экономика, когда в них не остается денег и работы, – объясняет Тоби Вэйл, барабанщица из Олимпии.

Когда люди говорят о том, что 25 процентов населения США находится близко к черте бедности или за ней[6] – они имеют в виду Абердин. Разница между Абердином и такой же заброшенной Олимпией – в том, что в Олимпии еще есть бродяги. К Абердину они даже близко не подходят – знают, что там нечем поживиться. Это реальная экономика США: та сторона Америки, о которой политики не любят разговаривать. У тебя нет никаких прав, только право на существование. Тебя никто не хочет знать, потому что ты не богат; у тебя недостаточно власти для того, чтобы стать частью какой-либо политической программы. У тебя нет права голоса – поэтому с тобой никто не считается. Хотя нельзя сказать, что в Абердине нет ничего красивого. Можно найти подлинные сокровища в местных секонд-хендах или церковных залах – но надо выбрать правильный ракурс; вспомните, как в конце «Красоты по-американски» крупным планом показан пустой полиэтиленовый пакет.

Это одна точка зрения.

Другие считают, что город примечателен очень многим.

– Я не думаю, что было бы правильным говорить, будто жители Абердина не ценят красоту своего города, – говорит Рич Дженсен, в прошлом музыкант, записывавшийся на лейбле «К». – Необузданная дикость Абердина – отсутствие в нем строгого порядка – вот одна из тех вещей, что удерживает здесь людей; они могут выйти ночью на крыльцо и отлить, любуясь лунным светом; они могут скинуть раздолбанную тачку в ущелье и иногда пострелять по ней – раз или два в год. Я думаю, что жители и рабочие пригородов любят покой, любят орлов на вершинах сосен, любят морской воздух на закате и все такое. И им нравится думать, что все эти прелести их потрепанной родины они заслужили – тем, что они работают здесь, тем, что это их место; они знают свою землю, знают все ее трещинки. Они не похожи на эстетов из больших городов, которые видят только красивую картинку солнечного полудня в деревне.

Представьте себе серый, дождливый день где-то на северо-западе тихоокеанского побережья.

Мы едем из Олимпии в Абердин по шоссе, петляющему среди лесов и холмов. Играет в обязательном порядке «Nirvana», потом саундтрек к «Твин Пикс»[7]. По дороге мы делаем пару остановок, и о наличии жизни здесь свидетельствуют лишь горстка разрушенных ферм, заброшенных сараев и изредка старые, недостроенные здания из шлакоблоков, о предназначении которых вряд ли можно сказать что-то определенное. Парень на заправке мгновенно вычисляет нас – «городские». Он понимает, что мы приезжие, потому что тут он знает всех. Он говорит, что большинство людей проезжают через это место, направляясь в Оушн-Шорс – в казино. Если бы не дождь и порывы ветра – город можно было бы пройти пешком за один час.

Старый дом отца Курта – на Флит-стрит, не очень далеко от дороги (где опять же ничего нет). Дом небольшой и ухоженный, совсем рядом с концом улицы – тупиком, ведущим к ремонтной мастерской, где чинят цементовозы и строительное оборудование. Рядом железная дорога, которая кажется заброшенной. Недалеко от нее – можно доехать на велосипеде – школа для младших и средних классов, в которую Курт пошел в первый класс. Через дорогу – небольшая бейсбольная площадка и парковка, вмещающая около 20 легковых машин или внедорожников.

Когда едешь в Абердин, никак не определить, чем покрыто небо – туманом, облаками или дымом из заводских труб. Кажется, что шоссе и река прячутся за густым лесом, но уже за самым первым рядом деревьев – голый пустырь. По другую сторону реки, слева, находится лесозаготовочный завод. Несколько акров земли сплошь усеяны штабелями древесины. На дорогах здесь если и встречаются машины, то универсалы, автофургоны и грузовики, перевозящие древесину. На въезде в Абердин стоит новый знак. В апреле 2005 года Общество памяти Курта Кобейна установило новый щит на въезде: под надписью «Добро пожаловать в Абердин» появились слова «Come As You Are»[8]. Сфотографировать знак с удобного места рядом с основной дорогой невозможно. В итоге мы поступили так же, как поступали до нас другие люди (следы шин – тому свидетельство): остановились на узкой и неудобной обочине.

Рядом с мостом находится смотровая площадка, с которой можно «полюбоваться» видом складов и дымовых труб. Виден и «Уол-март» с флагами США на фасаде, «Макдоналдс» с его узнаваемой желтой аркой, «Тако Белл», «Росс», «Пицца-Хат» и логотипы сотен других американских предприятий – все это на время создает иллюзию процветающей коммерческой зоны. Но когда мы переезжаем через другой мост и минуем еще пару

километров, нам открывается совсем другая картина. Дома заколочены досками, универсамы закрыты. Главная торговая зона города усеяна множеством мелких семейных магазинчиков, люди живут в основном в тесно прижатых друг к другу маленьких домиках, выкрашенных в приглушенные пастельные цвета – популярные в 70-е годы. Дождь, постоянная облачность, дым и отдаленный гул 12-го шоссе – над всем словно висит душная завеса. Город кажется уставшим.

Сначала мы останавливаемся под мостом на севере Абердина, небольшим отрезком дороги, пересекающей реку Уишка; по легенде именно здесь зимой 1985 года спал сбежавший из дома Курт Кобейн. Мы оставляем машину на тупиковой улице – Ферст-стрит, – где жила семья Курта, проходим один квартал вниз до верхней точки моста, лезем через заросли кустарников и травы и спускаемся по насыпи в самое сердце моста. Здесь нет официального памятника: пара пустых банок из-под пива, полустершиеся граффити – «Я ♥ Курта»; «cobaincase.com»; «Курт – в раю»; «Я проехал 20 часов, чтобы увидеть твой мост, – я люблю тебя Курт, Курдт[9]: глупо писать все это сейчас на стене – или нормально?»; «Твоя музыка – это дар всем нам», – кучи окурков и прочий мусор. Здесь, кажется, даже уютно – вполне просторно и можно укрыться от дождя. Как и имена многих других рек в США, имя «Уишка» звучит экзотично и было придумано индейцами, которые здесь купались, мылись и пили эту воду – но сейчас это бурая от грязи речушка, по которой плавают обломки деревьев и сваи. Деревья доходят до самого берега.

Дом на Ферст-стрит – краска облупилась, вокруг неухоженные розовые кусты. Здание не заброшенное, но в самом доме и во всем районе жуткая тишина. Куда все подевались? Из дома напротив выходит толстый мальчишка в футболке «Grateful Dead». Он стоит на крыльце и подозрительно косится на нас. Когда на пороге дома появляется его столь же болезненно толстая мать и не менее подозрительно смотрит на нас – мы уходим.

Дальше по улице большой супермаркет «Трифтуэй» – менеджер объясняет покупателю, что скидки для пенсионеров только по вторникам. Тут продают все – подержанные вешалки, ткани, старые трофеи, папки, блокноты, одежду, корзины, консервные банки и дешевые украшения для Хэллоуина. Есть полка со старыми любовными романами, самоучителями и большим выбором религиозной литературы. Менеджер видит, что мы делаем записи, и спрашивает нас сухо, что нас интересует. Мы объясняем, что пишем книгу про «Nirvana». Он говорит: «А-а-а, „Нирва-а-а-на“. Это чувак, который застрелился, да?»

Мы заворачиваем за угол – здесь находится «лачуга», где

жили Курт и Мэтт Люкин: сейчас она абсолютно непригодна для жилья (может быть, так было всегда), окна заколочены, крыша обвалилась. Краска облупилась, отовсюду торчат гвозди. На стене граффити – «„Крептс“ рулят». Могли хотя бы без ошибок написать. Вокруг этой лачуги – другие заброшенные, разрушенные здания; как будто один больной дом заразил всех остальных. Есть один ухоженный дом, украшенный стикерами «Поддержите наши войска» и «В единстве наша сила»[10], но в целом эта улица безлюдна… Она выброшена на обочину жизни.

Школа, в которой учились Курт и Крист, средняя школа Абердина – спортивная команда этой школы известна под названием «Абердин бобкэтс» («Абердинские рыси») – представляет собой неожиданно маленькое здание; два, может, три этажа. Недавно в историческом крыле случился пожар, очевидно из-за студентов, пытавшихся сжечь школьные табели. На месте сгоревшего крыла построили парковку, вымощенную булыжником; места для машин нарисованы баллончиками для граффити прямо на камнях. Здание похоже на огромный блок из шлакобетона, похоже на тюрьму… Любому, кто его увидит, сразу же захочется сбежать – так же, как и Курту в свое время. Большой камень, разрисованный желтым и синим, стоящий на платформе. Невозможно определить его значение – может быть, в Абердине любят абстрактное искусство?

Мы заходим в магазинчик «У Джуди», где торгуют старыми книгами и пластинками, – он стоит рядом со старой парикмахерской матери Криста и через дорогу от того места, где раньше находилась ассоциация молодых христиан, в которой работал Курт. Кажется, что магазин закрыт – двери и окна полностью заставлены книгами, но Джуди нас увидела и впустила внутрь. «По средам магазин обычно закрыт», – говорит она. Джуди помнит ребят из «Nirvana» – они часто к ней заходили, покупали чаще всего музыкальные диски. Она говорит, что Шелли (бывшая жена Криста) иногда покупала игры, а мама Криста ее стригла.

Кажется, что Абердин впал в летаргический сон. Состояние товаров в антикварных лавочках перекликается с состоянием всего города: ими слишком долго пользовались, они сильно перепачканы, они больше никому не нужны. Абердин из тех городов, где можно встретить щиты и плакаты с цитатами из Библии. Здесь можно даже увидеть пастора на тротуаре, машущего руками проезжающим машинам, как будто зазывая их в свою церковь, – примерно так же, как в других городах люди надевают рекламные щиты-сэндвичи или костюм цыпленка, рекламируя блюда из сегодняшнего меню.

Именно в таком городе родились Курт Кобейн и его друг детства Крист Новоселич (хорват по происхождению и тоже из несчастливой семьи). Этот город, может быть, когда-то и жил, у него, может быть, когда-то билось сердце и трепетала душа – но сейчас это город белого отребья; всего лишь одно из мест, где останавливаются фургоны, проезжающие по главному шоссе; место, куда вы не поедете никогда – разве что у вас будет особая на то причина.

– В Абердине было по-настоящему страшно; настоящая дыра, глушь, ад – такая деревня или большой город для дровосеков, – говорил Крист в феврале 1989 года, когда я брал у «Nirvana» их первое крупное интервью. – Помните момент в «Беспечном ездоке», где Джек Николсон говорит об обывателях? Что, если они видят что-нибудь непохожее на них, они не убегают в ужасе, они становятся опасными. В точку – в Абердине все было именно так. Но они были такими тупоголовыми – и мы не хотели стать такими же.

– Да, Абердин – это просто жуть, – подтверждает бывший барабанщик «Nirvana» Чед Ченнинг; его нынешний дом находится в сравнительной безопасности, на Бейнбридж-Айленд – до Сиэтла оттуда можно добраться на пароме. – Это был настоящий город дровосеков, понимаете? Такое место, в котором я бы никогда не смог жить. Казалось, эти люди только и делают, что весь день работают, а потом всю ночь бухают. Казалось, они хотели себя просто загнать до смерти. Это место и городом-то можно назвать с трудом. Зачем вы туда поехали? Почему, как этот город не умирает? За счет чего он живет?

В Америке таких городов очень много.

– Мне всегда это было непонятно, – отвечает он. – В каждом маленьком городке обычно есть люди, которые прожили всю свою жизнь на одном месте. Абердин – это один из тех городов, где я не смог бы этого сделать. Каким образом можно дожить в нем до самой старости? Ведь некоторые дотягивают до семидесяти или даже восьмидесяти и хвастают: «Я прожил здесь всю жизнь». Боже мой, прости – и ты все еще жив?

Родители Курта Кобейна развелись, когда ему исполнилось восемь; причины были предсказуемыми – как и у тысяч других семей, оказавшихся в схожем положении. Они поженились слишком рано, пытались содержать свою небольшую семью, столкнулись с тяжелыми финансовыми проблемами – и не выдержали. Дон Кобейн поменял работу в 1974 году, устроился на мелкую должность, клерком в лесоперерабатывающую компанию «Мейр бразерс» – в час ему платили 4,10 доллара,

меньше, чем он получал механиком. Они часто занимали деньги у родителей Дона – Лиланда и Айрис. Курт стал очень капризным и своенравным; отец пытался его воспитывать, наказывая практически каждый день – тыкал его двумя пальцами в грудь. И, конечно же, был и знаменитый «кусок угля» на Рождество – Дон и Венди угрожали Курту, что если он не прекратит бить сестру, то в найдет в своем рождественском чулке только кусок угля. Этого не произошло – родители стращали в шутку, – но этот случай произвел такое впечатление на маленького Курта, что позже он утверждал, будто они исполнили свою угрозу: одним рождественским утром у изголовья своей кровати он нашел кусок угля – а не пистолет из «Старски и Хатч» за 5 долларов[11].

«Моя жизнь похожа на жизни 90 процентов моих ровесников, – говорил он в интервью журналу „Гитар ворлд“. – Все пережили развод родителей. Все курили травку в школе, все росли в те времена, когда страну запугивали Советским Союзом, и все думали, что погибнут в ядерной войне. И у всех представителей моего поколения особенности личности практически не различаются».

Год до развода был во всех отношениях нескучным для семьи Кобейнов – они съездили в Диснейленд под Лос-Анджелесом; случилась шумная ссора с Гэри, братом Дона, в результате чего Курт сломал руку – его отвезли в больницу, где на руку наложили гипс; в том же году – трудно себе это представить – Курт играл за бейсбольную команду своей школы. Врачи предположили, что его гиперактивность может объясняться синдромом нарушения внимания. Все пищевые красители, наряду с сахаром, были исключены из его рациона. Это не помогло – он по-прежнему метался по дому, стучал в барабан и кричал изо всех сил; тогда ему прописали на три месяца риталин[12].

Именно развод кардинально изменил взгляды Курта на жизнь. Буквально в течение одной ночи он замкнулся в себе. Его мать Венди рассказывала Майклу Азерраду, автору книги о «Nirvana», что Курт стал «по-настоящему угрюмым, как будто ненормальным, ему ничего не нравилось, и он над всеми смеялся». В июне 1976 года, спустя пару месяцев после развода родителей, Курт нацарапал на стене своей комнаты: «Я ненавижу маму, я ненавижу папу, папа ненавидит маму, мама ненавидит папу, от всего этого просто хочется плакать». Рядом он нарисовал карикатуры на своих родителей. Развод не был безболезненным: Венди хотела уйти от Дона, потому что ей казалось, что он мало внимания уделяет семье, Дон подал протест и не давал согласия на развод достаточно продолжительное время. Позже они оба признавали, что использовали детей в войне друг против друга.

Венди остались дом и дети; Дон получил пикап «форд» 1965 года, Венди – «шевроле-камаро» 1968 года. Кроме того, Дона обязали платить каждый месяц 150 долларов на содержание детей.

Дон переехал к своим родителям, которые жили в фургончике в Монтесано. Курт возненавидел нового парня своей матери, подверженного приступам жестокости; мальчик называл его «подлецом, избивающим жену» (однажды он сломал Венди руку). Вскоре после развода Курт попросил, чтобы его забрал к себе отец. Дон получил опекунство в июне 1979 года. Остаток своей юности беспокойный ребенок перебивался по домам своих родителей и родственников. У него появились проблемы с желудком, вызванные неправильным питанием. Сначала Курт находил поддержку в близких отношениях с отцом, хотя для Дона общение заключалось в том, чтобы брать сына с собой на работу. Позже Курт почувствовал себя брошенным, когда Дон нашел себе новую жену – ее звали Дженни Вестби, и у нее уже было два ребенка, к которым Курт очень сильно ревновал.

Некогда счастливый, общительный ребенок, Курт стал замкнутым и неуверенным в себе.

Глава вторая
«Не хочу смущаться»

1. «Melvins» – это не хеви-метал.

2. Это концептуальное искусство, рассчитанное на массы.

3. Это похоже на «Boredoms», «Sonic Youth», Кэптена Бифхарта[13].

4. Лучше группы не существует. Равные есть, лучше – нету.

5. Все их понимают абсолютно неправильно – и их поклонники, и их критики.

6. Они очень смешные.

7. Они садисты.

8. Они очень умны.

9. Они играют панк, а не хардкор. Их музыка похожа на «Sex Pistols», «Dead Kennedys», но не на «Fugazi» или «Bikini Kill»[14].

10. На них оказали влияние «The Wipers»[15]*. В этом они схожи с «Beat Happening»*[16]*. На «The Wipers» и «Melvins» оказал влияние Джими Хендрикс*[17]*. В этом они с «Beat Happening» не схожи.*

11. Большинство групп Северо-Запада можно было бы условно разделить на четыре категории: те, на кого повлияли «The Wipers», «Melvins», Джими Хендрикс или «Beat Happening». На «Nirvana» повлияли все эти музыканты. Другие два источника вдохновения «Nirvana» – отчаяние и «Beatles».

С сайта www.bumpidee.com.

После развода родителей жизнь Курта Кобейна была не очень-то приятной.

Курт отказывался садиться за стол со своей новой семьей; он вступил в школьную команду по борьбе, уступив уговорам Дона, но во время крупного соревнования отказался драться, сев на мат и сложив руки на груди; он не ездил на охоту; он носил длинные волосы «под пажа» и джинсы-клеш, на уроках постоянно что-то рисовал. Курт посмотрел «Близкие контакты третьего рода» и дословно пересказывал диалоги оттуда сводному брату Джеймсу; в 11 лет снял собственное снафф-муви на камеру «Супер-8»; говорил о том, что станет крутой рок-звездой и будет купаться в славе, как Джими Хендрикс, – в этом нет ничего

особенного, многие дети только и думают о смерти и внимании. Он был левшой; у него были художественные наклонности – в городе, где искусство считалось чем-то вроде гомосексуализма (мать позже запретит ему общаться с другом, который был геем); он курил марихуану, которая росла неподалеку от Монтесано.

Что касается музыки, то вкус Курта не становился более изысканным: хотя кто-то может вообще не увидеть никакой деградации в переходе от увлечения «Beatles» до восхваления ужасного альбома «Evolution», выпущенного в начале 80-х группой «Journey». Забавно, что позднее он будет сравнивать своих конкурентов «Pearl Jam» со стадионным роком, утверждая, что их музыка не выдерживает никакой критики. Может быть, тинейджерам стоить запретить рок-музыку: тогда бы мы точно избавились от старперов, ведущих себя как несовершеннолетние хулиганы, вроде «Velvet Revolver» и всех тех, кого все еще впечатляют надутые губы Мика Джаггера. В 1981 году Курт поступил в школу в Монтесано. Желая угодить своему отцу и не выделяться – попытка, заранее обреченная на провал, – он вступил в футбольную и легкоатлетическую сборные своей новой школы[18].

В феврале дядя Чак решил, что настало время купить Курту настоящий подарок на день рождения, какой полагается подростку. Как оказалось в дальнейшем, это был решающий момент. «На день рождения мне предложили на выбор: гитару или велосипед, – говорил он мне восемь лет спустя. И добавил, соврав: – Я выбрал велосипед[19]. Почему я начал заниматься музыкой? От скуки, наверное. Я хотел научиться играть на барабанах, – говорил он, имея в виду свою старую детскую игрушку. – Я и сейчас хочу».

Гитара была дешевой, подержанной, сделанной в Японии – фирмы «Lindell», – но этого было более чем достаточно для Курта. Он позвонил своей тете Мэри, чтобы узнать, нужно ли натягивать струны в алфавитном порядке; он везде носил гитару с собой, как предмет особой гордости, хотя едва мог на ней играть – с помощью крошечного 10-ваттного усилителя, который также получил от дяди Чака. В марте 1982 года – после того, как его переселили в подвал, – Курт решил покинуть дом своего отца: сначала он оказался в трейлере у бабушки и дедушки по отцовской линии, затем отправился к дяде Джиму, который жил на юге Абердина. В сравнении с Монтесано Абердин показался ему ужасным.

– На юго-западе штата Вашингтон на самом деле около сотни *очень* маленьких городков, – рассказывает Тоби Вэйл. – Я жила в городе Нэселл, в часе езды к югу от Абердина, – и нам Абердин

казался очень большим городом: там были автобусы, библиотека, почта, несколько ресторанов и магазинов. Все то, чего не было в деревнях.

Дядя Джим курил травку и слушал более хипстерскую музыку, чем его брат Дон: «The Grateful Dead»[20], «Led Zeppelin» и «The Beatles»; узнал Курт и о стоунере – от своих более старших дружков из школы, носивших «вареные» футболки и прически перьями. Ребята часто заходили к нему и опустошали продовольственные запасы Джима. «Я просто считал, что они намного круче тех задротов, фанатов „Счастливых дней“, которые учились со мной в четвертом классе», – рассказывал Курт биографу Азерраду.

После дяди Джима Курт начал странствовать от одного родственника к другому; пожил он и у дяди Чака: именно там юный Кобейн получил первые уроки игры на гитаре от одного из музыкантов дяди Чака, Уоррена Мэйсона. Мэйсон нашел Курту нормальную гитару – «Ibanez» за 125 долларов, – и началось настоящее обучение: среди первых выученных песен была такая классика рока, как «Stairway To Heaven»[21], «Louie Louie»[22] и «Back In Black» группы «AC/DC».

В 1982 году Курт переехал обратно в дом своей матери на Ист-Ферст-стрит, 1210, и был переведен в старую школу своих родителей, абердинскую среднюю школу Уэзервакс. Здесь он снова почувствовал себя изгоем; это положение, возможно, еще больше усиливалось выбором класса – дизайна и графики, где он рисовал грубые комиксы про Майкла Джексона, сперму и Рональда Рейгана, а также делал примитивные мультфильмы с помощью глины и пластилина.

«Я был козлом отпущения, – рассказывал певец музыкальному журналисту Джону Сэвиджу, – но не в смысле, что все меня постоянно били. Меня не били, потому что я и так уже был забитым. Я был таким асоциальным, что считался чуть ли не сумасшедшим. Я бы не удивился, если бы меня выбрали победителем в номинации „Кто хочет всех убить на школьной дискотеке?“».

Венди начала встречаться с парнями моложе ее и с удовольствием загорала в одном бикини, лежа во дворе их дома. Курта смущало то внимание, которое получала его мама, и он бил любого из своих приятелей, кто смел шутить по этому поводу – а смели многие, особенно если его мать покупала парням пиво и приглашала остаться у них. В феврале 1983 года Курту исполнилось 16, и он получил водительские права. Несколько недель спустя он посетил свой первый рок-концерт в жизни: Сэмми Хэгер[23] выступал в «Seattle Centre Coliseum»[24]. Под

впечатлением от помпезности концерта на следующий день он пришел в школу в футболке Хэгера. Потом он испытывал неловкость по поводу этого своего юношеского увлечения, но он ни в коем случае не отрицал своего прошлого, как это постоянно утверждается. Вот как Курт описывал мне то, что там происходило:

– Все передавали по кругу травку, я реально обкурился и поджег себя. В кармане толстовки у меня была зажигалка «Бик», я стоял и смотрел на Сэмми, который раскачивался на стропилах и смеялся над всеми, кто держал у себя над головой зажигалки. Я посмотрел вниз – бензин растекся повсюду, и моя толстовка уже полыхала. Хорошо занялся огонь и на обоссанных штанах. Перед концертом мы выпили ящик пива и застряли в дорожной пробке. Деваться было некуда, поэтому я просто поссал в штаны, сидя на заднем сиденье.

В туалете в писсуаре лежал отрубившийся бухой семиклассник. На протяжении всего концерта люди мочились на него, даже не задумываясь. Две девушки разбивали дорожки кокаина на зеркальце, как вдруг, откуда ни возьмись, какой-то пьяница завалился в их сторону и наблевал им на колени. Девушки заставили своих парней избить алкаша, уничтожившего их кокс.

Некоторые журналисты даже пытались сделать какой-то вывод из того факта, что первым концертом, который увидел Курт Кобейн – как и 99 процентов его сверстников, живших в провинциальной Америке, – стало выступление какой-то команды, игравшей говнорок; и даже выяснили, что тем же летом в «Tacoma Dome» выступала британская рок-метал команда «Judas Priest». А еще у Курта когда-то был альбом группы «REO Speedwagon». Ну и что с того? Это не значит, что здесь он нашел свое; это значит, что он просто не знал, где искать. Лишь в середине 1983 года Курт обнаружил то, что – сам не зная – искал все это время.

Именно тем летом Курт Кобейн открыл для себя «Melvins» и благодаря «Melvins» – мир панк-рока. «Помню, я отирался в Монтесано (штат Вашингтон), в супермаркете „Трифтуэй“, – писал он в своем дневнике[25], – и какой-то коротко стриженный работник магазина, раскладывавший коробки, немного похожий на чувака из „AIr Supply“, дал мне флаер, на котором было написано: „Фестиваль «Them» («Их фестиваль»), завтра вечером, парковка за «Трифтуэй». Бесплатно, живая рок-музыка“». Этот служащий оказался вокалистом «Melvins» Баззом Осборном, старшеклассником из средней школы Монтесано. «Melvins» образовались годом ранее[26], они играли скоростной хардкор,

популярный среди американских команд, таких как «Dead Kennedys» и «Minutemen»[27].

«Я приехал в фургоне со своими друзьями, слушавшими стоунер… – продолжал Курт. – Они играли так быстро, я и вообразить не мог, что можно играть на такой скорости и с такой энергетикой, которой не было даже на записях „Iron Maiden“, которые я слушал. Это было то, что я искал. Ах, панк-рок».

Историки «Nirvana» расходятся в своих мнениях по поводу того, что происходило дальше. Согласно одной версии, Базз передал Курту копии перехваленного американского рок-журнала «Крим». Другие говорят, что у Курта была подписка на «Крим» с 12 лет и поэтому он следил за похождениями «The Sex Pistols» в то время, как они распадались во время скандально известного турне по США в январе 1978 года. Находясь под впечатлением, Курт взял в абердинской библиотеке единственный «панк»-альбом, который там был, – громоздкий тройной диск «Sandinista» группы «The Clash».

– Из-за этого альбома я не пришел к панк-року так быстро, как того хотел, – рассказывал он мне позднее. – Когда я послушал тот альбом, я решил: «Если это панк-рок, то я не хочу иметь ничего общего с этим».

Как бы то ни было, неоспоримым фактом является то, что «Melvins» – Базз Осборн со своими чокнутыми афрокосичками, жесткий барабанщик и двойник Нила Янга Дэйл Кровер, а также сильно пьющий басист Мэтт Люкин – необратимо изменили жизнь Курта. Базз дал Курту сборник американских андеграундных панк-групп, в большинстве своем калифорнийский хардкор вроде «Flipper», «MDC»[28] и «Black Flag».

«Flipper» была плодовитой группой из Сан-Франциско, игравшей дисгармоничный психоделический панк, который был ближе к концептуальному искусству, чем к рок-музыке. Влияние их жуткого дебютного сингла «Love Canal / Na Na Na» (1981) совершенно очевидно в музыке «Melvins» – рубилово становилось более медленным, а музыка еще более странной. Группа «MDC» была примечательна скорее своей яростной полемичностью – песня «I Remember» направлена против полиции, а «Corporate Death Burger» обличает капитализм, – чем своей музыкой. Заряженные тестостероном «Black Flag», в свою очередь, взяли грубую прямоту «Ramones», добавили более разнообразные ритмические структуры и наложили поверх всего этого резкие тексты, посвященные темам отчуждения, одиночества и паранойи. Альбом 1981 года «Damaged» – это исходная точка американского панк-рока: агрессия их мелодий вскоре перешла в драки на

концертах. Согласно популярной легенде, первой песней на кассете, которую Базз дал Курту, была апокрифическая «Damaged II», на которой вокалист Генри Роллинс[29] кричал: «I'm confused / I'm confused / Don't want to be confused» («Я смущен, / Я смущен, / Я не хочу смущаться»).

– В случае с «Melvins» критически важным становится контекст, – объясняет Доун Андерсон, редактор фэнзина «Бэклэш», выходившего в Сиэтле. – В 1980-е годы рок был очень непопулярен, и многие из нас считали это очень крутым – что эти парни хотят забыть обо всем на свете и играть рок безо всякого смущения. На их первых концертах рядом со мной всегда стоял какой-нибудь хипстер и жаловался: «Я не могу понять, они всерьез это или нет!» Они дали всем им просраться.

Я тусовалась вместе с ними раз или два, – продолжает она. – С Баззом мы сошлись на почве нашей общей любви к рестлингу. Я была девочкой из пригорода, слушавшей хеви-метал, и я никогда не общалась с таким количеством людей, с которыми можно было обсудить подобные вещи. Помню, на одной вечеринке Мэтт Люкин чуть не взорвал мой дом. «А, так это настоящий динамит? Прошу прощения». Чуть позже, пролив апельсиновый сок, он встал на четвереньки и слизал его с моего коврика. Каждую девушку, заходившую комнату, он очаровывал словами: «Это у тебя голова или тебе кто-то насрал на плечи?» Мне он казался замечательным.

– «Melvins» были абердинскими парнями, которые постоянно ходили на концерты хардкор-команд в городе [Сиэтл], – объясняет гитарист «Mudhoney» Стив Тернер. – Мы их заметили, потому что больше они никуда не ходили, но выглядели они как все остальные: короткая стрижка, кеды «Конверс» или «Вэнс». У Мэтта были крашеные волосы. Главной хардкор-группой считалась «The Accused», но «Melvins» были быстрее и жестче. Потом все начали играть другую музыку… и они были в этом первыми. Они изменились под влиянием «Black Flag». «Black Flag» были просто суперзвездами.

«Black Flag» стали играть более медленную музыку – особенно на альбоме «My War» (1984), – «Melvins» тоже стали играть медленнее. Но затем довели эту тенденцию до предела: невероятно плотный, грязный грайнд пробивного альбома «Gluey Porch Treatments» (1987) стал источником возникновения нового музыкального направления – гранжа.

Величайшая поп-музыка всегда одноразовая. Послушал какое-то время и выкинул. Я понимаю музыкантов, им неприятно это слышать, но критики слишком долго щадили их чувства. У

многих групп бывает всего лишь одна хорошая идея, а у большинства и одной-то нет. Остаток своей музыкальной карьеры они проводят, безуспешно пытаясь поймать то вдохновение, которое посетило их вначале. А как вы думаете, почему так много музыкантов начинают чрезмерно пить и употреблять наркотики через пару лет после начала карьеры? Потому что по-другому они уже чувствовать не могут.

Я люблю «Melvins» за то, что они громкие, прямые и первобытные. Вот и все. У них есть одна идея, и они от нее не отклоняются. Они просто хотят отрываться – и делают это, не заботясь о том, чтобы угодить чьим-то вкусам, добиться определенного уровня продаж или остаться в истории. Это настоящий гранж.

Когда они вместе, «Melvins» обладают даром замедлять время – кажется, что каждая нота длится вечность. Без сомнения, это очень хорошо, хотя бы потому, что жизнь уж слишком коротка.

На «Melvins» обратили внимание, поскольку их слушала «Nirvana», но и без этого они добились бы культового статуса. Такие целенаправленные группы всегда становятся культовыми. Даже самым яростным противникам приходится признавать оригинальность их цели. С помощью своего безжалостного грайндкора «Melvins» смогли объединить парней из Абердина, которые чувствовали себя отверженными в среде ровесников. Каждый хочет быть особенным, и если это значит, что ты слушаешь группу, которую понимают немногие, – тем лучше.

В 80-е годы, пока Люкин еще не ушел из группы, «Melvins» пугали и смущали хардкор-панк-команды, играя даже более тяжелые последовательности аккордов, чем «Flipper». Не выпендривались, будто на витрине музыкального магазина; это было скорее похоже на Джеймса Брауна или Теда Ньюджента – все играют одно и то же; вся музыка это один большой мощный рифф. Дэйл Кровер бил по барабанам так сильно, что на сцену он выходил в одних трусах и садовых перчатках.

– Это не было ни на что похоже, – объясняет ударник «Mudhoney» Дэн Питерс. – Они давали прекрасные концерты – Мэтт выкладывался на полную, Базз зажигал на все сто, а Дэйл сидел за своей залатанной ударной установкой – казалось, она держалась на честном слове. Они носили жилеты «Левис» с меховыми воротниками. Чем-то они меня зацепили. Когда Мэтт присоединился к «Mudhoney», я чуть не обосрался. Марк и Стив были тогда еще в «Green River», и я думал: «А, похрен», но в то же время я думал: «Зато я буду играть в одной группе с чуваком из „Melvins“!»[30]

– Первая репетиция с Мэттом была просто потрясающей, –

продолжает Питерс. – Мне было двадцать, и я все еще не мог покупать пиво. Мэтт пришел со своим дружком. Мы им сказали: «Пойдемте в магазин и купим немного пива до репетиции». Мэтт ответил: «Неплохая идея, – схватил пол-ящика пива и сказал: – Себе я взял». Я ответил: «Ну, мне еще не положено по возрасту, но я возьму одну бутылочку».

В Америке возраст, когда разрешается водить машину и воевать за свою страну, наступает намного раньше, чем возраст, когда можно пить алкогольные напитки в общественных местах. Поддельные паспорта – это стиль жизни. Данное ограничение оказывает непосредственное влияние на рок-концерты – большинство выступлений проходит в барах, куда не допускаются лица, не достигшие 21 года. Именно поэтому появились концерты, не имевшие возрастных ограничений, в защиту которых выступали «Fugazi» и «Beat Happening».

– Когда я впервые увидел «Melvins», я был просто потрясен, – говорит Том Хэйзелмайер, глава звукозаписывающей компании «Amphetamine Reptile records». Лейбл из Миннеаполиса стал пристанищем сумасшедшего цирка в 1990-е годы: вокалисты втыкали себе в задницу огромные распятия, распевая о спасении и серийных убийствах; талант шоумена был не менее важен, чем умение играть. Среди наиболее известных групп, записывавшихся на «AmRep»: «Helmet»[31], «Cows»[32] и похотливые «Nashville Pussy».

Это было в Сиэтле, в 1984 году, – продолжает Том. – На концерте должны были выступать друзья из родного города – «Hűsker Dű»[33]. Внезапно начинает играть первая команда, «Melvins». Что за черт! Они делали то же самое, что и сейчас, только на скорости, с которой играют хардкор-команды. Это было настоящим безумием.

«Melvins» сыграли важную роль в становлении «Nirvana». Их влияние можно проследить вплоть до более поздних импровизационных номеров «Nirvana» вроде «Endless Nameless» – трио просто брало рифф и играло его до бесконечности. Что более важно, именно благодаря «Melvins» Курт познакомился со своим будущим басистом, долговязым парнем из Абердина по имени Крист Новоселич.

– Одна из моих первых встреч с Кристом состоялась в хижине Боба Уитакера[34] на вашингтонском побережье, – вспоминает фотограф из Сиэтла Чарлз Питерсон. – Мы разожгли костер на пляже, Крист выпил добрую половину бутылки виски. С каждым глотком избавлялся от одной детали одежды. К концу вечера он

бегал голым по пляжу туда и обратно. Мы же все были очень тепло одеты. Мне было очень холодно. А он орал «аааааа», бегал по пляжу и пел.

Я: Как бы ты описала Криста?

– Он все время дурачился, – отвечает Келли Кэнэри, экс-вокалистка женской хаотической группы «Dickless» из Сиэтла. – В то время он был просто крупным высоким парнем, который постоянно падал. Этакий Чеви Чейз от гранжа.

Крист Антони Новоселич родился 16 мая 1965 года в городе Комптон, штат Калифорния. Он стал первенцем в семье эмигрантов из Хорватии Криста и Марии.

В 1955 году Крист Новоселич-старший бежал из родной деревни Вели-Из[35], спасаясь от коммунистического режима маршала Тито. В компании еще трех людей 17-летний Новоселич прошагал 74 мили вверх по побережью Адриатического моря. Четыре дня спустя беглецы достигли итальянского Триеста, где их на три месяца посадили в тюрьму. Следующие шесть месяцев Новоселича держали в лагере для беженцев, после чего он устроился на работу на буксирное судно, ходившее по Рейну; шесть лет спустя он оказался в Америке. Пожив какое-то время на Восточном побережье, Крист-старший занялся ловлей рыбы и морепродуктов (тунец, макрель, лосось, кальмары). Вскоре он переехал в Гардену (штат Калифорния), где устроился водителем грузовика и развозил минеральную воду «Спарклетс». Год спустя к нему приехала Мария.

После рождения Криста у пары появилось еще два ребенка, Роберт и Диана. До 13 лет братья общались только друг с другом и вскоре начали устраивать акты вандализма. «Мы с Робертом были вроде как большими мальчиками, но часто попадали в передряги, – рассказывал Крист Майклу Азерраду. – Резали шины у автомобилей, всякое такое. Папа только порол нас, потому что других методов воспитания он не знал. Мы его боялись. Но он не издевался над нами. Просто было действие, и было противодействие».

Переезд в 1979 году в Абердин – вызванный повышением цен на жилье в Калифорнии и наличием привлекательной для Новоселича-старшего вакантной должности механика на одном из лесопильных заводов города – не вызвал искренней радости у остальных членов семьи. В Абердине была достаточно большая хорватская диаспора, но по сравнению с Гарденой он казался Кристу каким-то восточноевропейским городком: люди были нетерпимыми, носили старомодные брюки-клеш, а Крист и Роберт предпочитали «Левис» в обтяжку. Абердинские школьники

слушали самые популярные на тот момент команды, а Крист любил «Black Sabbath», «Led Zeppelin» и «Devo»[36]. Семья Новоселичей переехала в дом на холме Синк-Оф-Ми («Думай обо мне»), названный так из-за того, что несколько десятилетий назад на этом месте находилась вывеска с рекламой табачной компании «Think of Me».

Молодой Крист был очень долговязым (197 см) – как будто Джоуи Рамон через несколько поколений – и смотрелся бы белой вороной даже в самом либеральном городе мира. В Абердине он, наверное, выбивался из общего ряда не меньше баллады на альбоме «Black Flag». Курт вспоминал, что видел, как Крист срывал собрания в абердинской школе. Он описывал его как «очень умного, смешного крикуна, над которым все смеялись – хотя он и был умнее их всех».

В провинциальном, маленьком, вечно дождливом Абердине на Криста навалилась депрессия. «Я не ладил со своими сверстниками, – жаловался он. – Они были придурками. И обращались со мной очень плохо».

В июне 1980 года родители Криста, заботясь о душевном состоянии сына, отправили его на какое-то время к родственникам в Хорватию, тогда еще часть Югославии. Там Крист выучился хорватскому языку и даже послушал кое-какие панк-группы – «The Sex Pistols», «Ramones», тамошние команды. Не сказать, чтобы это произвело на него особенное впечатление.

«Отшлифованное, искусственное звучание мейнстримового хеви-метала меня не привлекало, – писал он в своей автобиографической книге под названием „О гранже и правительстве: починим эту демократию“, вышедшей в 2004 году. – В Югославии была хорошая, разнообразная доморощенная музыка. И когда я вернулся в США, я увидел, что панк-року сложно добраться до Абердина – по причине географической изоляции города».

Разочарованный тупостью абердинских школьников, считавших его едва ли не уродом, Крист по возвращении стал много пить и начал курить марихуану. В Абердине даже не знали его настоящего имени – он подписывался «Крис», отчаянно пытаясь стать своим. Он вернулся к имени «Крист» в 1992 году в знак солидарности со своей родной Хорватией, когда в результате самой ужасной и кровавой резни в Европе со времен Второй мировой войны Югославия распалась. И действительно, истоки сегодняшней деятельности Криста по защите прав избирателей и людей, подвергающихся дискриминации, лежат в бурной истории его родной страны.

Проведя несколько месяцев в бесконечных вечеринках, Крист

устроился на работу в «Тако Белл». Он начал копить деньги – в итоге у него набралось достаточно средств на машину, гитару и пару стереодинамиков. Вместе со своим братом Робертом он стал брать уроки игры на гитаре у Уоррена Мэйсона[37], но вскоре бросил их и стал целыми днями просиживать в своей комнате, снимая риффы Би Би Кинга.

Затем он также познакомился с Баззом и Мэттом из «Melvins». Майкл Азеррад приводит в своей книге потрясающую историю о том, как Люкин впервые увидел Криста в «Тако Белл». «Стоит этакий здоровый, высокий неуклюжий парень, – вспоминал Люкин, – и подпевает рождественским песням, игравшим в кафе». Благодаря «Melvins» Крист открыл для себя библию панка, фэнзин «Maximumrockenroll». На его страницах он узнал об активистской деятельности политически ангажированных хардкор-групп вроде отличной команды Иэна Маккея «Minor Threat».

Примерно в это же время Курт впервые узнал о существовании Криста – благодаря Роберту, который пригласил Кобейна в дом Новоселичей. Курт спросил, что это за шум на верхнем этаже. «А, это мой брат, – ответил Роберт. – Он слушает панк-рок».

Я: Расскажи мне о том, как ты впервые услышал о «Nirvana».

– В 80-х, когда я был тинейджером и жил в Сиэтле, я ходил на каждый гребаный концерт, проходивший в тех краях, – начинает Слим Мун, основатель лейбла «kill rock stars»[38], на котором записывались команды движения «Riot Grrrl», и бывший сосед Курта Кобейна. – Плохо это или хорошо – но такой была моя жизнь. «Green River» была самой известной командой в городе, но клевые чуваки вроде нас больше всего любили «Melvins». В 1986 году я узнал о том, что в Такоме и Олимпии есть намного более клевые команды. «Girl Trouble»[39], «Beat Happening», куча других команд…

Все большую популярность в Сиэтле завоевывал хардкор, – продолжает Мун. – Были все эти ранние гранж-группы: люди играли хард-рок, глэм или метал под влиянием непрекращающейся волны панк-музыки из Калифорнии и Техаса. Каждые выходные выступало по четыре хардкор-группы. В клубах Сиэтла, где не было возрастных ограничений, постоянно творился жутчайший слэм. Я практически не встречал людей, которые слушали что-нибудь, кроме хардкора. В Олимпии тоже все танцевали и толкались, но все это было по-дружески. Никто не выставлял локти, обходилось без синяков и порезов; все наскакивали друг на друга, катались по полу – и было волшебное чувство единения.

На склад, где все мы собирались, – под названием «GESCCO»[40] – мы приглашали выступать группы вроде «Melvins». В то же время я стал посещать множество вечеринок. «Melvins» были настоящими богами – если они находились в доме, то все были в курсе. Я отправился как-то на одну вечеринку в «Dude Ranch» со своими друзьями Диланом Карлсоном, Куртом Фланcбергом и его подружкой Трэйси Марандер, которая тогда жила в Такоме. И там был Крист Новоселич. Мы знали Криста, потому что он постоянно возил «Melvins». Он практически выполнял функции их роуди. У него был черно-белый фургон «фольксваген» – если видишь этот фургон, значит, «Melvins» где-то рядом. Была там и толпа парней из Абердина – страшных, долбанутых, жутких лузеров и фриков, которые постоянно ходили по пятам за «Melvins».

Мы с Диланом шли по дороге к дому и спорили о «Big Black»[41], как вдруг я заметил парня, идущего нам навстречу. Я видел его до этого: он постоянно околачивался вместе с «Melvins», причем одет был все время в один и тот же серый тренч. Он сказал: «Мне нравится „Big Black“», и пошел дальше. Сказано это было таким тоном, как будто он понимал – мы считаем его одним из тех лузеров, тусующихся с «Melvins». Он как будто хотел дать нам понять: «Нет, я круче, я слышал о „Big Black“».

Это были первые слова, которые мне сказал Курт.

Следующий раз я видел Курта, насколько я помню, в «GESCCO». У «Melvins» был концерт, и им нужна была группа на разогрев. Базз говорит: «Можно я выступлю со своим сайд-проектом?» По телефону мы не разобрали точно их название, поэтому на каких-то флаерах можно прочитать название «Brown Cow» («Коричневая корова»), а на других – «Brown Towel» («Коричневое полотенце»). По телевидению тогда крутили рекламный ролик, в котором женщина держала в руках полотенце и говорила: «Как можно понять, что полотенце чистое, если оно коричневого цвета?» Но источником названия могла быть и скороговорка «How now brown cow». Я не уверен, что кто-нибудь вообще знал это наверняка – и это было их единственное выступление. Базз играл на гитаре, Курт пел, но не играл. За ударными вроде бы сидел Дэйл… Просто Базз сыграл с одним из этих чокнутых чуваков из Абердина.

У «Melvins» была еще группа под названием «Meltors», они играли каверы песен группы «Mentors»[42]. Вокалистом у них был Крист Новоселич. «Melvins» всегда любили подурачиться подобным образом: играли на разогреве у самих себя или приглашали вокалистами своих друзей.

Мне бы хотелось сказать, что первое выступление Курта было

блестящим. Но я не могу. Я знаю только то, что я это видел. У меня перед глазами картинка того концерта. Большая пустая комната; Курт в тренче; стойки, одолженные в колледже; Базз с маленькой гитарой «Les Paul», на которую была прилеплена такая резиновая штука в форме цветка, как в ванной, чтобы не скользили пальцы; но я не помню музыку. Примерно в это же время мы создали группу вместе с Диланом, Майком Нелсоном[43] и Куртом Флансбергом – под названием «Nisqually Delta Podunk Nightmare».

На первом концерте «Nirvana» я не был. С нами тогда тусовалась Трэйси. Потом появилась новая девчонка, которая работала в кафе, в которое все ходили, – ее звали Тэм Ормунд. Трэйси и Тэм стали лучшими подругами. Однажды я услышал, что и Трэйси, и Тэм по уши влюблены в одного из парней в Абердине, тусовавшихся с «Melvins», – в Курта Кобейна. И та, и другая собирались закрутить с ним роман; поэтому они отправились в Абердин, чтобы пообщаться с Куртом и Кристом.

Я уже долгое время знал Криста как прикольного чувака из компании «Melvins», но с Куртом в то время не был знаком. Я поехал в Абердин посмотреть на новую группу Дэйла Кровера – так мы о них тогда говорили. Команда Дэйла должна была играть на этой вечеринке, потому что его родители уехали из города. В доме было полно страшных людей из Абердина, в основном хеви-металлистов. Ранее тем же днем мы зашли домой к Курту – там был сквот, настолько отвратительный, что мы пробыли буквально пару минут. Я увидел черепах, плавающих в ванной, и подумал: «А где же они тогда моются?» Потом мы пошли по секонд-хендам. Сам концерт был скучным, ужасным – ничего интересного, очередной сайд-проект. Я видел сотни вечеринок, где выступали чьи-то сайд-проекты: типа Дэйл Кровер отлично играет на ударных, а два лузера при нем пинают балду и играют блюзовые гаммы.

С первого же взгляда я понял: это не концерт группы – все просто напиваются, а потом устроят джем-сейшн. Спустя три часа меня это утомило, поэтому мы ушли оттуда и пошли в «Смоук шоп» попить кофе. Потом выступала группа, которая позднее станет «Nirvana». Я практически уверен, что это был их первый концерт, но я на нем не был, потому что устал ждать. Две недели спустя они играли в «Tacoma Community Theatre». Мне кажется, они выступали вместе с нами; тогда они играли под названием «Skid Row»[44].

Я: Каким тогда был Крист?

– Высоким и пьяным.

Я: Были ли у него какие-нибудь особенные привычки?

– Да, он любил залезть на стол и танцевать, пока тот не сломается; или открыть огнетушитель в переполненной комнате, пока все не задохнутся и вечеринка не будет испорчена к черту. Он называл пьяных людей «суками», думал, что это смешно, – но люди от этого бесились. Он так напивался, что вечно устраивал какое-нибудь безобразие. «Melvins» обожали, когда с ними тусовались такие люди – которые выглядели еще глупее их самих.

Глава третья
«Выпуск 1986 года»

Знаете, в чем главная проблема биографа «Nirvana»? Курт любил создавать мифы о самом себе. Это было частью его обаяния. Я вспоминаю, как несколько раз в моем присутствии Курту звонил Майкл Азеррад, автор его биографии; тогда Курт звал нас с Кортни и просил придумать какие-нибудь истории. Курт преувеличивал отдельные факты из своего детства, игнорировал другие, а то и откровенно врал. Часто он таким образом хотел придать дополнительную глубину своим песням: поэтому он рассказывал о том, как жил под мостом в Абердине, – это, мол, нашло отражение в тексте песни «Something In The Way». Правда это или нет – но образ прекрасный[45].

Существует легенда о том, что Курт нашел ружье, продал его и на эти деньги купил свою первую гитару. Любопытно: Курт никогда ничего подобного не рассказывал – но эта ложная информация дала одному журналисту повод поразглагольствовать о пристрастии Курта к вранью. На самом деле Курт заложил оружие и потратил вырученные деньги на усилитель. Ружье он вытащил из реки Уишка, туда его выбросила мать Курта Венди после ссоры со своим вторым мужем Пэтом О'Коннором. Она боялась, что если ружье будет оставаться в доме, то она может застрелить мужа. Так что же купил Курт на вырученные деньги – гитару или усилитель?

И так ли это важно?

Вторая проблема, понятное дело, заключается в том, что Курт мертв. Люди могут свободно манипулировать фактами, подстраивая их под тот образ Курта, который они хотят создать. Он с этим ничего поделать не может. В одной биографии пишут, что его мать была неразборчива в личной жизни и не заботилась о Курте. Но Венди даже не разговаривала с этим журналистом, она отказалась: может быть, он ей таким образом отомстил? По словам самого Курта, его мать была вовсе не такой уж плохой. На самом ли деле Курт убил кошку, как об этом говорят, или это всего лишь одно из проявлений страстного увлечения певца в конце жизни басистом «Sex Pistols» Сидом Вишесом? Речь идет о знаменитой строчке из версии Сида песни «My Way»: «to think – i killed a cat» («подумать только – я убил кошку»). Убийство животных абсолютно не вяжется с характером Курта, но он даже не пытался опровергнуть это утверждение. И на самом ли деле он в 16 лет приставал к «полудебильной» (по его словам) девушке –

руководство школы вызвало полицию, когда пожаловался ее отец, – или он просто преувеличил небольшой инцидент в своем дневнике? Человек может писать неправду и в дневнике.

Рок-звезды и актеры – или их менеджеры и промоутеры – всегда создавали мифы для придания большего обаяния образу: идет ли речь об уменьшении реального возраста певца на один-два года или о придании романтического флера скучному и заурядному детству. Курт был не первым человеком, кто выдумывал свое прошлое. Боб Дилан, Джим Моррисон, Кит Мун – все они дела ли это. Так принято.

Никогда не позволяйте правде портить хорошую историю.

В декабре 1982 года Курт пришел с гитарой в дом своей тетушки Мэри в Сиэтле, куда она переехала после свадьбы, – с помощью ее бас-гитары, пары ложек и чемодана[46] была сделана первая запись Курта. Звук получился убогим[47]. «Я помню только жуткий дисторшн гитары, реально тяжелый бас и щелкающие звуки деревянных ложек, – рассказывала Мэри журналистке из „Голдмайн“ Джиллиан Дж. Гаар. – Его голос звучал будто из-под одеяла; изредка он громко кричал. Это было очень однообразно». Мэри позднее рассказывала, что она предложила ему воспользоваться ее драм-машиной. «Я хочу, чтобы звук был настоящим», – возразил он.

Курт назвал эту запись «Organised Confusion» («Упорядоченный хаос») – эти же слова он позднее напишет на одной из своих самодельных панковских футболок.

Мэри Эрл выступала в ночных клубах, поэтому свое оборудование она часто оставляла в углу столовой. «Курту было около десяти, когда он первый раз спросил, можно ли ему поиграть на моей гитаре и посидеть за микрофоном, – говорит она. – Я плохо помню, как он пел и играл, но он очень осторожно обращался с аппаратурой».

Вскоре у Курта появилась сильнейшее желание создать группу, подогреваемое в том числе и мечтами о расплате.

«Когда мне было двенадцать, – рассказывал он мне в 1992 году, – я хотел быть звездой рок-н-ролла. Я думал, что тогда я покажу всем этим кретинам, которым всегда доставались девушки. Девушки тогда даже не смотрели на меня, как минимум пока мне не исполнилось пятнадцать. Я считал, что, если стану рок-звездой, все девушки будут моими. Но еще до того, как стать рок-звездой, играя панк-рок, я понял, что это тупость. Просто я тогда был придурком».

Потребовалось время, чтобы обнаружить верный способ реализации своих талантов. Сначала Курт пробовался в

«Melvins» – неудачно. В это же время он начал писать собственные песни – «Wattage In The Cottage», «Ode To Beau» (в этой песне Кобейн подшучивал над одноклассником, который покончил жизнь самоубийством) и «Diamond Dave».

В апреле 1984 года Курт потерял девственность – случайно, как это часто бывает с подростками. Отчим постоянно хвастался перед ним своими сексуальными подвигами в «его-то возрасте» и говорил, что Курт, наверное, «педик». Курт снял двух девчонок на вечеринке и привел их домой. Одна, напившись, вырубилась тут же. Другая, Джеки Хагара (чей парень сидел в тюрьме), разделась и легла в постель к Курту. Именно в этот момент в комнату зашла мама и бесцеремонно вышвырнула подростков на улицу, где шел проливной дождь. Троица отправилась в дом к подруге Джеки – как только они пришли, тут же объявился парень Джеки. (Звучит неправдоподобно? Это же миф!) В итоге Курт переспал с подругой Джеки.

По возвращении он обнаружил, что мать не желает его видеть: вещи Курта были уложены в мешки для мусора. Следующие четыре месяца он ночевал то у своих друзей, то в картонной коробке на крыльце Дэйла Кровера (там часто репетировали и «Melvins»), то в подъездах жилых домов в Абердине. Он даже вернулся в место своего рождения, больницу Грейс-Харбор, где вырубился в приемной вместе со своим другом. Потом он приехал к своему отцу в Монтесано; Дон убедил Курта поговорить с вербовщиком ВМФ – они хотя бы дают кров и еду. Курт поговорил, но после этого отказывался от встреч с военными.

Говорили, что Курт заигрывал с религией, следуя примеру своего друга Джесси Рида, чьи родители Дэйв и Этель были убежденными христианами[48]. Как бы то ни было, осенью того года Курт переехал в просторный дом Ридов в Норт-Ривере.

Дэйв не был похож на христианского наставника молодежи. На протяжении 20 лет он увлекался гаражным роком; он играл на саксофоне в культовой группе 60-х «Beachcombers»[49]; и, к большому удовольствию Курта, дома у них было множество музыкальных инструментов. Правда, вскоре стало очевидно, что пользы от этого никакой – Курт пропускал уроки и вместо этого курил травку, и в мае 1985 года его к тому же выгнали из школы – таким образом была похоронена и идея о художественной стипендии. Курт плохо влиял на впечатлительного Джесси, подговаривая его не ходить в школу. Дэйв Рид устроил Курта посудомойщиком, но долго юноша там не продержался.

Именно дома у Ридов Курт впервые играл с Кристом: ничего особенного, несколько скверных металлических риффов и

парочка безыскусных песен Кобейна – просто Курт, Крист и Джесси валяли дурака…[50]

Крист Новоселич закончил школу в 1983 году, спустя несколько месяцев после знакомства со своей будущей женой Шелли Дилли. Они впервые пересеклись, когда Крист услышал, как она восторженно отзывалась об альбоме «Sex Pistols» «Never Mind The Bollocks», – в то время Новоселич ей запомнился как «штатный клоун в классе, всегда с шуточкой наготове». Вскоре Шелли ушла из школы и стала работать в «Макдоналдсе», а Крист устроился на работу в компанию «Фостер пэйнтинг».

После того как Крист окончил школу, его родители развелись. Примерно в это же время на нижнюю челюсть ему надели брекеты на шесть недель – для исправления недостаточного прикуса. Люкин вспоминает, как он зашел к Кристу в день операции. «У него все лицо распухло, – рассказывал он Майклу Азерраду, – как у толстого азиатского ребенка. Он был похож на человека-слона». «Вот суки», – кричал Крист, выйдя из забытья после наркоза. В марте 1985 года Крист и Шелли уже встречались – его уволили из «Фостер пэйнтинг», и со временем он переехал к Шелли; у нее не было ни телефона, ни телевизора, вся мебель куплена в секонд-хендах. В декабре они уже жили в более просторном, но еще более запущенном доме, в следующем марте отправились на поиски работы в Финикс, штат Аризона, и, в конце концов, обосновались в Хокуэме, в квартире над гаражом, – тогда они решили стать вегетарианцами.

В это время Курта вышвырнули из дома Ридов после случая, когда он забыл ключи и, чтобы попасть в дом, то ли разбил окно, то ли вышиб ногой дверь. И снова Курт остался без крова. 1 июня 1985 года он переехал в квартиру в Абердине вместе с Джесси Ридом, где продолжал писать песни («Spam», «The Class Of ’85»). Квартира была маленькой, с розовыми стенами и изуродованной надувной куклой в окне; там они брызгались пеной для бритья и рисовали на стенах. Ходили даже слухи об украденных кладбищенских крестах.

Позднее участники «Nirvana» с удовольствием будут говорить о своей тогдашней репутации фриков.

– В нашем родном городе нас заклеймили сатанистами, – рассказывал мне Крист в 1990 году. – Как-то в нашу дверь постучала одна девочка – она искала потерянный бумажник, – и сказала: «Знаете, что остальные ребята говорили мне про вас? „Не ходи туда, они поклоняются дьяволу“». Поэтому никто из этих деревенщин к нам никогда не приставал. Мы не подтверждали, но и не опровергали слухи о том, что мы сатанисты.

Может быть, дело было в тех осквернённых кладбищенских крестах, похороненных в нашем дворе? – добавлял в том же интервью Курт, смеясь. – Но в то время, чтобы вас сочли не таким, как все, не требовалось делать вообще ничего. Можно было просто принять побольше кислоты.

Местный шериф попросил их убрать из окна куклу; более серьезное столкновение с законом случилось этим же летом: Курта поймали, когда он писал красным маркером на стене банка «Си ферст» слова «Не знаю, как его там». У него сняли отпечатки пальцев, взяли штраф 180 долларов и дали условный срок 30 дней.

«Курт был поистине творческим человеком, настоящим художником, – писал Крист в своей автобиографии. – Когда я с ним познакомился, он только устроился на работу и обзавелся жильем. Это было настоящее прибежище искусства и безумия. Он пытался своими руками сделать гелевый светильник из воска и растительного масла (ничего не получилось). Он разрисовывал стены в подъезде своего дома очень непристойными картинками про Скуби Ду. Он делал совершенно дикие нарезки со странных аудиозаписей. Он лепил из глины страшных людей, бившихся в агонии. Он играл на гитаре, пел и писал великие мелодии – они были ни на что не похожи. Курт скептически относился к миру. Часами просиживая у телевизора, он создавал видеонарезки, зло критиковавшие популярную культуру».

Какое-то время Курт работал в двух местах: уборщиком в абердинской школе – там он носил коричневый комбинезон; и инструктором по плаванию для детей в местной ассоциации христианской молодежи[51]. На работах этих он продержался недолго, как и в квартире – спустя три месяца Джесси пошел служить во флот. Курт продержался до конца осени. Затем, оказавшись без работы и без жилья, он уговорил Шиллингеров пустить его к себе. Отец Ламонт преподавал английский в школе, а сын Стив слушал хевиметал и любил отрываться до упаду – он обратил на Курта внимание после того, как тот начирикал «Mötorhead»[52] на своем портфеле. Курт переехал к ним зимой 1985 года и спал на их диване следующие восемь месяцев.

У Шиллингеров было шестеро детей, и они привыкли к тому, что у них живут ребята, сбежавшие из дома. Обычно обеспокоенные родители звонили, переживая за своего ребенка: Венди и Дон не объявились. «Курт держал свой спальник за диваном, – рассказывал в одном интервью Ламонт Шиллингер, – и помогал по дому наравне со всеми. Насколько мне известно, ни его мать, ни отчим не сделали ни единой попытки связаться с нами за все время». Брат Стива Эрик играл на гитаре, и они

джемовали с Куртом, играя песни «Iron Maiden» при помощи семейного музыкального центра.

В декабре 1985 года Курт создал группу «Fecal Matter» – на басу играл барабанщик «Melvins» Дэйл Кровер, за ударными сидел Грег Хокансон. Они играли собственные песни, и – в зависимости от того, какая история вам нравится больше, – они либо выступили, либо не выступили однажды на разогреве у «Melvins», на концерте в пляжном баре в Моклипс. Хокансон вскоре ушел, поэтому Кобейн с Кровером отправились на голубой «импале» Люкина в Сиэтл – записывать демо-альбом на четырехполосном магнитофоне «TEAC» тети Мэри.

Кровер играл на ударных – запись была закончена в течение двух дней. Были записаны ранние версии песен «Spank Thru» и «Downer», а также треки «Sound Of Dentage», «Laminated Effect», «Bambi Slaughter», «Class Of ’86», «Blathers Log Dinstramental» и несколько номеров без названия. Сведения о том, что тогда был сделан трек «Suicide Samurai», ошибочны. «Была одна песня, которую он не записал во время той сессии, – отмечала тетя Мэри в документальном фильме „Курт и Кортни“. – Она называлась „Seaside Suicide“ (sic), и, познакомившись с ней, я не могла отделаться от мысли, что он сам пытался покончить жизнь самоубийством».

Все это было записано на кассеты и названо «Illiteracy Will Prevail». На обложке красовался рисунок, сделанный Кобейном: мухи, летающие вокруг кучи дерьма. Это служило иллюстрацией строчек из песни «Class Of ’86» («Выпуск 1986 года»): «Мы все одинаковы, / Просто мухи над дерьмом». Вскоре группа распалась, хотя через какое-то время собралась вновь в другом составе: на басу играл Осборн, а за ударными был барабанщик из первого состава «Melvins» Майк Диллард.

В это время Курт – которому наскучила жизнь в Абердине, жизнь, которая шла в никуда, – начал заниматься мелким вандализмом, подогреваемым альбомом группы «Bad Brains» «Rock For Light» и регулярным употреблением кислоты.

«Черт, – писал я в журнале „Мелоди мейкер“ в 1991 году, вспоминая те разговоры с Куртом в Пенсильвании, когда мы плевали на коммерческие радиоинтервью, – ты ведь мне даже рассказывал о своем прошлом в Абердине, как ты от скуки лез на стену, вламывался в чужие дома, переворачивал там все вверх дном: ничего не крал, просто крушил все, разрисовывал стены, ломал мебель, разбивал сувениры – просто, чтобы развеять скуку, словить кайф. Как по мне – отдает Джеймсом Дином. Ты говорил о кайфе, который тебе доставляли последствия твоих проделок, возбуждении от противостояния целой куче озлобленных

представителей власти».

Заполучив в лице Стива Шиллингера преданного поклонника, Курт сменил граффити «Pink Floyd» на «Black Flag» и разрисовал таким образом множество зданий в Абердине. Он хвастался перед Стивом, что будет играть в группе «круче „U2“ и „R.E.M.“», и продолжал снимать немые фильмы на 8-миллиметровую пленку[53]. Курту нравился рваный меланхоличный поп Майкла Страйпа из «R.E.M.», но, как и все панки, он презирал самоводольных, напыщенных «U2» и считал их глупыми и пафосными, на одном уровне с Брюсом Спрингстином. 18 мая 1986 года Курта поймали на крыше заброшенного здания и обвинили в незаконном проникновении на чужую территорию и употреблении алкоголя (Курт был несовершеннолетним); когда выяснилось, что юноша не заплатил штраф, предписанный после его предыдущего задержания, его посадили в тюрьму. Он провел там восемь дней, не имея возможности выйти под залог.

Курт говорил, что впервые попробовал героин летом 1986 года, уже после опиата перкодана. «Мне было по-настоящему страшно, – рассказывал он Азерраду. – Я всегда хотел это сделать – и знал, что в конце концов сделаю». По другим версиям, музыкант подсел на наркотик примерно в 1990 году[54]. Частично Курта привлекало в героине то, что он был запрещен; также говорили, что он дарует тотальную эйфорию, а молодой музыкант искал тогда новых ощущений, новых наркотиков; но большей частью его привлекало грязное обаяние героина, связанное с рок-звездами вроде Игги Попа. Курт говорил, что тогда он думал, будто ничего опасного в употреблении героина нет – в Абердине его было трудно достать, и поэтому не было никаких шансов, что он приобретет зависимость.

Я: Какой вред героин наносит людям?

Джеймс Бердишоу [ныне не существующая гранж-группа «Cat Butt»[55]]: О боже… У Джона Спенсера[56] есть строчка: «You look like a vampire» *(*«Ты похож на вампира»). Речь о близком человеке, у которого есть одна очень плохая привычка. Это примерно то же самое. Как будто вас заразили странным заболеванием крови. Вы превращаетесь в ночное животное, доза героина становится главной целью в жизни. Это занимает все ваши мысли: не важно, что вы говорите, делаете, как вы себе ведете – вы думаете только о героине, о том, чтобы вколоть его себе, – и когда вы этого добиваетесь, вам плевать на всех и все, вы просто кайфуете, вы в полном отрубе.

Я: Вы принимали героин?

– Да.

Я: Вы можете описать ощущения, которые испытывали под кайфом?

– Это не похоже на состояние после принятия галлюциногенов – когда в башке творится черт знает что, начинаешь думать о том, как отец тебя бил или как все окружающие прекрасны. Наступает чувство отупения, онемения.

Я: У героина чудовищная репутация – и тем не менее люди его принимают. Почему?

– В этом часть его привлекательности. Чувство опасности, неизведанного… Сначала было слегка страшно от самой мысли воткнуть иголку себе в руку и впрыснуть какую-то жидкость. Но потом по молодости страх проходит. Вы одержимы идеей принимать то же, что принимают ваши кумиры. Некоторые наркоманы это отрицают, но это фигня. Когда вы молоды и глупы, вы бездумно следуете своим кумирам, и я думаю, что если вы слушаете Лу Рида, Джона Леннона, «Rolling Stones», Джона Колтрейна, Джонни Тандерса, Сида Вишеса, Рэя Чарлза и так далее (список можно продолжать до бесконечности) и не принимаете наркотиков, не проходите этот обряд инициации, то вы вроде уже и не при делах.

Я: Почему так получилось, что Сиэтл стойко ассоциируется с наркотиками?

– До того, как героин обрел свою популярность и множество людей, записывавшихся на «Sub Pop Records», стали его принимать, выбор сводился к MDMA, психоделикам и экстази. Вот чем закидывались подростки, но крутые пацаны кололи героин, поэтому всем сразу стало интересно. Те, кто в 1986 году и подумать не мог об этом том, уже в следующем году считали, что героин – это круто. Друзья влияли на друзей. Курт был одним из последних, кто попробовал героин. Кроме него все уже кололись. Когда я с Куртом познакомился, он курил травку, бухал. Единственная причина, по которой он, я думаю, влюбился в героин – это его жизнь в Абердине. Ему нужно было забвение. А если влюбляешься в забвение… пиши пропало.

После того, как Курт начал употреблять наркотики, у него еще больше усилились паранойя и злоба. Он стал более нервным: он хрустел костяшками пальцев, царапал лицо. Он стал думать, что все вокруг что-то против него замышляют – соответствовало это действительности или нет. Он стал еще более недоверчивым к «посторонним» (забавно, учитывая общее отношение жителей его города к остальному миру) и все больше уходил в свою музыку и опиаты.

Изгнание певца из дома Шиллингеров в августе 1986 года

было неизбежным. Ситуация накалилась после поистине ожесточенной схватки с Эриком и Стивом. На следующее утро Курт дал Стиву 10 долларов, чтобы тот отвез его вещи в дом Дэйла Кровера. И снова Курт оказался на улице. Следующий месяц он днем спал в библиотеке, а по ночам вламывался к своим друзьям. Иногда он ночевал в фургончике Криста и Шелли, иногда в доме своей матери – без ее ведома, когда она была на работе, иногда в комнате над парикмахерской матери Криста.

В сентябре того года Курт выпросил у матери 200 долларов в долг – он смог заплатить депозит и месячный взнос за проживание по адресу: Абердин, Ист-Секонд-стрит, 1000 1/2 («лачуга»). Дом был полной развалиной – Курт переехал туда вместе с Мэттом Люкином; повсюду стоял запах протухшей пищи и скисшего пива. К счастью, Люкин был хорошим плотником. Они просверлили дырку в полу под ванной Курта для черепашек – прямо в центре гостиной, – чтобы грязная вода утекала вниз. Конструкция была не очень надежной: вода просто собиралась в стоячие лужи под домом.

Тот факт, что Курт жил с одним из «Melvins», означал, что ему придется постоянно тусоваться и играть и с самой группой, и с постоянным кругом ее приспешников. «Лачуга» приобрела репутацию чуть ли не ночного клуба.

Курт устроился уборщиком в отель «Полинезиан» в Оушн-Шорз. Он был не самым ответственным работником: частенько он валялся на кровати в каком-нибудь из номеров, мечтая о том дне, когда у него будет собственная рок-группа и он отомстит всем, кто относится к нему как к грязи под ногами.

– Абердин – это ужасное место, бесцветное и пресное, – говорит бывшая совладелица «K records» Кэндис Педерсен. – Сначала мы забирали Дэйла и Базза – они работали в Монтесано; потом мы ехали к Курту и Мэтту. Странно, но там никогда не было девушек. Они встречались с девушками, но не ходили с ними на вечеринки. И вот мы шли на эти вечеринки, которые были не похожи на вечеринки – люди просто сидели и пили пиво. Мы были там единственными девушками: только у одного из ребят была постоянная девушка – Шелли. Многие в Абердине считали нас долбанутыми.

Вернемся к «Skid Row», группе, которую Курт основал вместе с Кристом…

– «Skid Row» – это была очень крутая группа, – говорит Слим Мун. – Я считал их песни просто отличными. Они играли тяжелую музыку. Курт наряжался по полной – даже надевал туфли на платформе, словно пародируя всех этих глэм-рокеров.

Вы должны помнить, что это был 1987 год – пик популярности «Guns N' Roses» и «Poison». Основу их песен составляли риффы. Они долго-долго играли один рифф, Курт орал в микрофон, затем бросал гитару и начинал баловаться с цифровой задержкой и издавать какие-то дикие звуки вместо гитарного соло, затем опять брал гитару и продолжал играть рифф и орать в микрофон. Уже тогда он был шоуменом.

С ними играл Дэйл Кровер, а он был самым тяжелым ударником на свете, поэтому у них все получалось классно, если они строили песню так: рифф – соло – рифф – концовка. Их песни строились не по принципу: куплет – припев – куплет; они состояли из риффов – это были незаконченные вещи.

Вскоре после этого в клуб «GESCCO» пришло уведомление от колледжа Эвергрин[57], что поскольку страховка не покрывает внекампусную деятельность, то они сокращают наше финансирование. Мы получили это извещение за четыре дня, поэтому я быстро организовал концерт и поставил играть группу из Такомы, свою группу «Nisqually Delta Podunk Nightmare» и «Skid Row». Крист был пьян и ничего не соображал, «Skid Row» не хотели пускать на сцену. Мы опротестовали это решение, выдвинув три контраргумента: это реально крутая группа: мы успокоим Криста, и… какая разница? Это последний концерт. Что может случиться, если он что-нибудь натворит, – нас закроют? Они сыграли, и все произошло именно так, как я и говорил. А потом у «Nirvana» было так много концертов, что я и не вспомню, в какой последовательности они шли.

Глава четвертая
«Приятный звук, полумертвый город»

Gentle sound
half-fi nished town… drinking water from wells
Watching shows, kiss and tell
Walk down the railroad tracks
Never look back
(Приятный звук,
полумертвый город…
Пьешь воду из колодцев,
ходишь на концерты, целуешься, болтаешь,
гуляешь по железнодорожным путям,
никогда не оглядываешься назад).

«Olympia», «The Legend!», 2000

На первый взгляд, Олимпия, штат Вашингтон, – не самое красивое место на земле.

Конечно, отсюда виден Капитолий штата, там, на холме, – впечатляющий купол и белые колонны; старые железнодорожные пути, ведущие к красивым рощам парка Прист-Пойнт; деревянные домики, никаких бордюров или оград – один заброшенный сад переходит в другой; пришвартованные лодки и тротуары рядом с магазином натуральных продуктов; квартиры, где живут меломаны-панкеры, которым для вечеринки не требуется даже алкоголь – только хорошая музыка (хотя алкоголь тоже не повредит); крошечный парк рядом с кофейней «Старбакс» и ее заброшенной эстрадой; обваливающийся кинотеатр «Кэпитол»; доки; грязные берега рек; соборы, в которых не служат мессы, а работают независимые лейблы; колледж Эвергрин-Стейт высоко в холмах с его мрачной бетонной архитектурой и ухоженными лужайками – родина радио «KAOS».

Конечно, все это есть.

Но нужно узнать город получше, чтобы понять его, – отыскать дома, где абсолютно спонтанно устраиваются вечеринки и где до сих пор выступают искренние музыканты-одиночки; рабочие клубы, в которых проводят андеграундные рок-фестивали; бары хипстеров и ночные попойки работяг – невероятное количество

музыки и искусства не для всех.

Сойдя с грейхаундского автобуса – два часа по трассе номер 5 из Сиэтла, через гору Ренье, остановка в Такоме и Форт-Льюисе, – вы оказываетесь в тесном, маленьком здании, где повсюду снуют понурые люди. Экономическое положение Олимпии не ахти: все работают либо в Сиэтле, либо на расположенном неподалеку заводе «Боинг» – мало резонов оставаться в городе, если вы не студент или музыкант. Не благоприятствует туризму и погода: всегда идет дождь; а если дождя нет – облачно. Магазины знавали лучшие времена, а в последние годы центр города заполонили бродяги: власти Такомы и Абердина слишком бедны, чтобы бороться с этим; власти Сиэтла – слишком богаты. За пределами центра города – четырех кварталов – нет ни души. Временами Олимпия напоминает город из фильма «Назад в будущее».

Напротив автобусной станции – отель «Раманда», где по слухам жила Мадонна, когда давала здесь концерт в «Tacome Dome». Никому бы и в голову не пришло искать ее здесь. Мы отправляемся на поиски штаб-квартиры «К», проходим мимо гостиницы «У Мартина», где когда-то жил основатель «K records» и фронтмен группы «Beat Happening» Кэлвин Джонсон, а также многие местные музыканты и художники, например, Тоби Вэйл, Эл Ларсен, Никки Макклюр, Лоис Маффео, Стелла Маррс, Кэтлин Ханна, Кэндис Педерсен… по большому счету, практически все члены нового движения «Riot Grrrl», начало которому было положено после международного фестиваля андеграундной музыки, прошедшего в Олимпии в 1991 году. Тоби съехала оттуда одной из последних – после землетрясения в 2001 году, повредившего фундамент здания.

Мы спускаемся по Стейт-стрит вдоль старых трамвайных путей к большому складу – здесь обретается «К». В нижнем этаже – большая комната, заваленная компакт-дисками, винилами и футболками инди-групп. Наверху – несколько пустоватых офисов и огромный холл: звукозаписывающая студия «Dub Narcotic» – именно здесь Кэлвин записал большую часть своих клиентов, от «Jon Spencer Blues Explosion» и «The Gossip» до… Пожалуй, если «The White Stripes» тут не записывались – это большая оплошность со стороны Джека Уайта.

А в центре города, в офисе лейбла «kill rock stars», Тоби Вэйл взвешивает коробки с товарами, которые нужно куда-то отправить. Планировка офиса открытая – поэтому отовсюду видна площадка, заставленная до потолка дисками и винилами. Через весь потолок тянутся круговые металлические трубы. За одним компьютером сидит сестра Тоби Мэгги с овчаркой Джексоном и слушает по радио «Ramones»; владелец лейбла Слим

Мун сидит за одним из соседних столов и договаривается с каким-то парнем пойти на баскетбол. Парочка музыкантов и стажеров беззлобно ругаются. Кто-то собирается сбегать за пивом: мы хватаемся за голову и издаем тяжкий стон – прошлая ночь была настоящей вакханалией.

В этом городе 15 лет назад Курт Кобейн получил свои первые уроки «крутого» панк-рока. Я уверен, что здесь мало что изменилось.

– Я переехал в Олимпию из Киркленда в 1987 году, начал здесь изучать политику и философию, – рассказывал Иэн Дикинсон, бывший компьютерный специалист «Sub Pop records». – В Эвергрине нет степеней. Просто заканчиваешь обучение, как только получаешь нужное количество зачетов. Я любил музыку, любил читать газету «Рокет», особенно колонку Брюса Пэвитта о местных группах.

«Рокет» – газета о музыке, издававшаяся в Сиэтле с 1979 года; тогда она была приложением к газете «Сиэтл сан». Формально она посвящалась музыкантам тихоокеанского побережья Северо-Запада, но славилась статьями о музыкантах из других городов: например, в годы первого расцвета гранжа на первой полосе был помещен материал о Брюсе Спрингстине.

– Моя подружка Никки [Макклюр] тогда уже жила здесь, – продолжает Иэн. – Ей жутко нравилась рок-музыка, как и мне. Мы обожали «U-Men»[58]. Мне очень нравились «Melvins» и «Sonic Youth», все эти тяжелые группы. Брюс подсадил нас на «Beat Happening», и в школе мы стали переписываться с Кэлвином. Именно так мы узнали о «The Go Team» [группа Кэлвина и Тоби] и таких сборниках, как «Let's Together» и «Let's Kiss»[59]…

Я: Кэлвин писал вам письма?

– О да, он нам отвечал – или это Кэндис писала, от его лица, – смеется Иэн. – В те дни они нам всегда отвечали – на маленьких бланках, на которых был штамп «К».

Я: Что вам нравилось в «К»?

– Сам подход «сделай сам» нам очень импонировал. Было в рок-группах Олимпии нечто такое, что делало их более привлекательными по сравнению с группами из Сиэтла. Даже «Earth», которую принято считать командой из Сиэтла, были на самом деле из Олимпии. «Earth» служила квинтэссенцией эстетики Олимпии, даже больше, чем «Nirvana». На самом деле, «Nirvana», «Earth» и «Beat Happening» – это практически одна и та же группа; о таланте в плане техники говорить не приходится. Все это – грубое, неотшлифованное выражение эмоций.

Многие считают «Earth» одной из лучших групп. Она играла

музыку первобытную, экстремальную, минималистичную и – ГРОМКУЮ. До ужаса. Пробирающую до костей. В середине 90-х «Earth» давала в Англии концерт в составе Дилана Карлсона и Иэна Диксона. За пять минут до начала концерта Дилан подошел к усилителю, включил его и поставил рядом гитару – вскоре аппарат начал жутко фонить. Дилан сел среди публики. Через 45 минут он выключил усилитель – концерт окончен.

Музыка в Сиэтле была больше заряжена тестостероном…

– Это практически противостояние рабочего и среднего классов, – говорит Иэн. – Сиэтл был более рабочим городом. Все здесь сводилось к пиву, наркоте и… металлу. «U-Men» восполнили этот пробел, потому что на них повлияли «Scratch Acid»[60] и «Live Skull»[61] и прочие арт-рок команды. Но большинство групп в Сиэтле играли либо прямолинейный хардкор, либо беспримесный металл. В Олимпии – делали более экспериментальную музыку. Даже плохие группы могли оказаться интересны. Приходишь на концерт и думаешь: «О боже, что они творят?» Кэлвин имел огромное влияние. Если вам не была близка эта эстетика, вам нечего было там делать.

Я: А что это была за эстетика?

– Эстетика группы «The Go Team», – отвечает Иэн. – Я играю песню, затем беру другой инструмент и играю следующую песню. Все играют на всем. Все должны играть на всем. Ты должен сыграть на другом инструменте – прямо сейчас. Хорошо или плохо – не важно. Ты должен выразить себя – каков бы ты ни был.

– «The Go Team» – это четыре человека, которые дрались за место в глубине сцены, – смеется музыкант из Олимпии Эл Ларсен[62].

«Мое понимание музыки целиком опирается на понятие вовлеченности, – объяснял Кэлвин культовому английскому журналу „Кейрлесс ток костс лесс“. – Делать вещи доступными, делать вещи открытыми. Я не говорю „играй на своем инструменте плохо“ – а мои слова именно так часто и передают. Но я имел в виду, что выражение эмоции важнее, чем технические навыки».

В 1985 году я влюбился в «Beat Happening» – из-за голоса Хизер. Из-за ее голоса и картинки на их первом альбоме: кошка на космическом корабле! В группе играли Хизер, Кэлвин и Брет – не было бас-гитары, не было инструментов, четко закрепленных за музыкантами, не было фамилий. Грег Сейдж вмешивался редко. Это по мне. Я всегда ненавидел ненужные шумы, особенно неоправданное использование ударных. В середине 80-х я выходил на сцену и пел а капелла – или с минимальным

аккомпанементом – и чувствовал себя фриком[63]. Было приятно знать, что люди, живущие так далеко от меня, делают музыку, настолько близкую мне.

Глубокий голос Кэлвина и минималистичная манеры игры на гитаре Брета напомнили мне ранних «Cramps». Музыка «Beat Happening» имела очень строгую структуру, которая была одновременно стилизованной и прямой. Многие ошибочно принимали их детскую образность, напоминающую Ричарда Бротигана[64], и сухой юмор за наивность: Курт Кобейн говорил, что он вытатуировал на руке логотип «К» (щит вокруг буквы «К»), потому что это «должно было напоминать о том, что необходимо оставаться ребенком». Тем не менее ничего наивного в способности Кэлвина манипулировать людьми не было. «Beat Happening» шли поперек всех традиций: их музыка была поистине революционной – на поверхности их творчество было очень невинно, хотя на самом деле это было совсем не так. Детские мечты часто имеют темные стороны.

Кэлвин один из трех самых мощных живых исполнителей, которых я видел за всю жизнь[65]. Он напоминает мне Джонни Роттена – у него тот же безумный, сверлящий взгляд, и он тоже стращает публику своей манерой подходить слишком близко. Именно из-за этой манеры его однажды вырубили на разогреве у «Fugazi» – кто-то запустил ему в голову пепельницей.

– Что думает человек, когда первый раз слышит психоделический джаз? – спрашивает Слим Мун. – Он думает: «Это не музыка». То же самое произошло со мной, когда я впервые услышал «Beat Happening». Они были настолько минималистичны, что я подумал: «Им, наверное, лет по двенадцать, они ни черта не понимают, небось только сегодня написали эти песни». Я был реально возмущен. Но моей первой купленной инди-пластинкой стала «Our Secret» [7-дюймовая пластинка «Beat Happening»]. Я пришел в «Fallout Records» [Олимпия] и сказал: «Посоветуйте, что мне купить». Брюс Пэвитт [будущий глава «Sub Pop»], который тогда там работал, предложил мне этот сингл. Мне очень понравилась эта песня Кэлвина. Это было похоже на музыку. Но у меня все равно не укладывалось в голове, что это и есть та отвратительная группа. Когда я в следующий раз был на концерте «Beat Happening», я понял, что у них нет басиста. Тогда я стал понимать язык, на котором они разговаривали, стал понимать их.

– У «Beat Happening» было два лица, – говорит Марк Арм. – Лицо Хизер и лицо Кэлвина. На их концертах было весело, классно, но иногда они могли просто бесить – в зависимости от того, что вы за человек. Люди иногда уходили в страшном

раздражении.

Я: Как вы считаете, Кэлвин имел большое влияние на Курта?

– Я уверен в этом, – отвечает вокалист «Mudhoney».

Я: В чем это проявлялось?

– Его татуировка «К», любовь к Дэниелу Джонстону[66] и «The Raincoats».

Я: Как вы думаете, повлиял ли Кэлвин на Курта как на личность?

– Не знаю. Курт был очень замкнутым. Мы с ним тусовались как два крайних интроверта.

– Я считаю, что аутсайдерство кардинально изменило мою жизнь и укрепило меня в собственных идеях, – говорит Кэлвин. – Суть конфликта не в том, чтобы показать, насколько я круче других людей; я противостою их праву исключить меня, сделать аутсайдером. Я не хочу сказать: «Я крут и могу над вами издеваться, как хочу». Я говорю: «Я делаю то, что хочу. Почему это вас бесит?»

Живя в «лачуге», Курт подпал под влияние Олимпии. Он ездил туда вместе с «Melvins», выполняя – бесплатно – функции их роуди; он носил усилитель Базза, когда те выступали в одном из крошечных районных панк-клубов столицы штата.

Андеграунд в Абердине был очень немногочисленным сообществом; когда Крист в конце концов согласился начать репетировать с Куртом – год спустя после записи кассеты «Fecal Matter», – практически все, кто ходил с длинными волосами, появлялись у них во время репетиций (репетировали они в пустой квартире над парикмахерским салоном мамы Криста). Больше идти было некуда. Кроме них в группе играл еще «какой-то чувак» на барабанах – Боб Макфадден; у них был дешевый микрофон и потрепанный гитарный усилитель – Крист отдал свой Мэтту Люкину, когда тот внес за него залог: Криста посадили после стычки с какими-то гопниками на парковке. Крист и Курт не любили тех, кто околачивался рядом с ними: они пренебрежительно называли их «Haircut 100 Club» – по имени легковесной английской поп-группы того времени.

Тех, кто ошивался в «лачуге», Курт тоже не любил: большинство из них были малолетками, которые хотели выпить и которым не было дела до хозяев дома. Курт же больше налегал на кислоту и травку. «Он постоянно обдалбывался – в любое время дня, – вспоминает Крист. – Это была настоящая жесть».

В начале весны 1987 года Мэтт Люкин ушел из «Melvins» – когда Базз решил завязать с выпивкой и сделать «Melvins» непьющей группой. Мэтт сказал: «Не катит». Позднее Базз в

качестве причины распада команды указывал свой переезд в Калифорнию.

Не ладились и отношения Курта с его другом. Ситуация окончательно накалилась, когда Курт протянул ленту посередине дома и запретил Мэтту переходить эту границу. Увы, туалет был на стороне Курта. Люкин съехал, а его место занял Дилан Карлсон. Карлсон был гением-самоучкой с взъерошенными волосами, нечесаной бородой и устоявшимися взглядами на жизнь. Курт пытался пристроить его укладчиком ковров – ничего не вышло: начальник Курта в отеле в Оушн-Шорз был так пьян, что не смог открыть им дверь. Курт с Диланом стали лучшими друзьями.

– Впервые я встретил Дилана в 1985 году, – вспоминает Рич Дженсен. – Ему, наверное, было лет 13–14. Он был мрачным ребенком. Этакий Уильям Берроуз в детстве – если принимать Берроуза за квинтэссенцию тьмы. Мне казалось, что он родился в деревенской семье, и они держали дома оружие. Он любил повеселиться, но было в нем что-то темное. Мои одноклассники интересовались карбюраторами машин, усилителями, компьютерами и всем таким. Дилан же увлекался оружием, хеви-металом и странными религиями.

– Однажды Дилан обдолбался, – рассказывает Слим Мун, также бывший участник «Earth», – и кроме него никого не было дома. Крист барабанил в дверь, но никто не открывал. Тогда он взобрался на второй этаж – из окна на него смотрели два ствола дробовика. Дилан всегда держал ружье под кроватью. Дилан всегда говорил, что хочет убивать людей: раз у него не получилось стать рок-звездой, то нужно стать серийным убийцей. Однажды он нашел на пляже сгоревшую собаку. Он положил ее рядом со своей кроватью, устроив подобие алтаря. Труп собаки, свечи, четки и прочая псевдорелигиозная атрибутика.

С Трэйси Марандер Курт познакомился в тот период, когда жил в «лачуге».

– Трэйси была прекрасна, – говорит Тоби Вэйл. – Одна из тех панкушек, которые есть в каждом городе; они разбираются в музыке лучше многих парней, они целиком преданы музыке этого города, но им не доверяют – потому что такая преданность не ценится, хотя музыкантам и необходимы подобная любовь и поддержка. Ей очень нравились герл-бэнды – правда, их было не очень много. Кажется, благодаря ей я узнала о «Frightwig»[67]. Она годами собирала фотографии с концертов панк-групп Северо-Запада. У нее, наверное, набралось материала на целую книгу. У Трэйси было отличное чувство стиля и настоящий талант. Она

была старше меня, и я ее просто боготворила. Она была клевая. И по-настоящему заботилась о нем…

Трэйси и ее подруга Тэм Ормунд не были похожи на девушек из Абердина: у Трэйси были ярко-рыжие волосы, и она носила куртку в черно-белую полоску. Она часто меняла цвет волос: то походила на типичную панк-рокершу, а могла носить густые, вьющиеся коричневые волосы с челкой; позже она одевалась как обыкновенный инди-кид из Олимпии – колготки, тяжелые ботинки, цветастая юбка, свитер с растянутыми рукавами. Она была крупнее Курта; тот надевал несколько слоев одежды – стиль тихоокеанского побережья Северо-Запада (когда прекращался дождь или становилось теплее, можно было снять какую-нибудь из вещей). Впервые Курт и Трэйси встретились около панк-клуба для всех возрастов в Сиэтле, где малолетнего Курта частенько забирали в полицию за употребление спиртного. Трэйси не сразу удалось объяснить Курту, что она хочет с ним встречаться. Сблизились они, когда рассказали друг другу про своих крыс: у Курта был самец по имени Китти, которого он растил в «лачуге» с самого рождения и в итоге отпустил на волю.

– Тэм и Трэйси одевались как настоящие панки – а весь Абердин ходил в клетчатых рубашках и бейсболках, – вспоминает Кэндис Педерсен. – Мы все ездили в Абердин, слушали там музыку – «Black Sabbath», «Kiss». Не спали всю ночь, веселились, а потом возвращались домой. Все это было довольно невинно.

– Трэйси была очень милой, – говорит Иэн Диксон. – Она работала в закусочной в «Боинге» и реально заботилась о Курте.

После того как Люкин съехал из «лачуги», Курт жил там еще два месяца. Затем, осенью 1987 года, Трэйси переехала из Такомы в новую квартиру в Олимпии по адресу Норт-Пир-стрит, 114 1/2, и Курт переселился к ней. Трэйси составляла для Курта списки заданий, которые ему следует сделать, пока она на работе, и расклеивала их по всей квартире – на двери холодильника, на ящиках и стенах. Что-то вроде «постирай вещи, помой полы, почисти клетки, сходи в магазин». Ну, как обычно.

– Впервые я встретил Курта, когда мы пришли к ним, чтобы спросить у Трэйси, можно ли к ним переехать, – рассказывает Иэн. – Мне было девятнадцать. Курт был года на два старше. Меня просто ошеломила эта первая встреча – во многом из-за его гостеприимства. Он вынес кофе на крыльцо, где мы сидели, и сказал: «Чуваки, не хотите кофе?» А я подумал: «Боже мой! Это Курт Кобейн! Он из „Nirvana“!» Хотя, конечно, названия «Nirvana» тогда еще не было…

Через парадную дверь были видны кухня и большая комната, – продолжает Диксон. – Там была большая клетка с

несколькими этажами для огромной крысы по имени Свитлиф [«Sweetleaf», возможно, по названию песни «Black Sabbath»]. В квартире было полно всякой всячины, которую Курт собирал. У них было кабельное телевидение, что необычно – тогда ни у кого не было кабельного. Он мог целыми днями сидеть перед телевизором. Это было время, когда только появился Джерри Спрингер и работала куча всяких христианских каналов. Был канал, который назывался «Пауэр ТВ», где тяжелоатлеты-христиане с криком «Во имя Господа!» разбивали кирпичи локтями. Курт записывал все это на кассету и вставлял туда кадры из других долбанутых передач, которые находил по кабельному. Мы всегда говорили: «Черт возьми, у тебя слишком много кислоты и слишком много свободного времени».

Курт иногда оставался дома у Никки Макклюр, когда она куда-нибудь уходила. Он был хорошим гостем – оставлял все на своих местах и в чистоте – к большому удивлению хозяйки. «Возможно, из-за того, что он стеснялся и не готовил никакой еды», – объясняет она.

– Однажды я пришла домой к Курту и застала его на кухне, – рассказывает Никки. – Когда он меня заметил, то сказал: «Отлично! Я готовлю! Будешь есть?» Он готовил «Райс-а-Рони» – смесь риса и вермишели быстрого приготовления.

Никки не соблазнило его предложение – не только из-за непривлекательного вида блюда, но и из-за того, что на кухне был полный бедлам, а над холодильником Курт повесил клетку с кроликом.

– Курт был затворником. Он странно проводил время, – говорит она. – Хотя к нему приходили на вечеринки, особенно часто ходил Крист. Он садился с двумя кружками вина – по одной в каждой руке.

В квартире Трэйси висели обезображенный постер Пола Маккартни, изуродованные куклы и рисунки Курта – анатомические модели, религиозные артефакты. «Он делал коллажи из вещей, которые находил в секонд-хендах, – в них была продумана каждая мелочь, – говорит Слим. – Это была странная смесь однодневной попсы и классической глиняной скульптуры».

«Я не хотел, чтобы куклы выглядели страшными, – говорил мне Курт в 1992 году. – Но почему-то они всегда получались именно такими. Мне очень нравился Гойя». Певец выкрасил ванную комнату в кроваво-красный цвет, написал на стене «RED RUM»[68]. На заднем дворе они с Трэйси развесили гирлянды дешевых лампочек в стиле 80-х. На холодильнике красовались фотографии мяса вперемежку с изображениями больных вагин –

сочетание было просто ужасным. «Его восхищало все отвратительное», – говорила Трэйси одному журналисту. На стене висела картина, на которой Курт нарисовал портрет самого себя в виде скелета. Квартира была тесной и захламленной; там воняло, летали мухи – все из-за животных… но это был дом.

– У них были крыса, крольчиха и кот, – вспоминает Диксон. – Кот занимался сексом с крольчихой, от этого вагина крольчихи выворачивалась наизнанку – Курту приходилось брать карандаш и заворачивать ее обратно. У него был отличный аквариум с черепахами, который занимал половину квартиры. Черепахи постоянно выбирались наружу…

Я: У них были постеры на стенах?

– У них хватало всякого хлама, – говорит Диксон. – Не поймешь, где мусор, а где нет. Что-то они вырывали из журналов и наклеивали на стены. Он читал «НМЭ» и «Мелоди мейкер» – эти британские журналы он покупал в магазине «Positively Fourth Street».

– Курт делал аудиоколлажи из кассет, которые обычно продаются за один доллар на гаражных распродажах, – рассказывает Слим. – Использовалось все – от актеров, отвратительно перепевающих какие-нибудь песни, до инструкций, собачьего лая и кассет, выпускаемых к Хэллоуину. На другой стороне первой демокассеты «Nirvana» был трек под названием «Montage Of Heck» («Монтаж всего подряд»)[69] – примерно полчаса подобного аудиоколлажа.

Курт устроился на работу уборщиком и на заработанные – небольшие – деньги купил подержанный автомобиль марки «датсун». Он играл на гитаре, смотрел телевизор, вел дневник и занимался искусством. Большую часть времени он нигде не работал.

– Олимпия – это маленький город с невероятными ресурсами, например, радио «KAOS», – утверждает Брюс Пэвитт.

В 1979 году Пэвитт переехал из Чикаго в Олимпию – учиться. Там он писал колонку для журнала «Оп» о независимом американском роке, в 1980 году начал выпускать фэнзин «Сабтеррэйниан поп», посвященный той же тематике. Это продолжалось года два, после чего вышли несколько сборников на кассетах.

В 1983 году Брюс переехал в Сиэтл и начал писать ежемесячную колонку для журнала «Рокет» и вести радиопередачу, которая выходила раз в две недели – и то, и другое называлось «Sub Pop».

– «KAOS» обладало самой полной коллекцией независимой

музыки – ни у одной радиостанции в США не было ничего подобного, – рассказывает Пэвитт. – Во многом это стало результатом политики Джона Фостера, музыкального директора радиостанции, который предлагал особые условия для независимых звукозаписывающих лейблов. Благодаря этой коллекции музыки издавался журнал «Оор»[70], посвященный независимой музыке. Таким образом, начиная с конца 70-х годов Олимпия стала центром притяжения для инди-групп.

Процесс был строго организован, панк-рок рассматривался практически с научной точки зрения. Именно это я изучал в колледже Эвергрин-Стейт. Я тусовался в библиотеке «KAOS», слушал их кассеты и диски и получил за это зачет в колледже. Практически все, кто жил в то время в Олимпии, так или иначе сталкивались с Кэлвином Джонсоном или делали материалы для «KAOS» – или, как в случае Курта Кобейна, давали интервью Кэлвину Джонсону на радио «KAOS». Хотя Курт и был из Абердина, сам факт того, что он сидел в библиотеке «KAOS», не мог не повлиять на его отношение к музыке.

– В музыке групп из Олимпии была особая чистота, высокая преданность искусству, – продолжает Пэвитт, – тогда как в Сиэтле группы больше ориентировались на извлечение прибыли. Курт был воспитан в Олимпии. В Сиэтле он зарабатывал деньги. Я бы так сказал. И еще Курт, возможно, тусовался в Такоме. Но когда речь заходит об Олимпии, нельзя не сказать об особенном отношении к женщине. Такие женские панк-группы, как «The Slits», «The Raincoats»[71] и, безусловно, «The Marine Girls»[72], высоко ценились, и именно они предвосхитили появление групп, образовавших движение «Riot Grrrl». Это на самом деле ключ к пониманию личности Курта – его боготворение женщины. Если выражением духа Абердина был хард-рок – металл или панк, – в Олимпии все зачастую сводилось к следующему: «Сейчас мы пороемся во всяком хламе и найдем женские панк-группы, которые не очень-то популярны».

Я не согласен с определением, согласно которому Олимпия – город модов, а Сиэтл – город рокеров. Другое определение гласит, что Олимпия – это хардкор, как его понимали Иэн Маккей и лосанджелесские группы начала 80-х, а Сиэтл – скорее панк, как его видели «The Sex Pistols» и британские группы конца 70-х. Поскольку суть панка в разрушении, то панк-группы хотят оставаться внутри мейнстрима, тогда как хардкорные команды не видят никакого смысла заключать себя в его рамки. Панк – это отношение к жизни. Хардкор – образ жизни. Панк стремится разрушить общество. Хардкор не хочет иметь к нему никакого отношения.

– Именно, – соглашается Брюс. – Мы с Кэлвином поняли это уже давно. Когда «Sub Pop» был еще просто журналом, там работали только мы с ним. Я задумывал «Sub Pop» как некое средство связи. Я был заинтересован в том, чтобы существовало множество региональных музыкальных сообществ, мне всегда была интересна синергия, которая возникает при объединении людей или сообществ. Поэтому был образован журнал «Sub Pop», в котором все альбомы и синглы рассматривались с региональной точки зрения. А затем я стал издавать кассеты с записями музыкантов со всей страны, в том числе и сборник «Sub Pop 100».

«K» задумывался исключительно для записи «Beat Happening», лейбл вырос именно из этого. В обоих случаях наши с Кэлвином персональные пристрастия и интересы отражались в том, что мы делали. Целью «K» было создание в Олимпии мощного альтернативного сообщества. И хотя «Sub Pop» был основан в Олимпии и затем переехал в Сиэтл, это более общенациональный проект, целью которого являлось объединение музыкальных сообществ по всей стране. «Sub Pop» превратился в лейбл, который продвигал музыку, создававшуюся в Сиэтле. Для этих целей был создан «Singles Club», а затем лейбл стал сотрудничать с группами со всей страны.

На Курта очень повлияла работа Кэлвина с неизвестными независимыми музыкантами, и Торстон Мур [гитарист «Sonic Youth»] оказал на него схожее действие. Однажды я пришел к Курту, когда тот жил в Олимпии, чтобы попытаться убедить его подписать расширенный контракт с «Sub Pop». Я провел восемь часов у него дома. В качестве дипломатического жеста я принес копии записи «The Shaggs»[73] и диск Дэниела Джонстона. Я хотел дать ему понять таким образом, что «Sub Pop» поддерживает альтернативную музыку. Пару лет спустя я увидел в журнале «Роллинг стоун» фотографию Курта в футболке с изображением Дэниела Джонстона.

Я: Это была моя футболка!

– Твоя? – восклицает удивленно Брюс. – В общем, я познакомил его с творчеством Дэниела Джонстона. Я оценил тот факт, что Кобейн использовал свою популярность, чтобы прорекламировать одного из самых странных и независимых музыкантов в стране. Даже если это и не всегда находило отражение в его музыке. Но одно то, что он надел эту футболку, – уже было круто!

Я: Да, после этого с Дэниелом заключил контракт лейбл «Atlantic».

– Да, но на самом деле этот жест означал: «Хоть я и самая крутая рок-звезда в мире, я помогу самому недооцененному

музыканту на этой планете».

Я: В свое последнее турне по США они взяли с собой «Half Japanese»[74] на разогрев…

– Это здорово, – говорит Брюс, улыбаясь. – Настоящая демонстрация духа Олимпии. «Half Japanese» очень сильно повлияли на нас с Кэлвином. В Сиэтле их не слушали. В Олимпии слушали. Это важно: конфликт между желанием Курта быть самой крутой рок-звездой в мире и желанием быть абсолютно независимым музыкантом, полностью контролирующим свою карьеру. Это можно увидеть и в отношениях между Олимпией и Сиэтлом. В Олимпии ценилась честность, в Сиэтле главным был успех. Эти трения видны и на примере «Sub Pop». Потому что «Sub Pop» был основан в Олимпии, но раскрутился в Сиэтле.

В начале 1987 года Крист и Курт начали репетировать с Аароном Буркхардом.

Аарон был очень «местным» парнем: он зависал с «Melvins», работал в «Бургер Кинг», носил усы, жил с разведенной матерью, получавшей пособие по безработице. Аарон играл на барабанах – хотя в установке было несколько его собственных инструментов, другие принадлежали Дэйлу Кроверу. Вообще-то Буркхард был прямолинейным металлистом, которому интереснее напиться, чем репетировать, что невероятно раздражало Курта. Он все больше бесился с каждой репетицией. «Делать было особенно нечего, – говорит Буркхард, – кроме как пить пиво, курить травку и репетировать. Каждый вечер мы прогоняли наши песни по три или четыре раза».

В это время Крист уже курил травку, носил «вареные» футболки и слушал психоделику 60-х – музыку хиппи. Одним из его любимых альбомов был «Shocking Blue At Home» – диск 1969 года голландской рок-группы «Shocking Blue». Курт решил сделать кавер на их песню «Love Buzz»; в этой версии чувствуется влияние любимых им в то время команд, таких как «Butthole Surfers» и «The Meat Puppets»[75]. Это была не первая попытка записать кавер-версию: ранее Курт с Кристом играли множество других известных песен, в том числе «Heartbreaker» группы «Led Zeppelin» и эпическую балладу «Bad Moon Rising» группы «Creedence Clearwater Revival». И они даже образовали группу для исполнения каверов на песни «Creedence» под названием «The Sellouts» – но она вскоре распалась, после того как ребята поняли, что этим не заработаешь.

Домашние вечеринки тогда были в моде. Поэтому казалось естественным, что первый свой концерт трио должно сыграть на подобной вечеринке.

В марте 1987 года Курт, Крист и Аарон отправились в

Реймонд, крошечный городок в 30 минутах езды от Абердина. Группа была решительно намерена произвести впечатление на аудиторию, которая, по их мнению, целиком состояла из деревенщин (только Буркхард, возможно, в соответствии со своим представлением о мире, называл их яппи); и зрители из Реймонда в своих футболках «Def Leppard», клетчатых рубашках и с прилизанными волосами были шокированы внешним видом команды. Парни из Абердина казались жителям Реймонда «городскими». «Мы напугали их до чертиков, – смеялся Буркхард. – Курт лазал по мебели, разливая повсюду пиво».

Крист намазался поддельной кровью и, выпив порядочное количество пива, выпрыгнул из окна, продолжая играть на басу; Шелли и Трэйси делали вид, что занимаются с ним сексом, в то время как Курт объявлял песни. Среди прочих тогда были исполнены «Downer», «Pen Cap Chew», «Hairspray Queen» и «Heartbreaker». Если не считать того, что Крист мочился на машины, стоя на крыше фургончика группы, а Шелли подралась с одной из местных девиц из-за испорченного ожерелья, то можно сказать, что концерт прошел хорошо.

Подобная экстремальная музыка всегда находит какой-то отклик.

В апреле 1987 года состоялось первое выступление «Nirvana» по радио – живой концерт в ночном эфире радио «KAOS» (Олимпия), продюсер Джон Гудмансон. Джон вел по понедельникам четырехчасовые ночные рок-концерты[76] вместе с Донной Дреш. За неделю до этого он видел, как играет Курт, – тот выступал на разогреве группы Джона и Донны «Danger Mouse» на концерте, посвященном закрытию клуба «GESCCO».

– «Nirvana» меня просто потрясла, – говорит Гудмансон. – Настоящая группа из Олимпии. Они были, безусловно, лучшей рок-группой на всем Северо-Западе – они оставили позади весь этот мачизм глэм-метала сиэтлской музыки 70-х годов. В общем, мы их позвали на радио.

На передаче они особенно не шутили, – он продолжает. – И после каждой песни спрашивали: «Мы все еще в эфире?» У Курта был маленький фендеровский усилитель – такие обычно дядюшки покупают в музыкальном магазине своим племянникам. Он играл с педалью дилэй «Boss», как и у меня, – совсем не панковская вещь. Выступление было очень непродолжительным, песен одиннадцать. Я не мог позволить себе расходовать пленку, поэтому мы часто ее отключали, когда они начинали обсуждать, где можно купить газировки.

Раньше «Nirvana» часто выступала в «Community World

Theatre» на юго-востоке Такомы. «CWT» размещался в переоборудованном порномагазине в спальном районе и держался только на энтузиазме местных панк-рокеров. Чаще всего группам ничего не платили.

– Я был на всех ранних концертах «Nirvana» в «Community World», – вспоминает бывший вокалист группы «Seaweed»[77] Аарон Стофер. – Они были похожи на металлистов из «Scratch Acid». Курт рассказывал, что обожает смотреть фильмы из серии «Лики смерти», объевшись грибов. Эти грибы называли таблетками свободы, и осенью они росли повсюду – поэтому любой настоящий панк на протяжении октября был обеспечен бесплатным кайфом.

Это была, наверное, самая крутая рок-площадка из всех, где я побывал, – продолжает Стофер. – На своих первых выступлениях там я читал стихи, пока брат владельца не сказал, что не будет никакого толку, если я не выучу пару аккордов. Я и многие другие местные панки приходили туда и работали бесплатно – посыпали песком пол, красили стены, – лишь бы клуб открылся! В конце одного из концертов «Melvins» Крист вылез на сцену и спел кучу классических рок-песен («Kiss», «Judas Priest»). Едва выйдя на сцену, он заорал в микрофон: «Панк-рок мертв, а рок-н-ролл будеть жить!»

На сцене Курт щеголял в рваных бархатных клешах, гавайской рубашке и туфлях на платформе и несколько раз пытался совершать прыжки – как это делали «Danger Mouse».

– Впервые я увидел «Nirvana» на концерте в «Community World», – вспоминает Иэн Диксон. – Я пошел туда со Слимом и Диланом. Всего на концерте было восемь человек. Но, черт возьми, у всех, когда они вышли на сцену и начали играть – вроде бы это была «School», – у всех челюсти отвалились. «Боже мой! Вот оно!» Мы видели «Melvins», «Green River», «The U-Men» – но с первой же долбаной ноты первого концерта «Nirvana», которую я тогда видел в первый раз, я понял – вот это охрененно.

Именно в 1987 году у Курта начались резкие боли в желудке – весьма вероятно, обостренные употреблением наркотиков, викодина (болеутоляющего) и кодеина. «Все горит, меня выворачивает наизнанку – это хуже любого расстройства желудка, которое вы можете себе представить, – рассказывал он Азерраду в книге „Come As You Are“. – Я чувствую пульсацию – как будто в желудке у меня сердце. Особенно сильная боль во время еды». В подобном состоянии Курт пребывал до конца своей жизни.

Переезд Курта и Трэйси в Олимпию совпал с переездом Криста и Шелли в Такому – там Крист устроился на работу

маляром, красить авиационные и бумажные заводы. Группа ненадолго распалась – после чего Курт послал Кристу письмо, в котором призывал, чтобы тот не пустил всю их упорную работу псу под хвост. По воспоминаниям Криста, письмо было достаточно сухим: «Приезжай играть в группе, – цитировал Крист письмо местному журналисту. – Никаких обещаний. Никаких обязательств (ну, какие-то есть)».

Такома – это рабочий городок на полпути между Сиэтлом и Олимпией; Такома похожа на Абердин, только этот город «более жестокий» (Курт). Хотя в Такоме и есть что посмотреть – например, можно проехать на поезде вдоль тихого Пьюджет-Саунда – город имеет дурную славу, по большей части из-за «аромата Такомы», едкого запаха жженой резины, который начинает разъедать ноздри, как только город появляется на горизонте. Также здесь находится самый грязный залив на Западном побережье – Комменсмент-Бэй.

– Все дело в лесопильном заводе, – смеется Кэндис. – В Олимпии тоже было очень плохо – в воде плавало дерьмо. В Такоме в воздухе чувствовались опасность или разложение – чего не было в Олимпии, хотя и там в то время хватало гадостей. Я бы предпочла жить в Такоме, но там не было хорошей работы. Такома очень панковский город, уровень жизни там ниже среднего. «Girl Trouble» была нетипичной группой. В подростковом возрасте мы были очень бедными, но это другая бедность, сам город не был бедным. Это больше проявлялось в музыке и в вечеринках, проходивших там в то время. Это был намного более традиционный панк.

– Такома в середине 80-х пользовалась большим уважением со стороны жителей Олимпии, – говорит участник группы «Pigeonhed» Стив Фиск[78]. – Если Сиэтл – это Нью-Йорк, то Такома – это Нью-Джерси. Нью-Джерси не нуждается в Нью-Йорке. Люди там говорят по-другому и меньше озабочены выплатой кредитов. Может быть, именно поэтому с «Girl Trouble» было проще общаться, чем с «Soundgarden», – если вы были из Олимпии.

Две группы существовали в одно время.

– «Girl Trouble» – это и есть Такома, – объясняет музыкант из Сиэтла Джеймс Бердишоу. – Они обожают гаражный рок 60-х.

Они слушают «The Cramps», «The Sonics», «The Wailers» и смотрят глупые телешоу типа «The Banana Splits».

А «Soundgarden» образовались в середине 80-х, когда гитарист Ким Тэйл переехал в Олимпию специально, чтобы стать частью сообщества «KAOS» и «Oop». Странно, учитывая, какое сильное влияние на «Soundgarden» оказали «Led Zeppelin». И

менее странно, учитывая, насколько «холодной» – особенно в отношении женщин – группой были «Soundgarden», особенно для команды, игравшей хеви-метал.

– Но Курт переехал в Такому, – говорит Кэндис, – потому что там жила Трэйси. Потом Трэйси переехала в Олимпию – там было дешевле. Парни принимали решения в зависимости от того, где находились их девушки. Я не думаю, что нужно искать какую-то философию в их выборе. Такова была жизнь.

Я: Итак, Курт и Трэйси стали жить вместе в одной квартире. Она находилась по соседству с квартирой, в которой жили вы с Диланом?

– Это был дом, в котором сделали три отдельные квартиры, – поправляет Слим. – До этого мы жили с Диланом в местечке под названием Аламо. Я жил на террасе, потом у меня была своя квартира, которую я снимал только ради Джин Смит[79], а когда она бросила меня, я снова поселился с кучей людей под одной крышей. «Nisqually Delta Podunk Nightmare» распались после того, как Дилан послушал первый альбом «Melvins», – он заявил, что больше никогда не притронется к гитаре, и в отчаянии уехал в Сиэтл. Я организовал новую группу – «Lush», – потом вернулся Дилан, у нас нашлась пустая комната, и он стал жить там.

Я был извращенцем – сидел трезвый, когда все уже напивались в хлам. Трэйси и Шелли почти никогда не бывали на вечеринках – они работали в ночную смену в «Боинге» [потом Шелли устроится в то же кафе, где работала Трэйси]. Они уходили с работы в шесть утра, заскакивали в «Кинг Соломонс Риф» на «счастливый час» для грузчиков и напивались, а потом шли домой спать. Если они не работали, не было репетиций и Курт не хандрил, мы шли на вечеринку. Мы ведь были тинейджерами, нам хотелось общения.

Я: Почему он хандрил?

– С ним это часто случалось. Если он не занимался музыкой или не веселился спьяну, то выглядел подавленным, затихал и уходил в себя. У него было огромное количество записей. Мы с Диланом слушали всякий безумный джаз, «King Crimson», «Uriah Heep» и разный металл типа «Metallica». Была куча классики рока вроде «Led Zeppelin» и «AC/DC». Мне нравились «Beat Happening», «The Vaselines» и «Talulah Gosh»[80]. Я слушал все без разбору. Нам нравились «X»[81] и группы, о которых писали в журнале «Форсд экспожер»[82]. Курта мир музыки зачаровывал гораздо больше: «Big Black», «Killdozer»[83], «Scratch Acid» и «Sonic Youth».

Дополнение 1: Олимпия против Сиэтла

Я: В большинстве источников «Nirvana» описывается как группа из Сиэтла. Вы согласны с этим?

– Ну… они были не из Сиэтла, – считает Стив Фиск. – Некоторые группы приезжали в Сиэтл и менялись. Какими бы они ни были, «Nirvana» уже стали такими к тому моменту, когда приехали в Сиэтл. Музыка «Nirvana» была мощной, шумной и напоминала металл – потому что они много общались с «Melvins». Вы ведь согласны с тем, что «Melvins» – это Олимпия, а не Сиэтл?

Я: Конечно.

– Вот и ответ на ваш вопрос. Видели, что я устроил чувакам, которые делали одну телепередачу[84]? Я сказал им: «Вы что, собираетесь ехать в Сиэтл, чтобы снимать программу о „Nevermind“? Почему? Думаете, в Олимпии с вами не будут разговаривать – там, где у Курта были настоящие друзья? Или вы еще не поняли этого?» В 80-е годы одни и те же 100 человек совершали часовые поездки в Вашингтон, чтобы попасть на концерт. Кэлвин устраивал турне по выходным, которое растягивалось на месяц: «Girl Trouble», «Beat Happening» и «Danger Mouse». Все собирались на выходных и играли в городах друг у друга. Одни выходные все выступали в Юджине, следующие – в Олимпии, следующие – в Бремертоне. В больших городах не выступали, потому что сами музыканты были не из больших городов. Для меня мир делился на две части: из Сиэтла и не из Сиэтла. Были Такома с ее гаражным роком и Бойс с лязгающим гитарным саундом. В Олимпии вообще не существовало групп, похожих на сиэтлские. Хотите найти такую группу – поезжайте в Портленд.

Я: Что отличало Олимпию от Сиэтла и других регионов?

– В Олимпии никогда не играли гитарных соло – никогда. Если что-то и происходило между вторым припевом и третьим куплетом – то больше для сохранения ритма. Мог быть одиночный гитарный проигрыш, но никаких соло. Опять же, если вы играете без бас-гитары – вы уже не самая обычная группа.

Я: Разве не бас-гитара придает рок-музыке сексуальность?

– Бочка немного более сексуальна, чем бас-гитара.

Я: Очевидно, что чем меньше нужно инструментов, тем проще создать группу.

– Однажды Тоби Вэйл швырнула стакан через всю комнату и сказала: «Черт возьми, давайте запишем диск!» – в этом вся Олимпия. Нужно сделать это прямо сейчас и прямо здесь. Басгитара – это тяжело. Не только в том смысле, что на ней трудно играть, но само устройство, к которому нужно подсоединять гитару, дорогое и тяжелое, тогда как гитарные усилители бывают небольшого размера, дешевые и дрянные. Чем

меньше усилитель, тем лучше звук на небольшой громкости. Вот вам вся эстетика Олимпии. Никакой бас-гитары, ничего сложного – и гитара, которая отлично звучит, когда выворачиваешь громкость до предела.

Я: А как бы вы сформулировали эстетические принципы «К»?

– Один друг рассказал мне историю о том, как он играл во фрисби во дворе колледжа Эвергрин-Стейт и в какой-то момент снял футболку. К нему подошел другой студент Эвергрина и как бы между делом сказал: «Сегодня жарко. Я заметил, вы сняли свою футболку». И потом говорит: «Здесь много женщин. Возможно, они захотят последовать вашему примеру и тоже снимут футболки. Так что, может быть, вам лучше надеть футболку? Как вы считаете?» Речь идет о подчинении своего эго: «Мир может стать лучше только в одном случае: если все мужчины соберутся вместе и дадут женщинам шанс». Это так снисходительно, так глупо и это никакой не феминизм – но вот так рассуждает обыкновенный студент колледжа Эвергрин. Так же и Курт, пытаясь быть крутым и приспособиться к обществу, быть правильным, нравственным человеком, получил на выходе третьесортную философию студента Эвергрин.

Я: Как вы познакомились с Кэлвином?

– Это было в 1978 году. Я только переехал в Олимпию. Мои тамошние друзья, работавшие в «KAOS» и журнале «Оор», говорили, что у них есть парни, которые ведут собственные радиопередачи. Одним из них был Кэлвин. Кто-то описывал мне его как по-настоящему противного панк-рокера: «Он может заявиться в плохом настроении, выйти в эфир, буркнуть что-нибудь и просто ставить треки. Урод, одним словом». Когда мы встретились первый раз, он, по-моему, пытался понять, можно ли мне доверять, – у меня были длинные волосы. Он был коротко подстрижен и носил пижонские темные очки. Это был 1980 год.

Я: Почему, на ваш взгляд, Кэлвин имел такое влияние?

– Он выбрал одну вещь, которая у него получалась, и сосредоточился на ней. Ему повезло: всю бумажную работу взяли на себя другие. Кэлвин был очень молод, и рядом с ним были шестеро взрослых людей, которые знали, что делают. Почему Кэлвин пользовался авторитетом? Он был харизматичен, очень хорошо танцевал. Но я не знаю, почему все стали слушать его группы из двух человек и песни о кроликах и пикниках.

Я: «Nirvana» – это группа из Олимпии. Вы согласны?

Эл Ларсен: Я не знаю. Олимпия вовсе не так едина, как это кажется.

Рич Дженсен: Лично я считаю, что они были группой из

Абердина, которая хотела стать группой из Олимпии.

Эл: Погоди, погоди. «Black Flag», «Screaming Trees», «Beat Happening», «The Vaselines», «The Pastels»… – мы играли некоторые песни этих групп в «Some Velvet Sidewalk», компилировали их. И «Nirvana» играла каверы на эти же песни – и довольно круто.

«Screaming Trees» – это была такая безбашенная группа, игравшая психоделический нойз, члены которой познакомились в тюрьме в Элленсбурге. Каждый из братьев Коннеров (гитара, бас-гитара) весил под 150 килограммов, а их отец был директором местной школы – легкая мишень для насмешек со стороны пролетариев. Вокалист Марк Лэнеган обладал одним из самых прекрасных прокуренных голосов на всем тихоокеанском северо-западном побережье – и обожал неприятности. На Курта Кобейна он оказал огромное влияние – его лаконичное мировоззрение, пристрастие к наркотикам и музыкальные вкусы.

Рич: «Swap Meet» – одна из моих любимых песен у «Nirvana», потому что это Олимпия, а не «Black Sabbath».

Дополнение 2: «Sonic youth»

Впервые я увидел этот нью-йоркский квартет в 1983 году на концерте в поддержку альбома «Confusion Is Sex», когда они наводнили лондонский клуб в районе Виктория вихрем искаженных звуков, который звучит до сих пор – спустя два десятилетия. Я был влюблен в них все 80-е, потому что они были ни на кого похожи. Мне вспоминается их концерт в 1985 году в Вулвиче, на юге Лондона, – звукооператор решил уйти пораньше и начал разбирать микрофонную установку группы. Они и глазом не моргнули. Без микрофонов группа продолжила одну из самых пугающих и веселых инструментальных гитарных партий, которые я когда-либо слышал.

В начале 90-х нью-йоркский квартет претерпел изменения. Когда слушаешь сейчас альбомы вроде «Goo» (1990) и «Dirty» (1992) с их попсовой чувствительностью, то вовсе не кажется, что они выбиваются из ряда, начатого ранними пластинками, но в то время казалось, что происходит небольшая революция. И дело не в музыке, а в источнике: «Geffen records». Если «Sonic Youth» смогли проникнуть в логово врага, то почему бы и остальным не попробовать?

Так все и произошло. До того, как «Sonic Youth» подписали контракт с «Geffen», «альтернативного рока» и MTV-шного «гранжа» не существовало. Посмотрите в свои учебники по

истории.

– Вся наша музыка была в их тени, – подтверждает Слим Мун. – Они навсегда останутся Группой с большой буквы. Они высшая каста. Если бы «Sonic Youth» записали 3–4 диска, они бы уже вошли в список величайших американских групп. Поскольку они 20 лет записывали великие альбомы, практически все остальные группы – пыль под их ногами.

– «Sister» [альбом «Sonic Youth» 1987 года] – это столько кислотных бэд-трипов, сколько у меня никогда не было, – говорила мне Кортни Лав в 1992 году, – плюс физика или психология, Филип Дик, астрономия, лучшее из английского языка и футбола, никаких друзей, никаких подруг, много сигарет и плохих наркотиков, холодная весна в пустой комнате, ни полслова ни с кем на протяжении полугода, кроме завсегдатаев стрип-бара. Дрянное вино и все та же старая вонючая ночнушка и плащ, огромные дыры в ботинках – и так по всему Нью-Йорку, пока мозоли не натрешь; антидепрессанты бесполезны. Таймс-сквер – отстой, нужно вернуться в Лос-Анджелес, может, хоть там я наконец перестану слушать эту чертову бархатную сияющую светлую темную липкую хрень от Джозефины Уиггз [басист «Breeders»]. Не могу вытащить крыс из своих волос; ангелы видят тебя во сне…

Легко принять существование «Sonic Youth» без оговорок: в то время как их ровесники давным-давно распались, а сейчас постоянно собирают новые составы и заинтересованы только в извлечении выгоды, «Sonic Youth» сохранили невероятно высокие музыкальные стандарты. Они не стоят на одном месте, всегда движутся, и за 15 лет в их составе появился лишь второй новый музыкант – музыкант из Чикаго Джим О’Рурк на альбоме 2002 года «Murray Street». Если бы «Sonic Youth» распались после альбома «Dirty» и собрались бы только в 2005 году, они все равно зарабатывали бы по миллиону долларов в год.

Зимой 2004 года в Портленде со мной случилось небольшое озарение, когда я смотрел подборку видеоклипов «Sonic Youth» вместе с М. Уордом. Тот повернулся ко мне и сказал: «Я думаю, они не хуже „Nirvana“». Для него это наивысшая похвала.

Я смотрел на него, лишившись дара речи.

Как ему могло вообще прийти в голову сравнивать эти группы?

Глава пятая
«И приходит тошнота»

Here come sickness walking down my street
Shaking her hips like she's some kind of treat
All the neighbourhood dogs licking at her feet
Here comes sickness
Here comes sickness
Here comes sickness walking down my street
(И приходит тошнота, идет по моей улице,
Поводит бедрами, как будто обещает что-то приятное.
Все псы в районе лижут ей ноги.
И приходит тошнота,
И приходит тошнота,
И приходит тошнота, идет по моей улице).

«Here Comes Sickness», «Mudhoney», 1988

Именно там все и началось.

Меня часто спрашивают, чем так всех привлекал Сиэтл. Энергия, невообразимое количество энергии, исходящее со сцен местных клубов, музыканты с длинными грязными волосами и бесконечными мрачными шутками, возбуждение от громкой музыки. Тела, падающие на другие тела; улыбающиеся, скалящиеся и жаждущие боли лица; множество гранж-команд, сливающихся в одно истекающее потом, блистающее целое. Вечеринки, где невозможно попасть в туалет из-за моделей-наркоманок, ищущих, с кем бы переспать; затем кружение по улицам, в алкогольном экстазе и возбуждении от холодного ночного воздуха. Небоскребы, возвышающиеся в ночи, – симфония неоновых огней и заманчивых предложений, окруженные почти мифическим кольцом гор, которые из-за плотного дождя и туманов скрыты от глаз уже много лет. Дешевое мексиканское пиво и бесконечный кофе. Верхний этаж «Терминал сэйлс билдинг», где находились офисы «Sub Pop»,

блестящие виды на Пьюджет-Саунд (внутреннее море), и из каждого окна виден город. Склад, путешествие среди полок с цветными виниловыми пластинками – по раю коллекционера; ты знаешь, что можешь взять все, что захочешь; и ты хочешь все то, что взял.

Так что же там было такого привлекательного? Сразу и не скажешь…

Многочисленные ночные звонки на другую сторону океана, восторг по любому поводу, никакой проверки фактов – никогда – только при сочинении еще более безумного вранья; постоянные рассказы о славе. Живые концерты – шум, удивление, жужжание усилителей, слишком громкий бас, беснующаяся толпа. Ночные поездки, проведенные за беседой с дружелюбными, но властными женщинами; стрип-бары, которые благодаря зеркальному шару под потолком служили еще и ночными клубами, долбежка группы Тэда; грязные кабаки, из которых вышвыривают, когда никак не можешь допить последний стакан. Путешествия на поезде, длившиеся сутками, под конец которых я мог перекупить у владельцев «Sub Pop» за ту сумму, что они мне проигрывали в покер. Участники «Soundgarden» обожали выпустить газы и поджечь их; «Mud-honey» разговаривали о древних надписях; «The Walkabouts»[85] играли с нежной грацией; «Nirvana» была молода и непокорна.

В чем состояло обаяние Сиэтла? В улыбке Марка Арма, в этой всезнающей усмешке – в тот момент, когда он крутился вокруг стойки с микрофоном. Невероятное количество улыбающихся лиц, которые хотели убедиться в том, что вам так хорошо, что лучше некуда; чокнутые девушки, таскавшие приятелей в сумасшедшие места и сочинявшие песни даже тогда, когда сна уже не хватало критически; разговоры, длившиеся годами.

– Помню, однажды в ноябре 1987 года я вернулся из месячного турне с группой «Skin Yard» и узнал, что «Melvins» распались, – начинает продюсер из Сиэтла Джек Эндино. – Или по крайней мере мы так думали. «Green River» распались. «Feast» распались. Это были самые крупные группы на Северо-Западе. Мы подумали: ни хрена себе, остались мы, остался «Soundgarden», и кто еще? Была еще группа «Bundle Of Hiss». «Tad» в то время еще не заявили о себе в полный голос.

Группа «Skin Yard» образовалась в 1985 году; они играли резкий психоделический грайнд, который позднее назовут гранжем. Они появились в середине 80-х на сборнике «Deep Six C/Z» вместе с «Melvins», «Soundgarden», «Malfunkshun» и «Green River». Джек играл на гитаре, менеджер по продажам «Sub Pop» (а

позднее владелец «C/Z») Дэниел Хаус на бас-гитаре. Мэтт Кэмерон – потом выступавший с «Soundgarden» и «Pearl Jam» – играл в первом составе на ударных.

Будущий ударник «Mudhoney» Дэн Питерс присоединился к группе «Bundle Of Hiss» в 1984 году, тогда ему было 15 лет; в команде также играли два будущих участника группы «Tad» – гитарист Курт Дэниелсон и вокалист Тэд Дойл (вообще-то игравший на гитаре всего несколько месяцев). «Bundle Of Hiss» тоже являются одними из классических предшественников гранжа – мировоззрение пост-панка они соединяли с риффами в духе «Black Sabbath». «Tad», в свою очередь, играли отчаянный безжалостный хардрок, находивший вдохновение в личностях серийных убийц – как и группы с Северо-Запада, например, «Killdozer». Песня «Wood Goblins» – суперклассика жанра.

– И потом в январе, – продолжает Джек, – я оказался в студии с группой «Mother Love Bone» – мы записывали их первые демокассеты, с «Mudhoney» и с «Nirvana», всех в одни и те же дни. Тогда же я встретил свою будущую жену. В общем, январь 1988 года был очень интересным периодом в моей жизни. Моя группа набирала обороты, вставал на ноги «Sub Pop», и за несколько месяцев до этого мы записали EP-альбом «Soundgarden» «Screaming Life».

«Mother Love Bone» была образована Стоуном Госсардом и Джеффом Аментом – они играли постгринриверовский глэм-метал; многие считали, что именно они станут первой группой из Сиэтла, которая обретет широкую популярность, – пока их фронтмен, колоритный Эндрю Вуд (игравший ранее в «Malfunkshun»), 16 марта 1990 года не умер от передозировки героина. Госсард и Амент затем некоторое время играли в одной группе с Крисом Корнеллом и Мэттом Кэмероном из «Soundgarden» – под названием «Temple Of The Dog»; после этого они образовали «Pearl Jam». Более продвинутые группировки сообщества «Sub Pop» всегда – и справедливо – смеялись над этими командами.

Я: Как по-вашему, у этих трех групп («Mother Love Bone», «Mudhoney», «Nirvana») есть что-нибудь общее?

– Нет, – отрезает продюсер. – Ничего общего между ними нет.

Я: Но их объединяет Джек Эндино.

– …а еще то, что все они из этого города, играли в одних и тех же клубах, ходили на одни и те же концерты «Black Flag»…

Можно было выступить в «The Vogue» по вторникам и средам, и «KCMU» [радиостанция вашингтонского университета] устраивала по вторникам странные концерты инди-групп в «The Rainbow», продюсируемые Джонатаном Поунмэном. Сьюзен

Сильвер [в будущем – менеджер «Soundgarden»] также участвовала в проекте. У меня есть плакат, который дает обобщенное представление об этом. На нем написано: «„Green River“ + „Room 9“ + „Soundgarden“ + „Skin Yard“ + „Bundle Of Hiss“: вторник, клуб „The Rainbow“, стоимость билета – один бакс».

Эти три группы начинали с одного и того же, но затем их дороги очень сильно разошлись. Тогда это не ощущалось. Тогда они были просто чуваками с шумными гитарами и не сказать чтобы прекрасной техникой. Никто из них не считался великим исполнителем. Вся цель была в том, чтобы играть необработанную, сумасшедшую музыку, выплескивать эмоции – и просто шуметь. Вот что мне нравилось. Люблю группы, которые играют невероятно громко, и не переношу людей, ковыряющихся в гитарах. Музыка должна быть хорошей, независимо от техники; ну почти.

А на репетициях, проходивших дома у Криста в Такоме, Курт Кобейн предъявлял все большие требования: был отлучен Буркхард, приходивший туда по большей части за пивом. «Они хотели репетировать каждый вечер, – жаловался он Майклу Азерраду. – Каждый вечер. Я говорил, блин, дайте передохнуть». Аарон по-прежнему жил в Грейс-Харбор и не очень-то стремился полностью включаться в работу группы. Его больше привлекала перспектива стать менеджером в «Бургер Кинг».

Курт, недовольный своим барабанщиком, в октябре 1987 года поместил объявление в журнале «The Rocket»: «ТРЕБУЕТСЯ СЕРЬЕЗНЫЙ УДАРНИК. Андеграунд, „Black Flag“, „Melvins“, „Zeppelin“, „Scratch Acid“, Этель Марман. Должен уметь все. Курдт 351-0992». Немедленных откликов не последовало, поэтому следующие три недели Курт и Крист репетировали с Дэйлом Кровером, намереваясь сделать демо-запись. Курт выбрал студию «Reciprocal Studios» в Сиэтле, потому что ему нравился саунд альбома «Screaming Life».

– Они очень хотели поработать вместе с Джеком, потому что он записывал «Soundgarden» и «Green River», – вспоминает Слим. – Это стоило недорого, и он согласился еще снизить обычную стоимость.

Студия находилась в Балларде, нефешенебельном районе Сиэтла, в здании, построенном еще в 30-е годы под магазин «Трайангл гросери». С середины 70-х годов здесь находилась студия «Triangle Recording» – тут записывалась панк / нью-вейв группа «Seattle Syndrome»[86]. Студия «Reciprocal» открылась 1 июля 1986 года; треугольное здание с операторским пультом у

верхнего угла треугольника, туалетом в нижнем углу и входом на противоположном углу. Рядом с туалетом была небольшая огороженная комната, вроде кладовки, куда обычно ставился усилитель. И всё. Двери болтались; воняло пивом и барабанщиками. Не было кондиционера; в жаркую погоду приходилось открывать дверь – поэтому добавлялась вонь выхлопных газов проезжавших мимо грузовиков.

– Отвратительная студия! – восклицает Джек. – Ужасная комната, абсолютно никакая, только ковер и штукатурка, операторская отвратительная; до сих пор не верится, что там удалось записать что-то хорошее. Когда я туда возвращаюсь сейчас, меня всего просто выворачивает: «Неужели я провел пять лееееет в этом здаааниииии!»

Джек – общительный, простой человек, бывший морской инженер, с длинными волосами, большими, ухоженными руками, со множеством браслетов. «В то время записываться можно было только у одного человека, – вспоминал Дэн Питерс. – У Джека Эндино. Если кто-то хотел завоевать его расположение, он приносил Джеку какие-нибудь сладости, например, упаковку сладких хлопьев вроде „Кэптэн Кранч“».

– Мы его называли Майкл Гранжело – его полное имя Майкл Джек Эндино, – смеется Джо Ньютон, барабанщик группы «Gas Huffer»[87]. – У него длинные руки, как у паука, и длинные распущенные волосы. Он сводил треки на такой охрененной громкости, что я шел к нему в диспетчерскую и орал: «Я пошел отсюда». Никто не сводит на такой громкости. Это изменяет звучание музыки.

23 января друг Криста Дуайт Кови отвез «Nirvana» с их оборудованием в своем фургончике в Сиэтл. Группа записала и свела девять с половиной песен за шесть часов: вокальные партии были записаны в один присест, а в это время Крист с Коуви напились на улице. Когда записывалась песня «Pen Cap Chew», кончилась пленка[88], но музыканты не захотели платить дополнительные 40 долларов за новую пленку, поэтому Джек постепенно убрал громкость в этой песне до нуля. Вся сессия обошлась в 152 доллара и 44 цента – Курт заплатил из денег, заработанных во время работы уборщиком. Были записаны песни: «If You Must», «Downer», «Floyd The Barber», «Paper Cuts», «Spank Thru», «Hairspray Queen», «Aero Zeppelin», «Beeswax», «Mexican Seafood» и «Pen Cap Chew». Тем же вечером эти же песни в том же порядке были сыграны на концерте в «Community World Theatre» – выступали музыканты под названием «Ted Ed Fred»[89].

– Я обожаю рок-музыку, построенную вокруг рифов, – говорит Джек. – Я вырос на «Deep Purple» и «Zeppelin» и прочих

металлических группах из Англии. Музыка, которую я начал слушать в старших классах, – ранние «Blue Cheer», «Cream» и Джими Хендрикс – была близка в инди-року, насколько тогда вообще можно было об этом говорить; страшная, тяжелая музыка, которую не ставили на радио. Эта демо-запись походила на типичный риффовый рок 70-х с небольшой угловатостью, идущей от постпанка; Дэйл был плоть от плоти металлическим барабанщиком, а Курт строил песни вокруг интересных риффов. Что выделяло их из массы другой музыки – вокал. У Курта был очень харизматичный голос, и он очень своеобразно воспринимал мелодии – он не повторял риффы голосом, как какой-нибудь среднестатистический идиот. И уже тогда у Курта круто получалось кричать. Мне кажется, внимание Джонатана [Поунмэна] он привлек и этим тоже.

Я: Зачем вы отнесли кассету в «Sub Pop»?

– Мне очень понравилась эта запись.

Я: Вы часто относили пленки в «Sub Pop»?

– Ну, «Sub Pop» на тот момент существовал не так давно, и я общался с ними ежедневно. Это произошло буквально на следующий день после того, как я записал «Touch Me I'm Sick» [сингл группы «Mudhoney»].

Я: Дэйл на самом деле бил по барабанам сильнее, чем кто-либо другой?

– Нет, это не так, – улыбается Джек. – Он просто уникальный ударник: он самоучка и у него очень своеобразный стиль. Такое ощущение, что у него вместо рук барабанные палочки. В любом случае, когда они стали собираться уходить, я сказал: «Мне очень понравилось, можно я сделаю себе копию?» Парни пришли в полдень, ушли в шесть, поехали в Такому, отыграли там концерт, и после этого Дэйл в этом не участвовал – он уехал в Сан-Франциско, встретился с Баззом, и они возродили «Melvins».

– Сиэтл, как и любой другой отдаленный угол Америки, – это магнит для бездомных и обездоленных, – говорит Джонатан Поунмэн. – Многие из них едут сюда, становятся серийными убийцами или радикальными экстремистами. Это очень прогрессивный город, здесь всегда были популярны социалистические движения, наука, и здесь всегда найдутся чокнутые провинциальные радикалы. Получается очень воспламеняемая – и уникальная в целом – среда.

Родившийся в Толедо (штат Огайо), бывший музыкант Поунмэн переехал в Сиэтл в середине 80-х. Он устроился на работу ведущим передачи о местной музыке на радио «KCMU». Через своего друга Кима Тэйла из «Soundgarden» он познакомился с Брюсом Пэвиттом, и в 1986 году они объединили усилия и

создали «Sub Pop records».

– Впервые я услышал о Брюсе, когда купил одну из его кассет, – вспоминает Джонатан. – Это было восхитительно. Он блистательно и элегантно воссоздавал контекст американского провинциального инди-рока – рассказывал о таких группах, как «The Embarrassment» из Лоуренса, штат Канзас, или «Pylon» из Афин, штат Джорджия, не говоря уж о «The U-Men». Позднее мы подружились. Мы мало в чем походили друг на друга, но нас сближал черный юмор.

В 1988-м Сиэтл был практически неотличим от остального мира: дождь, хороший кофе, «Боинг», рыбный рынок и красивая линия горизонта, в центре которого к Всемирной выставке 1962 года была построена башня Спейс-Нидл. Это был большой город с провинциальным характером; с одной стороны он был отгорожен Олимпийскими горами и Тихим океаном, с другой – заливом Пьюджет-Саунд, с третьей – Канадой, и отрезан от остальной Америки Каскадными горами и 2 тысячами миль бесплодных земель, кукурузных полей и Скалистых гор.

Как в любом крупном городе, здесь были тусовщики и куча крутых мест: Кэпитол-Хилл, район красных фонарей на Первой авеню – тут находились клубы «OK Hotel» и «The Vogue»; здесь Пэвитт крутил мощный гаражный рок в противовес диджейским сетам в стиле хип-хоп. Первым виниловым диском, выпущенным на «Sub Pop», стал сборник 1986 года – «Sub Pop 100». На нем было всего лишь несколько музыкантов с Северо-Запада («Wipers», «U-Men», Стив Фиск). И только следующим летом, после выпуска EP-альбома «Green River» «Dry As A Bone», Брюс заинтересовался местными группами.

Я: Как вышло, что Брюс Пэвитт так разбогател?

– Ему тупо повезло, – вздыхает Фиск. – Очень сильно – но тупо – повезло. Он не настолько умен. Он не глуп, но и не настолько умен.

Я: А у кого есть эта предпринимательская жилка?

– Ни у кого, – отвечает музыкант и продюсер. – У Брюса были великие идеи. Но он не чертов Тони Уилсон. Брюс хотел создать монструозную, гигантскую корпорацию, не занимаясь бумажной работой. «Sub Pop» был по сути клоном «Factory Records»[90]. Брюс – предприниматель, но ему далеко до Дональда Трампа. Брюс – коммунист. Тогда это была действительно одна чокнутая рок-семья.

Главным фактором, отличавшим Сиэтл от десятков других американских городов, являлась его самодостаточность. Отрезанные от остальной Америки, музыканты на тихоокеанском Северо-Западе вовсе не хотели идти в ногу с модой Лос-

Анджелеса или Нью-Йорка, они имели возможность развиваться самостоятельно. Буквально: они думали, что кроме их непосредственных друзей и коллег на них никто не обращает внимания – такая точка зрения усиливалась и из-за политики игнорирования местной музыки, проводимой редакторами музыкальных журналов вроде Чарлза Кросса из «Рокет». Местные группы слушали одно и то же: Игги Поп, «The Sonics»[91] и «The Wipers», «Led Zeppelin», «Black Sabbath» и «Flipper». Мало у кого из них оставалось время на панковскую лаконичность или ханжескую элитарность.

– В большинстве своем эти музыканты работали в шутовских группах, игравших смесь хардкора с панком, – говорит Рич Дженсен. – Через несколько лет они начинали восставать против ленивого псевдобунтарского позерства своих коллег – слишком много ирокезов, слишком много кожаных курток с тупыми политическими слоганами, запрет на гитарные соло… И они начинали буянить, отращивали волосы и вели себя как небожители рока из допанковской эпохи.

В отличие от металла, который выродился в Лос-Анджелесе в идиотскую «волосатую» пародию на самого себя, в этой музыке была страсть. Музыканты из Сиэтла хорошо восприняли уроки пионеров панка в США – «Black Flag», «Minutemen» и женской группы «The Avengers» из Сан-Франциско. Группы с Северо-Запада уже тогда обладали собственным звучанием. «Тяжелая музыка, исполняемая в медленном темпе» – так Курт Кобейн описывал мне его в феврале 1989 года. Равноправными источниками звучания были хард-рок, панк-рок и психоделический рок; в эту смесь добавилась свежесть, что сделало звучание уникальным. Требовалось подобрать слово для описания того, что происходило вокруг: самоуничижительное, сохраняющее гаражную специфику и эксклюзивное. И не пришлось долго думать, чтобы подыскать название, которое подходило бы для описания грязного, резкого звучания «Mudhoney», – гранж[92].

Хотите узнать, кто же придумал это определение? Музыкальный критик Лестер Бэнгс в апреле 1972 года писал в журнале «Роллинг стоун», что группа «The Groundhogs» играет «хороший, среднего уровня, тяжелый гранж». Стив Тернер, гитарист «Mud-honey», утверждает, что это слово употребляли еще раньше – на обложке альбома Джонни Бернетта, пионера кантри-музыки, а также в связи с Линком Рэем[93]. И во времена альбома «Dry As A Bone» «Sub Pop» рекламировал фирменный саунд своего лейбла следующим образом: «Смелый вокал, ревущие усилители „Marshall“, сверхраскрепощенный ГРАНЖ, разрушивший нравственные устои поколения».

– Да, в 1988-м уже говорили «гранж», – подтверждает Доун Андерсон. – И только после того, как термин начали употреблять за пределами Сиэтла, он превратился в шутку.

– Гранж стал возможен из-за того, что в Сиэтле образовалось идеальное сочетание хороших групп, независимых продюсеров, хороших звукозаписывающих студий и фотографов – и все работали за небольшие деньги, – считает Эндино. – Все случилось в нужный момент – когда коммерческий рок стал убогим и предсказуемым.

– Обычно в таких городах, как Сиэтл, развитие идет очень быстро, потому что здесь много самых разных музыкальных направлений, – объясняет Том Хэйзелмайер, глава «Amphetamine Reptile records». – В Сиэтле были фаны хардкора и металла, а также инди-рокеры, которые слушали «Gang Of Four» и «The Birthday Party». Сиэтл был маленьким городом, и здесь все было не так, как в Лос-Анджелесе или Нью-Йорке, где у каждого направления имеется собственный клуб. Им приходилось объединяться. [Джефф] Амент из «Green River» был типичным металлистом. Стив Тернер слушал только хардкор. Кроме этого, никто ничего не знал о Сиэтле. Я не считаю себя полным идиотом, но когда я узнал, что мне предстоит туда ехать, мне пришлось достать карту.

В Сиэтл редко приезжали группы, – продолжает Хэйзелмайер. – Он был слишком на отшибе. В самом городе странным образом перемешалось многое. В нем были приметы большого города – магазины антиквариата, дома с клевой мебелью, лучшие музыкальные магазины, которые я когда-либо видел, – но это был отсталый, рабочий город; высокая культура смешивалась с культурой старого портового поселка. С тех пор сюда понаехали «белые воротнички», а раньше многие музыканты работали на кораблях, ездили на три месяца в Аляску и зарабатывали деньги, на которые жили оставшийся год.

– Те, кто едет в крупные города вроде Лондона, Лос-Анджелеса или Нью-Йорка, хотят преуспеть, хотят выбиться в люди, – объясняет Марк Арм. – Они мечтают быть рок-звездами. Все, кто жил в конце 80-х, за исключением разве что парней из «Mother Love Bone», знали, что в Сиэтле с этим ничего не выйдет. Там нельзя было сделать карьеру – оставалось просто играть в группе и веселиться.

– Мы не хотели воспринимать себя слишком серьезно, – соглашается фотограф Чарлз Питерсон. – В ином случае музыка превращается в спорт.

Перед тем как уехать в Калифорнию, Дэйл успел

порекомендовать Курту и Кристу еще одного парня из Абердина, Дэйва Фостера. Фостер был металлистом, носил усы и ездил на пикапе – еще один выходец из рабочей семьи и любитель выпить. В школе он учился играть джаз на ударных. Курт велел ему забыть все, чему его учили, и просто стучать по барабанам. Сильно.

Курт также настоял на том, чтобы Дэйв сократил количество частей в своей ударной установке с 12 до 6.

– Дэйв подходил им намного больше, – утверждает Слим, – потому что он был поклонником Дэйла Кровера. Но у него была до смешного большая ударная установка, и он использовал две бочки вместо двойной педали. Мы всегда смеялись над ударниками с двумя бочками, потому что вторую они ставили, только чтобы покрасоваться перед зрителями. Все его друзья носили одежду с логотипом «Кока-колы». Они все еще учились в школе, все были выходцами из среднего класса. Нам они казались просто отвратительными. Дэйва мы с Диланом называли Психанутым, потому что он всегда орал, бросался на Курта, Криста или зрителей или хватал собеседника и швырял об стену. Потом у него были какие-то проблемы с законом, и он оказался в специальном учреждении по обучению управлению гневом.

Первый концерт, отыгранный новым составом, состоялся на вечеринке в «Caddyshack» в Олимпии – там было полно студентов из Эвергрина. Курт был одет в рваную джинсовую куртку, на плече у него сидела игрушечная обезьянка (Чим-Чим из комикса «Спиди-Гонщик»), а на спине была пришита репродукция «Тайной вечери», купленная в супермаркете. Фостер нарядился как типичный металлист: джинсы из грубой ткани и майка-«алкоголичка». Еще до начала концерта какой-то «панк» из Олимпии с ирокезом[94] схватил микрофон и заорал: «Боже мой, барабанщики из Абердина так жутко выглядят!»

Никки Макклюр присутствовала на концерте в библиотеке в Эвергрине.

– Когда я увидела их впервые, – говорит она, – мне сразу же представились «King Dome»[95] и свет прожекторов. В них было «нечто». Я знала, что они станут суперзвездами.

Вскоре после этого трио сыграло еще один концерт в «Community World Theatre» – впервые под названием «„Nirvana“: также известная как „Skid Row“, „Ted Ed Fred“, „Pen Cap Chew“ и „Bliss“». Название придумал Курт: он рассказал Дэйву Фостеру, что название пришло к нему после изучения принципов буддизма. «Это означает достижение совершенства», – пояснил Курт, когда Фостер заметил флаер концерта, лежавший дома у Курта. Позднее Кобейн объяснял Азерраду: «Я хотел, чтобы у нас

было красивое, благозвучное имя, а не грубое, развязное панковское название вроде „The Angry Samoans“ („Злобные самоанцы“)[96]».

– Я всегда считал, что это идиотское название, – говорит Слим Мун. – Оно не подходит к той музыке, которую они играли. Может быть, именно это и было круто, по мнению Курта. Тогда они просили всех своих друзей придумать название. Если бы «Sub Pop» не предложил им записать семидюймовую пластинку, то, возможно, через неделю у них бы было уже другое название.

Агрессивное поведение и облик Фостера оказались проблемой: он полагал, что Курт с Кристом плохо к нему относятся, считая его самого и его друзей гопниками – им не нравилось то, как он ввязывался в драки. Однажды кто-то плюнул на его фургон, и Фостер ударил обидчика ногой по голове; более серьезный случай произошел, когда Фостер узнал, что его девушка изменяет ему, – он избил ее любовника до полусмерти; тот оказался сыном мэра соседнего Космополиса. Фостер провел две недели в тюрьме, к тому же у него забрали права – это означало, что он больше не сможет отвозить группу на репетиции в Такому.

Устав от Психанутого Дэйва, Крист с Куртом стали снова репетировать с Буркхардом. И опять очень недолго. Однажды Аарон и Курт пили после репетиции. Аарон взял машину Курта, чтобы съездить за пивом, но вместе этого попал за решетку. Темнокожий полицейский по фамилии Спрингстин остановил его за вождение в нетрезвом состоянии. Аарон начал смеяться над фамилией копа и якобы назвал его «долбаным ниггером». Машина Курта была конфискована, а обескураженному Кристу пришлось вносить за Аарона залог.

На следующий день Буркхард не явился на репетицию из-за сильного похмелья и был выставлен из группы.

– Аарон был ужасен, – морщит нос Слим. – Они выкинули его из группы, потому что он оказался в тюрьме в те выходные, когда у них был концерт. Я помню, что Курт очень разозлился по этому поводу, но Аарон всегда воспринимался как временщик. Они постоянно говорили, что он отстойно играет, но у Аарона была машина. Это ценилось, потому что он мог перевозить аппаратуру и доставлять их всех на репетиции.

Давайте на минуту отвлечемся.

«Mudhoney» нарушали практически все пункты Свода правил «Ramones». Песня должна быть короткой. Используйте минимальное количество соло. Не увлекайтесь шоуменством. Играйте на тех инструментах, на которых умеете играть. Стройте

звук на основе звучания женских групп 60-х годов. Образ очень важен. Образ – это все. Не переступайте предел 1 минуты 15 секунд. Не переступайте предел 2 минут 15 секунд. Не переступайте предел 3 минут 15 секунд. Не меняйте стрижку. Если из первоначального состава группы кто-то уходит, берите на это место фанатов. Не прекращайте спорить друг с другом на протяжении 23 лет и обрушивайтесь с критикой на любого, кто осмелится сообщить об этом в СМИ. Уводите друг у друга партнеров. Не играйте на лид-гитаре на своих дисках. Никогда не ломайте гитару. Исключите всяческую спонтанность. Точность – это почти то же самое, что чистота.

Мэтт Люкин ушел из «Mudhoney» в 2000 году после 12 лет в группе – в рок-музыке не бывает торжественных проводов на пенсию, только иллюзия красивого дома в предместье. Наслаждение, шоуменство, спонтанность и великий рок-н-ролл – вот что всегда отличало «Mudhoney». Забавно, но, кажется, они никогда не заботились о самом главном факторе, заставляющем людей в Сиэтле жить, дышать и стоять в очередях за этой золотой морковкой, – о славе.

Стив Тернер – это американский аналог гитариста «Blur» Грэма Коксона. Это не значит, что он валялся пьяным на сцене во время концерта Билли Чайлдиша[97], пытаясь одновременно приставать к участницам группы «Huggy Bear»[98]. Нет, скорее это говорит о том, что на протяжении всей своей карьеры в «Mudhoney» он постоянно экспериментировал, шел далеко за предполагаемые пределы своей музыки. Кроме того, говорят, что он все-таки падал пьяным на сцене во время концертов Билли Чайлдиша. А у Марка Арма, между прочим, ученая степень по английской литературе, и он работает в магазине «Фантаграфикс комикс».

Курт боготворил Марка Арма. До 1991 года, когда Кортни Лав встретила Курта Кобейна (не в 1990-м, как везде ошибочно пишут[99]), она пыталась завязать отношения с Марком. В те времена вокалист «Mudhoney», вне всяких сомнений, был звездой Сиэтла. Завораживающие выступления на сцене, невероятные песни, энергия, едкая ирония, огромная эрудиция в области рок-музыки, пристрастие к наркотикам, массивный нос… Он был олицетворением Сиэтла. Кортни даже сказала мне, что назвала свою группу «Hole» («Дыра») в честь Марка Арма – «дыра в центре его существа», что-то вроде того.

– Когда мы с Марком расстались, Курт был потрясен, – говорит бывшая подружка Марка Арма Кэрри Монтгомери. – Мы с ним встретились как-то вечером и он спросил: «Но вы ведь опять будете вместе, да?» Меня удивило, что он так на это

отреагировал. Он поспорил со мной на литр текилы, что я вернусь к Марку. До этого мы с Марком жили вместе, поэтому у меня оставались какие-то ящики с его вещами, какие-то блокноты, в которых он начинал писать песни. Однажды Курт спросил: «Слушай, ты не против, если я взгляну на эти блокноты?» В одной из песен «Nirvana» есть строчки – я всегда считала, что они именно об этом. Нет, не скажу, что это за песня, – смеется она. – Я могу ошибаться.

Я: Считал ли Курт тебя с Марком своими вторыми родителями?

– До некоторой степени, – отвечает Кэрри, – но мы ведь были ровесниками! Кроме того, и без меня хватало подобных людей – как, например, Ким Гордон [«Sonic Youth»], которая очень по-матерински относилась к Марку и Курту. Однажды Курт пришел к нам домой, я как раз покрасила волосы в темно-красный цвет. Так получилось, что на лбу образовался клин в форме буквы «V», как у Эдди из «Семейки Манстеров». Курт думал, что это будет реально круто и прикольно. Но едва он увидел меня, когда я открыла дверь, то так напугался, что в буквальном смысле отпрыгнул. Я две недели после этого смеялась. Осваиваться в новой обстановке всегда тяжело.

Датой образования «Mudhoney» считается Хэллоуин 1987 года. В 1989 году я писал о том, как они звучали: «Motorhead», «Spacemen 3»[100], «Blue Cheer» и Игги прогуливаются вместе после концерта «MC5». Их первая репетиция состоялась 1 января 1988 года. Марку Арму было 29 лет. Их первый концерт в Сиэтле прошел 19 апреля, за пять дней до первого выступления «Nirvana» в клубе «The Vogue».

– Я даже не знал, как мы называемся, пока не увидел нашу фотографию в «Рокет», – смеется Дэн. – Я позвонил Марку и спросил: «Так что, мы называемся „Mudhoney“?»

Дебютный сингл «Mudhoney» – «Touch Me I'm Sick» – является квинтэссенцией…

– Настоящего гранжа, не так ли? – прерывает меня Джек Эндино. – Это была их первая сессия. Мы записали пять или шесть песен, и в конце концов две из них попали на сингл. На их первой песне «Twenty Four» обе гитары были дико расстроены, поэтому я вежливо попросил чуваков настроить их. На запись пяти песен ушло полдня.

Я: Когда вы записывали эту песню, вы понимали, насколько мощной она окажется?

– Нет. Я знал, что это крутая песня, но в то время мне нравились вещи типа «The Witch» [группы «The Sonics»]. Я был молод, только начинал свою карьеру и еще не привык к мысли о

том, что можно петь с помощью гитарного усилителя.

Впервые я увидел «Mudhoney» в феврале 1989 года в гостинице «Virginia Inn», находящейся напротив главного офиса «Sub Pop World». Сейчас я понимаю, что тогда они дали мне искаженное представление обо всех американских группах – это было мое первое посещение Америки, и тогда казалось, что здесь у всех блестяще развитое, злое чувство юмора и бесконечные запасы энергии. Большую часть своих первых заграничных интервью «Mudhoney» выдумывали всякую чушь – и мне это нравилось.

«Улицы здесь покрыты гранжем», – позже Марк Арм жалел о том, что произнес эту шутку.

Именно от «Mudhoney» ничего не подозревающий мир – в первую очередь Великобритания – узнает о гранже. Их концерты превращались в настоящий разгром: пот, угар, стейджджайвинг, секс и спонтанность. Не было ни одного студенческого союза в начале 90-х, который не сходил бы с ума, услышав первые аккорды «Touch Me I'm Sick». В свой непродолжительный период расцвета «Mudhoney» были неприкасаемыми.

Джек передал демозапись «Nirvana» нескольким своим друзьям, среди прочих – Доун Андерсон, Ширли Карлсон и Джонатану Поунмэну. Так группа получила первые рецензии в прессе, первый радиоэфир в Сиэтле и соответственно первый контракт.

– Мне очень понравилось, – говорит Доун Андерсон. – Я как раз основала «Бэклэш» [фан-журнал о рок-музыке] и искала группы, про которые было бы интересно написать. Мне очень нравились «Malfunkshun», «Green River», «Melvins», «Soundgarden», «Skin Yard» и группы такого же толка. Я помню, как впервые объявили, что рок в Сиэтле умер. Это было в начале 1988 года, когда распались «Green River», из «Melvins» ушел Мэтт, а сами они уехали в Сан-Франциско. Распались и «Feast». Потом, конечно, появились «Mudhoney», «Mother Love Bone», «Tad» и «Nirvana». Это было прекрасное время для открытия журнала.

Тираж «Бэклэш» составлял 10 000 экземпляров, и по уровню продаж журнал немного отставал от «Рокет», но тем не менее всегда был на грани банкротства. Среди музыкального истеблишмента города и в среде поклонников «Рокет» «Бэклэш» получил репутацию «журнала, который всегда пишет про плохие гаражные группы» – например, про «Soundgarden» и «Nirvana».

– Джек сидел в моей комнате, когда звонил в «Sub Pop», чтобы узнать, послушали ли они кассету, – продолжает Доун. – Джонатан сказал Джеку, что ему понравилось, но Брюс заявил,

что это «слишком интеллектуально». На что Джек воскликнул: «Он работает только с посредственностью!» Кажется странным, что про те ранние вещи говорили, будто они «слишком интеллектуальны», но это не совсем неправда. Они были намного более изобретательны, чем большинство песен тогдашних групп, игравших гранж.

– Меня вдохновляла идея, что в этой части света может произойти музыкальная революция, – объясняет Джонатан Поунмэн. – Я знал, что там появляется множество великих групп, потому что я и организовывал эти концерты. Я постоянно спрашивал Джека, есть ли у него что-нибудь новое. И вдруг он говорит: «Дэйл Кровер приходил с парнем из Абердина. Это восхитительно. Но я никогда не слышал ничего подобного». Он записал для меня кассету. Я помню, как я слушал первую песню «If You Must» и думал: «Да, классный гитарный рифф, бормотание в стиле Тома Петти…» и вдруг – крещендо и это «РАААААА…»! Тогда я в первый раз услышал крик Курта. Я сидел, глядя на кассету, и думал: «Боже мой». Я в буквальном смысле выхватил кассету из магнитофона и сбежал вниз, в офис «Yesco», где работал Брюс: «Ты должен послушать эту запись!»

Сиэтлская «Yesco» купила компанию «Muzak», производившую синтетическую фоновую музыку для лифтов и супермаркетов. «Когда я только пришел в эту компанию, мне досталась самая худшая работа, – рассказывал Марк Арм. – Нам давали большие старые кассеты, и мы оттирали с них наклейки, чтобы их можно было повторно использовать. Мы работали в маленькой комнате – повсюду летала пыль и ничего не было слышно, потому что целыми днями работали шлифовальные станки. Это было ужасно. Но забавно. Там работал Крис из „Swallow“, Грант из „The Walkabouts“, Тэд и Рон из „Love Battery“[101]…»

Несколько месяцев спустя «Sub Pop» перебрались в «Терминал сэйлс», и практически все, кто там работал, были из «Muzak». Поэтому во время обеденного перерыва Брюс включил кассету перед всеми музыкантами…

– Марк сказал что-то вроде того, что это звучит как третьесортный «Skin Yard», – вспоминает Джонатан. – Я на него накинулся: «Окстись, чувак!» У Марка безупречный вкус, но тут он его подвел. Правда, с тех пор он отрицает, что когда-либо говорил подобное. Возможно, это Брюс приписал Марку то, что сам думал про эту запись.

Изначально «Sub Pop» не входил в планы Курта. Даже когда переговоры со студией уже начались, он искал другие варианты. «Sub Pop» был новичком и успел выпустить не очень много

дисков. В течение 1988 года Курт посылал демо-записи с длинными рукописными письмами различным американским лейблам, на которых записывались его любимые группы – «Touch And Go» из Чикаго («Scratch Acid», «Big Black», «Butthole Surfers»), «SST» и «Alternative Tentacles» из Сан-Франциско («Dead Kennedys»). В своем дневнике он даже называл кассету «демо-запись для „Touch And Go“»: по его прикидкам он отправил 20 копий чикагскому лейблу, прилагая к каждой копии подарок – начиная от маленьких игрушек и конфетти и заканчивая бумажными полотенцами с соплями. Ни на одно письмо он не получил ответа.

«Мы с удовольствием заплатим за печать 1000 копий нашего диска и выплатим все расходы, связанные с записью, – писал Курт. – Мы просто хотим попасть на ваш лейбл. Если вас не затруднит, не могли бы вы, ПОЖАЛУЙСТА, прислать хотя бы ответ вроде „пошли на хрен“ или „мы не заинтересованы в вас“, просто чтобы мы больше не тратили деньги на отправку вам кассет. Спасибо. „Nirvana“».

Впечатленный демозаписью, Джонатан организовал группе концерт в Сиэтле.

И Джонатан, и Брюс настаивают на том, что в начале 1988 года состоялся еще один концерт до выступления в «The Vogue» 24 апреля (который долгое время считался дебютом «Nirvana» в Сиэтле). Этот концерт прошел на Пайонир-сквер, в «Central Tavern»: это был длинный кирпичный тоннель со сценой у стены и баром сбоку. «Central Tavern» славился своим либеральным подбором исполнителей: здесь выступали «Sonic Youth», здесь играли «Butthole Surfers».

– На первом концерте [в Сиэтле] присутствовало три человека: Джонатан, я и бармен, – вспоминает Пэвитт. – Песни у них были плохие. Но Курт хорошо пел. Они сыграли одну хорошую песню, сочиненную «Shocking Blue». Ни один из их оригинальных номеров точно не был выдающимся. Я подумал, что для начала мы сможем выезжать на этом кавере. Это было моим первым впечатлением. И еще у барабанщика были усы – просто ужас.

Я: Это был Аарон?

– Да. И ни у кого, кто их тогда видел, не мелькнула мысль вроде «через три года это будет крутейшая группа в мире» – ничего подобного. Тогда я бы сделал ставку один к миллиарду. Но мы выпускали синглы, и мне казалось, что на хороший сингл у них есть материал; к тому же их энергетика была близка тому, что делали мы. И это самоем важное.

– Был один концерт в «Central», который отменили, – говорит

Джонатан, – но было еще одно выступление, которое состоялось. Где Аарон Буркхард играл на барабанах. И да, там были Брюс, Трэйси, я, еще парочка человек. Курта вырвало – потом это у него войдет в привычку. Брюс стоял с выражением лица, говорящим: «ну давайте, покажите, что вы умеете». Он начинал проникаться потихоньку, а когда они заиграли «Love Buzz», он наклонился ко мне и сказал: «Это сингл». Именно в этот момент Брюс был побежден, к тому же «Nirvana» понравилась его друзьям в Олимпии.

Я: Он сказал, что проблему также представляли усы барабанщика.

– Это правда, – смеется Джонатан. – Лучше и не скажешь. Очень лаконично.

Итак, свой второй концерт в Сиэтле «Nirvana» сыграла в «The Vogue», небольшом альтернативном танцевальном клубе, владельцами которого были трансвестит Монти и его подружка-стриптизерша. Там в основном играли электронную танцевальную музыку, но иногда проходили и живые концерты – одно воскресенье в месяц отводилось группам из «Sub Pop». Клуб был небольшой, но не противный. Людей пришло не так много: завсегдатаи и горстка местных музыкантов. Растущая аудитория «Sub Pop», другими словами.

Перед тем как выйти на сцену, группе пришлось ждать снаружи, потому что Фостер был несовершеннолетним. Они отыграли 14 песен, на бис не вызывались, первой шла «Love Buzz». По всем параметрам выступление было заурядным.

– Не сказать, чтобы я была впечатлена, – вспоминает Доун. – Мне казалось, что Курт вел себя немножко застенчиво, хоть это и придавало шарму, и у него еще не до конца получалось одновременно играть на лид-гитаре и петь. На концерте было, может быть, 20 человек: Трэйси, Ширли и… а был ли там кто-нибудь из «Sub Pop»? После концерта Курт сказал, что у него болит желудок, и его в тот день тошнило. Затем фотограф из «Бэклэш» сделал пару фотографий.

На фотографиях Рича Хансена – первой фотосессии «Nirvana» – Курт небрит, с длинными, по плечи, светлыми волосами, в черном свитере. Он сидит на коленях у Криста, по сравнению с которым остальные участники группы выглядят карликами. Дэйв в бейсболке, перевернутой козырьком назад, и в белой футболке. Его усы действительно не катят.

– «Nirvana» играла сразу после «Blood Circus», не самой любимой моей группы, но они трясли волосами как настоящая гранж-команда, и вообще на них было интересно смотреть, – говорит Чарлз Питерсон. – Про «Nirvana» этого не скажешь. На

сцену вышли три депрессивных чувака – воплощение занудного рока. Я не был впечатлен вообще и не сделал ни одной фотографии. Я подумал: «Зачем фотографировать первый и последний концерт группы?» Помню, я сказал Джонатану: «Ты уверен, что хочешь подписать с ними контракт?» У них была кассета-пот [пот – закольцованная кассета с восемью дорожками], где было записано исполнение песни «Floyd the Barber» с «KCMU» – Ширли иногда ее включала, обычно поздно ночью, когда я работал. Эта песня мне показалась интересной, но слишком резкой. И поэтому, еще и после концерта, я подумал: «Эта группа играет настоящую нудятину».

Именно поэтому я делаю фотографии для звукозаписывающей компании, а не управляю ей, – добавляет Чарлз со смехом.

«На концерте были представители всех команд из Сиэтла, – жаловался Курт в письме Дэйлу Кроверу, слегка преувеличивая количество публики. – Казалось, что они стоят и ставят нам оценки. После выступления Брюс возбужденно пожал нам руки и сказал: „Круто, чуваки, отличная работа. Надо записать диск!“[102] Теперь мы будем должны со всеми общаться, встречаться с людьми, представляться и так далее. ЧЕРТ! Я СНОВА В ШКОЛЕ!»

«Мы вели себя скованно, – говорил Кобейн Доун Андерсон. – Это не было похоже на концерт. Нас как будто оценивали».

– Курт был довольно застенчив, – добавляет журналистка, – но я привыкла к этому. Большинство музыкантов в Сиэтле далеки от мачо, поэтому, когда я брала у кого-нибудь интервью, им нужно было сначала переварить, что перед ними настоящая женщина. Курт мне показался милым, разве что слегка растерявшимся от избытка внимания – это был их первый концерт в Сиэтле. Позднее он чувствовал себя намного раскрепощеннее. Я не сразу поняла, что Курт фронтмен, хотя очевидно, что основная творческая энергия исходила именно от него. Крист выглядел намного более уверенным. С их барабанщиком я не разговаривала, даже не помню его имени, просто «парень с усами». Когда тот номер «Бэклэш» был отправлен в печать, они его выгнали из группы, поэтому в последний момент мы вырезали его изображение с фотографии.

Может быть, концерт и не слишком удался, но несколько дней спустя Джонатан позвонил и предложил записать на «Sub Pop» сингл «Nirvana». Они договорились встретиться в кафе «Рома» на Бродвее.

Встреча прошла не очень хорошо: Крист перед встречей

напился, в кафе рыгал и постоянно обзывал Поунмэна на протяжении всей беседы. Кричал он и на других посетителей: «Какого хрена вы смотрите? Эй! Эй!» (Курт рассказывал Майклу Азерраду, что «ничего смешнее не видел».) Трэйси не понравился длинный плащ Джонатана. Курта порадовало, что Джонатан скопил кое-какие деньги[103], которые планировал вложить в первый выпуск лейбла – синглы и альбомы ограниченным тиражом, преимущественно местных команд. Но певца расстроило, что «Sub Pop» не хотел заключать контракт на что-либо большее, чем один сингл, к тому же они не хотели ставить песню «Nirvana» на сторону «А» – и, похоже, у них не было никакой деловой проницательности.

«„Sub Pop“ всегда на мели, – писал Курт в письме Марку Лэнегану. – Поэтому мы открыты для любых других предложений. У них благие намерения, но нам кажется несправедливым, что „Mudhoney“ получают привилегии и с ними обращаются лучше, чем с другими группами».

Так или иначе, начало было положено.

– Сначала на встречу в кафе «Рома» пришли Курт, Трэйси и я, – объясняет Джонатан. – Крист завалился позже. Он был пьян в стельку, но намного более вежлив, чем это сейчас описывается. Он, несомненно, был насторожен и многое наговорил, но ему стало интересно. Нам всем было интересно.

– Они были разочарованы, когда поняли, что «Sub Pop» не хочет выпускать полноценный альбом с их песнями, – говорит Слим. – Запись «Love Buzz» была компромиссом, потому что Брюсу они не очень сильно понравились. «Sub Pop» ходили вокруг да около. Курта это раздражало. Я не мог поверить, когда узнал, что они наняли мою подругу Элис [Уилер], чтобы она нарисовала обложку, – и попросили сделать ее черно-белой. После всех этих историй мое представление о «Sub Pop» сильно изменилось в худшую сторону.

– Дело в том, что ни Слим, ни кто-либо другой, казалось, не замечали, что я охренеть как нервничал, – говорит Джонатан. – Я был в восторге от таланта Курта. Я знал, что он станет великим музыкантом. Кроме того, мне нужно было сделать так, чтобы люди в «Sub Pop» прониклись талантом «Nirvana». Поэтому любые отсрочки были результатом искусства уговаривания, чтобы ребята почувствовали себя более комфортно. То, что все решал ограниченный круг людей, – это отстой; но это же делало наше сообщество более сплоченным.

– Вот классическая история о «Nirvana», – говорит Кэндис Педерсен. – Трэйси дала мне кассету с какими-то их песнями, и я сказал: «Эй, Кэлвин, тебе бы стоило это выпустить». Он ответил:

«Я не записываю группы бойфрендов своих знакомых девушек». Кассета пролежала на окне несколько лет. Он даже не послушал ее. Я ему говорила, что это интересная группа, я ведь хожу на каждый их концерт в Такоме. Упс. Но такие моменты – «упс» – обычно вас и спасают. Кто знает, что бы могло произойти?

Я: А что в них было интересного?

– Они были плохими и тупыми, – отвечает она. – Глупые, неистовые и долбанутые – все время. Не то чтобы сами долбанутые, но они раздалбывали каждую песню. Может быть, Крист слегка с чудинкой, но все остальные были здравомыслящими. Но в них присутствовала тупость в чистом виде; собственно рок-н-ролл таким и должен быть – тупым и смешным.

Группировка «Sub Pop» постепенно их принимала, и «Nirvana» начала выступать и на других концертах в Сиэтле – обычно с другими начинающими гранж-командами. Тем не менее впечатление на местную публику они произвели не сразу.

– Впервые я увидел «Nirvana» в «Central», – вспоминает Джеймс Бердишоу. – Они были очередной громкой плохой группой. Было очевидно, что они стараются быть похожими на «Melvins». Курт делал только одно – кричал. Во второй раз я увидел их летом 1988 года, они выступали на разогреве у «The Obituaries» в «Squid Row». Я был пьян, но в этот раз они понравились мне больше. Только и всего. Я помню, как Курт орал «УааааааAAAAAAAAAAAAAAAAAA!!!!!», и все остальные в это время кричали – «Дынц-дынц-дынц-ДЫНЦ!!!». Нет, ну правда, «Melvins»-младшие[104].

Только после концерта в «Squid Row» 30 июля, когда «Nirvana» разогревала «Skin Yard», Дэйв Фостер понял, что он больше не играет в «Nirvana». На тот момент он не репетировал с группой около двух месяцев, но его официально не выгоняли. Это было не в стиле Курта и Криста. Дэйв узнал об увольнении из журнала «Рокет»: он взял его, чтобы посмотреть расписание концертов. И увидел, что в этот же вечер выступает «Nirvana».

Курт написал ему увольнительное письмо, но так и не отослал его, боясь, видимо, реакции Дэйва. «Дэйв, – писал он, – группа должна репетировать, по нашему мнению, как минимум пять раз в неделю. Мы устали от полной неопределенности на каждом концерте. Две главные причины: Крис и его работа; ты и твое местонахождение. Мы не будем тебе лгать и говорить, что мы распались, мы скажем правду – мы нашли другого барабанщика. Его зовут Чед, он из Такомы и готов репетировать каждый вечер. Что более важно – мы можем с ним общаться».

Я: Итак, это вы во всем виноваты, да?

Джек Эндино: Ну, я изобрел гранж, не так ли? А, нет, это же вы должны говорить (*смеется*).

Я: Нет, я отказался от этого несколько лет назад.

Джек: Правда? Ну, слава богу. Вам же лучше.

Я: Так что это вы виноваты…

Джек: Не совсем. Можно обвинить Марка Арма.

Я: Ну да, можно, но собираюсь я обвинить вас, потому что сейчас напротив меня сидите вы.

Джек: Хорошо-хорошо, это честно. Вы знаете, Стив в этом деле намного дольше меня, Стив Фиск…

Я: Стив здесь вообще ни при чем…

Джек: Можно обвинить Брюса Пэвитта. Получится хорошее дело.

Я: Да, возможно. Что касается музыки, то…

Джек: Всем плевать на музыку! (*Смеется.*) Шучу. Я стал раздражительным… гранж превратился в такую трагикомедию, что сейчас о нем уже нельзя говорить серьезно. Просто хочется вскинуть руки вверх и… хихикать. «Что это за хрень? Как это все произошло?»

Я: Это была ваша вина. Я настаиваю на этом.

Джек: Ну хорошо, но только учтите, что если бы диски были по-настоящему дерьмовыми, а не просто дерьмовыми, то ничего бы и не произошло, потому что это была бы обыкновенная американская инди-музыка, в рамках которой производятся дерьмовые независимые диски и не получается никакой прибыли.

Я: У вас были дерьмовые инструменты, но вы делали хорошую музыку.

Джек: Да. Еще у нас было дерьмовое звукозаписывающее оборудование, и мы все равно делали хорошую музыку. В этом мой вклад. Я убеждался в том, что диски можно слушать, что люди действительно будут воспринимать эти группы всерьез… как-то так. Настолько всерьез, насколько они сами захотят. Если бы такого желания у них не существовало, то они бы и поныне оставались в безвестности, и «Sub Pop» было бы нечего записывать на своем лейбле. Я получаю демо-записи каждый день, и они ужасны. Я думаю: «Слава богу, „Bleach“ звучит так же хорошо, как на самом деле». Потому что в итоге его услышали огромное количество людей. Даже у «Touch Me I'm Sick» – прекрасный саунд. Песня звучит так, как она и должна звучать. Но знаете, что я сказал Марку и Стиву тогда? Я сказал: «Парни, вы уверены, что вам нужно столько дисторшна на гитарах?»

Я: Расскажите нам о гранже. Вы ведь крестный отец гранжа, один из многих, не так ли?

– Вот так фраза, – смеется Лейтон Бизер, бывший «гитарист» группы «Thrown-Ups»[105]. – «Крестный отец гранжа». Нет. И никогда не считал себя таковым. Возможно, Джек Эндино называл себя так, хотя я слышал, что то же самое говорили и про Нила Янга. Но к тому моменту уже все произошло – Янг просто зашел и сказал: «Мне это нравится!» Поэтому Джек – крестный отец гранжа, а я – Лев Троцкий гранжа. Без меня его бы не было, но я слишком радикален, чтобы когда-нибудь воплотить свои идеи в жизнь.

Дополнение 2: «Green river»

– …И Марк Арм выходит с большим пенопластовым контейнером, достает бейсбольную биту и разбивает контейнер, – начинает промоутер из Сиэтла Джулианна Андерсон[106]. – В контейнере было зеленое желе, которое разлетелось повсюду. Всех заляпало. Это была самая тупая шутка.

Другая история – однажды «Green River» играли с «The Mentors». «The Mentors» – группа из Сиэтла, предвестники шок-рока, предтеча Джей-Джей Аллина. Их тексты были более чем вызывающими, в песнях рассказывалось о том, как в кладовке запирают женщин и избивают. «The Mentors» на концертах играли в костюме членов ку-клукс-клана, поэтому, когда Марк согласился с ними выступать, он позвонил мне и спросил: «Ты не выкинула свою швейную машинку?» Он пришел ко мне с гигантским цветным куском ткани, маркером и какими-то кружевными украшениями. Мы сшили с ним пять больших капюшонов, как у ку-клукс-клана… а потом он нарисовал на них большие счастливые, улыбающиеся рожицы. Это было уморительно. Все были серьезные, или злые, или сердитые, но «Green River» всегда веселились и играли превосходную музыку. Нет, ну правда – капюшоны ККК в цветочек? Это прекрасно!

– «Green River» – это было круто, – восклицает Лейтон Бизер. – Я присутствовал на их первом концерте, в клубах «12th» и «Yessler». Я был под ЛСД – по чистой случайности. Марк и Стив выглядели как школьники, решившие пошалить. Они были коротко стрижены, но уже слегка обросли; на них были рубашки «Оксфорд» навыпуск – симпатичные беззлобные ребята. Джефф [Амент] что-то вытворял на сцене, привязав к грифу своей бас-гитары три или четыре шарфа. Он не мог определиться, кем ему

быть – Стивеном Тайлером или Джином Симмонсом. Лицо у него было выкрашено в белый цвет, он походил на мальчика-звезду, кажется, одежда на нем была из спандекса; играл он на бас-гитаре «Destroyer». Я был на одной волне с Марком и Стивом – такой же школьник, решивший пошалить. Мои чуваки! И вот они начали играть – и это было круто, как «Mudhoney». Я стоял, смеялся над Джеффом – и тут они меня просто впечатали в стену. И, возможно, изменили мою жизнь.

«Green River» переросли панк-рок, – продолжает Лейтон. – Они выжали из него все, что смогли, и потом решили: «Притворимся, что мы „Aerosmith“, – это должно быть очень смешно». Через некоторое время, к их полнейшему удивлению, все получилось. «Черт побери, это работает!» Кто-то из них говорил: «Это ужасно! Я вернусь к тому, чем я занимался вначале, и буду делать это еще круче, чем раньше». А другие говорили: «Ну, чувак. Я уже звоню в звукозаписывающие лейблы!» Они разделились, и между ними разгорелась война, но это была ненастоящая война – они по-прежнему оставались друзьями, и это происходило обычно так: «Ну, чуваки, какие же вы тупые!» Одно время все смеялись над «Pearl Jam», потому что они играли коммерческую музыку. Но в итоге смех замолк, и все подумали: «Черт. Они же богаты!»

Глава шестая
Город рока «Sub pop»

Бывший басист «Soundgarden» и вокалист «Hater» Бен Шепард – человек размеренный, вдумчивый. У него своеобразное чувство юмора, порой по-настоящему черного. Я помню бессонные ночи, проведенные с ним в Японии, – незадолго до смерти Курта – он казался вросшим в землю, таким глубоким было его чувство отчаяния. Он напоминает мне Курта и вокалиста группы «Screaming Trees» Марка Лэнегана – этих сверхсерьезных, почти ворчливых музыкантов с тихоокеанского Северо-Запада. Они меня очень уважали, но я никогда не понимал почему. Возможно, потому что я был таким же, как они, интровертом, замкнутым в себе, но как только напивался, взрывался и становился невыносимым – пьяный от ожидания, от жизни, от отчаяния; потому что – черт! – какая разница, проснусь я завтра утром или нет. Бен редко говорит с журналистами. Он им не доверяет. Предпочитает выпить по пиву со своими друзьями, вроде его друга детства, с которым они раньше играли в одной группе, – Чеда Ченнинга.

– Я познакомился с Куртом Кобейном на одной вечеринке в Олимпии, – говорит Бен. – Мы сидели в одиночестве по краям дивана, наблюдая, как веселятся все остальные. Потом разговорились; там была акустическая гитара, которую мы по очереди брали в руки. И сошлись на том, что обычно на этом вечеринки для нас и заканчиваются – в одиночестве, с гитарой. Никого особенно не знаешь, да и не хочешь ни с кем знакомиться-то. Настроения нет.

Бен тусовался с «Melvins» в начале 80-х. Он жил какое-то время в родном городе Чеда, в Бейнбридж-Айленд; если разразится цунами – а так непременно и будет, как считают паникеры-американцы, – то именно там в первую очередь можно будет укрыться. Бейнбридж настолько красив, что дух захватывает: извилистые горные дороги, вдоль которых растут сосны; уютная главная улица; рыночная площадь; хот-доги на пароме; старые усадьбы и непритязательные хижины в лесу. Курту стоило бы пожить здесь: ему понравилась бы здешняя атмосфера покоя – никакой элитарности Олимпии, духа соревновательности Сиэтла или пролетариев Абердина. Возможно, Кобейну стало бы слегка скучно – ритм жизни здесь достаточно неспешный, – но в Бейнбридже есть своя музыка. Чед и Бен могут это подтвердить.

– С Кристом я познакомился через «Melvins», – рассказывает мне Бен в плохо освещенном баре на 15-й авеню в Сиэтле; в воздухе плавают клубы сигаретного дыма. – Я не знал, что он играет в группе, пока мы не встретились в «Community Theatre» в Такоме, где давала концерт группа «The Magnet Men»[107], в которой тогда играли мы с Чедом. Знаменитые фотографии Курта, где он в синих штанах, были сделаны на этом концерте. В тот вечер они выступали под названием «Bliss». Крист спросил меня, можно ли взять ударную установку нашего барабанщика. Я сказал: «Ух ты! Ты играешь в группе? Круто, чувак!» В итоге они одолжили установку Чеда. Кажется, тогда у них за ударными сидел Майк Диллард. Вскоре наша группа распалась, и они взяли к себе Чеда.

У нас в группе Чед просто зажигал за ударными, – продолжает певец. – В «Nirvana» он так и не заиграл в своем привычном стиле. Он очень ловкий. Чед охрененно играет и на гитаре. Его сильно недооценивали. Да и сейчас недооценивают.

Прошло несколько недель. Мы сидим в гостиной дома у Чеда в Бейнбридже, где он живет со своей женой и дочерью. Дома беспорядок, но уютно; открытая планировка, низкие потолки; в таких домах на входе надо снимать обувь, на холодильнике висят школьные рисунки, на стене – фотография создателя «Пинатс» Чарлза Шульца с автографом; в гостиной стоит удобный старый диван. Кофе невероятной крепости, скорее турецкий, чем американский. «Извини, если недостаточно крепкий, – предупреждает Чед. – Я не пил кофе сто лет».

Чеда я не видел уже 15 лет. Раньше я путал его с Куртом: оба были невысокими, чувствительными, выглядели несколько смешно – длинные волосы и акцент, в котором угадывалась близость к Пьюджет-Саунд; оба были очень деликатными, даже стеснительными.

– Это забавно! – смеется барабанщик. – У меня всегда была плохая память на цифры и на имена. Зато я запоминаю звуки, и у меня неплохая визуальная память.

Чед абсолютно не изменился за это время. Я сразу же его узнал, когда он вылезал из машины – он приехал за мной на причал паромов (Бейнбридж-Айленд находится в 30 минутах от Сиэтла), извинившись, что не смог забрать меня пораньше. Он по-прежнему одевается в стиле гранж – клетчатая рубашка, кроссовки, длинные волосы, баки, – но так он всегда и выглядел. Он приветлив, с удовольствием говорит о музыке. Рассказывает о своей нынешней группе, о старых командах, которые нам обоим нравились раньше («Talulah Gosh», «The Shaggs», «Marine Girls»), и о своих планах – построить звукозаписывающую студию на

острове.

Мы едем по извилистым улочкам Бейнбриджа, Чед показывает мне некоторые примечательные места: «Когда я был моложе, я забирался на эту башню и обедал там. Места там было мало, поручней не было, и платформа раскачивалась на ветру. И от нее примерно двадцать пять метров до того места, где Чарлз Питерсон сделал одну из ранних фотографий „Nirvana“ – в поле, посреди цветов…»

– Я тоже из Бейнбриджа, – рассказывал мне Джек Эндино, – и еще раньше этих чуваков залезал на башню – еще когда учился в школе. Это радиовышка бывшей военной базы Форт-Уорд, оставшаяся после Второй мировой войны, – сейчас она заросла бурьяном и сорняками. Ее высота составляла 65 метров. Место, где Чарлз сделал фотографии, – это бывшая летная полоса базы. Теперь там поле – одно из главных мест на острове, где в 70-е можно было найти псилоцибиновые грибы. Эти изумительные галлюциногенные грибы больше в США нигде не растут – насколько я знаю; и их неоспоримое значение для развития гранжа до сих пор должным образом не было отмечено.

Чед родился в семье Бернис и Уэйна Ченнингов 31 января 1967 года в городе Санта-Роза, штат Калифорния. Уэйн работал ди-джеем на радио – по слухам, он был знаком с Элвисом Пресли, – и по работе ему приходилось ездить по всей стране, на Гавайи, на Аляску, в Анакортес и Миннесоту. Они постоянно переезжали, и Чед нигде не мог толком освоиться и завести друзей: «С кем бы я ни познакомился, я всегда знал – это ненадолго, – говорит он. – Такая жизнь отбивает охоту знакомиться с людьми». Он хотел стать футболистом, но, как и Марк Лэнеган (тот в 16 лет сломал обе ноги, спрыгнув с грузовика, и погубил начинавшуюся карьеру баскетболиста), сломал бедренную кость в странном происшествии в тренажерном зале. Только через 7 лет он оправился от травмы. Как и Лэнеган, Бен в поисках утешения обратился к музыке, выучившись играть на барабанах и на гитаре.

– Я начал играть на ударных со школьными друзьями в 1982 году, в Анакортесе, – вспоминает он. – Мы были настоящей панк-рок-группой. Никаких каверов. Я никогда не хотел играть каверы, потому что у меня было слишком много своего в голове. Одно время, когда мы жили в Якиме, я участвовал в группе, которая играла невнятный, темный нью-эйдж. Затем был «Mind Circus» – я за ударными, Бен Шепард на гитаре, очевидный закос под «Melvins». В семнадцать я перешел в «Stone Crow» – эта группа играла спид-метал и часто выступала вместе с хардкорными [панк-] командами типа «DRI» и «COC»[108].

Как у Курта и Криста, родители Чеда были разведены, а сам он постоянно подрабатывал, кое-как сводя концы с концами. На момент знакомства с ребятами он жил в Бейнбридже и работал поваром в местном ресторанчике. Интересы у новых друзей также были схожие: травка, кислота, вечеринки, панк-рок и набирающая силу местная музыка Олимпии.

– Курту нравились местные группы вроде «Beat Happening». Крист больше слушал рок-музыку 70-х. Каждый из них увлекал друг друга новой музыкой. Я подсадил их на «Shonen Knife»[109].

В 1985 году я нашел одну кассету с альбомом «Burning Farm». Можно сказать, что я подсадил их и на Дэвида Боуи. У меня оказалась виниловая пластинка с альбомом «The Man Who Sold The World» в идеальном состоянии, я записал его на кассету и включил как-то в машине. Курт спросил: «Кто это?» Они познакомили меня с музыкой «The Vaselines». Тогда я уже слушал «Shocking Blue». У «Smithereens»[110] был альбом, который мне тоже очень нравился. А Курту нравилось то, что делал Кэлвин. Нам всем нравилось. Это ведь Олимпия, чувак. Тогда там было много всего клевого.

Хотя первыми открытиями стали некоторые группы из Сиэтла – во многом благодаря знакомству с неугомонным Марком Армом (певшим тогда в малоуспешном «Mr Epp»).

– Позднее я стал слушать «Soundgarden», «Melvins», «The U-Men» и прочее, – вспоминает далее Чед. – Я присутствовал на втором концерте «Soundgarden». Это было реально круто: не металл, скорее какая-то чокнутая гитарная музыка. Чувствовалось сильное влияние трип-хопа. После концерта мы взяли ящик пива и пошли к железнодорожным путям на пересечении 5-й авеню и Джексон-стрит.

Официально Чед познакомился с Куртом и Кристом на последнем концерте «Malfunkshun» в «Community World Theatre», который состоялся 6 мая 1988 года, – там же играли «Lush»[111] и «Skin Yard», которые были хедлайнерами. Познакомил парней общий друг, Деймон Ромеро, участник «Lush» и «Treehouse»[112], студент Эвергрина. Курт помнил выступление группы Чеда на том концерте, где они сами играли под названием «Bliss»: особенно его впечатлила ударная установка из стекловолокна – конусообразные кожухи возвышались над барабанщиком. «Выглядело ужасно, – говорит Чед, – но звук получался очень мощный». Кроме того, группа «The Magnet Men», существование которой ограничилось тем концертом, устроила радиовыступление с Джоном Гудмансоном – его записывал на кассету Курт. Поэтому Курт и Крист пригласили Чеда на их следующий концерт в Эвергрине.

– Они мне сказали: «Хочешь с нами играть?» – вспоминает Чед. – А я ответил: «Было бы круто». Я подружился с этими чуваками. Они казались веселыми и интересными. После концерта мы тусовались около их белого тупоносого фургончика «додж». Именно на нем мы в первые дни ездили по концертам.

Их выступление мне понравилось, – продолжает он. – Большинство песен я знал, потому что они тогда играли номера вроде «Mexican Seafood». Я смотрел за игрой Дэйва и пытался понять, почему они хотят сменить ударника. Он стучал достаточно хорошо. Возможно, дело было в человеческих качествах, и они просто не подходили друг другу.

– Чед им понравился, потому что у него была крутая, огромных размеров, ударная установка[113], – объясняет Слим Мун. – Он был первым, кто их устроил. Были, правда, сложности из-за того, что он собирался писать песни: что-то вроде мелодичное и в духе прогрессив-рока. Они этого не хотели. Плюс чувство ритма у него было не идеальным. Но он вполне подходил, чтобы начать ездить с концертами.

– Первый раз я играл с ними в подвале у Криста, в Такоме, – говорит Чед. – Подвал был примерно с эту комнату величиной, может быть, чуть меньше. Везде был пенопласт – для звукоизоляции, и какие-то куски даже свисали с потолка. Кажется, у них там стоял магнитофон на четыре дорожки. Там было сыро – очень сыро, но опять же, в таких комнатах всегда сыро. В комнате размещалась моя установка, а в углу вроде бы валялись чьи-то старые, разбитые барабаны. Также там был большой красный усилитель Криста. Кажется, Курт был со своим усилителем «Randall», но он не играл на всю мощь 212 вольт в тот вечер.

Хотя новый барабанщик их привлек в первую очередь своей гигантской ударной установкой, Курт и Крист заставили Чеда уменьшить ее – как и в случае с Дэйвом. Группа начала серьезно репетировать: они играли песни с первой демо-записи и новый материал, такой как «School» (очень характерная для Олимпии песня) и «Big Cheese», напоминающий похоронный марш в духе «Melvins», – заглавный герой песни был списан с Джонатана Поунмэна. «В этой песне я говорю о том давлении, которое он оказывал на меня в то время, – он был слишком критичен и субъективен по отношению к тому, что мы тогда записывали», – рассказывал Курт Майклу Азерраду.

«У нас появился ударник, и мы начали постоянно играть в этом маленьком доме, – писал Крист в книге „О гранже и правительстве“. – Мы по-настоящему напряженно репетировали. Выворачивались наизнанку. Все было настолько серьезно, что мы

жутко расстраивались, когда нам казалось, что мы плохо играли во время репетиции. Если не удавалось поймать эту волну, это космическое чувство свободы – мы были разочарованы; трудно терять Бога, когда ты его однажды увидел. Мы не играли чужих песен и не устраивали растянутых блюзовых джемов. Это было чистое выражение душевного беспокойства».

Официально Чед никогда не играл в группе.

– Они постоянно звали меня на репетиции, – говорит он. – Но никогда не говорили, что я принят в группу. Нашим первым концертом можно считать выступление либо в клубе «The Vogue» [3 июля], либо в «Central Tavern» [23 июля, на разогреве у «Leaving Trains»[114] и «Blood Circus»]. Ни на одном из этих концертов не было толпы народу.

До того как в группе появился Чед, музыканты успели сыграть в мае несколько концертов: один в «The Vogue»; в другой раз друг попросил их выступить в Эвергрине на вечеринке, посвященной его 18-летию, – это было 14-го числа, там Курт сыграл кавер на песню группы «Scratch Acid» «The Greatest Gift». Был еще один концерт 5 июня в «The Central Tavern» в Сиэтле, организованный опять же Поунмэном.

Я: Что вы можете сказать о ваших ранних концертах?

– Там никого не было, – утверждает Чед.

Я: Были ли какие-нибудь драки, беспорядки?

– Не особенно. Мы сами бесновались на сцене и ломали аппаратуру, но не с самого начала. Это началось, может быть, концерте на третьем. И я не придумывал этого намеренно. Я лишь присоединился к тому, что уже творилось на сцене. Но было реально весело. Не то чтобы мы договаривались: «Так, Крист, ты, короче, прыгаешь высоко-высоко, бросаешь басуху вверх и ловишь ее башкой. А ты, Курт, падаешь на пол и начинаешь извиваться, как червяк». Нас просто уже тошнило, выворачивало от этого стадионного рока, его спецэффектов и всего того, что полагалось делать на сцене – и чего мы делать не хотели.

Я: Вы когда-нибудь играли пьяным?

– Никогда! А вот Крист играл. Об этом все знали. Я никогда не пил во время концерта. После – пил, но очень редко напивался.

11 июня «Nirvana» вернулась в студию «Reciprocal», решив наконец записать сингл для «Sub Pop». Первой песней стала «Blandest», затем были записаны версии «Love Buzz» и «Big Cheese», первые варианты «Mr Moustache» и «Blew», а также инструментальная версия «Sifting» с фуззом. В этот раз процесс шел тяжелее, чем во время демо-записи. Возможно, из-за того, что все знали: сейчас они записывают уже готовый продукт. Кроме того, Курту не нравилось, что Чед стучит по барабанам

недостаточно сильно.

На самом деле «Nirvana» старалась основательно изменить свое звучание, пытаясь сформировать собственный образ, стать непохожими на свои любимые группы. Они совмещали мачизм рокеров из «Black Flag» и «Led Zeppelin» и более деликатный подход, свойственный «R.E.M.» и «The Beatles».

Группа дважды возвращалась в студию дописывать сингл – 30 июня и 16 июля. Песни записывались поверх предыдущих треков, поэтому не приходилось платить дополнительные 50 баксов за новую ленту. Вторая версия «Love Buzz» вошла на сингл; вначале шел 10-секундный аудиоколлаж, вырезанный Куртом со своей кассеты со звуковыми сэмплами «Montage Of Heck». Курт хотел, чтобы песня начиналась 45-секундной записью этих сэмплов, но его отговорили от этого шага.

– Не уверен, что Курт остался доволен тем, что на сторону «A» поставили кавер, но в итоге он решил, что по поводу сингла нечего спорить, – говорит Джек Эндино. – На сторону «B» они собирались поставить песню «Blandest» («Слабейший»). Она не зря так называется (*смеется)*. Но остальным членам группы она не очень нравилась, и Чед не знал, как ее играть. Они показали ему партию за день до записи. В итоге они сыграли «Big Cheese» и еще пару песен. Я подумал: «Ого, а эти будут покруче». Они легко согласились на то, чтобы поставить песню «Big Cheese» на сторону «B». Первая собственная песня должна сразу же привлекать внимание людей – вряд ли это могла сделать шумная, достаточно медленная композиция. Они собирались впоследствии переписать «Blandest», но так в итоге и забросили ее.

Я: Был ли этот кавер выбран по каким-то особым причинам?

– Нет, – отвечает продюсер. – Это был единственный кавер в их репертуаре на то время[115], и он понравился Джонатану. Это была его идея. Запись кавера в качестве первого сингла может навредить группе – часто это означает конец карьеры. Но ребята были достаточно умны, чтобы дальше не перепевать чужие песни.

«Sub Pop» заплатил за эту сессию – согласно легенде, позже, когда гранж уже был на волне популярности, а финансы лейбла были в полном беспорядке, они возвращали чеки в «Reciprocal».

– На самом деле было всего один или два чека, – признает Джек, – но от подобной репутации трудно избавиться.

Печально известная некомпетентность лейбла в финансовых вопросах не добавляла уверенности их музыкантам. Однажды, вскоре после заключения соглашения о выпуске сингла, Брюс позвонил Курту и попросил у него в долг 200 долларов.

В августе Джонатана и Брюса посетила удачная идея, как можно бороться с проблемой притока денег: они решили создать

«Клуб синглов» – меломаны платят 35 долларов и получают подписку на один год; в течение этого года им каждый месяц присылают по почте сингл. Было решено, что синглу «Nirvana» будет оказана честь стать первым в этой серии – диск был выпущен ограниченным тиражом в 1000 копий. Курт был разочарован этим известием – он хотел, чтобы у его группы состоялся «настоящий дебют», – но не передумал: в конце концов, большинству групп вообще не удается записать и выпустить хоть какой-нибудь диск.

Движение началось – в самом Сиэтле и в окрестных городах.

«Soundgarden» приобрели сомнительную репутацию группы, подписанной сразу на трех лейблах: «Sub Pop», «SST» (там они выпустили местами просто восхитительный альбом «Ultramega OK»[116]) и «A&M» – мейджор, с которыми они и стали в дальнейшем сотрудничать. Вскоре появилась хеви-метал группа «Alice In Chains»[117], но в 1988 году главными ньюсмейкерами в городе была именно команда Криса Корнелла. «SST» уже давно подписал «Screaming Trees» и выпустил три их альбома, в том числе и клаустрофобический «Buzz Factory» (1989), продюсером на котором выступил Джек Эндино, а также EP-альбом номеров, не вошедших на другие диски, «Other Worlds». После этого «Screaming Trees» недолгое время сотрудничали с «Sub Pop», успев выпустить блестящий двойной семидюймовый диск «Change Has Come», а затем подписали контракт с крупным лейблом «Epic». Начинал принимать участие в движение и нью-йоркский лейбл «Homestead records»[118] – на нем вышел двойной 12-дюймовый диск «Screaming Trees» и «Beat Happening»[119] (Кэлвин продюсировал самые первые концерты «Trees», проходившие за пределами Элленсбурга).

– К лету 1988 года ситуация в городе значительно поменялась, – говорит гитарист «Mudhoney» Стив Тернер. – Мы дали несколько концертов; и вдруг внезапно оказалось, что, где бы мы ни выступали, место было забито под завязку. Мы играли внизу в «Comet Tavern» – вместе с «The Walkabouts» и вроде бы «Blood Circus», – все билеты были проданы. Положение менялось очень быстро. Раньше на местные команды никто не ходил! Мы решили, что это какая-то странная аномалия, поэтому старались оторваться по полной: море пива и сумасшествия. Мы выступали в «The Vogue» так много раз за эти девять месяцев, что все эти концерты слились у меня в один.

Ближе к концу 1988 года «Mudhoney» выпустили альбом «Superfuzz Bigmuff» и отправились в свое первое турне по США. Концерты были неистовыми, безумными: месиво из потных тел и длинных волос; Марк Арм язвительно приглашал фанатов на

сцену и бросался в драку; Мэтт Люкин с одинаковой периодичностью отхлебывал из пивной бутылки и бил по своей бас-гитаре. Музыканты из других городов – «Sonic Youth», Том Хэйзелмайер из хардкор-команды «Halo of Flies» со Среднего Запада и влиятельный диджей Джон Пил из Великобритании – начинали проявлять интерес.

«Sonic Youth» выпустили совместный 12-дюймовый сингл с «Mudhoney» на британском лейбле «Blast First»: каждая группа играла кавер на песню другой («Halloween» и «Touch Me I'm Sick» соответственно). В следующем году команды отправились в турне по Великобритании – именно тогда в Соединенном Королевстве впервые воочию увидели гранж. Я представлял «Mudhoney» на их первом английском концерте – в клубе «Riverside», город Ньюкасл, – надев на себя пиджак в стиле мод. Я должен был прокричать несколько слов и прыгнуть в толпу, однако было столько народу, что я испугался и убежал за сцену, где встретил бас-гитаристку «Sonic Youth» Ким Гордон. «Ты куда это собрался?» – рявкнула она. Короче, я прыгал со сцены семь раз, и каждый раз толпа выбрасывала меня обратно на сцену.

Этот диск я сделал синглом недели в Великобритании, написав в «Мелоди мейкере»: «Бессознательный, первобытный рок – такой, каким он должен быть. „Sub Pop“ скоро до вас доберется – лучше поберегитесь».

Казалось, Брюс и Джонатан выпускали сингл каждую неделю – «Blood Circus», «Tad», «Swallow», «The Fluid», «Screaming Trees»… у этого списка не было конца. Тогда существовали и другие лейблы – «C / Z», «Pop Llama», «T / K» из Портленда, – но настоящим лидером был именно «Sub Pop», движимый энергетикой Джонатана и проницательностью Брюса. Снимки делал Чарлз Питерсон, альбомы записывал Джек Эндино… «Sub Pop» – кустарное производство – был впереди всех.

– Во сколько обошелся диск «Touch Me I'm Sick», в 100 долларов? – задает риторический вопрос Пэвитт. – На запись «Bleach» ушло 600 долларов, а диск разошелся 1,5-миллионным тиражом. Это, видимо, самый крупный возврат капиталовложений в музыкальную пластинку со времен «Sun Sessions» Элвиса[120]. Эндино великолепен. Кто-то должен уметь увидеть талант и проводить последовательную политику – мне кажется, именно в этом заключалась моя заслуга.

– Джек работает очень неброско и очень тщательно, – говорит Марк Арм. – Был какой-то период, когда он стал работать по шестьдесят часов в неделю, и именно тогда, мне кажется, он утратил какую-то часть своей спонтанности.

– Примерно в течение года мне казалось, что все без

исключения группы записывались у меня, – комментирует Эндино. – Может быть, они мне доверяли, потому что я сам был музыкантом. Я играл не только в «Skin Yard», я был ударником в «Crypt Kicker Five», басистом в нашей с Терри Ли Хейлом [музыкант, записывающийся на «Sub Pop»] группе «The Ones» – в 1988 году я был участником трех команд. Кроме того, мы записывали практически даром. Как бы то ни было, я оказался в эпицентре всех этих событий. «Sub Pop» постоянно присылал мне записи. Каждый раз, когда Джонатан или Брюс занимались одноразовым синглом для своего «Клуба синглов», они отправляли группу ко мне.

Чаще всего записывали семидюймовые пластинки, – продолжает продюсер. – За время расцвета гранжа я записал больше сотни семидюймовых дисков. Сейчас про них все забыли, но тогда они высоко ценились. Сердце коллекционера при виде их начинало биться чаще: «О, это коллекционное издание, вышло только 500 экземпляров». Мне очень нравились семидюймовые пластинки. Удовольствие достигалось мгновенно. Идешь в студию, записываешь пару песен, они выходят пару месяцев спустя, и ты с полным правом можешь говорить, что ты записал пластинку. В общем, нам надо было записывать все эти одноразовые синглы для других групп не из Сиэтла – «L7» [женская группа из Лос-Анджелеса], «Babes in Toyland», «Helios Creed»[121].

Больше других я любил «Babes In Toyland». Все, что я находил важным в рок-музыке, было связано с этими тремя женщинами из Миннеаполиса. Кэт Бьелланд стояла на сцене с искаженным от ярости лицом, выплевывая слова о любви и ненависти поверх изломанного гитарного риффа. Она носила низкие каблуки, шифон и вообще создала странный образ маленькой девочки: сильно обесцвеченные кудри, как у малышки из детского сада; порванное «кукольное» платьице; красная помада и широко распахнутые глаза. Кортни Лав позднее утверждала, что это она изобрела взгляд «девочки-шлюхи» (она играла в командах вместе с Бьелланд и бас-гитаристкой «L7» Дженнифер Финч) – но первенство, без сомнения, принадлежит Кэт. К концу выступления ее ноги были сплошь в синяках – от соприкосновения с гитарой; эта боль заглушалась нескончаемым потоком виски.

Но ничего «девчачьего» или детского в ее выступлениях не было. От ее криков кровь стыла в жилах, они были очищением, изгнанием дьявола прошлого и вереницы недавних бойфрендов-ублюдков. Рядом с ней стояла Мишель Леон, которая могла бить по бас-гитаре с адской силой – от девушки ее габаритов ничего подобного не ожидаешь. За ними сидела Лори Барберо –

нахальная, громкая, любимая сестричка всех и каждого – и выбивала дурь из ударной установки, иногда подпевая в своей оперной, протяжной манере. В конце выступления она вскакивала из-за установки и фотографировала зрителей – как будто все мы были гостями на какой-то частной вечеринке. Тем не менее все внимание публики было каждую секунду приковано к Кэт – она закатывала глаза к небу, стучала ногой по сцене и била своей гитарой, облепленной стикерами, по бедрам. От Кэт исходило электричество.

– Пластинка «Spanking Machine» [группы «Babes In Toyland», 1989] – один из самых гениальных альбомов за всю историю, – сбивчиво рассказывала мне Кортни в 1992 году. – Это истина, уверенность, кислотные приходы, бэд-трипы, ложь, идиоты из Миннесоты, открытые рваные раны, дешевое вино, День святого Валентина, старые вонючие ночнушки, никаких парней, обожание Ника Кейва и «Butthole Surfers», суровая зима и клевые киски, чувство, что ты одна на свете чокнутая девушка, да и еще какие-то мои тексты, но это не важно, просто от этого даже лучше.

– Вначале мы даже не понимали, что создаем какую-то особенную, уникальную, по общему мнению, эстетику, – объясняет Чарлз Питерсон. – Мы были больше впечатлены деятельностью «Touch And Go», «Homestead», «SST» и «Dischord». Брюс с Джонатаном шутили о «всемирном господстве „Sub Pop“», говорили, что мы станем популярны. Мы отвечали: «Да-да, конечно». Мы просто хотели поменьше платить за аренду. И с музыкальной точки зрения было интересно, прикольно, ребята записывали хорошие альбомы… но, черт, у нас не было групп вроде «The Replacements», «Sonic Youth», «Black Flag» или «Butthole Surfers». Вот что было реально.

Я: Сколько людей приходило на ранние концерты групп из «Sub Pop» в Сиэтле?

– Мало, – отвечает Питерсон. – Не больше ста человек. «Central Tavern» вмещал максимум двести пятьдесят.

Я: Как одевались зрители?

– Ужасно, – смеется фотограф. – Насчет одежды в Сиэтле никто особенно не запаривался. Как и сейчас. На одной фотографии, сделанной в 1983 году, изображены зрители того времени – мы их называли «деревенскими бродячими собаками». Нет какого-то одного представления о стиле. Что-то от хиппи, что-то от глэм-рока; на одном тренч, на другом фланелевый плащ, на третьем кожаная куртка со значком «Сид Вишес»; что-то от панка. Просто все тогда одевались в дешевых магазинах. Носили всё подряд. Потом началось разделение на лагеря. Я больше общался с фанатами «Mudhoney», которые носили

«дудочки» и олдскульные рубашки «Пингвин». Это было ближе к гаражному року.

Я: Я всегда считал, что у «Mudhoney» чувствуется это влияние модов.

– За исключением Мэтта Люкина, никто из них в жизни бы надел фланелевую рубашку, – кивает Чарлз. – Это идет от эстетики олдскульного панка. Именно он был нашим вдохновением, и именно на нем мы выросли. По сравнению с ними я больше любил английские группы. Марк больше слушал чокнутые американские хардкор-команды вроде «The Angry Samoans». Значение, которое имел для всех нас панк-рок, часто недооценивается. То, что делала «Soundgarden», кардинальным образом отличалось от той музыки, которую играли «Mudhoney» и «Nirvana». На концерте «Alice In Chains» не найдешь никого, кого можно было увидеть на концерте «Mudhoney». На выступления «Pearl Jam» я не ходил уже много лет.

– Тем, кто приходил на концерт, было от 18 до 29 лет, – вспоминает бывший звукооператор «Nirvana» Крэйг Монтгомери. – Одеты они были в старые джинсы и футболки с символикой рок-команд, кожаные куртки, много фланелевых рубашек, трусы торчали над джинсами… У многих были длинные волосы, ботинки «Доктор Мартенс» или кеды «Конверс». Это были студенты колледжей или бездельники – уж точно не поклонники мейнстримовых рок-н-ролльных команд и не фанаты готических или хардкорных групп. Ненавижу слово гранж, но…

– Я родилась в Истсайде, поэтому казалось, что мы сделали частью своей культуры эти садо-мазо штуки, которые тогда приходилось покупать в жутких подпольных секс-шопах. Все носили черные джинсы, – говорит Джулиан Андерсон. – Всем было по хрен. Мы носили футболки с переведенными вручную изображениями. Многие девушки, например я, очень любили вещи из секонд-хендов, скажем, домашние платья 50-х годов и прочие вещи в стиле ретро. Не было какой-то системы или моды; вся эта чепуха насчет пристрастия к фланели – это все выдумки СМИ. Да, некоторые люди носили фланелевые рубашки, но…

Я: А как же «Tad»?

– Они были из Бойза! – восклицает Андерсон. – Фланелевые рубашки, эти плотные шерстяные клетчатые рубашки? Ну поймите же, здесь холодно и влажно! Никто не носил их с каким-то расчетом, намерением. Люди ходили каждый день в рок-клубы и надевали то, что находили в секонд-хендах и считали на тот момент прикольным. Это происходит каждый день в этой стране – даже сейчас, пока мы говорим. Будут об этом написаны книги или нет – именно в этом заключается волшебная неопределенность

жизни…

В августе была организована фотосессия для обложки сингла «Love Buzz» – в черно-белом цвете, для экономии, – с фотографом из Сиэтла Элис Уилер. За работу ей заплатили 25 долларов. Уилер познакомилась с Пэвиттом, когда жила в Олимпии и была студенткой колледжа Эвергрин. «Он постоянно говорил о том, что покорит мир, и все такое», – рассказывала она Джиллиан Дж. Гаар. Уилер также помогала в управлении клубом «GESCCO» в Олимпии и дружила с Трэйси Марандер.

Крист отвез всех в Такому, где группа позировала на фоне местных достопримечательностей, в том числе Пойнт-Дефайнс-парк и Нэрроус-Бридж. «У меня были проблемы технического характера, – рассказывала Уилер Гаар. – Я взяла не очень хороший фотоаппарат. Снимки получились в инфракрасном свете и поэтому немного размытыми».

Статья Доун Андерсон в журнале «Бэклэш» появилась примерно в это же время. «Я знала только то, что они дружили с „Melvins“, – смеется она. – К счастью, они еще и оказались крутой командой». В том интервью Курт признавал, что поначалу больше всего боялся, что «люди будут думать о нас как о подражателях „Melvins“». «Melvins» очень часто упоминались в этой статье. Доун считала, что, набравшись опыта, «Nirvana», может быть, станет даже «лучше, чем „Melvins“».

– Про нас и про другие команды в то время писали одни банальности, – улыбается Чед. – «„Nirvana“ – это шквал грязных, спутанных, взлохмаченных волос; их музыка – это резко, дерзко, мерзко, зверско; топко, липко, мягко». Ближе к делу, черт возьми! Отзывы всегда были положительными, но они продвигали что-то свое.

В сентябре Шелли ушла от Криста – сказалось напряжение, возникшее в результате различных образов жизни. Шелли работала по ночам; Крист только что бросил работу. Они решили разойтись. Шелли шел 21 год, и до того момента она никогда не жила одна. В разлуке они долго не протянули – слишком сильно скучали друг по другу, – но без последствий не обошлось.

После того как Крист просадил 400 баксов за две недели на пиво и вечеринки, ему пришлось переехать жить к матери в Абердин. «Однажды ящик пива у меня ушел за две минуты, – говорил он. – И в тот же момент я понял, что я на мели». Зато теперь Крист мог посвятить всего себя репетициям со своей группой. Репетиционная база переместилась из подвала в Такоме в комнату над «Парикмахерским салоном Марии» (фирма мамы Криста).

Расставание Криста и Шелли внесло дополнительное

напряжение и в отношения Курта и Трэйси: Трэйси любила Курта и ждала от него каких-то знаков привязанности, особенно после того, как их лучшие друзья расстались. Курт не реагировал, поэтому она решила блефовать – начала угрожать, что выгонит его из дома. Курт также решил ответить блефом и заявил, что будет жить в машине. Он победил в этом споре – и продолжил жить с ней: поздно вставал и смотрел телевизор, в то время как Трэйси тщетно составляла для него списки заданий по дому.

– Я пошел к ним, чтобы узнать, не хочет ли «Nirvana» дать какую-нибудь песню на кассетный сборник, которым мы с Донной тогда занимались, – вспоминает Джон Гудмансон, – а он в это время рисовал в гостиной, в одном белье. Я часто видел, как Курт ездил на машине Трэйси, и думал: «Да уж, этот чувак умеет воспользоваться ситуацией. У нее хорошая работа, а он сидит дома и рисует».

Трэйси жаловалась, что Курт не написал ни одной песни о ней, хотя даже сочинил оду мастурбации («Spank Thru»[122]), поэтому на следующей неделе он начал писать песню «About A Girl»; Курт никогда не признавал, что она о Трэйси, хотя строчка в припеве «I can't see you every night for free» («Я не могу встречаться с тобой каждую ночь бесплатно») недвусмысленно намекает на их спор. Это потрясающая песня, грустная, мелодичная – Курт рассказывал своему другу, что в тот день, когда он ее написал, он три часа кряду крутил альбом «Meet The Beatles», чтобы поймать правильный настрой. Название появилось после того, как Курт сыграл песню участникам своей группы, и Чед спросил, о чем она. «О девушке („About A Girl“)», – ответил Курт, и фраза осталась.

В это же время «Nirvana» продолжала давать выступления по всему штату Вашингтон – Такома, Беллингэм, Сиэтл, студенческие вечеринки в Эвергрине. «Те ранние концерты были просто сумасшедшими, и именно поэтому там было так весело, – вспоминает сотрудник „Sub Pop“ Меган Джаспер. – Это было круто – когда Курт разбивал гитару при любой возможности; все знали, что у него нет денег, но он все равно ломал инструменты».

– Я слышал тогда, что один парень был настолько сумасшедший, что сломал свой абсолютно новый усилитель, – подтверждает бывший генеральный менеджер «Sub Pop» Рич Дженсен. – Джими Хендрикс так делал. «The Who» так делали[123]. «Nirvana» продолжила традицию – и это производило сильное впечатление, поскольку у чуваков было не густо денег. На одном из первых концертов «Nirvana», которые я посетил, они выступали в клубе «Vogue» вместе с «Pussy Galore» или с «Tad» – это был один из вечеров «Sub Pop». В конце они сломали всю свою

аппаратуру. Было очевидно, что Курт готовился к этому. Иэн Диксон рассказывал мне, что его усилители были предварительно наполовину сломаны, поэтому Курт мог просто прыгать на них и крушить их, крушить, крушить.

Концерт, на котором впервые, по общему мнению, была полностью разбита гитара, состоялся 30 октября в колледже Эвергрин-Стейт (через два дня после выступления на разогреве у «Butthole Surfers» в клубе «Union Station»). После неистового выступления группы «Lush» – во время которого барабанщик ударил Слима Муна в лицо и была вызвана охрана студенческого городка, – «Nirvana», вымазавшись поддельной кровью, вышла на сцену.

– Моя группа не была выдающейся, но когда мы играли слаженно, мы могли дать очень хорошее выступление, – говорит Слим. – Тем вечером мы сыграли свой лучший концерт в жизни, а затем вышли они и разломали на хрен свои инструменты. Мне показалось, что они сделали это, чтобы нас переплюнуть в тот вечер. Меня это ранило, потому что мы были близкими друзьями, и, несмотря на это, они не позволили нам затмить их на сцене хотя бы один раз.

«Nirvana» не была чужда шоуменства – в тех ситуациях, когда оно требовалось.

– Мне как-то рассказывали об одном благотворительном концерте на Хеллоуин, – вспоминает Дженсен, – возможно, в пользу площадки в «GESCCO» в Олимпии; очень давно, году в 1987-м или 1988-м. Там Курт изображал рок-звезду – поддельные шприцы то ли висели у него на руках, то ли были воткнуты в кожу. Я хочу сказать, что тогда смешно было представить, что он станет выродком, рок-звездой на героине.

«Love Buzz» вышел в ноябре 1988 года – сингл от «Sub Pop» номер 23; конверты с дисками были пронумерованы вручную. Именно на этих конвертах Курт впервые публично употребил альтернативное написание своего имени – «Курдт[124] Кобейн». Поскольку не за горами было Рождество, Курт раздал экземпляры этого диска в качестве подарков своим близким родственникам. «Я была очень рада и гордилась им, – вспоминает Мэри Эрл. – Засовывая пластинку „Love Buzz“ в карман куртки, я засмеялась, увидев надпись на ней: „Почему бы тебе не сменить гитару на лопату?“ Эти слова любил повторять отец Криста».

Диск сопровождался пресс-релизом, который сочинил Курт:

ПРИВЕТ,

«Nirvana» – это группа из трех человек, явившаяся на свет из чрева гопнического городка лесорубов под названием Абердин

(штат Вашингтон) и коммуны хиппи на Бейнбридж-Айленд. Несмотря на то что Курт (гитара, вокал), Крис (бас) и Чед (ударные) всего лишь семь месяцев вместе, у нас уже вышел сингл на «Sub Pop Records», один номер на сборнике «Sub Pop 200» и демокассета, а затем нас ждет полноценный альбом (в апреле), успех, слава и поклонение миллионов.

Продавая свой пот в бутылках и волосы, мы уже стали самыми успешными предпринимателями в истории, но в будущем у нас запланировано следующее: куклы, корки засохшей мочи, коробки для обедов и постельные простыни.

Работая в прекрасных офисах всемирной штаб-квартиры «Sub Pop», наши талантливые агенты Брюс Пэвитт и Джонатан (так!) Поунмэн с пониманием относятся к группе.

«NIRVANA» надеется на дальнейшее сотрудничество с ними в будущем.

Музыка «NIRVANA» похожа на: «Black Sabbath» с песнями «The Knack», «Black Flag», «Led ZEP», «The Stooges» и немного на «Bay City Rollers». На нашу музыку наибольшее влияние оказали: «H. R. Puffnstuff»[125], «Морской мальчик»[126], разводы, наркотики, кассеты с записанными звуковыми эффектами, «The Beatles», «Young Marble Giants»[127], «Slayer», Лидбелли и Игги.

«NIRVANA» считает ОЧЕВИДНЫМ, что андеграундная музыка заходит в тупик в своем развитии и все больше уступает крупным лейблам, которые преследуют только коммерческие интересы.

Чувствует ли «NIRVANA» моральный долг искоренить это ужасное зло?

Конечно же, нет! Мы хотим воспользоваться этой ситуацией и выжать из крупных шишек все до последнего и надеемся на то, что нам тоже удастся СЛОВИТЬ КАЙФ и ПОТРАХАТЬСЯ. СЛОВИТЬ КАЙФ и ПОТРАХАТЬСЯ. СЛОВИТЬ КАЙФ и ПОТРАХАТЬСЯ.

Скоро цыпочки будут валиться перед нами штабелями. Скоро мы будем в вашем городе и попросимся к вам переночевать и воспользоваться плитой.

Скоро мы будем петь на бис песни «Gloria» и «Louie Louie» на благотворительных концертах вместе со всеми нашими знаменитыми друзьями.

98101, штат Вашингтон, Сиэтл, 1103, 1-я авеню, 1932, «SUB POP», для «NIRVANA».

Спасибо за внимание.

Сама же песня была монотонной, нарочито упрощенной. На фоне навзячивой бас-партии из семи нот Курт не переставал умолять, выкрикивая один и тот же рефрен: «Can you feel my love

buzz / Can you feel my love buzz». Сдерживаемые эмоции, клаустрофобичная атмосфера – гитара лишь иногда спускалась с поводка, после чего взрывалась фидбэком.

Сдерживаемая мощь – вот что было важно.

После выхода сингла незамедлительно появились положительные отзывы.

– Осенью 1988 года мы выпустили сингл, и они сыграли несколько концертов вместе с «Mudhoney», – вспоминает Брюс Пэвитт. – В то время больше всего для меня значили мнения двух людей – Чарлза Питерсона и Стива Тернера. Чарлз подошел ко мне через несколько дней после выхода сингла: «У меня вчера была вечеринка, мы включили „Love Buzz“. Потом мы поставили ее еще раз. Мы играли ее всю ночь – больше ничего на вечеринке не было». Стив Тернер сказал: «Мы ездили в турне с этой группой – они великолепны. Курт Кобейн играл на гитаре, стоя на голове [11 февраля 1989, Сан-Хосе, штат Калифорния]». Я бы ни за что не поверил, если бы Чарлз не сфотографировал его тогда. Взгляните на эту фотографию!

Все стало меняться, и очень стремительно, – продолжает Брюс. – Мы выпустили «Bleach» – реакция была просто ошеломительной, особенно учитывая тот факт, что «Bleach» был, по сути, всего лишь неплохим альбомом с парочкой отличных песен – «About A Girl» и «Blew». Его не назовешь блестящим, но у него была особенная магия, которая и покорила людей. В период между 1988-м и 1990-м годами просто стали появляться другие песни. Такие потрясающие изменения происходили как будто по волшебству.

В самом начале центром внимания был вовсе не Курт Кобейн, а компанейский гигант, игравший на бас-гитаре, – Крист Новоселич.

– Крист обладает потрясающей интуицией, – говорит Джонатан Поунмэн. – Его вклад в творчество «Nirvana» недооценивается. Он был единственным басистом, кто мог бы играть в этой группе. Курт писал очень хорошие песни, но именно благодаря Кристу они обретали плоть и кровь. Крист не был просто довеском к Курту – а такая точка зрения очень распространена.

Я: Запомнилось ли вам что-нибудь особенное на первом концерте Nirvana, на котором вы побывали?

– Крист, – отвечает бывший гитарный техник «Nirvana» Эрни Бэйли. – Крист находился в центре внимания. Он был уморителен. Он показывал в лицах телевизионные шоу 70-х, пародировал персонажей «Деревенщины из Беверли-Хиллз». Я просто умирал со смеху. Парни из «Nirvana», наверное, такие же

смешные, как и чуваки из «Mudhoney», – если рок-группа не только классно играет, но и хороша в жанре стенд-ап камеди, это, по мне, большой плюс. После первых концертов Курт мне не очень запомнился – просто гитарист с восхитительным голосом, чьи длинные светлые волосы постоянно падали на лицо. Звук его гитары, конечно, выделялся – много скрипов и скрежетов из-за того, что гитара фонила; но он не пытался этого избежать, наоборот, он всячески к этому стремился, добиваясь все новых звуков. Но больше всего запомнился Крист.

– Крист был очень общительным, – вспоминает Брюс. – Он любил ходить на вечеринки. Он и Мэтт Люкин из «Mudhoney» – эти парни были просто неистовыми. Основная часть любого турне – это коммуникация, знакомство с людьми, налаживание контактов. Курт от природы был достаточно замкнутым и стеснительным. Поэтому Крист выполнял роль человека, завязывающего социальные связи, парня, с которым весело тусоваться.

В частности, я помню, что он сумел оказаться на первом альбоме «Jane's Addiction»[128]. Он был очень прогрессивным. Но это не значит, что он был металлистом, а Курт – чувствительным панком. Дело было в социальной динамике.

Я: А что насчет Чеда?

– Чед, мне кажется, был больше похож на Курта, – отвечает Пэвитт. – Очень чувствительный парень, деликатный, творческий человек.

В декабре песня «Spank Thru» «Nirvana» вошла в бокс-сет «Sub Pop 200». 27 сентября в студии «Reciprocal» трек был заново сведен и записан поверх оригинальной версии «Blandest». Это странная песня, можно даже сказать, отрешенная: мешанина эмоций от рока 60-х и речитативных фрагментов, приправленная сверху могучим ревом Курта. «Гранжевая» составляющая налицо – грязный гитарный звук, тяжелые ударные, дисторшн. Хотя, по правде говоря, это одна из самых слабых песен на том сборнике.

Бокс-сет, изданный тиражом в 5000 экземпляров, состоял из 19 песен на трех 12-дюймовых EP-пластинках и буклета; все это было упаковано в простую белую коробку. Несмотря на то что сборник был рассчитан на Северо-Запад, широта охваченных музыкальных стилей потрясала и опровергала утверждение о том, что «Sub Pop» являлся лейблом одного направления. Независимый поэт-битник Стивен Джесси Бернстайн соседствовал с неистовой поп-музыкой от «Beat Happening»;«Soundgarden» со своей энергичной песней «Sub Pop Rock City», инспирированной «Kiss», высмеивали «позицию» Сиэтла; «Mudhoney» перепевали

«The Rose» Бетти Мидлер с восторженным задором; «The Walkabouts» и Терри Ли Хейл переосмысливали сладко-горькие мелодии кантри; в жестком рубилове «Tad» заключалась как будто квинтэссенция ярости, фрустрации и боли тысячи жизней, которые должны окончиться смертью. «Screaming Trees» играли кислотный блюз. «Nights And Days» здесь напоминали группу, оказавшую влияние на «The White Stripes» в самом начале их пути, – «The Gories»[129]. «Fastbacks» играли поп – беспримесный и простой; «Girl Trouble» – чистый рок.

– Моя философия «Sub Pop» заключается в следующем, – говорил мне Пэвитт в то время. – Я три года работал в «Muzak» со многими из этих парней. Это была классическая корпоративная система. Начиналось все непринужденно и легко, но вскоре, как это всегда бывает в бизнесе, свобода выражения стала ограничиваться. И если восемь-десять часов в день вашу личную свободу ограничивают, наказывают за проявление творческого начала – это значит, что вы живете не в свободной демократической стране. Вы живете при режиме фашистской диктатуры. «Sub Pop» – это компания, созданная для поощрения свободы мысли.

– Которая, конечно, зависит от менеджеров, – добавил Джонатан. – Отправляешься посмотреть на группу одного из друзей и думаешь: «Да, это круто». Мы очень редко позволяем себе идти на риск. Я рискнул с «Nirvana».

В буклете было 14 страниц черно-белых фотографий от Чарлза Питерсона, никаких слов (кроме имен музыкантов или названий групп) – создавался неизгладимый визуальный образ длинноволосых музыкантов из Сиэтла и окрестностей образца 1988 года. Размытые линии движения; руки молотят воздух; фотографии гитар, в основном с живых выступлений – в руках у музыкантов; невероятно захватывающие, невероятно привлекательные.

Пэвитт и Поунмэн поступили умно: поручив одному фотографу запечатлеть всех музыкантов, они создали такой яркий образ своего молодого музыкального сообщества, какой им не удалось бы создать и с помощью тысячи слов.

Я: Одно время, казалось, все группы, заключившие контракт с «Sub Pop», в обязательном порядке записывались у Джека Эндино и фотографировались у Чарлза Питерсона. Насколько намеренным это было?

– Более чем, – отвечает Брюс Пэвитт. – Прежде всего, они оба делали свою работу великолепно. Я очень хотел создать индивидуальный стиль лейбла, держа в уме примеры «Blue Note» и «4AD»[130]. Прекрасным примером служил «Factory»[131],

поскольку там большое внимание уделялось и дизайну, и процессу производства. Я хотел перенять все это. Панк-музыка казалась очень разрозненной, очень расхлябанной – за исключением «SST».

– Что касается графического образа, это было в основном видение Брюса, а также Джеффа Амента и Линды Оуэнс, нашего первого графического дизайнера, – говорит Джонатан. – Брюс изъяснялся очень просто. Он сразу же определял, что ему нравится и что не нравится в оформлении альбома.

Брюс вспоминает, как он впервые оказался дома у Чарлза и увидел его огромные фотографии на стенах.

– Все было именно так, – соглашается Джонатан. – Чарлз был основным компонентом, особенно в самом начале. Его фотографии – я ничего подобного никогда не видел. Снимки передавали саму суть этой музыки. Кроме того, они были отличного качества. Все было преувеличено: тяжелее тяжелого и максимально сексуально. По большому счету эти фотографии являлись противоположностью всему тому, что пользовалось популярностью в то время.

Фотография «Nirvana» в буклете «Sub Pop 200» была сделана во время первой официальной фотосессии Питерсона с группой – в начале того лета в Бейнбридже.

– Мы ехали по проселку, в магнитофоне играла кассета «Shocking Blue», – вспоминает Питерсон, – и занимались обычным «поиском натуры». Я ни хрена не представлял, как будет проходить эта фотосессия. Было неудобно, что Крист почти на две головы выше каждого из двух других участников группы. Они выглядели очень клевыми, слегка хиппанутыми. Курт был немыт, застенчив и очень хрупок. В конце дня мы в итоге сделали фотографию в поле с засохшими цветами. Все чувствовали себя неловко по этому поводу. Но, хоть нам это и казалось тупостью, фотографии получились достаточно милые.

– Шесть месяцев спустя после моего первого знакомства с ними они начали реально прогрессировать, – рассказывает Пэвитт. – Поворотным моментом я считаю выступление в «Annex Theatre» на 4-й авеню. Хотя они и настраивали инструменты по пять минут после каждой песни – было в них нечто. Мой друг из Олимпии, Дэйв Тодд, присутствовал на этом концерте и сказал: «Они будут новыми „Beatles“». Неожиданная реакция, потому что я не мог понять, шутит он или говорит серьезно; мне кажется, что я думал тогда примерно то же самое – хотя они были очень молоды, неопытны и не могли даже нормально настроить инструменты. Там творилась какая-то магия, а я не мог к этому даже притронуться.

– Реально я подсел на «Nirvana» после вечеринки по поводу выхода диска «Sub Pop 200», – говорит Джеймс Бердишоу. – Для продвижения альбома Джонатан и Брюс два вечера подряд, 28–29 декабря, устраивали вечеринки в клубе «The Underground», где выступали восемь их групп. «Nirvana» открывала первый концерт. Там было около сорока человек. Я стоял с открытым ртом – Курт начал играть свои мелодии. Я этого не ожидал. Такого таланта я и не подозревал в чуваке, который два месяца назад со своей группой «Squid Row» только и мог, что орать. Оставшийся вечер я не обращал внимания на другие группы; все, о чем я мог думать, – как же крута «Nirvana».

Окрыленные реакцией на «Love Buzz», Джонатан и Брюс начали разговоры о выпуске альбома. Но при одном условии: «Nirvana» придется оплатить все расходы по записи – сразу же. Курт понял, что ему нужен человек, который представлял бы интересы группы; он начал искать среди своих друзей кандидата, подходящего на роль менеджера. Он остановил свой выбор на Тэм Ормунд, составив для нее кассету с подборкой своей любимой музыки – «Bay City Rollers», «The Velvet Underground», «The Knack», «Soundgarden», «Blondie», «Metallica», «AC / DC», «Redd Kross»[132], – и предложил ей стать менеджером группы, несмотря на то что у нее не было никакого опыта в этой сфере. Ормунд дали кучу дисков с «Love Buzz» и велели разослать их потенциально заинтересованным лицам. В это время – в конце декабря – «Nirvana» вернулась в студию «Reciprocal» для записи песен, которые войдут на их дебютный альбом «Bleach».

Курт взял в библиотеке книгу Дональда Пассмана «Все, что вы должны знать о музыкальном бизнесе» и, прочитав ее, начал более настороженно относиться к богемному подходу Пэвитта к записи дисков. В результате однажды вечером пьяный Крист пришел к дому Пэвитта на Кэпитол-Хилл и потребовал, чтобы «Sub Pop» заключил с «Nirvana» контракт. 1 января 1989 года «Sub Pop» заключил с «Nirvana» договор на три альбома в течение трех лет. Было достигнуто соглашение о том, что за первый год лейбл выплатит группе 6 тысяч долларов, за второй – 12 тысяч, за третий – 18.

– Они спросили: «Мы платим за запись или за адвоката?» – вспоминает Джонатан. – Мы пытались оттянуть дело насколько можно, потому что хотели сделать все сразу. Нам нужно было заплатить «Reciprocal», но я не хотел подписывать контракт сам, потому что я ни хрена не понимал в этом. Поэтому я взял книгу о музыкальном бизнесе, переписал оттуда какую-то хрень, которая звучала солидно, отксерокопировал и сказал: «Вот ваш контракт!» Чуваки, видимо так же смущенные, как и я, увидели числа,

которые я там нацарапал, – около 30 000 долларов или что-то такое. Отлично! Мы подписали контракт на три вроде бы лонгплея.

Я: То есть вы впервые заключили контракт с какой-либо группой?

– Ну… вообще-то был еще контракт с «Soundgarden», но он не был оформлен до конца. Поэтому фактически – да, это был первый контракт[133].

Я: Вся ли история об этом контракте правдива? Крист напился, постучал в вашу дверь и сказал: «Нам нужен контракт»?

– Да, – отвечает Брюс. – Всё правда. И когда я вспоминаю сейчас то время, мне все это кажется божественным вмешательством, потому что это событие спасло «Sub Pop». Тогда договоры не заключали, а просто скрепляли рукопожатием, но кроме этого – у нас попросту не было денег на адвоката. Мы не смогли бы подписать их еще какое-то время. Поунмэн очень хотел заключать контракты с группами. Мы разговаривали с несколькими мейджорами, Джонатан работал в таком стиле: «Пойдем-ка пообедаем и послушаем, что они нам скажут». А они обязательно говорили: «У вас должен быть контракт».

Божественное вмешательство состояло в том, что время всех действий совпало идеально. В тот вечер, когда ко мне пришел Крист, меня не было дома. Я сидел у своего соседа и в какой-то момент подумал: «Пойду на свежий воздух». И в тот момент, когда вышел за дверь, заявился Крист. Если бы я вышел из дома минутой позже, мы бы не встретились, он проснулся бы на следующий день трезвым и, скорее всего, не стал бы угрожать избить меня, если мы не подпишем контракт. Большие вещи складываются из маленьких. В тот вечер Крист требовал контракт, он угрожал мне – огромный, пьяный и агрессивный. Я позвал Джона и сказал: «Надо подписать с этим чуваком контракт, потому что он нажрался. Придется это сделать». Крист был в комнате, когда я уговаривал Джона: «Достань контракт где хочешь. Этот чувак меня прибьет, ты понимаешь?» Джон пошел в библиотеку, отксерокопировал контракт из какой-то книги, замазал имена и вписал туда наши фамилии. Этот контракт был заключен без юриста и стоил нам всего 10 центов. Когда они подписали его в офисе, я подумал: «Этот момент может стать очень важным». Мы впервые подписали контракт с группой.

Дополнение 1: «Thrown-ups»

– «Thrown-Ups» даже и не собирались репетировать, но мы

собирались отрываться по полной, как настоящая группа, – объясняет исполнявший роль гитариста Лейтон Бизер. – Мы никогда не репетировали, но держались так, будто мы самые крутые, – и люди велись на это. Устраивали нам концерты. Потом сожалели об этом. И… эээ… записывали диски (*смеется*). Но затем чуваки из «Mudhoney» решили заняться музыкой более серьезно и писать песни, поэтому я выкинул их из «Thrown-Ups».

Ты играешь музыку, ты не работаешь над ней, так? Это, возможно, самый настоящий антикарьеризм, но эта идея близка идее джаза. Необязательно обходиться без репетиций, скорее не нужно слишком серьезно к ним относиться. Как только выкидываешь из головы мысль о том, что нужно репетировать, – больше для этого причины и нет. Играть музыку – весело, поэтому время от времени включаешь магнитофон и – не репетируешь, а записываешься…

Мы выступали в «Scoundrel's Lair». Большинство из нас были одеты в полиэстеровые халаты, какие носили наши мамы, но Эд [Фотерингем, вокалист] соорудил себе костюм Кровавого Пердуна. Он привязывал большую бутылку кетчупа к животу горлышком вниз, делал дырку в джинсах и вставлял туда трубку, соединенную с бутылкой кетчупа; подходил к краю сцены, задирал задницу и поливал всех кетчупом! Это было отталкивающее зрелище…

Как-то мы давали концерт незадолго до Рождества. Эд нам сказал: «Пусть это будет смешно, но я буду изображать младенца Христа, а вы будете тремя волхвами. Вот и все». Эд напился и ни хрена не сделал, так что, когда я пришел к нему забрать реквизит для концерта, ничего не было готово. У него были козлы, из которых он собирался сделать овец. Он обмазал их клеем и облепил ватными шариками. Я говорю ему: «Эд! Концерт через час! Где все остальное?» Он пошел в ванную, принес оттуда кусок ткани и проделал в нем дыру, чтобы я мог надеть его на себя. Потом он взял плотную бумагу, сделал большую конусообразную шляпу и сказал: «Ну все, теперь ты волхв!» Мы прихватили ткань, еще два костюма волхвов и отправились на выступление.

Концерт вышел настоящим пьяным спектаклем: Эд так напился, что не мог стоять. Публика реально была очень шокирована. В конце я подошел к своему другу и сказал: «Знаешь, по-моему, нам сегодня были не очень рады». Он ответил: «Ну, я думаю, если наряжаешься как чувак из ку-клукс-клана, не стоит ожидать хорошего приема у публики. А Эд трахал овцу в задницу!»

Фраза того дня: «Мы пытались сделать сценку о яслях, а получилась обыкновенная субботняя пьянка в Алабаме».

Иэн Диксон: Ты разговаривал с Кэлвином про Курта? Я: Ты что, смеешься? Кэлвин не будет говорить о Курте.

– Не будет? Почему? Тут замешана ревность?

Я: Понятия не имею. Единственное, о чем мне Кэлвин рассказал для этой книги, что в феврале 1989 года «Nirvana» получила награду за сингл недели в журнале «Мелоди мейкер». Все в Олимпии ходили и говорили: «О, сингл „Nirvana“ – лучший на этой неделе, круто, да?» Он отвечал: «Да, круто. Но когда-то и сингл „Some Velvet Sidewalk“ был лучшим за неделю. Разве это не круто?» Все отвечали: «Ну да, это нормально, но… У „Nirvana“ лучший сингл недели!»

– Он завидовал успеху «Nirvana». Впервые я услышал песню «Smells Like Teen Spirit» у Кэлвина дома. Я уверен – может быть, я и принес кассету. Я помню, как мы оба говорили: «Это будет иметь успех». Кэлвин сказал: «Эта песня будет продаваться миллионными тиражами». Вряд ли он не видел, насколько талантливым был Курт. Все это видели.

Я: Не хочу здесь тебе противоречить…

– Давай же! Возрази мне…

Я:…Я могу понять и Кэлвина. Они оба одаренные музыканты. Тот факт, что одному удается продать миллион копий своего альбома, а другому нет, не делает кого-то более или менее талантливым. Это не тот критерий, по которому оценивается талант.

– Согласен. Я лишь говорю, что наивно думать: «Почему никому не нравится „Some Velvet Sidewalk“?» Кому-то они нравятся, большинству – нет. А «Nirvana» – она нравится всем! Скажи мне, что я неправ.

Я: Кажется, я единственный человек в мире, кто никогда не считал Курта хоть сколько-нибудь более талантливым, чем остальные музыканты тогдашнего времени. Я не принижаю его талант, но… с моей точки зрения и точки зрения Кэлвина – Курт не был более или менее талантливым, чем Эл.

– Хорошо. Ладно. Тогда пример в подтверждение моей точки зрения. Я не согласен по поводу Эла Ларсена, но по поводу «Melvins»… Насколько я знаю, ты до конца жизни не встретишь двух настолько гениальных людей, как Базз и Дэйл.

Я: Это крутая аналогия.

Глава седьмая
«Никакой интеллектуальной перспективы»

В конце 1988 года основатели «Sub Pop» Брюс Пэвитт и Джонатан Поунмэн поняли, что денег у них почти не осталось. В отчаянной попытке привлечь к себе внимание они решили выписать музыкального журналиста из Великобритании для освещения деятельности своего лейбла. Так в начале 1989 была достигнута договоренность, согласно которой мне предстояла поездка в Сиэтл – с целью написать статью из двух частей для журнала «Мелоди мейкер» о «Sub Pop». В первую неделю должна была выйти статья о «Mudhoney»; на следующей неделе – о самом лейбле.

Вообще-то сначала глава отдела по связям с общественностью британского отделения «Sub Pop» Антон Брукс выбрал не меня. Он хотел привлечь моих коллег, братьев Стад, поскольку их музыкальные предпочтения (рок), казалось, больше соответствовали сиэтлскому духу, но их было двое – а «Sub Pop» себе этого позволить не могли. Поэтому он послал мне стопку дисков, «Sub Pop 200», альбом «Mudhoney» (совместный 12-дюймовый диск с «Sonic Youth») и сингл «Love Buzz». Это предложение пришлось впору. Я уже пару месяцев как писал в «Мелоди мейкер» и устал от ярлыка «крестный отец попсы», который заработал благодаря своим хвалебным отзывам о «The Pastels», «Shop Assistants» и «Beat Happening» в журнале «НМЭ». Еще до знакомства с Антоном я тащился от «Green River». Мы с друзьями не понимали всех триолей, которые выдавал Стив Харрис (гитарист «Iron Maiden»), но крики Марка Арма были доступны нам на инстинктивном уровне.

– Кто-то из «SRD» [«Southern Record Distribution» ведала распространением дисков, записанных на Юге] пришел к нам и сказал, что есть такой новый лейбл – «Sub Pop», и одна из его групп сейчас в турне с «Sonic Youth», – вспоминает Антон, работавший в то время в «SRD». – Я знал, что есть такие «Nirvana» или «Nevada», не важно… «Tad», «Mudhoney», потому что Пил включал диск «Sub Pop 200». Они нравились Пилу – поэтому они должны были стать поп-звездами! «Touch Me I'm Sick» – отличная песня, эта пердящая гитара… Я начал собирать прессу о «Mudhoney» и «Sub Pop».

Я вспоминаю, как открыл коробку с дисками в офисе журнала «Мелоди мейкер», на 26-м этаже Кингз-Рич-Тауэр, на южном берегу Темзы. Я ставил синглы в проигрыватель и, облокотившись

в возбуждении на стол, приплясывал как сумасшедший – ошеломленные редакторы оглядывались на меня. До Сиэтла рок мне никогда не нравился, я избегал его уловок и стиля в одежде. То же самое было с панком в 1977-м. Вряд ли я так увлекся бы Сиэтлом и его музыкой, если бы, подобно своим американским коллегам, вырос на «Led Zeppelin» и хардкоре. Но у меня этого не было, как и у большинства моих британских сверстников. Воспитанные на постоянно меняющейся музыкальной культуре, где моду на группы диктовала пресса, мы всегда искали чего-нибудь нового и неизведанного. В итоге я с истинным энтузиазмом писал о музыке, которая была настоящим традиционным роком. Рок-группы «Sub Pop» – и по духу, и по саунду – казались наивному английскому юноше в новинку.

Я написал рецензию на синглы трех неизвестных групп с тихоокеанского побережья Северо-Запада: «Solid Action» группы «The U-Men», «Love Buzz» и «I Know» группы «Some Velvet Sidewalk», сделав их синглами недели в США. Я писал:

Сиэтл вновь рубит не по-детски. Синглы, записанные в… а какая к черту разница когда! Когда бы то ни было! По сравнению с этими зубодробительными отморозками ВСЯ музыка, записанная ранее, звучит несерьезно.

Сингл «The U-Men» – это непрерывное рубилово, как будто ОБЕЗУМЕВШУЮ кошку заставляют слушать «Motorhead» на скорости 78 оборотов в минуту, или «Dinosaur Jr» застряли в том времени, когда «Green River» имели «The Stooges»: «SOLID ACTION! IF I EVER FIND BILL WE'RE GONNA RIDE A BUS! ACTION! SOLID ACTION!» («Реальная движуха! Если я найду хоть бакс – мы поедем на автобусе! Движуха! Реальная движуха!») Вот какой там текст; в какие-то моменты безумный, а иногда – абсолютно безумный. Но он всегда звучит на фоне МЕЛОДИЧНОЙ музыки. Потрясающе.

«Nirvana» – это воплощенная красота. Неумолимый двухаккордный гаражный бит подводит к нереальной, безбашенной гитарной мощи, сметающей все. Регулятор громкости для этого трио до сих пор не изобретен! ЧТО ТАМ, ЧЕРТ ВОЗЬМИ, ПРОИСХОДИТ? Кто-нибудь, передайте мне ружье. Ограниченный тираж, тысяча экземпляров; любовные песни для психически неуравновешенных.

У «I Know» практически нет структуры, но ужасно громкая отдача. В этой группе только два человека. ЧТО? Почему, черт возьми, у меня уши разрываются?! Олицетворенное сумасшествие; особенно песни на обороте. Стив Фиск и Кэлвин Джонсон присутствовали при записи. Возможно, это кое-что объясняет… Международный поп-андеграунд шагает по планете.

Эти группы сделали то, что казалось мне ранее невозможным: металл, который приятно слушать. В середине 80-х вся поп-музыка отказалась от гитар. Во всех британских музыкальных журналах писали о том, что гитары устарели и умерли, и вообще это фаллические символы и олицетворение угнетения. Гениальный маркетинговый ход Джонатана и Брюса состоял в том, чтобы продвигать рок-н-ролл как мятеж – старый девиз, – но в то же время давать людям мощный тупой рок и не изменять своей хипстерской вере. До появления гранжа существовала четкая граница между популярной музыкой и андеграундом: с одной стороны, «Journey», с другой – «Dead Kennedys». Людей часто били за то, что они слушали панк-рок, – особенно в США. С появлением «Sub Pop» эта граница была разрушена навсегда.

Приехав домой к Брюсу, я узнал, что буду спать на одном матрасе с фотографом Энди Кэтлином. Вокруг стояли полки, позаимствованные из магазина, где хранились редкие – даже по тем временам – синглы «Sub Pop», и несколько пуфиков. Над нашими головами виднелись две радиовышки на Капитолийском холме. Я остался. Спать на полу я привык, и мне нравилось, что я живу в одном доме с парнем, который является главой всего этого предприятия. На следующее утро Энди уехал в гостиницу.

Я до сих пор помню, как мы с Брюсом идем по Пайн-Стрит через мост трассы номер 5 – морозный зимний воздух, – мимо большого супермаркета. Он объяснял мне, что 95 процентов всего тепла, выделяемого человеческим организмом, выходит через голову. «Прошу прощения, Ледж, – сказал он мне, – не одолжишь мне свой капюшон?» Я отстегнул капюшон своей куртки, и Брюс натянул его на свою бритую голову. Мы, наверное, странно смотрелись: я, весь в напряжении и возбуждении, и он, в нелепом капюшоне, с огромной бородой; моя непрерывная болтовня на фоне его нерешительного молчания.

Мы пришли к Кэлвину и друзьям из Олимпии на танцевальную вечеринку – на всю ночь, никакого алкоголя. Мы танцевали под клевую музыку соула и мода 60-х, и никто никому не мешал. Это казалось обычным делом для Сиэтла – такие веселые, неистовые и невинные пиршества музыки.

Мне понравился центр города, тщательно ухоженные улицы вокруг Капитолийского холма – везде были посажены цветы и деревья. Мы рано встали и пошли туда, где работал Брюс, – 11 этаж Терминал-Сэйлс-Билдинг на пересечении 1-й улицы и Вирджинии; останавливались, только чтобы попить кофе. Там мы встретились с блестящим специалистом по работе с радиостанциями Эрикой Хантер – ей было поручено развлекать

молодого англичанина; мне представили менеджеров по продажам Дэниела Хауса и Марка Пикерела; музыкантов вроде Криса Пьюга из «Swallow» и Тэда Дойла, а также Джонатана Поунмэна, который напоминал большую лохматую собаку, и фотографа Чарлза Питерсона.

– Мне дали задание развлекать английского журналиста, пока тебе не найдут какую-нибудь группу для интервью, – вспоминает Чарлз. – Я отвел тебя в «Старбакс» на Пайк-Плейс-Маркет. Тогда «Старбакс» еще были в новинку. Ты заказал два кофе, схватил горсть печенья и упаковку шоколадных кофейных зерен. Я подумал: «Черт, его ведь сейчас пронесет, если он все это съест».

* * *

«Nirvana» начала работу над своим дебютным альбомом в канун Рождества 1988 года. «Нам больше нечем было заняться», – говорит Крист. Тексты доделывались в последнюю минуту: что-то сочинялось за день до записи, что-то дописывалось по ходу. Чед вспоминает, как Курт писал слова к песне «Swap Meet» по дороге в Сиэтл в машине, положив листок бумаги на приборную панель. Примерно 10 песен были сделаны в черновом варианте Джеком Эндино за пять часов. Курту не понравилось, как он пел, и только вокалом на песне «Blew» он остался доволен – и то лишь из-за того, что он случайно настроил свою гитару на более низкую тональность. Именно этим объясняется тошнотворная, мрачная, пьяная атмосфера песни.

Тогда были записаны песни «About A Girl», «School», «Negative Creep», «Scoff», «Swap Meet» (очень абердинская по духу песня о мужчине и женщине, которые встретились на воскресной толкучке, чтобы продать безделушки и прочий ненужный домашний хлам), «Mr Moustache» (возможно, отсылка к пролетариям вроде Дэйва Фостера) и «Sifting».

– Наши песни о переменах в человеке, о фрустрации, – рассказывал мне Курт в 1990-м году. – «School» – я постоянно думал о том, что сначала человек находится в школе и должен все время подчиняться обществу, затем он становится взрослым, и все повторяется заново – на вечеринках, в клубах с друзьями; все то же самое, что и в школе.

Если быть более точным, то «School» была написана о том раздражении, которое Курт испытывал после первых двух концертов «Nirvana» в Сиэтле, организованных «Sub Pop», – «я снова в школе!». «Если бы я мог где-нибудь [в песне] упомянуть

название „Soundgarden“, я бы это сделал», – замечал он сухо.

«Paper Cuts» – более страшная песня, основанная на реальной истории одной семьи в Абердине, где родители держали своих детей запертыми в комнате – входили они только для того, чтобы дать им еду и забрать грязные газеты, на которые детям приходилось испражняться.

– Там в основном были песни о дне общества и всяком таком, – говорит Чед, – и были кое-какие вычурные вещи вроде «Floyd The Barber», название которой было взято из «Шоу Энди Гриффита»[134]. Как по мне, так ничего особенно выдающегося там не было. Я просто приходил и записывал свои партии. Особенного участия в решениях группы я не принимал. «Swap Meet» – одна из моих любимых песен, и еще «Negative Creep». «About A Girl» – хорошая песня. Мне всегда нравилась «Mr Moustache» – она охренительно смешная. Мне все они нравились. «Big Cheese», наверное, одна из моих любимых вещей во всем творчестве «Nirvana».

– Первоначально название песни было не «Swap Meet», а «Swap Meat» – что намного смешнее, – замечает Эндино.

– Ты ведь знаешь историю песни «Negative Creep»? – спрашивает Стив Фиск. – Мне рассказывали, что она о парне, который жил через дорогу от их дюплекса. Он постоянно приходил, когда Курта не было дома, и пытался выкурить Трэйси из дома.

– Это весьма похоже на то, что происходило на Пир-стрит в Олимпии, – считает Джон Гудмансон.

Мне всегда казалось, что «Nirvana» в этой песне отдает дань «Mudhoney»; тяжелая бронебойная музыка и рефрен «Daddy’s little girl / Ain’t a girl no more», заставляющий вспомнить строчку «Mudhoney» «Sweet young thing / Ain’t sweet no more» (из песни «Sweet Young Thing»). Кроме того, как Курт объяснял журналу «Флипсайд» в 1989 году, он не очень-то заботился о текстах: «Я не считаю их чем-то важным, – говорил певец. – Главное, чтобы была мелодика; драйв и живая энергия – куда важнее…»

Или, может быть, это песня о самом Курте – вспомните отчаянный рефрен «I’m a negative creep and I’m stoned» («Я мерзкий подонок, и я под кайфом»). Не важно. Это далеко от «Blood On The Tracks» или Уильяма Берроуза, это чертов рок-н-ролл. Что-то появляется в воздухе, мерцает несколько прекрасных секунд – пока звучит бас-гитара Новоселича – и исчезает. Не так уж это и важно, о чем песни.

Суть «Nirvana» всегда была в интонации, энергетике, ударениях Курта на отдельных слогах и в гитарных риффах – а не в словах. И не верьте никому, кто будет утверждать обратное.

Группа еще пять раз возвращалась в студию Джека для окончания записи альбома – 29 декабря (пять часов), 30 декабря (пять часов), 31 декабря (четыре с половиной часа), 14 января (пять часов) и 24 января (пять с половиной часов). Кристу приходилось проезжать по 400 миль на своем тупоносом «додже» в дни между записями. Из Абердина он ехал в Олимпию забирать Курта на репетицию, затем ехал в Сиэтл забирать Чеда, прибывшего в город из Бейнбриджа на пароме… и затем обратно в Абердин.

– Они профессионально подходили к делу, – говорит Джек. – Они собирались в студии, подсоединяли аппаратуру, настраивались: «Ну что, вы знаете песни? Отлично. Мы готовы записываться». Большинство групп на «Sub Pop» были профессиональными музыкантами. «Mudhoney» – они много репетировали, они умели играть, все знали их песни…

Я: Когда нет денег, особо бездельничать не будешь.

– Конечно нет, – отвечает звукорежиссер. – Нет времени на то, чтобы просиживать два месяца в студии и «писать песни» – думать, два или три аккорда сыграть перед куплетом. Мне нравится инди-рок, потому что это музыка в реальном времени. Ты ее чувствуешь. Записываешь песню – и тут же получаешь результат.

Я: Независимый рок предусматривает спонтанность.

– Безусловно. Я записал множество дисков, работа над которыми занимала недели – даже месяцы, – но с не очень-то большим удовольствием их переслушиваю. Что мне нравится до сих пор – это те чокнутые диски инди-рокеров, которые приходили и записывались за день, – у них был талант.

Я: Я собирался спросить о деньгах, потраченных на запись…

– «Bleach» обошелся в 600 долларов. Это правда. Так, следующий вопрос. – Джек сначала не понимает, почему я его спрашиваю об этом, потом до него доходит. – А, вот ты о чем, – вздыхает он. – Мы с тобой вместе с Джонатаном были в 1998 году на одном телешоу, посвященном гранжу[135]. Он утверждал, что денег было потрачено больше, а я говорил: «Нет, у меня на руках финансовые документы студии». Он считает, что выписал чеков на большую сумму. И тем не менее контракт «Nirvana» находится в «EMP»[136], под стеклом, и там написано – 600 долларов. Я знаю, сколько денег мы потратили. 606 долларов и 17 центов. Конечно, сейчас я не учитываю тот факт, что «Love Buzz» и «Big Cheese» были записаны раньше, во время той же записи, что и «Spank Thru» – эти песни вошли на «Sub Pop 200», – и «Blandest», песни, вошедшей в бокс-сет [«With The Lights Out», 2004]. Эти четыре

песни были записаны во время сессий «Love Buzz», за которую было заплачено около 150 долларов, поэтому можно добавить еще 75 долларов к шестистам – но, возможно, что и это уже было учтено. В любом случае, если стоимость и составляла больше 600 долларов, то не намного.

«Bleach» записывался в затуманенном лекарством от кашля и алкоголем сознании. «Мы тогда все болели», – рассказывал Крист Майклу Азерраду. Музыканты пили кодеиновый сироп по рецепту поликлиники округа Пирс. Деньги по-прежнему ставились во главу угла: если песня была недостаточно хороша для альбома, поверх нее записывалась другая.

В 2006 году «Bleach» кажется чуть ли не мелодичным – возможно, восприятие уже притупляется после стольких прослушиваний; а в то время звучание альбома казалось очень металлическим. Но это еще из-за того, что металл – и наше его восприятие – поменялся с тех пор. Он стал более экстремальным. Когда-то и «Led Zepellin» считались металлом. Теперь это просто хард-рок.

Сам Курт считал, что у альбома были недостатки: «„Bleach“ казался мне очень однообразным, – жаловался он в 1992 году. – Весь альбом выполнен в одном ключе – несколько гитарных накладок, и все. Все песни медленные, грязные, сыгранные в очень низкой тональности. И я много кричал». Опять же заметим, что Курт вообще никогда ничем не был доволен полностью. Сейчас же «Bleach» кажется очень ярким и насыщенным – в плане мелодики: этот альбом с годами только стал лучше. Тогда же выделялась только надрывная любовная песня «About A Girl» с ее заунывным вступлением на акустической гитаре – и, может быть, «Blew». Слишком бросалось в глаза оцепенение в духе «Melvins» – и не хватало андеграундного задора Олимпии. Но не все критики соглашались с этим: Саймон Рейнолдс писал в обзоре «Sub Pop 200» в «Мелоди мейкер», что «Nirvana» – «хорошая группа, но выбрала слишком сложную форму подачи».

– Мне кажется, Курт переживал из-за «About A Girl», – рассказывал Эндино Джиллиан Дж. Гаар. – Но он очень настаивал на ее включении в альбом. Он сказал: «У меня есть песня, которая отличается от всех остальных песен на альбоме, Джек, ты должен мне помочь, потому что нам надо сделать качественную поп-пластинку». Речь уже шла о том, понравится ли эта песня «Sub Pop», поэтому мы решили: «Да какого черта?» В «Sub Pop» ничего не сказали по этому поводу. На самом деле, я думаю, она им очень понравилась. Джонатан обожает поп-музыку. А Брюсу «Bleach» не очень понравился в любом случае, потому что, мне кажется, он считал, что в нем заметен небольшой перекос в хеви-

метал.

У Курта к тому времени уже было несколько мелодичных песен в духе «About A Girl», наиболее примечательная из них – тревожная история изнасилования «Polly». Но он не стал включать их в альбом. Он понимал, что время еще не пришло.

«Мы намеренно сделали „Bleach“ более однородным альбомом, более „роковым“, чем он изначально задумывался, – рассказывал Курт Майклу Азерраду. – Существовало давление со стороны „Sub Pop“ и конъюнктуры в целом: требовалось делать „рок-музыку“, играть проще и походить на „Aerosmith“».

Три перемиксованные песни с сессии, записанной вместе с Кровером, вошли в окончательную версию альбома – «Floyd The Barber», «Downer» и «Paper Cuts». «Им не нравилось, как играл Чед, – замечает Эндино. – Дэйл прописал партии ударных для этих трех песен; он их лучше всех и играл. А Чед хорошо играл на тех песнях, которые они написали вместе с ним. Так оно всегда и бывает с барабанщиками».

В ночь перед первым днем записи группа остановилась в Сиэтле, у друга Дилана Карлсона – Джейсона Эвермана. Он также раньше жил в Абердине, его родители тоже развелись. Эверман несколько лет подряд ездил летом в Аляску, ловил рыбу, что оказалось весьма кстати – «Nirvana» попросила у него взаймы, чтобы покрыть расходы по записи альбома.

Джейсон с удовольствием выложил деньги.

Группа отправилась в свое первое турне по США в приподнятом настроении. Это было всего лишь двухнедельное путешествие по Западному побережью – до Калифорнии и обратно; они выступали на разогреве у «Mudhoney» и «Melvins». Но эта поездка сотворила настоящие чудеса с их самооценкой, даже несмотря на то, что логотип «Sub Pop» на флаерах был напечатан более крупно, чем название самой «Nirvana».

– Мы поехали в белом фургончике Криста, – вспоминает Чед. – Перед поездкой он установил койку в заднем отсеке фургона, прямо под окнами. Еще он отпилил ручку изнутри, поэтому до аппаратуры можно было добраться, только открыв дверь ключом. Даже если разбить окна, все равно аппаратуру не достанешь. Я помню, мы поставили усилители боком – и они вписались идеально.

– Я организовывал несколько первых турне «Nirvana», – говорит музыкант из Сиэтла Дэнни Бланд. – «Sub Pop» и все в Сиэтле были в восторге от «Nirvana», но за пределами города всем было по хрен. Мы ездили по Западному побережью. Все группы «Sub Pop» выступали в одних и тех же местах. «Raji's», «Pyramid»

в Нью-Йорке, «Chatterbox» в Сан-Франциско, «Jabberjaw» в Лос-Анджелесе, «Satyricon» в Портленде[137], Санта-Барбаре и «UC Davis» в школе.

– Я выпускала фан-журнал в Бостоне, – вспоминает независимый продюсер Дебби Шейн. – В то время инди-лейблы были маленькими рекламными машинами, и когда «Sub Pop» выпустил первый сингл «Soundgarden», его рекламная машина начала набирать обороты, повышая внимание ко всем группам лейбла. «Mud-honey» были прекрасны. У меня есть их сингл на коричневом виниле. Следующей стала «Nirvana». Я купила «Love Buzz» в Юджине, штат Орегон, – и была потрясена. Просто в восторге. Мне они очень нравились. Кэндис [Педерсен, совладелица «К»] жила с нами [в Сан-Франциско] летом. Она знала «Nirvana». Они хотели, чтобы Кэндис была их менеджером, но она считала, что не справится с этой должностью. Мы ходили на их концерт, и я видела такие глубокие подтексты в стихах Курта, потому что считала его гением.

Концерт проходил в клубе «Covered Wagon» в Сан-Франциско [10 февраля]; они играли вместе с «Melvins», – продолжает Дебби. – Это было сногсшибательно. Что мне запомнилось – потрясение после концерта в гримерке, где я спросила Курта, о чем его песня «Spank Thru». Я видела так много смыслов в ней и думала, что Курт придумал реально клевую метафору. Но оказалось, что никакого скрытого смысла там нет. Они практически надо мной посмеялись, но я была вместе с Кэндис, поэтому они не особенно грубили.

Я: Какое впечатление осталось от первой встречи с Куртом?

– Он был приятным, молчаливым и практически таким же ранимым, какой была я. Мы не общались особенно. Но не помню, чтобы я подумала: «Этот чувак – козел».

Именно в Сан-Франциско, когда группа ехала в бесплатную клинику Хейт-Эшбери за лекарствами от простуды, музыканты заметили огромный плакат с социальной рекламой борьбы против СПИДа. Постеры призывали людей, принимающих лекарства, «отбелить свои инструменты» (почистить иглы отбеливателем, чтобы убить все вирусы). Курт до этого хотел назвать альбом «Too Many Humans», но после того, как они посмеялись с Джонатаном и Брюсом (они ехали с ними в фургончике) над этой фразой, в его голове застряла мысль, что отбеливатель («Bleach») – по словам Брюса Пэвитта – «очень ценная вещь».

Концерт в «Covered Wagon» получился просто ужасным. Практически никто туда не пришел: группе – из-за отмененных концертов и необходимости найти деньги на бензин – пришлось

обедать после концерта бесплатным супом в кухне, организованной сектой кришнаитов. После этого семеро человек спали на полу в одной комнате: ужасное время – или жизнь начинающей команды, чьи песни до сих пор звучат по всему миру? Это может быть очень возбуждающим – спать в одной комнате, принимать одни и те же лекарства, так тесно общаться – особенно если только начинаешь.

На следующий вечер после концерта в Сан-Франциско «Nirvana» играла вместе с «Mudhoney» в Пало-Альто. Гитаристу «Mudhoney» Стиву Тернеру это выступление «Nirvana» понравилось больше всего.

– Мы давали с ними небольшой концерт в зале, который был похож на витрину магазина – большое зеркальное стекло и маленькая сцена, – вспоминает он. – Курт катался по сцене, но каким-то образом умудрялся балансировать на голове и играть на гитаре – выглядело очень странно, потому что он как будто магическим образом удерживал равновесие, стоя на голове и не держась руками. На концерте было человек пятьдесят – и все ржали над абсурдностью происходящего. «Nirvana» концерт провалила – но это был великий провал, истинный хаос.

Группа вернулась в Сиэтл 25 февраля, чтобы выступить на концерте в «HUB Ballroom», в Вашингтонском университете – без возрастных ограничений, четыре группы за четыре бакса.

У Курта еще не получалось петь и одновременно играть на гитаре – требовался второй гитарист. Джейсон Эверман, казалось, подходил по всем параметрам. «Мы были готовы взять кого угодно, главное, чтобы человек хорошо играл на гитаре, – говорил Курт. – Джейсон казался приятным парнем, и у него были волосы той длины, которая считалась нормальной в „Sub Pop“». Джейсон стал с ними играть, и хотя он не участвовал в записи альбома, его упомянули на конверте. «Мы хотели, чтобы он чувствовал себя более комфортно», – объяснял Крист.

Первым концертом, на котором Джейсон сыграл вместе с «Nirvana», стала пьяная вечеринка в общежитии Эвергрин. Проблемы возникли тут же. Хотя Джейсон и слушал панк-рок, его больше интересовал спид-метал: не «спокойный» панк Олимпии, но тестостероновые соревнования – кто быстрее и громче играет на гитаре. Его игра на гитаре была куда более «металлической», чем игра Курта.

– Как группа звучит в записи, практически так же она звучала вживую, – говорит звукорежиссер Крэйг Монтгомери. – Может, более хаотично. Более шумно. Когда Джейсон работал в группе, я надевал наушники и слушал каждую гитару по отдельности,

определяя, кто как играет, – и только Курт играл как надо. Усилитель Эвермана издавал один лишь шум. Не то чтобы он играл не так, как было нужно, – он играл просто плохо. Чтобы вышла хорошая запись, приходилось делать акцент на гитаре Курта.

– Джейсон был хорош вначале, – дипломатично говорит Чед. – Он реально гнал по спид-металу. Он подсадил меня на парочку неизвестных металлических команд, вроде «Testament» и «Celtic Frost» – когда они еще не начали играть глэм-рок. Мы знали друг друга к тому моменту, он участвовал в моей старой группе «Stone Crow» – они играли спид-метал. «Destruction», «Possessed», «Slayer» – все это повлияло на нас.

Джейсон был работягой, – добавляет барабанщик. – Ему больше нравилось находиться на сцене, чем заниматься непосредственно музыкой. Когда мы заходили в музыкальный магазин, он покупал все новые диски, какие там оказывались. Он был фанатом, которому повезло сыграть на одной сцене с группами, по которым он фанатеет. Динамика «Nirvana» не очень изменилась с его приходом. В принципе, Курт всегда хотел, чтобы кто-то играл его партии, – тогда ему не приходилось бы сосредоточиваться на нескольких вещах сразу. Поэтому Джейсон не парился и играл партии ритм-гитары.

– Впервые я их увидел с Джейсоном на концерте в Сан-Франциско, – вспоминает Джонатан Поунмэн. Это противоречит общепринятой истории «Nirvana», согласно которой первый крупный концерт Джейсона в «Nirvana» состоялся в «HUB Ballroom», но найденные недавно документы подтверждают версию Джонатана. Новый басист «Melvins» Джо Престон брал интервью у «Nirvana» в клубе «Covered Wagon» для фэнзина «Legs» Мэтта Люкина – и Джейсон присутствовал на том интервью[138].

– Я не помню эпизод с кухней, – продолжает Поунмэн, – но могу точно сказать, что мы с Брюсом ехали с «Nirvana» в Пало-Альто следующим вечером. Если не принимать во внимание характер Джейсона, то следует признать – он сделал звучание «Nirvana» намного более мощным.

Я: Металл тебе всегда нравился больше, чем мне…

– Это так, – соглашается Джонатан. – Но это не был металл, это было больше похоже на «Soundgarden». Тогда они считались известной группой. Курт – или Кортни – высказывался позднее о «Soundgarden» как о тупоголовом роке, но ранний «Soundgarden» Ку рт любил.

Я: Чем вы занимались пятнадцать лет назад?

– Я только закончил школу, – отвечает поклонник «Nirvana»

Роб Кейдер. – Я работал в магазинчике своего дяди на Истлейк вместе с панками из Теннесси. После работы я шел к ним домой, в университетский район – там мы пили, принимали психоделики и слушали музыку. С ними жил Джейсон Эверман…

Я: Вы можете описать Джейсона?

– Джейсон был очень приятным парнем. Говорят, что у него имелись проблемы с управлением эмоциями, но он был очень хорошим другом. И единственным, кто не пил во всем доме. В свое время он был мне практически старшим братом. Джейсон дал мне послушать сингл «Love Buzz», когда тот вышел, – и красота этой музыки просто покорила меня. Я сказал что-то вроде: «Черт, ты должен попасть в эту группу!» На концерте в «HUB Ballroom» я впервые познакомился со стилем «Sub Pop». Я пошел в туалет после прекрасного выступления «The Fluid»[139] – и там столкнулся с Кристом, большим веселым чуваком – он кричал и вел себя как обычно, комментируя все вокруг. Я подумал: «Ух ты, круто».

Я: Как бы вы описали участников группы?

– Они были очень приземленными ребятами. После концерта мы пошли домой к Джейсону, Курт курил травку, пытаясь расслабиться после напряженного выступления. Все было достаточно тихо, пока все не пошли в комнату Джейсона и не начали изучать его коллекцию дисков. Джейсон слушал самую разную музыку, но над ним подшучивали из-за его огромной коллекции металла. Ха-ха.

Я: Запомнилось ли что-нибудь с их тогдашнего выступления?

– Только напор. Вся группа, и Курт особенно, играли до полного изнеможения. Это было очень жестоко – то, что он делал с собственным организмом. Я иногда поднимался к Курту после концерта, и он был так измотан, что не мог даже разговаривать.

Некоторые люди считают, что это из-за наркотиков, – но на всех концертах, на которых я был, он ничего не принимал.

Я: Что, как вам кажется, привнес в группу Джейсон?

– Очень много волос, – смеется Роб. – И немного денег. И мне кажется… еще немного напора. И я уверен, второй гитарист пришелся кстати для Курта, который и без того очень сильно уставал. Второй гитарист давал гарантию безопасности психике Курта, теперь он мог играть и двигаться более свободно.

Концерт в «HUB Ballroom» был первым живым выступлением «Nirvana», на котором я побывал.

Я был разочарован. Мне понравился их сингл, но теперь я увидел просто месиво из шума, волос и пьяных шуточек. Их саунд казался мне похожим на звучание мод-групп – невероятно важное

определение для английского парня[140], – но это было все что угодно, только не мод. Очередные «Blood Circus» или «Cat Butt»; очередное бесформенное нечто, шум ради шума, никакой мелодики, никакого проблеска, ничего. Конечно, они выглядели веселыми, отвязными чуваками: особенно Курт, который хотел произвести впечатление любой ценой. По сравнению с персонажами вроде Тэда Дойла с его грубым, злым юмором, этот абердинский квартет просто бледнел и терялся. Несмотря на более поздние заявления людей, не присутствовавших на том концерте, остальным зрителям выступление тоже не понравилось: слэм и отчаянный стэйдждайвинг[141] был замечен по большей части во время выступления «The Fluid», а не «Nirvana». Питерсон сделал отличную фотографию зрителей с того выступления, которая украшает переиздание диска «Sub Pop 200», – размытое изображение, эмоции, пот. «Nirvana» делала слишком большие паузы между песнями, чтобы подвигнуть толпу на что-либо подобное.

Впрочем, инструменты они все-таки сломали – и после этого устроители запретили на какое-то время живые концерты из-за ущерба, нанесенного во время выступления «Nirvana».

Стоя за кулисами во время шоу «The Fluid», я понял, что не отказался бы и сам выйти на сцену. Представляю себе реакцию Джонатана и Брюса: «Что он о себе думает? Мы заплатили за то, чтобы он приехал сюда и написал большую статью о нашем лейбле, а теперь он хочет пролезть на сцену? Сейчас мы его образумим…» В итоге вокалист королей (и королевы) гаражного рока Такомы «Girl Trouble» одолжил мне свою гитару – неплохой инструмент, сделанный в 60-е. «Поосторожнее с ней, ладно?» – попросил он, заметив огонек в моих глазах. Ага, щас. В смысле, да, конечно. Я вышел на сцену прямо перед «Girl Trouble» (хедлайнерами были «Skin Yard»), пьяным голосом попытался спеть битловскую «I'm Down» и «You're Gonna Miss Me» группы «13th Floor Elevators» перед знатоками рока из Сиэтла; затем я уговорил публику исполнить со мной a капелла «Sweet Soul Music»…

«Do you like good music?» – пел я, и 800 голосов кричали в ответ: «Yeah, yeah!» Зрителям, черт возьми, это понравилось. А мне понравился этот город.

Тем вечером, насколько я в курсе, «Nirvana» пролетела по всем фронтам. Всю неделю до этого Джонатан нахваливал мне группу за кружкой мексиканского пива. Суть его тирад сводилась к тому, что их ждет мировое господство. Я уже начинал думать, что это безумные фантазии воспаленного рассудка. Но, похоже, даже тогда я был в меньшинстве…

– Первые концертные фотографии «Nirvana» я сделал во время выступления в «HUB Ballroom», – вспоминает Чарлз Питерсон. – Они сорвали мне башню. Они всем ее сорвали. Сумасшедший драйв. Ты был там?

Я: Да. Тебе понравилось? Мне показалось, что это было полный отстой.

– Это потому, что ты не видел, когда они реально отстойно играли, – смеется он. – Мне понравилось, потому что тогдашнее выступление – как небо и земля по сравнению с тем, что было раньше. Они просто взорвали сцену. Не знаю, может, это Джейсон так повлиял – энергии ему хватало. У него был этот «гранж» в крови.

– Там я впервые увидел стейджджайвинг, – вспоминает Крэйг Монтгомери. – Я никогда его особенно не любил, потому что из-за этого портится качество звука. Я просто хочу слушать музыку. Меня бесит, когда какой-нибудь кретин ломает микрофонную стойку и разбрасывает педали гитаристов. Ничего общего с музыкой у всего этого нет, скорее похоже на футбольный матч. Мне кажется, «Nirvana» была похрен вся эта суета. Думаю, Курт хотел, чтобы на его концертах слушали музыку, а не прыгали со сцены. Особенно позднее, когда прыгали тупорылые качки, которым некуда девать тестостерон.

В интервью газете Вашингтонского университета «Дейли» Крист и Чед сказали, что живут за счет мойки посуды, Джейсон – за счет зарплаты, а Курт – за счет подруги Трэйси.

«Мне бы хотелось, чтобы группа приносила прибыль, – рассказывал Курт журналисту Филу Весту, – но если не получится, я просто уеду в Мексику или Югославию с парой сотен долларов, буду выращивать картофель и учить историю рок-н-ролла по старым выпускам журнала „Крим“».

В феврале 1989 года Курту исполнилось 22.

Большую часть года ему предстояло провести в турне с «Nirvana» – свыше 100 концертов, не сравнить с несколькими десятками за два предыдущих года – и творить в квартире Трэйси на Пир-стрит в Олимпии. Кобейн рисовал всем, что попадалось под руку: акриловые краски, маркер, баллончики, кровь, ручка, карандаши, иногда даже собственная сперма – и на любом холсте, который только мог раздобыть в местных дешевых магазинах, чаще всего на оборотной стороне настольных игр. Он рисовал инопланетян, больных детей, культовых персонажей вроде Бэтмена и Барби – его рисунки были невероятно трехмерны. Движимый желанием – страстью – самовыражения, он начал собирать мусор и детали повседневного быта: игрушечные

машинки, солдатиков, безголовых кукол. Большинство из них он ломал или расплавлял на заднем дворе, и это все становилось частью его творческих проектов. Все его картины были мрачными, искаженными, больными: половые органы менялись местами у игрушек мужского и женского родов и обретали новые смыслы. Курт рисовал в одних трусах, в самодельных футболках с символикой группы, в рваных свитерах – в промежутках между ничегонеделанием и просмотром телепрограмм, репетициями, набрасыванием идей для песен в дневнике и поиском дешевого оборудования в благотворительных магазинах.

– В Абердине была куча дешевых магазинов, – смеется Иэн Диксон. – Мы ездили из Олимпии и видели там много таких магазинов. Курт также знал, где находится каждый ломбард, потому что он постоянно искал музыкальное оборудование. Он просто ездил от одного магазина к другому…

Я: Что он обычно покупал?

– Гитарные педали, – отвечает Диксон. – «Mudhoney», «Nirvana» и другие гранж-группы изменили индустрию производства гитарных педалей. Пока «Nirvana» не достигла пика своей популярности, Курт куда только не ездил, чтобы раздобыть те педали, которые ему нужны, потому что их уже не производили. Они все были сделаны в 70-х фирмой «MXR», а сейчас «MXR» больше не существует.

Я могу вспомнить свою первую встречу с «Nirvana» в общих чертах, а может, и в мельчайших подробностях. Стоял солнечный зимний день; Сиэтл, берег озера в двух кварталах от офиса «Sub Pop» на 1-й авеню и в пяти минутах ходьбы от Пайк-Плейс-Маркет. Маленький клочок зеленого газона облюбован бомжами и разносчиками на велосипедах; именно здесь состоялось первое крупное интервью «Nirvana». Я помню это так хорошо, потому что на панихиде Курта в 1994 году священник предложил нам вернуться на то место, с которым у каждого связаны воспоминания о «Nirvana», и таким образом почтить память Курта. Я подумал, что это полная чушь, но все равно пошел на озеро – во многом из-за того, что все остальные на той панихиде несли еще большую чушь.

Джонатан проводил меня вниз по крутому склону на встречу с четырьмя парнями, составлявшими тогда группу «Nirvana»: Курдт Кобейн (именно так он писал тогда свое имя), Крис Новоселич (та же история), Чед Ченнинг и временный второй гитарист Джейсон Эверман. Поунмэн, мастер преувеличений, к тому времени уже успел накачать меня полулегендами о потенциале «Nirvana».

– Это реально, – говорил он тогда мне (хотя я приписывал эти слова себе, и они в таком качестве – к моему стыду – звучали по всему миру). – Никакого пафоса рок-звезд, никаких интеллектуальных перспектив, никакого наполеоновского плана по завоеванию всего мира. Это просто четыре парня чуть за двадцать с окраин штата Вашингтон, которые хотят играть рок. И если бы эти четыре парня не занимались музыкой, они работали бы в супермаркете, рубили лес или чинили машины[142].

Джонатан всегда прекрасно обращался со словами. Я бы сказал, что он упустил свое истинное призвание, но он и так в тысячу раз богаче меня.

Сами же парни были оживлены и заинтересованы встречей с музыкальным критиком из Англии, с удовольствием привирали, без злого умысла – просто ради прикола. Джейсон сказал, что три года ловил рыбу на Аляске, – верно! Крис, долговязый улыбчивый басист, сообщил, что однажды участвовал в соревнованиях по лазанию по деревьям, – не верно! Курдт сказал, что его крыса однажды укусила Брюса Пэвитта, – верно![143] Певец также признался в любви к «Pixies», посетовал, что на родине группу заклеймили поклонниками сатаны, и вступил в пререкания с проходившим мимо продавцом аудиокассет.

– Сколько они стоят? – спросил он.

– Один доллар, – последовал ответ.

– Ни фига себе, – сказал Курдт. – Один доллар за кассету ван Моррисона? Здесь неподалеку есть ломбарды, где тебе дадут за них двадцать баксов.

Чувак попытался нам впарить марихуаны и исчез.

– Мы это все разыграли, – утверждал Крис. – Чтобы ты познакомился с чокнутым духом Америки. Это был пятый участник «Nirvana».

Джонатан подошел узнать, как проходит интервью, и предложил не стесняться и прикалываться еще больше. Мимо прошла кошка на поводке. У меня случился приступ кашля минут на пять. Я чуть не задохнулся.

Начало отношений с «Nirvana» получилось не из лучших, хотя группа успела частично поделиться своими музыкальными предпочтениями: «Aerosmith», «Tuxedomoon»[144], «NWA», «Herman's Hermits», Лидбелли, хард-рок, панк-рок, пауэр-поп, хип-хоп, «Sub Pop»… Когда интервью появилось в журнале «Мелоди мейкер» несколько месяцев спустя, Эверман уже покинул группу. Поэтому в соответствии с освященной веками традицией музыкальной прессы я изменил интервью – так, чтобы сложилось впечатление, что я разговаривал с тремя людьми. Хотя это не имело никакого значения. Я сам не мог определить, кто произнес

ту или иную реплику.

По правде говоря, «Nirvana» едва ли произвела на меня впечатление. В то время – первые две недели пребывания в Америке – мое внимание больше занимало другое: например, поездка в мою личную Мекку, Олимпию. Так что я не слишком увлекся этой группой молодых парней, которые каким-то образом существовали отдельно от всех остальных. Да, я назвал «Love Buzz» синглом недели, но я знал много групп, которые так же ярко вспыхивали, а затем гасли навсегда.

«Bleach» вышел в продажу 15 июня 1989 года. Пресс-релиз «Sub Pop» хвастливо заявлял: «Завораживающий, отличный тяжеляк от поп-звезд Олимпии. Они молоды, у них собственный фургон, и они сделают нас миллионерами!» Первую тысячу копий напечатали на белом виниле. Следующие две тысячи вышли с изумительным постером, сделанным Чарлзом Питерсоном.

Выбор обложки составил проблему. Фотосессией занималась Элис Уилер, но ее результат был не очень хорош: «„Nirvana“ пришла ко мне домой в полдень, – рассказывала она Джиллиан Дж. Гаар. – Мы пошли на улицу, я сделала несколько фотографий – они получились не очень хорошие. Джейсон по сравнению с Куртом выглядел просто мистером Гламуром; Курт на всех кадрах вышел размытым. Мне снимки очень не понравились. Группе тоже. А Брюсу они пришлись по душе. Потому что ему очень нравился образ неуклюжего деревенщины из Абердина».

В итоге на обложке появилась фотография Трэйси Марандер – с живого выступления «Nirvana» в художественной галерее «Reko Muse» в Олимпии. Это был отличный вечер: Бен Шепард устроил «танец червя» для своих друзей (действо, участники которого извиваются на полу и валят с ног зрителей, которые понятия не имеют, что происходит), а Шелли с Кристом снова были вместе.

Рекламная машина «Sub Pop» развернулась на всю катушку. Моя статья в «Мелоди мейкере» вышла в двух частях, 18 и 25 марта, – это были первые шаги к буму интереса к музыке в городе и за его пределами. Буквально за ночь название «Сиэтл» превратилось в определение, которое модно употреблять в разговоре. Конечно, помогло и то, что через неделю после выхода статьи «Mudhoney» начали свое дебютное турне по Англии вместе с «Sonic Youth», – и то, как круто проходило это турне. Но «Nirvana» их быстро догоняла…

– У Курта была гитара «Fender Mustang» из коричневого дерева, со стикером «Soundgarden», – вспоминал Джейсон Тротмэн, бывший сосед по комнате Джейсона Эвермана. – И на

концерте в «Annex Theatre» в Сиэтле [7 апреля 1989] он просто расколотил ее на хрен.

– На том выступлении они просто сходили с ума, – подтверждает Поунмэн. – Тогда толпа впервые подняла Курта на руки – своего рода инициация, которую до того прошел только Марк Арм.

В этом на самом деле было что-то первобытное. И именно после того выступления Брюс окончательно признал: «Nirvana» – это великая группа.

Неделю спустя «Nirvana» играла в Элленсбурге, родном городе «Screaming Trees», – концерт был жестко усечен недружелюбным звукооператором, но зато «Nirvana» обзавелась еще одним поклонником – фронтменом «Screaming Trees» Марком Лэнеганом.

– Я был просто потрясен, – рассказывал он в интервью журналу «Спин» в 1995 году. – Как будто выступали «The Who» в своей лучшей форме. После двух песен какой-то придурок, который там работал, остановил концерт – кончилось время, отведенное на их выступление. Они постояли на сцене несколько секунд, затем Крист стал бросать свою бас-гитару вверх, прямо под потолок 6-метрового здания, и ловить одной рукой. В это время Курт выкрутил свой усилитель до адской громкости, а их роуди начал драться с тем придурком. И все это случилось в Элленсбурге!

Но не всем понравился концерт. Будущий продюсер «Nirvana» Стив Фиск присутствовал на том выступлении: «Это было ужасно. Они не могли сыграть нормально ни одной песни. Курт порвал струну, убежал в угол и закатил истерику. Потом стал ломать свою гитару. Две песни, которые я выслушал, были абсолютно невразумительны, как большинство бессмысленного шума от групп лейбла „SST“. Когда Джейсон стал мотать своими волосами, абсолютно не в ритм, я сказал „позеры“ и ушел. Если отрастил волосы, то либо тряси ими в ритм, либо не тряси вообще. Динамики тоже были хреновыми. У меня нашлись дела поважнее, поэтому я ушел».

– Я обрадовался, узнав, что «Nirvana» будет выступать в галерее «Reko Muse», – говорит Гудмансон о другом концерте в начале 1989 года. («Nirvana» выступала в галерее дважды: совладельцем заведения была Кэтлин Ханна, в будущем вокалистка «Bikini Kill».) – На флаере было написано: «индустриальная „Nirvana“». Это был настоящий балаган. «Nirvana» так надоели благотворительные концерты, что они решили просто высмеять саму идею подобных шоу. Они играли очень шумно… это был по-настоящему ужасный шум.

– Мне кажется, Тоби Вэйл выступала с ними тем вечером: она взяла у меня драм-машину и играла монотонные биты, – добавляет Слим Мун.

– Это был один сплошной шум, – утверждает Вэйл. – Там было весело. Все знали друг друга. «Nirvana» играла со своими приятелями. Понятия не имею, как это звучало. Помню только, что после концерта все руки у меня были в волдырях.

Не важно. Рекламную машину уже было не остановить.

«Британия ныне захвачена рок-волной, эпицентр которой находится в одном маленьком и незаметном городке на Западном побережье в США – в Сиэтле, – писал я в статье в „Мелоди мейкер“. – Сиэтл – родина Квинси Джонса, Бобби Шермана, Брюса Ли и Спэйс-Нидл (которую можно увидеть в фильме 1962 года с Элвисом Пресли „Это случилось на Всемирной выставке“). Сейчас у этого города есть еще один повод для гордости – империя звукозаписи „Sub Pop“, чья штаб-квартира находится в пентхаусе небоскреба Терминал-Сэйлс-Билдинг…

Как будто ниоткуда появляются толпы кровожадных, бросающих вызов жизни, взрывающих мозг гранжевых гитарных групп – одной ногой они стоят в ранних 70-х, другой – на могиле панк-рока. Достаточно упомянуть „Tad“, „Митлоуфа нью-вэйва“ с его костоломной группой, а также невероятную „Nirvana“ – они недавно появились, но уже круче всех создают волну звука из простейшей двухаккордной песни…»

Слово «гранж» появлялось в британской музыкальной прессе и до опубликования той моей статьи – я сам употреблял это определение годом ранее для описания звучания чокнутых панков из Манчестера «Happy Mondays», – но именно в той статье оно было употреблено в том контексте, благодаря которому и станет знаменитым[145].

9 июня 1989 года «Nirvana» играла на «Lamefest» – «Moore Theatre» был переполнен людьми, с нетерпением ждущих их выступления. Это была самая крупная площадка, на которую до тех пор удалось выйти «Nirvana», и участники не разочаровали зрителей. Тогда все было на полную катушку – они ломали инструменты и бесновались на сцене.

– Курт держал свою гитару за ремень, закручивая его вокруг шеи, – вспоминает барабанщик «Gas Huffer» Джо Ньютон. – Я крикнул: «Он ведь сейчас задохнется!» У них была страсть, без которой рок-н-ролл не может существовать, эта сумасшедшинка.

Способность забыть о своей смертности… отсутствие страха боли. У меня такого не было. Меня это всегда выводило из себя:

я не могу себе такого позволить – зачем они ломают свои инструменты? Отдайте их лучше мне!

– Это было реально круто, – говорит Чед. – Реклама появилась уже за несколько недель до выступления. У меня до сих пор сохранился флаер. Это самый крупный концерт, на котором я когда-либо играл. Выступали «Mudhoney», «Tad» и «Nirvana». Это было безумие. Год назад и подумать нельзя было о том, чтобы эти три группы собрали «Moore», – а большинство людей в мире и тогда не знали ничего об этих командах! Но если вы были из Сиэтла, вам обязательно стало бы интересно – что, черт возьми, происходит?

– На этом концерте они впервые продавали диски «Bleach», – вспоминает Роб Кейдер. – Я взял четыре пластинки на белом виниле – мне так хотелось иметь их. Я был на многих концертах «Nirvana» и всегда поражался тому, насколько они простые в общении и какие они интроверты. Помню, как-то тусовался с ними в их фургончике после концерта и решал, что делать дальше. В «Annex Theatre» была большая вечеринка, все уговаривали нас туда пойти и присоединиться к веселью. Весь «Sub Pop» отправился туда. А Курт просто забил на все и пошел домой.

На следующий вечер «Sub Pop» предложил «Nirvana» выступить на концерте вместе с «Cat Butt» в Портленде. Кадер рассказывает, как это было:

– Мы приходим в этот крошечный клуб, выгружаемся, идем за пиццой, возвращаемся: «Черт, тут никого нет». Клуб прикольный. Оформлен как театр военных действий. Мешки с песком, фальшивая колючая проволока – и всего двенадцать человек внутри. Группа начинает составлять сет-лист, потом они смотрят на меня и смеются: «А, к черту, мы сыграем все, что ты хочешь».

Трэйси постоянно поила меня пивом, поэтому я, уже пьяный, тащусь от их выступления и прошу сыграть еще раз «Sifting». Курт отвечает: «Какого хрена, мы ее уже играли!» Джейсон говорит: «Чувак, закажи „Big Long Now“». Я заказываю, тем более что это одна из моих любимых песен. Крист кричит: «Мы больше не будем играть ее!» Не дожидаясь от меня следующей просьбы, они решают закрыть концерт своей версией песни «Do You Love Me?», которую только что записали для трибьют-альбома «Kiss»[146]. В общем-то, больше ничего интересного там не было.

Дополнение 1: Олимпия против Сиэтла (дубль 2)

– Мы и не рассчитывали, что наш диск должен стать синглом

недели, – говорит Эл Ларсен. – Мы записали его, сделали кучу фотографий – как мы с Робертом идем по городу и толкаем впереди себя велосипед. Очень скучные фотографии – они были сделаны такими намеренно. Если пытаешься сломать все сразу, то ничего не выйдет… а вот если ломать по одной маленькой вещи зараз, то… понимаете, о чем я? Люди думают: «У них тупое название, тупые фотки, чувак не умеет петь. Да, это прекрасно, но из этого ничего не выйдет».

Я: Когда я назвал эти три диска синглами недели, я действительно считал, что все три диска крутые. У меня не было ощущения, что один диск лучше, а другой хуже, – в отличие от других людей.

– Начало ноября 1991 года, «Sub Pop», работа. Похоже, мы на плаву, – вспоминает Рич Дженсен. – В то время «Nevermind» становится невероятно популярным. Местная станция новостей, которая, конечно же, до тех пор игнорировала всех музыкантов моего возраста, приходит в «Sub Pop» с вопросами: «Что это за диск? Откуда эта группа?» И я сказал в камеру, что все, кому нравится «The Beatles», полюбят и «Nirvana». Хорошего новостного сюжета не вышло, но что-то в этом было. Успех «Nirvana» меня не удивил.

Я: А меня удивил. Почему одной группе досталось все, а другим ничего?

– Ты когда-нибудь слушал «Guns N' Roses»? – подключается Эл. – Знаешь «Sweet Child O' Mine»? Это очень приятная песня. Раньше они были хард-рок группой, но эта песня идет наперекор многим вещам сразу. То же самое и с «Nirvana». В Сиэтле царила тяжелая, ироничная, соответствующая городу музыка, и нашлась группа, которая соответствовала всем этим параметрам, но у них была настоящая поэзия, идущая наперекор…

– Сингл, о котором ты говоришь, это «Big cheese» [Би-сайд «Love Buzz»], – говорит Рич. – Для меня в этой песне главное – бас, этот долбящий звук. Он казался логическим продолжением всех других звуков рок-н-ролла. Первобытный звук, тогда как у «Some Velvet Sidewalk» подход был более поэтическим, более отстраненным.

Я: Помню, я был в Олимпии, в доме Никки, и вдруг ты поворачиваешься ко мне и говоришь…

– Ты мне нравился, и я хотел высказать все начистоту, – объясняет Эл. – Весной 1989 года я был в турне, наша машина сломалась в Питсбурге, мы простояли там два дня, пропустили концерты. Мы оказались в доме одного знакомого, пришел его сосед, он был очень мил с нами, мы пошли в его комнату, и там на столе лежал выпуск «Мелоди мейкер», открытый на развороте

со статьей о «Sub Pop» и о гранже – автор Эверетт Тру. И вот мы в Питсбурге, концерты пролетают, а мы читаем о том, что все эти длинноволосые группы из Сиэтла – самая крутая музыка в мире. Я тогда подумал: «Зачем это надо? Он ведь все портит на хрен. Он берет фотоаппарат, направляет его не в ту сторону и делает кучу снимков».

Я: Я не собирался писать о направлении, я писал о разных группах. Я не виноват, что люди увидели там описание только одного музыкального направления.

Дополнение 2: Реклама

Я: Самые растиражированные слова, которые я когда-либо написал, это характеристика «Nirvana» в той статье про «Sub Pop». И это было, слово в слово, то, что сказал мне ты. Меня поджимали сроки, и мы с тобой много говорили по телефону…

Джонатан Поунмэн: Я помню те разговоры. Знаю, что выгляжу полным придурком, но придурком, преданным всем видам рока; это было круто – что с нами настоящий, живой музыкальный журналист из Британии, мало того – из «Мелоди мейкер». Я серьезно! Я был в восторге. Когда я увидел ту статью… Надо бы перечитать ее с начала до конца, но тогда я был так впечатлен, что о нас написали в «Мелоди мейкер», что мог воспринимать ее только как единое целое. Это было так круто, я был счастлив, как простой фанат, и до сих пор это одно из моих самых любимых и сокровенных воспоминаний.

Я: Когда я вернулся из Сиэтла, у меня было около двух суток на то, чтобы написать статью о «Mudhoney». Тогда я еще не знал, как писать. Сочинительство представляло большую проблему. К тому же я, должно быть, отравился чем-то – меня рвало все время. А тут еще и компьютер полетел – и у меня уже не было даже самой статьи. Пришлось в полночь ехать через весь Лондон в офис «Мелоди мейкер», чтобы написать весь текст заново, – и все это время я продолжал блевать.

Джонатан: Да уж, это гранж!

Я: Что меня привлекло в группах из Сиэтла в первую очередь – то, как все мне открыто врали. Я был в полном восторге. В Британии никто этого не делал; все были честны в отношении прессы – люди воспринимали нас очень серьезно. Я знаю, почему музыканты лгали мне в Сиэтле. Никто из них не думал, что они смогут куда-нибудь пробиться. Но такой подход способствовал скандальной популярности на ранних порах – и «Sub Pop», и «Nirvana».

Джонатан: Я думаю, глупо вспоминать Малькольма Макларена [менеджера «Sex Pistols»], Дона Киршнера [менеджера «Monkees»] или Лизу Робинсон [критика из журналов «Севентис хит-парад» и «Крим»], людей, которые были манипуляторами и мастерами пиара, – но все это такая фигня. Важно лишь то, что вымысел куда интереснее унылой, скучной правды. Может быть, многие люди врали тебе, думая, что у них все равно ничего не выйдет. Но я тебе скажу – я тебе врал, потому что знал, что у нас что-то получится.

Меган Джаспер (президент «Sub Pop»): Кроме того, не забывай, офис «Sub Pop» был маленький, и работали там сплошь шутники. Поэтому, когда кто-нибудь врал, даже о малейшей, тупейшей вещи, – мы все смеялись. Ты был не единственным, кого обманывали, но обманывать тебя – одно из величайших удовольствий.

Джонатан: Я постоянно врал Брюсу о том, сколько денег на нашем банковскому счету.

Я: И я, безусловно, внес свою лепту в тотальный обман.

Джонатан: В этом-то все и дело! Ты должен был сделать так, чтобы доверчивые люди полагали, что они читают правду; но сама мысль о том, что они действительно читают правду, для меня смехотворна.

Я: Раньше я говорил, что единственная цель, ради которой я стал писать, – заставить людей завидовать мне.

Джонатан: Знаешь что? Я считаю, что ты прекрасный писатель – именно по этой самой причине. Это цитировать не надо.

Глава восьмая
50 долларов и ящик пива

Летом 1989 года я полетел в Нью-Йорк – делать статью о группах «Tad» и «Nirvana» для журнала «Саундс». Андеграундный рок в Америке был на подъеме, он только что пережил периоды «SST» и «Homestead». Наступал закат постпанка – и «Sub Pop» был следующим этапом развития.

Мы жили в Нижнем Ист-Сайде. Стояло очень жаркое, изнуряющее нью-йоркское лето. Квартирка была маленькой, и в ней находились две уставшие и вонючие группы – в конце длинного турне, в ожидании последнего концерта в «New Music „Seminar“». «Tad» сразу пошли на контакт – они были старше и мудрее «Nirvana». Огромный фронтмен Тэд Дойл вел разговор, участники «Nirvana» сидели с отрешенным видом на полу. Тэд с группой были похожи на старших братьев парней из «Nirvana» – как будто заботились о том, чтобы те не напортачили. Во многом Крист Новоселич представлял собой мини-версию Тэда, потому что Курт не мог ничего сделать сам, даже приготовить чашку чая.

В квартире было ужасно жарко. Кондиционер не работал, а нас в комнатке набилось около 20 человек. Даже тараканы сбежали, возмущенные жарой и ужасной вонью, исходившей от музыкантов. Было очень тесно – я, мой фотограф Иэн Тилтон, пресс-секретарь, какие-то люди, которые так и не представились, – и измотанные участники «Nirvana» и «Tad», большие, очень большие парни. У нас даже спальников не было, все спали на полу в кухне. Курт так умотался, что большую часть времени дремал, свернувшись калачиком.

В комнате храпели уставшие рокеры в вонючих носках. У «Nirvana» был абсолютно убитый вид – так и должна выглядеть молодая группа после первого «туалетного турне»: они играли каждый день в задрипанных клубах для пяти зрителей. Недели, проведенные в дороге – без еды, без публики, без особого смысла, – именно так великие группы обретают свою внутреннюю силу.

За день до выступления в «Seminar» «Nirvana» играла в клубе «Maxwell's» – на концерт пришло человек десять. Мало кто был впечатлен, кроме одной девушки из французского звукозаписывающего лейбла – она считала, что парни станут суперзвездами. Я был их большим поклонником. Я обожал голос Курта – он напоминал мне Джона Леннона и Нодди Холдера[147]*. Мне нравилась эта первобытная, животная дикость группы; мне понравился их первый сингл – они взяли песню «Shocking Blue»*

и вывернули ее так, что на выходе получился яростный выплеск эмоций, подростковая песня об отчуждении.

В конце выступления они сломали ударную установку и пробили своими гитарами крышу здания. Это не было запланировано. Никто не парится, выступая перед десятком человек. Зачинщиком был Крист. Он мог сделать больше других. Он мог разнести всю сцену, стоя на одном месте с бас-гитарой в руках.

Я взял у них интервью до концерта. Брюс и Джонатан из «Sub Pop» верили в группу на все 100 процентов. Их вера была просто потрясающей – я считал, что это неплохая группа, но они утверждали, что «Nirvana» станут суперзвездами. Когда они это сказали, я подумал о «Sonic Youth», подумал, что их диски также смогут расходиться 50-тысячными тиражами! Крист говорил про Сербию, про Балканы – много говорил о политике. Курт устал, поэтому я поговорил с ним на следующий день. Он стеснялся и все еще был измотан жарой, стоявшей в квартире, тер глаза и оживился, лишь когда речь зашла о рок-н-ролле. Его энергетика была просто потрясающей. Сначала он говорил достаточно спокойно о море подделок. Его отличала жесткая трудовая этика и жажда творческого самовыражения, которая требовала утоления. Курт остался равнодушен к набиравшей обороты пиар-кампании. «Мы были группой и до того, как подписали контракт с „Sub Pop“. Контракт с модным лейблом для нас ничего не значит, – говорил он мне. – Сейчас повсюду реклама, и это оправданно – на лейбле действительно есть отличные команды. Но этот пиар на нас никак не сказывается».

Несколько часов спустя «Nirvana» отправилась в долгое путешествие домой. Мы помогли им загрузить оборудование в раздолбанный фургончик. Свежеобретенный культовый статус, казалось, устоялся; но они были слишком энергичны, слишком интересны для тупого, серого мира мейнстрима. Тогда казалось, что MTV вряд ли примет с распростертыми объятьями эту дикую какофонию эмоций – для них Майкл Джексон был прорывом в музыке! Ребята уныло отправились в путешествие через всю Америку – целых пять дней. Дорога была тяжелой – и путешествие еще раз подчеркивало их мятежную ментальность. Я с грустью думал об их будущем. Любой, кто скажет, что нет ничего проще – выползти из помойной ямы рок-н-ролла на свет божий, – любой, кто так скажет, будет долбаным лжецом.

Интервью с музыкантом и журналистом Джоном Роббом, ноябрь 2005 года

* * *

В июне 1989 года «Nirvana» отправилась в свое первое серьезное турне по Америке.

– «Sub Pop» нанял для нас компанию из Лос-Анджелеса, которая называлась «Bulging Eye», – вспоминает Чед. – Они организовали турне: до Калифорнии, затем Нью-Йорк и обратно – и все города по дороге. Тогда мы впервые играли в клубе «Blind Pig» в Энн-Арбор. Мы там выступили несколько раз. Классные концерты!

Это было настоящее «голодное панк-рок турне» – по выражению Криста, – 26 концертов в течение одного месяца. Первое выступление состоялось 22 июня в клубе «Covered Wagon» в Сан-Франциско. Роб Кейдер с приятелями купили музыкантам на прощание упаковку из 24 банок «Маунтин Дью»; Джейсон сделал новые футболки с символикой группы – скандально известные надписью «Несущие чепуху, курящие травку, поклоняющиеся сатане ублюдки»[148]. Впервые Шелли и Трэйси не поехали с группой. Было слишком мало места – и мало денег. Крист взял на себя роль мамочки: он следил, чтобы фургон останавливался только на определенных заправках, чтобы никто не включал кондиционер и чтобы скорость не превышала 70 миль в час. Мудрая предосторожность, учитывая количество групп, разбившихся в ужасных автокатастрофах за последние годы. Басист собрал все деньги, какие группа заработала от выступлений в клубах (100 баксов, не больше, и ящик пива), и выдал всем суточные (валюта, имеющая хождение в группах по всему миру). Все, что у них оставалось после покупки еды и бензина, они тратили на музыку.

– Мы ели всякое дерьмо, – смеется Чед. – Разный фаст-фуд. Питались в заведениях типа «Севен-илевен» или вроде того – хуже еды на земле не найти. Курт ел корндоги. Было забавно, ведь Крист в общем-то вегетарианец, и он постоянно пытался найти «Сэйфвэйс» и купить салата; я шел с ним, надеясь купить какой-нибудь сэндвич – так мне надоела тогда жареная еда. Джейсон питался только в «Макдоналдсе».

Что касается размещения, то местные организаторы предоставляли место ночевки – часто группа останавливалась у других музыкантов, например у Лори Барберо («Babes In Toyland», Миннеаполис, – у нее пьяный Крист упал спиной на комод с тарелками) или Джона Робинсона («The Fluid», Денвер). Иногда приют им давали люди, связанные со звукозаписывающей компанией, например, Джойс Линехан в Бостоне или Джанет Биллиг в Нью-Йорке. «Я была гостеприимной, – говорит Биллиг, –

поэтому многие группы останавливались у меня – никто из них не мог позволить себе гостиницу».

Джанет познакомилась с «Nirvana» после того, как «Caroline records» заключила контракт с «Sub Pop». Согласно одному из условий контракта, если группы «Sub Pop» приезжали в Нью-Йорк, то компания Джанет должна была обеспечивать освещение и поддержку их выступлений по всему Восточному побережью. Вскоре квартира Биллиг стала известна под названием «Мотель номер 6 для панк-рокеров». «„Mudhoney“, „Tad“, „Nirvana“… – продолжает Джанет. – Так я с ними и познакомилась». Джанет связывала с музыкантами из Сиэтла и их общая любовь к таким группам из Миннеаполиса, как «Hűsker Dű» и «Soul Asylum». Сама же она закончила школу раньше, чтобы поехать в турне вместе с группой «The Replacements».

– Моя квартира находилась на 7-й улице, посередине между авеню B и C, – вспоминает она. – В ней было чуть больше 100 метров, очень маленькая квартира – но это же Нью-Йорк. Интересно, что у туалета вместо обычной двери стояла вращающаяся, как в салуне. Была кровать на чердаке и матрас внизу. Люди обычно набивались на чердаке и на диване. Тогда там все было по-другому. Авеню B тогда была небезопасным районом. Когда у меня останавливались «L7», прямо перед домом Дониту [вокалистку] ударили ножом. Другой случай – коробку футболок «Mudhoney» украли, когда ребята выгружались. По слухам, несколько месяцев бродяги в том районе ходили в футболках с символикой «Mudhoney».

За день до выступления в клубе «Covered Wagon» «Nirvana» играла концерт в «The Vogue» при переполненном зале. На выступление в Сан-Франциско народу пришло еще больше, чем раньше; правда, «Sub Pop» сначала не мог убедить магазины взять в продажу «Bleach». Два дня спустя в магазине в «Rhino Records» в Лос-Анджелесе осталось только пять дисков – но для Курта был важнее тот факт, что он дал интервью «Флипсайд» – местному клевому фан-журналу о панк-роке. Там группа говорила о тараканах, жаре и постере «Элвиса Купера» – изуродованном плакате Элвиса Пресли, – который группа взяла с собой в турне.

«Ненавижу долбаного Элвиса Пресли, – говорил Крист. – А Элис Купер – это круто[149]».

Турне продолжилось концертами в Лонг-Бич и Санта-Фе (штат Нью-Мексико) и затем в Техасе, где жара стала просто невыносимой – группа отсиживалась в гараже и ждала, пока жара не спадет. На их концерты ходило не очень много людей – человек 20–30; часто музыканты круга «Sub Pop», желавшие

посмотреть на новую группу. Но «Nirvana» начинала производить на людей впечатление.

– Обычно «Nirvana» выступала на разогреве у других команд, – вспоминает менеджер турне Дэнни Блэнд. – Я был из Аризоны, поэтому попросил своих земляков взять эту группу. Говорил, что они понравятся; в итоге парни играли вторыми из четырех команд, и им было обещано 50 баксов и ящик пива, причем 50 баксов клуб в итоге зажилил. Это было в Темпе (штат Аризона) – клуб назывался «Sun Club». Помню, много лет спустя я снова оказался там – на стене висела фотография «Nirvana» в рамочке. Да пошли вы на хрен! Вы им даже 50 баксов не отдали. А может, и за пиво содрали денег. Вот так обстояло дело в большинстве случаев.

В Техасе группа остановилась неподалеку от национального парка. Повсюду висели знаки «Осторожно: аллигаторы!» Этой ночью музыканты спали в обнимку с бейсбольными битами.

Крист был самым заводным из них всех: каждый вечер он напивался.

– Сначала он признавался всем в любви, а потом брал стул и швырял его через всю комнату, – вспоминает Чед. – Принимался бредить, говорил, что никто из нас ни хрена не понимает в любви, или кричал, что видеть нас всех не желает. Но потом у него становилось такое умильное выражение лица, как у щенка. Я обожал его в такие моменты. Все знали, что в пьяном виде он становится просто безумным, но в то же время это был самый большой чертов плюшевый мишка в мире.

Пьянки не очень беспокоили Курта. «Все пьют, – говорил он Майклу Азерраду. – Это ведь не каждый день случается. Через день. [Крист] напивается до полного забвения и в буквальном смысле превращается в идиота, он не может говорить, только размахивает руками и рушит все на своем пути. Я знавал стольких пьяниц, что мне это кажется нормальным». Курт по-прежнему мучился болями в животе и пил меньше всех в группе (не считая Эвермана, который употреблял только «Маунтин Дью»). Отказался он – в один момент – и от курения.

Хотя дорога была изматывающей, а гонорары мизерными, группа не теряла энтузиазма – они ездят по Америке и играют рок-н-ролл! Что может быть лучше? Когда они приехали на Средний Запад, диски уже поступили в магазины, и людей на концертах прибавилось – радиостанции в колледжах наконец-то стали играть песни с «Bleach», например «Blew» и «About A Girl».

На следующий день после концерта в «Uptown Bar» в Миннеаполисе Курт купил на гаражной распродаже в Чикаго большое распятие. Желая развеять скуку во время дороги, он сел

на пассажирское сиденье, опустил стекло и совал это распятие прямо в лицо проходящим мимо обывателям – просто чтобы посмотреть, как они отреагируют. «Мы проезжали мимо лимузина, и Курт им показал распятие, – вспоминает Чед. – И снял эту сцену на камеру „Пиксел вижн“. Было очень смешно».

Примерно в это время Джейсон стал больше уходить в себя, чувствуя, что лишается дружбы и доверия Криста и Курта, – а они в это время все больше напрягались из-за тяги Джейсона к шоуменству и слишком «рокового» имиджа команды. Джейсон вальяжно расхаживал по сцене, тогда как Курт, Крист и Чед вели себя намного скромнее. «Он был как павлин на амфетаминах, – вспоминал Курт. – Ужасно». Никто из других участников не разделял старого доброго рокерского отношения к женщине – поматросил и бросил. И им не нравилось, когда Джейсон пару раз приводил девочек к себе после концертов.

– С Джейсоном они выглядели хреново, – смеется Кэндис Педерсен. – Как-то они играли в Сан-Франциско, и он напялил костюм Микки-Мауса, с пуговичками и подтяжками, а я думала: «Какого черта ты делаешь?»

– Хуже всего было, когда они играли вчетвером, – подтверждает Стив Тернер. – Джейсон был абсолютно не в тему.

Эверману в свою очередь не нравилось отношение Курта и Криста к инструментам, особенно учитывая тот факт, что группа была практически на мели.

– Чед в какой-то момент лишился всей своей одежды, – говорит Роб Кейдер. – Кто-то ее украл или он сам оставил ее у кого-то – в общем, у него осталась одна рубашка, которую он носил две или три недели. К тому моменту, когда они вернулись, от него кошмарно воняло.

9 июля «Nirvana» играла концерт в клубе «Sonic Temple» в городе Уилкинсбург недалеко от Питсбурга. Выступление шло хорошо, настолько хорошо, что Курт разбил свою старую гитару «Fender Mustang», потому что все 20 человек зрителей уже завелись и отрывались по полной. Джейсон, вполне возможно, остался недоволен этим – ведь он тоже частично вложился в поездку, своими деньгами с футболок, – но Кристу и Курту он казался слишком скованным, зацикленным на своем имидже.

Каким образом «Nirvana» могла себе позволять подобное?

– Мы заключали выгодные сделки, – рассказывал мне Крист в 1990 году. – Понимаешь, мы живем в Такоме, и здесь не очень дорогие магазины. В Сиэтле люди с ума сходят по старым гитарам, но в Такоме всем на это плевать.

– Почему я это делаю? – переспросил Курт в ходе того же интервью. – А почему нет? Это прикольно. Кто-то уже срубил

хорошее старое дерево, чтобы сделать эту чертову гитару. Круши ее! Мы ломаем инструменты, если чувствуем, что так надо, – и не важно, где мы находимся.

– Иногда у нас случались конфликты с владельцами клубов, – улыбается Чед. – Чаще всего на вечеринках после концерта. Если Крист сильно напивался, он начинал швырять стулья и все остальное, что попадалось под руку. В паре клубов нам просто говорили: «Отыграли – проваливайте!» Удивительно, что таких клубов было не очень много.

12 июля «Nirvana» играла при небольшом стечении публики в «JC Dobbs» – это был небольшой клуб в Филадельфии, в котором они еще сыграют впоследствии пару раз. Несколько дней спустя группа отработала два концерта в Массачусетсе: в клубе «Green Street Station» в городке Джамайка-Плейн и на студенческой вечеринке в МТИ [Массачусетский технологический институт] в Нортхэмптоне.

– На концерте в «Green Street» Курт раздолбал свою гитару, и на следующий день ему не на чем было играть, – вспоминает Дебби Шейн. – Он пел, а Джейсон играл на гитаре. Мы были слегка разочарованы, но в итоге это оказалось не важно – они играли очень здорово.

– Это были мощные концерты, – говорит Биллиг, которая была на обоих выступлениях. – Я как будто смотрела на пламя, которое разгоралось все сильнее и сильнее. Не важно, насколько крут был Марк Арм, насколько дикими были выступления «Tad», – в Курте чувствовалось что-то магическое. Ты смотрел только на него, когда он брал в руки гитару, и слушал все, что бы он ни сказал. В конце ребята либо взрывались и ломали всю свою аппаратуру либо просто уходили со сцены и шли выпить по паре пива.

На следующий день группа играла в легендарном клубе «Maxwell's» в Хобокене – на другом берегу Манхэттена.

– Впервые я увидел «Nirvana» на «New Music Seminar», на концерте в клубе «Maxwell's», где они выступали вместе с «Tad», – говорит Антон Брукс. – Из Нью-Йорка приехали два фургона, под завязку забитые людьми из «Sub Pop». Там было около 50 человек. «Nirvana» выступила потрясающе. Курт разбил свою гитару, пнул усилители и ушел со сцены. Мы посмотрели выступление «Tad» и уехали обратно в Нью-Йорк.

Курт бросил разбитую гитару на танцполе, а я подумал: «Надо взять ее», – продолжает Антон. – Но потом я сообразил: «А что я скажу про разбитую гитару на таможне?» У Курта были длинные волосы, и он носил клетчатую рубашку. В «Sub Pop» все носили клетчатые рубашки. Крист был одет в узкие джинсы и

джемпер. У него тогда тоже были длинные – лохматые – волосы. Крист служил главным затейником в группе, ее неофициальным представителем. Он со всеми здоровался, целовался с девушками. Он был под два метра ростом, а Чед наоборот – будь он чуточку ниже ростом, его можно было бы назвать карликом. В журнале «Саундс» была напечатана знаменитая фотография, где Крист стоит на коленях и все равно возвышается над Чедом, а Курт ненамного выше Чеда.

– Концерт в «Maxwell's» был просто потрясающим, – вспоминает Дэн Питерс. – Они зажигали не на шутку. Крист тогда схватил свой бас и начал просто разламывать бочку Чеда… Эти парни находились в Нью-Йорке, едва ли в середине турне, у них не было денег – и я думал: «Какого черта они делают?» Крист просто разорвал бочку пополам – потом они заклеили ее клейкой лентой. Этому парню, Чеду, пришлось многое вытерпеть.

Несколько дней спустя – 18 июля – «Nirvana» дала еще один концерт в Нью-Йорке, в клубе «Pyramid», напротив Томпкинс-сквер-парк.

– Я присутствовал на этом концерте в «Pyramid» – у них был Джейсон, потрясающая энергетика и длинные волосы, – вспоминает глава «City Slang»[150] Кристоф Эллингхаус. – С первого взгляда они показались мне невероятно мощной группой. После выступления Курт продавал футболки, я набросился на него: «Дай мне футболку сейчас же! Я ваш немецкий агент, я организую вам концерты в ноябре!» Курт был до смерти напуган пьяным нахальным немцем, вцепившимся в футболку.

Планировалось, что группа продолжит турне и поедет в Канаду, но после выступления в «Pyramid Club» Курт решил убрать Джейсона из группы. Несмотря на энтузиазм Кристофа и Антона, большинство зрителей восприняли выступление группы по-другому. Это был провал. Однажды, когда группа жила у Биллиг, Крист и Курт купили кокаин, пока Джейсон с Чедом гуляли по городу с британскими журналистами. Вечером друзья напились, приняли кокаин и решили выгнать Джейсона. Правда, никто не сказал об этом самому Джейсону. Позднее он утверждал, что сам ушел из группы. В любом случае, он не особенно расстраивался по этому поводу, потому что несколько недель спустя его позвали басистом в «Soundgarden»[151].

– Я присутствовал на концерте в «Pyramid», – говорит Дэнни Блэнд. – «Nirvana» тем вечером играла плохо. Они собирались выгнать Джейсона из группы, поэтому решили отменить оставшиеся четыре концерта и поехать обратно в Сиэтл [что они и сделали – не обмолвившись друг с другом практически ни одним

словом].

– Они оставили его у меня в квартире, – вспоминает Джанет. – Что-то пробубнили, а потом просто ушли. В итоге они отвезли его домой, но уже решили бросить его. Я думаю, что Джейсон не имел ни малейшего понятия о происходящем. Он был реально очень странный – в хорошем смысле. Необщительный человек в компании необщительных людей. Для них он был посторонним. Курт говорил мне до этого, что с Джейсоном ничего не выйдет. Кажется, у меня состоялся с ними примерно такой диалог: «Можно мы его тут оставим?» – «Нет, нельзя».

Курт вернулся обратно в Олимпию, но квартира Трэйси с каждым днем все больше походила на свалку – куча животных, мусор, раздолбанные усилители и гитары Курта, собранные по помойкам «объекты искусства»… и плесень на стенах в середине лета. «Однажды я видел, как Курт кухонным ножом выковыривал лед из морозильника, – вспоминает Слим Мун. – И вдруг он начал как сумасшедший выносить клетки со своими животными наружу – он проделал в морозилке дыру и боялся, что животные задохнутся от паров фреона». Позднее Курт и Трэйси переехали в чуть более дорогую и вместительную квартиру в том же здании.

Курта по-прежнему беспокоил желудок. Трэйси договорилась о нескольких сеансах с врачом из Такомы, но Курт сбежал после первого же сеанса, заявив, что боится уколов. Курта часто тошнило по ночам: группа уговаривала его отказаться от вредной пищи, но он их не слушал.

В июле – «Nirvana» еще была в турне – на лейбле «К» вышел сингл группы «Go Team» под названием «Scratch It Out / Bikini Twilight». Группа – костяк которой составляли барабанщица Тоби Вэйл и гитарист Кэлвин Джонсон – в начале 1989 года решила записывать каждый месяц по синглу вместе с музыкантами из разных групп[152]. Большую часть плана они успели воплотить в жизнь, пока их пути не разошлись. Они записали девять синглов. На июльском диске в качестве приглашенного музыканта выступил Курт.

– Это была отличная идея, но нас подвела реализация, – объясняла Кэндис Педерсен. – Мы собирались продавать диски в пакетах, наклеив сверху этикетку, – как дешевые конфеты. Но после первого месяца – мы сами засовывали диски в пакеты, упаковывали, заклеивали их – я заявила: «Отличная идея, но из этого ничего не выйдет!»

– В «The Go Team» главным был сам процесс, – объясняет Тоби. – Мне нравилось делать музыку, частично из-за того, что нравилось общаться с новыми людьми – вот откуда появилась идея с приглашенными музыкантами, – но и лента в это время

тоже крутилась; результатом всего этого стал выход сингла на «K». Иногда мы специально оставляли песни незаконченными, предлагая слушателям поучаствовать в творческом процессе. На нашем первом альбоме, выпущенном на «K», – «Donna Parker Pop» – были прописаны все инструментальные партии, но на диске стояла надпись: «Придумайте собственный текст и пойте его», – и люди так и делали. Потом с некоторыми из них мы записывались.

«The Go Team» существовала с 1985 по 1989 год. Первый раз я выступила с «The Go Team», когда мне едва исполнилось шестнадцать. Три года мы играли в Олимпии, записывали кассеты. Пожалуй, большинство считало нас отстойной группой, потому что мы часто импровизировали или играли незавершенные вещи. То, что это делалось намеренно – по эстетическим и концептуальным соображениям, – многих очень сильно смущало. Мы приобрели репутацию претенциозной группы, что привлекало к нам многих интересных людей. Дилан Карлсон и Слим Мун очень любили «The Go Team». Сомневаюсь, что Курт был большим нашим поклонником, но ему нравился лейбл «K», и его привлекало все, что хоть как-то отличалось от студенческого рока и обыкновенных хардкорных групп того времени.

Курт показал Кэлвину демозапись нескольких более спокойных песен, над которыми он работал, – продолжает Вэйл. – Кэлвин ответил: «О, это здорово, почему бы тебе не записаться с „The Go Team“?» В то время Курт хотел заниматься музыкой как можно больше, поэтому он использовал любую возможность записаться или выступить. Мы перепели «Loose» [ранняя песня Игги Попа, его визитная карточка], потому что Курт очень хотел услышать, как Кэлвин поет этот сумасшедший текст[153]. Он показал Кэлвину, как играется партия баса, – поэтому был добавлен бас. Получилось не очень здорово, так что песню не стали записывать.

Для меня это было сродни тому, как Джек Керуак писал на рулоне бумаги; главным для нас был ритм, в котором мы творили. Центральная идея, суть эстетики «The Go Team» – это бит. Курт же подходил к музыке более профессионально – хоть в его выступлениях и присутствуют в значительной степени элементы хаоса, его песни очень структурированы. Я не уверена даже, считал ли он это песнями – то, что мы делали. Возможно, ему казалось, что это просто джем, что позднее надо будет доделать эти песни, убрать «шероховатости». В этом смысле те записи, конечно, представляют собой незавершенные произведения. Но как задокументированное свидетельство

творческого процесса трех людей в одном помещении – в этом качестве они просто прекрасны. Я бы сказала, что для меня это была одна из самых мощных сессий в истории «The Go Team».

* * *

В первую неделю августа «Nirvana» приступила к работе в студии – в этот раз в «Music Source» на Кэпитол-Хилл[154], которая специализировалась на записи саундтреков к фильмам и рекламных роликов. Запись EP-диска «Blew» продюсировал Стив Фиск. Планировалось, что пластинка выйдет одновременно с началом предстоящего европейского турне[155]. Фиск был удивлен, когда в студию пришли всего три человека. «Позднее мне говорили, что в тот же день в офисе „Sub Pop“ появлялся Джейсон и уверял, что он все еще в группе», – объясняет он.

– Мы все записали за два дня, – вспоминает Стив. – Крист весь день провозился, пытаясь починить усилитель для своей бас-гитары – аппарат был не в лучшем виде после турне. Из двух динамиков работал только один, и тот барахлил. Бас-гитара тоже была раздолбана. Большая пластиковая ударная установка Чеда Ченнинга была склеена скотчем. У одного Курта аппаратура оказалась в исправном состоянии. Мы записали пять песен и в тот же вечер сделали повторную запись двух из них. На следующей неделе мы пришли еще раз и свели две песни. И нам всем заплатили.

Я: Каково было ваше впечатление от группы?

– Очень приятные ребята, очень серьезно относились к тому, что делали. Они не были профессионалами в полном смысле этого слова, они просто хотели, чтобы все получилось как надо.

– Мне нравилось работать со Стивом, – говорит Чед. – Я был поклонником группы «Pell Mell» [группа Стива с лейбла «SST»]. Такая непонятная, очень странная музыка. Не знаю, почему мы сменили продюсера. Нам просто сказали: «Вы записываетесь там-то и там-то со Стивом Фиском». Может быть, Джек был занят. Я реально был не в курсе всех этих дел.

Песни получились намного легче, чем раньше. «Нужен звук барабана „Top 40“», – объявил Курт, не принимая в расчет, что ударная установка Чеда держится благодаря клейкой ленте. На самом деле старая установка Чеда после записи «Blew» больше нигде не использовалась.

На сингле две песни. Первая – «Been A Son»: громоздкое соло на бас-гитаре, вокал, записанный на двух дорожках, в стиле «Rubber Soul». Песня родилась из слов Дона Кобейна, который

говорил, что предпочел бы, чтобы сестра Курта Ким родилась мальчиком. Вторая – «Stain»: еще одна песня об унижении и отчуждении в семье, с бронебойным басом и двойными гитарными соло – «на одинаковой громкости, как раскудахтавшиеся курицы», по известному замечанию Фиска. Были записаны и три неоконченные песни, которые еще более интересны[156]: «Token Eastern Song» – старомодный боевик в духе «Negative Creep»; абсолютно улетная версия «Even In His Youth», практически шедевр, достойный продолжатель «Love Buzz», в той же манере; и электрическая версия «Polly» (оригинальное название «Hitchhiker»).

– Нам пришлось как следует поработать, чтобы нормально записать «Polly», – вспоминает Фиск. – Они начинали три раза и не выдерживали темп, когда Чед выстукивал ритм на тарелках. Чед лажал, Курт цеплял струны пальцами. Это был первый раз, когда «Nirvana» записывалась в студии нормального качества, два дюйма, двадцать четыре дорожки. Если раньше они звучали хреново, это можно было списать на плохое оборудование. Но когда пишешься на 24 дорожках, то, что получается на выходе, – это теоретически именно то, что есть на самом деле. Может быть, поэтому Крист так старался собрать свою бас-гитару.

Когда мы все записали, мы прослушали «Been A Son» очень громко на больших колонках три раза, залезли на столики, за которыми обычно сидят клиенты, и танцевали. Обычно я не танцую, но тогда присоединился к парням, потому что «Nirvana» хотела танцевать.

Я: То есть это было уже после того, как они стали набирать популярность?

– Да, ты уже написал свою неплохую заметку для «Мелоди мейкер». «Mother Love Bone» еще не распались, когда я записывал «Nirvana».

Я: Они что-нибудь говорили о том, как идут дела с «Sub Pop»?

– Говорили. Брюс и Джонатан собирались дать им кучу денег на запись второго альбома – может, 10–12 тысяч. Они говорили, что хотят записываться у меня, вернуться в студию «Music Source». Это было в то странное время, когда Энди [Эндрю Вуд, вокалист «Mother Love Bone»] был все еще жив, Чед все еще играл в группе, а «Soundgarden» оставались самой крутой командой в Сиэтле.

Я: После записи этих песен у вас сложилось впечатление, что у них большой потенциал?

– Нет. Вообще-то мы шутили по поводу того, насколько тупого звучания ударных добиваемся на «Been A Son».

Позднее в этом же месяце – 20 и 28 августа – Курт и Крист

собрались вместе с Марком Лэнеганом и Марком Пикерелом из «Screaming Trees», чтобы записать несколько песен Лидбелли в студии «Reciprocal». Это была обычная импровизационная сессия, но результаты оказались просто потрясающими: эмоциональные, мощные вокальные партии Марка и Курта. Версия «Where Did You Sleep Last Night?» вошла в дебютный сольный альбом Лэнегана «The Winding Sheet» (1990); «Nirvana» позднее также делала кавер на эту песню, посвятив его в том числе и Марку. «They Hung Him On The Cross» – короткая, но крайне эмоциональная песня; «Grey Goose» – тяжелый блюз, а на «Ain't It A Shame» слышно потрясающее, пробирающее до глубины души пение Курта.

– Марк напился с Куртом или они оба обкурились, – рассказывал Эндино Джиллиан Дж. Гаар, – и написали несколько песен, им они дико понравились, так что они побежали к Джонатану: «Мы хотим записать вместе альбом! У нас даже название есть – „The Jury“». Джонатан ответил: «Хорошо-хорошо, идите к Джеку и записывайтесь». Когда они пришли в студию, Курт говорит: «Короче, мы забыли все песни, потому что не записывали их на кассету! А я потерял тетрадь с текстами. Поэтому мы запишем каверы на несколько песен Лидбелли».

– Нельзя называть это песнями «Nirvana», – замечает Слим Мун по поводу того, что записи появились недавно именно в таком качестве. – Они и не задумывались как песни «Nirvana». Был другой ударник, уровнем выше – или просто другого уровня. Каждый раз, когда мы оказывались уровнем выше, происходил шок. Однажды они репетировали на репетиционной базе «Alice In Chains». Не то чтобы они тогда уже были очень крутыми, но у «Alice In Chains» имелись огромные амбиции, поэтому мы все думали: «Они такие профессионалы, такие серьезные».

Курт заинтересовался песнями Лидбелли после того, как прочел статью Уильяма Берроуза об этом чернокожем фолк-певце. Слим дал ему свой диск «Last Sessions» Лидбелли. Курту оказалось близко почти физическое ощущение тоски и желания в песнях Лидбелли.

– Это настолько от души, искренне, – говорил мне Курт в 1992 году. – Для меня это священная вещь. Песни невероятно прочувствованы. Лидбелли был бедным негром, жившим в начале XX века. Он несколько раз сидел в тюрьме за то, что бил жену, за кражи, драки и торговлю алкоголем. В камере он начал играть на гитаре и пел так хорошо, что стал любимцем губернатора, и тот выпустил его из тюрьмы. Лидбелли стал учеником Блайнд Лемона Джефферсона и начал записывать песни. Но ни один из его коммерческих альбомов не выразил его истинного таланта, кроме последних записей.

Я надеюсь, что мои песни хотя бы приблизительно столь же искренни, – продолжал Курт. – К этому я стремлюсь.

В том же месяце Курт помог Дилану Карлсону записать его первый EP-альбом.

– «Lush» распались, Дилан решил, что снова хочет играть на гитаре, хотя «Melvins» все равно круче, – объясняет Слим. – Так образовалась группа «Earth». Курт играл с нами на бас-гитаре какое-то время, пока мы жили в Олимпии. Но его гитара предназначалась для правши, и Курт пытался ее перевернуть. Мы ему говорили: «Тебе нужно перетянуть струны под левую руку». Он возражал: «Не могу. Гитара может понадобиться другим людям». В итоге мы его выгнали из группы.

Я сам ушел из «Earth», после того как мы поспорили с Диланом по поводу моего вокала, – продолжает Мун. – Он хотел, чтобы я пел высоким голосом, как Оззи, а я хотел петь низко, как Майкл Гира[157]. Дилан утверждал, что слышит голоса из космоса и они говорят, что цель существования нашей группы заключается в том, чтобы приблизить конец света – а этого можно достичь, только если я буду петь высоким голосом.

Без Слима, но с Дэйвом Харвеллом и Джо Престоном на басу, а также несколькими приглашенными вокалистами Дилан отправился в Портленд, где был записан очень насыщенный EP-альбом «Extra-Capsular Extraction», вышедший на «Sub Pop» в 1991 году.

– Я помню, как мы записывали этот сингл для «Earth», только потому что не пила все это время, – улыбается Келли Кэнэри, бывшая вокалистка групп «Dickless» и «Teen Angels», – ведь мы находились черт знает где. Нас с Куртом позвали на вокал. Мы провели пять дней в Портленде, мои партии составили в целом минут двадцать, поэтому четыре с половиной дня я буквально ничего не делала, а Курт все время спал на диване. У меня была ломка, я пыталась найти наркоты на улицах, Курт спал, а они записывались в подвале. Я тусовалась у Фреда Майера, хотела развлечься, потому что делать было абсолютно не хрен. Тогда Курт начал учить меня играть на гитаре.

Я: Как он тебя учил? Когда он давал мне свою гитару на сцене, он ее переворачивал.

– Да-да, он ведь был левшой, – смеется певица. – Он показал мне пару аккордов из двух нот, очень простых; потом объяснил, как играется песня «You're Gonna Miss Me» группы «13th Floor Elevators». Там те же аккорды, что и в «About A Girl». Я написала целый альбом «Teen Angels» на этих аккордах – Курт говорил мне, что их будет достаточно.

В сентябре «Nirvana» отправилась в непродолжительное турне по Среднему Западу, чтобы сыграть те концерты, которые были отменены в предыдущий раз[158]. Выступления проходили с 9 по 22 сентября и с 3 по 8 октября. В этот раз они отправились в дорогу, заручившись грузовиком «U-Haul», куда загрузили их аппаратуру, обещаниями 100–200 долларов за концерт, звукооператором Крэйгом Монтгомери и другом Беном Шепердом. Турне оказалось достаточно успешным – на некоторые концерты приходило до 200 человек, привлеченных нарастающей шумихой вокруг группы и лейбла. Из турне каждый из участников группы привез по 300 долларов чистой прибыли. Для Курта это было целое состояние.

Первый концерт состоялся в Чикаго, в клубе «Cabaret Metro», – музыканты выступали на разогреве у своих учителей «Sonic Youth». Начало было не очень благоприятным: «Курт упал на мою установку, затем в нас полетели бутылки, – вспоминает Чед. – Мы переглянулись и убежали за кулисы. Пришлось бросить стойку для установки на сцене». Затем последовали концерты в Луисвилле, Денвере и Толедо – и затем 3 октября снова в Энн-Арбор, в клубе «The Blind Pig», после групп «Steel Pole Bathtub»[159] и «The Flaming Lips»[160]. У Курта не работал микрофон во время первого номера программы – «School», – поэтому они сыграли песню дважды, не обращая внимания на реакцию зрителей.

– Я помню разговор с владельцем клуба. Он жутко разъярился, потому что во время выступления «The Flaming Lips» на сцену выпустили очень много дыма, – смеется Чед. – Дым был таким густым, что я едва видел его лицо. «Черт возьми! – орал он. – Из-за этих хреновых дымовых машин я даже пиво свое не вижу!» Это было уморительно.

Поездки по средней полосе Америки, особенно по протяженным пустынным районам, могут быть очень утомительны. «Когда мне становилось скучно, я управлял рулем зубами, – говорит Чед. – Однажды мы ехали через Монтану – а это огромная плоская местность, где абсолютно ничего нет. Курт и Крист спали. Крист проснулся, увидел, что я делаю, и закричал: «Нет-нет! Что ты делаешь? Возьми руль в руки!» Я уж не стал говорить ему, что вел таким образом машину на протяжении двух часов.

Шеперд выступал в роли неофициального менеджера турне, поскольку хотел хоть как-то помочь. Также он был готов при необходимости заменить Эвермана в качестве второго гитариста.

– Когда Джейсон ушел из группы, они спросили: «Не хочешь с

нами сыграть?» – вспоминает Бен. – Курт сказал: «Черт, если бы я знал, что ты играешь на гитаре, я бы тебя давно уже позвал». На следующий день «Soundgarden» предложили мне место басиста[161]. Я ответил им: «„Nirvana“ уже пригласила меня, поэтому сначала я сыграю с ними».

Я: Почему «Nirvana» и «Soundgarden» обратились к вам в одно и то же время?

– И Ким [Тэйл, гитарист «Soundgarden»], и Чед знали меня, – отвечает дипломатичный музыкант. – В итоге я сыграл с ними только один саундчек, потому что на репетициях мы разбирали песни с альбома «Nevermind», а в турне они играли только песни с «Bleach». Когда мы были в Энн-Арбор, Курт спросил меня: «Как ты посмотришь на то, если не будешь больше играть?» Я ответил: «Хорошо, тебе решать – это твоя группа». В любом случае, я всегда считал, что они должны играть втроем.

Остальные музыканты из Сиэтла были того же мнения. И «Mudhoney», и «Tad» утверждали, что «Nirvana» должны играть втроем, считая, что присутствие Джейсона сильно портит звучание группы. Позднее Курт сожалел о своем решении расстаться с Беном: «Он, безусловно, улучшил бы группу, – говорил он. – Иногда, правда, он просто сходит с ума – но это нормально»[162].

– Я играл на одном саундчеке, в Миннеаполисе, пока Курт блевал, – смеется гитарист. – В тот же день они сказали мне: «Извини, чувак, ты опоздал к раздаче, ты больше не в группе».

Я: Вы предполагали тогда, что они добьются большого успеха?

– Я знал это. Я не рассчитывал, что они будут настолько популярными, но знал, что их музыкальная карьера сложится успешно.

Я: Почему?

– Это было видно по поведению публики. Хотя иногда на концертах было не больше двадцати человек – все-таки в прошлое турне они отменяли выступления, – но эти двадцать человек приходили снова и снова. На концерте в Омахе [8 октября] я единственный раз в жизни видел, как группу не отпускала толпа – не считая концерта «Soundgarden» в Бельгии. А «Nirvana» действительно не отпускали – такого раньше не случалось ни разу. Мы уже складывали аппаратуру, установка Чеда была практически разобрана, Курт собирался сунуть гитару в чехол, а толпа орала: «Чуваки, вы сыграли еще не все песни! Вы в прошлый раз проехали мимо нас, ну же! Сыграйте еще!» Парни достаточно робко вышли обратно на сцену и просто взорвали к чертовой матери зал – это был клуб «Lift Ticket», здание которого

сделано в форме замка.

Поздние концерты были обычным явлением в таких турне – группы ехали прямо к следующему месту выступления, экономя таким образом на проживании.

– Зачастую мы с Куртом единственные не спали во время ночных поездок, – говорит Шеперд. – Мы слушали Скримин Джей Хокинса, «The Sonics», Брайана Ино[163]… Каждый брал с собой какие-то кассеты. Я лучше помню ощущения и пейзаж, чем сами разговоры. Иногда мы обсуждали книги. Чаще Курт общался с Кристом, а я с Чедом. Тогда я много слушал джаз и говорил им: «Чуваки, вот что мы должны играть в начале концертов». Я часто шутил, что было бы здорово, если бы Джонни Кэш играл вместе с «Motorhead» или кем-нибудь вроде них. Какое-то время спустя это перестало быть шуткой.

Если вернуться к Сиэтлу, не всем нравилось, что происходит с музыкой в городе…

– В 1989 году «Sub Pop» устроил концерт под названием «Девять вместо девяностых», – вспоминает Слим. – Выступали девять групп. Среди них были «Beat Happening» и «Cat Butt». Когда играли «Cat Butt», одна моя знакомая танцевала под них и вообще отрывалась. Потом на сцену вышли «Beat Happening», и через несколько песен она подошла ко мне и заявила: «Хуже группы я никогда не видела – они даже играть не умеют». Я возразил: «Они играют не лучше и не хуже „Cat Butt“, просто не врубают дисторшн, чтобы скрыть свое неумение». В этом суть спора Сиэтла против Олимпии. В Сиэтле нужно играть громко, шумно и носить кожаные штаны. В Олимпии музыку принято играть с минимумом внешних эффектов.

Моя знакомая еще тогда сказала: «Так у них и песни тупые». А я ей: «Обе группы играют рок-песни на трех аккордах. В чем разница между ними, кроме того, что одна из них врубает дисторшн и отпускает всякие шуточки?» Да, мы снобы, но в Сиэтле тоже все были снобами, мир оказался на их стороне, а мы всегда оставались в тени. Снобизм мы использовали в качестве самообороны.

Я: И опять-таки, в честь музыкантов из Сиэтла устраивали бал…

– «Sub Pop» организовал показательный концерт в «COCA» [центр современного искусства, Сиэтл, 26 августа 1989 года], где мы играли с «Nirvana» и «Mudhoney», – вспоминает Джеймс Бердишоу из «Cat Butt». – Там не было кондиционеров, и набилось полно народу. В первый вечер в маленьком зале играли «Dickless», потом «Dwarves»[164], «Tad» и «GWAR»[165]. Это было что-то.

За кулисами стояли большая бочка со льдом и виски «Блек

лейбл», – продолжает гитарист. – Было так жарко, что весь лед растаял, и я поливал входивших людей этой водой – просто чтобы посмотреть, как они отреагируют. Когда вошел Мэтт Люкин, он возмутился: «Черт! Какого хрена ты делаешь?» За ним шел Курт, и я спросил, плеснуть ли в него водой. А он: «Нет, лучше окуни меня туда!» Я говорю: «Ты серьезно?» Он отвечает: «Да! Окуни меня в эту воду». – Джеймс смеется. – Я взял его голову и – плюх – окунул в бочку с ледяной водой. Он держал голову под водой очень долго, и я забеспокоился: «Эй, как-то странно, он не поднимается». Через минуту он вылез оттуда с криком: «Да!»

Невинным и забавным, невероятно простым и приятным был этот Курт Кобейн, парень, который потом пустил себе пулю в лоб, – заканчивает Бердишоу. – Люди говорят о нем всякую хрень, что он всегда был в депрессии – но я его таким не знал. Я знал приятного, клевого, веселого, непредсказуемого человека, который писал великие песни. Его темная сторона, к сожалению, взяла верх, но это всего лишь часть его личности. Другая часть была просто охренительной. Об этом практически никто не пишет. Тот человек, которого знал я, был один из нас. Наш брат. Не рок-звезда, а странный, сумасшедший, долбанутый панк-рокер.

Дополнение: Девушки и Курт

– Уникальность моего отношения к «Nirvana» заключается в том, что я не обращала на них никакого внимания, – смеется Джулианна Андерсон. – «Green River» и «Sub Pop» начали приобретать известность примерно в одно время, поэтому везде болтали о «Чокнутом Брюсе Пэвитте из Олимпии! И его чокнутом радиошоу! И его чокнутом проекте с синглами!». Брюс всегда был просто катастрофическим чудаком, а Поунмэн – очередным умником-интеллектуалом из Огайо. Курта я называла «светленьким мальчиком», потому что для меня он и был «светленьким мальчиком». Все мои подружки были в него влюблены, они считали, что он самый красивый человек на всей планете, и постоянно таскали меня на концерты «Nirvana». Когда я взглянула на Курта, я решила, что он слишком мал ростом и с ним лучше не связываться. Он был настолько замкнут, погружен в себя и настолько безумно вел себя на сцене – сразу понятно, что у него куча тараканов в голове. Честно говоря, Курт прожил на десять лет больше, чем я предполагала.

Я: Почему все девушки в него влюблялись?

– Он был привлекательным, даже очень красивым. Эти

голубые глаза, которые пронизывают насквозь… но я первым делом подумала: «Блин, этот чувак реально сходит из-за чего-то с ума».

– Все в моей группе [женской команде «Dickless»] были по уши влюблены в Курта, – вздыхает Келли Кэнэри. – Мы репетировали с ними в одном здании. Девушки были влюблены либо в Курта, либо в Джейсона. Перед каждой репетицией мы наряжались и красились. Я говорю абсолютно честно. Курт покорил меня с первого взгляда. Он был так талантлив.

Я: Когда вы увидели его в первый раз?

– На концерте в «Vogue». «Nirvana» выступала перед «The Flaming Lips», но те заявили, что хуже «Nirvana» в жизни никого не видали. Всего через год после этого «Nirvana» завоевала весь мир.

Глава девятая
Корндоги и леденцы

Не уверен, что это очень весело, когда тебя сминает груда извивающейся плоти весом в 1500 килограммов, – неужели люди действительно делают это ради удовольствия?

«Mudhoney» и «Dickless»[166] *выступают в Сиэтле – да вы можете сами написать эту чертову статью! Возьмите немного слов, подбросьте их в воздух и посмотрите, как они упадут; лечение первобытной музыкой для людей, до смерти напуганных вечным молчанием; однообразная хардкорная долбежка для тех, у кого слишком мало воображения, кого не привлекает музыка, от которой можно потерять самих себя, – хотя трудно придумать лучший способ достичь внеземного покоя, чем через это бездумное металлическое молотилово от «Motorhead» или, например, «Mudhoney». Можно окрестить эту музыку монотонной, сумасшедшей, мятежной, громкой, грязной, безжалостной – и двинуться дальше, так? Нет.*

«Dickless» выходят на сцену как устрицы под кислотой. В стандартной песне этого девичьего квартета из Сиэтла: а) меньше двух минут; б) есть рифф из «Smoke On The Water», в) иногда – если повезет – бас и гитара играют более-менее в ритм, и г) ничего смешнее я не слышал, разве что «Laibach», перепевающие песню «Sympathy For The Devil». Или американские горки в Диснейленде. Пандемониум – вот трюизм, который здесь подобает использовать Эверетту Тру.

Обзор концерта, «Мелоди мейкер», 1989 год

20 октября 1989 года «Nirvana» отправилась из Сиэтла в свое первое турне по Европе.

Следующие семь недель им предстояло провести в девятиместном фургоне «фиат», куда погрузили аппаратуру, товары на продажу, Тэда Дойла и его группу, звукооператора и роуди: всего одиннадцать человек, которые рыгали, курили и отпускали грубые шутки по ходу путешествия через весь континент. Их выступления, согласно рекламе, проходили в ходе совместного турне под названием «Heavier Than Heaven» («Тяжелее неба») – имелось в виду плотное, зачастую вялое звучание обеих групп – и сам 130-килограммовый Тэд Дойл[167]. Когда музыканты приехали в Лондон, Курт заболел бронхитом – пока все остальные пробовали лучшее в мире английское пиво, он валялся в отеле.

– Они остановились в небольшой гостинице в Шепердс-Буш, она называлась «Далмация», – говорит Антон Брукс, – неподалеку от «The Agency», где работал Расселл [Рассел Уорби, агент «Nirvana» в Британии].

Я: Им стоит повесить мемориальную доску.

– Точно, – кивает пресс-секретарь. – Они въехали в номера, и мы сразу же пошли в китайский ресторанчик. Курта крутило всю ночь.

Я: У него был очень странный рацион: пицца, корндоги и леденцы.

– Когда дело доходило до еды, он был самым настоящим белым ублюдком, – смеется вегетарианец Антон. – Он не мог есть помногу – у него начинал болеть желудок.

По плану турне группы должны были отыграть 37 концертов за 42 дня в разных странах – иногда даже приходилось ехать всю ночь. Вдобавок тур-менеджер из Голландии Эдвин Хит – порекомендованный тем же агентством, что организовывало гастроли, «Paperclip», – часто заставлял их ехать сначала на саундчек и только потом – в гостиницу.

– Первое европейское турне было изматывающим, длинным, холодным, – вспоминает Крэйг Монтгомери. – Мы останавливались в маленьких гостиницах, часто семейных пансионатах. Однажды мы постучались в парадную дверь, и тут выбежали два шнауцера и начали гавкать на нас. Тэд пошутил: «О, тут шнауцеры идут в комплекте». Всю оставшуюся часть турне мы требовали своих бесплатных шнауцеров.

Мы слушали «The Vaselines»[168], Лидбелли и «The Beatles», – добавляет звукооператор. – Кажется, у нас были еще записи «Shonen Knife». И «Pixies», да, конечно, же «Pixies». [Многие критики – да и сам Курт – говорили о том, насколько сильно на «Nirvana» повлияли первые альбомы этой бостонской группы. Эволюция музыкальных вкусов Курта – от первобытного, грязного звучания «Melvins» до альтернативного рока «Pixies» – это главный фактор, повлиявший на развитие и успех «Nirvana».]

Вы не поверите, но мы очень много слушали «Abba», – продолжает Крэйг. – Их хорошо крутить в дороге, а когда едешь по Европе, они катят просто отлично. Мы слушали какие-то рок-группы 70-х, может быть, «Queen» или «Badfi nger»[169]. Я не думаю, что мы так уж часто ставили всякую панк-рокерскую долбежку. Мы не слушали и «Black Sabbath» или что-нибудь подобное. Эдвин вел всю дорогу, поэтому мы сидели сзади и пили. Кстати, это разрешено в Европе?

Я: Да, вроде бы.

– Это очень тяжело, – объясняет Крэйг, – не спишь всю ночь, а

если спишь, то в холоде; туалет – только где-то внизу, общий. В фургоне все время приходится сидеть, сиденья не откидываются, тесно. В Австрии мы однажды ночевали в университетском общежитии. В Будапеште [21 ноября] вообще никто не знал выступавших групп – знали только, что играют рок-команды из Америки, и все.

Но не у всех турне оставило столь негативные впечатления. Чед Ченнинг, например, с удовольствием вспоминает то время (нужно сказать, что все остальные участники поездки уверяют, что Чед переносил дорогу с нечеловеческим стоицизмом).

– В Европе было клево, – вспоминает ударник. – Некоторые жаловались на еду: «Мне надоела болонская колбаса, надоела эта салями», и все такое[170]. Я не жаловался. Люди просто привыкли жить в своем углу и при смене обстановки сразу начинали нервничать. Со мной такого не происходило. За час до отъезда я выходил из гостиницы и гулял по городу, где мы были в тот момент. Иногда пытался выучить хоть немного язык.

Группы часто кидались друг в друга едой за кулисами. Одним из любимых приколов Курта были «грязные сэндвичи»: на куски хлеба он вытряхивал содержимое пепельницы. Иногда он по приколу засовывал себе в ширинку цветы. Курт обычно жил в одной комнате с Куртом Дэниелсоном, гитаристом группы «Tad». Кобейн скучал по матери и по Трэйси и посылал им открытки. Иногда он писал на них сто раз слова «Я тебя люблю», а иногда – рисунок туалета в Италии, без воды, но с кучей экскрементов. Музыканты ночами разговаривали о том, как так получилось, что оба они влачат жалкое существование и гоняются за химерой рок-н-ролла, о чем раньше и подумать не могли. Новоселичу помогал забыться алкоголь; Ченнинг еще с детства был привычен к переездам – он часто разговаривал сам с собой «дурным голосом» (Кобейн), а Курт отрубался и спал. Он часто засыпал во время саундчеков и просыпался лишь к моменту выхода на сцену. Это был самый легкий путь борьбы с обстоятельствами.

– Тэд очень громко храпел, – говорит Крэйг. – Мы спали по два человека в одной комнате, иногда больше, и никто не хотел жить в одной комнате с Тэдом – выспаться тогда не пришлось бы. Он ничего не мог с этим поделать, только извинялся. Всегда кто-то страдал бессонницей – это было в порядке вещей.

У Тэда обнаружились и свои проблемы: каждое утро, перед отправлением фургона, он блевал. Курт Дэниелсон припомнил полумифическую историю, что Курт Кобейн обычно становился перед фургоном с пластиковым тазиком, ждал, пока Тэд туда проблюется, и потом исследовал разноцветное содержимое тазика. Только Курту дозволялось держать тазик – больше

никому.

Курта действительно завораживали естественные отправления организма: вспомнить хотя бы фотографии больной плоти на двери его холодильника в Олимпии. Проблемы Тэда с кишечником вдохновили «Nirvana» на создание песни «Breed» – изначально она называлась «Immodium», по названию лекарства, которое Дойл принимал от диареи. Преувеличивал Дэниелсон или нет, но дерьмо и блевотина всегда веселили музыкантов в путешествиях. «Nirvana» и «Tad», очевидно, не гнушались подобным юмором.

– Было доказано, что при определенной частоте – 27 герц или вроде того – люди обсираются, – уверял меня Тэд в нашу первую встречу. – Мы пытаемся отыскать эту частоту. Нашему гитаристу это иногда удается, поэтому люди накладывают в штаны, когда видят нас.

Самое сильное впечатление «Nirvana» и «Tad» произвели в Великобритании. Страну избаловали подобной музыкой. Было в разгаре очень успешное турне «Mudhoney», «Soundgarden» и «Screaming Trees» уже отыграли свои концерты. Я продолжал писать свои статьи в «Мелоди мейкер» (очередной материал появился 24 октября – интервью с «Nirvana» под заголовком «Bleached Wails», «Отбеленные вопли»), Джон Пил постоянно писал о них, выступали с хвалебными материалами и другие положительно настроенные журналисты – Джон Робб, Кит Кэмерон, Рой Уилкинсон, Пуш и Эдвин Поунси. Каждый хотел получить еще кусочек «Sub Pop». Хотя не все критики разделяли всеобщий восторг…

– Сначала вышел «Bleach», – говорит Антон. – Приняли альбом достаточно спокойно. Тогда бал правили металлические журналы вроде «Метал форсез» и «Керранг!», и там писали: «Это недостаточно круто для нас», хотя «Nirvana» играла более жесткий рок, чем большинство их рок-команд. «НМЭ» был снисходителен: «„Nevada“… откуда?» До Кита Кэмерона никто не высказывался положительно. «Саундс» и «Мелоди мейкер» писали положительные рецензии – но «Мейкер» разделился на два лагеря. Тебя не любили, тебе даже завидовали – тому, что ты связан с «Sub Pop», тому, что группы звонят тебе, как только приезжают в город. Если о группе говорили, что это группа Эверетта, то было ясно – больше чем на 200 копий и сессию с Пилом им рассчитывать не на что. Даже когда «Nirvana» стала популярной, многие не хотели печатать их фото на обложке журнала…

И тем не менее интерес был. Группам лишь оставалось

показать товар лицом, и за этим дело не встало. На сцене Тэд просто сходил с ума, вся его туша дрожала, рубашка взмокала от пота – а он выдавал очередной зубодробительный рифф и рычал в микрофон. Курт и Крист свою недостаточную «утонченность» более чем компенсировали энергетикой, духом разрушения и пьяной непредсказуемостью.

Первый концерт состоялся 23 октября в «Newcastle Riverside», зал был переполнен. Кто-то бросил пивную бутылку в голову Кристу. В отместку Новоселич шандарахнул своей бас-гитарой прямо по усилителям – взятым напрокат, которые, как предполагалось, прослужат на протяжении всего турне.

– Они ничего не ломали в том турне, потому что у них не было с собой запасных гитар, – говорит Крэйг, – кроме первого концерта – у них был стремный усилитель для баса, ему не хватало громкости. И вот бедняга Эдвин – он их совсем не знал – кричит: «Что за черт?» Пришлось возвращаться в Лондон и брать нормальный усилитель.

Следующий концерт в Манчестерском политехническом университете оказался более удачным: толпа, жаждавшая полноценного рока, просто сошла с ума. В Великобритании существует давняя традиция безумного слэма и стэйдждайвинга со времен групп середины 80-х из Миннеаполиса, британского сайкобилли и гаражного рока вроде «The Meteors» и группы Билли Чайлдиша «Thee Mighty Caesars». Этих ребят не пришлось долго раскачивать. Европейские зрители оказались намного более благодарными к группам «Sub Pop», чем зрители в США. Опять же – никогда особенно не ценишь то, что у тебя под боком.

Взять хотя бы отношение сиэтлского музыкального журнала «Рокет» к «Sub Pop». «Рокет» отнюдь не первый разместил фото «Nirvana» на своей обложке. Его опередили британские СМИ – в журнале «Саундс» вышла статья Джона Робба. А в «Рокет» только три месяца спустя вышла небольшая – на 750 слов – заметка. Казалось бы, местные газеты должны быстрее реагировать – хотя бы ради новостного материала.

– Я поехал в Лидс на их концерт, клуб «Duchess Of York» был заполнен на две трети, – вспоминает Антон. «Duchess» являлся непременным пунктом классического «туалетного турне» по Великобритании. К комнате за сценой вела крутая холодная лестница, на танцполе помещалось около 200 человек, атмосфера была приятной. Я помню, подошел к Кристу за сценой и сказал легкомысленно: «Крист, ты не еще бросал свою басуху». Он говорит: «Ага, точно», – и бросает ее через плечо не глядя. Мы посмотрели в центр слэма – все люди на площадке одновременно пригнулись, когда гитара пролетала мимо. После концерта все

напились наверху. Стояла зима – морозно, холодно, сыро, – но представители многих лейблов пришли посмотреть на «Nirvana» и «Tad».

На следующий день «Nirvana» отправилась в студию Би-би-си в районе Майда-Вэйл, чтобы принять участие в традиционной сессии с Джоном Пилом. Они записали четыре песни: «Love Buzz», «About A Girl», «Polly» и «Spank Thru». 27 октября «Nirvana» сыграла свой дебютный концерт в Лондоне – в SOAS (Институт исследований Востока и Африки), где двумя неделями ранее состоялся крутейший концерт «Mudhoney» и «Soundgarden». На том выступлении сцена обрушилась, и горстке британских музыкальных журналистов пришлось удерживать подмостки, пока площадку не привели в порядок. Охрана к тому времени уже давно ушла.

– Что меня больше всего поразило на концерте в SOAS – абсолютно все зрители были белыми, – говорит Марк Арм. – Люди прыгали на сцену, нас отталкивали в глубину. Я прикололся: «Ага, давайте все к нам сюда!» – но люди восприняли это буквально. В ту же секунду все начали лезть на сцену, охрана будто с ума посходила. Ты, Антон и Кит Кэмерон пытались взять ситуацию под контроль. Помню, жаловались, что на концерте были беспорядки. Но это вряд ли можно назвать беспорядками – скорее это был сверхэнтузиазм…

Все новообращенные фанаты «Sub Pop» и не думали упускать возможность подобного веселья на концерте «Nirvana» и «Tad».

– Чуваки прыгали с динамиков, – восклицает Крэйг. – Я никогда не видел ничего подобного. И группа, и зрители – все потеряли контроль. Временную площадку установили в школьном кафетерии, поэтому там оказалось мало охраны и много зрителей.

– Курт сходит со сцены в SOAS, ищет что-то, а я ему: «Ты что творишь?!» – смеется Антон. – Он говорит: «Надо что-то делать, но я не знаю – что». Я спрашиваю: «Может, огнетушитель возьмешь?» Нужно было видеть, как засветилось у него лицо – как у непослушного ребенка. И он побежал за огнетушителем…

Если честно, большинство тех концертов невозможно вспомнить в деталях. Все тонет в какой-то дымке. Хотя меня постоянно цитируют в книгах о «Nirvana», когда речь заходит о тех ранних концертах, – упоминая мое имя или нет, – хрена с два я вспомню, что происходило на каждом из них. Это действительно случилось в «Astoria» – когда Тэд прыгнул со сцены во время сета «Nirvana» прямо на Мэтта Люкина, вырубив его на 15 минут, – или это мое воображение? Отложились в памяти

только длинные волосы, дикие лица, алкоголь, жара, боль в теле от постоянного слэма, скрюченная шея после сна на колонках для бас-гитары…

Иногда я просыпался по утрам на лестнице возле своей квартиры, в ногах валялись разбитые кассеты. Иногда я шел в 10 часов утра по мосту Блэкфрайерс, меня всего трясло с похмелья. Тогда я тусовался больше с «Mudhoney» и с «Tad», чем с «Nirvana», – их музыка нравилась мне больше, и пили они больше (ну, не считая Криста Новоселича). Должно быть, в какой-то момент «Nirvana» из очередных эпигонов «Soundgarden» превратилась для меня в фантастическую группу с дикой энергетикой и отличными концертами – и это должно было произойти в течение того турне. Но что заставило меня изменить свое мнение?

Не я один задаюсь этим вопросом…

– Было так много концертов, что ничего особенного и не вспоминается, – говорит Чед. – Например, когда в Нью-Йорке сломался бас или в «Chicago Metro» в нас стали кидаться бутылками – но не по злобе, это они так подбадривали нас. То же самое было и в Англии. Помню, как люди проявляли свое одобрение на нашем первом концерте в Англии, в Манчестере, – они плевались и кидали в нас бутылками. Это случалось на многих концертах. Мы кричали друг другу: «О, опять! Быстрее, пригнись!»

Из Великобритании группа отправилась в Голландию – в город Хилверсум, где 1 ноября они записали песни «About A Girl» и «Dive» для радиостанции «VPRO». Выступления в Голландии проходили на площадках покрупнее – более приятных, но и более консервативных. Был, например, концерт в районном клубе «Vera» в Гронингене: отличная еда, стол для настольного тенниса, хит-парады года по версии работников клуба[171]. Еще один концерт состоялся в клубе «Melkweg» в Амстердаме. В конце выступления в «Melkweg» Курт разбил гитару, потом орал что-то в микрофон, а все остальные джемовали, выдав очень шумный номер (позже он вошел бонус-треком на альбом «Nevermind» под названием «Endless Nameless»). После концерта все отправились в квартал красных фонарей, в бар «Bulldog» или просто тусоваться. Поведение «Nirvana» не всем пришлось по душе.

– Крист купил бутылку виски на корабле и выпил ее в одно лицо, – рассказывал Эдвин Хит голландскому журналу «Oor» в 1994 году. – Нажрался просто в хлам. Однажды мы стояли на светофоре в городе Ден-Хааг. Рядом с нами остановилась полицейская машина с выключенными фарами. Внезапно Крист открывает дверь и кричит: «Включите фары, уроды!» Копы потом

гнались за нами еще минут пятнадцать.

В Амстердаме группа остановилась в отеле «Квентин» – «Paperclip» всегда селил небольшие команды в этом отеле.

– Крист, пьяный в жопу, упал на пол в коридоре, – продолжал Хит. – Владельцами отеля были два клевых чувака, один из них, Филипп, похож на Фредди Меркьюри. Он подошел к Кристу и попросил его пересесть в кресло. А тот, увидев его, заорал: «Да пошел ты, педрила, Фредди Меркьюри хренов!» Нас выставили вон. Крист забрался на крышу фургона и поносил оттуда весь мир. Потом он просил прощения…

Из Голландии музыканты отправились в ФРГ.

– Первый концерт в Германии проходил в каком-то небольшом городке, – вспоминает Крэйг. – С точки зрения саунда это была полная катастрофа. Ты помнишь те случаи из ряда вон – когда они ломали свою аппаратуру, дрались с вышибалами, – хотя вообще-то «Nirvana» была очень организованной. Они много репетировали, у них были хорошие песни, и они играли их.

Поймите одно: я ходил на концерты танцевать. Только ради этого. Если группа мне нравилась, я прыгал как сумасшедший, иногда в одиночку, прямо перед сценой. Если же группа мне не нравилась, я на них не смотрел и уходил куда-нибудь в угол. Только и всего. Я ходил на концерты не общаться – у меня было мало друзей, – и уж точно не напиться и творить всякую хрень. Это пришло позднее. Мне нужна была группа, чью энергию я смогу впитать и кому смогу отдать свою энергию.

Именно поэтому мне нравилась группа Ника Кейва «Birthday Party», игравшая в начале 80-х, – чувак реально выкладывался. Мы с криками одобрения ловили его, когда он падал в зал, раскинув руки, доверяя нам нести себя. Мы дрались, пинались, царапались за право подержаться за микрофон и выкрикнуть пару слов в него, пока Ник отворачивался. «Выражайте себя», – кричал он как безумец своим преданным обожателям, и кому-то из нас это удавалось. Если внимательно послушать начало 12-дюймового диска с записью живого выступления группы «Birthday Party» и Лидии Линч в 1982 году, можно услышать глубокий бас, поющий слова «Danger zone in the heart of the city / Danger zone in the heart of the town». Моя первая запись – не надо оваций.

То же самое можно сказать и про Джеда Фэйра, вокалиста «Half Japanese», маленького «ботаника» в огромных очках, обычной одежде и с раздолбанной гитарой, которую он иногда забывал подключить. Если кто-то выкрикивал в его адрес оскорбления – что случалось часто, – он прыгал прямо в толпу и набрасывался на своего обидчика, который всегда сдавался. То же

самое – «The Slits». Обыкновенный рок давал этим девушкам необычайную радость – им разрешили выйти на сцену, разрешили поорать, показать себя, носить трусы поверх брюк и выдавать чудесную, с отличным басом, танцевальную музыку.

То же самое можно сказать и про «Nirvana» в 1989 и 1990 годах. После того как ушел первый шок – что это за хеви-металлическая группа? – и после того как ушел Джейсон, они оказались просто клевой группой. Да, ярлык «хеви-метал» вовсе не случаен. Смогла бы «Nirvana» заключить контракт с «Sub Pop», не имей они связей с хард-роком? Сомневаюсь. Не знаю, какие муки претерпевают чуваки в маленьких городах Америки, прежде чем получают право выражать свои чувства, но, подозреваю, во времена «Nirvana» это было обязательное поклонение перед «Aerosmith» и «Kiss». Помните: панк-рок не набрал полную силу до 1991 года, когда «Nevermind» вошел в чарты. До этого момента и до появления Интернета ребята из провинции и знать не знали о клевых штуках, которые мы – чуваки из больших городов – считали естественными.

Годами позже Кортни Лав объясняла мне, что «панк-рок – это марксистский вариант инициации, не имеющей никакого отношения к женщинам». К сожалению, в тот момент, когда группы вроде «Black Flag» и «Dead Kennedys» набросили удавку на контркультуру США в середине 80-х, это было правдой. Изначально панк в Нью-Йорке и Великобритании искал новые способы коммуникации, пути выражения бушующих эмоций, пути, из которых женщины устранялись негласным сводом правил патриархального рока.

Эта неудовлетворенность тем, что творилось вокруг, объясняет, почему ранние песни «Nirvana» – от разрывающего нервы кавера на «Shocking Blue» до гранжевого саунда от Джека Эндино на «Negative Creep» – такие энергичные и брутальные. В тощих телах молодых музыкантов накопилась масса злобы и страхов, от которой им было просто необходимо освободиться.

Именно поэтому Курт прыгал на ударную установку, нырял в толпу – как делали до него Ник Кейв и Игги Поп. И именно поэтому «Nirvana» мне в первую очередь и понравилась. Они жутко старались; было очевидно – по тому, как они прыгали, корчили рожи, орали, стонали на сцене, – что все то же самое делал бы вместо них любой их поклонник. Забирайся на сцену и оторвись по полной! Вложи все свое сердце, всю свою душу, все свое тело – знаешь почему? Потому что кроме сегодня, кроме сейчас – ничего нет. Ничего. Что, хочешь вернуться на свою дерьмовую работу – хочешь быть инженером на железной дороге, хочешь быть лесорубом, ты хочешь быть никем? Кричи! Не по

заученным образцам – но в собственном времени, пространстве, выражай собственные эмоции.

И что же… было ли что-нибудь такое на самом деле? Вы начинаете задавать себе вопросы; вы прочитали слишком много рассказов, которые не смогли передать возбуждение, волнение целой кучи турне и уникальных концертов. Выходил ли я на сцену вместе с «Nirvana», чтобы проорать что-нибудь с ними на бис? Ни разу – если верить всем книгам, которые я прочел о «Nirvana». Была ли «Nirvana» уморительной, сногсшибательной группой со склонностью к разрушению – или там были грустный наркоман и большой парень, который за ним приглядывал? Я знаю, что я видел, но тут поневоле начинаешь сомневаться в своей памяти…

– Когда мы отправлялись в наше первое турне, у нас не было ничего, кроме одного сингла, – говорит Чед. – Посещаемость не отличалась стабильностью. Мы выступали в клубе в Лос-Анджелесе – и был аншлаг. Потом мы играли в Таксоне (штат Аризона) – приходило максимум 30 человек, и мы получали с концерта 50 баксов. Следующее турне оказалось совсем другим, мы регулярно собирали полный зал. Когда мы отправились в Европу, на каждый концерт приходило от 500 до 850 человек – и мы играли в «Astoria». Сколько там людей помещается – семь тысяч?[172] Везде был аншлаг. Здесь средний слушатель ничего не знал о «Nirvana», пока на «Geffen» не выпустили альбом. Пока не выпустили – и не запустили нас этим диском, если быть точнее.

Что-то произошло в период с 1989-го по 1990-й. Не уверен, что знаю, что именно. Я был слишком занят написанием статей. «Bleach» вышел в середине 1989 года. Этот альбом я послушал два с половиной раза, прежде чем понял – эту музыку в живом исполнении никогда не заменить записью. И я сосредоточился на посещении концертов.

9 января 1989 года была разрушена Берлинская стена – «Tad» и «Nirvana» находились в Ганновере и готовились к поездке в Берлин.

– Группа давала свое первое европейское турне, – говорит их немецкий агент Кристоф Эллингхаус. – Они играли в небольшой деревушке в центральной части Германии, а на субботу был запланирован концерт в Берлине. Ожидался аншлаг: все только и говорили, что об их первом альбоме. У нас у всех было хорошее настроение. И представляете, ночью во вторник разрушили эту хренову стену. Парни застряли в пробке – туча машин ехала в Берлин и из Берлина. Можете себе представить, какими измотанными они добрались туда.

В Берлине творилось что-то невообразимое. Казалось, идет какой-то лав-парад, – замечает Эллингхаус саркастически. – Тысячи людей из Восточной Германии ринулись в своих потертых джинсах в столицу капиталистической Германии – навстречу деньгам и бананам. Все высыпали на улицу. Толпы народу. Люди были повсюду – отсюда 600 человек на выступлении «Nirvana». Когда группы туда приехали, они просто охренели, они не понимали, что происходит. «Почему мы стоим в пробке? Что это за смешные машины?» В первую очередь их взбесило, что пришлось добираться 20 часов, но мы говорили: «Да ладно вам, на ваших глазах творится история!» Повсюду пили. Они отыграли: «Tad» в начале, «Nirvana» в конце, и – о боже…

Клуб был полон наполовину.

– 227 человек, – замечает Эллингхаус с чисто немецкой педантичностью. – Курт разбил гитару во время «Breed» и ушел.

После достаточно продолжительного турне по Германии группа отправилась в Австрию, где дала четыре концерта, в том числе в «деревне троллей где-то в горах» (как Курт описал один город). Затем были металлический клуб в Будапеште и Швейцария.

На концерте в итальянском Меццаго Курт пел вместе с группой «Tad» их песни «High On The Hog» и «Loser».

– Тэд потерял сознание от жары, и Курт прыгнул на сцену, – вспоминает Крэйг. – В конце какой-то чувак протянул руку через оцепление к ботинкам Криста. Я понимал, что Крист не может оставаться без обуви в Европе. Это будет хреново. Я перебрался через ограждения и, должно быть, напугал чувака до смерти – он мне просто отдал ботинки.

Наверное, я был в своем велосипедном шлеме, – смеется он.

27 ноября «Nirvana» играла в Риме. Это была настоящая катастрофа.

Привычно расточительный и непродуманный жест со стороны Джонатана и Брюса – прилететь в Рим посмотреть, как продвигается турне. У групп это вызвало сильнейшее чувство возмущения – им-то приходилось не спать, ехать в жуткой тесноте.

Рим оказался началом конца отношений «Sub Pop» с обеими группами: появление Джонатана и Брюса – планировавшееся как акт эмоциональной поддержки: пара друзей приехали поддержать подопечных – для музыкантов стало проявлением высокомерия, неуважения владельцев лейбла по отношению к своим группам.

– В этом турне они все еще громили свою аппаратуру на каждом выступлении, – говорит Кристоф. – Они прыгали на

ударные установки, иногда специально предназначенные для шоу. Курт вел себя импульсивно: если у него не работал микрофон, он мог бросить его на сцену и уйти. В Курте чувствовалась затаенная агрессия, он был полон эмоций. Если под конец выступления Крист начинал размахивать своей бас-гитарой – это было не к добру.

– Концерт «Nirvana» в Риме не удался, – вспоминает Крэйг. – Их плохо приняли, и Курт рано ушел со сцены. Он был недоволен звуком. Я думаю, он был недоволен всем. Они разругались с Эдвином, да еще Курт закатил истерику по поводу плохих мониторов…

Курт разбил гитару во время «Spank Thru», забрался на динамики и грозился спрыгнуть.

– Вышибалы охренели, – вспоминает Брюс Пэвитт. – Охренели и зрители. Все умоляли его спуститься. Он дошел до предела. Если бы он спрыгнул вниз – он сломал бы себе шею.

Курт залез на стропила, оттуда на балкон – и собрался кидаться стульями в публику[173].

– После концерта звукооператор этого клуба ругался с «Nirvana» из-за разбитых микрофонов, – добавляет Крэйг. – Он подошел к Эдвину и Курту, держа в руках сломанные микрофоны. Они выглядели целыми, поэтому Курт схватил их и кинул на пол, заявив: «Вот теперь они сломаны». Эдвина это взбесило окончательно: «С этого момента я больше не менеджер турне „Nirvana“!» Я даже и не знаю, как именно они все уладили.

Поунмэн вывел Курта на улицу проветриться.

– Он кричал: «Я не хочу играть для этих кретинов, я хочу домой», – вспоминает владелец лейбла. – «Я хочу к своей девушке и не хочу больше никогда играть музыку».

Джонатан обещал Курту купить новую гитару в Женеве и билет на поезд до следующего города. Он заботился о том, чтобы вывести Курта из стрессового состояния, в котором тот находился после переездов в фургоне, чтобы певец пришел в норму к последнему концерту в Англии, который должен был состояться через несколько дней.

Крист с Чедом тем вечером также решили оставить группу.

На следующий день случился редкий выходной: «Nirvana» посетила Колизей, и все вроде бы утряслось – но ненадолго. Во время поездки на поезде из Рима в Женеву Курт уснул, и у него украли бумажник, паспорт и обувь.

– Это была, – криво усмехается Джонатан, – идеальная картина катастрофы: Курт натянул капюшон на голову, ни с кем не разговаривает и молча пьет горячий шоколад.

– Да, нам пришлось отправиться в консульство в Берне,

который не значился в нашем турне, – вздыхает Крэйг, – мы просидели там шесть часов, пока все дела с бумагами были улажены. Как минимум один день был потерян.

3 декабря группа вернулась в Англию. И именно на первом концерте фестиваля «Lamefest» в лондонском клубе «Astoria» «Nirvana» пошла против всех правил. Во многом это выступление изменило все.

Все думали, что группа будет стараться впечатлить тех людей, которые пришли пораньше, чтобы посмотреть на них. На что мы рассчитывали? «Nirvana» ехала из Дувра в Лондон в холоде и тумане и прибыла за 20 минут до выхода на сцену. Никакого саундчека, никакого отдыха, ничего. Через 30 минут они, сокрушив все на своем пути четырьмя гитарами, ушли со сцены, не оставив в зале ни одного живого места. Я не говорю, что «Nirvana» сыграла лучше «Mudhoney» – которые находились в своем расцвете, – но на том концерте абсолютно все были сметены силой их выступления.

– Помнишь «Lamefest»? – смеется Кристоф. – Этот концерт меня просто потряс. Все прыгали со сцены, хедлайнерами были «Mudhoney», но «Nirvana» украла у них концерт. Это было до ужаса прекрасно.

– Это был отстой, – категорически заявлял Крист. – По шкале от 1 до 10 – это был ноль.

Все только и говорят об этом концерте. Я прекрасно помню, как Тэд Дойл подобрался к краю сцены, собираясь прыгнуть в толпу… но прыгнул ли он? Я помню сцену, абсолютно раздолбанную; усилители, гитары, микрофонные стойки сметены в сторону – «Nirvana» уходит со сцены… но было ли это на том концерте? Я не помню песен, но я до сих пор чувствую те эмоции, то выражение злости, когда Курт швырял гитару Кристу – а тот отбивал ее своим инструментом, разнося в щепки. Мне кажется, что получилось у них это не с первого раза… но кто знает?

Кое-то из моих друзей считает, что это один из лучших концертов в их жизни. Другие с таким же энтузиазмом утверждают, что это был полный отстой. Тем не менее я уверен, что именно на том концерте меня действительно коснулись мощь, ярость, фрустрация и самая настоящая дьявольская сущность Курта Кобейна.

– Курт был воплощением и добра, и зла, – вспоминал фотограф «Мелоди мейкер» Стивен Свит. – Он выплескивал всего себя наружу, как будто кроме этой секунды – когда он играет и поет – ничего больше нет.

Саймон Прайс в статье в «Мелоди мейкер» неделю спустя

просто разгромил «Nirvana», направив весь свой сарказм против Криста: «Все идет к черту, когда этот долговязый, шатающийся, похожий на лягушку басист начинает строить из себя придурка». Остальным обозревателям это также не понравилось.

– Это было наше турне, – рычит барабанщик «Mudhoney» Дэн Питерс. – Оно длилось уже 9 недель. У меня осталось впечатление, что «Nirvana» выступила очень хреново. Они одну-то песню не могли толком сыграть, я уж не говорю про десять. Они рвали струны. В какой-то момент Крист начал размахивать своей бас-гитарой, а я стоял у края сцены. Внезапно эта чертова гитара сорвалась, и мне пришлось выставить руку – край гитары попал в меня. Если бы я хоть на секунду затормозил, она бы меня вообще прикончила.

Я: У меня осталось впечатление, что это было первое их живое выступление, которое мне понравилось. Может быть, я что-то путаю…

– Спросите кого угодно в «Mudhoney», – отвечает Дэн. – Мы все помним этот концерт. Я сидел и говорил: «Вот отстой». Не в том смысле, что они – отстой; я имел в виду: «Хреново, что такое творится на крупном лондонском концерте». Потом я читал много статей, где говорилось: «Если вы там не были, вы многое потеряли. „Nirvana“ просто всех убрала». С течением времени оценка очень сильно изменилась.

Я: Может быть, концерт мне понравился, потому что все прыгали со сцены.

– Они приехали, «Tad» и «Nirvana», – вспоминает Антон, – в своем маленьком фургончике. Выйдя наружу, они бросили монетку, чтобы выяснить, кто будет выступать первым – выпало «Nirvana». Они были довольны – значит, у них будет больше свободного времени после выступления. Тот концерт стал поворотным моментом. Там было много хипстеров, много клевых групп. Курт ушел со сцены с содранными коленями – он подпрыгнул на метр или полтора и приземлился на колени. Мы шутили, что нам нужно заключить спонсорский контракт с фирмой, производящей наколенники…

– Пуловер с того концерта, он у меня до сих пор лежит, я его больше ни разу не надевал, – хвастается Чед. – Да, это был крутой концерт. Мы тусовались с «Mudhoney». Марк Арм и Мэтт [Люкин] прыгали со сцены во время нашего сета. Курт прыгал во время выступления «Mudhoney». Крист вообще редко когда прыгал со сцены. Это очень страшно – когда такой парень, как Крист, летит на вас. Он очень большой чувак. Но Тэд… Тэд просто лег на толпу на том концерте. Если бы он прыгнул, он бы убил кого-нибудь.

Пока «Nirvana» была в Европе, вышел их первый трек на

другом лейбле – песня «Mexican Seafood» попала на EP-сборник «Teriyaki Asthma Vol 1», изданный компанией «C / Z». Дэниел Хаус, глава «C / Z», какое-то время работал в «Sub Pop». Он собирался предложить контракт «Nirvana», но «Джонатан так быстро на них набросился», – объяснял Хаус. Также на этом диске были песни «Coffi n Break», «Helios Creed» и «Yeast».

Дополнение: Сайд-проекты

Я: Расскажи, как ты джемовал с Куртом Кобейном.

– Это было чудесно, смогу внукам своим рассказывать, – смеется Рич Дженсен. – Однажды я тусовался с Диланом и Слимом – позади их дома, там, где они обычно репетировали. Странный чувак, похожий на хиппи, с длинными волосами играл на сломанной – гриф просто болтался – бас-гитаре всего с двумя струнами. Он наклонял голову и колотил по гитаре очень громко – «бам-бам-бам». Мы пошли в комнату – ведь все мы дружили между собой, – и я начал играть на небольшой драм-машине, Слим тоже подключился, и мы изобразили какие-то шумы поверх его буханья. Не помню точно, помню только странного невысокого чувака, долбящего по разбитой гитаре – абсолютно немелодично. Он продолжал долбить все время, пока мы там находились – примерно час. Когда мы отправились домой и прошли около квартала, то все равно слышали – бам, бам, бам. Мне всегда представлялось, что он так долбит целыми днями.

Глава десятая
Клейкая лента и щепки

Знаете, что это такое – ездить в турне с группой? Время, кажется, растягивается до бесконечности – шоссе, объездные дороги, дома, заводы, пробки. Ты мало ешь. Ты мало спишь. Ты молишься о том, чтобы фургон не сломался или не врезался в кого-нибудь. Если есть немного травки, ты ее куришь – хоть что-то развеет скуку.

Мы в фургоне с группой «Tad», едем из Сиэтла в Портленд – 160 миль вдоль Западного побережья Америки. Ранний вечер, за окном ничего не видно из-за сильного ливня, внутри – из-за клубов сигаретного дыма. Мы пытаемся убить время, оставшееся до саундчека сегодняшнего концерта со «Screaming Trees» и «Nirvana» в портлендском клубе «Pine Street Theatre», но мы в порядке. Это просто еще одна ночь в дороге.

…

«Tad» выпустили мини-альбом «Salt Lick» и, чтобы раскрутить его, отправились в турне вместе с «Nirvana» по Западному побережью: Портленд, Сан-Франциско, Лонг-Бич, Финикс. Обычный маршрут. В этом турне они проведут весь февраль и большую часть марта.

В Портленде все отлично: 500 панков из предместий в слэме, «Nirvana» ломает несколько гитар от отчаяния, «Tad» отрывается со своим обычным пафосом, и весь клуб напоминает автомат по игре в пинбол в Палм-Спрингс, на котором никто не смог меня обыграть. Все чем-нибудь закинулись; в баре продают тофу и фалафель, а пиво – только тем, кто старше 21 года. Присутствует и съемочная группа, которой достается невероятный концерт – хеви-метал, настолько искаженный и извращенный, что узнать его в первоначальном виде практически невозможно.

…

На каждом выступлении в этом турне Курдт разбивает как минимум одну гитару, чаще две. В Портленде – просто ради развлечения. В Сан-Хосе – от нечего делать. Глядя на подобные спектакли, трудно избавиться от мысли, что если «Nirvana» будет продолжать в том же духе, то либо они вскоре деградируют до самопародии, либо у них кончатся деньги – либо все вместе.

Хотя в настоящий момент «Nirvana» дает отличные концерты. Выступление в Сан-Франциско вместе с «Tad» и «Dickless» – просто потрясающее: трио из Вашингтона выносит на

хрен все периферийные группы своим потенциалом и яростным напором. «Love Buzz» и «Stain» разгоняются и взрываются, оставляя позади осколки чистейшего маниакального попа. Крис от раздражения разбивает бас-гитару, Курдт – не желая оставаться в стороне – разбивает свою гитару и ударную установку. В это время Тэд, стоящий слева от сцены, выглядит встревоженным. У Криса в руках сейчас его бас-гитара.

Они играют на бис, срывают злость и раздражение на дерьмовый звук и покидают «New Music Seminar» в «Gavin Report» (Сан-Франциско), не оставляя никаких сомнений в том, кто и где сейчас делает настоящую музыку.

…

Интересно, каково представление Курдта о красоте. Не помню, чтобы когда-нибудь задумывался над этим.

– Антиквариат, – отвечает вокалист. – Вещи, хорошо сделанные, сделанные на века, крепкие вещи. Такие штуки были у моих дедушки и бабушки – не сравнить с тем, что есть сейчас. То же самое и с музыкой – искренность, мастерство. Если что– то делаешь, делай это хорошо. Все это пытался вдалбливать в меня мой дедушка, когда я был ребенком, но я никогда не понимал его.

Отрывки из статьи «Они становятся толще», отчет об американском турне «Tad» и «Nirvana», «Мелоди мейкер», 17 марта 1990 года.

В декабре 1989 года Крист и Шелли отправились в Югославию повидаться с отцом Криста. По возвращении пара объявила о своей помолвке. 30 декабря они поженились; в их квартире в Такоме прошла частная церемония; вел ее знакомый Шелли. Квартира была набита битком родственниками и друзьями: мама Криста, мама и отчим Шелли, почти все из «Tad», Курт и Трэйси, Дэн Питерс и Мэтт Люкин из «Mudhoney» – Мэтт был, как и подобает свидетелю со стороны жениха, порядочно пьян. Счастливое событие отметили турниром по рестлингу между пьяными Тэдом, гитаристом Куртом Дэниелсоном и Кристом.

Визит в Олимпию особенно расстроил Трэйси – теперь, когда два ее близких друга поклялись друг другу в верности, она требовала от Курта знаков привязанности. Он отказывался: «Я по-прежнему хочу заниматься с тобой сексом, потому что мне это нравится». Трэйси не устраивало, что Курт не готов к семейной жизни. Их отношения начали двигаться к логическому завершению – несмотря на то что Трэйси постоянно успокаивала Курта во время его ночных кошмаров (вампиры, воры с бейсбольными битами или ножами, преследующие его); несмотря на то что она помогала ему деньгами в достижении мечты о

музыке. В дневнике Курт писал странные тексты о кормлении грудью, о том, что он не может мастурбировать, потому что представляет себе «отца, маленьких девочек, немецких овчарок, телеведущих, но только не соблазнительных пышнотелых обнаженных красоток», – стандартные страхи для любого здорового молодого мужчины, но и настолько же гарантированный повод для беспокойства любой подружки.

2–3 января «Nirvana» вернулась в студию «Reciprocal Studios» для работы над новой песней «Sappy». Они записывались 10 часов и остались недовольны результатом.

– Для ударных требовался звук а-ля Стив Альбини, – вспоминает звукорежиссер Джек Эндино. – Курт был совершенно уверен в этом. Тогда я впервые увидел, что он может ошибаться. Все, что было записано до того момента, получилось прекрасно. А «Sappy» – просто не очень хорошая песня. В итоге он перезаписывал ее несколько раз.

«Nirvana» потратила около 500 долларов на эту сессию – на 100 долларов меньше, чем обошлась запись всего их дебютного альбома.

– Я сказал ему, что нужно просто написать еще несколько песен, – смеется Джек.

Курт так и сделал. Одну из них, «Lithium», они сыграли позднее той весной – 20 марта, когда группа записала четыре клипа в колледже Эвергрин-Стейт с парой друзей. Платой были «40 баксов и какая-то пицца», как вспоминает оператор Алекс Костелник. Группа играла вживую, а на экране за музыкантами шли фрагменты нарезки телепередач, сделанной Куртом в Олимпии: кадры с кумиром подростков 70-х Шоном Кэссиди, отрывки программы «Ищем таланты» с Донни и Мари Осмонд, танцующими чечетку, «Остров фантазий». Во время песни «Big Cheese» на экране шел немой фильм о ведьмах вперемежку с кадрами из детских видеозаписей Курта. «Сломанные куклы, горящие куклы, неправильно собранные куклы», – вспоминает Костелник. Также были записаны клипы на «School» и «Floyd The Barber».

Представьте себе картину: мы в «Squid Row» на Пайк-стрит на Кэпитол-Хилл, через дорогу от клуба «Comet Tavern». Сиэтл, 1990 год – клуб переполнен; повсюду запах человеческого пота и гул перегруженных усилителей.

На сцене заканчивает свое выступление «Mudhoney». Марк Арм валяется в забытьи, рядом с ним, над ним и под ним – море человеческих тел. Повсюду настоящий ад: разбитые усилители; стэйдждайверы, потирающие растянутые сухожилия; вышибала,

отчаянно пытающийся контролировать постоянный поток людей со сцены и обратно. Гитара Стива Тернера воет от сексуальной фрустрации. Дэн Питерс отрубился. Мэтт Люкин, пивший водку 14 часов подряд, не собирается останавливаться.

– Кто-нибудь хочет еще? – орет он уставшим фанатам.

Оглушительная грубая музыка несется из динамиков. Ко мне подходит пятидесятилетний человек в подгузнике и просит, чтобы его выпороли. Стены туалета покрыты мочой и граффити: местные музыканты хвастаются своей сексуальной удалью и нападают на святая святых «Sub Pop».

На протяжении всего 1990 года «Sub Pop» постоянно находился на грани краха. «Tad», «Nirvana» и «Mudhoney» хорошо продавались – но недостаточно для грандиозных планов Джонатана и Брюса. Лейбл даже предлагал музыкантам фондовые опционы вместо отчислений – в долгосрочной перспективе это сделало бы их богачами, но в тот момент было бесполезно. «Sub Pop» даже просил «Mudhoney» дать им взаймы половину аванса за европейское турне. Только когда альбом «Mudhoney» «Every Good Boy Deserves Fudge», вышедший в июне 1991 года, разошелся тиражом в 50 тысяч копий – без всякой рекламы, – только тогда «Sub Pop» стал рентабельным предприятием. Через несколько месяцев стали поступать и отчисления «Nirvana».

– Этот период – с мая по сентябрь 1991 года, – когда дистрибьютор должен был платить за диски, выпущенные в мае, получился особенно опасным, – вспоминает бывший генеральный менеджер «Sub Pop» Рич Дженсен. – Бухгалтер, мой босс, перестал приходить в офис, и его стало трудно найти по телефону. В итоге я занял его место и пару месяцев проработал бесплатно. В начале августа наконец-то появился инвестор, неделями обещавший дать взаймы 6000 долларов. На следующий день все телефоны должны были отрубить, фургон конфисковать, а налоговые власти округа собирались опечатать помещение. Я думаю, это было 7 августа. Как бы то ни было, в 16.45 я взял у инвестора чек, с улыбкой проводил его до двери – и буквально пролетел несколько кварталов до банка, который закрывался в пять часов.

Энтузиазм льется из всех пор, заряженных адреналином. Арм идет к тому месту, где стоит Чарлз Питерсон – человек, создавший имидж Сиэтла, позаимствовав свои знаменитые перефокусированные передние планы у хаоса музыки. Арм проверяет, в порядке ли Чарлз, смеется и несется за сцену – блевать от жары. Эд из группы «Thrown-Ups» пытается удержать на голове несколько пивных банок – не очень искусно. Пиво разливается повсюду, заляпывая парочку недоделанных хипстеров из Калифорнии. В одном углу сверхэнергичная пресс-секретарь

«Sub Pop» Дженни Бодди[174] болтает с чемпионкой Сиэтла по вешанию лапши на уши Меган Джаспер о возмутительном поступке, который недавно позволил себе менеджер «Mudhoney» Боб Уитакер. Тэд Дойл окружен группой поклонников – все они в четыре раза меньше его – и каждые пять минут открывает новую бутылку мексиканского пива.

Похожие сцены происходили каждую ночь на тихоокеанском Северо-Западе на концертах «Fastbacks», «The Walkabouts», «Swallow» и сотен более безнадежных групп. Головы бьются о колонки, футболки мокрые от пива и пота, стробоскопы вращаются под крышей в головокружительной симфонии света.

– Поскольку «Nirvana» не из Сиэтла, они набрали людей здесь, чтобы как следует подурачиться, – объясняет Меган Джаспер. – Чуваков из «Mudhoney» они свели с ума – но самым смешным способом, какой только можно представить. В Такоме играли «The Fluid», и после концерта Курт с Кристом нашли огромные деревянные бобины и положили их набок. Курт залез в катушку, а Крист толкал ее – и та вращалась, как стиральная машина. Уморительное зрелище! Затем Курт выбрался оттуда, шатаясь и ничего не соображая, а Крист каким-то образом смог затолкать свое нелепое долговязое тело в катушку – и теперь уже толкали его…

– Это еще один фактор, сделавший «Nirvana» великой группой, – соглашается Джонатан Поунмэн. – Под «Nirvana» я имею в виду Чеда, Криста и Курта. Они постоянно творили что-нибудь эксцентричное, смешное, глупое. И в то же время умудрялись быть невероятно крутой группой. Ничего напускного или не от мира сего: то, что они делали и как себя преподносили, – все выражало их истинную сущность. Но в то же время они были плоть от плоти рок-музыкантами.

* * *

9 февраля «Nirvana» отправилась в очередное турне по Западному побережью вместе с «Tad»: Портленд, Сан-Хосе, Сакраменто, Сан-Франциско, Лонг-Бич, затем мексиканская граница – Тихуана, и обратно – Финикс, штат Аризона. Для Курта и Криста это турне пришлось как нельзя кстати, они смогли вырваться из рутины Вашингтона, где успели открыть свою собственную клининговую компанию «Пайн три джениториал». Слоган компании гласил: «Мы намеренно сократили количество клиентов, чтобы иметь возможность тщательно вычистить каждый офис». Удивительно, но они не получили ни одного заказа.

– Я знаю, что один день он работал мойщиком посуды, – смеется Иэн Диксон. – И одну неделю уборщиком.

– Не помню, много ли анекдотов мы тогда рассказывали, – говорит Чед о февральском турне, – но жизнь была намного веселее. Мы любили прикалываться над дальнобойщиками: купили себе кепки, как у этих деревенщин, типа «хотел бы я поехать на охоту». Кажется, на моей было написано «CBS Sports» или что-то про рыбалку. У Курта была оранжевая охотничья кепка. Мы ведь ехали на юг и не хотели, чтобы на нас неодобрительно косились, как на грязных рокеров. Мы боялись, что какие-нибудь гопники изобьют нас во время турне. И попали в точку! Мы даже обедать старались там, где останавливались грузовики.

Существует классическая серия фотографий Питерсона, изначально выполненная по заказу «Мелоди мейкер»: Курт падает спиной на ударную установку в клубе «Raji's» в Голливуде. Клуб вмещал 200 человек, но в тот вечер туда набилось чуть ли не вдвое больше людей. Роберт Фишер, бывший арт-директор «Geffen records», говорил журналистке Кэрри Борцилло-Вренна, что «Курт разрывал клуб на части. Не верилось, что он ушел с концерта, не сломав спину или еще чего-нибудь».

Той ночью «Nirvana» остановилась у басистки «L7» Дженнифер Финч. Из всех людей, давших интервью для этой книги, она, наверное, мой любимый собеседник. И единственная, кто до сих пор старается мне не лгать.

– Именно я вечно произносила фразы вроде «Эверетт, успокой Курта», – говорит она; мы попиваем минеральную воду с Дэнни Блэндом и Чарлзом Питерсоном в баре на Пайонир-сквер. – Или «мы ведь не хотим, чтобы произошел несчастный случай». Мои родители были алкоголиками. Я говорила: «Разве обязательно принимать героин перед концертом? Ты можешь подождать? Если хочешь, я его пока где-нибудь спрячу». Вот такой я была.

Именно поэтому я сейчас так хорошо выгляжу и живу в собственном доме.

– В Сан-Франциско мы играли вместе с «Tad» и «Nirvana»[175], – говорит Келли Кэнэри. – Мы с Тимом сиганули со сцены прямо на пол, и Курт остановился посреди песни, чтобы спросить, в порядке ли мы.

На этом концерте электричество выключилось посередине второй песни, когда я как раз вылез на сцену. «Так, – ляпнул я необдуманно в сердце гей-квартала Сан-Франциско, – вчера в Портленде я насобирал 1,71 доллара – из монет, которыми в меня кидались зрители. Посмотрим, сколько вы, педрилы, сумеете накидать сегодня…» «Dwarves» тоже собирались выйти на сцену,

но вокалист Блэг Джизес, только взглянув на беспорядки, вызванные моим появлением, отказался. Он был слишком занят – он ржал, катаясь по полу.

– Мы отправились в таиландский ресторанчик, и там сидел Курт, – продолжает Келли. – Он был очень забавный парень, но странный, стеснительный и тихий. Он немного простыл, поэтому все девушки из «Dickless», которые мечтали с ним переспать, принесли ему свои спальники и остатки еды. У него на лице было написано «позаботься обо мне». Женщины от этого с ума сходят.

Весь март «Nirvana» репетировала в «The Dutchman», репетиционной базе на юге Сиэтла, которую иногда называют «местом рождения гранжа»[176]. «Nirvana» договорилась о записи в студии «Smart Studios» в Мэдисоне (штат Висконсин) у продюсера «Tad» (альбом «Eight Way Santa») Буча Вига. Виг больше всего известен работой над «Nevermind» и как ударник мейнстримовой готической группы «Garbage», но тогда его знали как человека, стоявшего за альбомами крутых хард-рок команд вроде «Killdozer» и «The Fluid».

1 апреля «Nirvana» играла на разогреве у группы «Eleventh Dream Day»[177] в клубе «Cabaret Metro» (Чикаго). «Курт на протяжении всего концерта кричал, как сумасшедший, – рассказывал Грег Кот из „Чикаго трибьюн“ журналистке Кэрри Борцилло-Вренна в книге „Курт Кобейн: Годы «Nirvana»“. – Казалось, что его схватил невидимый гигантский ротвейлер и трясет из стороны в сторону. В конце Курт, как обычно, разломал все инструменты и все барабаны в щепки. Ударник продолжал стучать, а Кобейн, уничтожив все подчистую, упал на ударную установку. Люди переглядывались, как будто говоря: „О боже, это что еще такое?“»

После концерта группа ехала всю ночь, чтобы вовремя успеть в студию.

– Я был не в восторге, послушав «Bleach». Разве что «About A Girl» мне понравилась, – рассказывал Виг Джиллиан Дж. Гаар. – Самое смешное, я помню, как Джонатан Поунмэн говорил мне: «Здесь, в Сиэтле, по „Nirvana“ сходят с ума, как по „The Beatles“. И они будут такими же крутыми, как „The Beatles“!» А я думал: «Ну да, конечно». Теперь же я только и слышу: «Эта группа станет новой „Nirvana“!»

Во время сессий, состоявшихся со 2 по 6 апреля, планировалось записать второй альбом «Nirvana» на «Sub Pop», предварительно названный «Sheep». Подразумевались бесчисленные орды поклонников, которые будут покупать диски, привлеченные шумихой вокруг группы. На деле же эти пленки стали демозаписями для «Nevermind».

«Пусть женщины правят миром, – писал Курт в своем дневнике, пародируя рекламу альбома. – Убивайте в зародыше Христа. Уничтожайте и большее, и меньшее из зол. Украдите „Sheep“ („овцу“) в соседнем магазине. „Nirvana“. Цветы. Духи. Конфеты. Куклы. Любовь. Солидарность между разными поколениями. Смерть родителям. „Sheep“».

– Моя студия находилась прямо рядом с офисом «Sub Pop» на Второй авеню, – говорит Чарлз Питерсон. – Однажды ко мне постучались – это были Курт и Крист. Они принесли маленького котенка и говорят: «Сфотографируй его. Мы сделаем такую штуку – оттягиваешь уши котенка назад, и морда выглядит реально жутко». Они хотели взять снимок на обложку сингла или альбома. Конечно, как только я достал фотоаппарат, они не смогли ничего сделать. Я сказал: «Э-эй. Ку-ку. Возвращайтесь в Абердин».

«Nirvana», прибыв в студию «Smart», дала Бучу только одну инструкцию: чтобы группа звучала «очень тяжело, как можно тяжелее». «Они были забавными и милыми, особенно Крист», – говорил Буч Джиллиан Дж. Гаар.

Благодаря Вигу – поп-маньяку и в то же время фанату андеграундного рока – звучание получилось бронебойным, особенно на ударных Чеда, и на удивление мелодичным.

– Курт был настоящей загадкой, – говорит Виг. – У него вдруг резко портилось настроение, он садился в угол и не разговаривал ни с кем на протяжении 45 минут. Их реальное звучание даже не пришлось слишком сильно подчищать. Курту не очень нравилось, как Чед играет на ударных. Он постоянно садился за установку, показывая, как нужно играть.

Хотя Чед, несомненно, был частью «Nirvana», его переставала устраивать отводимая ему роль в группе – он считал себя сонг-райтером, он играл на гитаре, на бас-гитаре, скрипке. «Я превращался в драм-машину, – говорит он. – Курт обещал, что я смогу больше участвовать в творческом процессе, но было очевидно, что этого никогда не произойдет». Так оно и было. Курт говорил о музыке, которую играл Чед: «Идиотская музыка. Просто в дрожь бросает, до того это тупо и банально». Чед нравился ему как человек, но группе нужен был другой ударник.

«Nirvana» записала несколько песен – «In Bloom», еще одну версию «Polly» (на «реально дерьмовой» пятиструнной акустической гитаре, звучавшей как укулеле), «Dive», «Pay To Play» (отповедь политике маленьких клубов, требующих от групп денег вперед за право выступления; позднее переименована в «Stay Away»), «Lithium», «Immodium» и еще раз «Sappy» – плюс прямолинейная версия песни «Here She Comes Now», кавер на песню группы «Velvet Underground» с альбома «White Light / White

Heat» (она вышла на двойном семидюймовом сингле с «Melvins»). Пять песен в итоге вошли на «Nevermind». «У Курта были проблемы с голосом, – вспоминал Виг. – Каждую песню ему удавалось спеть один-два раза, потом он был уже не в состоянии петь – кроме „Polly“, где мягкий вокал. Поэтому нам пришлось в середине сессии сделать выходной».

– Мне понравилось работать с Бучем, – говорит Чед. – Он мне показался очень здоровым парнем, вегетарианец и все такое. Очень вежливый. Мы хотели записать новый альбом. Мы не собирались делать демо-записи. До этого мы никогда не делали демок, и я не видел в них смысла. У нас же уже вышел альбом.

Я: Многие музыканты из Сиэтла, с которыми я разговаривал, считают, что тебя недооценивают как одного из создателей «Nevermind».

– Это странно, потому что ударные партии песен, сделанных в Мэдисоне и вошедших в «Nevermind», прописаны мной, – отвечает Чед. – Есть небольшие различия, например, в «In Bloom» – я хотел сделать ударные более четкими, упорядоченными. Но это все. Об этом тяжело думать, потому что когда играешь в группе, то в работу вкладываются все, и все должны получать по заслугам одинаково. Но я получил только за «Polly», потому что там я играл на четырех тарелках. Никто не писал для меня мои партии. Курт сочинял тексты и гитарные партии. Он не умел играть на барабанах, только импровизировал.

«Мне сразу же бросилось в глаза, что Курт сочинял отличные песни, а Крист прописывал невероятно драйвовые бас-партии, – говорил Виг в аннотации к бокс-сету „With The Lights Out“. – Бас-партии очень мелодичные, и весь драйв песни зависел именно от линии бас-гитары, по крайней мере в музыкальном плане. И это так хорошо сочетается с линией голоса Курта. Они дополняют друг друга, это замечательно».

Сессии проходили как раз в начале очередного американского турне – после Чикаго музыканты выступали в клубе «Underground», в Мэдисоне, вместе с «Tad» и местной группой «Victim’s Family»; 9 апреля состоялся совместный концерт с «Tad» в клубе «7th Street Entry» в центре Миннеаполиса.

– С «Nirvana» я познакомился благодаря Стиву Тернеру, – вспоминает Том Хэйзелмайер[178]. – Он посылал мне бесплатные диски, выходившие на «Sub Pop». Первый раз я услышал первый сингл «Nirvana» на вечеринке у Тома Прайса [вокалист «U-Men»]. Мне они не очень понравились, чего нельзя сказать о «Tad».

Но после концерта я познакомился с Куртом, – продолжает Хэйз. – Такая мощнейшая… харизма, обаяние, я не знаю, как это

называется, – исходила от чувака, который просто сидел за кулисами, даже не разговаривал. Ничего подобного я никогда больше не встречал. Даже спустя много лет, за которые я повидал хренову гору групп, я никогда не чувствовал подобной харизмы.

После Миннеаполиса были клуб «Blind Pig» в Энн-Арбор[179] (где Крист сломал ударную установку Чеда); Цинциннати, два концерта в Канаде (16–17 апреля), на которых Крист забирался на колонки, а зрители кидались в музыкантов бутылками…

18 апреля в Кембридже (штат Массачусетс) Курт кинул в Чеда кувшин с водой, пролетевший в сантиметрах от уха барабанщика.

– В «Nirvana» к Чеду относились очень плохо, – вздыхает Кэрри Монтгомери. – Курт крушил его барабаны на каждом концерте, и у него не было денег. Он постоянно заклеивал барабаны скотчем, это было забавно, но Чеду было не до шуток: он знал, что после концерта опять придется заклеивать установку.

Когда мы с Марком догнали в пути «Nirvana», они уже долгое время ездили по концертам, и у Чеда даже не осталось носков. Я – буквально – сняла с себя носки и отдала их малышу Чеду, – добавляет она. – И мне очень не нравилось, как Курт обращался с ним. Как будто Курт из-за чего-то обиделся на Чеда. Я все время думала: «Почему этот чувак донимает маленького барабанщика? У него уже даже скотча не осталось!»

26 апреля «Nirvana» должна была выступать в нью-йоркском «Pyramid Club». Клуб быстро приобретал славу места, где каждую ночь проходят дикие оргии[180]; на их выступление пришли посмотреть крестный отец панка Игги Поп, «Sonic Youth», «Helmet» и один из топ-менеджеров «Geffen» Гэри Герш.

– В Нью-Йорк приехали группы из «Sub Pop», и я должен был сделать их фотографии для лейбла, – говорит фотограф Майкл Лэвайн, бывший студент колледжа Эвергрин. – Брюс [Пэвитт] позвонил мне и сказал: «У меня есть группа. Они прославятся». Я ответил: «Хорошо. Ты про все свои группы так говоришь». Я фотографировал «Nirvana» в своей квартире на Бликер-стрит, прямо через дорогу от «CBGBs». Они приехали ко мне в своем белом фургончике, дали послушать отличную демо-кассету, записанную Бучем Вигом. Курт выглядел болезненно и расслабленно, но оказался приятным парнем. Фразой дня стал вопрос: «А где Курт? А, он спит в фургоне».

В тот же день я фотографировал Игги Попа и дал послушать ему музыку от «Sub Pop», – продолжает фотограф. – «Nirvana» понравилась ему больше всего – и я отвел его на их концерт и познакомил Игги и Курта. Знакомство оказалось очень теплым и забавным, они пожали друг другу руки.

После выступления «Nirvana» была расстроена – они считали, что просрали случай показать себя крутым музыкантам. Конечно, это было не так…

– В «Pyramid» они вышли на сцену и покорили Нью-Йорк, – восторженно говорит Джанет Биллиг. – Они прекрасно выступили, но сами этого не поняли. Перед вторым концертом, в клубе «Maxwell's» [вместе с «The Jesus Lizard»[181]], Крист побрился на лысо – как он объяснил мне, в наказание за то, что они просрали концерт, на котором был Игги Поп. На следующий день они снимали клип на песню «In Bloom» в центре Нью-Йорка и возле морского порта[182]. Лысая голова Криста стала проблемой – потому что уже были отсняты кадры, где он еще с шевелюрой. В «Maxwell's» Курт разломал свою гитару, у меня до сих пор остались от нее куски, я их куда-то засунула.

– Курт, кажется, делал гитары сам, – говорит Чед. – Он брал готовые грифы и выпиливал корпуса. У него были три разные гитары – самодельные и покрашенные в разные цвета, например, одна была зеленовато-голубого цвета. Поэтому, когда гитару ломали, мы брали из нее все сохранившиеся детали и ставили их на другую гитару.

Крист говорил, что концерт в «Pyramid» был одним из самых плохих выступлений за всю историю «Nirvana», и – по крайней мере, для самой группы – второй концерт в Нью-Йорке был не лучше. Но и это не все. В день между концертами Курт позвонил Трэйси из города Амхерст (штат Массачусетс) и сообщил, что больше не хочет жить с ней. Это было 27 апреля – в день рождения Трэйси. Курт хотел уйти от Трэйси безболезненно для нее, но не знал, как это сделать, – и предложил ей остаться друзьями. Очевидно, что из этого ничего не могло выйти.

– Настроение у Курта было не из лучших, ему было хреново, и он хотел, чтобы всем окружающим тоже стало плохо, – говорит Кэрри Монтгомери о концерте в «Maxwell's». – Было очень больно смотреть на все это. Я не могла понять, откуда столько агрессии, депрессии, злобы; хотя, в принципе, они уже много времени провели в турне. Казалось, долго они не протянут. Курт был очень переменчивым. Когда я познакомилась с ним поближе, я поняла, что он совсем другой – нежный и чувствительный. – Кэрри смеется: – Он обожал детей и животных.

Дальше последовали концерты в клубе «9.30 Club» в Вашингтоне, округ Колумбия; клуб «JC Dobbs» в Филадельфии (Северная Каролина) и 4 мая – Тампа-Бэй (Флорида), где группа переночевала в роскошной квартире, принадлежавшей отцу их поклонника. Крист и Курт не преминули возможностью принять

кислоты и как следует злоупотребить гостеприимством хозяина – особенно на следующее утро, когда, проснувшись, они обнаружили, что никого нет дома.

– Они достали всю еду, начали крушить кухню, – вспоминает Крэйг Монтгомери. – Они варили майонез в кастрюле, творили прочую хрень. Потом Крист начал ходить по дому абсолютно голый и орать изо всех сил. Я был в шоке, но не мог ничего сказать. Никому не нравятся люди, изображающие из себя папочку. Уходя, Крист оставил на столе 100-долларовую купюру.

В следующие 12 дней группа отыграла концерты в Джорджии, Огайо, Оклахоме, Техасе и Небраске – но это уже были последние дни Чеда в группе. 17 мая в родном городе группы «Tad», Бойс (Айдахо), Чед Ченнинг сыграл свой последний концерт в группе «Nirvana». Несколько недель спустя после возвращения группы из турне Курт и Крист без предупреждения заехали к Чеду на Бейнбридж-Айленд и сообщили, что он больше не играет в группе.

«Было такое чувство, как будто я кого-то убил», – признавался Курт.

Перед уходом Чеда из группы, однако, состоялась еще одна – последняя – фотосессия у Чарлза Питерсона.

– Фотосессия проходила в моей студии, где я работал вместе с типографом, Джеффом Россом, делавшим для «Sub Pop» плакаты и футболки, – говорит Питерсон. – Я понятия не имел, что делать. У меня был большой кусок бумаги и стробоскопы. Когда они пришли, Курт сказал: «Белая бумага, скукотища. Как ты думаешь, что-нибудь можно придумать?» Я посмотрел по сторонам и увидел баллончик с черной краской. Я сказал: «Давайте нарисуем что-нибудь на ней». Он ответил: «Да, клево». Он нарисовал большой плюс и большой минус, я сказал: «Покатит». Интересно, что во время всей фотосессии Курт и Крист стояли под этим плюсом, а Чед – под минусом.

– Чед был отличным парнем, – говорит Крэйг. – Я расстроился, когда узнал, что они выгнали его. Всегда доброжелательный, всегда веселый… Курт и Крист иногда впадали в депрессию, но он всегда старался их развеселить. Чед им нравился как человек. Но не как барабанщик. Я думаю, Чед сам знал, что он не самый крутой ударник в мире. Он терял ритм, делал ошибки; а когда ударник делает ошибки – это бросается в глаза всем.

Я: Плохое отношение Курта к Чеду еще как-нибудь проявлялось, кроме того, что он всегда разбивал его ударную установку?

– Ну, вообще-то, он его выгнал из группы, – смеется Кэрри. –

Нет, но он всегда давал понять Чеду, что тот не очень-то хороший ударник…

Я: Он часто придирался к мелочам. Я помню, как в поздние времена он докапывался и до Криста…

– Если ты несчастен, то не будешь деликатничать с другими, – говорит Кэрри. – Курт хотел, чтобы Чед играл громко и жестко, но Чед был джазовым барабанщиком. Я расстроилась, когда узнала, что Чеда выгнали. Когда у них начало что-то получаться, они выперли чувака, который проехал с ними в долбаном фургончике до самого Нью-Йорка…

Я: Кажется, что именно в тот момент они решили подойти к делу более серьезно.

– Угу, – соглашается бывший басист «Soundgarden» Бен Шепард. – Именно в тот момент у них появились амбиции. Я говорил с Чедом об этом, и он сказал, что они расстались друзьями. У Чеда такая сила духа, какой я не встречал ни у кого за всю свою долбаную жизнь.

– Я всегда смотрел на это следующим образом, – говорит Чед сейчас. – Если бы я что-то смог изменить, то да, возможно, у меня прибавилось бы баксов в кармане, но я не уверен, что мне стало бы лучше. Клево играть песни, ездить в турне, но я никогда не считал себя просто барабанщиком. Я не зацикливался на одном инструменте. В первую очередь я пишу песни, сочиняю музыку. А «Nirvana» оказалась единственной группой, в которой я только играл и не принимал никакого участия в творческом процессе.

Однажды я разговаривал с Кристом после смерти Курта, и он сказал: «Знаешь, ты не так уж много упустил. Все лучшее, что у нас было, случилось до того, как мы стали суперпопулярны, потому что тогда началась какая-то хрень, сплошное безумие». Раньше же мы были сами себе хозяевами. Как только заключаешь контракт с крупным лейблом, большая часть решений принимается не тобой, и ты либо справляешься с этим, либо нет. Большинство групп и людей не справляются.

На той же неделе, когда пути Чеда и «Nirvana» разошлись, Курт порвал с Трэйси.

Трэйси этого не знала, но Курт уже был влюблен в одну из ее лучших подруг, Тоби Вэйл.

Глава одиннадцатая
«Мы не принимаем душ – мы принимаем ванну»

Тоби Вэйл познакомилась с Куртом Кобейном, когда он еще тусовался с «Melvins». Она была на нескольких ранних концертах «Nirvana» – в «Pen Cap Chew», «Skid Row», – но только весной 1988 года подружилась с Куртом и Трэйси: она ходила к ним, потому что Курт мог покупать пиво – у него был паспорт.

– Я не принимала наркотики, – объясняет Тоби. – Несколько раз в месяц на вечеринках пила пиво, и все. «Melvins» даже думали, что я девственница. Мне кажется, им нравилось, что я тусовалась с ними, – они чувствовали себя на моем фоне более развращенными. Дилан [Карлсон] смеялся, что я как будто из «семьи» Мэнсона. Еще меня сравнивали с Мишель Филипс[183]. У меня были очень длинные – свои – темные волосы, я не пользовалась косметикой, и т. д.

Официально Курт с Тоби стали встречаться в июле 1990 года – за неделю до 21-го дня рождения Тоби, когда Трэйси съехала из квартиры на Пир-стрит и вернулась в Такому. В первое время Тоби было проблематично встречаться с Куртом, и не только потому, что он жил вместе с ее подругой, – у Тоби была аллергия на кошек. После ухода Трэйси квартира приобрела еще более жалкий вид… Горы посуды в раковине, грязные вещи, коробки из-под пиццы, пивные бутылки – типичная студенческая берлога.

Я: То есть он продолжал снимать квартиру? Откуда он брал деньги?

– Он получал чеки, – отвечает Иэн Диксон. – Они приходили на наш [Иэна и Никки] адрес, поэтому какие-то из них я видел. Там были чеки на пару сотен баксов – тогда они еще работали с «DGC»; какие-то деньги они получали за выступления в турне, продавали футболки и прочую атрибутику. Да и квартирная плата не была заоблачной – около 150 баксов в месяц.

Курт прожил в квартире на Пир-стрит еще год после разрыва с Трэйси, и кто-то должен был платить аренду.

– Может быть, «Sub Pop»? – предполагает Тоби. – После того как уехала Трэйси, вся квартира была исписана граффити, – добавляет она. – Я ходила в колледж, работала и играла в трех группах. Поэтому мы с Куртом редко виделись, так, встречались иногда. Он исчезал, а потом опять появлялся.

– Было тяжело, – говорит Иэн. – Курт жил за счет Трэйси. Она составляла для него списки дел, которые нужно было сделать…

Я: Тоби тоже составляла такие списки. Я знаю об этом, потому что Кортни мне их показывала.

– Ты уверен, что они были составлены не Трэйси? Это не очень-то похоже на Тоби. Я уверен, что Кортни… – Иэн обрывает фразу. – Наверняка это были списки Трэйси.

Курт и Тоби были влюблены друг в друга: Курт так нервничал, когда впервые провел с ней вечер, что его вырвало. Он восхищался Тоби, ее творчеством и феминистским напором. Кроме того, Тоби была настоящим меломаном, она проявляла такую одержимость музыкой, какую привычнее наблюдать у мужчин. Под влиянием Кэлвина Джонсона, а также музыкантов из Олимпии вроде Стеллы Маррс и Лоис Маффео Тоби основала фэнзин «Джигсо»; это она изобрела название «Riot Grrrl», впервые появившееся на страницах этого журнала, – фраза была призвана описать мощь, которую Тоби видела в женщинах и которой ей не хватало в современной независимой музыке. В 1990 году панк-рок был очень белым, мужским движением, заряженным тестостероном – с клевыми идеалами, прикольной музыкой, но очень элитарным. Таким он, во многом, остается и до сих пор.

Тоби хотела побороть эту мужскую элитарность. Со своими друзьями-единомышленниками она основала вдохновенную панк-группу «Bikini Kill».

– Вкус Курта в отношении женщин всегда поражал меня, – замечает Кэрри Монтгомери. – Я не видела ничего общего в его избранницах, кроме разве что ума и таланта. Трэйси Марандер была замечательной, легкой в общении. Он разговаривал со мной о своих переживаниях по поводу их разрыва, она была ему небезразлична даже после того, как он понял, что у них ничего не выйдет. Курт считал, что она заслуживает лучшего, и знал, что ждало бы их в будущем. Дело не в том, что она не поддерживала его музыкальные начинания и карьеру, но ему нужна была свобода действий… чтобы он мог уходить из дома, и все такое. Ему казалось, что он не готов жить с кем-то вместе.

Тоби отличалась от Трэйси: если Трэйси ухаживала за Куртом, Тоби считала себя равной, если не главнее. Для Курта, который до этого момента полностью разделял навязанное обществом мнение, что роль лидера отводится мужчине, а женщина должна за ним ухаживать, это стало настоящим откровением.

Нет ни тени сомнения, что Курт на сто процентов принял позицию Тоби – она и вызвала впоследствии чувство неполноценности (которое, по правде говоря, возникало у певца практически ко всем людям, кого он считал равными себе, – именно эта неуверенность в себе питала его творчество). На

самом деле он вскоре почувствовал некие трудности с пониманием просвещенных взглядов Тоби на «отношения» – хотя в Олимпии такого понятия вовсе не существовало. Ты зависал с кем-нибудь, кто тебе нравился, – и спал с этим человеком, если он казался тебе привлекательным.

Никто никому не принадлежит.

Но не все воспринимали это так прямолинейно.

– То, как Курт говорил о Тоби… – качает головой Кэрри. – Казалось, он у нее окончательно под каблуком. Он считал ее очень клевой. Боготворил ее и думал, что она для него слишком хороша. Тоби заставляла его чувствовать себя ущербным. Мне это не нравилось. Я не понимала, что он в ней нашел. Мне она казалась плохо воспитанной. Но – опять же – я ее почти не знала…

– Во время существования «The Go Team» Кэлвин или Тоби втянули Курта в свою орбиту, – говорит Слим Мун. – У Курта была в проекте группа с Тоби под названием «The Bathtub Is Real»[184]. У меня где-то была кассета с одной-двумя песнями.

Я: И как они?

– Это было не похоже на те минималистские, спокойные поп-номера, которыми славится Олимпия. Они оба пели, и песни были очень хорошими, – отвечает Слим. – Курт в течение шести месяцев или даже на протяжении года обещал Тоби сделать запись этого проекта, хотя все мы знали, что Кортни ни за что ему не позволит. Он напивался, звонил Тоби и говорил: «Нам нужно записать диск „The Bathtub Is Rea“!»

– Деятельность нашей «группы» заключалась в том, что мы просто вместе играли свою музыку, – объясняет Тоби. – Курт играл песни, которые написал он, я играла свои песни, и мы записывали их на магнитофон моего отца. Иногда я пела и играла на ударных на песнях Курта. Некоторые риффы и текстовые идеи позднее стали песнями «Nirvana». Он никогда не пел на моих треках, но это нормально, это всего лишь мои одноразовые песни! Он играл на барабанах на нескольких моих гитарных номерах и помог понять, какие из них чего-то стоят. Он действительно считал, что я талантлива, и он действительно был целиком погружен в музыку.

У Курта было много отличных идей о том, как писать песни, – продолжает Тоби. – Он объяснил мне, что сначала нужно выбрать манеру вокального исполнения. Для меня это было откровением. Я поняла, что голос можно использовать как инструмент и необязательно довольствоваться только тем звуком, который выходит естественным образом. До этого я слушала Йоко

Оно[185], «Frightwig», ранних «B-52»[186], «The Slits», поэтому мой певческий – панковский – стиль формировался на этой основе. До этого я пела как Хизер из «Beat Happening», не попадающая в ноты. Я не понимала, что форму звука, производимого голосом, можно изменять, как будто голос – это та же гитара. Несколько раз меня звали в «Nirvana», я отказывалась. Мы говорили об этом с Куртом, но на барабанах я играла не очень агрессивно. У него были и не очень тяжелые песни, и мы с Куртом работали над ними. В конце концов он понял, как интегрировать поп-элемент в творчество «Nirvana», – вроде «The Velvet Underground», «The Vaselines», «Beat Happening» и все такое.

Мы многое получили, играя вместе, – добавляет Тоби[187]. – До этого я практически все время играла с людьми, которые толком не владели своими инструментами – в «The Go Team» и «Doris» [молодежная панк-группа Тоби, где она играла вместе с Тэм Ормунд], – и это было клево. Но я училась управлять звуками, пыталась совместить эстетику панка с женской чувственностью. Курту это очень нравилось, и он говорил, что мне нужно играть в группе с девушками.

На кассете мы написали «The Bathtub Is Real» («Ванны – это круто»), и многие посчитали это названием группы, – вспоминает она. – Еще нас называли «Israeli Donkey»… Не знаю почему! Я думаю, что сначала мы придумали «Bathtub», но потом поняли, что уже есть группа «Steel Pole Bathtub». В то время у большинства людей, живших в даунтауне, в квартирах не было душа, и на одной из песен [«The Go Team»] была такая глупая строчка: «В Олимпии не ходят в душ, там принимают ванну». Я думаю, что это пошло оттуда.

Что меня больше всего бесит в панк-музыке 70-х и особенно в истории «The Sex Pistols»: те, кто пишет об этой музыке, зацикливаются на одном временном отрезке и тормозят развитие своих героев – они постоянно возвращаются к одному-единственному моменту в прошлом, когда все для них было ясно. Критики пишут о том, какими уникальными были «The Sex Pistols», какими особенными по сравнению с теми, кто появился после них. «Они оказали просто невероятное влияние на всю последующую музыку, особенно если учесть, как мало времени им было отведено» – вот стандартная фраза. Нет. Что по-настоящему невероятно – это внимание, которое уделяется вещам, безусловно когда-то важным, но не имеющим сейчас и сотой доли того значения, которое придают им кретины из СМИ. То же самое касается «Nirvana» и «последней великой революции в рок-музыке».

Главное в жизни – это восприятие. Люди зачастую формируются в момент их первого соприкосновения с внешним миром – и дальше ни отношение к ним, ни они сами не изменяются. Дети 60-х и спустя двадцать лет говорили о парижском восстании и о том, как это было круто и неповторимо – хиппи и «Sgt Pepper». (Поворотным моментом стал 1985 год. Новое поколение хипстеров говорили друг другу: «„Sgt Pepper“? Хрен знает»). Теперь пришел черед Стюарта Макоуни, Джули Берчил и прочих британских журналистов, которым перевалило за 40, – теперь они упиваются своими юными годами и мешают жить нынешней молодежи.

Что же произошло, какие метаморфозы пришлось претерпеть словосочетанию «независимая музыка», чтобы оно стало обозначать дисгармоничную гитарную музыку, которую играют белые парни? В этом нужно винить запуганных менеджеров лейблов, которые распихивают друг друга локтями, чтобы подписать контракт с «прорывом прошлого года». В этом нужно винить журналистов и критиков, которые гордятся своей объективностью. Каждое объективное решение принимается на основе субъективного по своей сути суждения – как правило, не своего, – о том, что на гитаре можно играть «правильно» и «неправильно». Или рисовать картину, или читать книгу. Нет такого понятия, как хорошее искусство, есть только плохие или хорошие исполнители. Не стоит стыдиться того, что вам нравится «плохая» музыка вроде «The Strokes» или «The Doors». Если что-то вас трогает, то уже не важно, почему это вас трогает. Не важно, насколько это поверхностно, банально или насколько хорошо это сделано.

Известная строчка из классического сингла «Huggy Bear» «Her Jazz» 1993 года – «This is happening without your permission» («Это случается без вашего позволения») – я клянусь, именно она больше всего раздражала их противников. «Face it, you’re old and out of touch» («Пойми же, ты стар и ты не в теме»), – кричала Ники с ожесточением. Никому не нравится, когда ему так говорят. Критиков это бесит до ужаса. До появления «Riot Grrrl» эти критики были вне подозрения. А после «Riot Grrrl» образовалось множество групп, которые отказывались услаждать пассивных потребителей, которые пытались разобраться в том, что такое хорошо и что такое плохо. Они просто отрывались по полной и в то же время ниспровергали половые предрассудки. Если ты был не с ними, ты был против них, и – да, ты был стар и не в теме.

Как пела транссексуальная панк-певица Джейн Каунти: «If you don’t want to fuck me baby, fuck off!» («Не хочешь со мной е…

ться, детка, – отъ…сь!»).

У «Bikini Kill» была лишь одна идея: «Вдохновлять! Вдохновлять! Дать власть всем женщинам, по крайней мере тем, кто нам нравится!» – но в них было столько злобы, сарказма и ожесточения, что их идеи отходили на второй план. На их живых выступлениях было поровну разрушения и вдохновления. Танцорам-мужчинам не дозволялось выходить на середину сцены, из-за чего группу обвиняли в сексизме (в сексизме наоборот, по-видимому).

«Bikini Kill» хотели устранить неравноправие, с которым женщины встречались на концертах до этого; без сомнения, это была феминистская группа. Девушки, приходившие на их выступления, поднимались на сцену и рассказывали, как они становились объектами надругательств или использования со стороны мужчин. Основу бешеной музыки группы составляли тяжелые монотонные ударные Тоби и бас-гитара Кэти Уилкокс. Единственный – как символ – мужчина в группе, Билли (фамилию свою он часто менял), играл на лид-гитаре целеустремленно и жестко; но центром группы была вокалистка Кэтлин Ханна – ее голос напоминал о молодежном панке 70-х, о Поли Стирен из «X-Ray Spex» – вкрадчивый и раздражающий, дразнящий и умоляющий, властный и всегда требующий уважения.

Я никогда не рассматривал участниц «Riot Grrrl» в контексте их сексуальности. Не знаю почему, ведь это одно из самых очевидных их сильных качеств. В самых первых статьях о «Bikini Kill» все только и талдычили о том, что Кэтлин работала стриптизершей, что роднило ее в какой-то степени с Кортни Лав. Я знаю, что подобное бесполое восприятие вредило этим женщинам, но, возможно, таким образом я боролся со своим врожденным сексизмом… или, по крайней мере, так я тогда думал.

«Bikini Kill» играли хардкор, а не панк. То есть их музыка задавалась жесткими правилами и идеологией, в которых не допускалось никаких отклонений. Лишь позднее Кэтлин запустила собственный блестящий проект – импровизационный, малобюджетный даб-поп, группу «Julie Ruin». Это было предметом постоянных споров: Олимпия – это хардкор или панк? Хардкор до мозга костей. Именно к хардкору у Олимпии лежало сердце. «Beat Happening» можно счесть конфликтной – и поэтому панковской – группой, но все, кто были после них, играли для новообращенных. Олимпия задала всем программу, как нужно жить. Хардкор – это альтернативные общественные нормы, это контркультура. Панк более противоречив: это андеграунд и мейнстрим одновременно – «The Sex Pistols» у Билла Гранди,

«Nirvana» на шоу «Saturday Night Live».

Но Джек Эндино не согласен с подобной точкой зрения.

– «Nevermind» можно назвать панк-музыкой так же, как первый альбом группы «Boston» [группа 70-х, игравшая стадионный рок] можно назвать панком, – говорит продюсер. – А если «Bleach» – панк, то тогда и альбом «Deep Purple» «Fireball» – тоже панк. Тексты песен «Nirvana» – до «In Utero» – были не более панковскими, чем «American Pie» Дона Маклина. Они были классической рок-группой. И панк никогда не играли. Мне кажется, было очень удобно причислять их к панку. Но если бы они действительно играли панк, то никогда не прекратили бы свое существование[188]. Единственный альбом, который можно назвать панковским, – это «In Utero» в том смысле, в каком песню Джона Леннона «Cold Turkey» можно считать панком[189]. Живые выступления «Nirvana» можно назвать панковскими – но тогда и концерты «The Who» это панк. И «The Who» были, по общему признанию, панк-группой. Но разве панк-музыка появилась в Америке в 1971 году – после выхода альбома «Who's Next»? Нет. Панк «появился», как это ни прискорбно, только с приходом групп вроде «The Offspring» и «Green Day».

Возможно, Курт и испытал влияние Тоби, но это не значило, что он стал разделять ее идеи. Разочаровавшись в «Sub Pop», а особенно – в постоянной игре на грани фола, которую вели Джонатан и Брюс, которые часто не платили денег группам, а чеки из студий просто выбрасывали, – Курт с Кристом начали подыскивать себе другой лейбл. Они не хотели больше связываться с независимыми компаниями вроде «Touch And Go» или «SST». Они просто не видели в этом смысла. Напротив, воодушевившись примерами своих коллег из «Soundgarden» и «Sonic Youth» (подписавших недавно контракт с «Geffen»), они обратили свои взоры в сторону мейджоров.

«Sub Pop» также работал над проектом заключения контракта с крупным лейблом.

В мае 1990 года, ожидая выход второго альбома, «Sub Pop» предложил «Nirvana» новый контракт – в нем было 30 страниц, и он серьезно закреплял права лейбла. Курт не хотел его подписывать, и они с Кристом обратились за советом к менеджеру «Sound-garden» Сьюзан Сильвер. Она была шокирована негативными эмоциями, которые группа испытывала по отношению к лейблу – среди прочих жалоб упоминались плохая рекламная кампания в поддержку «Bleach»[190], отсутствие банковских счетов и плохое распространение дисков. Сьюзан предложила им найти себе адвоката.

– Курт был очень начитанным, – замечает бывший пиар-менеджер «Nirvana» в Великобритании Антон Брукс. – Он прочел множество книг о рок-н-ролле. Можно сказать, что он занимался самообразованием – учился быть рок-звездой. Помню, как я ходил с ним на несколько встреч – тогда они все еще искали менеджера, а я разругался с «Sub Pop», потому что был полностью на стороне «Nirvana». Мы побывали в нескольких лейблах и у одного издателя – они вели себя с ним очень высокомерно и снисходительно.

Помню, мы стояли с Куртом на улице, – продолжает Антон. – Он курил и вдруг сказал мне: «Мои песни для следующего альбома – они будут хитами номер один. Они очень доступные, это поп-песни – в нашем понимании этого слова». Он знал. Когда люди спрашивали меня: «Ты знал тогда, что „Nirvana“ когда-нибудь станет знаменитой?» – я отвечал: «Да, я знал, что они станут как минимум не менее знаменитыми, чем „Sonic Youth“ или „Pixies“». Тогда я надеялся, что когда-нибудь они соберут «Brixton Academy» [4500 человек] и, может быть, через несколько лет станут хедлайнерами на фестивале в Рединге. Они смогут остаться в Сиэтле, они будут хорошо жить, у них будут дома, семьи, но для того, чтобы оставаться на плаву, им придется постоянно ездить в турне. Любой, кто утверждает сейчас, что в то время думал по-другому, – гребаный лжец.

Через Сьюзан «Nirvana» вышла на адвоката Алана Минца из Лос-Анджелеса, юриста, занимавшегося поиском контрактов для новых групп. Он был обескуражен их внешним видом – Минц говорил, что «Nirvana» была самой грязной группой, когда-либо переступавшей порог его кабинета, – но впечатлен их музыкой. Он стал рассылать демо-запись, сделанную Бучем Вигом, в крупные лейблы, подыскивая контракты.

Это было не так трудно сделать. К тому моменту «Sub Pop» был в самом центре внимания СМИ (даже американская пресса стала писать о лейбле).

– Практически все звукозаписывающие компании хотели заполучить «Nirvana» по той же причине, что и мы, – говорит бывший глава «Gold Mountain» Дэнни Голдберг. – «Sub Pop» считался новой модной компанией, а «Bleach» был одним из самых успешных их альбомов. За них боролись пять-шесть лейблов – «Columbia», отделение «Virgin» («Charisma»), «MCA» и «Atlantic».

– Особенно весело стало, когда группой заинтересовались различные лейблы, – говорит Дебби Шейн, которая к тому моменту встречалась с Дэйлом Кровером. – Началась война контрактов, и это было прикольно – бесплатная еда, напитки, да

еще и друзей можно было приглашать. Однажды Курт позвал нас [Дэйла и Дебби] на ужин с менеджером. Мы пошли в таиландский ресторан и реально напились. Чувак из лейбла, по-моему, был жалок – он не разбирался в музыке, не понимал, кто такие «Nirvana», но все равно хотел их подписать.

– Я был очень огорчен и обижен, когда они стали вести переговоры с крупными лейблами, – говорит Брюс Пэвитт, – потому что я был последним, кто об этом узнал. Все говорили мне: «Слушай, я тут был в Олимпии. „Nirvana“ разъезжает в лимузине и все такое». До «Nevermind», да еще в Олимпии – тогда это просто не укладывалось в голове.

Сейчас все становится на свои места, – продолжает бывший глава «Sub Pop», – но в то время очень мало групп подписывали контракты с мейджорами. Это было потрясением. Лейбл делал все возможное, чтобы держаться на плаву. Хотя мы и были все время на мели и не всегда выполняли свои обязательства, но я считал, что хотя бы искренность я заслужил. Я вспоминаю Рим, первое турне «Nirvana», когда у Курта случился нервный приступ и он разбил свою единственную гитару. Мы с Джоном достали свои последние деньги, чтобы купить ему новую гитару! Потом у него украли паспорт, и мы помогли сделать ему новый. Вспоминаешь все эти детали, когда ты отдавал все, чтобы помочь кому-то… а потом этот кто-то идет в другой лейбл и даже не говорит тебе ничего об этом – это было не очень приятно. Хреново было.

Я: Очевидно, ты в какой-то степени смоделировал «Sub Pop» на основе опыта, приобретенного в Олимпии. И попытался, в частности, привить чувство единства.

– Именно, – соглашается Брюс. – Я не говорил: «Так, это бизнес, мы будем продвигать группы в крупные лейблы и срубать на этом деньги». Лейбл в итоге стал заниматься именно этим, но я-то хотел другого. При этом мой бизнес-партнер смотрел на вещи иначе, и именно синергия наших с ним философий делала «Sub Pop» тем, чем он был. Я смотрел на вещи более по-семейному: я хотел построить сообщество, создать систему и помогать друг другу. Поэтому стремление подписать контракт с мейджором… меня очень расстроило. После этого изменилось мое отношение к музыкантам. Я стал держать дистанцию.

– Я был слегка выбит из колеи, – говорит Джонатан Поунмэн. – Потому что все эти разговоры начались, когда мы с Брюсом отправились в деловую поездку в Англию, на встречу с нашим дистрибьютором по поводу просроченного платежа. Меня спрашивали об этом несколько раз, но самое грустное – люди не понимают, что дело здесь не в бизнесе. С бизнесом все понятно.

Что на самом деле важно – это чувства: ты работаешь с кем-то ради общей цели. Ты говоришь с ними каждый день, ваши жизни взаимосвязаны… и вдруг – развод. Внезапно спутник всей твоей жизни бросает тебя и выходит за кого-то другого замуж. Настоящая эмоциональная травма.

Помню, как однажды Сьюзан Сильвер сказала мне: «Джонатан, „Soundgarden“ нужно двигаться дальше. Извини, но они больше не будут у тебя записываться». – Глава лейбла в сердцах шлепает ладонью по столу. – Да плевать! Она говорила таким тоном, как будто имела в виду: «Ты лишаешься средства к проживанию»… Пока на земле есть талантливые люди и люди, которые хотят их услышать, – всегда будет работа и для меня. Я считаю, что самое главное в нашей работе – это построение отношений. «Sub Pop» потерпел неудачу как лейбл в тот момент, когда мы не смогли должным образом выстроить эти отношения, когда мы больше думали о бизнесе, а не о глубине и широте, что и является основой взаимопонимания.

Именно от этого и было так горько, когда «Nirvana» стала вести переговоры с другими людьми, – подытоживает Поунмэн. – Это не было большой потерей… если бы дела не сложились так, как они сложились, «Sub Pop» выжил бы – хоть и стал бы совсем другим.

Тем временем «Nirvana» осталась без ударника. Опять.

В британской прессе стали появляться фантастические предположения о том, кто может занять это место, – немногословный вокалист «Dinosaur Jr» Джей Мэскис (в начале музыкальной карьеры игравший на барабанах), Тэд Дойл, Дэйл Кровер и Дэн Питерс из «Mudhoney». Дэйла пригласили в августе на небольшое турне (8 концертов) по Западному побережью – на разогреве у «Sonic Youth». Но уговорить Кровера уйти из «Melvins» Курт никак не мог, даже если бы захотел.

Как и на демо-записи, Кровер согласился помочь[191], но при одном условии: другим музыкантам не разрешалось ни при каких условиях прикасаться к его барабанам.

– Он сказал: «Только не ломайте мою установку», – вспоминает Дебби. – Дэйл смог объяснить Курту, что это находится за границами дозволенного. По большей части из-за того, что Дэйл не мог позволить себе купить новую ударную установку.

Сам же Дэйл в интервью Майклу Азерраду для книги «Come As You Are» высказался по этому поводу более жестко: «Они не только приняли это условие, но и сами не разбили ни одной гитары за все турне. Я был рад, что они оставили эту тупость.

Курт разбивает гитару – на это уходит порядка пятнадцати минут. По-моему, это убийство: мне кажется, у каждой гитары есть душа. Что уж тут крутого».

– В любом случае, – продолжает Дебби, – «Nirvana» стала набирать обороты. Чед ушел из группы, Дэйл отправился с ними в турне. Все понимали, что это временно. Я была на концерте в Сакраменто. Участники «Nirvana» очень волновались, что им предстоит выступать на одном концерте с «Sonic Youth».

Первое выступление в рамках турне состоялось 13 августа в Лонг-Бич, Калифорния. До начала турне группа остановилась на несколько дней в Сан-Франциско у вокалиста «Melvins» Базза Осборна. Там, по рекомендации Базза, «Nirvana» сходила на выступление вашингтонской группы «Scream». «Scream» играли крепко сделанные, привлекающие внимание песни – такой олдскульный хардкорный панк. «Помню, как Курт говорил после концерта „Scream“ про их ударника Дэйва Грола: „Вот бы нам такого!“» – замечает Кэрри.

На следующий день «Nirvana» и «Sonic Youth» играли в Лас-Вегасе, в здании бывшего борделя – идейный вдохновитель и басист «Sonic Youth» Ким Гордон была в таком восторге от выступления «Nirvana», что все время танцевала на сцене. Хотя впечатлены были не все: «К концу их сета больше людей можно было увидеть скорее на парковке, чем в клубе», – ехидно заметил один радиоведущий. Через три дня группы давали концерт в «Casbah» в Сан-Диего – крошечном клубе на 75 человек, но в тот вечер пришли все 150. Был там и пьяный в хлам Тэд из фэнзина «Флипсайд». «Когда они вышли на сцену, – рассказывал он Кэрри Борцилло-Вренна, – все увидели, что Крист и Курт подстриглись очень коротко.

Визитной карточкой „Sub Pop“ всегда были длинноволосые чуваки, играющие аутентичный панк или гаражный рок. Странно было смотреть, как эти парни играют абсолютно чокнутую, тяжелую музыку. Но получилось круто. Они справились с этим».

– В свои выходные дни играли небольшие концерты ради денег, например в Сан-Диего, – отмечает Антон Брукс. – На вечеринке после концерта, помню, Курт с кем-то трахался, и нам пришлось ждать его, прежде чем мы поехали обратно в Лос-Анджелес. Крист пытался украсть свинью. Мы остановились на бензоколонке неподалеку от фермы. Крист переживал, что свинью пустят на бекон. Он пытался поймать ее своим джемпером и говорил: «Она может ехать с нами – жить в дороге! Будет о чем порассказать поросятам! Я дарую ей свободу!»

Затем группы отправились в Сан-Франциско – благодаря предыдущим выступлениям на концерт пришло много народу.

Затем Портленд и Сиэтл, где «Nirvana» выступила 24 августа в клубе «Moore Theatre». На разогреве у них играла Джули Кафриц со своей дерганой пост-нойз группой «STP», последователями «Pussy Galore».

– Помню, как мы приехали к «Melvins» в Сан-Франциско, – вспоминает Антон. – Было жутко холодно. Базз с подружкой жили в большом доме, как у семейки Адамс, – куча кукол и прочего странного хлама. Мы сели смотреть «Симпсонов». Дэйл сидел в одних трусах, засунув в них палочки. Он выглядел очень бледным – особенно на фоне черных волос. Мы часами смотрели «Симпсонов»…

Во время того турне с Дэйлом Курт и Крист познакомились с менеджером «Sonic Youth», остроумным, демоническим Джоном Сильва[192] и – через него – с Дэнни Голдбергом, приобретшим известность как пресс-секретарь «Led Zeppelin» и глава американского отделения лейбла «Swansong» той же группы[193].

– У меня была управляющая компания, «Gold Mountain», – говорит Голдберг. – В какой-то момент я понял, что не знаю ничего о новом поколении рок-н-ролла. Мне нравились «House Of Freaks» [южный фолк-блюз]. Их менеджером был Сильва, умный парень, которому требовалось поле применения своего таланта. Именно он продвинул «Redd Kross». Спустя полгода мы подписали «Sonic Youth» – и вскоре они выпустили «Goo». Мы засветились, «Sonic Youth» ценились всеми. Торстон, в частности, лучше всех разбирался в современной музыке. По сути, он был величайшим менеджером своего времени.

Иногда по ходу турне «Sonic Youth» брали с собой «Nirvana» на другие концерты, – продолжает Голдберг. – Сильва был просто в восторге от «Nirvana», Торстон позвонил мне и уверял, что это крутая группа. Я на сто процентов полагался на его мнение. Если он был в восторге, я тоже был в восторге. Я позвонил юристу, и «Nirvana» приехала в Лос-Анджелес на встречу с нами. Курт говорил немного, больше выступал Крист. Я знал, что мы хотим с ними работать, и они хотели работать с нами, потому что в свою очередь доверяли «Sonic Youth». Это были не очень трудные переговоры.

«Sub Pop» уже не устраивал «Nirvana», – отмечает Дэнни. – Во-первых, Курт считал, что группе мало платят, во-вторых, он хотел большей аудитории. На первой встрече я сказал, что, по-моему, «Sub Pop» – хороший лейбл, но они ответили: «Мы не хотим работать на „Sub Pop“, мы хотим быть на мейджоре. Если придется заплатить „Sub Pop“ – ладно». Курт Кобейн хотел стать тем, кем он стал, бросить вызов и завоевать самые крупные

площадки мира – без сомнений.

До того как «Nirvana» отправилась в турне с «Sonic Youth», «Sub Pop» рассчитывал, что они запишут еще один сингл, однако Дэйл Кровер все еще находился в Сан-Франциско. Между тем «Mudhoney» были на грани развала…

– Мы не распались, – утверждает Дэн Питерс. – Стив [Тернер, гитарист] хотел вернуться в университет. Не уверен, что мы себе вредили, но уж точно не помогали – пару раз мы упустили отличные возможности. Но в этом вся суть «Mudhoney». Мы никогда не стремились к успеху.

Летом 1990 года Дэн столкнулся в клубе «The Vogue» с Шелли – и сказал, что с удовольствием займет вакантное место ударника в «Nirvana».

– Я всю жизнь боролся за то, чтобы заниматься тем, чем я занимался в «Mudhoney»; я был не готов от этого отказаться, – объясняет он. – Я подумал: «Какого хрена? Мне чуть больше двадцати, и я ничего не умею – только играть на ударных».

Удивленная и польщенная его предложением, «Nirvana» согласилась. Дэн сразу же стал репетировать с Куртом и Кристом в «The Dutchman». Музыканты купили Дэну огромную побитую ударную установку, опасаясь, что его небольшая система будет заглушаться громкостью их гитар. Дэн от нее отказался, взяв себе только бас-бочку.

– Это была большая куча дерьма, – лаконично говорит ударник. – Если бы я знал, что они это всерьез, я в любом случае нашел бы себе другую установку.

Я: Нам, англичанам, казалось, что это отстой – когда Дэн Питерс покидает «Mudhoney» ради «Nirvana».

– Это был выбор Стива, – пожимает плечами Питерс. – К тому моменту я уже фанател по «Nirvana». У [Мэтта] Люкина был EP-диск «Blew», когда мы давали концерт в Юджине (Орегон). Планировалось, что мы будем ночевать у кого-то в гостях, но мы с Мэттом решили: «На хрен, будем спать в фургоне». Мы сидели в фургоне, курили травку, пили пиво и слушали «Nirvana». Когда я услышал песню «Been A Son», я подумал: «Черт, это же охрененная песня». Мы ставили ее снова и снова.

Я: Сколько концертов ты сыграл с «Nirvana»?

– Один. Один концерт – и одну сессию в студии, – морщится ударник.

Я: Ты всерьез планировал играть вместе с «Nirvana» постоянно?

– Да. Тогда, особенно учитывая, что творилось с «Mudhoney», это было более чем реально. Если бы все срослось, думаю, я

остался бы с «Nirvana». Они приезжали из Такомы, какое-то время тусовались, потом Крист заходил за мной, я залезал в фургон, и мы ехали на репетиционную базу. Курт спал на заднем сиденье. Мы приезжали, Курт просыпался, входил в студию, включал гитару и говорил: «Я не слышу барабанов». – «Я тоже!» Он просто перегружал усилитель. Особенных репетиций не получалось. Однажды мы пошли выпить по пиву после репетиции. Я сказал: «Чуваки, чего вы хотите? Если вы ищете другого ударника, скажите, я уйду – мне не нужны прослушивания». Они отвечали: «Не-не-не, у нас будешь играть ты!»

Я: Ты с ними играл «Teen Spirit»?

– Нет. Вот «Pay To Play» – играл. «In Bloom» – играл. После ухода из «Nirvana» я съездил в полноценное турне со «Screaming Trees». Я очень клево проводил время с Марком Лэнеганом. Он не пил пять лет, а после этой поездки снова запил. К несчастью, позже он подсел и на наркотики.

Композиция «Sliver» была написана за пару минут на одной из репетиций вместе с Дэном. На тот момент это была самая попсовая песня Курта, автобиографичная, ужасно наивная и веющая Олимпией – повторяющийся припев «Grandma take me home» («Бабушка забрала меня домой»), выкрикиваемый снова и снова, с нарастающим отчаянием. Начинается песня достаточно безобидно, как будто «The Sonics» решили написать грустную песню, а потом следуют взрыв фрустрации и хаос элекрогитар и дисторшна. Припев яростен, куплеты наивны и сдержанны. Мальчик не хочет оставаться с дедушкой и бабушкой, без еды, без игрушек – совершенно один. Ему грустно. Он одинок. Он хочет домой. Что здесь может быть непонятного?

– Мама с папой куда-то ушли, оставив ребенка бабушке с дедушкой; тот перепугался, он не понимает, где он, – объяснял Курт журналисту «Мелоди мейкер» Пушу в декабре 1990-го. – Но погодите, не стоит так за него переживать – дедушка ничего плохого ему не сделает. А в последнем куплете он просыпается на руках у мамы.

Сингл был записан в тот момент, когда «Tad» прервали свою сессию на обед – примерно за полтора часа, – 11 июля в студии «Reciprocal».

– Мы позвонили Тэду и спросили, можно ли подъехать и записать песню, – рассказывал Курт Пушу. – Мы играли на их инструментах, пока они тут же сидели и ели. Но это обычная практика. Мы записывали «Bleach» как на радиосессии. Чтобы сделать успешный альбом, нужно успеть записать песни в студии, пока они вам самим не осточертеют.

– Не понимаю, почему мы записывались в такой спешке, –

вспоминает Питерс. – Джек слонялся поблизости, а мы взялись за их инструменты. Я сидел за установкой Стива из группы «Tad», и все уже было настроено.

«Sliver» в конце концов был выпущен в Великобритании в декабре – сингл предназначался для поддержки турне, которое в очередной раз не состоялось. Песня длилась немногим более двух минут и, по выражению Пуша, была «самой настоящей чертовой поп-песней» – посередине между двумя самыми попсовыми песнями с «Bleach», «About A Girl» и «Swap Meet». На би-сайд была выбрана более тяжелая «Dive», записанная с Вигом, – на обложке диска приводился отрывок из диалога между Джонатаном Поунмэном и похмельным Кристом Новоселичем[194].

Я: Как тебе тот единственный концерт, который ты с ними отыграл?

– Вышло прикольно, такой хаос, куча людей забирались на сцену, – отвечает Дэн. Концерт состоялся 22 сентября в Сиэтле, в «Motor Sports Arena» – самый крупный концерт «Nirvana» на тот момент, 1500 зрителей; «Melvins», Dwarves, панк-группа «The Derelicts» на разогреве. Куча людей прыгали со сцены. И вообще не было охраны.

Я: В одной из биографий «Nirvana» написано, что этот концерт стал поворотным моментом.

– Наверное, так и было. Крутой концерт получился. «Mudhoney» уже выступали там, и это был один из первых случаев, когда на эту огромную старую арену пустили всяких раздолбаев. Нас спросили: «Сколько проходок за сцену вам нужно?» Курт и Крист ответили: «Две». Я сказал: «Мне сорок». Я всех своих друзей провел за сцену. Не сказать, что там много кто ходил, но мы смогли пронести все бухло через задние двери. Мне бы самому хотелось, чтобы мне рассказали, что там происходило. Я не очень-то хорошо помню то выступление.

Дэн Питерс уже считал себя новым ударником «Nirvana», особенно после того, как 23 сентября поучаствовал в фотосессии для британского музыкального журнала «Саундс». Но, не ставя Дэна в известность, «Nirvana» уже подыскала себе другого барабанщика – 21-летнего участника группы «Scream» Дэйва Грола.

– Курт позвонил мне, чтобы сказать, что на прослушивание приедет новый ударник, – вспоминает Антон Брукс, – из Вашингтона или Лос-Анджелеса – не помню откуда.

– После этого я узнал кучу всяких подковерных штук, – говорит Дэн. – Я был на вечеринке – на следующий день после концерта, после этих фотографий для «Саундс», после интервью, где меня выставили идиотом. Дэйв на заднем фоне сидел и

ехидно улыбался. Сказать мне прямо у этих козлов кишка была тонка. Вот что меня бесит. Я не хочу чувствовать себя идиотом. Я, черт возьми, из «Mudhoney». Пошли вы, чуваки, на хрен.

– Не то чтобы мы были недовольны тем, как играл Дэн, – рассказывал Курт Пушу, журналисту из «Мелоди мейкер». – Просто Дэйв по своим качествам подходил нам немного лучше. Например, он может петь бэк-вокал. Мы были потрясены, увидев его на выступлении «Scream», и поняли, что с удовольствием позвали бы его в «Nirvana», будь у нас возможность. По иронии судьбы, эта возможность выпала через неделю после того, как с нами начал играть Дэнни. Сложилась тяжелая ситуация, но мы хотели, чтобы Дэн вернулся в «Mudhoney». Мысль о том, что «Mudhoney» может прекратить свое существование из-за того, что Дэн ушел к нам, была для нас просто невыносима.

– Речь никогда не шла о моем уходе из «Mudhoney», – говорит Дэн. – Мы («Nirvana») должны были отправиться с «L7» в турне по Англии, когда Курт и Крист выберут лейбл. Курт однажды позвонил мне и сказал: «Похоже, мы подпишем контракт с „Geffen“». Я ответил: «Хорошо, а что с Англией?» Он сказал: «Насчет этого я и звоню. Хотел поставить тебя в известность – у нас другой ударник, мы взяли Дэйва». Я ответил: «Ладно, перезвоню позже», – и повесил трубку. Я скорее обрадовался, чем огорчился – не могу сказать, что меня с этими чуваками что-то сильно связывало.

25 сентября после прослушивания Дэйва Грола Курт отправился в Олимпию, на радиопередачу Кэлвина Джонсона «Boy Meets Girl» на радио «KAOS», где сыграл четыре песни. Его выступление было настолько спонтанным, что застало врасплох даже Тоби Вэйл. «У меня есть кассета, – говорит она, – но она прерывается на половине, нужно переворачивать. Качество тем не менее очень хорошее». Курт просто вживую играл на акустической гитаре в студии радиостанции: «Lithium» (и по интонации, и по структуре сыграно очень похоже на тот вариант, который вошел на «Nevermind»), «Dumb», «Been A Son» и едкая панковская песня – сейчас раритетная – «Opinion», откровенная критика хипстеров и снобов из Сиэтла.

Курт не преминул возможностью прорекламировать нового ударника «Nirvana». «Это будущий Дэйл Кровер, – уверял Курт горстку кэлвинистов. («Кэлвинисты» – уничижительный термин, придуманный то ли Куртом, то ли Кортни для тех, кто попал под влияние харизматичного основателя «К»: и действительно, Кэлвин Джонсон может внушить почти религиозное поклонение. «„Кэлвинисты“ – это жители Олимпии в возрасте от 16 до 50, они носят шляпы и свитера с надписями „Leave It To Beaver“,

обожествляют Кэлвина и повсюду за ним следуют, – саркастически говорил мне Курт в 1992 году. – Они приносят ему дары, у них есть жертвенники Кэлвину, ему ставят свечи, как иконе. Какая-то хрень происходит».) – Его зовут Дэйв Грол, он играет почти так же хорошо, как Дэйл. Через пару лет, когда он наберется опыта, он, наверное, будет зарабатывать куда больше Дэйла».

Дополнение 1: «Sonic youth»

Я: Курт боготворил «Sonic Youth» – как он себя вел во время вашей первой встречи? Волновались ли парни из «Nirvana» перед выступлением у вас на разогреве во время турне по Западному побережью?

Ли Раналдо (гитарист «Sonic Youth»): Курт стеснялся. Очевидно, он был очень рад выступать с нами вместе, но вел себя сдержанно. Все получилось как-то по-братски – на сцене были две равные друг другу группы. Наши поклонники сразу же приняли «Nirvana» очень тепло.

Я: У «Sonic Youth» были контракты с «Gold Mountain» и «DGC». «Nirvana» позднее также заключила контракты с обеими компаниями. Рекомендовали ли вы «Nirvana» этим лейблам? Вы представляли тогда, какой будет популярность «Nirvana»?

Ли: Тогда было тяжело предугадать, насколько вырастет их популярность, – я не думаю, что кто-либо тогда это понимал. А они видели, что наши дела идут хорошо и что у нас контракты с «DGC» и «Gold Mountain» – для них, только вступающих, причем резко, в мир большого бизнеса, это было лучшей рекомендацией. По-моему, Дэйв и Крист больше понимали в бизнесе, чем Курт, но я никогда не считал, что у него нет своих определенных взглядов на все их деловые операции.

Я: Как вы лично относились к «Nirvana»?

Ли: Я считал, что они невероятно интересны, и я согласен со многими, кто говорит о прекрасном сочетании необработанной мощной энергетики и мелодичности в духе «Beatles».

Я: В чем, по-вашему, проявилось влияние «Sonic Youth» на «Nirvana» и на то, что называется достаточно размытым понятием «музыка Сиэтла»? Есть ли какое-то сходство между «Nirvana» и группами вроде «Mudhoney»?

Ли: Если мы и повлияли как-то на них и на остальные команды из Сиэтла, то музыкальным это влияние было в последнюю очередь. Сначала нужно говорить о способе выживания группы в тогдашних условиях – мало лейблов, мало

денег, практически никакого освещения в прессе. У групп с тихоокеанского Северо-Запада – и прочих, вроде «The Laughing Hyenas» [гаражный блюз-панк из Энн-Арбор], «Die Kreuzen» [интересная хеви-металл-группа из Милуоки], «Dinosaur Jr», – мы заимствовали более «рокерское» отношение к музыке. Мы на нем выросли, но потом его оттеснило влияние групп из Нью-Йорка, не меньше склонных к экспериментам и расширению границ, чем к порывам рок-н-ролльной ностальгии. Гранж вновь открыл нам глаза на эти забытые вещи – на все, что мы так любили в этой яростной громкой музыке.

Дополнение 2: Менеджеры

– Курт предлагал мне стать менеджером «Nirvana», – рассказывает Кэндис Педерсен. – Мы разговаривали об этом до того, как в 1990 году я уехала в Сан-Франциско. Мне кажется, я справилась бы, но меня устраивала работа в «К».

Я: Какой менеджер был им нужен?

– Им требовался прагматичный человек, который будет хорошо к ним относиться, – отвечает Педерсен. – Одна из причин, по которой мы с Куртом ладили, заключалась в том, что мы происходили из одного класса, – хотя принято считать, что в США нет классовых различий, они тем не менее есть. Кроме того, мой жизненный опыт был похож на опыт Курта. Мы просто понимали друг друга лучше. К тому же со мной было весело, и я трезво смотрела на вещи: это не могло не помочь.

Мы происходили из рабочих – или еще более бедных – семей, но это ничего не значило для тех людей, с которыми мы общались. Я очень долго спорила с Иэном Маккеем по этому поводу – он утверждал, что деньги не должны ничего значить. Люди, у которых есть деньги, всегда так говорят, ведь у них есть страховка. У нас не было страховки. Даже не знаю, почему я решила пойти в колледж, – никто из моих родственников не имел образования. У меня не было ни гроша, у моих родителей не было ни гроша, и они меня всячески отговаривали от учебы. Мы с Куртом были обыковенным белым отребьем. Иэн рассказывал, как они за ужином играли в слова, Кэлвин говорил о книгах, которые они читали, – а мы ели макароны с сыром прямо из сковородки.

Глава двенадцатая
Монстр рока

Меня удивляют некоторые критики, которых обманывает кажущаяся инертность таких групп, как «Nirvana» и «Teenage Fanclub»[195]*, и которые принимают это за какое-то особенное неправильное отношение или за лень. Конечно, сама по себе инертность ничего не значит, но у обеих групп есть до хрена мелодий, скрывающихся под внешней оболочкой, так что просто невозможно не услышать их, когда они льются на тебя из колонок.*

Возьмите, например, «Sliver». Да, слова лениво выплевываются, гитара агрессивно-гранжевая, бас разболтан… но вслушайтесь в мелодию, чертовы придурки, вслушайтесь в мелодию! Эта песня не стала синглом недели лишь потому, что на этой неделе были выпущены три еще более крутых сингла[196]*.*

Понятно?

Рецензия автора на «Sliver», журнал «Мелоди мейкер», 1 декабря 1990 года

Дэйв Грол родился 14 января 1969 года в городе Уоррен, штат Огайо.

Отец Дэйва Джеймс работал в местном отделе газеты «Скрипс-Ховард». Его мать Вирджиния преподавала в школе английский язык. Родители имели отношение к музыке: папа был профессиональным флейтистом, мама в подростковом возрасте занималась пением. Когда Дэйву было три года, его семья – в том числе и его сестра Лиза, старше Дэйва на три года, – переехала в Спрингфилд (Северная Виргиния). Этот город, в котором жили в основном представители среднего класса, находился в шести милях вверх по шоссе 95 от столицы США Вашингтона. Родители Дэйва развелись, когда ему было шесть лет, и матери пришлось растить двух детей в одиночку. Она воспитывала их в соответствии со своим – достаточно либеральным – представлением о мире. Большое внимание уделялось и творческому развитию.

– Когда мне было около двух лет, – вспоминает Дэйв, – родители взяли меня с собой на ярмарку штата Огайо. У отца была журналистская аккредитация, поэтому мы сидели в ложе прессы, откуда я смотрел выступление «The Jackson Five». – Барабанщик смеется: – Я этого совсем не помню.

Когда Дэйву было 11 лет, он организовал дуэт со своим другом Ларри Хинклом. Ларри бренчал на кухонной утвари, а Дэйв на однострунной гитаре – так они записывали на магнитофон «Fairfax County» песни о друзьях или о своей собаке. На Рождество 1981 года Дэйву подарили гитару «Sixties Silvertone» со встроенным усилителем; позднее весной того же года он сменил ее на черный «Gibson Les Paul».

– Я играл с друзьями из своего района, – говорит Грол. – Играл в гаражах и подвалах, блюзовые песни и песни «Stones», простую хрень. Снимал на гитаре песни «Beatles» по антологии, которую мне подарила мама на Рождество.

Он даже брал уроки около года, пока не решил – как в свое время Крист и Курт, – что музыке его не научат.

– Меня отправили на эти занятия, потому что всем надоело слушать «Smoke On The Water», – замечает он с улыбкой.

Дэйв начал играть на ударных в раннем возрасте, но своей установки у него не было до 17 лет – к этому моменту он уже 3–4 года играл на барабанах в разных группах.

– У нас был небольшой дом, – объясняет он, – и мне было бы некуда поставить установку. Чаще я ждал, когда ударник из моей группы уйдет домой после репетиции, после чего садился за установку и играл.

Ударными я не интересовался до тех пор, пока не услышал песню «Frankenstein» Эдгара Винтера [хит номер один 1973 года, блюзовый инструментальный номер], – продолжает Грол. – До этого момента я слушал то же, что и мои родители или сестра, – в основном поп-музыку и вещи вроде «Вестсайдской истории», Карли Саймон[197] и «The Beatles». Но когда я услышал «Frankenstein», я подумал: «Ничего себе, эти музыканты реально играют, здесь все круто, риффы, клавишные, ударные». А это была инструментальная композиция, поэтому музыка была в центре внимания.

Тем летом один из моих кузенов подарил мне диск «2112»[198] группы «Rush». Не знаю как, но когда я слушал «2112», я понимал, что каждый из барабанов делает в каждый момент. Мне было ясно, что вот этот звук – это хай-хет, это райд, а это крэш, тут малые томы, а тут – большие. Я узнал все о барабанах по этому диску. Я разложил подушки на кровати и на полу и бил по ним огромными палочками, которые стащил у друга.

Благодаря другому родственнику – кузине Трэйси Бредфорд из города Эванстон (штат Иллинойс) – летом 1982 года Дэйв познакомился с панком. Это произошло во время семейного визита. «Трэйси была на 2–3 года старше меня, – писал Дэйв в биографии своей нынешней группы „Foo Fighters“ – Мы

постучались в их дверь, но встретила нас уже другая Трэйси – не та, которую я любил с детства. Это была Трэйси-панк: кожаные штаны, ирокез, цепи и все такое. На меня это произвело охренительное впечатление. Те несколько недель в Эванстоне изменили мою жизнь навсегда».

– С тех пор мы стали настоящими панками, – рассказывал Дэйв Майклу Азерраду. – Мы приехали домой, купили «Maximumrockenroll» и пытались понять, о чем там пишут.

Благодаря Трэйси Дэйв открыл для себя целый мир панковских групп, дисков и журналов, сильно отличавшихся от его ранних представлений об этом жанре: появления «B-52» в шоу «Saturday Night Live» и первого альбома «Devo». В этом заключалось отличие панк-рока от хардкора, моды от образца для подражания.

– До Трэйси панк-рокеров я видел только в сериале «Квинси», – говорит Грол, имея в виду рейтинговую американскую телепередачу о судмедэксперте из Лос-Анджелеса докторе Квинси. Дэйв, скорее всего, путается в датах, поскольку серия «Квинси», где появляется панковская субкультура Лос-Анджелеса, вышла в декабре 1982 года. По сути, это был убогий плагиат документальной передачи Пенелопы Сфирис о панке под названием «Упадок западной цивилизации», вышедшей годом ранее.

– Пэт Смир [гитарист «Germs»] участвовал во множестве подобных передач, – смеется Дэйв, – потому что панки из Лос-Анджелеса поняли, что на этом можно заработать, и, черт возьми, валом туда валили. Я думаю, Кортни [Лав] тоже этим занималась. Наверное, Пэт с Кортни именно так и познакомились. Но больше я о панк-роке ничего не знал. Я просто охренел, когда обнаружил, что все легендарные хардкорные группы находятся у меня под боком. Мне потребовалось время, чтобы их найти, потому что они не играли в ночных клубах: все происходило в районных заведениях или залах католических организаций[199].

Между ними было много общего – между хардкор-командами из Вашингтона во главе с гуру стрейтэджа вокалистом «Minor Threat» и «Fugazi» Иэном Маккеем и его лейблом «Dischord» и панками из Олимпии. И у тех, и у других музыкантов существовали одинаковые принципы и одинаковая мотивация: музыка для них была естественным продолжением их повседневной жизни – и наоборот. Главное различие между ними заключалось в том, что в Олимпии царила более либеральная культура, женское начало, тогда как Вашингтон был более маскулинным – за исключением независимых продюсеров вроде

Дженни Туми, основателя лейбла «Simple Machines».

– Нельзя сказать, что я всю свою жизнь ходил на рок-концерты, – объясняет Дэйв. – Впервые я побывал на живом выступлении в 1982 году – это был концерт группы «Naked Raygun»[200] в клубе «Cubby Bear» в Чикаго. Мне тогда исполнилось тринадцать. Впечатление осталось замечательное – мне нравилась эта атмосфера, никаких напрягов, кругом полно народу. Я болтал с вокалистом, прыгал по чьим-то головам, и мне было абсолютно комфортно в общении с группой и с толпой.

Потом я стал плотно слушать панк и хардкор – и именно тогда я научился играть на ударных, слушая «Bad Brains»[201], «Minor Threat» и «nomeansno» – в основном панк-группы.

Первый «крутой» концерт, на котором я побывал, назывался «Монстры рока» – на стадионе в Вашингтоне, – морщится Дэйв. – Там выступали «Kingdom Come», «Metallica», «Dokken», Scorpions» и «Van Halen». Мне все это казалось настоящей фантастикой. Это было спустя пять или шесть лет после концерта «Naked Raygun», все эти годы я ходил на «Corrosion Of Conformity»[202], «Bad Brains», «MDC» по небольшим клубам. «Крутым» считался концерт на 2500 человек. И тут – выступление на стадионе, где звук от малого барабана доходит с запозданием в четыре секунды… Полная лажа.

По иронии судьбы, нынешняя группа Грола «Foo Fighters» добилась успеха, играя именно стадионный рок. «Nirvana» чувствовала себя достаточно неуютно, выступая на площадках свыше определенной вместимости, тогда как «Foo Fighters» с самого начала восприняли этот дух стадионов, зажигалки и все прочее.

Если бы все шло так и дальше, то юный Грол был бы идеально подготовлен к панку: грубоватый, гиперактивный парень, он тусовался по всему городу и курил травку.

– Дэйв был самым непоседливым чуваком, которого я когда-либо видел, – говорит его друг юности Баррет Джонс. – Гиперактивный, очень худой. Настоящий маньяк. Он всегда что-нибудь ломал у меня дома. Я был просто поражен, когда первый раз увидел его спящим.

Летом 1984 года Дэйва взяли гитаристом в местную панк-команду «Freak Baby».

– Нас никто не знал, – смеется он. – У нас была демозапись, которую мы продавали в местном музыкальном магазине [панк-магазин «Smash»]. Мы постоянно где-нибудь выступали.

Демокассета была записана в будущей студии Баррета Джонса «Laundry Room» [«Прачечная»] – в доме родителей Джонса в Арлингтоне. Пульт звукорежиссера на самом деле

находился в комнате со стиральной машиной, а группа играла в двух метрах оттуда – в комнате Баррета.

– Следующая группа называлась «Mission Impossible», – продолжает Грол. Она играла перегруженный хардкор: сдерживаемая тинейджерская энергия и абсолютно хаотические ударные. – Мы даже играли мелодию из одноименного фильма – это было просто смехотворно. Мне было пятнадцать. Наш ударник, Дэйв Смит, играл не очень круто – поэтому он дал мне палочки, а сам взял гитару; с тех пор я стал играть на ударных.

Его новая группа заработала хоть и небольшое, но признание: Иэн Маккей публично заявил, что они ему нравятся; музыканты выступили на разогреве у «Trouble Funk»[203] на концерте в школе; они даже записали совместный сингл с местными звездами «Lunchmeat»[204] на лейбле «Dischord».

– «Mission Impossible» распалась, и Дэйв стал играть с группой «Dain Bramage» вместе с моим соседом по дому и с тем же басистом [Дэйвом Смитом], – вспоминает Баррет. Группа с ужасным названием «Dain Bramage» записала один альбом, «I Scream Not Coming Down», на лос-анджелесском лейбле «Fartblossom». – Несколько демо-кассет мы записали с «Dain Bramage» в моем новом доме. Группы играли и записывались в нашей гостиной. Там был просторный стенной шкаф – он служил операторской[205]. Именно там сделаны первые записи «Pussy Galore»[206] и «Flat Duo Jets»[207].

– Тогда мы начали принимать кислоту и слушать каждый день «Houses Of The Holy» [альбом «Led Zeppelin» 1973 года, в который вошла песня «Rain Song»], – объясняет Дэйв. – Наш вокалист и гитарист Ребен Раддинг познакомил нас с Томом Верленом [вокалистом нью-йоркской арт-панк-группы 70-х «Television»], нью-йоркским ноу-вейвом и пост-панком – например, «Mission Of Burma»[208] и «R.E.M.». Мы выбивались из общего ряда вашингтонских групп вроде «Rites Of Spring», «Embrace», «Beefeater» и прочей хрени «летней революции»[209] – мы были рок-группой с хардкорной ритм-секцией. Именно тогда меня стала привлекать мелодичная музыка, совмещенная с агрессивной ритм-секцией. «Hűsker Dű» – с этой группой нас чаще всего и сравнивали.

– Когда я познакомился с Дэйвом, он носил прическу «каскад», – смеется Баррет, – длинные волосы, свисающие на шею. Он стучал очень жестко, но мог играть и более раскрепощенно. Любимым его ударником был Дэйл Кровер.

Кровер – и псих из «Led Zeppelin», Джон Бонэм[210]. «Я копировал его как сумасшедший, – рассказывал Грол Азерраду. На ударной установке Дэйв нарисовал логотип Бонэма – три

круга. Позднее этот логотип он в разных вариантах вытатуировал на своих руках. – Я был просто поражен Бонэмом, его чувством ритма. Он до сих пор самый лучший рок-барабанщик в мире, просто гений. Когда мне было тринадцать, я сделал себе татуировку „Black Flag“ – иголкой и чернилами, как в тюрьме».

В 1986 году Дэйв Грол присоединился к группе «Scream». Команда начинала на лейбле «Dischord», но к моменту прихода Грола заключила контракт с регги-лейблом «Ras» и уже записала свой четвертый лонгплей под названием «No More Censorship», явно под влиянием группы «Bad Brains». Дэйв принял участие в записи двух концертных и одного студийного альбомов с большим уклоном в хардкор.

– Я съездил с ними в одно турне по Америке в 1987 году – в качестве звукооператора и роуди, – говорит Баррет Джонс. – Было очень прикольно. Большинство концертов устраивалось молодыми чуваками, но клубы всегда были достаточно большие – на триста-пятьсот человек. Однажды, на концерте в Техасе, в старой компании по продаже гробов, не оказалось никакой аппаратуры. Кто-то пытался принести собственный аппарат – небольшой усилок для гитары и микрофон. После концерта организатор отказался платить группе и достал пушку. В Техасе живут одни психи.

– «Scream» – легендарная группа, – объяснял Грол Стиви Чику. – Большинство вашингтонских команд родом из округа Колумбия или из Мэриленда. Виргиния ведь находится на самой линии Мэйсона – Диксона. Если отъехать чуть южнее округа Колумбия – уже начинается «Юг». Хоть я вырос и не в рабочей семье, но в детстве охотился на уток и ездил на пикапах. Люди из Виргинии считались чуть более провинциальными, лузерами по сравнению со всеми остальными. Попасть в хардкор-команду из Вашингтона было практически нереально – человеку со стороны там очень сложно оказаться.

Но «Scream» были просто отморозками. Первый раз я их увидел в 1983 году, еще мальчишкой – а они уже зажигали. И они были из Виргинии! Когда я узнал об этом, то чуть не спятил. Они были моими кумирами.

Однажды в 1986 году я зашел в местный музыкальный магазин в Фолс-Черч, Виргиния, купить барабанные палочки. На стене объявлений среди прочего я обнаружил следующее: «„Scream“ нужен ударник, звоните Францу». Ох-ре-неть! Я позвонил Францу, прибавив себе лет – мне было тогда семнадцать, но я сказал, что двадцать два, – и уговорил его дать мне шанс. Он попросил меня сыграть чью-либо песню – «Zeppelin» или «AC / DC». Я сказал: «Нет, давайте сыграем что-нибудь из

„Scream“». Мы прошлись по всему их репертуару, от ноты до ноты, и они предложили мне играть с ними. Я испугался, потому что они ездили по всей Европе, по всем Штатам, а я не бывал дальше Огайо. Пришлось бросить школу. Это было непросто, но я сделал это.

Но в «Scream» тоже не все шло гладко. Мы ездили в турне по США уж и не помню сколько раз. Мы жили в дороге, поэтому не искали работу дома. Особых денег не было, но всегда находилось место для ночлега, кто-нибудь нас кормил, иногда перепадало по паре пива после концерта. И это нормально. Но потом в самой группе стало твориться всякое – люди начали уходить, потому что больше не выдерживали; мы находили замену, потом люди возвращались, уходили снова – и опять. Кто-то скалывался. Я уже начинал подумывать о том, что работа на мебельном складе это не так уж и плохо. Что семь долларов в день – не совсем достаточно; наесться досыта можно только в «Тако Белл». Я все больше курил – а это тоже немалые траты. Все эти мысли стали появляться в 1990-м, когда мы были в Лос-Анджелесе, в нашем последнем турне – когда басист просто ушел из группы, ничего никому не сказав.

Я позвонил Баззу из «Melvins» и сказал: «Скитер опять ушел, все зависло». Он спросил: «Что собираешься делать?» Я ответил: «Понятия не имею, никто не хочет выпускать диск, а у меня нет денег». Я тогда укладывал плитку в кофейнях в Коста-Меса, чтобы заработать на пропитание. Он говорит: «Ты слышал что-нибудь о „Nirvana“? Эти парни были на концерте в „I Beam“ в Сан-Франциско и видели, как ты играешь. Им сейчас нужен ударник. Может быть, стоит им позвонить».

Я взял номер телефона и стал ждать, – продолжает Дэйв. – Я уже достаточно много потерял, но и представить себе не мог, что уеду из Виргинии. После нескольких голодных дней я подумал – да какого хрена? Позвонил Крису и сказал «привет». Потом спросил, нужен ли им ударник. Они ответили, что уже позвали Дэна Питерса. Но обещали звякнуть, как приедут в город, – выпьем, повеселимся. И все.

Они перезвонили тем же вечером и сказали, что было бы неплохо, если бы я приехал к ним порепетировать. Я разговаривал с ними еще несколько раз, мы обсуждали музыку. Они оба знали и любили «Scream». У нас было много общего: нам нравилось все, от Нила Янга до «Public Enemy», от «Black Flag» до «Black Sabbath». С самого начала казалось, что мы идеально подходим друг другу. Я купил диск «Bleach» и послушал его раз десять. Потом пошел в супермаркет и купил большую картонную коробку. Я разобрал свою ударную установку, упаковал все

барабаны в коробку, кинул туда свой рюкзак, заклеил все клейкой лентой и полетел в Сиэтл.

Я не знал, чего ожидать. «Nirvana» я видел только на обложке «Bleach», и они казались мне грязными, долбаными байкерскими выродками. Я не ожидал, что в жизни они окажутся такими приятными. Когда приехал туда со своей коробкой, Крис и Курт встретили меня в аэропорту.

Желая показать свое дружеское расположение, Дэйв предложил Курту яблоко. «Нет, спасибо, – отказался Курт. – У меня от них десны кровоточат».

Мы забрались в их старый фургон, – продолжает Дэйв, – и отправились домой к Крису, где я с тех пор стал жить.

– Моя квартирная хозяйка [в Вашингтоне] как-то узнала, что у меня дома студия, и просто вышла из себя, – вспоминает Баррет Джонс. – Она пришла вечером, когда у нас была репетиция группы, и начала орать. Дала мне две недели, чтобы убраться оттуда. В это же самое время в Лос-Анджелесе распались «Scream». Я пытался уговорить Дэйва вернуться, чтобы мы могли вплотную заняться нашей группой [«Churn»]. Он упомянул об одной команде из Сиэтла – о «Nirvana». Он собирался произвести на них впечатление. Я знал, что так и будет. Потому что нельзя отрицать, что он очень крутой барабанщик.

– Я жил у Криса в Такоме около полутора месяцев, а потом переехал в Олимпию к Курту, – рассказывает Дэйв. – Мы жили в крошечной квартире, которая была вся раздолбана, настоящая гребаная свалка. Я там только спал: ложился спать в 6.30 утра – солнце там зимой тогда еще не всходило – и просыпался около 16.30, как раз к закату.

Мы очень много репетировали в амбаре в Такоме [новая репетиционная база «Nirvana» – с коричневым ворсистым ковром и громоздкими шипящими динамиками]. Телевизора у нас не было, только небольшая стопка дисков, магнитофон и повсюду сигаретные окурки и палочки из-под корндогов. Иногда по ночам было очень тихо – Курт в своей комнате писал тексты, дневники, поэзию или еще что-нибудь. А я жил на диване 140 сантиметров в длину (мой рост 180 сантиметров) – это был настоящий кошмар!

Первое выступление Дэйва с «Nirvana» состоялось 11 октября 1990 года в Олимпии, в клубе «North Shore Surf Club». О концерте объявили за один день – все билеты были раскуплены. «„The Surf Club“ – большой, пустынный бар, куда вмещалось около трехсот человек, – вспоминал Слим Мун. – Все просто сходили с ума по „Nirvana“. Что-то изменилось с приходом Дэйва Грола. Внезапно они стали казаться намного более крутой группой».

Во время первой песни – кавера на «Son Of A Gun» «The Vaselines» – дважды вышибало электричество. А Дэйв молотил с такой силой, что сломал малый барабан. Курт взял его и поставил на передний край сцены – в знак того, что в группе появился новый – и последний – ударник.

– Если он уйдет, группы не будет, – заявил Крист.

Но окончательно Грола взяли в последний момент. Когда группа прибыла в Лондон, где должно было начаться их недельное турне по Британии с «L7», их менеджер турне Алекс Маклеод ожидал увидеть Дэна Питерса, проходящего через таможню, – именно его имя было указано в списках. Алекс был не в восторге от Грола – он уже был знаком с группой «Scream». Тем не менее в Англии состоялась очередная сессия у Пила – четыре кавера: «D-7» группы «The Wipers», «Turnaround» группы «Devo» и «Molly's Lips» и «Son Of A Gun» группы «The Vaselines». Билеты на все концерты были раскуплены – на каждое выступление приходило до 600 человек. А 24 октября в лондонском клубе «Astoria» собралось больше 1000 человек.

– С Дэйвом я познакомился в том турне, – комментирует Крэйг Монтгомери. – Он был как глоток свежего воздуха – молодой, прикольный, и с ним было весело. Он придал им то звучание, которое и вывело их в высшую лигу. А живые выступления много выигрывали от его умения гармонично дополнять вокал Курта. Он играл и выглядел очень солидно, за четкость ритма не приходилось волноваться.

– Дэйв очень приятный, чуть эксцентричный чувак, просто нереальный, – говорит Антон Брукс. – Тогда у него была огромная шевелюра с дредами. Он постоянно жестикулировал, что-то объяснял, над всеми подшучивал. Всегда улыбался, очень обаятельно. Он вписался тут же. С Дэйвом они стали рок-группой. Он смог найти общий язык с Куртом и Кристом – потому что до этого они общались, по сути, только друг с другом, начиная со школы. Дэйв стал последним кусочком в паззле. Он был не просто очень энергичным парнем, он добавил «Nirvana» дополнительное измерение.

– Помню, Курт был просто без ума от Дэйва, – лаконично замечает Джанет Биллиг.

«L7» – так называлась женская хард-рок-группа из Лос-Анджелеса, которую иногда ошибочно относили к «Riot Grrrl», что девушек очень злило, поскольку они воспринимали это как снисходительность. Правда, это не самое худшее – Торстон Мур из «Sonic Youth» для обозначения музыки, которую играли «Babes In Toyland», «L7», трэш-группы из Нью-Йорка «Lunachicks», «Dickless» и «Hole», придумал термин: фокскор.

– «Nirvana» и «L7» всегда тусовались в одной гримерке, напивались и сходили с ума, – вспоминает Крэйг. – Прикалывались друг над другом, над клубом, бросались едой. Кто-нибудь мог проделать дырку в двери или доске, все засовывали туда голову и кричали друг на друга. Много снимали на видео, это было настоящее безумие… такое ощущение, что находишься в центре вселенной.

Для развлечения «Nirvana» возила с собой видеомагнитофон и две кассеты – «Монти Пайтон» и «Это – „Spinal Tap“», обязательные к просмотру любой рок-командой в турне.

– Курту приходилось беречь голос, – объясняет Крэйг. – Если он пел много дней подряд, начинались проблемы с голосом. Он никогда не брал уроков вокала, по крайней мере, я ни о чем таком не слышал. Не думаю, что его манеру пения можно назвать правильной. Он разрывал голосовые связки, постоянно пил какой-то сироп от кашля и вечно болел.

Они все еще делали саундчеки сами, – добавляет звукооператор. – Курту требовалось много мониторов для микрофона – поскольку они играли очень громко, сложно было выводить его голос в должном объеме. По-настоящему проверить это удавалось только с ним. А если не проверить, то возникали проблемы с фидбэком. Мы постоянно парились из-за этого.

– Однажды вечером Курт и Крист зашли ко мне на чай, – вспоминает Антон Брукс. – Курт покрасил волосы в сумасшедший синий цвет и чинно сидел за столом, будто готовился познакомиться с родителями своей девушки, – волосы гладко зачесаны, очень вежливый. Мои друзья по квартире говорили: «Охренеть! Это Курт Кобейн!» Они рвались войти, поздороваться, взять автограф – но боялись. Если бы тогда были мобильные телефоны, они бы наснимали фотографий и рассылали бы эсэмэски: «Ты не поверишь, кого я только что видел». Участники «Nirvana» были еще не очень известны, но уже тогда все ходили и говорили: «Эта группа станет знаменитой».

В Эдинбурге Курт встретил одного из своих музыкальных кумиров – Юджина Келли из «The Vaselines».

– Мне кажется, у них [у Юджина и Фрэнсиса Макки, участников «The Vaselines»] просто прекрасные отношения, – говорил мне Курт в 1992 году. – Я не знаю, так это или нет, но мне кажется удивительным, что люди могут жить вместе и писать такие прекрасные песни. Как будто делят свою жизнь со всеми людьми. Юджин и Фрэнсис это «Captain & Tennille» [семейный поп-дуэт 70-х годов в США] андеграунда.

– Меня попросили собрать «The Vaselines» для концерта «Nirvana» в «Carlton Studios», – рассказывал Келли журналу

«Кью»[211]. – Я знал, что они записывают кавер на «Molly's Lips», но мне стало интересно, почему мы им так нравились, ведь мы играли очень непонятную музыку. Их творчества мы не слышали. Когда мы приехали, с нами связался их агент и предложил: «Хотите познакомиться с Куртом?» Он сообщил, что Курт очень нервничал перед знакомством со мной!

– Мы напились в Эдинбурге на бесплатной вечеринке у «Island records», – вспоминает менеджер «The Vaselines» Рассел Уорби в той же статье. – Фантастика! Я спал в одной комнате с Кристом и Крэйгом, и мы реально напились в баре отеля «Аилса Крэйг». Мы вписали туда пятерых, но в итоге там было человек шестнадцать. Крист ужрался в хлам. Там была туалетная кабинка – он посреди ночи на нее забрался. При мне были все деньги [Рассел выполнял роль менеджера турне, потому что Алекс уже был занят], и мне снилось, что на меня сыплются доллары. Я проснулся с криком, весь в бумаге, и подумал: «О господи, деньги!» Как выяснилось, Крист нашел кучу брошюр на крыше кабинки и стал их раскидывать по комнате, крича «Фру-фру!». Эта ночь вошла в историю как «Ночь фру-фру».

Последний концерт турне состоялся 27 октября в Ноттингеме. Фотограф «Мелоди мейкер» Стивен Свит смотрел концерт в «Trent Polytechnic» с балкона; он рассказывает, что, когда зажгли свет и измотанные зрители стали с трудом пробираться к выходу, Курт выбежал на сцену со словами: «У нас очень важный гость для вас». Все ломанулись обратно к сцене, ожидая, по меньшей мере, Тэда, но Курт закончил фразу: «Эверетт Тру из журнала „Мелоди мейкер“».

Я доковылял до микрофона и промямлил, что сыграю песню, только если «Nirvana» выступит после меня. Курт надел на меня свою леворукую гитару – причем неправильно надел, – а они с Кристом уселись за ударную установку и начали колотить. Около двух минут мы играли мой сингл «Do Nuts», вышедший на «Sub Pop», после чего Курт начал методично разрушать барабаны – я закончил петь, обернулся и стал смотреть[212].

После концерта кто-то принес фальшивые солнечные очки с нарисованными глазами, и Курт сфотографировал каждого в этих очках. Я был очень пьян, но при поддержке «Nirvana» мне удалось убедить «L7», что я вовсе не являюсь лондонским журналистом, приехавшим на интервью с ними. Черт, надо было видеть, как они взбесились, узнав правду.

– На том концерте мне вспомнился фильм 1962 года «Бунтарь» с Тони Хэнкоком[213], – говорит Свит. В этом фильме Хэнкок сыграл клерка, который пытается вырваться из своего офисного рабства. – Там есть один момент, когда он стоит в

комнате в окружении битников и объясняет им, что в его среде все одеваются абсолютно одинаково… затем камера отъезжает – вокруг все стоят в свитерах под горло и темных очках. И у меня было точно такое же чувство – вокруг толпились тинейджеры с длинными волосами и футболками с символикой «Mudhoney» и «Nirvana».

Я: Расскажи о Дэйве Гроле.

– Однажды вечером мы сидели у меня дома в Лос-Анджелесе, на кровати. Он играл на гитаре как настоящий сонграйтер, – вспоминает Дженнифер Финч. – Я спросила, устраивают ли его наши отношения. Он сказал «да», а я ответила, что он не прав, и попросила его уйти. Я увидела его год спустя, он спросил: «Ты получала мое письмо?» Я не получала никаких писем. В 1996 году, когда скончался мой отец, я обнаружила стопку писем, которые лежали неоткрытыми. Я нашла то письмо, оно до сих пор у меня. Так и не открытое. Это мог быть мой счастливый билет, Эверетт.

Я: Ты помнишь парочку пьяных англичан на своем концерте в Ноттингеме?

– Я хорошо помню тебя, – смеется басистка. – Тогда я не понимала, что нужно брать интервью, чтобы попасть в группу.

Я: Что-нибудь еще запомнилось из той поездки в Великобританию?

– Потом я прекрасно провела время. Что тебе еще сказать, что ты хочешь услышать? Тогда мы сошлись с Дэйвом, мы встретились во второй раз. За пару лет до этого я организовывала концерт его группы «Scream» в Лос-Анджелесе вместе с группой «Bad Religion». Я гуляла в сквере, ходила в зоопарк. У меня есть очень милые фотографии, где мы с Дэйвом держим в руках голубей и кормим их – вы, англичане, так делаете. Мы пытались слиться с обстановкой.

Дополнение 1: Чед против Дэйва

– Нельзя недооценивать вклад Дэйва Грола в группу, – замечает Иэн Диксон. – Курт говорил после турне с Дэйлом: «Дэйл – отличный ударник, но он не делает того, о чем я прошу. Он не может играть ни с кем, кроме Базза». С приходом Дэйва в группу все встало на свои места. Дэйв невероятно талантлив. Все недооценивают его вклад в «Nevermind» – как на бэк-вокале, так и непосредственно в партиях ударных. А ведь мне Дэйв тогда не нравился!

– По-моему, Дэйв не вписывался в группу, – жалуется давний

поклонник «Nirvana» Роб Кейдер. – Они ведь хотели выгнать Джейсона из-за его коллекции дисков хеви-метала – не могли же они не замечать рокерских наклонностей Дэйва.

– Мне в принципе не нравится, как играет Грол, – замечает Стив Тернер. – Мне по душе утонченность. Хорошо играет на ударных Дэн. Хорошо играл Чед в «Nirvana» – более раскованно, более раскрепощенно. Такая манера игры больше качает. Грол же не заботился о каче, он просто долбил.

Я: Мне кажется, что приход Дэйва был ключевым моментом в эволюции «Nirvana» от группы из Олимпии до группы из Сиэтла – или из Лос-Анджелеса.

– Лос-анджелесская группа! – смеется гитарист «Mudhoney». – Они стали профи. С Чедом они были абсолютно непредсказуемы. Иногда Чед просто лажал. Но лажали и Курт с Кристом, ведь так? Но когда за их спинами появился тяжелый бит Дэйва, они могли творить что угодно. От него исходит больше этой внутренней злобы и агрессии. Забавно, но с его приходом песни стали более мелодичными. Больше не было грязных, тяжеловесных песен, как раньше, когда они подражали «Melvins» в структуре композиции. Это достаточно странный парадокс. Мне они нравились как раз в середине смены состава, когда записывали с Чедом демо-версии песен с «Nevermind». Это мои любимые вещи.

Я: Как, по-вашему, играл Дэйв Грол в сравнении с Чедом Ченнингом?

– Более простой, более тяжелый удар, – отвечает Джек Эндино. – В конце концов, особой разницы не было. Чед стал очень хорошим барабанщиком. Дэйв сам постоянно повторял, что на «Nevermind» он играл партии ударных, прописанные Чедом. Чед был очень музыкален. Он знал, что нужно играть и как это нужно играть. Его сильно недооценивали. Единственное, чего ему не хватало, это мощи Дэйва.

Дополнение 2: Олимпия против Сиэтла (дубль 3)

– Если и есть город, который может называться их родиной, – это Олимпия, – говорит Слим Мун. – Они жили в Олимпии; они уехали из Абердина, как только представилась возможность. Всю карьеру группы со времени записи первой демо-кассеты до появления «Nevermind» на первых строчках хит-парадов Курт жил в Олимпии. Можете называть их группой из Абердина, если хотите, но ни в коем случае их нельзя назвать группой из Сиэтла. Сиэтл здесь вообще ни при чем, если только вы не считаете, что Моррисси – лос-анджелесский музыкант, только потому что он

переехал туда в конце своей творческой деятельности. Это смешно – называть «Nirvana» группой из Сиэтла.

Еще одна причина, по которой «Nirvana» является группой из Олимпии, – это значительные изменения, которые участники претерпели со дня записи песни «Beeswax» и первой демо-кассеты, – продолжает глава лейбла «kill rock stars». – В самом начале они просто брали структуру песен у «Melvins» и «Scratch Acid». У Курта с самого начала была склонность к мелодичной музыке, но он не давал ей развернуться, пока не почувствовал, что это можно делать, что вокруг есть люди, которые поймут его. Однажды он сыграл мне свою самую первую песню – очень похоже на «Boston», такой гимн хард-рока. Она была немного тяжелой, но это была поп-песня с очень хорошими риффами. Курт не использовал тогда риффы, потому что в те дни, когда он увлекался «Scratch Acid», это было не круто.

Я: То есть Олимпия дала ему силы, чтобы заново открыть…

– Да, он играл в сайд-проектах с Тоби, он записывался с «The Go Team», и именно в этот момент он начал снова писать запоминающиеся вещи. «About A Girl» появилась в результате подобного опыта. Первые интересные песни, которые он сочинил, – это спокойные, минималистичные песни на акустической гитаре. После этого он вновь вернулся ко всей этой хрени в духе крутого рока. «Sliver» – переходный момент от Олимпии к «Smells Like Teen Spirit»: с одной стороны, мощная гитарная партия, с другой – текст, абсолютно типичный по духу для Олимпии, «бабушка забрала меня домой» и все такое.

Тем не менее нельзя недооценивать и значение Сиэтла. Ритмический рисунок в начале «Smells Like Teen Spirit» – настоящие «Mudhoney». По мне, так это вообще практически подражание «Mudhoney». Курт чувствовал себя достаточно комфортно в качестве музыканта «Sub Pop». Он сознательно писал песни в одном стиле с «Mudhoney», «Tad» и «Swallow». А «Mudhoney» была среди них лучшей.

Я: Но Олимпия придала его музыке больше женского начала…

– Если бы он не жил в Олимпии, он, возможно, не написал бы «Rape Me» и другие песни. Многие группы, в которых играли женщины, оказывались более прогрессивными и интересными в музыкальном плане. Хотя это влияние не назовешь постоянным. Нельзя сказать, что все три года жизни в Олимпии они его испытывали. Последние шесть месяцев жизни в городе – и то благодаря тому, что происходило в жизни Курта, когда он писал песни для «Nevermind». Опять же есть известная история о том, что название песни «Smells Like Teen Spirit» было предложено

Кэтлин Ханной…

Глава тринадцатая
Ангелы в снегу

– Я не была официально знакома с Куртом до тех пор, пока я не переехала в Олимпию, – говорит жительница Сиэтла Шерил Арнольд. – Я жила в гостинице «Мартин», ходила домой к Кэтлин [Ханне], стреляла у нее сигареты, там иногда тусовались люди – Майки Дис, Курт и сама Кэтлин… За окном мел снег, Кэлвина не было в городе, я жила у него дома, но не могла уснуть. У меня была ужасная бессоница, я собиралась пройтись до дома моей мамы. Курт подошел ко мне, когда я надевала ботинки, и предложил меня проводить. Я ответила: «Э-э-э, ну конечно!»

Я: Он был красивым?

– Мой бог, он был таким красивым. Я была безумно влюблена в него с самого первого взгляда, как его увидела. У него красивые голубые глаза, но в нем было еще что-то… Я не знаю, как это объяснить. Как будто какая-то необъяснимая тайна. Стоял декабрь 1990 года, незадолго до Рождества. Мне кажется, это была рождественская вечеринка в «Мартин».

Я: Когда он провожал вас до дома, о чем вы говорили?

– Блин, я не знаю! Ты хочешь, чтобы я вспомнила, о чем я говорила пятнадцать лет назад? Понятия не имею.

Я: После этого вы стали с ним общаться?

– Да.

Я: Люди, наверное, думали, что вы встречались?

– Не знаю, что думали люди, – смеется Шерил. – Но я уверена, что кто-то мог подумать, будто мы с ним встречаемся.

Я: Чем вы занимались?

– Ну… мы ели шоколадные пирожные. Не знаю… брали напрокат фильмы. Например, «Техасская резня бензопилой». У него были черепахи. Я уверена, что он их любил в определенном смысле, но он говорил, что они его раздражают, потому что весь день они всплывают на поверхность, потом погружаются на дно, потом опять всплывают – и так круглые сутки. В его квартире царил настоящий бедлам, повсюду коробки из-под пиццы. Пиццу он ел постоянно.

Я: У него был достаточно своеобразный рацион, не так ли?

– Да. Пицца. Шоколад. Леденцы. У него был реально раздолбанный желудок, живот постоянно болел. Ему нравились хлопья, вроде «Фрути пебблс»… и пицца.

Я: Видели ли вы какие-либо признаки нарколепсии?

– Шутишь. Да уж, это забавно. У него еще был синдром

Туретта.

Я: Он брал вас с собой на концерты «Nirvana»?

– Пару раз. Хотя я даже не помню, ехали ли мы на одной машине. Мы с Куртом «встречались» не очень долго. Мы просто тусовались вместе, устраивали всякое безумие. Мы ведь были молоды. Вот ты скажи, Эверетт, – опиши свою обычную сумасшедшую ночь.

Я: Не помню.

– Вот именно. Мы напивались и – ну ты знаешь, зажигали: стреляли из ружей, танцевали в идиотских туфлях на высокой платформе. Кидались яйцами по машинам. Все, что обычно делает молодежь…

Я: Курт надевал женскую одежду?

– Да все так делают. Не думаю, что в этом что-то есть, просто людям нравится переодеваться. Мне точно нравится!

Я: Мне тоже.

– Еще мы с Куртом и Диланом ездили на гонки на уничтожение. Они проходили где-то к северу от Сиэтла. Вроде бы в Монро. За день до этого мы с Куртом хотели съездить к океану и провести там ночь, но забыли, что это была ночь перед 4 июля – к океану рванули абсолютно все. Все отели были забиты, и нам пришлось ехать обратно в Абердин, где удалось найти последний номер в каком-то вшивом мотеле под названием «Фламинго». Накануне там постирали ковер, поэтому пришлось прыгать с дивана на кровать, чтобы не замочить ноги. Мы много ездили в машине. У Курта был «фэлкон» или «вэлиант». Он не очень любил водить, поэтому за рулем часто сидела я. Мы ездили в кинотеатр под открытым небом – где-то между Олимпией и Абердином.

Я: Ты с ним ездила в Сиэтл?

– Да. Однажды мы собрались на концерт «Hole», но доехали только до Такомы.

Я: Это было до того, как Курт познакомился с Кортни?

– Не знаю. Это ты мне скажи, Эверетт. – Шерил произносит эту фразу с особым выражением, давая понять, что она в курсе: я знаю больше нее. – Да, я думаю, да.

Я: Ты общалась с Куртом после того, как он встретил Кортни?

– Может быть, не очень долго. Мы с Куртом перестали тусоваться вместе в августе 1991 года. У него была потрясающая картина Игги Попа, которую я хотела забрать себе. Я никогда не видела его рисунков или чего-то такого. Мы тусовались много с Иэном [Диксоном], немного с Диланом. Дэйв [Грол] какое-то время спал у Курта на полу. Я: И как оно было?

– Нормально, – смеется Шерил. – Не мне одной приходилось

спать на полу у Курта. Я не знаю, как он к этому относился, – может быть, его это бесило. Однажды Дэйв опрокинул на нас банку с блестками… от которых невозможно очиститься. Они были у меня в ушах, на голове, в носу и еще черт знает где – несколько недель. Как песок, только хуже. Это было ужасно.

Интервью с автором, 2004 год

После возвращения «Nirvana» из Великобритании Дэйв переехал в дом на Пир-стрит в Олимпии.

На той же неделе Курт с Кристом отправились в Лос-Анджелес по приглашению «MCA»: их менеджер Брет Хартман намеревался подписать с «Nirvana» контракт. Но первая же встреча с президентом компании сумела отбить у них желание сотрудничать. Он вел себя как типичный представитель его породы[214] – высокомерно, грубо, эгоистично; встреча длилась считанные секунды. Поэтому Курт с Кристом решили воспользоваться случаем и еще раз посетить «Gold Mountain». Их радовал интерес, который Дэнни Голдберг выказывал по отношению к рок-андеграунду, – у него была большая коллекция 7-дюймовых пластинок, и он какое-то время жил в одной квартире с вокалистом «Dead Kennedys» Джелло Биафра. Кроме того, в пользу Голдберга говорил тот факт, что в его биографии числилась работа с «Led Zeppelin».

– Дэйв Грол был большим поклонником «Led Zeppelin», – вспоминает Голдберг. – Хотя позднее выяснилось, что и Курт тоже. Джон [Сильва] требовал, чтобы я рассказал о своей деятельности в Американском союзе защиты гражданских свобод [Голдберг был президентом южнокалифорнийского отделения Американского союза защиты гражданских свобод], что было близко парням. Мы хотели как-то убедить их в том, что мы хорошие менеджеры, но сейчас я думаю, что они уже все для себя решили с самого начала – из-за «Sonic Youth».

«Nirvana» заключила контракт с «Gold Mountain» после того, как Сильва приехал в Олимпию и пригласил группу на ужин. Хотя сделка прошла не так уж просто. Сильва и все остальные сидели в ресторане и ждали, а Курт в это время кружил на детском велосипеде по парковке у Государственной лотереи в Вашингтоне. Велосипед был таким маленьким, что музыканту приходилось задирать колени практически до плеч. В конце концов Курт пришел и потребовал от Сильвы, чтобы тот пошел с ним на концерт «Beat Happening» – на другом конце города. Сильва согласился: он понял, что перед Куртом нужно восторгаться группой Кэлвина– хотя само их появление на сцене шло наперекор всем представлениям сообразительного

бизнесмена о музыке (не было бас-гитары!). Таким образом Сильва прошел проверку Курта.

Велосипед был куплен за несколько дней до этого – вместе с парой пневматических пистолетов, парой видеокамер «Пиксел-вижн», приставкой «Нинтендо» и фигурками Ивела Нивела в магазине «Toys “R” Us». За все пришлось заплатить около 1000 долларов – Курт выложил их из своих 3000 долларов, его доли аванса от «Virgin», первого большого чека группы.

«Он купил всякую хрень, – признает Джо Престон, общавшийся тогда с Куртом, – хрень, которую ничего не стоило сломать». Из пистолета Курт стрелял по окнам Государственной лотереи – через дорогу от его квартиры.

«Gold Mountain» начал посылать Курту аванс из расчета 1000 долларов в месяц. Однако Голдберг посоветовал «Nirvana» заключить контракт с «Geffen».

– Они недавно подписали «Sonic Youth», поэтому я знал, что эти люди шарят в музыке: Марк Кейтс имел доступ к радиостанциям колледжей, Гэри Герш был менеджером «Sonic Youth», Рэй Фаррелл умел общаться с независимыми распространителями… – объясняет менеджер. – В культурном плане в «Geffen» работало больше людей, которые на самом деле понимали эстетику новейшего поколения рок-н-ролла. И были готовы заплатить любую цену.

Поначалу основную часть переговоров вел Крист, – продолжает Голдберг. – Курт включился только на третьей встрече. Джон до этого говорил мне, что ребята хотели сделать постер группы в виде таблицы для проверки зрения. Мне это показалось избитым, и Джон, видимо, сообщил об этом Курту, потому что тот прижал меня и спросил, почему я так думаю. Напор, с которым он говорил, показывал всю серьезность Курта. Тогда я впервые осознал, насколько целенаправленным он был.

Грол с его оптимистической натурой хорошо уживался с другими участниками и помогал Курту, который к осени стал более замкнутым и переживал по поводу Тоби. До появления Дэйва Курт мог часами молча смотреть в одну точку – он скрывался за барьером тишины (известном как «пятая поправка Джея Мэскиса», в честь вокалиста «Dinosaur Jr», который, по легенде, очень неохотно отвечал на вопросы в интервью). Говорили, что Курт страдал от нарколепсии, но у него не было нарколепсии – это просто очень удобный защитный механизм. В отличие от отношений с Трэйси, Курт хотел сохранить Тоби – но она была очень независимой, хоть и любила его.

– Однажды мы с Дэйлом [Кровером] пришли к Курту, у него была Тоби, – вспоминает Дебби Шейн. – Разговор не клеился, все

чувствовали себя очень неловко. Курт попросил Тоби приготовить макароны с сыром. На кухне стояла бутылка виски; я выпила, потому что это была очень странная, дурацкая ночь. Никто не разговаривал. Курт хотел организовать группу[215]. Все сидели на полу, молчали – Дэйл подумал, что вышел бы отличный кадр.

– Курт с Кристом зависели друг от друга, чего нельзя сказать об отношениях Курта и Дэйва, – объясняет Кэрри Монтгомери. – Дэйв был сам по себе. Молодой, задиристый, нечего терять. Он знал, что место в группе железно за ним, Курт не собирался выгонять Дэйва ни при каком раскладе. Дэйв был молодым рокером; грязный байк в турне, татуировка на каждом концерте, все такое. Такие парни живут в небольшой холостяцкой комнатке, у них постоянно тусит куча народу. Шерил у них бывала часто. Они играли в видеоигры, ели хот-доги и прочую хрень, бездельничали.

Дэйв научил Курта делать примитивные татуировки при помощи туши и иголки. В свою очередь, это подтолкнуло Курта к тому, чтобы пойти в тату-салон в Олимпии и сделать настоящую татуировку. Взяв в качестве поддержки с собой Кэндис Педерсен, он вытатуировал на руке логотип «К» (буква «К» в щите).

Выбор рисунка удивил некоторых его друзей.

– Мне кажется, ему нравилось больше те кассеты, которые «К» распространял, чем то, что они сами записывали, – отмечает Дилан Карлсон.

И действительно, подборка музыки, которую распространял «К», – часто записи лейблов вроде «Simple Machines», британского «Bi-Joopiter» и сходных с ними компаний движения «International Pop Underground», – могла служить настоящим учебником для человека, интересующегося музыкой периферии и сердца Америки 90-х, андеграундом, не мейнстримом. «Superchunk»[216], «Polvo», «Sebadoh»[217], «Shonen Knife», австралийская поп-группа «The Cannanes», «Gravel»… обо всех этих группах я узнал, обнаружив настоящую золотую жилу в кладовке у Кэлвина Джонсона – в разрушенном здании через дорогу от «Capital Theatre».

– На Рождество мы отправились в Абердин, – рассказывает Дебби. – Крист и Шелли уже были там, а Курт поехал только ради своей маленькой сестры. В Абердине делать было нечего. Мы залезли в машину и поехали в кофейню, где играли в разные настольные игры. Я выиграла тридцать баксов. На следующий день мы с Куртом поехали обратно в Олимпию. Курт хотел вернуться, повидаться с Тоби, да и просто вернуться домой. Он боготворил «Dinosaur Jr». Он мечтал узнать все о Джее Мэскисе.

Сущая правда – «Dinosaur Jr» оказали огромное влияние на музыку Сиэтла. Описание, которые применяли к раннему гранжу, – «тяжелая музыка, сыгранная в медленном темпе» – подходит и к «Dinosaur Jr». Первая песня альбома 1988 года «Bug» – «Freak Scene» – породила целое поколение бездельников. Джей играет на гитаре так же, как он ездит на лыжах: без усилий и с полной уверенностью. Песня замедляется, огонь полыхает, растекается сладчайшая гармония, потом взлетает торнадо. «So fucked I can't believe it / If there's a way I wish you'd see it», – поет Джей с тяжелым смирением, отзывающимся у «Nirvana» в строчке песни «Smells Like Teen Spirit»: «I found it hard / So hard to find / Oh well whatever, never mind». «Don't let me fuck up will you? – просит Джей в беспомощном оцепенении. – Because when I need a friend, it's still you».

Священной троицей конца 80-х были «Dinosaur Jr», «Big Black» Стива Альбини и «Sonic Youth». «Big Black» всегда слишком зависели от жестких правил пост-панка, появившихся в 1979 году в Британии. «Sonic Youth» творили чистое искусство, которое было доступно лишь ограниченному числу избранных. Поэтому заряжать новое поколение гранжа первобытной энергией пришлось скромному трио из Амхерста, штат Массачусетс.

– Помню, Ким Гордон говорила, что «Youre Living All Over Me» [второй альбом «Dinosaur», 1987 год] смог бы добиться такого же успеха, как и «Nevermind», при более грамотной работе менеджера, – размышлял бывший басист «Dinosaur Jr» и нынешний вокалист «Sebadoh» Лу Барлоу в интервью редактору журнала «Луз лип синк шипс» Стиву Чику. – Люди покупали ту же аппаратуру, которую использовал Джей, те же усилители, педали. Для него динамики «Marshall Stack» были средством самовыражения, а не просто дебильным хеви-металлическим дерьмом. Я видел какой-то говенный список ста великих гитаристов по версии журнала «Роллинг стоун». Там были Курт Кобейн, Кевин Шилдс [«My Bloody Valentine»], даже чертов Фрэнк Блэк [«Pixies»] – но не было Джея. А ведь он оказал охренеть какое влияние. Он был прародителем всего стиля.

Кто-то утверждал, что «Smells Like Teen Spirit» написана под влиянием «Pixies», – говорит мне Барлоу. – Да на кого вообще может оказать влияние «Pixies»? – Он смеется. – С чего бы кто-то написал песню под влиянием «Pixies»? Это выше моего понимания. Группу «Nirvana» я считал гранжевой командой с «Sub Pop», которая записывает синглы. Я тогда не слышал «Dinosaur». Они мне напоминали «Melvins» и прочую металлическую хрень, которую слушали в Сиэтле. Я сначала даже подумал, что «Smells Like Teen Spirit» это «Metallica». Я подумал: «Вау! „Metallica“

записала отличную новую песню!».

Да, «Dinosaur Jr» могли играть очень громко. На их первых концертах волны звука ощущались просто физически. Но они брали не только громкостью – на первых трех альбомах «Dinosaur Jr» есть просто взрывная первобытная страсть и такая изобретательность в музыке, которая даже сейчас, двадцать лет спустя, просто потрясает. Их дебютный альбом – «Dinosaur» (1985) – абсолютно хаотичен; но это гениальная, спонтанная музыка, записанная на дешевом оборудовании. Пронзительные скримы сменяют построковые нашептывания; гитарные риффы нью-вейва перетекают в ужасающие, нагруженные фидбэком гитарные соло; плюс очень личная, пронизанная жалостью к себе лирика. Кроме того, в текстах нашло отражение то «лузерское» сознание, которое оказалось невероятно популярным – доказательством тому миллионы копий, проданных «Sub Pop».

Грол вел себя практически как муж по отношению к Курту – гладил для него вещи, кормил, исполнял ту роль, которая до этого предназначалась Кристу и Трэйси. «Дом превратился в мужское государство, – смеется Никки Макклюр. – Отношения Дэйва и Курта стали походить на жизнь семейной пары». Несколько недель Грол встречался с Кэтлин Ханной, и пары, составленные из музыкантов «Nirvana» и «Bikini Kill», иногда тусовались вместе, катались на скейтборде и периодически баловались вандализмом. Именно тогда Ханна написала баллончиком на стене комнаты «Курт пахнет „Teen Spirit“» – имея в виду марку дезодоранта, который использовала Тоби.

Но Курта все еще одолевали сомнения – с одной стороны, он хотел продавать свои диски миллионными тиражами, а с другой – его заботило мнение друзей из Олимпии и «K records». В официальной биографии Майкла Азеррада есть впечатляющий отрывок, где Курт рассказывает о том, что выбор лейбла был очень определенным: «K» или «Geffen». «Мы были очень близки к подписанию контракта с „K“», – говорил Курт Азерраду, очевидно обманывая самого себя. Вряд ли Кэлвин подписал бы когда-нибудь «Nirvana», несмотря на хорошее к ней отношение. Во-первых, у «K» не было контрактов. Во-вторых, «Nirvana» играла слишком традиционный рок (у них был басист, черт возьми!). В-третьих, Кэлвин знал об амбициях Курта и понимал, что «K» никоим образом их не потянет. Тем не менее это не мешало Курту мечтать. Идеалом для него была модель «The Sex Pistols» – подписать контракт с крупным лейблом на миллион баксов, распасться, сменить название и заключить контракт с «K».

Неуверенность Курта усугублялась личным одиночеством. Он

не чувствовал настоящей близости с Тоби из-за ее самоуверенности и молодости (ей было 21, ему – 23, но она часто напоминала Курту, что он старше). Кобейн хотел чего-то большего. И хотя он чувствовал, что активная натура Тоби заряжает его энергией, в творчестве он все равно оставался одиночкой. Они помогали друг другу в написании песен, но не сочиняли вместе.

– Он придумал песен на целых два альбома, – вспоминает Тоби, – и постоянно что-то исправлял. Хотя не у всех песен были тексты, он их все равно пел. Стихи Курт не обсуждал. Он всегда бросался спорить, если кому-то не нравился результат, но он ненавидел, когда люди соглашались с ним, лишь бы избежать спора.

Ненависть к себе, недовольство жизнью в Олимпии, нежелание это признать, усталость от отношений с Тоби, развивавшихся не так, как ему хотелось, – из-за всего этого Курт решил порвать с девушкой. Тем не менее они оба признавали, что любят друг друга. Это был октябрь 1990 года.

– Он был просто раздавлен, – говорит Дэйв Грол.

– Что бы там ни говорили люди, именно он порвал со мной, – жестко заявляет Тоби. – Те, кто утверждает, будто я разбила его сердце, несут идиотскую романтическую чушь. Меня уже достало быть девушкой, которую винят во всех его страданиях. Эти разговоры не имеют ничего общего с действительностью. Просто люди начитались «Страданий молодого Вертера»[218].

Именно Курт ушел от Тоби. И никак иначе.

– Я иногда читаю статьи о нем, – признается Тоби. – И ничему из написанного не могу поверить. Не все события происходили при мне, но описания тех дней, что я помню, не соответствуют действительности.

Я: Что там неверно?

– Авторы постоянно представляют его судьбу трагичной с самого начала, – отвечает Тоби. – Они пытаются сделать из его жизни что-то вроде греческого мифа – на самом же деле там было много случайностей. Говорят, что у Курта всегда имелись суицидальные наклонности, но разве не все люди таковы? Другой вопрос – сделаешь ли ты это на самом деле. Иногда такое случается, если в жизни происходит что-то реально плохое. Но я знаю очень много людей, намного более чокнутых, чем Курт, – и они до сих пор живы. Я абсолютно не приемлю идею предопределенности: что кто-то обязательно покончит жизнь самоубийством, а кто-то обязательно напишет те или иные песни.

Страдания от разрыва с Тоби и собственной неуверенности были для Курта самой благодатной почвой для написания новых

песен. Его новые работы были полны эгоцентризма и ненависти – к самому себе и к окружающим; злость, раздражение, раз битое сердце – каждый мог найти в этих песнях что-то для себя. Хотя Курт сам порвал с Тоби, он вел себя так, будто инициатива исходила от нее. Неясность и неоднозначность разрыва лишь усугубляла страдания обоих.

«Aneurysm» была одной из первых – она родилась еще до разрыва – песен «Nirvana», касавшихся отношений Курта и Тоби. «Так сильно тебя люблю, / Что меня от этого тошнит», – пел Курт о первой ночи с Тоби, не стесняясь показаться невротиком. «Один малыш сказал другому: / Мне повезло, что я тебя встретил», – говорил он в «Drain You» о том, как любовь делает людей детьми, порождая одновременно ощущения чуда и благоговения. Песни «Lithium» и «Lounge Act» также несли на себе отпечаток присутствия Тоби – упоминания тайных деталей и договоренностей. И, конечно же, «Smells Like Teen Spirit» с ее знаменитой строчкой «Over-bored and self-assured» («Тоскливый и самоуверенный») – которой можно охарактеризовать как Тоби, так и самого Курта. Как писал русский философ Лев Толстой: «причина всякой деятельности есть желание». Чем было заниматься в этой жизни, когда взрослые присвоили себе все интересные подростковые занятия? Не было никакого смысла в том, чтобы становиться взрослым, – это такая скука.

– Эти песни нельзя истолковать однозначно, – замечает Тоби. – Кто точно может сказать, о чем они? Они отлично звучат, образы очень сильные, но если считать, что в них говорится об определенном человеке, вещи или ситуации, – то ничего не ясно, ведь так? Мне кажется, людей цепляет эмоциональность голоса Курта, то, как он интонирует слова, а не то, о чем непосредственно эти песни. Имеют ли они смысл? На каком-то уровне – да. «Smells Like Teen Spirit» Курт сначала хотел назвать «Anthem» («Гимн»), но у «Bikini Kill» уже была песня с названием «Anthem»[219]. Мы долго спорили по этому поводу – я выиграла этот спор, и ему пришлось сменить название. Наша песня так и не вышла, но это была хорошая песня.

В первой версии «Teen Spirit» была строчка, позднее использованная будущей женой Курта Кортни Лав для описания своего статуса рок-королевы – «Кто будет королем и королевой этих подростков-изгоев?».

Очевидно, эта роль предназначалась Тоби.

Сейчас мы подходим к одному из самых ужасных мифов о «Nirvana»: Курт Кобейн начал принимать героин непосредственно из-за разрыва с Тоби.

Забудьте о том, что на страницах официальной биографии

группы Кобейн утверждал, что баловался с тяжелыми наркотиками, еще живя в Абердине (этот факт ничем не подтвержден; возможно, Курт сам это придумал, чтобы отвлечь внимание прессы от увлечения наркотиками своей будущей жены). Даже не берите в голову, что именно его решение попробовать этот наркотик могло не в последнюю очередь привести к разрыву между ним и Тоби. И никак иначе.

В книге написано, что она разбила его сердце.

– И что с того? – отвечает Слим Мун. – Это могло быть правдой, а могло и не быть. Человеческие сердца разбиваются каждый гребаный день. Он был наркоманом до того, как его сердце разбилось, и если кто-то утверждает, что он стал принимать наркотики только из-за того, что Тоби его бросила, – это полная хрень. Девушка узнает, что ее парень колет себе героин и не собирается с этим завязывать. Она его после этого бросает – она что, сука? Не важно, насколько разбито его сердце, – разве ее после этого можно назвать сукой? Нет, просто она знает, за какие границы нельзя выходить адекватному человеку.

Курт был несчастлив, недоволен своей жизнью. Он переживал болезненный разрыв. Какие-то люди в таких ситуациях ударяются в религию, кто-то женится из-за несчастной любви. Другие пытаются забыться в работе – или в алкоголе, уходя в запой на несколько месяцев. Курт начал постоянно вести дневник, рисовать, упиваясь своей болью, иссушая себя подлинным – хоть и ошибочно направленным – гневом. «Я сознательно культивирую в себе наивность и избегаю бытовых контактов – это единственный путь избежать еще больших мучений, – писал он в дневнике. – Я не могу говорить. Я могу только чувствовать. Может быть, однажды я стану Хелен Келлер [известная слепоглухая писательница] – проткну себе уши ножом и вырежу гортань».

«Спасибо за трагедию, она мне нужна для творчества», – писал он позднее, горько иронизируя над главным источником своего искусства.

Дэйв узнал о том, что Курт принимает героин, в ноябре, когда был в Лос-Анджелесе на благотворительном концерте «Rock For Choice» – там он играл на ударных с «L7». Дэйв говорил по телефону с Кристом, как вдруг басист перебил его посередине предложения: «Погоди, я должен тебе что-то сказать. Курт принимает героин».

Курт до этого звонил Кристу, чтобы сообщить, что попробовал героин. Крист сразу же забеспокоился. Олимпия была известна не только стрейтэджерами из «К»; на протяжении 80-х у

города была репутация черной дыры, опасного места – места, где люди погибают от наркотиков. Эндрю Вуд, вокалист «Mother Love Bone», скончался в марте 1990 года от передозировки героином. Курт обещал Кристу, что больше не будет принимать героин, что это полная дрянь. Он солгал. Через какое-то время они с Диланом Карлсоном раз в неделю снимали комнату в дешевых отелях в Олимпии – там им никто не мешал, и они могли спокойно ширяться.

Однажды Курт пошел с Трэйси Марандер на концерт «Bikini Kill» в Олимпии. По дороге в машине он клевал носом – раньше Трэйси за ним такого не замечала. После концерта они отправились на какую-то вечеринку, и Курт попросил заехать к нему домой – ему нужно было зайти в туалет. Когда прошло минут пятнадцать, Трэйси услышала шум – Курт лежал на полу в отключке, с закатанным рукавом, рядом валялась бутылочка отбеливателя (чтобы почистить иглу). Она была в шоке – и в ярости.

– Так хреново, как той зимой, мне, наверное, никогда не было, – рассказывал Курт Майклу Азерраду. – Каждый гребаный день было так грязно, так холодно, так серо. Я будто сходил с ума. Скучно, денег нету. Мы уже несколько месяцев как заключили контракт с «Geffen», а у нас до сих пор не было никаких денег. В итоге пришлось заложить усилители и телевизоры – чтобы на эти деньги покупать корндоги. Мы ничего не делали – только репетировали. Это нас и спасло.

Дополнение: героин

Я: Насколько заметное, по вашему мнению, влияние героин оказал на гранж?

Дэнни Блэнд (бывший участник группы «The Supersuckers» из Сиэтла): Я не думаю, что героин может оказать влияние на музыкальное направление.

Я: Почему в Сиэтле он пользовался такой популярностью?

Дэнни: Не знаю. Существует мнение, что в этом виновата погода. За окном всегда дождь, уныло, ты не выходишь из дома и не играешь в кикбол – сидишь в своем подвале, играешь с друзьями музыку, и тебе хорошо. Всегда облачно, у тебя всегда плохое настроение – и поэтому люди более предрасположены к употреблению героина.

Я: В чем его привлекательность? Я никогда не пробовал героин.

Дэнни: Я сидел на героине десять лет. Героин заставляет

забыть обо всем, что происходит вокруг. Он позволяет забыть о том, что твоя группа не так популярна, как другие команды, или о том, что нужно идти на работу – грузить рыбу на Пайк-плейс-маркет. Он дает непередаваемое ощущение комфорта. Это просто охрененно. Но затем он завладевает тобой полностью. И – да, ты крадешь коллекцию дисков «Sub Pop 45» у своего друга, таскаешь бумажники у старушек, воруешь там, где работаешь. Мне повезло – я выжил. И завязал. Его привлекательность – странная, и опасность, которую он таит, – тоже необычна. Ведь все знают, что их ждет. Но когда только начинаешь, не верится, что тебе что-то грозит. Мы такие эгоистичные жалкие идиоты. Мы думаем, что уж с нами точно ничего не случится.

Я: Да, с кем угодно, но не с нами…

Дэнни: Помню, с каким высокомерием встретил новость о смерти парня из группы «Mother Love Bone». Я думал: «Да кем нужно быть, чтобы умереть от передозировки наркотиками?» Когда ты вмазываешься, ты не знаешь, что сейчас в этом шприце, но я употреблял наркотики несколько лет, и у меня не было никакого передоза – значит, тот, кто умер от передоза, просто идиот. Каким же высокомерным ублюдком я был.

Я: Люди всегда описывают наркотики в мрачных тонах, но это ведь весело, не так ли?

Дэнни: В этом суть наркотиков. Конечно, сначала это прикольно – иначе никто бы не начинал их принимать. Но если ты вмазываешься, а наркота у тебя краденая или тебя сажают в тюрьму за то, что ты угнал машину своей матери, – больше ты этого никогда не сделаешь. Такова дьявольская суть наркотиков: это весело, но только очень недолго.

Глава четырнадцатая
Сила инстинкта

Группы из трех человек идеальны. Они одинаково хороши вживую и на записи. Этот факт неоспорим. Если удается найти баланс между участниками, их не остановить. Вспомните «The Jam», «Young Marble Giants», «Dinosaur Jr», «Husker Du», «Cream», «The Slits»… «Nirvana». Трио раздирают музыку на основы, на то, из чего она сделана, и затем воссоздают ее заново – с минимумом телодвижений и максимальной отдачей. Четвертый человек не нужен. Пять человек – уже громоздко. Три – это идеал.

Так должно быть. Три лучших альбома, появившихся в рамках направления, которое условно можно назвать «американской альтернативой», принадлежат группам, в которых всего три участника. Сначала появился альбом группы «Hűsker Dű» «Zen Arcade». Затем дебютный альбом группы «Dinosaur Jr» «Dinosaur». И в этом году – «Nevermind» группы «Nirvana», впечатляющее продолжение после дебютного альбома «Bleach» (1989). Забудьте все предрассудки, которые у вас есть или которых у вас нет, о группах, имеющих или не имеющих отношения к музыке лейбла «Sub Pop». Диска, который с большим правом можно назвать настоящим рок-альбомом, в этом году больше не появится.

И в первую очередь он поражает непосредственно мелодикой песен – неистовая «Smells Like Teen Spirit», которая открывает альбом, с порога сбивает слушателя с ног.

Рецензия автора на «Nevermind», журнал «Мелоди мейкер», 14 сентября 1991 года

– Первое выступление «Nirvana», на котором я побывал после ухода из группы, – это первый концерт Дэйва в городе, в клубе «Off Ramp», – говорит Дэн Питерс. – Было круто. Они играли и играли – до закрытия бара. Всех выгнали из помещения, убрали алкоголь и навели порядок. Потом всех запустили обратно, и «Nirvana» играла еще тридцать минут. Я сидел там и повторял: «Да, очень хорошо». – Ударник смеется. – Дэйв играл прекрасно, – добавляет он. – Просто феноменально. Мне стало абсолютно ясно, почему они выбрали его, а не меня. Я не говорил: «Я ничуть не хуже его». Наоборот, я говорил: «Черт возьми, чувак просто создан для этой группы».

Тем вечером – 25 ноября 1990 года – на концерте было, как говорят, рекордное для Сиэтла количество менеджеров от разных лейблов: «MCA», «Geffen», «Charisma», «Slash», «Polydor»,

«Columbia», «Polygram», «RCA»… «Nirvana» сыграла 18 песен, 12 из них на тот момент не были нигде записаны. Перед сценой устроили такой дикий слэм, что не выдержали даже осветительные арматуры. «Они сыграли „Lithium“, – говорит Бен Шепард. – Тогда я понял, вот она – первая строчка хит-парада». Тем вечером «Charisma» была очень близка к подписанию контракта с группой, предложив им аванс в 200 тысяч долларов. «Nirvana» даже поручила своему юристу Алану Минцу связаться с лейблом через пару дней. Но у «Gold Mountain» были другие планы на этот счет.

Вскоре после этого «Nirvana» подписала контракт с «DGC / Geffen records» – группе обещали 287 тысяч долларов (внушительная по тем временам сумма для начинающей группы), коммерческие права в полном объеме, а также автоматические роялти в полном объеме – в том случае, если альбом станет золотым. «Sub Pop» получил отступные в следующей форме: два процента от продаж последующих двух альбомов «Nirvana» (а также логотип «Sub Pop» на обложке «Nevermind») и 75 тысяч долларов – деньги, когда они дошли-таки до лейбла[220], навсегда положили конец финансовым проблемам «Sub Pop». Во всяком случае, до следующего кризиса…

– Весь этот бизнес – одна большая куча дерьма, – говорил Дэйв Грол. – Среди тех лейблов, из которых мы выбирали, «Geffen» казался наиболее клевым. По крайней мере, не те толстые старики, которые курят сигары и считают, сколько денег зарабатывает MC Hammer.

– Лично я не считаю это сложным решением, – замечает Дэнни Голдберг. – Мы заключили идеальную по тем временам сделку. Впоследствии условия контрактов стали еще лучше, поскольку «Nirvana» подняла планку – в коммерческом смысле – для альтернативного рока.

Согласно одному из пунктов соглашения «Sub Pop» выпустил в январе последний сингл группы ограниченным тиражом (4000 копий). На диске была песня «Candy» группы «The Fluid» и лайв-версия кавера «Nirvana» на «Molly's Lips» – бесстрастную песню группы «The Vaselines» с сексуальным подтекстом. Этот трек, по большому счету, имеет небольшую ценность. Курт даже не хотел, чтобы его выпускали. На виниловом диске «Sub Pop» выгравировали лаконичное прощание – «пока».

В канун Нового года «Nirvana» играла в Портленде, в клубе «Satyricon»; в очередной раз – все билеты проданы, слэм, бурлящие эмоции.

– Было очевидно, что «Nirvana» становится все популярнее и популярнее. На том выступлении я первый раз увидел по-

настоящему красивую девушку, которая стояла прямо перед сценой и строила Курту глазки, – рассказывает Слим Мун. – Наступил тот момент, когда у «Nirvana» появились… фанатки! В любом случае, – добавляет он, – Курт ее не заметил. Он ушел домой один. В том же месяце Дэйв Грол записал несколько песен на восьми дорожках в студии Баррета Джонса «Laundry Rooms» в Вашингтоне, округ Колумбия. Они вошли на альбом «Pocketwatch», который Грол выпустил на лейбле «Simple Machines» в 1992 году под псевдонимом «Late!».

– Я продюсировал много местных команд, – говорит Баррет. – Работал с «Velocity Girl», «Jawbox», «TeenBeat», «Simple Machines», что-то для «Dischord». Дэйв начал играть в моей группе «Churn». Иногда он просто говорил: «Слушай, у меня есть песня, давай запишем ее».

Он все записывал с первого раза, – добавляет продюсер. – Я был удивлен качеством его песен. Он записывал партии всех инструментов. Кое-какие вещи играл я, но вся музыка была у него в голове. Дженни [Туми] услышала эти песни и спросила, может ли она их выпустить. Компакт-диски тогда еще не появились. У нее была кассета, и если кто-то хотел купить эту запись, она копировала пленку [пять штук зараз] и отправляла их по нужному адресу [пленки стоили от 3,5 до 5 долларов]. Это был очень малобюджетный проект. Кроме того, выпускать такую музыку на кассетах – не оптимальный вариант, запись не соответствовала уровню.

В самом начале 1991 года, непосредственно в Новый год, «Nirvana» вновь оказалась в студии – «Music Source» в Сиэтле. День государственного праздника был выбран не случайно.

– Мой друг Брайан работал в студии, – объясняет Крэйг Монтгомери, записывавший ту сессию, – и он сказал, что в Новый год мы сможем воспользоваться студией бесплатно. Мы подготовили, записали и свели все песни за один день. Звук оказался не очень хорошим, потому что инструменты были в плохом состоянии.

«Nirvana» сыграла несколько песен, в том числе раннюю версию «All Apologies», «Aneurysm», «Even In His Youth» и песню, которая позднее превратилась в «On A Plain».

– Их не волновало качество звучания, – объясняет звукооператор. – Они просто хотели играть. Лишь у двух песен были законченные вокальные партии – «Even In His Youth» и «Aneurysm» [обе звучат сейчас просто превосходно: прекрасная в своей отчужденности «Even In His Youth» с отбойными ударными и «Aneurysm» – страсть, обнаженное нутро, призывный вокал]. У

остальных песен текста не было, поэтому вместо вокальных партий Курт издавал звуки, какие обычно возникали в его голове в процессе написания песни. Звуки были необработанными, шумными, негармоничными. Запись музыки требует времени.

В начале 1991 года «Nirvana» отыграла ряд концертов – 16 января в колледже Эвергрин-Стейт и четыре концерта в Канаде в начале марта. Наиболее известное выступление «Nirvana» – возможно, за всю их историю – состоялось 17 апреля в Сиэтле, в «OK Hotel». Они выступали в качестве хедлайнеров на концерте вместе с «Fitz Of Depression» и «Bikini Kill». Согласно большинству очевидцев, концерт проходил в пользу вокалиста группы «Fitz Of Depression» Майки Диса. Он должен был выплатить штрафы за дорожные нарушения – иначе он мог угодить в тюрьму.

Дис, правда, отрицает, что концерт был организован спонтанно и что он носил благотворительный характер.

– Концерт был запланирован давно, – утверждает вокалист «Fitz», – и после него мы собирались отправиться в турне вместе с «Melvins». После выступления Курт любезно предоставил нам дополнительные 250 долларов за свою часть концерта – чтобы мы смогли получить регистрационные номера для фургона и… да, заплатить по кое-каким штрафным квитанциям. Но я не помню, чтобы концерт был организован специально в пользу «Fitz».

Клуб был переполнен; на концерте присутствовали журналисты, снимавшие материал для документального фильма о сиэтлской музыке и окружающем ажиотаже под гениальным названием «Нуре!»[221]. Забавно, но не все билеты на этот концерт были распроданы – тем же вечером в городе проводилась вечеринка по поводу запуска сериала «Одиночки»[222]. Курт поднялся на сцену со словами: «Привет, мы распродажная коммерческая рок-группа с крупного лейбла». В сет-лист входили эмоциональные версии песен «Wild Thing» («The Troggs»), «D7» («The Wipers») и «Turn-around» («Devo»), а также незаконченная – Курт кое-где даже пропускал слова – версия абсолютно новой песни «Smells Like Teen Spirit».

– Я была на саундчеке, – вспоминает Кэрри Монтгомери, – вместе с Сьюзи [Теннант][223], конечно. Мы собирались дождаться конца саундчека и пойти поесть, но Курт сказал: «Я хочу сыграть одну новую песню…» Они сыграли ее от начала до конца, и мы переглянулись, будто спрашивая: «Что ЭТО было?»

– Когда они начали играть, я подумал: «Ух ты, хорошая песня», – говорит Джонатан Поунмэн. – «Да, очень цепляющий текст». А затем они дошли до припева – и время как будто остановилось на секунду. Все подумали одно и то же: «Это гениально». Реакция была мгновенной. Толпа будто сошла с ума.

Первая часть песни была очень хороша, но затем настало время припева – и предыдущий куплет был просто втоптан в землю.

– У концерта не было афиш – мы о нем узнали за несколько часов до начала, – вспоминает Рич Дженсен. – Я корпел весь день над расчетами и добрался до клуба не раньше семи часов. Все билеты были распроданы. На входе стояли огромные чуваки, как будто из олдскульной банды байкеров. Я подкупил одного из них, дав ему 20 баксов, и он меня пустил. Мне обязательно надо было туда попасть. Публика состояла не из депрессивных рокеров, как в Олимпии; там собрались «знающие» люди – то есть друзья, родственники и поклонники. Безусловно, это был один из лучших концертов в моей жизни. «Smells Like Teen Spirit» меня просто сразила; это было невероятно.

– В свои лучшие дни «Nirvana» была похожа на красавицу, выходящую из темноты, – объясняет Джеймс Бердишоу. – Они играли чокнутый, ужасный, грязный металл – но в то же время у них были милые поп-песни. Я не знаю больше никого из нашего поколения, кто мог по дороге в студию сочинить какую-то бессмыслицу, а потом сделать из нее гениальную песню. Я слышал, что «Teen Spirit» была написана именно так. То, что он мог одновременно выдавать такие замогильно мрачные тексты и жуткие, психоделические риффы, – это реально круто.

Через неделю после выступления в «OK Hotel» «Nirvana» отправилась в Вэн-Найс, штат Калифорния, в «Sound City Studios» – записывать свой второй альбом; продюсером был Буч Виг. Вига выбрали, по его собственному признанию, в последний момент. «Вроде бы продюсировать должен был Дон Диксон[224], а я планировался в качестве звукорежиссера, – рассказывал он Джиллиан Дж. Гаар. – Меня в то время никто не знал. Я впервые продюсировал альбом для крупного лейбла».

– Кто-то должен поблагодарить «Killdozer» – без них мы бы не узнали о Буче Виге, – комментирует Том Хэйзелмайер. – На тот момент он еще ни хрена не сделал, был простым парнем, который сидел в крошечной студии в Мэдисоне, но эти записи «Kill-dozer» просто посносили всем головы. Именно с них начался современный саунд – мощные, пробивные ударные, отдельные партии для бас-гитары, лид-гитары и оглушительных барабанов. Финансовые затраты на запись тогда не ставились во главу угла. Может быть, кто-то и хотел записываться у них, но не мог позволить себе сто пятьдесят баксов за студию.

В конце апреля Буч получил запись песен очень плохого качества. «Очень сырая магнитофонная запись, – рассказывал он. – Такой жуткий дисторшн, что я с трудом разбирал, что же

они играют. Но, послушав „Teen Spirit“ первый раз, я был очень воодушевлен. Я постоянно просил их сыграть ее».

Крист и Шелли отправились в фургоне «фольксваген» со всей аппаратурой; Дэйв с Куртом выехали на пару дней раньше – в раздолбанном «датсуне» Курта. Но через сто миль после выезда из Олимпии им пришлось разворачиваться обратно – машина постоянно перегревалась. Они вернулись в Такому, сбросили машину в карьер и полчаса кидали в нее камни. Затем они отправились к дому Криста и взяли старый белый «додж».

По пути в студию «Sound City» – известную по работе с «Foreigner», «Jackson 5» and «Cheap Trick» и даже с Ивелом Нивелом[225] – Дэйв с Куртом заехали на пару дней в Сан-Франциско повидать Дэйла Кровера и Дебби Шейн и затем в Лос-Анджелес – посетить парк развлечений «Universal Studios».

– Они хотели увидеть выступление «Flipper», – вспоминает Дебби. Эта прото-панк-группа из Сан-Франциско в то время как раз недавно воссоединилась. – Курт тогда со всеми хотел организовывать команды, поэтому мы отправились на репетиционную базу, где играла моя группа «Dumbhead» и «Melvins», и собрали на два дня группу под названием «The Retards». Мы репетировали мои песни, песни Дэйва, Дэйла и Курта. Тот, кто не играл в данный момент, следил за записью на четырех дорожках. Курт объявил, что у него есть песня, которая для «Nirvana» не подходит, так как для нее нет партии ударных. Когда Дэйл начал играть на барабанах, Курт сказал: «Ух ты, теперь у нас есть партия ударных». На следующий день он дописал вокал. Впоследствии этот номер стал песней «Drain You», когда Курт добавил кусок в середину, – теперь это уже не был металл, а скорее нойз в духе «Sonic Youth».

Шесть недель «Nirvana» жила в «Оаквуд апартментс», неподалеку от студии «Sound City». Здание находилось в престижном пригороде Лос-Анджелеса; лиловато-розовые и голубовато-зеленые стены, натюрморты с цветами и усыпанными листьями дорожками. Группа сразу же стала обживать свое новое жилище: музыканты рисовали на стенах граффити, переставляли мебель и ночи напролет проводили на пляже Венис-Бич. «Nirvana» была слегка ошарашена этим роскошным новым миром: тропическая жара вместо постоянного мелкого дождя, обшитые деревянными панелями коридоры студии «Sound City» и золотые диски Тома Петти и альбома «Rumours» группы «Fleetwood Mac» – все это не шло ни в какое сравнение с облупившейся краской студии «Reciprocal». И образ жизни они стали вести соответствующий – однажды Джону Сильве пришлось вносить залог за Криста Новоселича, который оказался в вытрезвителе

после ареста за вождение в состоянии алкогольного опьянения.

– Многие не замечали, насколько Крист сумасшедший, а ведь он был просто псих! – восклицает Кэрри. – В апреле 1991 года состоялся концерт, где «Sonic Youth» выступали на разогреве у Нила Янга. За сценой было множество бетонных туннелей – настоящий лабиринт, серый и стерильный. Гостеприимные хозяева дали нам тележку, загруженную доверху всякими напитками. И тут из гримерки «Sonic Youth» вылетает Крист и падает прямо на тележку. Мы все заорали: «Зачем ты это сделал? Мы хотели выпить!»

С тележки все попадало, а Крист валялся на полу и смеялся… его выгнали из клуба и даже, по слухам, раздали его фотографию всем охранникам. Через полчаса он вернулся – каким-то образом умудрился пролезть под сценой и пробраться за кулисы. В нем же два метра роста – как можно не заметить этого пьяного в жопу сумасшедшего Гулливера из Абердина, залезающего под сцену? Но он был самым замечательным парнем на свете, он и мухи бы не обидел. Вот почему было так забавно наблюдать его вместе с Куртом…

Я: Они как парочка комиков…

– Есть такое, – соглашается Кэрри. – Они походили на семейную пару, но обожали друг друга. Я никогда не видела, чтобы в мужской дружбе было столько любви. Но и ненависти тоже хватало, я уверена. Тогда это для меня стало откровением – я была о мужчинах худшего мнения.

2 мая группа взяла в аренду набор барабанов для Дэйва Грола – в том числе и невероятно громкий малый барабан по прозвищу Терминатор – в лос-анджелесской фирме «Drum Doctor». Стоимость 10-дневной аренды составила 1542 доллара – в два раза больше общей стоимости записи альбома «Bleach». Началась работа в студии. Записывались медленно, но иначе и не могло быть в тех условиях: бюджет изначально планировался в размере 65 000 долларов, а в итоге составил все 120 тысяч. Группа приходила в студию не раньше трех часов дня, до этого времени все играли в пинбол или спали – а Виг пока отстраивал звук ударных на старом микшере «Neve». К концу первой недели записали только основные партии. К концу второй недели были готовы 10 песен – но практически ни на одной из них не было вокальной партии Курта.

– Мы целыми днями бездельничали в комнате для отдыха в студии, лежали на диване и выпивали огромное количество стимулирующего сиропа от кашля и виски «Джек Дэниелс»; иногда я записывал одну-две строчки, – рассказал Курт Энн Скэнлон из «Мелоди мейкер». Затем он добавил в шутку: – Если

бы мы не уложились по времени, то купили бы песни у Глории Эстефан или группы «Warrant» [глэм-метал группа, в то время они как раз закончили запись альбома в «Sound City»], или у Джея Мэскиса. У Джея хренова туча песен, которые он постоянно пытается всучить людям: «Эй, не хочешь купить у меня песню за четвертак?» Когда говорят «четвертак» – имеется в виду четверть миллиона долларов. А мы можем себе позволить такие суммы – ведь у нас контракт с крутым лейблом.

«Nirvana» принялась за работу: участники проводили 8–10 часов в день в студии, постоянно меняли пластик на барабанах, а Буч без конца пытался уговорить Курта сыграть песню еще раз.

– Каких-то серьезных споров у нас не было, – утверждает Виг, – но я всегда мог определить, когда захожу слишком далеко. Несколько раз Курт просто откладывал гитару или уходил от микрофона, и я понимал, что больше от него ничего не добьюсь.

Дэйв с Кристом записывали свои партии достаточно быстро. Как и всегда, наибольшие трудности возникали со словами.

– Перед тем как переехать из округа Колумбия в Сиэтл, – вспоминает Баррет Джонс, – я прилетел в Лос-Анджелес. Я был в студии, когда Курт писал текст к «Teen Spirit». Тогда еще «Stay Away» называлась «Pay to Play». Собственно, я и предложил строчку «Stay Away». Они могли любую работу растянуть до бесконечности. А могли вообще ничего не сделать или целый день провести в студии и записать одну гитарную партию!

Наверняка было выкурено немало травки. Без этого не обходится ни одна запись в крупной студии. Кажется, чем больше денег тратишь на студию, тем больше времени расходуется впустую. Может быть, в этих студиях так хорошо, что хочется побыть там подольше. Наверное, нам нужно побольше дерьмовых студий. Я видел студии, в которых «The White Stripes» записывали свои первые альбомы, – там явно не захочется задерживаться сверх необходимости.

Я был просто потрясен тем, насколько хорошими оказались песни, – продолжает Баррет. – Я поспорил с Куртом, что в ближайшие полгода они окажутся на обложке «Роллинг стоун». И я выиграл это пари.

На «Nevermind» так много отличных песен, что даже не знаешь, с чего начать. Возможно, с последнего трека альбома, баллады «Something In The Way» с мелодичной партией виолончели. Она создает камерную атмосферу: будто сидишь в студии, рядом с Куртом, нежно перебирающим струны гитары, и глядишь в глаза наступающей ночи.

– «Something In The Way» – это самая негромкая и самая глубокая песня на «Nevermind», – рассказывал Буч Виг журналу

«Роллинг стоун» в 1996 году. – Мы попробовали записать ее вживую, но Курт пел и играл на гитаре так тихо, что были слышны только бас-гитара и ударные. Я предложил ему уйти в операторскую и записать свои партии отдельно. Курт решил сыграть на своей старой, разбитой пятиструнной акустической гитаре, настроить которую так и не сподобился. Пока я устанавливал микрофоны, Курт завалился на диван и начал бренчать по струнам. Я отключил телефоны, повесил знак «не беспокоить», выключил свет, запер дверь и нажал на кнопку записи. Его исполнение меня просто потрясло. Он ушел невероятно глубоко в себя и извлек изумительно яркий образ одиночества, усталости и паранойи.

Есть здесь и обдолбанная, сумасшедшая, хаотичная «Territorial Pissings», песня, открывающая вторую сторону оригинального винилового диска: припев из пафосной песни группы «Youngbloods»[226], который в начале трека выкрикивает с чирлидерским задором Новоселич; самозабвенная долбежка барабанов; пульсирующий вокал Курта. В каком-то смысле песню вдохновили обвинения, выдвинутые в конце 1960-х воинствующей феминисткой Валери Соланас в ее манифесте общества «SCUM» («Society for cutting up men» – «Общество по уничтожению мужчин»). Соланас воплотила в жизнь принципы своего учения в 1968 году – она стреляла в икону поп-арта, Энди Уорхола. Курт был тронут ее судьбой и сочувствовал идее о том, что миром должны править женщины – используя для этого любые средства.

Еще одна песня, которую критики упоминают, говоря о женском начале в творчестве Курта, – «Polly». Хотя на самом деле это завораживающее проявление темной стороны его мужского начала, отказ становиться на чью-либо сторону. «Polly» часто называется комментаторами самым ярким примером «зрелого» творчества Курта – как будто здесь вообще можно говорить о зрелости. Песню спровоцировала опубликованная в газете заметка об изнасиловании – маленькая девочка была замучена паяльной лампой. Лирическим героем Курт сделал преступника – обычный литературный прием, но он редко применяется для написания песен, хотя можно, например, вспомнить потрясающую песню детройтского рэпера Эминема «Stan». Цель Курта состояла в том, чтобы исследовать и показать весь ужас и мотивацию этого преступления. Последние строчки «It amazes me / The will of instinct» («Меня поражает сила инстинкта») жестко контрастируют со всеми остальными словами – и с очевидной мелодичностью песни. Годами позже Курт пожалел о том, что написал такую запоминающуюся мелодию – «Nirvana» играла на концерте, и 20

тысяч фанатов радостно подпевали Курту, лишая песню какого-либо смысла. Но это типичное для Кобейна противоречие – на прекрасную мелодию положить чудовищные слова.

Еще одна песня альбома, мощнейшая, энергичная «In Bloom», превратилась в убойный сингл.

– На мой взгляд, ударные партии, написанные Чедом для «Nevermind», – потрясающи. Но он нигде не упоминается, и это меня просто убивает, – комментирует Дэн Питерс. – Если нужно сказать «спасибо», это необходимо сделать. Партии Чеда есть на важнейших песнях, например «In Bloom».

«Lithium» – поистине гениальная песня: качественный дисторшн «Big Muff», мрачный призыв обратиться к религии, когда больше ничего не спасает. «Песня о парне, от которого ушли девушка, его друзья, и он размышляет, – объяснял Курт, очевидно рефлексируя над собственным мироощущением. – Он решает найти Бога, перед тем как убить себя. Мне трудно понять тягу к таким порокам, – добавил певец, явно забыв о своей все возрастающей зависимости от героина, – но я могу оценить их. Людям нужны пороки».

Именно во время записи «Lithium» Курт никак не мог сыграть свою партию как надо и настолько разозлился, что разбил свою гитару об пол. Виг не стал выключать микрофон и сделал получившуюся запись бонус-треком «Endless, Nameless» – он спрятан в конце финальной версии альбома. После завершения «Something In The Way»[227] этот трек продолжает играть еще 13 минут и 51 секунду. «Клевый, жесткий прикол», – говорил Новоселич. Прием, при помощи которого записан трек, был частично подсказан старым другом Курта Джесси Ридом. Когда они вдвоем жили в одной квартире в Абердине, Курт записал свой голос на пустую 90-минутную кассету, всего одну фразу: «Джесси, Джесси, я иду тебя ловить». Когда Джесси собирался спать, Курт ставил кассету в магнитофон и нажимал на кнопку «пуск»…

Песня «Breed» – это олдскульный Абердин, она не затерялась бы и на «Bleach». Чувствуется и влияние Дэйла Кровера – Грол всю песню барабанит изо всей силы, Крист и Курт не менее бронебойно поддерживают ритм. Гитарное соло – спутанное, дисгармоничное, в другой тональности. «Я никогда не сочинял соло, – говорил Курт. – Каждый раз, когда нужно было записать гитарное соло, я просто играл то, что мне хотелось, а затем брал лучшие куски».

«Come As You Are», напротив, очень обманчивая песня: под внешней жизнерадостностью в духе 80-х таится искренняя мольба о дружбе; в голосе Курта чувствуется столько горечи и страданий, что даже сейчас – пятнадцать лет спустя – ее больно слушать.

– [Песни] – это просто мои идеи, различные сценарии, всякая хрень из телепередач, книг, из общения с людьми, которых я встречаю, – рассказывал в 1991 году Кобейн журналистке Карен Блисс. – У меня много блокнотов, куда я записываю все это. В текстах я часто использую строчки из ранее написанного мной – стихотворений и всякого такого. Но многие тексты сочинялись за несколько минут до записи вокальной партии. Я не люблю подолгу над чем-то работать. Мне нравится спонтанность – она обычно пробуждает творческую энергию.

И наконец – ТОТ САМЫЙ сингл. С запинающегося рефрена в начале это чистый адреналин, революция, которая вот-вот произойдет. Короткое гитарное соло Курта – шедевр лаконичности, мелодия, которая каждой своей нотой ввинчивается все глубже в голову слушателя.

«Усаживайтесь поудобнее, лучшей музыки вы не услышите еще много лет, – писал я 9 ноября в „Мелоди мейкер“. – Черт, да, я знаю, что надо подождать еще неделю и все такое, но я не могу ждать. Я не вытерпел и купил этот сингл за границей.

Сингл года – если вы все еще не знаете, где ставить галочку в опросах читателей».

– Когда были готовы только первые, необработанные версии, все уже понимали, что это невероятная песня, – подтверждает Дэнни Голдберг. – Но никто не думал, что она станет настолько популярной. Мы думали, это будет крутой рок-боевик, такая визитная карточка «Nirvana», но никак не первый сингл с альбома – песня достаточно прямолинейная. Слишком экстремальная. Она должна была стать первым треком на альбоме, а первым синглом предполагалось сделать «Come As You Are». Никто не думал, что песня станет хитом номер один, но именно она покорила всех.

– Я хотел написать идеальную поп-песню, – признавался Курт журналисту «Роллинг стоун» Дэвиду Фрику в 1994 году. – Пытался передрать «Pixies». Когда я первый раз услышал «Pixies», я так на них подсел, что захотел играть в этой группе. Мы переняли от них чувство динамики, чередование мягкого, тихого саунда с громким и жестким. «Teen Spirit» построена на очень банальном риффе. Когда я сыграл его первый раз, Крист заявил: «Это же просто чушь».

По поручению Гэри Герша альбом был заново сведен Энди Уоллесом в «Sound City». Менеджер «Nirvana» решил не высовываться во время записи, понимая, что лучше пусть «Nirvana» считает, что «Geffen» практически не влияет на процесс создания альбома. И он так преуспел в этом, что Дэйв Грол даже

звонил Джону Сильве, волнуясь, не забыл ли Герш про своих новых клиентов.

Герш, однако, выступил на авансцену после того, как Виг показал ему сырые записи. Он был не очень доволен их звучанием, а Буча измотал процесс записи – группа на несколько дней отставала от графика. Герш решил позвать Энди Уоллеса, чтобы тот закончил работу и улучшил звучание. Его участие вдвое увеличило бюджет альбома.

Уоллес до этого работал с Мадонной и с группой «Slayer» над их радиоформатным металлическим альбомом «Seasons In The Abyss». Группу не очень вдохновляло его участие. Курт был не единственным человеком, считавшим, что получившийся саунд «больше подходит альбому „Motley Crűe“, чем альбому панк-рок группы». Грол жаловался на «слишком цифровое» звучание ударных. Но, как признавал Крист, все мирились с присутствием Уоллеса, поскольку хотели, чтобы этот чертов альбом поступил в продажу.

– Не было споров, – комментирует Голдберг. – Были нормальные обсуждения. Когда работа над «Nevermind» была закончена, мне позвонил Герш и сказал: «Мне не нравится эта запись, ударные звучат плохо». Мы провели собрание с группой, где Курт предложил попробовать что-нибудь другое. Герш предложил Энди. Курт послушал новую версию записи – и остался ею доволен.

Это был все тот же спор между старым добрым аналоговым звучанием, винилом (где саунд плотный и теплый) и цифровым CD (все отдельно, холодное звучание). Бучу был больше по душе американский андеграундный рок и живой звук «Nirvana», но Уоллес смог создать необходимое разделение между ударными и гитарами, чтобы обеспечить песням радиоэфир.

– «Nevermind» – это не гранж, – жалуется Чед Ченнинг. – Это чертов рок-альбом. Вот что происходит, когда попадаешь на крупный лейбл. Они хотят, чтобы все блестело и сияло, чтобы все было идеально. А это реальный отстой, потому что вытягивает душу из музыки.

– На мой взгляд, Курт всегда творил что-то свое, – говорит Чарлз Питерсон. – И мне кажется, что они это свое потеряли, оказавшись в большой студии. Я не поклонник «грязного рока», но «Nirvana» вывернула этот жанр наизнанку и сделала нечто особенное, абсолютно уникальное. И они потеряли частичку своей уникальности, когда «Smells Like Teen Spirit» засела всем нам в мозги.

Студийные пленки попали к инсайдерам, которые – не считая давних знакомых «Nirvana» по Сиэтлу – были потрясены

услышанным.

– О «Nirvana» я узнала, только когда Сьюзи Теннант сообщила мне, что «Geffen» подписал с ними контракт, – вздыхает Ким Уорник. – Сьюзи принесла мне диск «Bleach», и я поняла, что уже давно должна была его услышать. Совершенно очевидно – по тамбурину в «About A Girl», – что кто-то в этой группе слушал «The Beatles».

Вскоре после этого у Сьюзи оказалась демо-кассета «Nevermind», – продолжает бывшая басистка «Fastbacks». – Я поехала на работу в машине и взяла эту кассету с собой – и опоздала на 45 минут, потому что слушала «Teen Spirit» снова и снова. Охрененная песня. Сьюзи была вне себя от гнева, что я взяла эту кассету; она ей была нужна. Она говорила: «Ты знаешь, там есть еще хорошие песни». А я отвечала: «Мне плевать! Уверена, что они есть, но это лучшая песня в мире». Все группы, что отправлялись в турне в то время, брали с собой эту кассету – это была, наверное, самая копируемая запись за все времена. Если бы демокассеты могли становиться золотыми или платиновыми – эта стала бы. У всех моих знакомых она была.

Песен, не вошедших на альбом, осталось не очень много.

– В работе у нас было около пятнадцати песен, – рассказывал Виг Джиллиан Дж. Гаар. – К двум Курт так и недописал тексты. Одна называлась «Song In D»; очень яркая песня, в ней было что-то от «R.E.M.». Еще одна была более панковская. Еще была композиция, которую он играл в акустике, – такая блюзовая вещь. И возможно, Курт подарил рифф одной из своих песен Кортни для группы «Hole» – мне кажется, для «Old Age».

Идея обложки «Nevermind» пришла к Курту, когда он посмотрел документальный фильм о родах под водой – так и появился образ ребенка, гоняющегося за долларовой купюрой на крючке. «Geffen» нанял подводного фотографа Кирка Ведди, чтобы тот сфотографировал младенцев, плавающих под водой. Но появление пениса пятимесячного Спенсера Элдена на обложке – послужившее впоследствии предметом полемики – не было запланированным. «Среди младенцев были и девочки, – вспоминал арт-директор „Geffen“ Роберт Фишер. – Нам не был принципиален пол ребенка. Но так получилось, что в кадре оказался пенис».

На обратной стороне диска изображена игрушечная обезьяна Курта Чим-Чим на фоне коллажа из поврежденных влагалищ и мясных субпродуктов, висевшего на холодильнике Курта в Олимпии. «Это был мой расцвет как фотографа, – рассказывал Курт американскому журналисту Курту Ст. Томасу. – Все думают, что там настоящая обезьяна, а на самом деле это резиновая

обезьянка, которая у меня уже давно. Коллаж я тоже сделал очень давно. Фотографии с мясом я увидел на плакате в супермаркете и вырезал их, сделав гору мяса, а потом вклеил людей из Дантова ада так, чтобы они взбирались по этой горе мяса. Если посмотреть внимательно, на заднем фоне есть фотография участников „Kiss“, стоящих на куске мяса».

Фишер предложил музыкантам, чтобы Ведди еще раз снял их для обложки в бассейне в Вэн-Найсе, но – «Все, что могло пойти не так, пошло не так, – вспоминает директор. – В бассейне сломался насос, стоял сильный ветер, поэтому вода была грязной и холодной. Курт был очень болен. Он садился на бортик бассейна, пробовал ногой воду, пытался залезть в воду, но не мог».

Для фотосессии Курт нанял своего знакомого по «Sub Pop», Майкла Лэвайна. Нью-йоркский фотограф приехал в студию 23 мая.

– Стояла жара, в студии было очень темно, – вспоминает Майкл. – Там находились Крист с Бучем, и они с порога заявляют мне: «Послушай-ка это!» – и включают «Teen Spirit». Я говорю: «Охренеть, это же крутейшая песня!» Курт, спавший до того на диване, проснулся, обнял меня, открыл рот и показал десны. Его зубы просто гнили. Мы вышли из студии, поели такос, сделали кучу фотографий. Курт сказал: «Торопись, пока я не отрубился». Я ответил: «Ты хреново выглядишь – выпей-ка еще виски!» Он выпил целую бутылку «Джим Бима».

Дополнение 1: Питер Бэгг

Питер Бэгг, художник из Сиэтла, своим сатирическим комиксом «Ненависть», начавшим выходить в начале 90-х, внес решающий вклад в объяснение феномена поколения гранж. Повествуя о бестолковых, наркоманских, прокуренных концертах вымышленной группы «Stinky And The Love Gods», о бездельнике Бадди Брэдли и его постоянных ссорах с невротичными подружками Лизой и Валери, о параноидальном друге Бадди Джордже, Бэгг сумел передать дух Сиэтла так точно, как удавалось немногим – разве что еще Чарлзу Петерсону, «Mudhoney» и «Backlash». На самом деле, прочитав все выпуски комикса, можно составить куда более точное представление о жизни двадцатилетнего человека в 1991 году на тихоокеанском побережье Северо-Запада, чем прослушав кучу поцарапанных виниловых дисков. Хотя бы за это Питеру Бэггу стоит отдать честь.

Подобно авторам комиксов Роберту Крамбу и Гилберту Шелтону в 60-х, изображавшим хиппи и Сан-Франциско, Питер оказался в нужном месте и в нужное время, чтобы запечатлеть важное культурное явление. Гранж не был бы гранжем, если бы не было Бэгга, который придал ему форму.

– Все делалось очень интуитивно, – говорит художник. – Комиксы повествовали о людях, игравших в рок-группах. Так случилось, что я жил в Сиэтле; все было случайно. Когда я начал работать над «Ненавистью» – это был 1990 год, – мне уже было 32 года. В Сиэтл переехало издательство «Фантаграфикс комикс», и вдруг выяснилось, что у каждого работника есть своя группа и всем им нужен менеджер, чтобы тот их раскрутил. Все менялось очень быстро. В то время, когда я рисовал этот комикс, «Nirvana» считалась обычной группой, но к тому времени, когда были опубликованы все выпуски, они стали уже крупным явлением. Всех персонажей в комиксе зовут Курт. Никакого отношения к Курту Кобейну: это была моя очень личная шутка – дело в том, что во всех группах того времени, которые я знал, был парень по имени Курт [Блоч – в «Fastbacks», Дэниелсон – в «Tad»; Кобейн]. Единственный Курт, которого я знал по Нью-Йорку, писал свое имя через «С» [Curt] – это было сокращение от Кертис. Возможно, это что-то скандинавское?

Я: Вы, должно быть, посещали разные вечеринки, концерты – ведь ваши рисунки полны едкого сарказма. Вам не кажется, что вы иногда уж слишком преувеличивали?

– Если то, что я писал, звучало искренне, я не беспокоился ни о чем, – отвечает Бэгг. – Порой я придумывал что-нибудь совсем несусветное – просто чтобы позабавить читателя. И кто-нибудь обязательно присылал мне письмо, где утверждал: «Да, однажды со мной такое было». Что еще раз доказывает, что жизнь куда страннее вымысла.

Я: Мне вспомнилась одна из моих любимых историй о гранже, ее рассказал мне бывший сотрудник «Sub Pop» Майкл Джон: «Я только начал работать в клубе „Off Ramp“. Как-то раз я рано прихожу на работу, и мой босс Ян отводит меня наверх, в комнату бывшего работника клуба – наркомана, который украл какие-то деньги и сбежал. Ян говорит мне: „Оставь все, что хочешь, и выкини ненужное. Я бы на твоем месте надел перчатки – думаю, он тут ширялся“. Комната была выкрашена в ярко-желтый цвет, повсюду валялись мусор и порнуха, горели флюоресцентные лампы. Я захожу в кухню, на стене висит изображение распятия Христа.

В шею ему воткнут настоящий шприц, в нем все еще есть кровь, капающая с иглы. Я так и застыл. За окном шел дождь,

внизу в зале какая-то говнокоманда играла свой говнокавер на культовую песню „Mudhoney“ „Touch Me I’m Sick“. Меня будто заперли в матрице». И еще одна фраза: «Лузер – экзистенциальный герой девяностых».

– Верно, хотя очень уж противоречиво! – соглашается Бэгг. – Все равно что сказать: «Плохой парень был хорошим парнем».

Я: «…Тебе нечего терять, потому что у тебя и так ничего нет. Ты платишь слишком большие налоги, ты никогда не сможешь зажить нормальной жизнью, у тебя хреновая квартира. Ты работаешь без выходных, и все равно тебе не хватает. У тебя есть кредитная карточка, но ты вечно в долгах», – это сказал Курт Дэниелсон.

– Все остальные высказывания Курта Ди – это все та же пораженческая поза, которая была так по душе в то время бездельникам поколения Икс, – говорит Питер. – Они ни во что не верили по-настоящему и особенно не запаривались, чтобы сформулировать какие-то свои взгляды. Им просто нравилось ныть. Но гранж играли не только на Северо-Западе. Музыку, похожую на гранж, играли повсюду. Как назывался тот лейбл в Чикаго? «Touch And Go»? Разве музыка, которая записывалась там, это не тот же гранж?

Я: Верно.

– «Sub Pop» не стеснялся с ними общаться, – отмечает Бэгг. – Это еще одна причина, по которой Сиэтл стал ассоциироваться с гранжем. Если сравнивать с другими лейблами, то Брюс и Джонатан были самыми бесстыдными коммерсантами. Пока они работали вместе… Я просто хочу сказать, что они не лучшие бизнесмены, но сумели вытянуть миллионы баксов из «Warners». Им удалось убедить всех, что они нашли золотую жилу, но повезло им только с «Nirvana». Пэвитт всегда угадывал, что вскоре будет популярным. Он был очень непредвзятым чуваком.

Я: То есть вся эта музыка казалась вам нелепой?

– Конечно, кое-что мне нравилось, – отвечает Питер. – Но все в этих ребятах – то, как они одевались, какую музыку играли, – все напоминало мне начало 70-х. Кроме очевидных людей вроде Игги Попа, они напоминали мне раннего Элиса Купера, «Steppenwolf»[228] – знаете, до гранжа это называлось хеви-металом.

Мы считали это просто хард-роком. Фланелевые рубашки и теплое белье – когда я учился в школе [на Восточном побережье], мы носили их все время. Просто мы постоянно тусовались в лесу и напивались там – и носили эту одежду, чтобы не замерзнуть. Поэтому я очень удивился, когда в журналах стали рекламировать те вещи, которые я носил школьником.

Сиэтл был – да и сейчас остается – по-настоящему провинциальным городком, – заканчивает Бэгг. – В те времена люди испытывали большое подозрение к посторонним, к Нью-Йорку и Лос-Анджелесу относились со смесью обиды и зависти. Когда я только приехал из Нью-Йорка, меня всегда очень веселило то, как люди реагировали, если о них писали – я уж не говорю, писали хорошо – в журнале «Рокет»; это был просто вопрос жизни и смерти. Я говорил: «„Рокет“? Ну и что?» Мне было почти жаль эти группы, ведь они не получали удовольствия от этого внимания. Они будто не понимали или не ценили этого, ведь не каждый день твой город оказывается в центре внимания, становится явлением. Их это скорее пугало и злило. Они все время говорили: «Блин, тут так много журналистов». А я думал: «Сколько это еще продлится? Вряд ли Сиэтл будет интересен людям все время».

Дополнение 2: Стив Тернер

Я: В Сиэтле было что-то провинциальное, не так ли?

– Не то чтобы все тут не доверяют чужакам, просто сюда никто не приезжает, – говорит гитарист «Mudhoney». – Это перевалочный пункт. Я никогда не считал Сиэтл крупным городом. И до сих пор не считаю. Сейчас город как будто вдруг сильно вырос и обрушился, не выдержав собственного веса.

Я: Но где-то в 1991 году определенно наступил момент, когда местные музыканты стали вдруг негодовать…

– …по поводу тех, кто сюда приезжал, – соглашается Тернер. – Да, потому что понаехали совсем другие люди. Местные никогда не думали, что смогут куда-то пробиться. К тому моменту я уже перерос музыку, которую играли мои друзья в своих группах; я даже никогда не любил «Soundgarden» или «Mother Love Bone». Но когда сюда повалил народ и стал одеваться и играть музыку, подражая «Alice In Chains», – их музыку я возненавидел еще больше.

Группа «Mudhoney», – продолжает Тернер, – отреагировала на это альбомом «Every Good Boy Deserves Fudge» [1991 год]: абсолютный минимализм, слабенькие усилители, гаражные клавиши – и куча каверов на панк-рок-песни. Мы хотели напомнить, в первую очередь себе, за что мы вообще любим рок-н-ролл. И, конечно, в эту категорию не входила помпезная гребаная «Jesus Christ Pose» [сингл «Soundgarden»]. Для меня все было кончено в ту минуту, когда произошел первый взрыв, – я уже был сыт всем этим, даже «Mudhoney». Я сказал: «Беру перерыв

на год и возвращаюсь в колледж». В 1990 году я говорил, зевая: «Хрен с ним. Хватит».

Второй взрыв прогремел, когда началась эта фигня с «Nevermind» «Nirvana» – тогда все стало совсем хреново, – смеется Стив. – Первый взрыв – это было забавно какое-то время, а потом мне наскучило. У меня никогда даже не было заветной мечты – стать рок-звездой; мечты других людей об этом мне были отвратительны. Пойти в «Off Ramp» или куда-то еще – для меня это конец света. Я ненавижу все это. Ненавижу людей с прическами как у Корнелла [Крис Корнелл, вокалист «Soundgarden»]…

Глава пятнадцатая
«Любовь – это наркотик»

Именно во время записи альбома «Nevermind» Курт Кобейн впервые встретил Кортни Лав.

Взгляд первый: Эверетт Тру

Я помню ту гостиницу.

Откинув занавес, мы очутились в прохладном темном холле – после изнуряющего зноя это был настоящий рай. Спокойно, тихо. Волшебные огоньки мигали на деревьях – как будто на дворе уже Рождество; мягкие, пастельные тона; комнаты на первом этаже; консьерж, который даже не дрогнул, когда мы вошли.

Именно в этом отеле Принц, по слухам, ублажал дамочек в ваннах с лепестками роз. В этом отеле мы лежали в шезлонгах у бассейна, потягивая пиво и разноцветные коктейли, купаясь в лос-анджелесской неге, постоянно звонили в Лондон – просто поржать: «Как там у вас погода? Идет дождь? Что – не очень? Ай-яй-яй, как же так».

И именно в этом отеле я впервые встретил Кортни Лав и ее группу «Hole». Это было в мае 1991 года. У меня до сих пор стоит перед глазами картина, как они идут по кафелю с дальнего конца бассейна к тому месту, где лежали мы в своих английских плавках; как солнечный свет пробивался через смог и освещал взъерошенные волосы Кортни. На фоне других гостей отеля – с загорелыми ногами, в светлых нарядах – количество их одежды и худосочность бросались в глаза. Кортни была в рваных колготках, у барабанщицы Каролин Рю был пирсинг в подбородке – тогда это еще не вошло в такую моду, как сейчас, – а басистка Джилл Эмери выглядела крошечным черноволосым готом. А самым ужасающим из них был скромный гитарист Эрик Эрландсон – длинные тонкие волосы, бледная кожа, тощий, как Торстон Мур, – казалось, солнечного света он не видел несколько лет. Такое скопище фриков не являлось руководству гостиницы и в самых страшных снах. Кортни очень понравилась наша английскость, она постоянно смеялась над нашим акцентом. А может, и над плавками. Эрик отказался пожать мою руку, потому что – как он объяснил – тогда мы станем друзьями. А это неправильно – дружить с журналистом.

То, что «Hole» появилась на этой игровой площадке для

элиты, было абсолютно естественным. И в то же время нельзя придумать что-то более неуместное. В «Сансет маркис» даже автоматы с сигаретами прячут в подвал.

Позже мы разговорились.

– Люди делятся на два типа, – объясняла мне Кортни. – На мазохистов и садистов и на идеальных обывателей, у которых нет желания причинять боль или испытывать боль, – и таких людей большинство. Мы с тобой, Эверетт, в меньшинстве. Но мы немного чувствительнее всех этих тупиц, которые счастливы своими хорошими отношениями, хорошей жизнью и которые ничего не хотят. Они не хотят узнать истину и не хотят никого ненавидеть. Они не хотят зла, разложения или чистоты…

И это нормально, – продолжала она. – Я завидую этим людям, этим русским крестьянам, которые живут простой жизнью до ста двадцати лет, питаясь йогуртом. Они ни о чем не волнуются. Но ведь это так круто, – она будто умоляла о помощи, – быть такими, как мы; и лучше всего мне становится, когда я перестаю врать. Я настолько изолгалась, что, когда мне хватает честности быть искренней, я чувствую, что вновь обрела Бога. Я как будто очищаюсь, когда говорю правду – даже если это глубокая эмоциональная ложь.

Кортни никогда не забывала о темной стороне своей души.

– Мужчины боятся меня, но я уже давно не парюсь по этому поводу, – говорила она. – Я их пугаю, потому что меня не учили кокетничать, я не умею быть застенчивой. Я не знаю всех этих уловок и не собираюсь им учиться – потому что есть более важные вещи. Я общаюсь с людьми, у которых достает смелости быть со мной, и не общаюсь с теми, кто не отваживается на это.

Меня всегда ненавидели писаки, люди, которые отвечают на телефонные звонки. А любят меня те, кому эти телефоны принадлежат, те, у кого есть власть: Джулиан Коуп [культовый английский поп-певец], Элвис Костелло, Алекс Кокс [кинорежиссер] и… Эверетт Тру.

Над этой ее фразой я хохотал как сумасшедший.

Мы могли разговаривать бесконечно, страстно и энергично. Мы говорили о чем угодно, мы говорили обо всем – обо всем, что, по мнению Кортни, я хотел услышать. О том, как она заигрывала с динозаврами британского рока, о том, как над ней издевались в школе, о том, чего СМИ ожидают от женщины, о любви, желании и ненависти.

Перед началом разговора Кортни приняла душ и небрежно набросила мой белый фланелевый халат, лежавший в номере. Ноги были босыми, на обнаженных бедрах бросался в глаза цвет ее кожи – белее белого; она смеялась над Джилл – паранойя

басистки росла с каждым днем. Кортни выгнала всех из комнаты – мы остались вдвоем, наедине.

30 минут я сдерживался, чтобы не задать девушке прямой вопрос. Я знал, он ей не понравится. Как только она заговорила, моя жизнь пришла в бесконечное движение – пока однажды летом не обрушилась с треском на землю. Но я забегаю вперед.

Привет, Э. Т.

Да, память у меня ни к черту, но я отлично помню, как мы тебе первый раз давали интервью; какой ты был злой и как пытался залезть Кортни в трусы. Помню, как мы с тобой покупали китайскую еду в Сиэтле, в те грустные нереальные дни после смерти Курта. Помню, как снимал на камеру, когда ты выкатывал его в инвалидной коляске в Рединге. Помню, как мы с тобой в Рединге лазали через заборы, чтобы посмотреть на «Elastica». Помню, как ты забрался к нам на сцену в Сент-Луисе и пел какие-то песни. Помню, как мы с тобой вмазывались герычем в «CBGBs». Шучу, конечно. Извини. Помню интервью «Vox» и фотосессию в студии в Олимпии.

Эрик

Мне довелось прочесть такое количество полуправды и лжи о Кортни Лав, что я уже в своих воспоминаниях не могу отделить факт от вымысла. На самом ли деле Кортни познакомилась с Куртом в Портленде в 1990 году? Это в деталях описывают как Поппи З. Брайт в своей полуофициальной биографии Кортни Лав, так и Чарлз Кросс, тщательно изучавший (а затем сам и создавший) мифологию Кобейна «Heavier Than Heaven» («Тяжелее неба»)[229]. Но Эрик Эрландсон, бывший парнем Кортни в то время, думает по-другому, как и другие ее близкие друзья. С ними соглашались и сами Курт с Кортни.

В интервью «Сэсси»[230] в январе 1992 года они рассказывали, что впервые встретились на совсем другом концерте. «Я видела его выступление в Портленде в 1988 году[231], – рассказывала Корт-ни журналистке Кристине Келли. – Мне он показался страстным и симпатичным, но я не могла сказать, умен ли он, искренен ли он. Затем я встретила его на другом концерте год спустя». «„Butt-Hole Surfers“», – подсказал Курт. «И „L7“, – добавила Кортни. – Я реально бегала за ним, не очень агрессивно, но достаточно, чтобы смутить некоторых девушек».

И тем не менее каждый раз, когда я читаю официальную версию первой встречи Курта и Кортни, она обрастает все новыми деталями; прекрасная фантазия, в которой нашлось месту Дэйву Пирнеру (вокалист «Soul Asylum» с взъерошенными светлыми

волосами, как у Курта), панк-року, импровизированной борьбе и обмену стикерами для гитарных чехлов. Полная чушь. Да, и не забудьте про надушенную коробочку в форме сердца с «тремя засушенными розами, крохотной фарфоровой куклой, миниатюрной чайной чашкой и ракушками, покрытыми лаком», которую она якобы отправила Курту в конце 1990 года в Олимпию. Чушь. Тогда Курт ее даже не интересовал.

Повлияла ли Кортни на имидж «девочки-шлюхи» и соответствующую музыку своей подруги, вокалистки «Babes In Toyland» Кэт Бьелланд – имидж и музыку, которые позднее переняла сама? Так не считает парень, живший тогда вместе с Кэт в Миннеаполисе. Как долго Кортни была замужем за своим первым мужем, травести Фоллингом Джеймсом из лос-анджелесской панк-группы «The Leaving Trains»? Достаточно долго, чтобы настал момент положить конец этим отношениям, о чем она однажды мне рассказала.

Итак. Вот что я – более или менее точно – знаю. Кортни Лав, урожденная Кортни Мишель Харрисон, родилась 9 июля 1964 года в Сан-Франциско. Ее отец Хэнк Харрисон был роуди «Grateful Dead», и, по слухам, именно он нанял байкеров из банды «Ангелы ада» в качестве охраны на скандально известном бесплатном концерте «Rolling Stones», состоявшемся 6 декабря 1969 года в клубе «Altamont Raceway», неподалеку от Ливермора, в Северной Калифорнии[232]. Ее мать, Линда Кэрролл, стала врачом и приобрела дурную славу в американской контркультуре как человек, убедивший преступницу Кэтрин Энн Пауэр сдаться властям после 23 лет, проведенных в бегах[233].

Кортни меняла имя несколько раз, много путешествовала по миру в юности – Портленд (исправительная школа), Новая Зеландия, Япония (здесь она стала стриптизершей), Ирландия и в 1981 году Англия, где она познакомилась с Джулианом Коупом и участниками группы «Echo & The Bunnymen». Она пела в одном из первых составов «Faith No More», какое-то время в «Babes In Toyland», а затем создала в Миннеаполисе жутко готическую группу «Sugar Baby Doll» – вместе с Дженнифер Финч и Кэт Бьелланд. Она пробовалась на роль девушки Сида Вишеса Нэнси Спанген в байопике Алекса Кокса «Сид и Нэнси» (1986), а в итоге сыграла главную роль в пародийном спагетти-вестерне того же режиссера «Прямо в ад». В Портленде она составила планы «покорения» музыкальной индустрии, накорябав их в своих дневниках[234], которые были позже обнаружены Лоис Маффео, певицей из Олимпии. И, вдохновившись этими дневниками, Лоис создала милую лоу-фай-группу «Courtney Love».

– Вы должны понимать, Кортни была личностью, –

комментирует Рич Дженсен. – Она могла пойти на вечер поэзии в «Икс-рей кафе» в Портленде и громогласно рассказывать о деталях устройства своего тела. Она хотела, чтобы на улицах Портленда ее признали как сильную личность. Поэтому, когда она оставила дома дневник, всем было интересно почитать, что же она там пишет.

Вернувшись в Лос-Анджелес, она опять стала подрабатывать в стриптиз-барах и в 1989 году ответила на объявление, размещенное Эриком Эрландсоном в журнале «Рисайклер», о том, что новой группе «Hole» требуются «люди, слушающие „Big Black“, „The Stooges“, „Abba“ и „Fleetwood Mac“».

– Поначалу мы старались брать напором и агрессией, – объясняет Эрик. – У нас было три гитариста: один тянул всех в спид-метал, Кортни творила безумства на своей гитаре «Rickenbacker», плюс я – со своими странными мелодиями и вокалом. Потихоньку весь этот хаос начал упорядочиваться. И в итоге в группе осталось два гитариста – я и Кортни. Мне всегда нравились нью-йоркские команды, в которых два гитариста ведут разные партии. Нам не хватало техники, чтобы играть стандартный гитарный рок или поп. Поэтому мы создали собственную версию нью-йоркской музыки.

Возможно, впервые Кортни увидела «Nirvana» на концерте в клубе «Satyricon» в Портленде – но это выступление вряд ли могло ее тогда впечатлить. (Ей всегда больше нравился ню-метал и плохой английский нью-вейв). Возможно, ее мнение изменилось после того, как в музыкальный магазин, в котором она работала, пришла первая партия записей из «Sub Pop».

– Я бы никогда не собрала группу, если бы не «Mudhoney», – говорила мне Кортни в 1992 году. – Когда Кэт выгнала меня из моей же группы, на меня навалилась депрессия, я уехала обратно в Портленд с мыслью, что всю оставшуюся жизнь буду танцевать стриптиз. Но потом я услышала «Touch Me I'm Sick» – и была спасена. Я знала, что могу так же кричать под музыку. Поэтому в поисках людей для группы я на пару дней приехала в Сиэтл – Портленд был ужасной дырой. Я прикинула, что в Сиэтле должны найтись клевые девчонки, которые слышали про «Mudhoney», «Big Black» и «The Fall». Но спустя два дня я поняла, что мне нужно ехать обратно в Лос-Анджелес. Не спрашивай меня почему – я знаю, Лос-Анджелес грубый город. Но это мой город. На то Рождество я отправила Дженнифер запись «Mudhoney» – она вдохнула в нас новую жизнь. Дженнифер уговорила меня приехать в Лос-Анджелес, чтобы собрать с ней группу. Мы сидели и слушали эту запись, снова и снова. Это была очень цельная музыка, да и сейчас она остается такой. Так я придумала

название для своей группы – в честь цельности музыки «Mudhoney»[235].

Хотя, возможно, «Hole» была названа в честь Марка Арма – имеется в виду «дыра в душе Марка Арма». Но Арм к тому моменту уже не признавал Кортни…

– Впервые я говорил с Кортни Лав по телефону, – вспоминает фотограф Чарлз Питерсон. – Я пришел к Марку Арму, и Марк протягивает мне трубку: «На, поговори с Кортни». Я переспросил: «Кортни?» Он сказал: «Ну да, она играет в группе „Hole“, знаешь такую?» Кортни была невероятно несносной. В ней присутствовала определенная энергетика, или обаяние; нет, вряд ли это можно назвать обаянием. Какая-то загадка. Это все связано с панком, с его страстью.

Когда Дженнифер начала встречаться с Гролом, Кортни стала больше интересоваться «Nirvana». Хотя парнем Кортни тогда являлся вокалист «Smashing Pumpkins», эгоцентричный и пафосный Билли Корган, ее привлекала энергетика Сиэтла и его чокнутых звезд вроде Арма – потому что Кортни сама была чокнутой. Первый альбом группы «Hole» – «Pretty On The Inside» (1991 год) – испытал влияние и гранжа, и «Sonic Youth». Более того, басистка «Sonic Youth» Ким Гордон принимала участие в записи этого пронзительного, энергичного альбома. Чистая, ужасная, громогласная и искаженная беспричинной яростью музыка – возможно, ничего более интересного Кортни никогда не записывала.

– Кортни, королева пиара, – смеется Чарлз. – Когда я увидел ее во плоти, она была с Куртом. Меня это удивило, потому что я не представлял их вместе. Я часто видел где-то Кортни, часто видел Курта. И очень редко я встречал их где-то вместе.

В песне «Asking For It» со второго альбома «Hole» «Live Through This»[236] есть строчки, взятые прямо из моего второго интервью, которое я брал у Кортни в 1991 году в своей квартире в Криклвуде. «Каждый раз, когда я продаюсь тебе, – поет она, – я чувствую, что беру маловато денег. / Я сорву с тебя все лепестки / Красных роз, ты мне расскажешь все как есть». То, как она интонирует эти строчки, заставляет вспомнить темы, которые мы ней обсуждали в ходе тех первых интервью. Песня «Softer Softest», начинающаяся словами «Я расскажу тебе все, надеюсь, ты никому этого не скажешь», также говорит об отношениях, не имеющих ничего общего со стандартными беседами журналиста и музыканта.

Конечно, наши отношения были… какими? Друзья и коллеги говорят мне, что Кортни пользовалась мной, пользовалась моим положением для достижения собственных целей – а потом

бросила меня; что она манипулирует людьми, безумно амбициозна и что она очень-очень плохой человек. Другие утверждают, что за последнее время она повзрослела, стала хорошей актрисой и ярым сторонником определенных прав, например прав женщин. Но ни у кого не вызывает сомнений все, что касается отношений. Ну конечно.

Только вот Кортни не «бросала» меня. Наши пути разошлись, как это часто бывает с друзьями. В 1995 году вышел роман Барни Хоскинса «Мальчик с одинокой планеты» – в нем рассказывалась история отношений наивного музыкального критика из Англии и порочной рок-дивы, ввергшей его в омут омерзительной жизни, полной наркотиков и унизительного секса. Сходство поразительное. Я готов всему этому поверить. Ведь именно это и привлекало всех нас в ней, не так ли? Запретный плод сладок.

С Кортни было безумно весело; только она умела так трогательно обращаться за помощью и поддержкой, хлопая глазками, как заблудившаяся маленькая девочка, когда ей было реально хреново. Разве это плохо? С ней я чувствовал себя особенным – самым нужным человеком на земле. Да пошли вы в жопу, тупые обыватели, вы даже этого сделать не можете.

В конце нашей первой встречи я оттирал виски с ее штанов. Ближе, чем тогда, я к ней не подходил, и это была именно та дистанция, на которой я хотел от нее находиться. Когда бы мы ни встречались, я каждый раз доводил ее до слез, когда напивался и вел себя низко – то есть всегда. Я говорил о ее лишнем весе, отсутствии голоса и таланта. Я не хотел этого. Но она делала так, что мне это нравилось и – да, я наслаждался.

Да, я переслушивал бутлеги концертов «Hole» 1991, 1992 и 1995 годов… кто говорит, что я не приложил руку к ее плохому поведению? Секрет моей любви к «Hole» – музыка. Те два первых сингла, которые я получил, ничего за них не заплатив, «Retard Girl» и «Dicknail», как будто открыли мне двери в более темный, неспокойный мир.

– Я пригласил Кортни Лав на свидание, только чтобы повыделываться перед тобой, – однажды признался мне Курт Кобейн.

Я никогда не понимал, правду он говорит или нет. Он пытался меня завести? У Курта было очень извращенное чувство юмора. Певец утверждал, что это произошло тем же вечером, когда я их познакомил – в мае 1991 года, в Лос-Анджелесе, на концерте «ButtHole Surfers», любимых тормознутых детей Остина. Конечно, это возможно. Но откуда мне знать наверняка?

– После, когда мы с тобой добрались до квартиры, – продолжал Курт, – ты не умолкая трещал о том, какая

замечательная девушка эта Кортни Лав, как ты встретил ее и как ты собираешься сделать из нее самую крутую звезду в мире. Поэтому я решил поступить как самовлюбленная, стервозная рок-звезда. Я начал хвастаться, что смогу договориться с ней о свидании, если только захочу. И я сделал это. Я позвонил Кортни тут же, в два часа ночи, и договорился о встрече на следующий день. Я туда не явился, конечно. Я только хотел досадить тебе[237].

Конечно же, Курт знал меня достаточно хорошо, чтобы разглядеть знаки влюбленности в своем пьяном английском дружке. Влюбленность? Конечно. Конечно, я был влюблен в Кортни. Уже при первой нашей встрече она продемонстрировала свое умение делать так, чтобы вы чувствовали себя самым важным человеком на свете во время разговора с ней. Курт это понял. Возможно, ему самому не удалось этого избежать. Я был пьян. Да, наверное, я все время говорил только о ней. А как можно лучше досадить своему другу, чем пригласить на свидание предмет его страсти?

У каждой истории есть начало. На протяжении следующих лет и Курт, и Кортни постоянно напоминали мне, что именно я их познакомил. «Это ты виноват, – смеялись они, прекрасно осознавая, что многие считали, будто Кортни вышла за Курта только по расчету. – Не беспокойся, мы тебе будем платить десять процентов со всех отчислений»[238].

Я помню тот концерт. Это было в мой первый приезд в Лос-Анджелес. Как я могу это забыть? «ButtHole Surfers», «Redd Kross» и «L7» – прекрасный подбор исполнителей! Меня не было в списке гостей, поэтому я пришел пораньше, во время саундчека, чтобы успеть пробиться внутрь; я прошел мимо огромной очереди из панков и фриков, растянувшейся по всей бетонированной площадке, вдоль которой расхаживали подозрительные охранники с оружием. Внутри я наткнулся на менеджера «Redd Kross» (и «Beastie Boys») Джона Сильву. Сильва на тот момент уже несколько месяцев – я этого не знал – был менеджером «Nirvana».

Я сказал ему, что у меня задание. В тот вечер, когда мы заселились в отель в Лос-Анджелесе, я заметил афишу концерта «Hole», который должен был состояться через 8 дней. Я не знал, что это за группа. Я только слышал их музыку, брызжущую ядом, спермой, желчью, страстью поверх яростных риффов в стиле «Black Sabbath». Два их сингла просто взорвали мой мозг. Я отчаянно хотел с ними увидеться. Я ничего о них не знал. Я понял только, что они из Миннеаполиса, потому что узнал о них от Кэт Бьелланд. А у них так скоро был концерт! Я должен был с ними встретиться. Поэтому я спросил Сильву, не в курсе ли он, кто это

такие и как мне связаться с их вокалисткой. Сильва был из тех парней, которые знают всех.

– Я могу сделать кое-что получше, – сказал он мне. – Я могу тебя познакомить с ней прямо сейчас.

Так я и познакомился с Кортни Лав.

Я до сих пор вижу, как она тогда выглядела, когда шла через пустой танцпол навстречу мне, громкая и грязная: размазанная косметика, рваные колготки, неоновый свет, сияющий в ее тусклых светло-желтых волосах. Она представилась и в последующие несколько минут успела упомянуть полдюжины известных людей, с которыми, по ее словам, она была очень близко знакома. Она угостила меня виски и потребовала, чтобы я угостил ее в ответ.

Ни у меня, ни у нее не было денег, поэтому мы носились по комнате, воруя или выпрашивая выпивку, становясь все более агрессивными и пьяными. Кто-то познакомил нас с кудрявой девушкой из «Bill & Ted's Excellent Adventure». Кто-то из «L7» подсыпал в наши стаканы кислоту. Мы болтали или возились, а комната кружилась над нашими головами. Мы отчаянно хорошо поладили. Я был музыкальным критиком из Англии, искавшим Новую Суперзвезду. Она была начинающей актрисой и музыкантом, которая мечтала стать этой Новой Суперзвездой. Ей нравилось внимание, которое ей уделял «именитый» английский журналист. Мне нравилась любовь, которой она одаряла меня взамен, – даже если меня и раздражало то, что Кортни интересует моя мотивация и что иногда она начинала ко мне приставать. (Какое мне дело до того, какой формы у кого-то нос, если единственное, что меня поддерживало в жизни, – это чистота моей страсти к музыке?) Мы тайком проникли через бархатные занавески в ВИП-зону на верхнем этаже, пробравшись под канатами в тот момент, когда охранники отвернулись. Никто не мог нас остановить. Мы были неприкасаемыми. Позднее появилась «Nirvana». Группа из Абердина записывала в городе «Nevermind», ключевой альбом эпохи. Когда Курт увидел меня, его глаза загорелись. Было очевидно, что мы с Кортни творим какое-то серьезное нарушение общественного порядка. Увидев нас – пьяных, орущих, ведущих себя вызывающе, – он поступил самым естественным для него образом: направился к двум самым пьяным, обдолбанным людям во всем клубе и начал кататься по полу вместе с ними.

– Как дела? – спросил Курт – мы с Кортни едва стояли на ногах. – И кто это с тобой? Ты не хочешь нас познакомить?

– Я знаю тебя, – завизжала Кортни. – Ты Курт Кобейн, и ты засранец.

Бах! Не успев договорить эту фразу, Кортни ткнула Курта в живот – привычное приветствие для альт-рокеров в то время. Курт упал и увлек меня за собой. Я уцепился за Кортни, и мы втроем повалились на пол перед сборищем лос-анджелесских модников с их широкими лацканами и узкими джинсами. Охранники стали проявлять интерес по отношению к трем пьяным придуркам, портящим своим видом всю рок-н-ролльную обстановку. «Не трогайте Курта, – закричала Кортни. – Это же гребаная РОК-ЗВЕЗДА!»

Курту понравилась эта мысль, поэтому он вцепился Кортни в шею. Когда формальности были позади, мы сошлись на том, что нам нужно выпить. Вот и все. Курт познакомился с Кортни.

Мне бы хотелось написать, что между ними тут же проскочила искра, свет любви озарил их глаза, как только они увидели друг друга, но… это полная чушь. Будущие муж и жена понравились друг другу в ту ночь в Лос-Анджелесе только так, как могут нравиться друг другу два пьяных человека. Два клубных животных в поисках алкоголя, способов словить кайф, получать удовольствие и просто обдолбаться. Две локальные рок-звезды, наслаждающиеся свободой, которую приносит чрезмерное употребление горячительных.

На следующее утро я проснулся под стеклянным столом в абсолютно раздолбанной комнате «Nirvana» в «Оаквуде», совершенно голый. В воздухе висело густое облако дыма марихуаны; Крист и фотограф «Мелоди мейкер» Фил Николз были увлечены глубокой философской дискуссией (возможно, о наркотиках). Спина у меня болела – кто-то случайно сбросил на меня тяжелую стеклянную пепельницу. Все, что я слышал, – как Курт Кобейн хвастался, что пригласил на свидание девушку, с которой мы познакомились вчера вечером. Успокаивая воспаленное воображение, я посмотрел на часы – черт, шесть утра! – вышел на улицу в одних трусах, подозвал такси – и уехал вместе с Николзом обратно в Голливуд. На восемь часов у нас было назначено интервью.

Взгляд второй: Дебби Шейн

– …«Melvins» отправились в турне, и Курт позвал меня к себе. Он сказал: «Слушай, они тут нам оставили комнату, приезжай в любое время, приезжай на выходные, сейчас тут Шелли вместе с Кристом». Они постоянно звонили и спрашивали: «Ну когда же ты приедешь?» В конце концов, однажды я решила съездить к ним. Мы договорились встретиться на концерте «Butthole Surfers» и

«L7» в «Hollywood Palladium», а оттуда собирались отправиться в гостиницу. Мы прилетели, взяли напрокат машину, заблудились и, в конце концов, оказались в клубе. Мы приехали очень поздно. Отыскали Курта – с ним был Крист, пьяный вдрызг. В тот вечер то ли его оштрафовали за вождение в нетрезвом виде, то ли он чуть не сбил кого-то на парковке. Еще там была Кортни – о ней я читала и слышала от своих знакомых, которые знали ее или были на ней женаты. Она была…

Я помню, как после концерта мы стояли снаружи, и Курт хотел уехать в гостиницу и спрашивал меня, как я на это смотрю. Он просто хотел уехать. Я почти уверена, что мы досмотрели до конца выступление «ButtHole Surfers». В машине кроме меня были Алекс, Курт и вроде бы Баррет (Джонс)… и вроде бы ты тоже был тогда в машине, да? Ты был вместе с Кристом.

Я: Курт что-нибудь говорил про Кортни той ночью?

– Он что-то бормотал себе под нос. Кто-то говорил, что она пыталась увезти его с собой, но он не захотел. Моя подруга Алекс вела тогда дневник, и недавно она прислала мне по электронной почте фразу, которую Курт сказал той ночью и которая могла иметь отношение к Кортни: «Я хочу познакомиться с женщиной в два раза умнее меня и в два раза сильнее меня». Мы вернулись в квартиру, какое-то время все было тихо, потом начался хаос. Там был один пьяный англичанин, мне кажется, его звали Эверетт Тру, он шатался по кустам. Не помню, зачем мы вышли на улицу, но помню, как этот пьяный чувак из Англии кричал: «Я люблю Кортни Лав. Я люблю Кортни Лав». Потом он упал в кусты, нам пришлось его поднимать оттуда. «Я люблю Кортни Лав. Я хочу жениться на Кортни Лав».

Я: Ты той ночью не спала?

– Ну, Крист начал кидать из окна вещи. Он кинул пепельницу и попал в Алекс. Она заплакала, он начал перед ней извиняться. Я помню, что весь номер разгромили. Крист был огромным и мог поднимать большие вещи: кофейные столики, диваны. На следующий день мы с Алекс отправились в Голливуд. Я купила гитару и сделала себе татуировку, которую давно собиралась набить. Дженнифер из «L7» устраивала грандиозную вечеринку, но Курт не хотел туда идти, поэтому мы остались дома и смотрели телевизор. Он решил дописать текст к песне; а мы смотрели очень клевый мультик, «Ночной полет», он нам просто вынес мозги. Затем Курт что-то написал. Интересно, имело ли это хоть какое-то отношение к мультику.

Я: А следующим вечером Курт говорил что-нибудь о Кортни?

– Нет. Он сочинял стихи. Он переживал из-за того, что им пора ехать в студию и ему нужно написать текст. Я купила пива, и

он даже не стал пить. Я помню только, как мы с ним смотрели телевизор, и больше там никого не было. Не знаю, что произошло потом.

Я: Как тебе показалось, это была их первая встреча?

– На том концерте? Да, безусловно.

Я: Почему ты так считаешь?

– Раньше Кортни во всех интервью говорила о парне по имени Курт Кобейн, с которым она хотела бы познакомиться. Насколько я знаю, до того вечера они никогда не встречались. Мне кажется, Курт даже что-то такое сказал в машине, вроде: «Наконец-то я познакомился с Кортни».

Взгляд третий: Дженнифер Финч

– Я была знакома с Кортни со школы, и она всегда стремилась к саморазрушению, встречалась с мужчинами. Однажды она сказала мне, что очень хочет познакомиться с Куртом. Я ответила: «Тебе не понравится Курт. Он ужасный парень и движется в никуда…» – Дженнифер Финч пожимает плечами, смеется. – Похоже, предсказательница из меня никудышная. Она сказала: «Нет, я действительно хочу с ним познакомиться». Это был ее день рождения, мы организовывали концерт «Rock for Choice» и включили обе группы в заявку, чтобы она смогла воочию убедиться, насколько Курт ужасный человек. По-моему, они тогда не сошлись по-настоящему, поэтому все нормально.

Я: Они встретились тем вечером?

– Кортни говорила мне до того, что никогда с Куртом не встречалась и что очень хотела с ним познакомиться – это было главной целью. Потом она благодарила меня. Именно тогда они и познакомились. Насколько я знаю, они встретились той ночью и уехали вместе с тобой; они вели себя ужасно вызывающе. Я так злилась, что дала им бутылку виски. Я думала, что они напьются и Кортни увидит, какой Курт плохой. Я его не любила, Эверетт, поэтому теперь никто не берет у меня интервью. Это был концерт в Лос-Анджелесе в «Palace».

Я: А как же Дэйв Грол?

– В каком смысле? – смеется Дженнифер. – Мы уже не вместе. Я тебя пугаю?

Я: Да, но ты не переживай. Сейчас такое время, что меня все пугают. Почему тебе не нравился Курт?

– Он просто был очень замкнутый, очень эгоцентричный, но мог быть и милым. Мне нравился Курт; но я не считала, что он

подходящий парень для моей подруги. В этом смысле я очень упряма. Мне казалось, что он извлекал больше пользы от их отношений, и в творческом плане тоже. Я думаю, Кортни могла многое ему дать, и она дала ему многое.

Я: Этот концерт «Rock for Choice» – это было до того, как ты ездила в турне по Великобритании с «Nirvana»?

– Знаешь, такие вопросы мне лучше не задавать.

Я: Насколько я помню, ты называла себя кладезем информации.

– Ну, я говорила про понятия и отдельные воспоминания. Нет, это было после турне по Великобритании с «Nirvana». Нельзя сказать, что на концерт пришло очень много зрителей. Было весело. С Куртом тогда еще по-прежнему было весело, он выглядел очень оживленным… С Кортни я познакомилась на новогодней вечеринке в Лос-Анджелесе.

Я: Сколько тебе было лет?

– Не хочу говорить, потому что это вроде бы даже было не в 80-х. А тех, кто считает, что я родилась в 1974 году, это может расстроить.

Я: В 1991 году в Лос-Анджелесе состоялся концерт, на котором я надрался вдрызг. Ты помнишь его? В тот вечер я впервые встретил Кортни. Чуть раньше мы начали бороться и стали друг друга пихать.

– Я помню, как мне хотелось умыть руки от всего этого. Два рок-профессионала, которые могут реально изменить историю рока, а вместо этого… как называется, когда что-то превращается в жидкость и летает по всей комнате? Единственное место за сценой, где я вас не видела, – это балкон.

Я: Да, мы боролись, катаясь по полу, и пытались залезть под бархатные канаты. Ты можешь вспомнить какие-нибудь детали?

– Я помню только то, что происходило со мной. Как Донита [вокалистка «L7»] расстраивалась из-за того, что Кортни постоянно заявляется, начинает во всеми заигрывать и орет громче всех. Кортни познакомила нас с тобой. Сказала что-то вроде: «Это мой друг Эверетт».

Я: «Nirvana» была на том концерте?

– Нет, их там не было.

Я: Нет, были. Курт прыгнул на нас с Кортни и стал бороться вместе с нами.

– Интересно. Тогда почему она говорила мне, что никогда его до того не встречала?

Я: Спроси свою подругу Кортни. Она также говорила, что они встречались в Портленде в 1990-м.

– Понимаешь, я очень смутно все это помню. Тогда ведь

Кортни еще встречалась с Билли [Корганом], она звонила мне и говорила, что очень хочет познакомиться с Куртом, но никогда до этого с ним не встречалась. Я помню это очень отчетливо. Может быть, она просто говорила, что хочет узнать его получше. Ну что, позвонить Кортни и спросить ее?

Я: Конечно, только не говори ей, что я здесь.

– Мне кажется, это было в 1990-м. Донита меня вроде бы случайно задела колками гитары и рассекла мне губу – во рту у меня лопнуло сухожилие. Оно целый месяц заживало. Вот такие у меня есть материальные свидетельства.

Я: То есть ты не веришь, что Курт был на том концерте?

– Не хочу преуменьшать значение этой ситуации, но единственное, что я помню, – как вы с Кортни катаетесь по полу с правой стороны от сцены. Я не помню какого-то одного концерта. Вы ведь, наверное, катались с ней по полу больше одного раза, верно?

Я: Не собираюсь отвечать на этот вопрос.

Дополнение: «Sub Pop»

Я: Почему вы выпустили второй сингл «Hole» «Dicknail»?

– Хороший вопрос, – смеется Брюс Пэвитт. – Следующий?

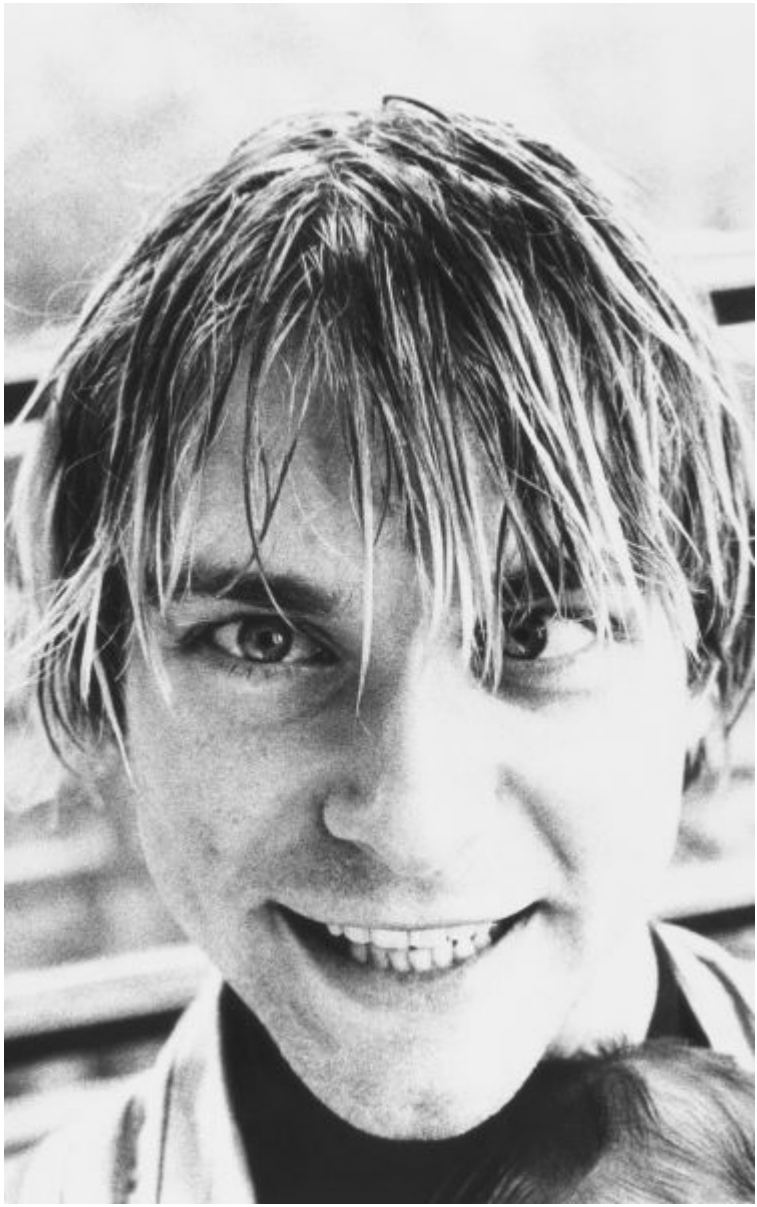
– Я собирался посмотреть на «Afghan Whigs», выступавших на разогреве у «L7» в клубе «Raji's» в Лос-Анджелесе, – говорит Джонатан Поунмэн. – Дженнифер Финч сказала мне: «Ты должен посмотреть на группу моей подруги Кортни и взять их, пока они только начинают». Но я не успел на их выступление. Я заметил в клубе высокую придурковатую девицу и подумал, что это трансвестит. Вскоре выяснилось, что это вокалистка «Hole». От нее исходило безумие, но с ней было забавно. Сильная личность. Несколько недель спустя «Hole» выступали в «Off Ramp», – продолжает Джонатан. – Мне было нечего делать тем вечером, и я пошел посмотреть, как они зажигают. Было похоже на ранние концерты «Nirvana», всего человек двадцать в зале – а группа просто вынесла мне мозги. До сих пор не собрал. Кортни была такой властной. Как будто на сцене сестра-близнец Марка Арма. Она переняла многие его позы, движения, но она оказалась хорошей актрисой. Это было крутое выступление, особенно учитывая тот факт, что играла она в полупустой комнате. Хотелось крикнуть: «Ты лучше всех!» После выступления я подошел к Эрику и Кортни и сказал: «Я Джонатан из „Sub Pop“». Она ответила: «Да, я помню, я тебя видела в Лос-Анджелесе». Я сказал: «Я бы очень хотел записать с вами сингл». Черт, я уже

прямо вижу кадры из будущего фильма. Меня будет играть какой-нибудь приземистый, толстый придурковатый актер.

– Для меня все началось, когда я работала секретарем в «Sub Pop», – говорит Меган Джаспер. – Она постоянно звонила, звонила, звонила. Я приходила на работу и думала: «Господи, сколько сообщений сегодня нам пришлет Кортни?» [Визгливым высоким голосом.] «Бля, когда вы выпустите мой сингл на „Sub Pop“, бля?» – и так далее. «Я ненавижу вас, гребаных уродов, бля, где мой сингл, бля?!» Я думала: «Черт возьми, твою мать!» Удалить, удалить, удалить. Как ежедневная экзекуция. У нас был один парень, который переехал из Калифорнии, где работал в «Dr Dream records» – мы его поэтому называли Доктор Дрим. И вот я посылала ее к Доктору Дриму и говорила, что он отвечает за все контракты. Потом пришло письмо от Торстона Мура, где он заявил: «Вы должны записать 7-дюймовик „Hole“, они охрененно крутые». И вот мы уже записываем 7-дюймовик с «Hole». Забавно, в то время сотрудники «Sub Pop» не могли никому подарить два сингла. Сингл «Hole» – и сингл «Smashing Pumpkins».

– Кортни могла быть очень обаятельной, – признает Поунмэн. – И очень-очень забавной. Она неправдоподобный человек, который жил жизнью, очень непохожей на жизнь, – если эта фраза вообще имеет какой-то смысл.

Часть II
Наверху



Курт Кобейн, сентябрь 1992 года. (*Стивен Свит*)

Детство в Абердине: Курт, апрель 1969 года. (*Из фотоархива Эрни Бейли*)

Семья Кобейнов (Венди, Дон, Ким, Курт), 1974 год. (*TDY/REX*)

Курт в школьной группе в 1982 году. (*WENN*)

Ранняя «Nirvana» с Дэйвом Фостером (слева), 1988 год. «Дэйва мы с Диланом называли Психанутым, потому что он всегда орал, бросался на Курта, Криста или зрителей» (Слим Мун). (*Рич Хансен*)

«Курт учился в Олимпии. Курт делал деньги в Сиэтле. А свободное время проводил, видимо, в Такоме» (Брюс Пэвитт на Новом музыкальном семинаре в Нью-Йорке). (*Чарлз Питерсон*)

Слим Мун, основатель убойного лейбла рок-звезд «Olympia Riot Grrrl». (*Джон Вандер Слайс*)

«Я знаю, что могу показаться деревенщиной… но настоящий, живой британский рок-журналист среди нас! Это было круто». Джонатан Поунмэн с Эвереттом Тру, Сиэтл, 1991 год. (*Чарлз Питерсон*)

«Nirvana» с временным дополнительным гитаристом Джейсоном Эверменом (третий слева) и барабанщиком «Bleach» Чедом Ченнингом (первый слева). Как думаете, что привнес в группу Джейсон? «Кучу волос… и немного денег» (Роб Кейдер). (*Иэн Тилтон*)

Крист Новоселич, Лондон, «Astoria» («Lamefest»), 3 декабря 1989 года. «Крист начал размахивать своей бас-гитарой, а я стоял у края сцены. Внезапно эта чертова гитара сорвалась, и мне пришлось выставить руку – край гитары попал в меня. Если бы я хоть на секунду затормозил, она бы меня вообще прикончила». (Дэн Питерс). (*Стив Дабл / SIN*)

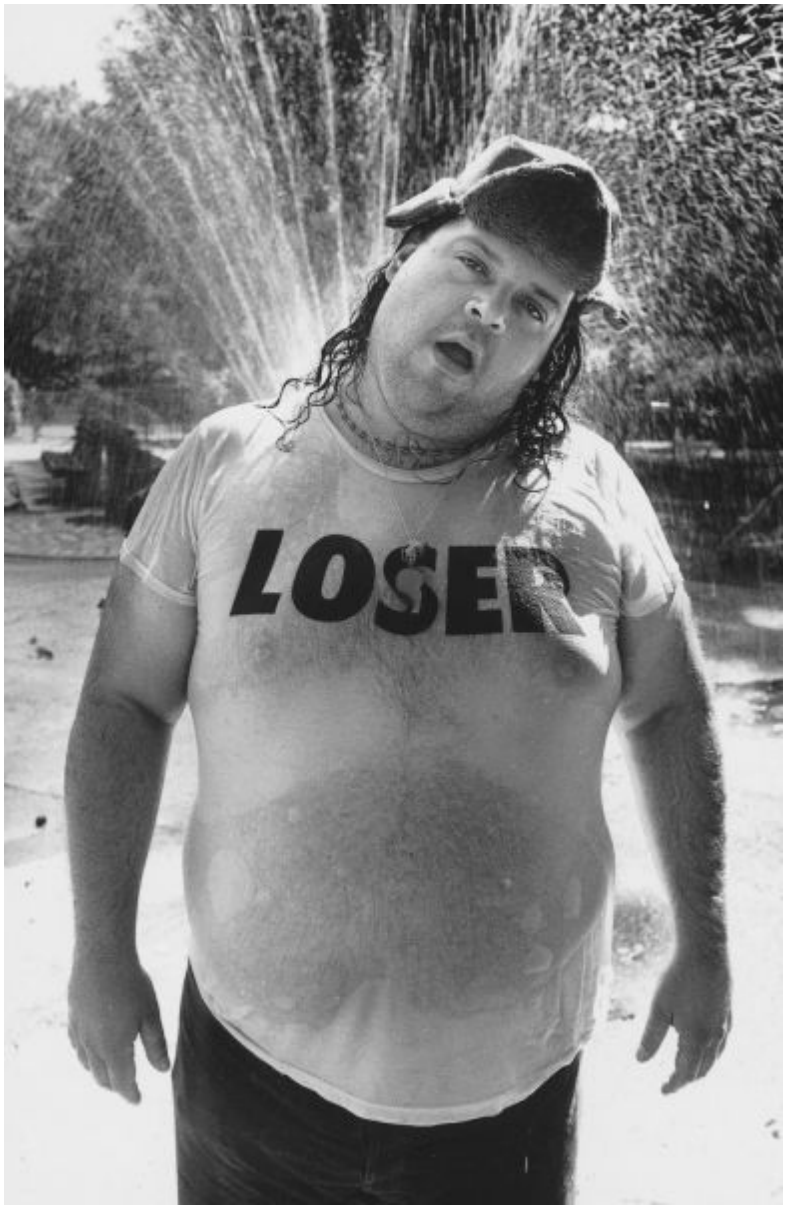
Курт Кобейн в полете на «Lamefest». *(Стив Дабл / RETNA)*

«Nirvana», Лондон, «Astoria», 3 декабря 1989 года. «Помнишь „Lamefest“? Этот концерт меня просто потряс. Хедлайнерами были „Mudhoney“, но „Nirvana“ украла у них концерт» (Кристоф Эллингхаус). *(Стивен Свит)*

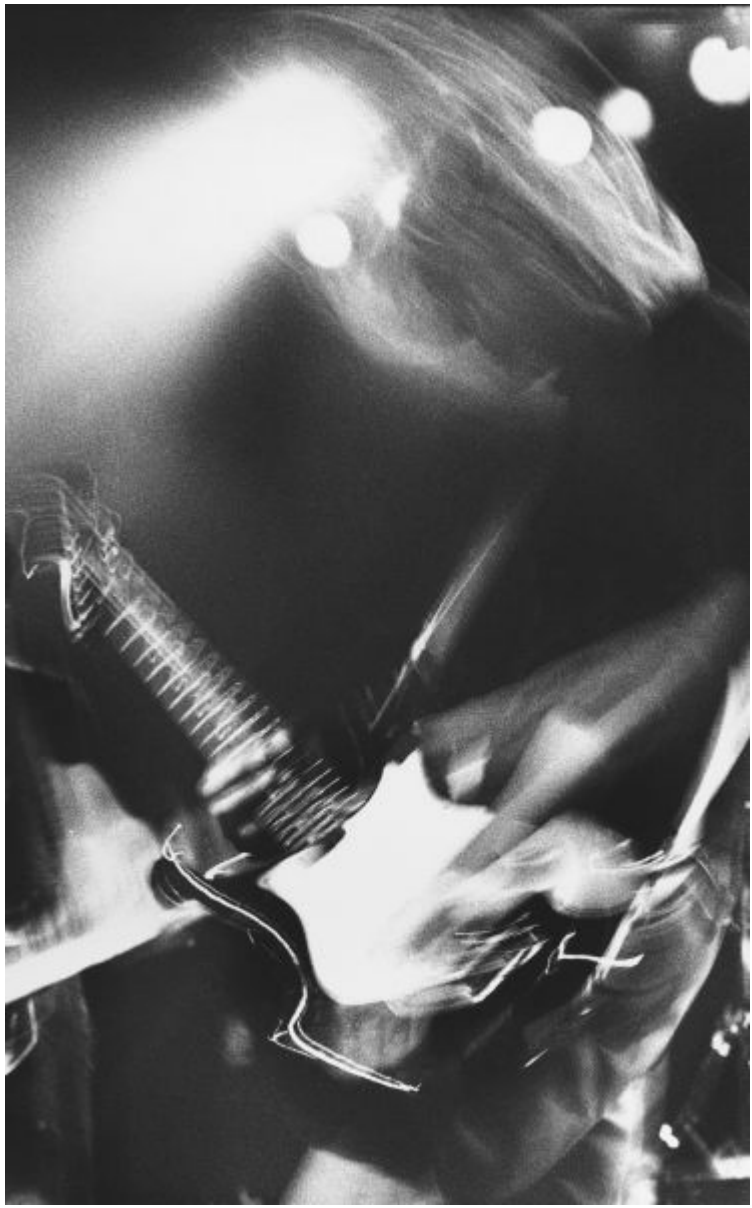
Гранж захватывает Сиэтл: «Смелый вокал, ревущие усилители „Marshall“, сверхраскрепощенный ГРАНЖ, разрушивший нравственные устои поколения», – писала пресса о предшественниках «Mudhoney», группе «Green River».

«Soundgarden», Сиэтл, 1987 (слева направо: Ким Тайил, Хиро Ямамото, Крис Корнелл, Мэтт Кэмерон).

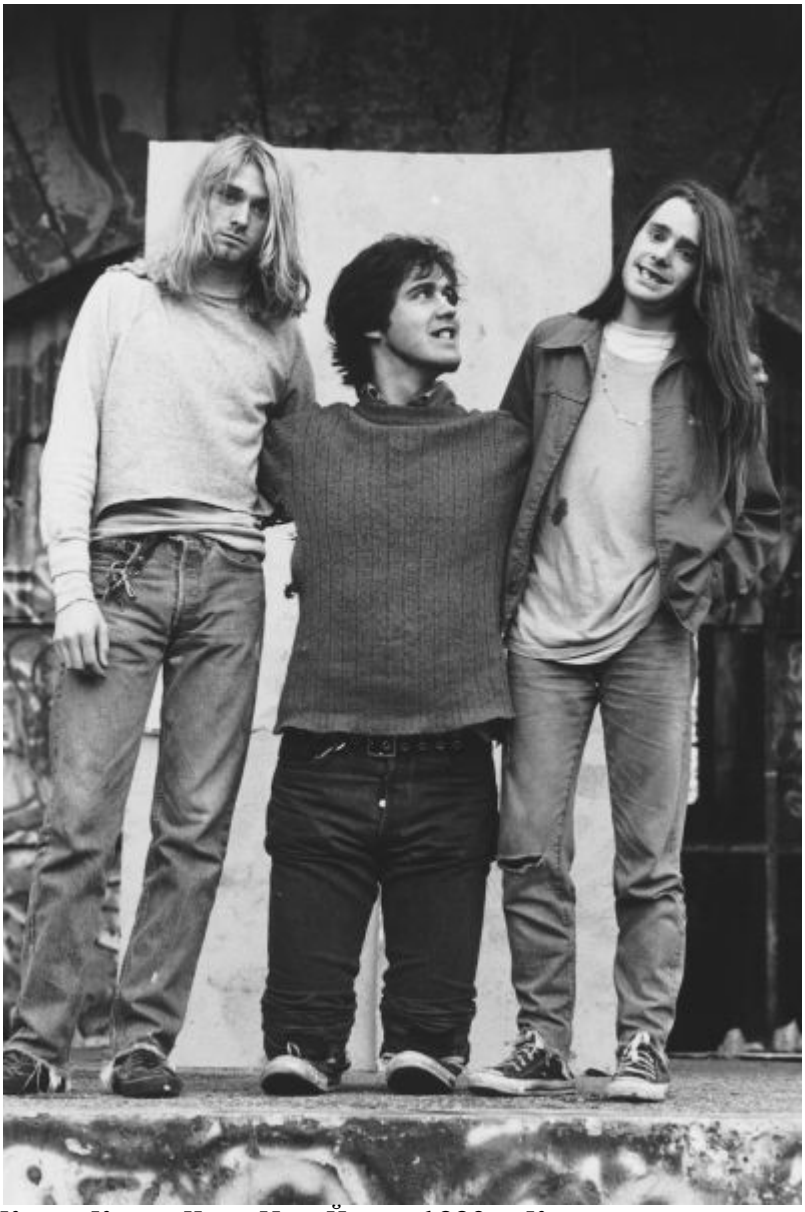
«Mudhoney», 1987 (слева направо: Дэн Питерс, Стив Тернер, Марк Арм, Мэтт Люкин). *(Чарлз Питерсон)*



Тэд Дойл гордо красуется в своей футболке «Лузер», 1989 год. «Мы до сих пор иногда думаем, не перевыпустить ли какие-то из них. Мегаслоган!» (Джонатан Поунмэн). *(Иэн Тилтон)*



Курт Кобейн, 3 декабря 1989 года, «Lamefest». *(Стивен Свит)*



Курт, Крис, Чэд, Нью-Йорк, 1990. «Крист служил главным затейником в группе, ее неофициальным представителем. Он был под два метра ростом, а Чед наоборот – будь он чуточку ниже ростом, его можно было бы назвать карликом» (Антон Брукс). *(Стив Дабл / SIN)*

«Tad» и «Nirvana» в турне по Европе, октябрь – ноябрь 1989 года. «Первое европейское турне было изматывающим, длинным, холодным. Мы останавливались в маленьких гостиницах, часто семейных пансионатах» (Крэйг Монтгомери, звукорежиссер).

Обе группы позируют вместе с какими-то пограничниками – Крэйг впереди справа, рядом с Чедом.

Крист и Тэд за работой. *(Крэйг Монтгомери)*

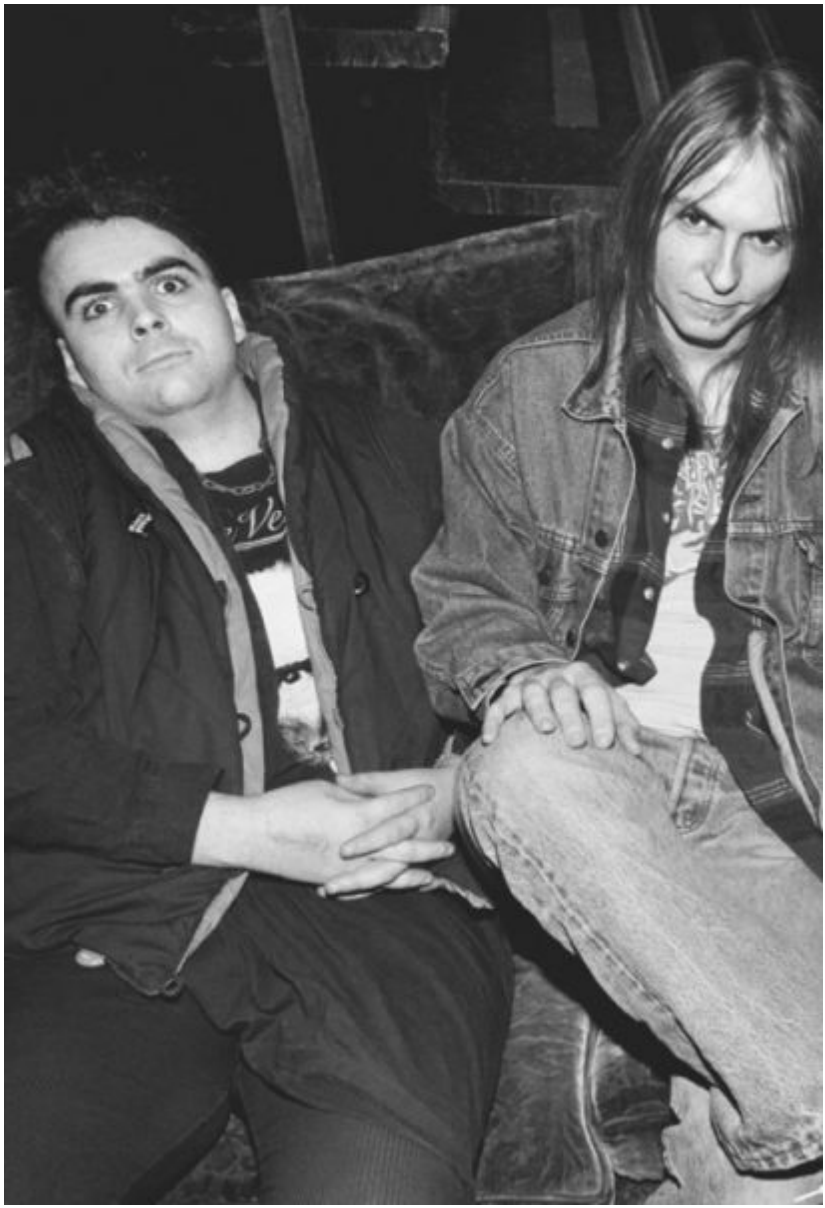
«Tad» и «Nirvana» в турне по Европе, октябрь – ноябрь 1989 года.

«Nirvana», Крэйг, каменный лев и другие участники группы на Трафальгар-сквер.

Пользуются континентальным гостеприимством. *(Крэйг Монтгомери)*

Четыре источника влияния на раннюю «Nirvana»

Продюсер «Bleach» Джек Эндино у «Reciprocal Studios»;



Базз Осборн и Дэйл Кровер из абердинской группы «Melvins»

Основатель «Earth» Дилан Карлсон

Основатель «Beat Happening» и «K Records» Кэлвин Джонсон из Олимпии. *(Чарлз Питерсон)*

«Nirvana» после Чеда с временным барабанщиком Дэном Питерсом из «Mudhoney», Сиэтл, 23 сентября 1990 года. «Если бы я знал, что они это всерьез, я в любом случае нашел бы себе другую установку» (Дэн Питерс). *(Иэн Тилтон)*

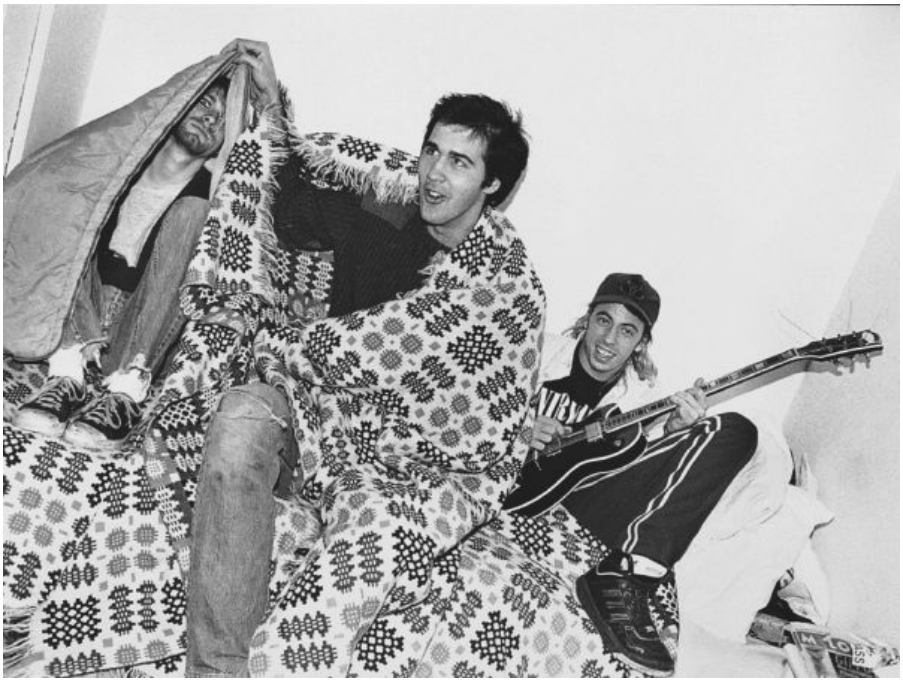
Чарлз Питерсон, фотограф, который сформировал «внешний вид» сиэтлского гранжа. «Чарлз был основным компонентом, особенно в самом начале. Его фотографии передавали саму суть этой музыки» (Джонатан Поунмэн). *(Чарлз Питерсон)*

Крист и Шелли Новоселич предаются домашним радостям. Такома, осень 1990 года. *(Иэн Тилтон)*

«Кто станет королем и королевой подростков-изгоев?» Тоби Вэйл, вдохновившая написание «Smells Like Team Spirit». «Девушка узнает, что ее парень колет себе героин и не собирается с этим завязывать. Она его после этого бросает – она что, сука?» (Слим Мун). *(Чарлз Питерсон)*

Бостонский автор и исполнительница Мэри-Лу Лорд: «Порой встречаешь человека и тут же понимаешь, что твоя жизнь скоро изменится. Вот так и я встретила Курта». *(Хейли Мэдден / SIN)*

«Nirvana» на одних из первых снимков с новым барабанщиком, вашингтонцем Дэйвом Гролом, в Лондоне, «Далмация-отель», 24 октября 1990 года. *(Стивен Свит)*



«Nirvana», Редингский фестиваль, 23 августа 1991 года. «В „Nirvana“ на том концерте была какая-то заносчивость» (Алекс Маклеод). *(Стив Галлик)*

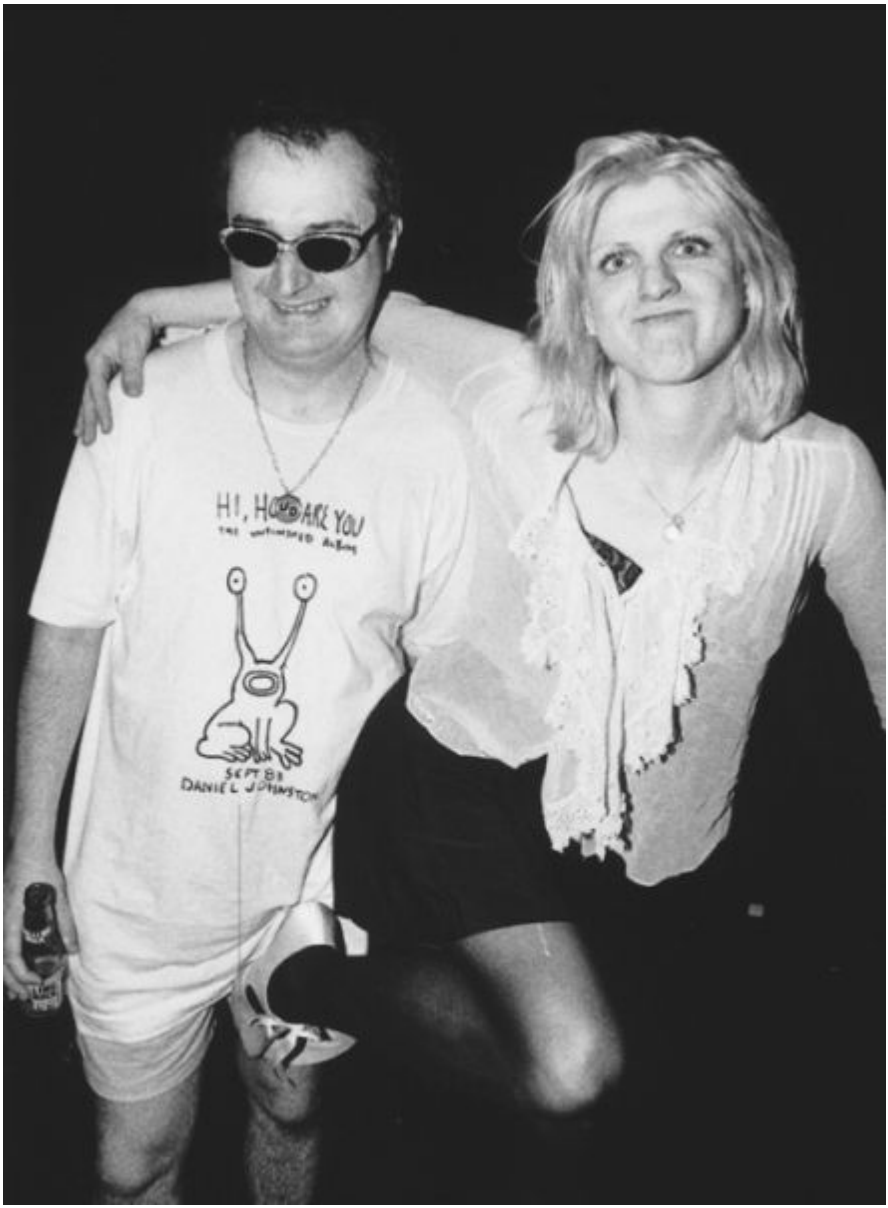
Мальчик в капюшоне, Курт Кобейн, Стокгольм, 30 июня 1992 года. *(Стив Галлик)*

Крист Новоселич, Амхерст, штат Мэн, 1990 год. «Крист выполнял роль человека, завязывающего социальные связи, парня, с которым весело тусоваться» (Брюс Пэвитт). *(Стив Дабл / STN)*

Курт Кобейн и Джонатан Поунмэн, Сиэтл, 1990. «Курт был настоящей загадкой. У него вдруг резко портилось настроение, он садился в угол и не разговаривал ни с кем на протяжении 45 минут» (Буч Виг). *(Иэн Тилтон)*

Курт Кобейн в деструктивном настроении. «Axis», Бостон, штат Мэн, 24 сентября 1991 года – в тот же день вышел альбом «Nevermind». «Клуб сотрясался от энергии. Казалось, мы находимся в центре торнадо» (Стив Галлик). *(Стив Галлик)*

За сценой на Редингском фестивале в августе 1991 года: перевязанный Курт Кобейн с Юджином Келли из «The Vaselines» и Номаном Блэйком («Teenage Fanclub»). *(Стивен Свит)*


HI, HOW ARE YOU
SEPT 98
DANIEL JOHNSTON

Обратите внимание на футболку от Дэниела Джонстона! Первоначальный владелец Эверетт Тру с Кортни Лав, несколько нетрезвой, за сценой на Редингском фестивале 1991 года; Курт Кобейн с Кристом и Дэйвом, 1992 год, – заметьте, что на Дэйве футболка с надписью «Dickless». *(Стивен Свит, Стив Дабл / SIN)*

«Sonic Youth» (на переднем плане Торстон Мур), живой концерт в Китсэп-Каунти-Форграундз («Endfest»), 8 августа 1992 года. «„Sister“ группы „Sonic Youth“ – это прежде всего тяжелые кислотные эксперименты, от которых я была далека, плюс физика – или психология, Филип К. Дик, поклон английскому языку и футболу, никаких парней, куча сигарет и тяжелых наркотиков…» (Кортни Лав). *(Чарлз Питерсон)*

Дженнифер Финч, басистка «L7»: «Я говорила Кортни: „Тебе не понравится Курт. Он ужасный парень и движется в никуда…“ Похоже, предсказательница из меня никудышная». *(Чарлз Питерсон)*

Курт Кобейн, менеджер «Nirvana» и «Sonic Youth» Джон Сильва и басист «Mudhoney» Мэтт Люкин. «Ребята из „Sonic Youth“ просто психи, и их менеджер Джон Сильва тоже. Он нас бьет, рвет на нас штаны, колотит Криса по голове бутылкой; а когда напивается, то становится красным, как свекла. Он сумасшедший» (Курт Кобейн). *(Чарлз Питерсон)*

Курт Кобейн тщетно пытается замаскироваться под «рок-звезду». Стокгольм, 30 июня 1992 года. *(Стив Галлик)*

BAD

«Nirvana» на сцене и за ней с Эвереттом Тру в Стокгольме: «Они этого не заслуживают. Забудьте все клятвы, что рок якобы жив и здоров. Единственная стадионная рок-группа в мире, достойная доверия, близка к распаду» («Мелоди мейкер», 25 июля 1992 года). *(Стив Галлик)*

Эверетт Тру вывозит Курта Кобейна на сцену во время выступления на фестивале в Рединге 30 августа 1992 года. «Огни. Это всё, что я помню. Огни. Толпа оставалась невидимой, и я ощущал только тот невероятный эйфорический рев, который увеличивался с каждым нашим шагом к микрофону». *(Чарлз Питерсон)*

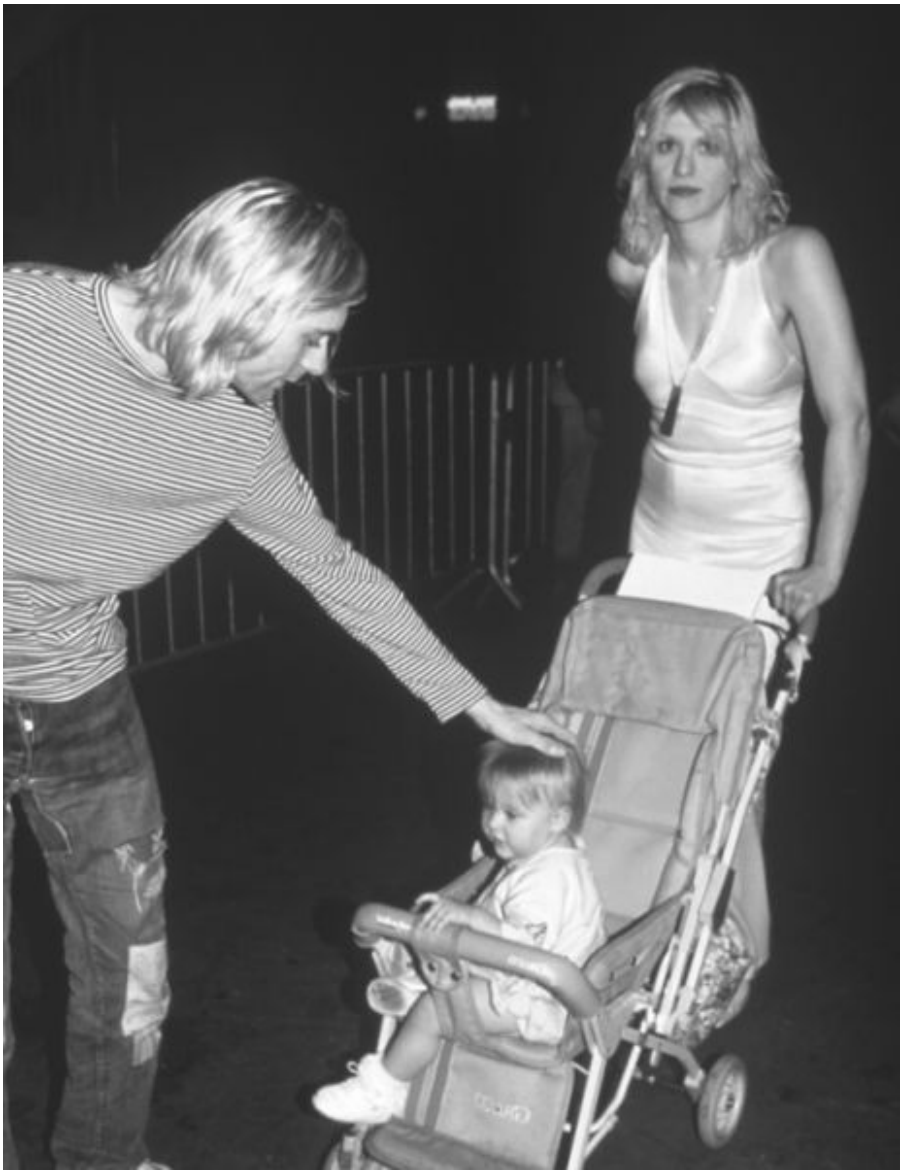
Курт и «Diet Grrrl» Фрэнсис Бин Кобейн, Сиэтл, конец 1992 года. «Я очень устал от всех этих родительских обязанностей. То есть, в смысле, это типа круто. Это здорово. Это самая лучшая штука в моей жизни» (Курт Кобейн). *(Стивен Свит)*

«Nirvana», Нью-Йорк, 24 июля 1993 года. Днем раньше группа представила в «Rousland» свою новую «акустическую программу». Менее чем 48 часов назад у Курта в его номере в Манхэттене случился передоз. *(Стивен Свит)*

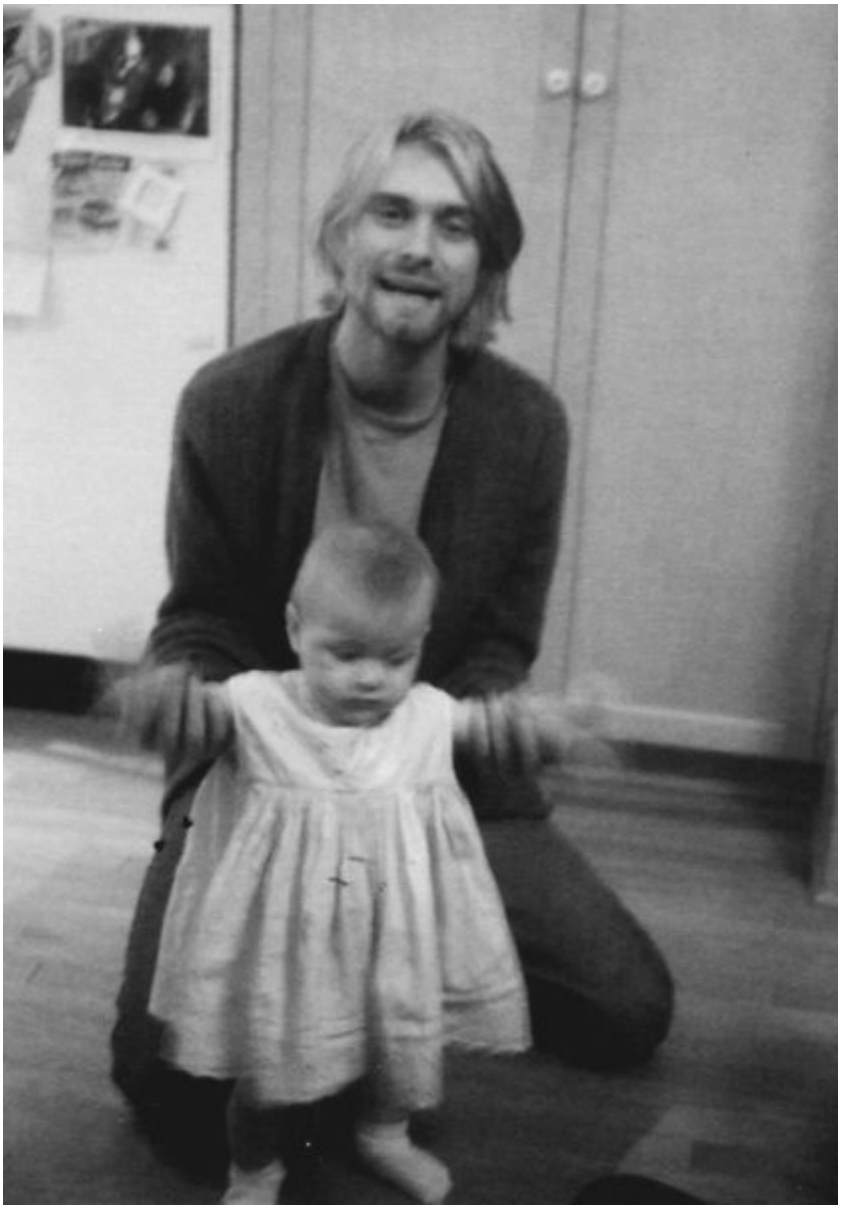
YOUNG: GIFTED AND RACI

«Nirvana», Нью-Йорк, 24 июля 1993 года: Курт и Крист; Курт читает тот самый номер «Мелоди мейкер» с обзором концертов Нила Янга и «Pearl Jam», из-за которого солист «Pearl Jam» Эдди Веддер позже внезапно появится на обложке конкурирующего журнала со скандальным интервью и откажется возвращаться; Дэйв и Курт вместе священнодействуют. *(Стивен Свит)*

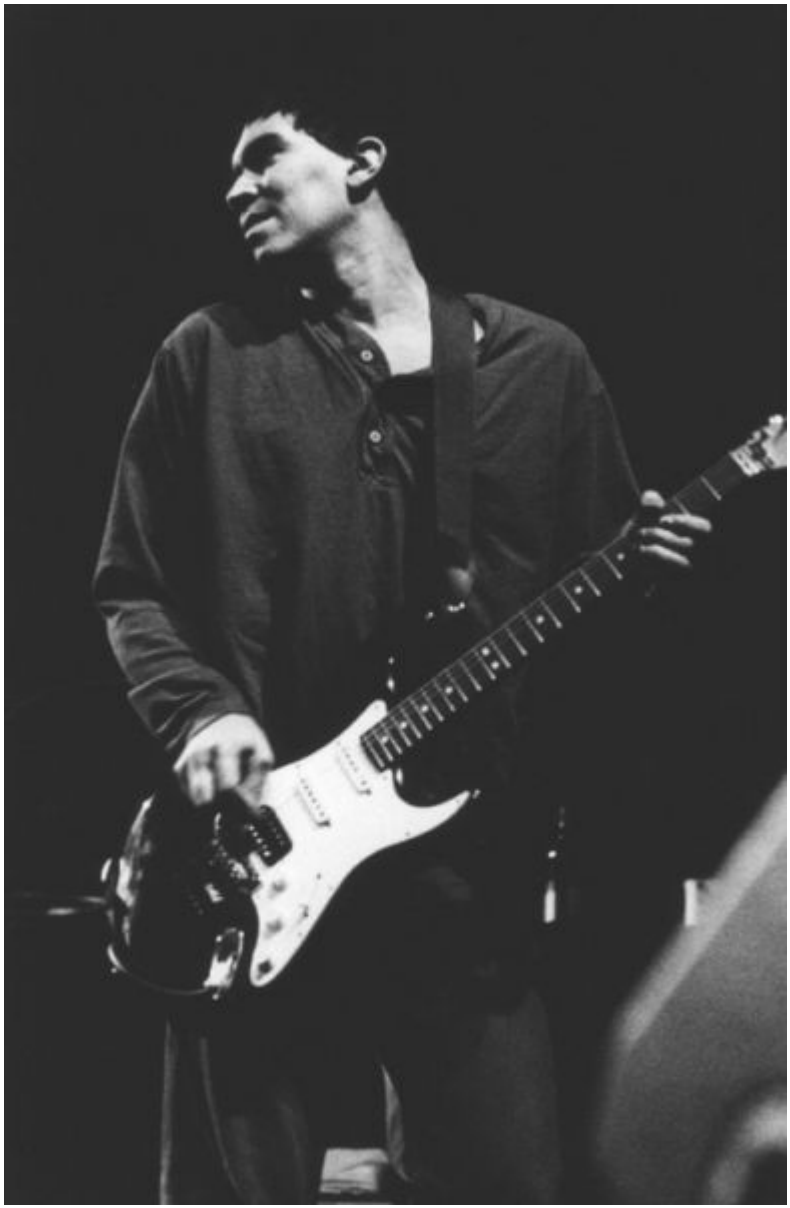
Гитарный «доктор» «Nirvana» Эрни Бейли за сценой: «Никогда нельзя было понять, что будет дальше, все складывалось так, а не иначе, по очень разным причинам. Мне казалось, что во время турне „In Utero“ стремление группы к распаду стало убывать». *(Из фотоархива Эрни Бейли)*



Семейство Кобейнов на вручении наград MTV 2 сентября 1993 года. «Тогда Кортни впервые появилась в платье из серии „хочу быть другой“» (Кали Де Витт). *(LFI)*

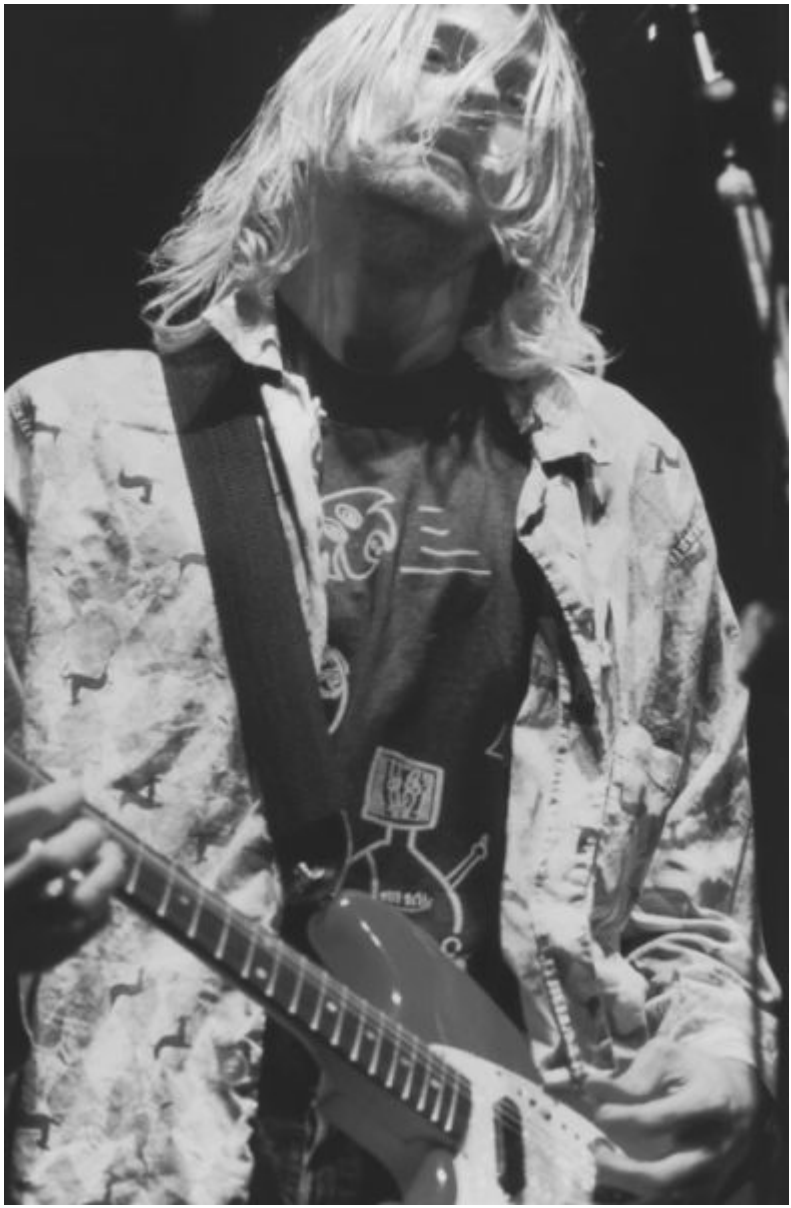


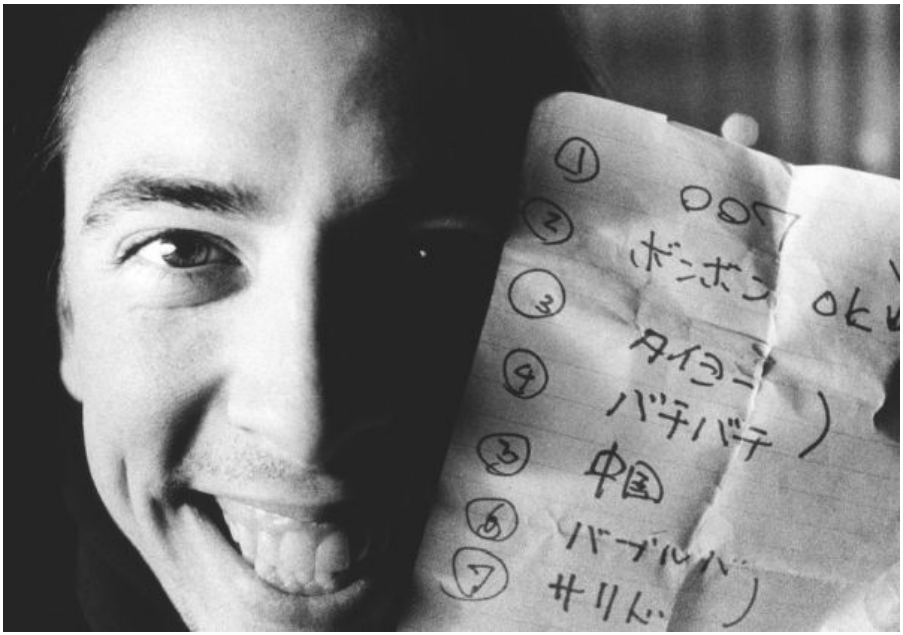
Курт отдыхает – с Фрэнсис Бин; готовится к экстремальным приключениям в Рио-де-Жанейро в январе 1993 года. «Курт говорил, что никогда в жизни не получал такого кайфа» (Эрни Бейли). *(Эрни Бейли)*



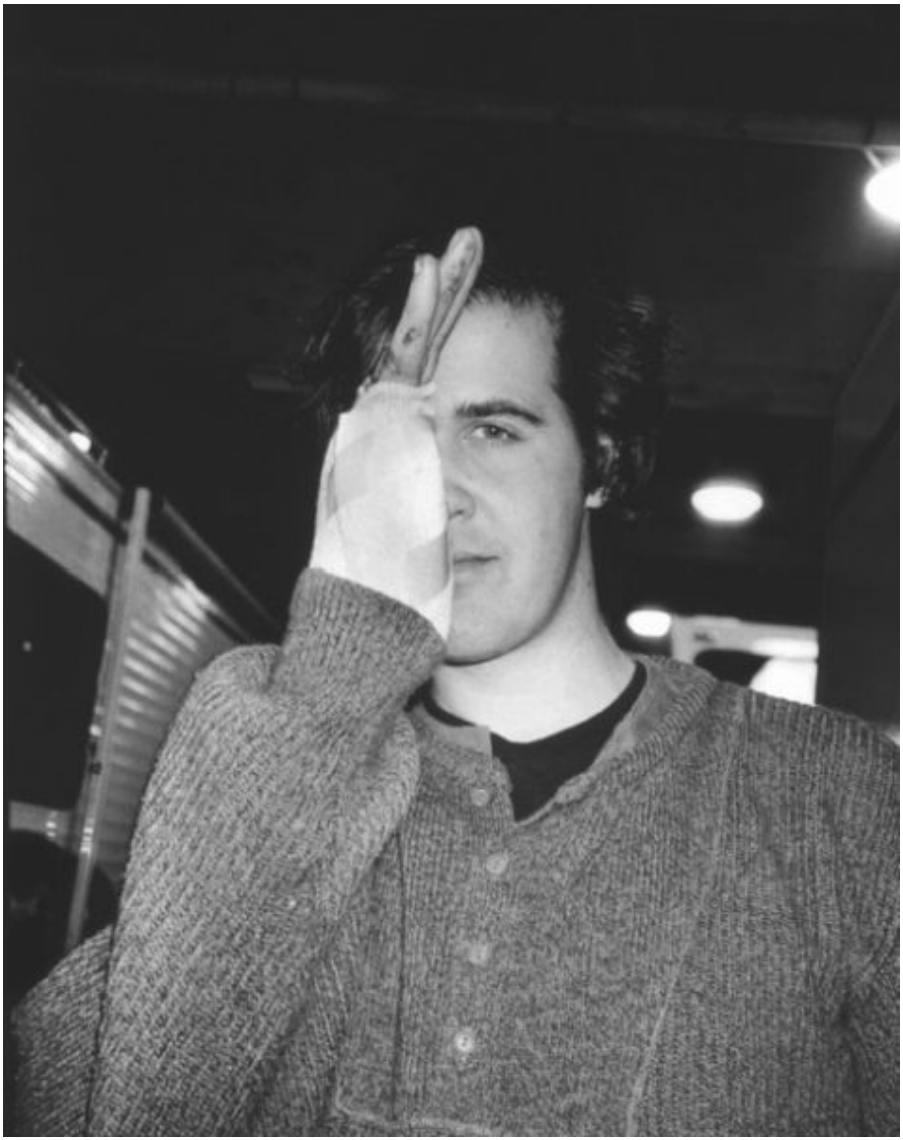
«Nirvana» в турне «In Utero» в Бетлеме, Пенсильвания, и Спрингфилде, Массачусетс, 9 и 10 ноября 1993 года: Крист Новоселич и второй гитарист Пэт Смир; Пэт в своем обычном игривом настроении; Курт за сценой отдыхает перед концертом. «Энергия Пэта на сцене очень отличалась от того, к чему они привыкли» (Кали Де Витт). *(Стив Галлик)*

TAMA



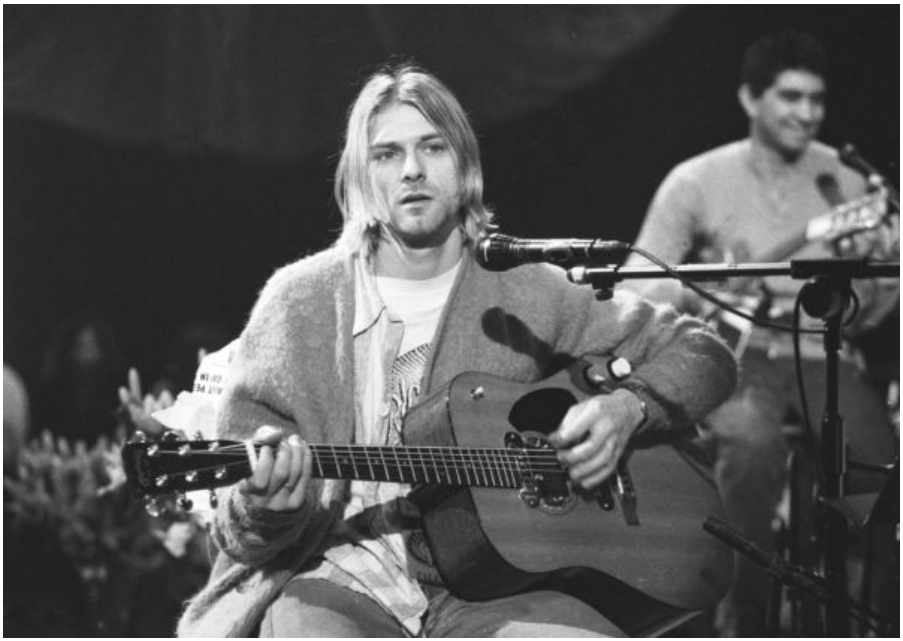


Турне «In Utero»: виолончелистка Лори Голдстон; Курт Кобейн; Дэйв Грол со списком песен программы их группы разогрева, «Japan's Boredoms». «Они писали хиты и превратились в модную группу. Дело было в голосе. Смесь „Black Sabbath“ и „Bay City Rollers“, как он говорил» (Лу Барлоу). *(Стив Галлик)*



Крист за сценой на записи программы MTV «Live And Loud», Сиэтл, пирс 48, 13 декабря 1993 года. *(Стив Галлик)*

Эрик Эрландсон и Фрэнсис Бин Кобейн, Сент-Луис. *(Стивен Свит)*



Концерт «Unplugged» для MTV 18 ноября 1993 года: «Он вкладывался в *каждую* песню. Он так хотел, чтобы песни воспринимались серьезно, чтобы в них вникали должным образом». (Дженет Биллиг) *(Фрэнк Мичелотта / частный владелец / Getty Images)*

Курт Кобейн в своем шмелином свитере, «Roseland Ballroom», Нью-Йорк, 23 июля 1993 года. *(Стивен Свит)*

За сценой во время турне «In Utero», 1993 год. «Почему я это делаю? А почему нет? Это прикольно. Кто-то уже срубил хорошее старое дерево, чтобы сделать эту чертову гитару» (Курт Кобейн). *(Эрни Бейли)*

Глава шестнадцатая
Перебор по всем фронтам

– Когда мы были в Европе, – говорит мне Курт Кобейн за сценой скандально знаменитого вашингтонского клуба «9:30», – мы чуть не сожгли наш фургон. Никто об этом не знает, но ребята из «Sonic Youth» – просто психи, – продолжает он радостно. – Они провоцировали насилие и терроризм на протяжении всего европейского турне; их менеджер [Джон Сильва] тоже не отставал. Он настраивал против нас людей и смывался, оставляя нас отдуваться за него. Он нас бьет, рвет на нас штаны, колотит Криса по голове бутылкой; а когда напивается, то становится красным, как свекла. Он сумасшедший.

Курт – один из тех людей, для которых придумано выражение «тише воды, ниже травы». Он выглядит как ангел. Тем не менее последний раз я его видел за сценой на фестивале в Рединге, и одна рука у него была перевязана – он прыгнул, не глядя, на ударную установку Дэйва. Еще раньше его менеджеру пришел счет на бог знает какую сумму, после того как группа разгромила гостиничный номер в Лос-Анджелесе.

Да, «Nirvana» любит ломать вещи. Крис часто в конце выступления подбрасывает свою бас-гитару метров на шесть в высоту (иногда, правда, ловит). В Питсбурге Курт воткнул свою гитару прямо в барабан просто со злости; в Вашингтоне он сбежал за кулисы за десять минут до конца концерта, чтобы передохнуть и поблевать – было чертовски жарко, – потом вернулся на сцену и разломал барабаны. Нью-йоркскому клубу «Marquee» посчастливилось увидеть выступление на бис в исполнении «Nirvana» – бас-гитара, барабаны и Курт, орущий под музыку откуда-то из зала, – поскольку свою гитару он все равно разнес в щепки.

«Nirvana» позволено тратить 750 долларов в неделю на инструменты[239]*. А Курт ненавидит дешевые гитары! Это классический стиль поведения рок-звезды (необузданный вандализм) – другой жизни они не знают; к тому же это весело. И на сегодняшний день их уже можно назвать одной из лучших групп 1990-х годов.*

Те, кто слышал их новый альбом «Nevermind», – подтвердят. Я прослушал уже около 230 альбомов и до сих пор убежден, что в этом году лучше ничего не было. Ужасно откровенные «In Bloom», «Drain You» и сногсшибательный, великолепный сингл «Teen Spirit» – вот моя жизнь. Я не преувеличиваю.

Все, что мне нужно, – это первые тренькающие аккорды акустической гитары в «Polly» или тотальная, эгоцентричная, мелодичная «On A Plain» – и я лишаюсь разума. Одна нота извивающегося в муках, пропитанного магической мелодией крика от Курта на «Stay Away» – и мое сердце выпрыгивает из груди и улетает к небесам. Работает безотказно.

Тем временем в реальном мире…

– Да, я поджег занавески в нашем фургоне, пока мы давали интервью, – говорит Курт. – Это произошло несколько часов спустя после еще одного акта вандализма. Представительница лейбла «MCA»[240] *вручила нам подарок – мусорную корзину, наполненную леденцами и журналами. Там еще была записка с приглашением в Германию.*

Подарок пролежал в гримерке два часа, пока мы играли свой сет и обедали. За это время Ким Гордон успела написать «идите в жопу» ниже подписи женщины на приглашении. Мы увидели это и подумали: «Ни хрена, это странно, но конфетки нам точно пригодятся».

Курт помешан на сладком. Кто-нибудь еще покупает эти маленькие бутылочки, в которых примерно грамм лимонада?

– Мы встретились с представительницей, поблагодарили ее, и Крис продолжил напиваться, – рассказывает дальше Курт. – Он открыл огнетушитель, порвал все журналы, раскидал леденцы по всей комнате, разгромил комнату, разгромил гримерку «Sonic Youth». Классический рок-н-ролльный шабаш.

Группа вышла на улицу, представительница «MCA» вернулась, увидела записку, подумала, что это «Nirvana» ее написала, разозлилась и начала угрожать, что выкинет их с лейбла.

– К тому времени, – продолжает Курт, – интервью в фургоне продолжалось уже около часа, и я поджег занавески – мы открыли дверь, и дым повалил ей прямо в лицо. Она решила, что мы подожгли фургон. До «MCA» информация дошла уже в сильно преувеличенном виде: мы, мол, напали на женщину, разгромили весь клуб и целиком сожгли наш фургон.

Рок-н-ролл, а, детишки? Здесь ничто не похоже на правду.

– В Бельгии, – говорит Курт, – трейлеры всех групп находились очень близко друг к другу. Наш стоял рядом с трейлером «Sonic Youth», поэтому мы с ними устроили войну – кидались фруктами и стульями через окна. Забирались на крыши фургонов. Мы украли табличку с именем Фрэнсиса Блэка [вокалиста «Pixies»] и прикрепили ее к нашей двери. В роскошном летнем кафе с красивыми столами и цветами мы поменяли местами таблички с именами – толпе из дюжины участников «Ramones» и их друзей пришлось сидеть за столиком на четверых. А Шэйна Макгоуэна

[вокалиста «Pogues»] посадили одного за очень большой стол и кормили его с ложки детской едой – он не мог жевать; поэтому мы дали ему тарелку яблочного пюре.

Все хихикают.

– Мы сидели за столами вместе с «Sonic Youth» – всего человек тридцать, – продолжает певец. – Кто-то бросил морковку, кто-то – виноградину. Потом кто-то пульнул соусом – и разразилась настоящая война. Мы сломали тент, но было очень весело. Если бы там оказались телевизоры, мы бы и их выбросили из окон.

Мы пробрались в трейлер «Ride»[241] *и украли их шампанское, – рассказывает он дальше. – Чувак, который был с нами и снимал турне на видео, нассал в их ведро для шампанского. Мы стащили все их цветы и леденцы.*

– Мы записывали заставку для телеканала под названием «Космический дождь-ТВ». Курт сказал: «Привет, я Дэйв из „Nirvana“, вы смотрите „Космический дождь-ТВ“», – вспоминает Крис. – Я сказал: «Привет, я Крис из „Nirvana“, и вы смотрите „Золотой дождь-ТВ“». Они ничего не поняли, сказали нам «Огромное спасибо». Потом об этом услышала дамочка из «MCA», которая сразу просекла, о чем речь.

Разве все это не рок-н-ролл? Разве все это не противоречит истинной сути «Nirvana»? Я считал, что вы «ненавидите обыкновенного американского мачо» (не мои слова). Мне казалось, что вам должно претить подобное грубое поведение, которое более пристало Акселю Роузу и ему подобным.

– Ну, никто из них сейчас так себя не ведет, – говорит Курт. – Все слишком запуганы. Но не в этом дело. Мы так поступаем, потому что нам скучно и мы хотим повеселиться. И мы веселимся – по-настоящему, искренне веселимся!

– Мне кажется, алкоголь здесь также играет огромную роль, – добавляет Дэйв.

Но разве подобное поведение не заставляет законопослушных английских журналистов вроде меня думать, что вы всего лишь кучка неотесанных, тупых хулиганов?

– Мы этим не хвастались, – возражает Курт. – Ты сам спросил.

– Я вас спросил? Я?

– Да, ты, – отвечает он мне. – Ты начал всю эту херню!

– Да кому какое на хрен дело? – замечает Дэйв. Этим утром Дэйв проснулся на диване своей мамы от звуков «Teen Spirit». Песня была использована в рекламе старинных автомобилей. По мнению Дэйва, это круто. – Это ведь все развлечение, – добавляет он. – Те, кто зовет нас тупыми мужланами, – это те люди, которые принесли шампанское, чтобы мы туда нассали, это те люди,

которые устраивают для нас все эти концерты.

– Шампанское, – с отвращением говорит Крис. – Как будто, если бы там была хоть капля виски, я бы стал пить шампа-а-анское!

– Это гребаное шампанское должны были получить «Ride», – ухмыляется Дэйв. – Предполагалось, что после шампанского они перестанут наконец постоянно пялиться на свои ботинки, черт бы их побрал!

– Вы думаете, это заговор? Ведь никто о таких происшествиях не пишет.

– Мы не стремимся, чтобы это попало в прессу. Не хотим превращаться в третьесортных «Sex Pistols», – объясняет Курт.

– Так насколько сильно «Nirvana» любит рок-н-ролл? Давайте выясним это, – предлагаю я.

– Рок-н-ролл? – озадаченно переспрашивает Дэйв.

– Да!

– После того как Иисуса спросили, насколько сильно он любит мир, его пригвоздили к кресту… Вот настолько сильно! – комментирует Крис.

– Давайте, парни, – подзуживаю я. – Давайте поговорим о рок-н-ролле – Сэмми Хэгер, «Van Halen», «Warrant», кто угодно, как бы их на хрен ни звали!

– Они даже не стоят того, чтобы их обсуждать, – отвечает Курт, прекрасно понимая, что я пытаюсь его раззадорить. – Я тебе вот что скажу: я не хотел бы, чтобы мое имя было связано практически со всеми этими группами.

– «The Youth», «Honey», «The Breeders», «Cross», «Knife», «Nails»[242]*, «Fugazi» – вот наши любимые группы, – объясняет Крис.*

– Вы считаете, что ваша музыка – это альтернатива хеви-металу? Кортни Лав считает «Teen Spirit» песней, противостоящей хеви-металу.

– Почему? – спрашивает озадаченный Дэйв.

– Я думаю, ей показалось, что в конце песни вы поете несколько раз подряд слово «хеви-метал».

– А одна девушка в интервью журналу «Мелоди мейкер» сказала: [говорит с английским акцентом] «В песне есть строчка „A metal band we've always been and always will until the end“ („Мы всегда были хеви-метал-группой и всегда ею останемся“)», – отвечает барабанщик.

– Да, раньше нас называли альтернативной группой, – ухмыляется Курт. – Но мы едим мясо – чили-доги, корндоги, готовые завтраки с сосисками – поэтому, думаю, мы не в этой лиге.

– Когда я начинал играть в этой группе, – замечает Дэйв, – я

спал у Курта на диване. Через дорогу был круглосуточный супермаркет, в котором можно было купить три корндога за 99 центов. Ими я питался целый год.

– Благодаря этому пищеварение работало у него как часы, – добавляет Курт. – Я точно знал, когда туалет будет занят, – в девять утра и в полночь.

– Все верно, – соглашается Крис. – Я однажды посрал у тебя на заднем дворе, потому что не хотел вонять на весь дом. Это было очень приятно: тепло и мягко. Мило!

Я спросил, не развивается ли у Курта, по его мнению, комплекс рок-звезды. Кажется, ситуация благоприятствует.

– Мы говорили об этом, – отвечает он уклончиво. – Не помню, что я тогда сказал.

– Что за фигня? – спрашивает Крис, ошарашенный.

– Ты говорил, что иногда не можешь разобраться, в чем дело, – напоминаю я.

– Что я говорил? Ты помнишь? – спрашивает он жалобно, напоминая мне в ту секунду Кортни Лав[243].

– Вроде того, что ты хочешь избавиться от определенных людей среди твоих слушателей.

– Так и есть, – подтверждает Курт. – От людей, которые требуют «Negative Creep» весь концерт, даже после того, как мы уже сыграли эту песню; кто громко разговаривает, когда мы играем номера вроде «Polly». Например, прошлым вечером нашлись те, кто орал «предатели!» после нашего выступления – потому что мы не сыграли ничего на бис, потому что не давали автографов. Куда уж рок-н-роллънее?

Я: Помнишь, мы разговаривали пару дней назад: мы стояли на той странной улице в Филадельфии, где почти в каждом здании находится магазин с товарами для черной магии; а очередь на вечерний концерт протянулась на весь квартал. Тогда ты сказал, что сейчас музыка значит для тебя очень мало.

– Отчасти это так, – отвечает Курт. – Если мы когда-то и ставили перед собой конкретные цели, мы их уже давно достигли. Мы гарантировали продажи наших дисков, добились достаточно высокого уровня в андеграундной музыке – это все, чего мы когда-либо хотели.

Мы не собираемся гордиться тем, что кучка фанатов «Guns N' Roses» слушает нашу музыку. Нам не по себе от этого движения вверх от того, что мы выступаем на все более крупных площадках.

– Почему же ты не бросишь все это?

– Потому что я связан контрактом, – отвечает певец. – Потому что боюсь оказаться в суде, если уйду из группы.

– Что бы ты делал, если бы не занимался тем, чем

занимаешься сейчас?

– Я был бы уличным музыкантом, без сомнений. Это цель моей жизни.

– Это лучше, чем ходить на работу с девяти до пяти, – замечает Крис.

– Все мои друзья, эти гребаные пролетарии, которые жили со мной в одном городе, закончили среднюю школу, начали работать на бензоколонках или у кого-то на побегушках, они в этом увязли, – говорит Курт. – Мне повезло – мне удалось сделать хоть что-то.

«Мелоди мейкер», 2 ноября 1991 года, плюс расшифровка оригинальной записи.

29 мая, через два дня после окончания записи «Nevermind», «Nirvana» устроила буйный пьяный концерт в Лос-Анджелесе – в модном небольшом панк-рок-клубе без возрастных ограничений «Jabberjaw». Все деньги за входные билеты опять пошли Майки Дису; его группа «Fitz Of Depression» также выступала. На концерт, где впервые были сыграны «On A Plain» и «Come As You Are», пришли Кортни Лав и Дженнифер Финч. Есть запись с того шоу, где Кортни в шутку кричит: «Дженнифер любит тебя, Курт!» Курт был никакой после наркотиков и алкоголя; он 15 минут не мог поменять струну на гитаре – толпе, правда, было наплевать. Все это выглядело частью шоу.

10 июня «Nirvana» опять отправилась в дорогу: двухнедельное турне по Западному побережью; с «Dinosaur Jr» и «The Jesus Lizard» на разогреве. Среди городов, где они выступали, значились Денвер, Солт-Лейк-Сити, Сан-Франциско и Портленд. В сет-лист были добавлены и новые номера: «Drain You», «Endless Nameless», «Rape Me». «Rape Me» – тревожная тихая песня с постоянно повторяющимся призывом «Rape Me / Rape Me again, my friend» и сознательными – на уровне смены громкости – отсылками к «Teen Spirit». На самом деле, это практически ответ синглу, который вскоре будут играть везде, предупреждение о фуроре, который вскоре настигнет Курта и его группу. Я уверен, что был не единственным их знакомым журналистом, кто испытывал тревогу каждый раз, когда Курт не пел – выл эти слова. Его нелюбовь по отношению к музыкальным журналистам была известным фактом. Он всегда с инстинктивным недоверием относился к чужакам и тем, кто прибился к нему позднее; после же «Nevermind» Курта особенно раздражало, что люди хотели с ним общаться только из-за его славы, а не из-за его музыки.

Или так ему казалось…

Получалось, что группа все время в дороге, существует

только внутри сумасшедшей круговерти, сопровождающей большинство турне, – позднее пробуждение, скука, усиленное веселье и чрезмерное употребление алкоголя. Фургоны и стадионы могут становиться больше, география может простираться до Австралии и Японии – но распорядок дня всегда один и тот же.

И каждый раз у «Nirvana» появлялись новые фанаты, потрясенные энергетикой, непредсказуемостью и просто силой музыки живых концертов.

– Когда они были популярны – это было здорово, – рассказывал Джей Маскис журналисту «Плэн Би» Хэйли Аврону. – В какой-то момент стало даже казаться, что в мире есть здравый смысл. То, что должно было случиться, – случилось. Потом он убил себя, и опять все превратилось в какую-то херню.

– Я не видел их выступлений, пока не стал их менеджером, – вспоминает Дэнни Голдберг. – Я был просто потрясен, как здорово они отыграли концерт в «Palladium» [«Hollywood Palladium», 15 июня]. Тесный контакт, который им удалось установить с аудиторией, меня покорил. То, как Курт разговаривал с людьми, его язык жестов, общение с публикой – «Dinosaur» отличная группа, но они и близко не имели такой эмоциональной связи с людьми, какая была у Курта. Это был момент истины. До того я думал, что наша компания просто заключила контракт с хорошей группой. Но тогда я понял, насколько он был гениален.

В том же июне «Sub Pop» – никогда не упускающий возможность заработать денег – выпустил диск «The Grunge Years», убийственную подборку песен, среди которых были «Dive» от «Nirvana», «Retarded» от «Afghan Whigs», а также «Mudhoney», «Babes In Toy-land», «Dickless» (редкий случай, что их песня где-то вышла). На обложке были изображены два бизнесмена, сидящих в лимузине и очевидно обсуждающих последний контракт с гранж-группой (бинго!). На обложке красовалась хвастливая надпись: «Ограниченный тираж в 500 000 дисков». Я очень разозлился на эту обложку тогда, обвинял Джона и Брюса в некрасивом и грубом высокомерии: подобное поведение забавно только в том случае, если ты в пролете, но если выигрываешь… а, хрен с ними. Это документ, дающий, наверное, самое точное представление о явлении – даже точнее, чем «Sub Pop 200».

Курт вернулся из турне в Олимпию, привезя достаточно много денег, и купил себе новую подержанную машину – бежевый «плимут вэлиант» 1963 года, 140 тысяч миль пробега. Машина обошлась ему в 500 баксов. Его друзья пренебрежительно говорили, что она подошла бы их бабушкам.

Курт по-прежнему скучал по Тоби, хотя они виделись друг с другом.

– После того, как мы расстались, мы тусовались вместе еще около года, – говорит экс-барабанщица «Bikini Kill». – Отношения – это такая странная штука, особенно если ты в таком возрасте… да, наверное, в любом возрасте, – продолжает она. – Так много проблем… проблем из-за секса и т. д.[244] Встречались ли мы? Порвали ли мы друг с другом? Кто может точно сказать? Особенно сейчас.

В июле Дэйв Грол переехал в западный Сиэтл – где снимал дом вместе с Барретом Джонсом, переехавшим незадолго до этого на Северо-Запад.

– Мы с моей девушкой жили в ее фургоне, остановившись около квартиры Криста и Шелли, – вспоминает звукооператор. – Их квартира была маленькой: спальня и гостиная – больше ничего. Они были настолько добры, что разрешили нам разбить лагерь возле их дома и пользоваться по утрам ванной. Весь следующий месяц я каждый день ездил в Сиэтл и пытался найти жилье.

Курт остался в одиночестве со своим котом Квиспом и остатком зверинца: черепахами и кроликом по кличке Стю. Курт выкрасил белую шерстку котенка в красный, белый и синий, по крайней мере, согласно одной версии. Хотя эта история могла быть спутана с другой – Кэрри Монтгомери (парикмахер по профессии) вспоминает случай в декабре 1991 года, когда она выкрасила волосы Курта в красный, белый и синий.

– Меня удивило, что он хотел выкрасить волосы в эти цвета, – говорит она, – потому что именно тогда «Nelson» [глэм-метал-группа, в которой играли родные братья] заключили контракт с «DGC». Они носили кожаные куртки и другую одежду, выкрашенную в цвета флага, – это было реально отвратительно. Может, именно поэтому Курт и хотел это сделать – чтобы посмеяться. Я смыла краску и подумала: «Черт. Это же ужасно. Неужели он на это и рассчитывал?» Он побежал в ванную, чтобы посмотреть на себя, и закричал: «Мне нравится! Великолепно!»

Кое-кто вступает в полемику с недавно появившимся описанием того периода.

– Хорошо, – говорит Иэн Диксон, – давайте начнем отсюда, страница 185. Он [Чарлз Кросс, биограф Кобейна] приводит мои слова: «Курт сказал мне: „Смотри! Видишь, их маленькие ручки и другие части тела плывут по аквариуму“». Курт показывал мне на головастиков, которых мы нашли в карьере и которых он поместил в аквариум у себя дома. Кросс пишет: «Молодой человек, раньше спасавший птиц со сломанными крыльями,

теперь с наслаждением наблюдает, как головастиков поглощают черепахи». Курт не бросал головастиков в аквариум, чтобы скормить черепахам. Он хотел, чтобы они выросли и стали лягушками. Это была его ошибка, потому что он мог бы и догадаться, что черепахи их могут сожрать, и – да, он показал мне их останки, но я бы не сказал, что он наслаждался этим зрелищем. Я бы сказал, что он был в ужасе. Затем он вылил содержимое аквариума на задний двор. Пусть он повел себя безответственно, но это не означает… Я хочу сказать, что здесь его представляют как какого-то садиста. А это абсолютно неправильно.

Кросс приводит этот случай как свидетельство перемены в психологии Курта, – продолжает Диксон. – Типа, раньше он спасал птиц, а теперь «наслаждается» убийством [головастиков]. Может быть, такая перемена и произошла, но этот случай ничего не подтверждает. Курт вел себя, несомненно, безответственно, но он не хотел никого убивать. По крайней мере, я такого не помню. И это вовсе не вина Чарлза. Просто в этом состоит одна из трудностей воссоздания прошлого.

Вскоре после того как съехал Дэйв, Курт оказался на улице. 29 июля он вернулся из рекламной поездки в Лос-Анджелес, в свою квартиру на Пир-стрит, и обнаружил, что все его вещи лежат на тротуаре. Его выселили за неуплату.

15 августа «Nirvana» давала концерт в крошечном клубе «Roxy Club» на Сансет-Стрип в Лос-Анджелесе.

Это было презентационное мероприятие, предназначенное для того, чтобы продемонстрировать группу сотрудникам ее новой звукозаписывающей компании – те были впечатлены и возбуждены: «Зацени! Реальная! Живая! Рок! Музыка!»

– Мы все были потрясены скоростью, с которой «Nevermind» добился успеха, – вспоминает Голдберг. – Мы считали, что записали блистательный альбом и что группа станет знаменитостью мира альтернативного рока – масштаба «Pixies» или «Jane's Addiction», масштаба «Sonic Youth», чьи диски продавались по 125 тысяч экземпляров. Но никогда до этого не случалось, чтобы альтернативная группа приобретала такую всеобщую популярность. Невероятный, потрясающий взрыв интереса произошел в течение нескольких недель после выхода «Teen Spirit» в радиоэфиры. Кто-то рассказывал мне, как перед началом одного крупного концерта в динамиках включили эту песню – и весь зал аплодировал. MTV заинтересовался незамедлительно.

Арт-директор «Geffen» Роберт Фишер раздавал после

концерта в «Roxy» в зале флаеры, набирая массовку на съемки клипа «Teen Spirit», которые должны были состояться через два дня. По радиостанции колледжа «KXLU» также транслировалось объявление. Откликнулось так много людей, что сотням фанатов даже пришлось отказать и не пустить их в «GMT Studio», павильон звукозаписи в Калвер-сити, Калифорния, – он был превращен в спортзал средней школы, со шведской стенкой, баскетбольными кольцами, девушками с помпонами из группы поддержки и прочими атрибутами.

Курт придумал сюжет клипа «Teen Spirit», вдохновляясь классическим трэшевым фильмом «Ramones» «Рок-н-ролл в средней школе» (1979) и молодежным хулиганским панк-фильмом «Через край» (1981). Согласно его идее, на груди у девушек из группы поддержки предполагалось изобразить символы анархии, а ученикам надлежало бросать в костер из школьного оборудования содержимое своих бумажников; при этом чирлидерши должны быть непривлекательными «ботаничками» – «адская группа поддержки», выражаясь словами Дэйва Грола. Режиссер клипа Сэм Байер согласился с основной идеей – но и только: девушки будут стандартными «красотками», разгром останется в рамках, и, конечно, никакого слэма.

Курт и Байер вступили в состязание, кто кого перекричит, – не в последнюю очередь спровоцированное виски, выпитым Куртом. Певец позднее рассказывал всем, что режиссер просто «маленький Наполеон». Толпа в клипе должна была выглядеть скучающей и самодовольной, но ничего не выходило, поэтому Байер схватил мегафон и заорал, чтобы все заткнулись. «Мы как будто снова оказались в школе, – смеялся Курт, – а он был грубым учителем».

Тем не менее клип сработал. В течение многих недель после выпуска «Teen Spirit» много крутили по MTV – тогда канал отчаянно пытался найти свою нишу, не преуспев в качестве первого кабельного канала в Америке, посвященного исключительно музыке. В 1991 году черное лицо на MTV было в новинку. Без всяких сомнений, MTV «открыло» «Nirvana» – что было не под силу многочисленным концертам или рецензиям в журналах – для подавляющего большинства США, его сердца, находящегося в пригородах. Но это был взаимовыгодный обмен. До появления «Nirvana» и «гранжа» (этот термин MTV быстро разорвал на части и исказил таким образом, что он стал использоваться для обозначения глэмметала, которому гранж открыто противостоял) MTV никак не мог встать на ноги. Насколько справедливо предположение, что MTV создал «Nirvana», настолько справедливо и то, что «Nirvana» создала MTV

– не в последнюю очередь благодаря тому, что канал получил долгожданный приток доверия со стороны зрителей.

Клип на «Smells Like Teen Spirit» идеален для MTV: он глупый и вызывает раздражение – и отвращение к корпоративной Америке, которым «Nirvana» жила и дышала. Отвращение не к энергетике, исходящей от группы и юных панков в аудитории, но к чертовым девицам из группы поддержки, не упустившим ни одной возможности покрасоваться перед камерой.

Или все это только мне кажется?

19 августа «Nirvana» вылетела из аэропорта Си-Так в фестивальное турне по Европе (9 концертов) – этот момент ярко запечатлен в фильма Дэйва Марки «1991: Год прорыва панка»[245] (в центре внимания были «Sonic Youth», но в фильме также принимали участие «Nirvana», «Mudhoney», «Babes In Toyland», «Dinosaur Jr», «Gumball»[246] и «Ramones»).

Это была высшая точка в истории «Nirvana»: затишье перед бурей. После выхода «Nevermind» прошел месяц, но песни никуда не ушли, и группа играла на пике своих возможностей и отрывалась по полной; парни не упускали ни одной возможности устроить розыгрыш, выходку, проказу; наслаждались дружбой, которая редко встречается между музыкантами, отыгрывающими вместе целый ряд европейских фестивалей.

«Наиболее волнующее время для любой группы – незадолго до того, как они становятся очень популярными, – рассказывал Курт журналисту из „Роллинг стоун“ Дэвиду Фрику. – Для нас это было время прямо перед выходом „Nevermind“. Это было потрясающе. В воздухе просто витало возбуждение, его можно было попробовать на вкус».

Кортни там не было, так что некому было вносить разлад в их отношения, но ее присутствие все-таки ощущалось. В августе «Hole» выступала на своем первом турне по Великобритании вместе с «Mudhoney», раздражая публику своей желчью; но Кортни встречалась с Билли Корганом и напивалась с британскими рок-журналистами. Тем не менее на группу не давил вес ожиданий, еще не было никаких раздражающих заметок в прессе, которые нужно опровергать. «Nirvana» могла спокойно веселиться – и Крист, Дэйв и Курт веселились. Крист моментально забыл о Шелли. Пытаясь вернуть его в нормальные рамки, Джон Сильва позвонил в Такому и попросил Шелли поговорить с ее заблудшим мужем. Без толку. Тогда Шелли прыгнула на ближайший самолет и присоединилась к безумию.

Виски «Гленфиддик» и водка – вот и весь их рацион. Крист пил виски в одиночку, Курт делил водку с Иэном Диксоном, не

забывая об общем веселье. Дэйв предпочитал красное вино.

– Настоящее безумие, – вспоминает Диксон. – Но было очень весело. Крист умерил потребление алкоголя – он хотя бы не вырубался каждый вечер. [Эта фраза противоречит другим воспоминаниям, но Иэн явно рассказывает о том, чему он был свидетелем.] Дэйв прекрасно проводил время, мы с Куртом тоже веселились, мы крушили все на своем пути… и, – добавляет он, и лицо его светлеет, – мы умудрились не попасться полиции и не убить себя. Мы поджигали занавески; гримерки были набиты едой и алкоголем – мы раскидывали все это по стенам гримерок других групп… нам было по двадцать два, и нам реально сорвало крышу.

То, что Диксон поехал в турне, очень удивило менеджеров «Nirvana» – они подозревали, что Курт может оказаться геем, особенно после того, как Курт предложил жить в одной комнате с музыкантом из «Earth», чтобы снизить расходы.

– Ким и Торстон недвусмысленно заявляли мне, что Иэн – бойфренд Курта, – вспоминает Дэйв Марки.

– Вот в чем дело, – объясняет Иэн. – Нас пригласили в «Ларри Флинт пабликейшнз»[247], потому что с нами делал интервью журнал «Рип»… ха!

Иэн сам себя поправляет:

– У нас брали интервью… Я там присутствовал, потому что приехал вместе со звездой. По сути, я был фанатом. Они пригласили нас в китайский ресторан, очень лос-анджелесский. Но был один момент, когда мы сидели в офисе у редактора и он сказал: «Ну, вы знаете, парни, обычно я всем предлагаю большую пачку порно журналов, но я понимаю, что вам это все неинтересно». Типа, в чем разница между хеви-метал-группой и гранж-группой? Вы предлагаете металлистам с длинными волосами порнуху, потому что им нравятся стриптизерши, играющие с их волосами, – но чуваки из гранж-группы? Да кто их знает, что им нравится? Все стереотипы о рок-группах в случае с «Nirvana» не катили. И это хорошо.

Я: Так что вам в итоге предложили? Хоть что-нибудь?

– Ничего, – восклицает он. – Я был расстроен. Я правда хотел порнухи.

После двух концертов в Ирландии – в Корке и в дублинском клубе «The Point»[248] – «Nirvana» отправилась в Англию на фестиваль в Рединге. В наши дни, когда каждая крупная компания выступает спонсором летнего фестиваля и все эти мероприятия сливаются в одно безобразное целое с ночными кострами, тлеющими пластиковыми бутылками, и бесконечными

очередями в туалет, – теперь они мало значат. Но тогда, в 1991 году, Рединг – это было что-то[249]. Хедлайнерами были «Sonic Youth» и Иг-ги Поп. «Nirvana» выступала часа в три дня в пятницу, после группы «Silverfish»[250] и перед справедливо забытыми британским шу-гейзерами «Chapterhouse», которые так и не смогли оправиться от позора – им пришлось выйти на сцену после настолько великолепного живого выступления.

«Nirvana» произвела фурор. Я особенно ничего не помню о фестивале, кроме того, что велел всем, кто спал на полу в моем гостиничном номере, держать ушки на макушке, чтобы не пропустить выступление «Nirvana».

«В „Nirvana“ на том концерте была какая-то заносчивость», – вспоминал менеджер турне Алекс Маклеод. Группа играла всего 40 минут – за это время Курт успел взобраться на Криста, пока оба они играли на своих инструментах; танцор на сцене[251] с намалеванным лицом двигался даже хуже, чем эмтивишные чирлидерши; была исполнена версия «Teen Spirit», которую толпа про кричала хором, хотя никто не мог знать текст[252]; Курт прошел через фотозону в футболке «Sounds» и кожаной куртке, по-видимому не замечая, что вокруг него происходит, пока его не выцепил на сцену Торстон Мур. Но играли они потрясающе, яростно; они по-настоящему зажгли. Для исполнения «Molly's Lips» на сцену был приглашен Юджин Келли – они с Куртом спели ее дуэтом; для Юджина это была большая честь, об этом выступлении он позже говорил как о «величайшем моменте в моей жизни».

– Курт повсюду носил с собой микстуру от кашля «Ковония», которая содержала кодеин, – вспоминает фотограф Стив Галлик. – Я фотографировал его, когда он наслаждался своим кодеиновым раем. Я всегда предпочитал «Mudhoney» «Nirvana» – но «Nirvana» тогда нельзя было не заметить. Это было одно из самых мощных дневных выступлений, что я видел, которое по воздействию было не отличить от полноценного концерта. Когда они играли, сцена стала небольшим клубом.

– До Рединга пресса с большим неудовольствием говорила о «Nirvana», – утверждает Антон Брукс. – После Рединга они оказались у всех на устах.

В тот день «Mudhoney» приехали пораньше.

– С нами была Кортни, – утверждает Дэн Питерс[253].

Позднее мы – я, Дэн, Марк Арм и Курт – гуляли за сценой в поисках приключений. Кортни таскалась за нами по пятам. Дэн продолжает историю:

– Мы целый день творили всякую хрень. Потом мне стало

скучно, и я принялся искать, чего бы еще раздолбать. Я заглянул в подсобку и заметил большую старую бутылку масла. Для начала я забрызгал всю подсобку – мне показалось, что это забавно. Кортни ходила по навесу надо мной, я сдавил бутылку и облил Кортни маслом. В шутку.

Кортни, обидевшись, убежала.

– Потом пришел какой-то мужик, искал меня, – продолжает Дэн, имея в виду владельца машины, которая была сильно забрызгана маслом. – И кто-то из моих знакомых меня сдал. Сказал, что это сделал Дэн Питерс из «Mudhoney». Я подумал: «Черт». Ну ладно, стою, прячусь, а сам думаю: «Ах ты, сукин сын». Спасай сначала себя, Эверетт! Сначала женщины и дети!

Еще одна милая история, часто пересказываемая в книгах о «Nirvana», как Марк якобы снимал Кортни для фильма на камеру в Рединге – она пила виски вместе с Кэт [Бьелланд] и Ким Гордон и говорила: «От Курта Кобейна у меня сердце замирает. Но он кусок дерьма». Проблема в том, что этой пленки не существует. Это еще один миф. Все, чем этот фильм обязан Кортни, – это фрагмент, где Торстон смеется над ее неприкрытыми амбициями.

В Америке же в это время Шелли тусовалась в Такоме вместе с Дебби Шейн – они собирали продовольственные талоны на парковке «Сэйфвэй», чтобы купить еды.

– Следующий раз я увидела «Nirvana» в Ворфилде, Сан-Франциско [26 октября], – говорит Дебби. – Мы шли по городу на встречу с Кристом и Шелли. Люди на улицах выкрикивали имя Криста. Он не понимал, что происходит. Мы говорили: «Ты знаменит. Ваш клип все время крутят по телеку». Он отвечал: «А?» Они ничего не знали.

На следующий день после выступления в Рединге «Nirvana» и «Sonic Youth» полетели в Германию, в Кельн, на фестиваль «Monsters of Spex».

– «Nirvana» должна была выступать в четыре часа дня, – вспоминает их бывший агент Кристоф Эллингхаус. – Они позвонили и предупредили, что опоздают. Местный организатор разозлился. Расписание для других групп пришлось перекраивать. «Nirvana» утверждала, что их задержали на таможне. Но это все был обман. Они просто не хотели выступать так рано. Они приехали около шести часов, им дали двадцать минут. Они вышли, сыграли пять песен, вынесли всем мозги и свалили. Следом за ними выступал Боб Моулд (бывший фронтмен «Hűsker Dű») – его освистывали несколько минут. Люди были потрясены! Они хотели «Nirvana» – и на тот момент «Nevermind» мало кто слышал.

«Bleach» не пользовался в Германии большим успехом, – добавляет Эллингхаус. – Я устраивал концерты для всех групп «Sub Pop», и когда «Nirvana» подписала контракт с «Geffen», я подумал: «Какой смысл?» Никогда не думал, что все обернется таким образом. Но этот концерт предвосхитил многие события.

Затем состоялся концерт в бельгийском Хасселте – на фестивале «Pukkelpop». Именно там произошел случай с табличкой с именем Фрэнсиса Блэка. Курт еще полил огнетушителем вокалиста «Pixies» во время их выступления.

В Германии было три концерта, в том числе выступление в Бремене – где произошел инцидент с дамой из «MCA». Турне закончилось 1 сентября в Роттердаме – на фестивале под названием «Ein Abend in Wien» в клубе «de Doelen» – очень чистом, на 3000 человек; почти все площадки с сиденьями для зрителей.

– Мне пришлось убеждать своих коллег включить их в программу фестиваля, – рассказывает голландский промоутер Карлос ван Хийфте. – Большинство считало «Nirvana» очередной заурядной группой от «Paperclip»[254]. В июле 1989 года я видел «Nirvana» в клубе «Maxwell's» – там они меня очень потрясли, в том числе и тем, что сломали свою аппаратуру. За день до выступления Ли Раналдо пришел ко мне домой и поставил кассету с «Nevermind», сказав: «Это будет иметь успех». В день концерта повсюду царил хаос. «Nirvana» каким-то образом раздобыла униформу врачей… К тому моменту, когда группа вышла на сцену, участники уже были порядочно пьяны.

На фестивале прошли самые разные арт-перформансы, одна из инсталляций представляла собой больничную палату с медсестрами и врачами. Курт с Иэном Диксоном глушили водку в огромных количествах. Позже они нацепили медицинские маски и халаты, писали на всех стенах «Фрэнсис Блэк, Арканзас» и поливали всех, кто заходил в гримерку «Nirvana», апельсиновым соком и вином. В какой-то момент Иэн даже возил Курта на больничной каталке.

– Клуб был забит до отказа, – продолжает Карлос. – К концу выступления группа принялась все громить: сначала собственную аппаратуру, потом динамики. Охрана, которую предупредили о репутации группы, выбежала на площадку, остановила их и выгнала со сцены.

Крист взобрался на динамики со спущенными штанами и с бутылкой в руках. Не знаю, выкидывали ли кого-то из группы на улицу той ночью, но это вполне возможно.

Ван Хийфте – что неудивительно – описывает ситуацию по-другому. «Я повидал так много групп, которые в конце своего

выступления начинали все громить, – рассказывал промоутер голландскому журналу „Oop“ в 1994 году. – Если вы считаете, что за все убытки заплатит ваш лейбл, то вы просто обыкновенный богатенький мальчик из Америки. То, что я дрался с Кристом, – полная чушь. Охранники тем вечером были одеты как медсестры, поэтому, когда они стали помогать мне стаскивать Криста с динамиков, сцена стала похожа на палату для буйных. И никто их не выгонял из клуба. Они просто ушли в свою гостиницу».

Была там и Кортни – за сценой; она познакомила «Sonic Youth» и «Nirvana» с Билли Корганом.

– Все были, мягко говоря, не в восторге, – комментирует Марк. – Когда они ушли, Курт написал на стене маркером «Кортни + „Gish“»[255].

До парома в Англию Лав ехала в одном фургоне с «Nirvana», где не переставая флиртовала с Дэйвом. Тем не менее она, безусловно, знала о все возрастающей славе Курта. Стив Галлик, например, вспоминает, как он подслушал разговор Кортни и Лори Барберо на концерте «Smashing Pumpkins», – вокалистка «Hole» хвасталась тем, что попала в клуб бесплатно, выдав себя за «миссис Кобейн».

В Англии «Nirvana» записала еще одну сессию у Пила: урезанную версию новой песни «Dumb» плюс «Drain You» и «Endless Nameless». 4 сентября музыканты улетели домой.

Вернувшись в Олимпию, Курт обнаружил, что больше не чувствует себя здесь как дома. И в буквальном смысле – рассказывают, что однажды он ночевал на заднем сиденье своего «вэлианта»[256], – и в переносном. В его отсутствие в Олимпии прошел первый Фестиваль международного поп-андеграунда: здесь собрались люди и группы, считающие себя друзьями и единомышленниками. Не было списков приглашенных гостей, а программа включала в себя не только музыку. «МПА хотели сделать так, чтобы фестиваль отличался от всего, что типично для рок-индустрии, – объясняет Рич Дженсен. – Например, не было никаких особых привилегий для „важных персон“».

Барбекю, кекуок, дискотеки… Принцип «сделай сам» во плоти. Это был хардкор, а не панк (образ жизни, а не мода). Именно первый фестиваль МПА во многом вдохновил популярное движение «Riot Grrrl».

– Замысел был не в том, чтобы собрать вместе группы, а в том, чтобы объединить людей, – объясняет Кэндис Педерсен. – Мы не собирались делить на категории группы или публику. Вот почему у нас было столько вещей помимо музыки – мы давали возможность людям провести больше времени в непосредственном общении друг с другом.

«Nirvana» выразила желание сыграть на фестивале, но организаторы не взяли группу, посчитав ее участие неуместным. Это событие стало важным для Курта: он очень переживал отказ и часто вспоминал этот случай в разговорах со мной (как с редким журналистом, разделявшим его любовь к Олимпии). Он считал, что друзья его предали.

– Я думаю, что они в любом случае не выступили бы там – ведь у них было турне, – комментирует Иэн Диксон. – Что важнее – турне по Европе вместе с «Sonic Youth» или один концерт в Олимпии? По существу речь шла об этом.

20 августа новорожденный лейбл «kill rock stars» выпустил одноименную подборку из 18 треков своих групп по случаю проведения фестиваля. Это была потрясающая компиляция; среди прочих на диске присутствовали яркая группа «Bratmobile» из движения «Riot Grrrl», мелодичные акустические стилизации «Courtney Love» (группы), мощный пробивной драйв от «Unwound», продюсер-одиночка из Сиэтла Стив Фиск, злая песня «Feels Blind» от «Bikini Kill», праведный политический гнев от канадского дуэта «Mecca Normal», одинокий перезвон от «Kicking Giant», fuck-группа Слима Муна «Witchypoo», «Melvins», неистовая «Loch Ness» от «Some Velvet Sidewalk», «Fitz Of Depression», мелодичный своеобразный вокалист «Half Japanese» Джед Фэйр, девичья группа из Сиэтла «7 Year Bitch», возмутительно-харизматичные позеры из «Nation Of Ulysses» и сверхтяжелые металлисты из Олимпии «Kreviss». По правде говоря, этот диск – документ, наиболее точно, интересно и мощно дающий представление о музыке тихоокеанского побережья Северо-Запада США того времени.

То, что группы из Олимпии и их друзья не носили кожаные косухи и не трясли волосами – хотя кое-то так делал, – не означает, что это был не рок. Черта с два – еще какой рок! Первоначальный тираж составил 1000 экземпляров – ручной работы обложка на шелкографии и…ах, да… одним из треков была песня «Nirvana» «Beeswax» – с первых демо-записей, сделанных с Дэйлом.

Слим Мун продолжает рассказ.

– Когда наши с Диланом дороги разошлись [в группе «Earth»], – говорит глава лейбла, – я все еще сохранил прекрасные отношения с «Nirvana», и не просто тусовочные. В 1991 году мы достаточно близко дружили, так что «Nirvana» дала мне песню для этого сборника.

Я: Можете рассказать об этом?

– Из всех групп Олимпии Кэлвин выпускал только «Beat

Happening», – начинает Слим. – Он делал кассетные сборники местных команд, но, несмотря на все разговоры о поддержке музыки из Олимпии в журнале Брюса и Кэлвина, лейбл был не местный. Одну тамошнюю группу, по моему мнению, стоило записать, но я знал, что ни «Sub Pop», ни «K» никогда этого не сделают. Название у них было что-то вроде звездочки с буквами и цифрами.

Это было примерно за месяц до фестиваля МПА. Я знал, что к нам приезжает достаточно много народу из других городов – многие собирались посетить все концерты. Я подумал: «А что, если записать сборник местных групп? Может быть, люди купят его, раз уж они едут в наш город». Но я понятия не имел, как нужно делать альбом.

Кэлвин каким-то образом узнал об этом, позвонил мне: «Так что, ты записываешь сборник?» У него были ответы на все вопросы. Он говорил: «Я запишу группу Джастина. Все можно записать в течение месяца, но тебе придется самому делать обложки; я буду твоим распространителем, поэтому даже после фестиваля ты сможешь эти диски продавать». В тот же день он записал группу, ставшую известной под названием «Unwound». Я обзвонил несколько знакомых команд из Олимпии и Курта тоже спросил. Он позвонил Кристу, а тот уже связался со мной. Они пришли на следующий день и принесли кассету. Оригинальную запись они не хотели отдавать, поэтому мы пошли на радиостанцию – люди там были настолько любезны, что позволили нам сделать копию на их аппаратуре. То есть версия, которая появилась на альбоме «Incesticide», видимо, на одну перезапись лучше той, что вошла на сборник «kill rock stars». Все остальные песни также были записаны на катушечный магнитофон. Мы отправили пленки по почте, диски пришли через три недели, еще неделя ушла на то, чтобы сделать трафареты для всех обложек. Все было готово ко второму дню фестиваля.

В итоге на сборник вошли либо группы из Олимпии, либо те, кто выступал на фестивале. Когда мы сделали первую версию сборника, «Fitz Of Depression» и «Nirvana» там присутствовали, но участие этих групп в фестивале не планировалось. По случайности Кэлвин попросил «Fitz Of Depression» все-таки выступить. Таким образом, «Nirvana» оказалась единственной группой на сборнике, которая не участвовала в фестивале. Это поставило меня в неловкую ситуацию – как будто я включил известную команду в сборник, хотя они не имели к нему отношения.

Я: Но факт участия «Nirvana» в сборнике, по всей видимости, помог вам покрыть расходы.

– Вроде того, – отвечает Слим. – Все сложилось не очень удачно: был очень большой спрос, но «К» оказался просто ужасным дистрибьютором. Дошло до того, что они задолжали нам 20 тысяч долларов – и предложили выплачивать нам их в рассрочку, по 300 долларов в месяц. Мы продали 25 тысяч экземпляров – и на эти деньги смогли выпустить альбомы «Bikini Kill» и «Unwound». Позднее мы выпустили «Heavens To Betsy» [группа, предвестник «Riot Grrrl»] и «Godheadsilo» [ужасно громкая рок-группа].

Вернувшись в Сиэтл, Курт быстро устал от разговоров с журналистами, особенно с радиоведущими. Он выдержал первые несколько телефонных звонков, потом начал безудержно врать, заскучал и в итоге передал все обязанности по общению со СМИ Кристу и Дэйву. В большинстве своем американские журналисты угнетали Курта и вызывали у него отвращение: мало кому из них была интересна музыка – все говорили о группе как о явлении. Ситуация изменилась за одну неделю, но, к сожалению, большинство музыкальных критиков – идиоты.

– Курт не переносил дураков, – отмечает Антон Брукс. – Он уважал в человеке ум, а на дебильные вопросы давал дебильные же ответы.

«Smells Like Teen Spirit» был выпущен в Великобритании 9 сентября – на диск также вошла версия «Even In His Youth», записанная во время сессий в «Music Source». Четыре дня спустя «Nirvana» вышвырнули с презентации их собственного альбома. Вечеринка проходила в переполненном «Re-Bar» в Сиэтле – пришло множество представителей музыкальной индустрии («Sub Pop», «Geffen», местные журналисты) и друзей. Кто-то сумел пронести внутрь кучу бутылок виски. В штате Вашингтон самые странные в США законы, касающиеся алкоголя, – и поэтому в «Re-Bar», хотя это именно бар, нельзя продавать то, что янки называют «крепкими спиртными напитками», если в это время подают еду. Или что-то в этом духе.

– На мне было очень красивое платье, которое я совсем недавно купила в «Basic», – начинает Кэрри Монтгомери. – В итоге я его залила луковым соусом…

Я: Представляю себе картину…

– В «Re-Bar» было очень много всякой еды, – продолжает Кэрри. – Мы с Куртом сидели в углу большой гостиной и пили «Сигрэмс» – из бутылки, очень стильно.

Группа убедила диджея Брюса Пэвитта выключить «Nevermind» – долго уговаривать не пришлось – и поставить нью-вейв и диско. Курт кидался фермерским соусом в Дилана и

Криста, которые отвечали ему тем же. «Вообще-то это был овощной соус…» – уточняет поставщик Нильс Бернстайн. Вышибалы схватили хулиганов за шиворот и выкинули их на улицу, не осознавая всю глубину иронии этого действия.

– Было очень весело, – смеется Ким Уорник. – По всему клубу катали по полу пустые пивные бочки. В итоге ребят попросили уйти. Может, именно тогда нужно было догадаться, что они станут новыми «Beatles». После этого мы отправились на другую вечеринку на верхнем этаже, кто-то раздолбал баллон с освежителем воздуха [некоторые утверждают, это был огнетушитель], поэтому нам и оттуда пришлось уйти. Тогда мы вместе вернулись к нам со Сьюзи домой. Курт остался у меня, пока «Nirvana» не приехала в город, – ему негде было жить, поэтому я дала ему свою комнату.

Я: Когда все начали кидаться едой?

– О, они постоянно устраивали побоища, – восклицает Кэрри. – Это неизбежно, они же как дети. Они кидались яйцами, другой едой, засовывали диски в микроволновку – это было смешно. Однажды мы тусовались у Джеффа Росса [дизайнера футболок «Nirvana»], я лежала в гамаке – а Курт сбросил меня с него. Тогда я пошла на кухню, взяла мешок с мукой и высыпала его на голову Курту. После этого Сьюзи [Тенант] принесла пылесос и начала чистить Курта одним шлангом.

Так или иначе, – продолжает Кэрри, – когда нас вышвырнули с вечеринки, посвященной выходу «Nevermind», мы все отправились к Сьюзи, нарядили чуваков из «Nirvana» в женские платья, накрасили их и танцевали вокруг дома. Мне кажется, это в ту ночь Курт стрелял яйцами из рогатки по машинам, стоя на крыльце у Сьюзи. А в гостиной Курт Блоч насыпал огромную кучу компакт-дисков, люди разбегались и прыгали на них. Сьюзи занималась рекламой лейбла «DGC» на Северо-Западе, поэтому у нее было много дисков группы «Nelson»… не говорите об этом Дэвиду Геффену, но, видит бог, она не могла ничего поделать, их было не остановить.

На холодильнике мы с Куртом увидели бутылочку с болеутоляющим и подумали: «О! Нужная вещь!» Мы проглотили все, что осталось в бутылочке, и решили, что было бы прикольно прыгнуть из окна спальни Ким [Уорник] на крышу соседнего гаража. Курт был в цветастом платье, с красной помадой на губах; помню, я сидела на подоконнике и смеялась, не переставая; мы наполовину высунулись из окна, но Ким или Сьюзи, или еще кто-то не дали нам спрыгнуть. Мы очень разозлились, потому что нам не дали сделать такую смешную штуку.

На следующий день, – добавляет Кэрри, – пришел Дилан,

забрал Курта – они сказали, что пойдут стрелять из ружья. Они покупали в магазине большие куски мяса, например свинины, отправлялись в лес и стреляли по ним из ружей…

У Сьюзи на стене висел золотой диск «Nelson» – Курт изуродовал его: сначала измазал губной помадой, а затем засунул в микроволновку. Вечеринка продолжалась до утра, Курт заснул, не снимая маленького бело-зеленого платья Сьюзи от Холли Хобби.

– Никому оно так не шло, как ему, – смеется Сьюзи.

Через три дня после презентации «Nirvana» выступала в магазине «Beehive Records» в университетском округе Сиэтла. Это был один из первых концертов, на котором Курта откровенно поразила его новоприобретенная слава: группу осаждали охотники за автографами, они подлизывались к Курту, не давая ему прохода, но при этом не слушали, что он пытался им рассказывать о «Bikini Kill». Еще год назад Кобейн был одним из них. Теперь он стал их кумиром.

В магазине без проблем помещалось лишь 50 человек – перед входом столпилось 200. В два часа дня. Концерт был назначен на семь вечера. Когда началось выступление, работникам магазина пришлось поставить перед окнами коробки с дисками, чтобы защититься от напора толпы. Предполагалось, что это будет акустический сет, но кто-то принес с собой динамики – и толпа сошла с ума и начала ломиться в двери, будто приняла клип «Teen Spirit» за руководство к действию. Даже Трэйси и Тоби были там, танцевали. Парочка чуваков из Монтесано, из старой школы Курта, пришла на концерт и требовала автограф – это взбесило Курта больше всего.

Крист говорит об этом выступлении как о моменте, после которого все стало меняться – в худшую сторону. «После этого стали происходить разные вещи. Мы не были уже той же самой группой, – сокрушается он. – Курт – он как будто забил на все».

С того дня сохранилась знаменитая фотография Чарлза Питерсона – Курт сидит, сжав руками голову, абсолютно опустошенный, как будто сейчас заплачет.

– Тогда я все еще был достаточно стеснителен, – говорит сам Чарлз, – и если вы думаете, что при встрече со звездами я оживлюсь и начну пихать камеру им в лицо, вы ошибаетесь. Забавно, что Курт тоже был болезненно стеснительным. Таким образом, мы имеем болезненно стеснительную рок-звезду и болезненно стеснительного фотографа – естественно, из этого ничего хорошего не выйдет. Курт иногда меня даже пугал. Особенно когда все стали считать его богом во плоти – которым

он не являлся.

Дополнение 1: Изгнание Курта из Олимпии

Рич Дженсен: Кэлвин говорил мне, что Курт звонил ему из Лос-Анджелеса во время работы над «Nevermind». Вроде бы он спрашивал об их участии в фестивале. Они разговаривали о целях МПА и о том, что, учитывая место «Nirvana» в рок-индустрии – они уже были не просто группой единомышленников, играющих музыку, – лучше им на фестивале не выступать. МПА был предназначен для того, чтобы другие группы смогли получить возможность раскрутиться.

Я: Но, по странному стечению обстоятельств, успехом «kill rock stars» частично обязан и «Nirvana», поскольку их песня была на сборнике.

– Я бы сказал, что успеху «kill rock stars» способствовали «Bikini Kill», а не отдельный трек в сборнике. Я считаю, что лейбл «kill rock stars» больше занимался растущей социальной сетью. Альбомы «Bikini Kill» расходились 50-тысячными тиражами очень быстро – какие-то группы из «Riot Grrrl» были уже известны среди молодых девушек благодаря различным фэнзинам и активной рекламе, в частности в «Сэсси». Это не имело никакого отношения к «Nirvana». Олимпия настолько маленький город, что все друг другу помогают – если они по одну сторону баррикад.

Я: Полагаю, тот диалог между Куртом и Кэлвином о МПА был достаточно важен. Кобейн упоминал об этом несколько раз в разговорах со мной, потому что считал, что Олимпия повернулась к нему спиной. Ему могло казаться, что они сознательно устраивают мероприятие для своих, для элиты.

– Одна из причин популярности «Nirvana», и в особенности Курта – личность Курта была наиболее выдающейся, поэтому мы отдаем ему все внимание, – в том, что он олицетворял собой проблему: мужчины, которые играют в группе, занимаются традиционным занятием традиционных мачо, но их интересы абсолютно противоречат традиции. Это очень сложная ситуация. Как далеко это может зайти? Ответа тут нет, но если говорить о том, что думали Курт или Кэлвин, – никто ни к кому не поворачивался спиной. Я думаю, что Курт понимал все эти нюансы очень хорошо. Это видно во всем его творчестве, и это одна из причин, по которой о нем и его музыке все еще сегодня говорят.

Я: Это я и хочу прояснить в своей книге. Изгнание из Олимпии, было оно осознанным или нет, все-таки произошло.

– Речь не только об Олимпии. Верно, что Олимпия – это место, где музыка может реально влиять на создание лучшего мира. Двадцать лет эту идею все обсуждали – повсюду о ней шумели. Что все это значит – это значит, что изгнали не просто Курта Кобейна. Легко перевести стрелки на музыкантов. Но суть в том, что, по моему мнению, люди, которые набрасываются на Олимпию, скорее просто недовольны самой идеей перемен.

– Курт был чист душой, но безумно амбициозен, – объясняет Кортни Лав. – Он хотел того, что получил, но из-за своего бэкграунда, из-за настроений в Олимпии, он решил, что ему это не нужно. Только взгляните на «Nirvana», когда в группе еще играл Джейсон Эверман, – Курт вел себя так, будто играет в «Soundgarden», но он писал мелодичную музыку. Группу «Nirvana» испортила Олимпия – в этом городе не было ничего талантливого, и именно поэтому эти люди меня бесят больше всего, Эверетт. Типа, талант не важен, важна искренность, манифест – и это полная чушь.

Я: Погоди секунду…

– Нет, – перебивает Лав. – Я считаю, что у Иэна Маккея были божественные, гениальные песни, но когда он уже оказался под крылом Кэлвина Джонсона, его творчество стало элитарным, замкнутым на себе – и я говорю это не потому, что они издевались надо мной. Есть множество городов, где надо мной издевались, но чью музыку я люблю. Слушай. Я жила в одной комнате с Лоис Маффео[257], она постоянно включала мне «Marine Girls» и «Kleenex» [девичья группа 70-х из Швеции] примерно в то же время, когда Курт слушал ту же хрень, а то и раньше. Для него это было спасением, потому что в Олимпии он услышал какие-то поп-группы – так же как «Teenage Fanclub», «The Vaselines», «The Pastels» и прочие милые люди, на которых мне плевать. Он не хуже меня знал о том, что такое слава. Он просто не был к ней готов.

Послушай меня. Мэрайя Кэри все поняла неправильно – не важно, во сколько чертовых нот ты сможешь попасть. Что такое, мать его, талант? Самая чистая форма музыки – это госпел. Мэрайя никакого отношения к госпелу не имеет. Госпел – это страсть, чистота, и не важно, попал ты в ноту или нет; важно попытаться попасть в ноту. Талант здесь вообще ни при чем, здесь главное – страсть.

Мы с тобой это понимаем, но к Олимпии это неприменимо – с ее элитарностью и отсутствием духовности.

Журнал «Стрейнджер», 25 февраля 1999 года

Дополнение 2: Гранж-лайт

Я: Когда в «Reciprocal» стали приходить группы со словами: «Сделайте так, чтобы мы звучали как „Touch Me I'm Sick“»? Группы, которые конкретно хотели звучать как гранж-команды?

– Ох, не раньше начала девяностых, когда все стали об этом думать, – смеется Джек Эндино. – Никто не хотел быть «еще одной группой из Сиэтла», люди слишком себя уважали. Только чужаки хотели звучать как группа из Сиэтла. В Сиэтле же все бежали от этого. «Sub Pop» бежал от этого. Я бежал. В середине девяностых я успел поработать в десяти других странах, только потому что люди звали меня и оплачивали мне дорогу. Франция, Дания, Португалия, Австралия, Англия, Германия, Голландия… И везде я находил очень честные, слегка наивные группы, которые говорили мне: «О, вы знаете, мы обожаем альбом „Bleach“».

Я старался не работать с теми, кто уж слишком очевидно подражает другим, потому что не хотел быть Леонардом Нимоем[258] от музыки, играть одну и ту же роль всю свою жизнь, – объясняет продюсер. – Это чуть не случилось. Несколько лет подряд все твердили – «гранж, гранж, гранж», я уже был готов заорать. В 1992–1993-м этим все кормились. «О, нужно играть под „Nirvana“, или под „Melvins“, или под „Soundgarden“…» – ТЫСЯЧУ РАЗ я это слышал: «Нам нужно звучание как у „Alice In Chains“». Это был наиболее простой путь подражания для саб-металлистов, потому что «Alice In Chains» выросли из металла в гранж, тогда как все остальные группы пришли из панк-рока. Нельзя добиться убедительного подражания «Mudhoney». Можно более или менее подражать стилю «Nirvana», но в итоге это будет просто плохая «Nirvana». Что многие и делают по сей день. Разница обычно заключается в том, что у них дерьмовый вокалист и никакой оригинальности. Хочется, чтобы они заткнулись. Но все повелись на металлическую составляющую гранжа, и именно из части гранжа, представленной «Soundgarden» и «Alice In Chains», вышло огромное количество ужасных подражателей. Пару лет назад все хотели быть хеви-метал-группой – сегодня они играют гранж.

Я: У вас когда-нибудь было так, чтобы люди в студии говорили: «Подождите, это уж очень похоже на альбом гранж-группы»?

– Не очень часто, нет, – смеется Эндино. – Иногда я сам придирался: «Знаете, это звучит в точности как третья песня со второго альбома „Black Sabbath“ – точно такой же рифф. Вы уверены, что имеет смысл играть эту песню?» Или: «В точности как песня „AC / DC“ с альбома „Let There Be Rock“». Я стараюсь быть начеку, потому что люди воруют больше, чем хотели бы…

Глава семнадцатая
Прекрасные, прекрасные глаза

У Курта был четкий выбор. И он его сделал. Он решил надкусить этот плод. Он принял более интересное, но не факт что более правильное решение. Кортни, вероятно, полагала, что у Курта выбора не было в принципе, потому что она решила, что хочет его, – но выбор был. Думаю, что Курт хотел жить с ней как пара торчков, как Сид и Нэнси. Это была его реакция на внезапно свалившуюся на голову славу.

Эрик Эрландсон, бывший гитарист «Hole»

Как-то мне напели по телефону «In Bloom». Звучало так круто, что я начала искать эту песню повсюду. Демо-версии «Nevermind» стало трудно найти. Наконец я обнаружила альбом, и когда послушала, то, честно говоря, просто прослезилась. Не потому что он был так безумно прекрасен, а потому что это было лучшее из всего, что написано андеграундом. Я сразу почувствовала жалость к Курту. Мне стало ясно, какие кошмары ожидают беднягу. Как и все, я переслушала «Nevermind» в турне, он преследовал меня повсюду, каждая новая песня лучше предыдущей. Это просто подавляющая запись, никому ее не перекрыть, даже «Pixies». Такие записи вредят самооценке, если сама пишешь музыку. Чувствуешь себя мелкой и глупой.

Кортни Лав, 1992

Через четыре дня после выхода альбома на «Beehive Records» «Nirvana» начала очередное турне по Северной Америке.

На Восточном побережье их программу открывала группа «Melvins»; на юге перед ними выступали ультрапсиходелические «Das Damen»[259]; на Среднем Западе – изысканные щеголи «Urge Overkill»[260]; на Западном побережье выступали «Sister Double Happiness»[261]. Билеты были распроданы задолго до выхода «Nevermind», а места для выступлений оказались до смешного невелики для нового статуса группы – мятеж поврежденных конечностей и разочарованных фанатов был неизбежен.

– Когда вышел «Nevermind», – заявляет Крэйг Монтгомери, – говорили о том, чтобы заказать стадион, но мы никак не могли.

Ради этой записи мы очень много времени провели за границей, но маловато в США.

«Teen Spirit» дебютировал на 27-м месте в чарте «Биллборда» «Современный рок»: радиостанции вначале отказывались ставить песню, потому что не понимали слов, но их атаковали звонками тинейджеры.

– Моя жена купила «Nevermind», и я подумал: «Вот это да», – поясняет Том Хэйзелмайер. – «Nirvana» взяла у «Cows», «Melvins» и «The Jesus Lizard» весь их драйв и характер и вложила их, как назвал это Тэд, в битловский поп.

События закручивались так стремительно, что за ними трудно было уследить. Первые два концерта турне «Nirvana» отыграла в Канаде, после чего 22 сентября направилась в Бостон, Массачусетс, где встретилась за обедом с Марком Кейтсом, руководителем отдела альтернативной музыки радиостанции DGC. Практически неизбежна была очередная свара за едой: «Они кидались друг в друга столовыми приборами, – вспоминал работник DGC Тэд Волк, который присутствовал там. – Это, конечно же, был лучший обед в моей жизни».

После обеда «Nirvana» решила отправиться в клуб «The Rat» посмотреть на «Melvins». Прибыв, они не нашли своих имен в списке, и Курт стал препираться с вышибалой. «Тут откуда ни возьмись, – рассказывал Волк Кэрри Борцилло-Вренна, – какая-то блондинка хватает швейцара за руку и говорит: „Ты знаешь, кто это? Это Иисус Христос, и ты должен пропустить его в клуб тотчас же“. Я поворачиваюсь к своей девушке и говорю: „Вот это да!“»

Блондинкой оказалась Мэри-Лу Лорд, местный автор[262] и исполнительница, которая тогда перебивалась импровизированными концертами в электричках. Курт спросил, какие у нее любимые группы, и она назвала «The Pastels», «The Vaselines», Дэниела Джонстона и «Teenage Fanclub». «Черт, – ответил Курт. – Это и мои любимые группы, и притом в том же порядке», – и попросил ее назвать песни каждой команды, чтобы убедиться, что она не дурачит его.

На следующий день Курт отправился к Лорд домой. На стене висел подновленный портрет знаменитого рок-журналиста 70-х Лестера Бэнгса. Бэнгс был единственным приемлемым для музыкантов вроде Лорд и Кобейна журналистом – Курт даже писал ему воображаемое письмо в журнал, – хотя это не значит, что он не мог, как и все остальные, быть грубым, невоспитанным и самовлюбленным. Но в 70-е Бэнгс поддерживал хорошие группы, сохранял собственный уникальный голос и, что еще более важно, был к тому времени уже мертв – так что его можно было

почитать, не смущаясь его назойливым присутствием. Курт рассказал Мэри-Лу, что все еще скучает по Тоби и что недавно познакомился с восточной религией джайнизма.

«Каждый день, – пояснил Курт, – мы проходим сквозь ад и рай».

На следующий день парочка отправилась на празднование дня рождения местной альтернативной радиостанции WFNX[263] в клуб «Axis» в Бостоне – «Nirvana» выступала хедлайнером, поддерживали их «Smashing Pumpkins» и местная рок-группа «Bullet Lavolta». Перед концертом для новостей MTV засняли Криста Новоселича, который играл в «Твистер» с группами разогрева, используя для дополнительной смазки масло «Криско»: Крист был одет только в шорты-боксеры и вытирал излишки масла – например, на заднице – висевшим неподалеку американским флагом. Некоторым местным ребятам такое использование государственного знамени не понравилось, и в итоге к Кристу вызвали охранника.

Тем временем Курт наплевал на большинство своих обязанностей по раскрутке группы и проводил время с Мэри-Лу.

Мэри-Лу была, казалось, создана для биографии Курта. Намного позже Кортни изобрела непристойную байку о том, как Курта однажды отвлекли от процесса орального секса с бостонской девчонкой на заднем сиденье фургона – и что это, дескать, был единственный раз, когда он видел ту девчонку. Однако я очень хорошо помню, как в то время опьяненный Курт все больше сходил с ума по той девушке по имени Мэри-Лу, как он был в нее влюблен и даже собирался переехать к ней в Бостон.

Привет, Эверетт.

Порой встречаешь человека и тут же понимаешь, что твоя жизнь скоро изменится. Вот так и я встретила Курта. Ситуация была настолько яркой, что того краткого времени хватило бы на целую жизнь – один из тех случаев «любви с первого взгляда», о которых читаешь в книгах. Короткие, но тем не менее настоящие отношения, когда тут же узнаешь о человеке все и становишься ему очень близок. Надеюсь, у меня тут получилось не слишком похоже на «Мосты округа Мэдисон»…

Я хорошо понимаю, что наши с Куртом отношения были краткими и что в его жизни случилось слишком много всего – просто невозможно, чтобы он относился ко мне так же, как и я к нему, но в глубине сердца я верю, что так и было. Я знаю, что наибольшую роль в перемене его чувств ко мне сыграла Кортни – и не только потому, что она заняла мое место, но прежде всего из-за той лжи, которую она наплела обо мне. Курт был не из тех,

кто может подойти и спросить: «А это правда?» Спустя всего несколько месяцев после нашего окончательного расставания с Куртом Кортни уехала в Европу, а через неделю или около того, в районе Дня Благодарения, забеременела[264].

Так что я предполагаю, что наша связь с Куртом длилась месяца два, но даже если бы она заняла всего два дня, она осталась бы такой же незабываемой. И дело вовсе не в сексе. Тут сказывалось какое-то притяжение, которое возникает между двумя людьми.

Иногда я жалею, что в то время боялась рискнуть. Как той ночью в Детройте: он умолял меня поехать с ним в Чикаго, но я не могла. Я боялась потерять работу и не хотела стать обузой для группы. Денег у меня не было, и я опасалась, что он подумает, будто я хочу прокатиться на халявку. Наверное, он смотрел на это совершенно по-другому. Он, видимо, считал, что я стала «отчужденной» и «перестала им интересоваться». Я и представить себе не могла, что парню из рок-группы может быть нужно что-то серьезное. Если бы я только знала, как сильно он хотел быть любимым, я открыла бы ему свои истинные чувства.

В ту же ночь в Чикаго Кортни как раз и поставила перед Куртом вопрос ребром. Что случилось бы, будь я там? Смог бы он представить меня как «свою» девушку? Она тогда вроде бы как гуляла с Билли [Корганом], а может, только что с ним порвала и прилетела как раз забрать остатки своей одежды у Билли. Если бы я все еще была в турне, все могло сложиться по-другому. Он был бы занят, и Кортни, надеюсь, приняла бы это – хотя, возможно, и нет. Уверена, что Кортни что-нибудь да придумала бы. Ведь когда мы снова сошлись с Куртом в Англии, она придумала способ нас разлучить…

Курт ничего не говорил о Кортни, когда через несколько недель мы встретились в Британии. Первый концерт состоялся в Бристоле. Мало что про него помню, но было круто снова оказаться с Куртом. Он звонил мне с дороги четыре-пять раз в неделю – притом мобильных телефонов еще ни у кого не было, – когда они гастролировали по Штатам. Я играла в метро по десять часов в день ежедневно, чтобы накопить денег на поездку. Весь октябрь я играла столько, что пальцы потом кровоточили. У меня были сильнейшие приступы кистевого туннельного синдрома[265], *я просто разваливалась, но ничто не могло удержать меня от того, чтобы купить билет на самолет и встретиться с ним снова. Я хотела удивить его. Я ничего не знала о Кортни и не думаю, что Курт тогда полагал, что у них все зайдет так далеко. Он о ней ни разу не упомянул.*

Прилетев в Англию, я отправилась на концерт и саундчек и

встретилась с Куртом. Он показался мне очень усталым, турне больше не вызывало у него энтузиазма. Начались проблемы с желудком, и я так понимаю, что как раз тогда наркотики начали его доставать. Я была абсолютно наивной насчет героина. Я видела, что он сделал с некоторыми моими кумирами самых ранних лет, и не хотела иметь с этим никаких дел. Я с самого начала выразила Курту свою позицию насчет наркотиков. И надо сказать, что она была воспринята непросто: мое неодобрение наркотиков расходилось с тем направлением, в котором он двигался.

Я побывала в Англии еще на паре концертов. Последним шоу «Nirvana» в моей жизни оказался концерт в «Астории» в Лондоне. После него мы с Куртом вернулись в гостиницу, отправились в постель, и около трех утра раздался звонок. Это была Кортни. Я ничего не знала о ее существовании. Даже не знала, кто она такая, кроме того, что у меня был [сингл «Hole»] «Retard Girl». И еще «Motorcycle Boy» самой Кортни Лав – вот и говорите после этого о совпадениях…

Кортни узнала про меня во время интервью на радио в Бостоне. Владелец радио был моим приятелем. Кортни выкачала из него информацию и использовала ее как ловушку. Она владела фактами в достаточной степени, чтобы поставить все с ног на голову. После интервью она позвонила Курту. Говорили они минут сорок. Я старалась не обращать внимания. На следующее утро Курт спросил меня: «Ты собираешься ехать в Вулверхэмптон?» Я не поняла, что он пытается сказать, и ответила: «У меня есть дела в Лондоне» (ложь). Хотя мне было неловко врать, я надеялась, что скоро вновь его увижу. Он выдал мне путеводитель и поцелуй и пообещал не теряться.

На следующий день «Nirvana» выступала на телевидении в программе «Слово». Курт вошел в студию и с порога заявил: «Я хочу, чтобы все в этой комнате знали: Кортни Лав, солистка поп-группы „Hole“, лучше всех в мире трахается». Я пришла в ужас. Ведь буквально прошлой ночью я была с ним, и он о ней ни словечка не проронил. То есть проронил, но я всегда была слишком воспитанной девушкой, чтобы такое повторить. Я думаю, она заслужила такие слова. Это было злобно и низко. Так я поняла, что его навсегда изменит эта «Кортни Лав», кто бы она ни была.

К тому времени, как я вернулась в США – 11 ноября, – «Nirvana» вознеслась на вершину славы. И это было очень тяжело для меня, потому что, куда ни глянь, везде были лицо и голос Курта.

Курт выглядел просто дерьмово. Наркотики начали опустошать его. К тому времени Кортни была уже беременна.

Весьма быстро… В то время Кортни беспрестанно оставляла сообщения мне на автоответчик. Это было просто смешно. Я никогда не пыталась восстановить отношения с Куртом или сделать что-то кому-то из них, чтобы у нее был повод мне угрожать. Думаю, это она от скуки, а может, у них обоих тогда прогрессировала паранойя. И я уверена, что она считала меня угрозой, потому что знала все о наших с Куртом отношениях и «искусственно» разлучила нас своей ложью…

Мэри-Лу

О, я люблю рок-н-ролл.

Всю свою жизнь я ищу смысл, чувство причастности, знание, что есть и другие такие же, как я. Всю свою жизнь я ищу ощущение волшебства – «Самое близкое к отчаянию чувство, которое я знаю» («The Legend!», 1983), частицу звездной пыли, которая вознесет меня над миром. Думаете, эта часть меня осталась равнодушной к той неожиданной новой власти, которую я обрел в кильватере успеха «Nirvana»? Да вы с ума сошли. Я смаковал ее, наслаждался ею, купался в ней, я был хороший и плохой одновременно. Мне нравилось, как девушки, музыканты и фанатки, неожиданно начинали флиртовать со мной – со мной! – и что известные в мире рок-андеграунда люди предлагали потусоваться вместе. Я был в восторге.

Одно событие вознесло меня над стадом, которое, казалось, готово было следовать за каждым шагом «Nirvana». Вскоре после Рединского фестиваля в сентябре 1991 года кто-то в «Мелоди мейкер» пожаловался, что наши конкуренты из «NME» получили право первого эксклюзивного интервью с группой по поводу альбома «Nevermind»; и это несмотря на то, что мы и вскоре переставший существовать журнал «Саундз» были главной опорой гранжа в Британии. «NME» считался лидером продаж, имел больший тираж – и это, хотя журнал никогда особенно не интересовался гранжем, значило для менеджеров группы больше, чем что-либо другое.

«Хорошо, – опрометчиво заявил я. – Пошлите меня в Америку, и я все устрою».

Спустя три часа наш редактор отдела очерков сообщил, что организовал мне командировку в Нью-Йорк для интервью с «The Breeders». Отлично, подумал я, но ведь «Nirvana»-то на другом конце страны! Однако погодите – в тот же вечер, как мы прибыли, трио из Сиэтла выступало в нью-йоркском клубе «Marquee». Я отправился прямо туда и сидел у входа весь саундчек, пока Курт не обратил на меня внимание.

После концерта Курт предложил мне поехать в турне. Также

он попросил представить его певице Ким Дил, чей дебютный альбом «Pod» ему очень понравился. Я с удовлетворением согласился и на то и на другое. И вот мы отправились на студию, где записывались «The Breeders»; Курт съежился за перегородкой в операторской, он почти стеснялся говорить о своих героях. Через несколько дней я взобрался на сцену вашингтонского клуба «9.30», чтобы прокричать свои панк-соул-песни перед толпой из 800 бешеных панков; к моему удивлению, все они мне подпевали. Я обнаружил, что мой статус выступающего музыканта обеспечивает мне бесплатную выпивку, и я с готовностью надрался двойными и тройными дозами, так что в итоге группе пришлось запихивать меня в фургон, где я, вопреки всем правилам турне, начал блевать, а потом выпал на тротуар[266]. Как ни странно, «Nirvana», кажется, получила удовольствие от моих выходок. Во всяком случае, они разрешили мне ехать с ними и на следующий день.

«Большинство думает, что группу повсюду преследовало какое-то черное облако, – говорил Дэйв Грол Стиви Чику в 2005 году. – А это совершенно не так. Случалось много всего классного, и у нас были чертовски клевые истории, мы много смеялись. Иногда бывало опасно. Часто довольно мрачно – но не всегда. Эх, если бы мне давали пятицентовик каждый раз, когда Эверетт Тру блевал у нас в фургоне… эти парни видели много всякого дерьма, но в мире дерьма было гораздо больше».

24 сентября «Nevermind» вышел в США: было продано 46 251 экземпляров – приблизительно на 953 749 меньше, чем ожидалось. Несмотря на предположение Голдберга, что «Geffen» после программы «Рокси» наконец-то понял, какого монстра держит в руках, компания по-прежнему сильно недооценивала спрос на «Nirvana». Подобная же история наблюдалась и в Британии.

– Когда «Nirvana» подписывала контракт с Геффеном, менеджером продукта была Джо Болсом, – говорит Антон Брукс. – Она привыкла иметь дело с такими группами, как «Guns N' Roses» – и тут ей на голову сваливается «Nirvana». Сначала она вела себя как богатая девушка из среднего класса и никак не могла понять, как же с ними обращаться, но через несколько месяцев уже погрузилась в них на все сто процентов. Без нее моя работа была бы тяжелее в тысячу раз. Геффен сначала выпустил шесть тысяч альбомов. Он считал, что будет здорово, если удастся продать хотя бы две-три тысячи. Через два дня все альбомы были проданы, и «Nevermind» оказался, соответственно, лишь 34-м. Даже альбом «Mudhoney» забрался выше.

В вечер выхода «Nevermind» «Nirvana» проводила

общедоступный концерт в бостонском клубе «The Axis».

– Общее возбуждение можно было потрогать руками, – вспоминает фотограф «MM» Стив Галлик. – Клуб сотрясался от энергии. Казалось, мы находимся в центре торнадо.

В небольшой VIP-зоне, не огражденной кордонами, Крист устроил прием вместе с Ким Гордон; он говорил о политике и чувствовал себя в своей стихии.

– Мы вернулись в гостиницу, – продолжает Галлик, – и они отыграли для MTV «Teen Spirit». Я думал: «Мать твою, все это плохо кончится, и очень скоро».

На следующий вечер «Nirvana» выступала в клубе «Babyhead» в Провиденсе, штат Род-Айленд, где Курт на первой же песне разбил усилитель. Далее последовали концерты в Нью-Хейвене и Трентоне, а 28 сентября они приехали в Нью-Йорк, где Курт впервые увидел себя по телевизору. Он позвонил матери, чтобы сообщить ей, что его показывают в «120 минутах», «альтернативном» шоу MTV. «Он был очень возбужден, – вспоминала Мэри-Лу. – Он весело рассказывал ей о каждом своем появлении в кадре». «Teen Spirit» попал в американскую двадцатку, и «Nirvana» отыграла акустический концерт на «Тауэр рекордз». Курт тогда извлек из фанатской торбы пачку печенья «Орео» и запил ее пакетом молока – прямо посреди выступления.

Концерт тем вечером в уютном «Marquee» был просто убийственный: с балкона бок о бок с солисткой «Breeders» Ким Дил я наблюдал, как зрители раскачивались в унисон с Куртом, Кристом и Дэйвом в вихре движений и эмоций. Гитары сменяли гитары, барабаны заглушали барабаны, неповторимо завывал бас. Весь концерт Курт смеялся. Толпа все больше сходила с ума. На высшей точке выступления, «Negative Creep», у Курта уже не осталось гитары, так что он нырнул в подхватившую его толпу, не переставая петь – только под бас и барабаны. Но все равно было ощущение, что в это время играет целый гитарный оркестр.

– Я был в шоке от того, как здорово это звучало, – подтверждает Галлик. – Обычно без гитары звук получается плоским, но тогда он был невероятно полным.

Настроение у Курта менялось с катастрофической скоростью. После приема в Филадельфии он впал в депрессию – это чувство, наверное, усилилось из-за похмелья и усталости от гастролей. На следующий день я с группой отправился на верхушку какой-то мегалитической башни на окраине округа Колумбия для интервью с коммерческим радио. Мы с Куртом отошли, оставив акул капитализма на Криста и Дэйва. Спустя годы, как немедленная реакция на смерть Курта, в моей голове закрепился этот образ группы – тот, каким я хотел бы проиллюстрировать

обложку книги, которая, как я знал, никогда не появится, – Курт стоит хрупкий и маленький, с опущенной головой, терзает сигарету; и еще больше усиливает это впечатление хрупкости сияющая металлическая башня за ним.

«Ты когда-нибудь был до того на одной из сорока лучших американских радиостанций? – спросил меня позже Курт. Нет. Не думаю. – Что ж, тогда попробуй представить, что это такое. У этих парней аккуратная челочка, ровные усы прекрасной формы, они говорят голосом профессионального американского радиодиджея, понятия не имеют, кто ты, черт возьми, такой, и задают самые дурацкие вопросы из всех, какие ты когда-либо слышал. И притом ты там для того, чтобы представить свою группу, хотя я больше не хочу нашу группу представлять. По-моему, мы становимся слишком большими. Мне совестно из-за этого и совестно из-за того, что мы поддерживаем эту хреновую радиостанцию, которой нечего предложить людям, кроме коммерческой музыки. И я, подумав, решил, что не пойду туда, после чего на меня накинулись люди с лейбла и еще кое-кто. Крису и Дэйву пришлось переступить через себя и пойти на это сраное радио, потому что они обречены на это. Я, честно, больше не могу».

Вскоре после этого разговора Курт отказался давать интервью диджеям с радио, и точка.

Концерт 2 октября в вашингтонском клубе «9.30» – он расположен в очень неудачной части города, зато очень близко ко всем объектам внимания туристов в столице – вновь оказался невероятным, возможно, из-за мятежного настроения Курта. Было жарче, чем в аду, группа разогрева «Das Damen» была приглашена для отвлечения бешеных панков, и клуб был переполнен! Нырнуть со сцены было некуда, и после своих трех песен перед основной программой мне пришлось сползать с края под тяжелые шлепки Криста и Курта. «Nirvana» открыла свое выступление кавером на песню «The Vaselines», «Jesus Doesn't Wants Me For A Sunbeam», а это… надо сказать… охренительный способ начать концерт!

До того наш коллектив чуть не выгнали из модного ресторана, который подыскал для нас сотрудник «DGC», потому что мы были «слишком грязными». А нам и наплевать – тем лучше: мы проигнорировали модную жратву, а вместо нее предпочли легендарную пиццу клуба «9.30», разделив ее с очень прикольными мамой и сестрой Дэйва. Как раз на барбекю, который устроила семья Дэйва на следующий день, Курт и рассказал мне о своей любви к Мэри-Лу Лорд.

После Вашингтона наш путь лежал на юго-восток: Джорджия, Северная Каролина и Мемфис. Когда «Nirvana» 5 октября была в

Атенсе, штат Джорджия, на пирушке у гитариста «R.E.M.» Питера Бака (вместо того чтобы давать новые интервью прессе), «Smells Like Teen Spirit» вышла на пятую позицию в чарте.

Мэри-Лу Лорд вернулась в турне через несколько дней, в Огайо, и обнаружила Курта в особенно дурном настроении: он проклинал проблемы со звуком и заявлял, что предыдущий концерт был полным отстоем. Она съездила с группой в Детройт, штат Мичиган, а на следующий день отправилась на работу в музыкальном магазине в Бостоне. В тот день «Nirvana» играла в «Metro» в Чикаго, на разогреве выступали «Urge Overkill».

В то же утро Кортни Лав вылетела в Чикаго из Лос-Анджелеса.

Кортни ехала не для того, чтобы увидеть Курта Кобейна. Она состояла в свободных, ни к чему не обязывающих отношениях с Билли Корганом. Этот перелет был последним аккордом в длительных отношениях с самовлюбленным, эгоистичным фронтменом «Smashing Pumpkins». Ни Курт, ни Кортни до Чикаго не давали мне повода предположить, что как-то по-особенному относятся друг к другу – и это в то время, когда я разговаривал с Кортни по нескольку раз в день. Но Курт становился знаменитым, он был милый и чувствительный, а Кортни – настоящая секс-террористка. К тому же оба они отчаянно желали предаваться гедонизму.

– Она была с Лори [Барберо], – вспоминает Дэнни Голдберг. – Тогда я встретил Кортни едва ли не в первый раз. Она посплетничала со мной – скромная, очаровательная, прокладывающая себе дорогу в эту компанию. После концерта я минуту поговорил с ней за сценой, потом с кем-то еще, а когда обернулся, то увидел, что она сидит у Курта на коленях. Она была крупнее его, так что зрелище было незабываемое. И с того вечера они были вместе.

Кортни понятия не имела, что тем вечером «Nirvana» будет выступать в Чикаго, но в номере Коргана она обнаружила его новую постоянную подружку. Она зашвырнула туфли в окно и, таким образом, осталась босиком. И вот она взяла за десятку такси в клуб «Метро», чтобы хоть куда-то да пойти. (Собственно, Кортни появилась за 15 минут до конца, когда Курт как раз впал в свою обычную манию разрушительства.) Почувствовав, что ее презирают, она позвонила из клуба Коргану и сообщила ему о своих намерениях относительно Курта – она уже знала, как ревниво относится ее любовник к «Nirvana», – после чего сделала свой ход, который и описывает выше Голдберг.

– Там было много народу, – говорит Крэйг Монтгомери. –

Были ребята из «Urge Overkill», менеджеры, думаю, что и состав «Smashing Pumpkins» без Коргана, и в ту ночь Дэйв остался ночевать у меня в номере [в отеле «Дэйз-инн» на берегу озера Мичиган], потому что Курт и Кортни устроились в том номере, который занимали Курт и Дэйв.

Концерт тем вечером прошел феерично – Курт и Дэйв соединили усилия и казнили барабанную установку с помощью остатков гитары. «Шум в воздухе стоял невероятный, – рассказывал Буч Виг Джиллиан Дж. Гаар. – Дети визжали и плакали, и почти все уже знали все песни наизусть. Я думал: „Ба, этак я золотую запись сделаю“, – и действительно, через несколько недель она стала золотой. [Альбом дебютировал в топ-200 «Биллборда» в день концерта в Чикаго на 144-м месте.] Через несколько месяцев я спросил Джона Сильву, может ли случиться так, что „Nevermind“ станет лидером чарта. Он ответил: „Никаких шансов“. Через неделю альбом возглавил чарт».

На следующее утро Кортни направилась обратно в Лос-Анджелес… наверное, потому что следующий концерт должен был состояться в Миннеаполисе, где ее уже слишком хорошо знали. Однако она, по обыкновению, взяла Курта в осаду по факсу и телефону на все следующие недели.

– Я была юристом Кортни, – рассказывает Розмари Кэрролл. – Она позвонила мне и попросила поработать с [первым мужем Кортни] Фоллингом Джеймсом. Потом она попросила меня представлять «Hole».

С Куртом я познакомилась через Дэнни [Голдберга], – продолжает Розмари. (Они с Дэнни женаты.) – Как раз тем вечером они сошлись: Кортни одолжила у меня денег на билет в Чикаго, чтобы не оставлять Курта там. Говорила ли она: «Я положила глаз на Курта и хочу все побыстрее обтяпать»? Нет. Вы же ее знаете. Она говорит постоянно, просто поток сознания, но притом она очень хорошо информирована. И вот она полетела в Чикаго – других поводов быть там, насколько мне известно, у нее не было[267]. Я никогда больше ей денег не одалживала, да она и не просила.

– Том Атенсио очень хотел стать менеджером Кортни, вот он за нее и заплатил, – исправляет Дженет Биллиг. – Она хотела повидать Билли, а Билли или его девушка вышвырнули ее.

В Далласе, в «Trees», 19 октября – на первом техасском концерте – случился один из самых известных эпизодов в истории «Nirvana»; он сохранился для потомства на видеопленке – с того момента как вышибала первый раз толкнул Курта…

– Зал был забит до отказу, народу набралась уйма, – вспоминает Крэйг Монтгомери. – Когда «Nirvana» заводила песню, публика, как смерч, впадала в неистовство, и многим приходилось лезть по головам, чтобы не сломать ребра. Деваться было некуда, ведь охрана не пропускала их на сцену и толкала обратно. Звуковая система в клубе была слабая, особенно мониторы, и это привело Курта в настоящую ярость. Творилось черт знает что.

«Я выступал в Далласе с гриппом, – говорил мне солист „Nirvana“ в 1993 году. – Ко мне в номер приходил врач и сделал мне укол какого-то неизвестного антибиотика в задницу. Я снова напился, и вот в таком виде, под влиянием антибиотиков и бухла, я вскарабкался на сцену и отыграл четыре песни. В середине четвертой песни я взял гитару и разбил ее о мониторы на мелкие кусочки, а толпа радовалась: „Вот круто“».

– Через некоторое время Курта достали мониторы, – поясняет Крэйг, – так что он воспользовался своей гитарой как топором и оставил в них большую вмятину, после чего сошел со сцены, а за ним и вся группа направилась в раздевалку. Никто не знал, что делать. Толпа кричала, кидалась на сцену разными предметами и ожидала, когда группа вернется. Меж тем местных звуковиков и охрану все это порядком достало. Через некоторое время нам удалось настроить неповрежденные звуковые дорожки на консоли и вызвать группу обратно.

«Вышибале, который к тому же был владельцем консоли мониторов, не понравилось то, что я сделал, – продолжал Курт. – Следующие пять песен он расхаживал туда-сюда, при случае тыкая мне в ребра. Я прыгнул в толпу с гитарой [во время „Love Buzz“]. Он сделал вид, что спасает меня от злобной толпы, а на самом деле схватил за волосы и несколько раз вдарил под дых. Я огрел его грифом гитары. У него пошла кровь, и он продолжил меня избивать».

– Я читал много лжи по поводу случившегося – охранник и его дружки в Техасе наговорили всякого, – кипит от гнева Крэйг, – но я своими глазами видел, как он [вышибала] избивал Курта, когда якобы пытался втянуть его обратно на сцену, а потом я видел, как Курт хотел защититься от него гитарой – парню досталось по голове, и у него лопнула кожа. Когда вышибала увидел собственную кровь, он превратился в разъяренного быка. Группа убежала со сцены, а этот разгневанный громила за ними гнался.

Охранник дал Курту по затылку и ударил его потом уже лежачего.

– Монти, менеджеру турне, каким-то образом все же удалось

вывести группу из клуба и затолкать в такси, но когда они уже были в машине, этот парень продолжал молотить по окнам, – продолжает Крэйг. – Тем временем остальные спрятались в раздевалке, надеясь, что вышибала не вернется. Было забавно и страшно. Забавно, потому что этот парень раньше был довольно приличный, он нам помогал грузиться, и я поверить не мог, что он, оказывается, такое дерьмо.

Позже Курт признался, что вел себя в тот раз оскорбительно и поймал тем вечером приступ звездной болезни.

«После концерта мы с Крисом сели в такси, – завершил свой рассказ Курт, – но тут нас поприветствовали этот долбаный вышибала и десяток его тупых дружков-металлюг в футболках „Iron Maiden“ и „Sammy Hagar“. Вышибала разбил себе руку об окно и чуть не задохнулся от злобы. Мы же не могли двинуться, потому как застряли в пробке. После двадцати минут игры в кошки-мышки мы скрылись в ночи».

А тем временем «Nevermind» со 144-го места взобрался на 109-е.

«Nirvana», «Hole» и «Sister Double Happiness» играли в клубе «Iguana» в Тихуане, Мексика, 24 октября – еще один пугающий концерт. Ребятня прыгала с 18-футовых балконов на спины других зрителей, многих едва не раздавило на обезумевшем танцполе, а охрана топталась рядом, не в силах ничего предпринять. На сцене было полно фанатов.

– Это было ужасное местечко, – вспоминает Крэйг. – Всё из бетона. Несколько уровней, никакой охраны. Каждый раз, когда приходилось там играть, мы убеждали себя, что нужно просто пережить этот вечер и вырваться из этого ада. В «Iguana» проходило множество концертов. Он представлял собой заброшенный недостроенный гипермаркет, и были в нем только бакалейный магазин да мексиканский ресторан в американском стиле – для гринго, наверное. Он рекламировался как милое местечко; и вот однажды «Nirvana» зашла туда поесть. Крист спросил меню, и оказалось, что оно только на испанском языке.

На следующий день «Nirvana» играла в «The Palace» в Голливуде, выступая хедлайнерами на благотворительном фестивале «Рок за выбор». Также в программе принимали участие «L7», «Hole» и «Sister Double Happiness».

– Дэйв был дружен с одной девушкой из «L7» [Дженнифер Финч], – говорит Дэнни Голдберг. – Джон и Дэйв хотели, чтобы они сыграли на этом концерте; потом позвонила глава организации «Феминистское большинство» и попросила позвать «Nirvana». Это соответствовало ценностям Курта. Он был

убежденным защитником феминизма.

Лос-анджелесская рок-элита поднялась на уши: барабанщик «Mötley Crüe» Томми Ли плакался всем, кто готов был слушать, что ему придется платить, Аксель Роуз о чем-то договаривался за сценой с президентом «Geffen». Курту на самом деле совсем не хотелось иметь дело с такими одиозными персонажами мачистского рока, так что он незаметно выскользнул и стоял, никем не узнанный, у двери раздевалки. Новые «фанаты» «Nirvana» не обращали на него никакого внимания: ведь они понятия не имели, как он выглядит. Даже тогдашние короли металла «Metallica» прислали факс: «Мы действительно думаем, что „Nevermind“ от „Nirvana“ – лучший альбом года. Давайте как-нибудь встретимся. Кстати, Ларс [Ульрих] вашу группу ненавидит».

Казалось, металлический мир старался привязать к себе новых героев, заявить на них права. В день концерта в «The Palace» Крист и Курт записали отрывок для шоу MTV для металлистов – «Бал хайратых». Курт надел по случаю новое желтое платье – «это же бал», как он объяснил тогда.

В тот вечер была Кортни: они с Куртом провели вместе всю ночь до концерта – «пили и трахались», по словам Курта. «Это был наш романтический период», – смеялся он. Есть милая, но, вероятно, придуманная история, которую Кортни рассказала журналисту из Сиэтла, о том, как Курт помог ей закинуться в отеле героином – у Кортни, видимо, была боязнь иголок[268], – после чего парочка отправилась на прогулку и наткнулась на мертвую птицу. Курт вырвал у нее три пера, передал одно Кортни, а одно оставил себе. «А это, – пояснил он, показывая третье перо, – для ребенка, который у нас будет». Как прекрасно.

Если быть более прозаичными, то Монти Ли Уилкс вспоминает, как парочка тусовалась на заднем сиденье автобуса, окружала их груда старых пивных банок и пустых пакетиков из-под чипсов – как королевская чета в изгнании. «Они выглядели просто жалко», – хмыкнул он.

Курт мечтал о рок-н-ролле и ненавидел себя, потому что воспитание, полученное в Олимпии, осуждало тот путь, которым он собирался следовать в жизни, и для творчества ему требовались гнев и лишения. Успех должен был бы наполнить его уверенностью, но уверенность – это последнее, что ему было нужно. А нужны ему были развлечения, нужен был вызов, даже если вызов этот бросал его в героиновые, нереальные миры и отвратительные дрязги.

Подход Тоби был слишком крутым даже для него, а Трэйси, напротив, оказалась чересчур спокойной, но уж Кортни-то была

панком с ног до головы – всегда готовая к спорам и противоречиям, она фонтанировала идеями, была экстравагантной, забавной и быстро вспыхивала, но еще быстрее отходила. Один из бывших любовников Кортни признался мне, что та была гением в области самых диких любовных фантазий и их воплощения. У нее не было сомнений и моральных убеждений. Она могла действовать импульсивно, особенно если скучала – помню, как переносил ее через грязь на Редингском фестивале 1995 года; она была на высоких каблуках и кричала на охрану, потому что пропусков у нас не было. Потом она запрыгнула на сцену и стала толкать знаменитостей и раздавать им пощечины. Я никак не мог вмешаться, потому что предварительно выпил бутылку водки.

Курту нужна была панкушка-подружка, собственная Нэнси Спанген – что потом пошло Кортни во вред. Но для нее это выглядело удобным и несложным вымыслом, которым можно было жить. Суть дела заключалась в том, что ни Кортни (слишком мейнстримовая, классическая голливудская блондинка), ни Курт (слишком бескомпромиссный, чувствительный и удрученный мириадами собственных противоречий) нисколько не годились на роли Сида и Нэнси, но приняли их на себя, потому что в то время эти маски им подходили.

Однако Кортни не приучала Курта к героину: даже Крист Новоселич, человек, у которого больше причин не любить Кортни, чем у большинства людей, свидетельствует в ее пользу. В 1989 году она сидела на игле, но старалась освободиться. Как раз из-за Курта Кортни снова подсела на героин. Он писал в своих дневниках, как начал ежедневно принимать героин во время турне «Sonic Youth», чтобы облегчить боли в желудке. «Много раз я был в прямом смысле обездвижен, валялся в постели неделями, блевал и голодал, – писал он о своих желудочных проблемах. – И я решил: раз я чувствую себя как торчок, то можно и впрямь им стать».

Кортни употребляла героин как социальный наркотик – и была способна (или, по крайней мере, так говорила) контролировать его – а не *он* получал контроль над *ней*. Для Курта героин был следствием личных проблем, способом отгородиться от окружающего мира.

Я: Вы знали о проблемах Курта со здоровьем? Например, с желудком.

– Он никогда не объяснял своих симптомов, – жалуется Кэрри Монтгомери. – Просто говорил: «У меня все горит в желудке, меня тошнит». Вот так. Он блевал перед каждым концертом, но

так бывало у многих. Марка [Арма] часто рвало. Так что меня это не удивляло.

Как-то мы были в Ванкувере [30 октября] в одном номере, – продолжает она, – и он долго жаловался на боли в спине, так что я решила попробовать на нем массаж. Я положила его на пол, обложила всякими подушками, а он говорит: «Не-а, не надо. Я уже пробовал…» Похоже, его совершенно не впечатлили мои усилия. Мы сидели тогда на двух двухъярусных кроватях в одной комнате, как [звезды сериала «Я люблю Люси»] Люси и Рикки, и курили одну сигарету на двоих, и он сказал: «Черт, чего только не сделаешь за сигаретку!»

26 октября альбом перепрыгнул еще через 44 позиции и стал 65-м. По одному сообщению, Курт в тот вечер на концерте в Сан-Франциско выглядел не особо заинтересованным. Группа оделась в красные и черные махровые халаты с логотипами «Nirvana» на спине в знак уважения к Биллу Грэму, легендарному сан-францисскому музыкальному промоутеру, который умер предыдущим вечером и который выдал им когда-то эти халаты. Большую часть вечера Курт падал вместе с микрофонной стойкой. На следующий день «Hole» и «The Wipes» выступали вместе с «Nirvana» в «The Palace» в Лос-Анджелесе.

29 октября «Nevermind» получил золотой статус (в США было продано 500 000 экземпляров) – «Nirvana» узнала об этом случайно, от Сьюзи Теннант на концерте в «Фокс-театре» в Портленде.

– Она думала, что они уже в курсе, – ан нет, – объясняет Ким Уорник. – Получилось довольно бесцеремонно, хотя она вовсе не нарочно. Она подошла к Кристу и поздравила его. Он спросил с чем. И очень заволновался, когда узнал[269].

Три следующих концерта «Nirvana» должна была провести на разогреве у «Mudhoney», но из-за всей этой шумихи по поводу «Nevermind» статусы, похоже, нужно было несколько пересмотреть.

– Когда вышел «Every Good Boy Deserves Fudge» и на подходе был «Nevermind», и мы, и они отправились в отдельные турне, – вспоминает Дэн Питерс. – Мы собирались вернуться в Портленд и Сиэтл, чтобы отыграть вместе пару концертов. Мы двигались по турне, и все было круто. В каждом гребаном клубе, в котором мы выступали, случалось следующее: [имитирует рифф из «Smells Like Teen Spirit»]. Да-да, в каждом гребаном клубе. Было супер. Чувствовалось, что что-то происходит.

Как вам это?

– Было на самом деле круто, – смеется барабанщик

«Mudhoney». – Мы психовали по их поводу. Когда мы добрались до Портленда, то поняли: «Mudhoney» не быть хедлайнерами.

Многие считают, что концерт в Сиэтле в «Paramount» 31 октября, с «Mudhoney» и «Bikini Kill» на разогреве, стал концом эпохи. «Nirvana» окончательно вошла в моду. Начинался второй взрыв гранжа. Джон Сильва нанял операторскую бригаду для видеосъемок[270], и в качестве частичного возмездия «Bikini Kill» расписали себе фломастерами тела неприличными словами – а Курт вдруг по приколу предложил своим друзьям Иэну [Диксону] и Никки [Макклюр] станцевать на сцене с «Nirvana».

– Очередное свидетельство того, что «Nirvana» – феминистская группа, – комментирует Рич Дженсен. – Иэн и Никки были просто ребята, парень и девушка из Олимпии. Они танцевали здорово, то есть со всей страстью, но вовсе не были стриптизерами. «Nirvana» не была мачистской группой и не желала, чтобы их танцоры кого-то заводили.

Наверное, странно выглядела эта парочка: Иэн в темных очках, копирующий своим костлявым телом движения шестидесятых, и Никки, бесстрашная, погруженная в свой личный мирок. Никки убедила Иэна надеть футболку со словом «парень», написанном большими буквами, а сама, соответственно, могла похвастать надписью «девушка». «Gold Mountain» позаботилась, чтобы камеры держались от парочки на возможно большем расстоянии.

– Джон Сильва подходит ко мне, когда мы собирались выйти на сцену, и говорит: «Я не для того вбухал в съемку четверть миллиона долларов, чтобы из-за вас все провалилось!» – восклицает Иэн. – А я ему: «Да пошел ты, Джон. Я не на тебя работаю. Меня попросил Курт».

– Звукозаписывающий лейбл, неведомый «Nirvana», организовал большую съемку, – вспоминает Чарлз Питерсон. – Было шесть парней, они бегали, все в черном, с передвижными 35-миллиметровыми камерами, и я сказал что-то вроде: «Да уж, это начало конца». Все это было очень несправедливо по отношению к местной публике, потому что весь концерт был изгажен: он вонял деньгами.

Перед концертом Курт пошел прогуляться с Кэрри Монтгомери, чтобы купить новых носков и трусов[271] в «Бон марше», где певец водрузил на прилавок свои старые туфли, чтобы отсчитать денег на оплату приобретений.

– Он стал очень неторопливо разворачивать деньги, – со смехом рассказывает Кэрри, – казалось, он их будет целую вечность пересчитывать. Из купюр сыпалась какая-то труха; продавец смотрел на него как на бомжа.

В тот же вечер, – продолжает она, – мы пошли в центр купить ему костюм на Хэллоуин. В универмаге «Уэстлейк» был музыкальный магазин с кучей постеров «Nirvana». Курт был в шоке. Потом мы подошли к банкомату, он снял немного денег, получил чек и опять был шокирован – он понятия не имел, что у него столько денег. Мы пошли в секс-шоп и купили надувную куклу, и он надел ее на себя. Тогда я жила в гостинице Курта в центре, вместе с подругой и Тоби Вэйл. Они в конце концов взяли другой номер. А мы всю ночь крутили MTV, и там без конца показывали «Nirvana». Я просыпалась и думала: «Дурдом какой-то».

– Мне чертовски не понравился концерт в «Paramount», – комментирует Роб Кейдер, а затем ошибочно прибавляет: – «The End»[272] отправила на сцену своих танцоров, и я подумал: «Ну и дрянь!» Из-за этого все стали думать: «Эти парни теперь, мать их, рок-звезды». И тон высказываний публики меня разочаровал.

На следующий день Тоби уехала в Вашингтон.

Через два дня после концерта в «Paramount» «Nirvana» улетела в Европу. «Nevermind» вошел в топ-40 «Биллборда» и пребывал там на 36-м месте.

Дополнение 1: Кортни Лав и «Hole»

В свой первый приезд в Лос-Анджелес я посетил Диснейленд. Незабываемые остались впечатления от того, как буйствуют у себя американцы. Я провел там восемнадцать часов, а чтобы попасть в «самое счастливое место на земле», мне пришлось изобрести авиакатастрофу. Я возвращался туда позже по меньшей мере дважды – с «Hole» и с «Melvins». С такой сдвинутой группой, как «Hole», попасть в Диснейленд было особенно забавно.

– Как сейчас помню, что Кортни настояла на том, чтобы сидеть всю поездку рядом с тобой, хотя тогда и гуляла со мной, – говорит Эрик Эрландсон. – Я был убежден, что тебя она тоже трахнула – после первого же интервью она переоделась в твой халат. Она велела мне молчать по поводу наших связей с тобой. Я молчал год, а потом мы здорово поцапались, и Кортни бросила мне в окно машины урну с мусором. Тут уж тяжело хранить какие-либо тайны.

Она переехала ко мне в тот же день, когда мы влюбились друг в друга, в День святого Патрика в 1990 году, – продолжает он. – В то время мы записывали «Retard Girl». Она позвонила своему мужу Джеймсу и сказала, что домой не вернется. А когда мы встретили тебя, это было началом конца. Как только все стало

настолько серьезно – то есть теперь она вела беседы с журналистами, – был разработан настоящий свод новых правил. Помню, как во время первого интервью ты все время задавал мне какие-то странные, прибабахнутые вопросы вроде «Как вы переносите перелеты?» – а я хотел тебя убить. Мне было очень неприятно, как она использовала свой шарм, чтобы добиться от тебя того, что ей нужно.

В то время Эрик работал на «Capitol Records». Оттуда он переслал мне два первых сингла «Hole».

– Когда я впервые встретил Кортни, я был в восторге от того, какая она чокнутая, – вспоминает гитарист, – и просто в непередаваемом ужасе от ее поведения. Она придиралась ко мне, когда я постоянно выглядывал из ее номера, потому что машина у меня все время была неудачно припаркована. Я весь был в ней, но все-таки не окончательно сошел с ума и периодически размышлял, как бы от нее сбежать. Наверное, это отличная метафора для наших отношений – и тебя, кстати, это тоже касается. Но, конечно, оба мы навеки засели бы в ее номере.

В первый раз, когда «Hole» играли в Англии, они были хедлайнерами на фестивале «Camden Underworld», где воинственная толпа, накачанная наркотиками и выпивкой, пристала к Кортни. Она спрыгнула со сцены, когда на помост вскочил Эрик; Кортни все еще играла на гитаре, ее платье было порвано. Маленькая Делия лупила по щиколоткам мужланов вдвое ее больше; Кортни громко звала меня, как будто я был во всем виноват. Наши друзья чуть не плакали со злости. После концерта двое из нас спрятались под столом у нее в раздевалке, пока ее друг Билл (тот, что с чудовищными усами) отражал наскоки любопытных. Кортни подарила мне кольцо со своего пальца как обещание. Я прилежно носил это кольцо многие месяцы, пока оно не сломалось: кольцо было игрушечное.

Почему я был с Кортни? Ну а как противостоять телефонным звонкам с бесчисленными сплетнями, которые длятся по три часа пять дней в неделю и заканчиваются обычно в четыре утра, притом иногда к ним еще и песни прилагаются? Однажды Кортни оставила Курту сообщение, в котором хвастала, что я сделал ее звездой, а потом познакомил пару. Я записал его на автоответчик. После этого первой, кто мне позвонил, была, конечно, Кортни. После недолгого замешательства она вновь заговорила как ни в чем не бывало.

Вы можете противостоять искушению сеять панику и скандал на каждом шагу? Если да, то вы скучнее, чем я о вас думал.

Я был рядом с Кортни, потому что с ней было весело. Я даже не сознавал, как она выглядит, потому что был влюблен в ее

музыку.

Дополнение 2: Курт о «The Breeders» и феминизме

Нижеследующее взято из расшифровки интервью, записанного во временном пристанище Курта в Лос-Анджелесе, на той же улице, где проходило лос-анджелесское восстание Родни Кинга.

Интервью частично крутилось вокруг десятки любимых альбомов Курта. Список начинался дебютным альбомом «The Breeders» «Pod» – Курт скрупулезно делал в дневниках записи о каждом альбоме. Та, что о «The Breeders», гласила: «Эпично и не даст забыть свою бывшую девушку».

– В то время я вовсе не имел в виду, что альбом напоминает мне о бывшей девушке, – пояснял Курт. – Просто когда девчонки собираются вместе в «The Breeders», от них исходит такой… аромат их бывших парней.

– «The Breeders» – одна из твоих любимых групп. Что тебе в них нравится?

– Прежде всего, это их песни, то есть то, как они организованы, – это просто уникально, очень специфично. Надеюсь, Ким позволят написать еще песен для «Pixies», потому что их лучшая песня – это «Gigantic», а ее написала Ким. Мне близок их подход. «Doe» [«Лань»] – песня про то, как девушка подставляет голову парню, а он ее гладит, как лань, очень забавно. Они сильные женщины, хотя это не так уж заметно. Они вовсе не хотят подчеркивать свою силу. Можно понять, однако, что они ничем не отличаются от мужчин.

– Но тебе больше нравятся люди женственного типа? То есть маскулинную фазу ты уже прошел?

– Да, я прошел через эту стадию лет пять назад. Я преодолевал ее большую часть своего юношества – хотел выглядеть самцом и плевать на феминизм, но я сам всегда был более женственного типа. Мне больше нравилось общаться с девушками, а в детстве я любил более мягкую поп-музыку, пока не стал подростком и не начал курить травку. Тут у меня в железах заиграли гормоны, появилась растительность на лице. Нужно было куда-то девать самцовые наклонности, так что я стал слушать «Black Sabbath».

– Мне часто казалось, что проблема раннего панка состоит в том, что он в основном игнорировал женщин. Считалось, что так и надо, но ведь это исключало половину потенциальной аудитории.

– Да, точно. И это я осознал много позже, потому что не успел застать панк-движение семидесятых. Помнишь, на живой записи «Dead Boys» – «Night Of The Living Dead» – солист изрыгает что-то про то, как девчонка сосала ему на сцене. Это общепринятая практика в панк-роке.

– Когда переключаешься на MTV, то думаешь, что мир металла по-прежнему привязан все к тем же набившим оскомину ценностям.

– Ситуация немного улучшается благодаря таким группам, как «Soundgarden». У них хороший имидж, здоровый феминистский подход, но и металл никуда не исчезает. Возможно, другие последуют за ними. Даже «Pearl Jam», которые еще в прошлом году на Сансет-Стрип позиционировали себя как представители мачистского рока, теперь меняются.

– Что значит для тебя феминизм?

– А для тебя?

– Я первый спросил!

– Это не столько идеал, сколько чувство. Мне следовало бы быть феминистом в политическом смысле, говорить о сущности феминизма, поддерживать его. Но я не хочу пускаться в проповеди. Не думаю, что феминизм все еще существует, по крайней мере, как движение, которым был в семидесятых, но сейчас люди воспринимают его серьезно – и коллективно, и каждый по отдельности.

– Как ты думаешь, что стало в твоей жизни главным результатом твоих феминистских взглядов?

– Э… ну, просто повседневная жизнь, я стараюсь не оскорблять женщин и не поддерживать сексистские действия, сам знаешь. Просто помнить об этом, а не так, чтобы подозрительность переходила в какую-то манию, паранойю и навязчивый страх обидеть женщину. Над многими сексистскими шуточками смеюсь и я, в этом до какого-то предела нет ничего страшного. Но я знаю, что есть люди, которые хвастаются богемным образом жизни, а при этом круглые сутки носят маску такого мачо из рабочего класса. Но я заметил, что стоит кому-то такую маску немного поносить, как он превращается в быдло.

– Определенно согласен с тобой. Это одна из главных причин, по которой пару лет назад я рассорился с «Sub Pop».

– Во-во. Потому-то я никогда особо не ладил с ребятами из «Sub Pop».

– Какое-то время это забавно, а потом начинаешь гадать, действительно они так думают или нет – или, вообще, имеют ли какое-то значение их настоящие убеждения. «Dwarves» – отличный пример тому: их солист умный и забавный, но по его

поведению на сцене ни о чем таком не догадаешься.

– Есть еще такая позиция, которую я, типа, уважаю. Бывает, люди идут наперекор себе, все время ведут себя как мудаки или идиоты, хотя в действительности они умны. Позиция в том, что в таком поведении нет смысла. Это такой нигилистский жизненный путь. Нет смысла стараться быть человечным, потому что весь мир идет наперекосяк. Это такой классический панк-роковый подход, но мне кажется, что очень скучно много лет быть Джонни Роттеном. Я не имею в виду, что Джонни Роттен когда-либо был сексистом… Я имею в виду отрицание, недопущение страсти как таковой, непризнание того, что мир может быть прекрасен.

– Да, в том и дело. Если убрать энтузиазм, то многое потеряешь. Феминизм, как мне кажется, заключается в том, что женщины берут все в свои руки, а я не мешаю им это делать. Женщины должны контролировать собственную жизнь, а мужчины не имеют права вмешиваться.

– Да, полностью с тобой согласен.

Глава восемнадцатая
Территориальные конфликты

«Nirvana» очень по-провинциальному верила, что можно спонтанно оказаться в самом сердце великой рок-музыки. Конечно, Курт мог тратить недели – и даже годы – на подбор нужного аккорда или строки, но творчество являлось всего лишь базой, из которой должен был последовать взрыв. Спонтанность – это то, к чему часто стремится рок-н-ролл или, по крайней мере, старается, но она редко достижима. Большинство рок-концертов такие же выхолощенные и педантичные, как воскресная заутреня в англиканской церкви или спортивный товарищеский матч – особенно когда шоу достигают известных масштабов. Нужно принимать в расчет слишком много факторов: продажу билетов, освещение, записывающие компании, дымовые машины… даже выходы на бис расписаны заранее. Обычно.

Но зачем выходить на сцену, если не представлять каждый раз что-то новое? Эта дилемма, похоже, не беспокоит 99 % рок-музыкантов – тех, кто ставит во главу угла «профессионализм», способность представить свой товар так гладко, без сучка и задоринки, что концерт становится неотличим от тысячи других выступлений. Все, что их заботит, – убедиться, что осветитель точно знает, когда включать стробоскоп во время продолжительного соло на барабанах, второго от конца выступления; а рабочие сцены, находящиеся сбоку и спереди, в курсе, сколько будет выходов на бис. Гастролирующие по аренам группы возят с собой декорации и реквизит и похожи на небольшой табор, и из-за этих хорошо смазанных «машин» места для импровизации остается очень мало. Зачем заботиться о ней, если и без нее получаешь по сто тысяч фунтов за концерт? Но Курт был не из таких. И то стеснение, которое он испытывал из-за вынужденного успеха, стало в итоге причиной распада группы.

Кортни Лав служила отличным контрастом для Курта, заезженного индустрией. Она была сама спонтанность. У нее отсутствовал предохранитель, и потому все часто шло наперекосяк. Ей нравилось все портить, ей было по барабану, по чьим чувствам она прошлась, даже если это был кто-то из ее многочисленных друзей, которых она любила и ненавидела одновременно и с одинаковой страстью. Курт любил провоцировать неприятности: все что угодно, чтобы сотрясти основы – в свое время он часто бросался сзади на охранников, открывал огнетушители, – но предпочитал сидеть и наблюдать,

быть зрителем. И тут появилась Кортни. Ее было не удержать. И оставаться в стороне не получалось.

– Кэтлин тоже оказывала на него большое влияние, – спорит с этим Иэн Диксон, имея в виду столь же переменчивый характер певицы из «Bikini Kill». Между 1991-м и 1993-м, когда Кортни строила из себя феминистку, она вообразила себе, что Кэтлин Ханна – ее соперница, и в итоге произошел известный случай, когда она ее ударила.

Представь себе двух супергероев – «хорошего» и «плохого», – предлагает Иэн. – Это и будут Кэтлин и Кортни. Кэтлин воплощает все феминистские идеалы и всегда очень тверда в их отстаивании. Кортни же присвоила себе многое из ее манеры поведения и использовала ее на пути к славе. Курту очень нравились эти идеи [Кэтлин], потому что он любил аутсайдерство. Он верил и глубоко чувствовал, что женщин и геев недооценивают и ущемляют их права. Это он видел и в Кортни, но там уж все смешалось.

Нарастающие отношения Курта и Кортни стали заслонять успех «Nirvana». Заявление Курта от 8 ноября в дурацкой британской программе о молодежной субкультуре «Слово» – о том, что «Кортни Лав лучше всех в мире трахается», довольно унылая и хвастливая рок-н-ролльная фраза, которая больше бы подошла барабанщику «Mötley Crüe» Томми Ли или подобному типу, – привлекло огромное внимание.

Из рок-явления «Nirvana» стала героем первых полос таблоидов: успех и противоречивость – мощное сочетание.

Мэри-Лу Лорд, конечно, помнит, что Курт был все еще влюблен в нее, когда она вернулась в Англию, и что он ни разу не упомянул имени Кортни[273], но, несомненно, дикая лавина телефонных звонков и факсов в исполнении Кортни за ту пару недель, что он был в Европе, вскоре сделала свое дело.

«Никогда не встречал таких искренних и харизматичных людей, – сказал Курт, отражая то, о чем думали многие. – Она словно магнит, который притягивает все необычное». Он заявлял, что порой они трахались, стоя прямо у стены на рок-концертах.

Их роман длился весь ноябрь: Кортни посылала Курту факсы, в которых писала, что он «пахнет вафлями и молоком». Он отвечал потоками сознания, которые выдавали его постоянные мысли об экскрементах, детях, иголках и панк-роке.

– Курт так привязался к Кортни, потому что она была как раз тем, кем хотел быть он, – предполагает Дженет Биллиг. – И наркотики тут были ни при чем. Их они употребляли независимо друг от друга и еще до того, как познакомились.

Из них получилась отличная пара… уж явно лучше, чем была

у Кортни с Билли Корганом! – смеется Дженет[274]. – Они так хорошо друг друга дополняли: у Кортни на языке было все, что у Курта на уме. Курт был тихоней, а хотел, наоборот, стать горлопаном. Людей он увлекал как музыкант, а она – как личность. В одном они были равны: он был рок-звездой, а она – сумасшедшей. Собственно, оба они были чокнутые, но на творческий лад. Кортни один из величайших поэтов своего поколения. Она сказала многое из того, что девушкам нужно было услышать, а также, вероятно, и много лишнего.

Кортни была агрессивной и подвижной, и теперь ей выпал очередной шанс оказаться в центре внимания. Очередной? Давайте оглянемся. Она пыталась стать кинозвездой в 80-х в фильме Алекса Кокса «Сид и Нэнси»: английский режиссер-индивидуалист был одновременно очарован и устрашен ее неприкрытыми амбициями. Но на это требовалось слишком много времени. Тогда она начала продвигать в центр внимания своих парней – Роза Резабека-Райта в Портленде, Фоллинга Джеймса в Лос-Анджелесе, – но у нее не хватало терпения ждать, пока кто-то из них оправдает ее ожидания. Хотя сама она некоторое время была солисткой в «Faith No More», потом сформировала «Sugar Baby Doll», ей не хватало нужной веры в себя, чтобы самой стать рок-звездой, – но тут она решила сделать еще одну попытку, когда увидела в лос-анджелесской газете объявление Эрика Эрландсона о приглашении вокалиста. С помощью напора и обаяния она уговорила пару лейблов – «Sympathy For The Record Industry» и «Sub Pop» – выпустить ее синглы и подружилась в Каролине с Дженет Биллиг.

Однако она все еще не была звездой. И тут на сцене появился я – известный журналист с определенными связями. Она поразила меня, смутила, и я влюбился в нее, чему способствовала и моя любовь к ее музыке, которая напоминала о «Sonic Youth» и «Mudhoney». Моя задача была проста. Мне требовалось только записывать, что она сказала, и отражать это в печати. Я вернулся в Британию и превратил ее из периферийной фигуры в знаменитость, пускай и не первой величины. Также я познакомил ее с Куртом Кобейном, хотя это вышло случайно.

Она сама сделала все остальное.

Однако она допустила ошибку – по крайней мере, так считали ее доброжелатели вроде меня, Ким Гордон и Дженнифер Финч. Мы предупреждали ее, чтобы она не цеплялась за славу Кобейна. Мы считали, что таким образом ее несомненная харизма и артистический талант станут вторичными, отойдут в тень по сравнению с Куртом – потому что музыкальная индустрия по своей сущности сексистская, и Кортни будут считать

присосавшейся к знаменитости подружкой.

Так оно и вышло.

Я: Насколько тебя изменила встреча с Кортни?

– Совершенно, – со значением произносит Курт. – Я больше не такой невротик, куда более устойчив, чем раньше. Прежде я постоянно чувствовал себя одиноким, хотя у меня было полно друзей и группа, с которой мне действительно интересно. Но теперь я нашел человека, который близок мне, интересуется тем же, что и я, и других желаний у меня, в общем-то, и нет.

Я: До встречи с ней ты о ней что-нибудь слышал?

– Честно говоря, нет, – отвечает он. – То есть какие-то дебильные слухи доходили – например, что она точная копия Нэнси Спанген.

Тут Курт смеется.

– Это привлекло мое внимание, – ехидно говорит он. – Как и все, я любил Сида [Вишеса], потому что он был такой прикольный тупой парень. Мне часто казалось, что многие считают меня глупым и подверженным влиянию, так что я решил, что закрутить с девушкой типа Нэнси будет самым подходящим – ведь это последнее, чего они могли бы от меня ожидать: по их мнению, мне подошла бы какая-нибудь серая мышка.

Я: Я всегда считал, что вы больше похожи на Джона и Йоко[275]*, а не на Сида и Нэнси.*

– Да, конечно. Думаю, тут ты прав.

Курт начинает листать комикс о «Nirvana» и тут останавливается, как будто ему внезапно пришла в голову какая-то мысль.

– Кортни помогла мне определить перспективы группы, – добавляет он, – понять, что я вовсе не привязан к группе навеки, что могу существовать и без нее. Это не значит, что я собираюсь распустить команду или что-то в этом духе, но, по крайней мере, успех, за который я так боролся, теперь не так уж много для меня и значит.

Я так далек от мыслей о группе, – продолжает он, – что они меня больше вообще не беспокоят. Раньше я ужасно уставал, а сейчас могу просто получать удовольствие. Я знаю, что это есть во всех интервью, но мой протест как раз и вызван тем, что мне все время задают кучу вопросов. Меня считают унылым, а я думаю, что просто в сознании закрепилось всего два образа рок-лидера: либо тоскливый визионер типа Майкла Стайпа, либо безмозглый металлист, рубаха-парень вроде Сэмми Хэгара.

Я: Я попытался изобразить тебя как безмозглого рубаху-парня, а тебе не понравилось.

– Ну ладно, ладно, – смеется Курт. – Думаю, лучше слыть унылым визионером, чем безмозглым быком. Хотя алкоголизм вполне приемлем. Над ним просто смеются.

Я: Просто они не чувствуют в нем угрозы.

– Я хотел стать алкоголиком. Да и ты ведь тоже? И что – не получилось?

Я: Нет, я зашел довольно далеко, но…

– Да, я помню.

Мы проходим через спальню, чтобы узнать, не встала ли уже Кортни. Ну, точно. По ящику в углу все еще идет MTV. Разговор сбивается на то, как сейчас весь музыкальный мир в Америке контролируется MTV.

– С удовольствием избавился бы от своего кабельного телевидения, – заявляет Курт. – Я так часто делаю – решаю, что не стану больше смотреть телевизор, вроде целибата. Обычно это длится месяца четыре.

Я: Как раз хотел тебя спросить, почему ты так любишь разбивать гитары? Тебе не надоедает?

– Нет, – отвечает Курт. – Я делаю это не так уж часто, как все думают. Только когда находит настроение – либо я разозлился, либо хочу повыделываться перед Кортни. Или когда выступаю по телевидению и хочу повыделываться перед зрителями. У меня в задней комнате специальное помещение, я там по четыре часа в день тренируюсь ломать гитары.

Пауза. Это Курт так пошутил.

– Знаешь, что я больше всего ненавижу в роке? – спрашивает он. – Всю эту околороковую продукцию. Я ненавижу Фила Коллинза и всех этих белых мачо. Ненавижу фанатские футболки. Знаешь, что уже есть пиратские футболки «Nirvana»? Отстой. Я надену фанатскую футболку, только если она окрашена мочой Фила Коллинза или кровью Джерри Гарсия.

Кортни в спальне слышит последнюю фразу.

– Господи, Курт, и давно ты так думаешь? – спрашивает она осуждающе.

– Ну, блин, – скулит он. – Все равно этого никто не напечатает.

– Это ж пятый класс! – кричит Кортни. – Ребячество!

– Ну из-ви-ни! – кричит Курт в ответ с сарказмом.

«Мелоди мейкер», 18 июля 1992 года

Если спросить несколько человек о том, что в то время происходило с «Nirvana», все ответят по-разному.

Кто-то акцентирует внимание на том, что «Nevermind» продолжал уверенно двигаться к вершинам чарта – с 35-го места

в ноябре он поднялся на 17-е, а в декабре уже на 9-е. MTV и двух минут нельзя было посмотреть без того, чтобы не увидеть «Teen Spirit». И группа совершенно не заботилась по этому поводу – все развивалось само по себе.

Кто-то подчеркнет все усиливающиеся расправы над инструментами, дурачества на европейских телеконцертах, пьяные выходки и оскорбительное поведение. В Италии Шелли и Эд «Кинг» Резер из «Urge Overkill» вломились в винный погреб гостиницы; вскоре в результате этого все уже блевали, а Крист и Шелли держались за руки в позе жениха и невесты.

В тот вечер Крист взобрался на сцену после трех бутылок бордо, а также некоторого количества травки. У Курта окончательно разболелся желудок – ситуацию ухудшило то, что певец не привык курить самокрутки. Он постоянно пил сироп от кашля, а перед некоторыми концертами его рвало. Даже Дэйв – молодой, свежий и определенно в отличной форме – почувствовал признаки клаустрофобии.

«Мы сопротивлялись успеху и превратились в мудаков, – пояснял Курт Майклу Азерраду. – Напились и сломали больше техники, чем нужно. Решили стать настоящими агрессивными придурками, чтобы жизнь людям медом не казалась».

Немного о концертах того времени: группа выступала очень часто – в Англии (4–9 ноября), Германии (10–13 ноября), один раз в Вене, Австрия, с группой Джека Эндино «Skin Yard», и в Италии с «Urge Overkill» – но отличить один концерт от другого довольно трудно: одно безумное шоу следовало за другим, особенно в 1991 году, когда все происходило так быстро, что для того, чтобы остаться на месте, требовалось бежать еще быстрее.

– Мне позвонил Кори Раск из «Touch And Go», – говорит Кристоф Эллингхаус, – и сказал: «„Nirvana“ пригласила „Urge Overkill“ поехать с ними в турне, поможешь нам все уладить?» Я тут же выслал за «Urge» фургон, и вскоре они уже были у меня на кухне, а потом я пошел на очередной концерт «Nirvana». Он проходил в Берлине, в «The Loft» [10 ноября], зал был переполнен – 650 человек. Я не очень много запомнил – народу было полно, повернуться негде. Выступление показалось мне каким-то отчужденным. Не было прежней теплоты.

На лондонских концертах расхаживали ребята в футболках с высказываниями известных рок-звезд обо мне…[276] Все торопились похвастать, как съездят мне по физиономии при первой же встрече. Но никто так и не выполнил свою угрозу – кроме Кэт Бьелланд и Дженнифер Финч, а уж Кэт умела драться о-го-го! Некоторые обливали меня пивом, но я плескал в ответ еще больше. Билли Корган во время всего британского тура был

одет в клоунский костюм и, после того как я в печати назвал его клоуном, подошел ко мне в сортире в Рединге на пару с охранником. Но когда надо, я быстро бегаю. А, и еще однажды один менеджер десять минут вопил, держа кусок стекла у моего горла…

В Лондоне на концерте в «Астории» 5 ноября я видел гениальную группу бит-поэтов «Television Personalities». Они умышленно испортили себе концерт, сыграв все свои болезненно честные песни в половинном темпе, а толпа «ценителей гранжа» смотрела на них с удивлением. Турне в основном проходило при поддержке довольно безликой группы Юджина Келли «Captain America».

Проект Дэна Триси «TV Personalities» начался как постшкольная тусовка в Челси, Лондон, где-то в 1977 году и вскоре приобрел известность благодаря изображению нарастающего панк-движения в «Part Time Punks». Сингл вышел бескомпромиссным и полным юмористических зарисовок: «Они берут льготные билеты в автобусах и никогда не чистят зубы, но сегодня в 2.50 они поедут на „The Clash“». Песня представляла одну из сторон творчества «TVP» – веселую, светлую, населенную персонажами лондонских тусовок вроде поп-художников Роя Лихтенштейна и Энди Уорхола, бит-группы 60-х «Creation» и Дэвида Хокни. Ту сторону, где Дэн мечтал о том, чтобы встретиться со своими героями прессы и целлулоида, где все казалось просто и легко, где хеппенинги были окрашены приходами и странным искусством… тоска, какую могут испытывать только молодые: травма, усугубленная неопытностью, сожаление, растравленное долгим вожделением.

Когда, однако, Дэн пришел записывать свой четвертый альбом, «The Painted Word» (1983), он уже утратил ощущение наслаждения жизнью. Ничто не предвещало фанатам сложностей и ужасов его темной стороны, которая внезапно выдвинулась на передний план, – песни дикого желания и одиночества. Часто открыто психоделическая лирика с массой гитар на заднем фоне и замедленным вокалом была направлена внутрь себя и ранила, выставляя напоказ медленное загнивание. На альбоме было 60 минут без единой лишней ноты – как определил диск магнат звукозаписи Алан Макги, «Sisters Lovers»[277] от Триси.

«Когда мы встречались с Куртом, он был просто прелесть, – писал Триси в своем онлайн-дневнике. – Он стоял у сцены и смотрел, как в заключение мы играли „Seasons In The Sun“. Потом Крист подошел к нам и сказал: „Эй, чуваки, знаете, какая у Курта самая любимая песня?“ Только тут Курт представился и сказал: „А что в версии Терри Джекса на стороне «B»?“ Я ответил: „«Put

The Bone In»“. Он улыбнулся и пожал мне руку. Не припомню, чтобы хедлайнеры позволяли группе разогрева воспользоваться их оборудованием… очень славные ребята».

За сценой группа устроила засаду, поставив тарелку с холодным мясом с приправами на дверь раздевалки в ожидании меня – расплата за обложку «Мелоди мейкер», где несколько недель назад, по их мнению, их описали как животных от рок-н-ролла.

Но меня не пускали за сцену – пока посредником не выступила девушка Дэна, фотограф Элисон Вандерленд. Она объяснила Курту, что мне действительно очень жаль, что мои слова были так восприняты. «Привет, ребята, – начал я, открывая дверь. – Как вы… ой!» Меня заляпало с ног до головы, отовсюду свисали куски мяса и стекал плавленый сыр.

Потом Кортни целый час орала на Курта по телефону по поводу этого эпизода: она изрыгала проклятия за проклятиями по адресу рок-звезд, которые думают, что очень смешно пугать чувствительных авторов. «Господи, Кортни, – пытался объяснить Курт. – Это же была шутка. Легенда не в обиде».

Помню, как очнулся за сценой, на одном колене у меня сидела Кортни, а на другом – девушка из отдела связей с общественностью, сражаясь за мое внимание, а вокруг сновали ребята из «Mudhoney» с фотоаппаратами и вопили: «Гляди, гляди! Знаменитость-то попалась!» – но тогда ли это было? Кто знает? Потом тем вечером все пошли по клубам, и мы с Кортни подрались на кулачках с каким-то редактором журнала. По крайней мере… это было примерно тогда.

23 ноября в Генте (Бельгия) «Nirvana» играла кавер песни Лидбелли «Where Did You Sleep Last Night?». Дэйв играл на басу, лежа на полу пластом, Крист сидел на барабанах, а Курт – на гитаре, которую уже воткнул в барабанную установку. По всей сцене валялись куски инструментов.

– Я помню! – восклицает Крэйг Монтгомери. – Они разбили бас, куски от него вылетели в зал и попали одному мальчику в лицо.

Крист попытался успокоить паренька; когда фельдшеры привезли его на коляске, вся раздевалка была в крови.

– Ко времени того турне, – продолжает звуковик, – уже казалось, что Курт сам себе не нравится, а может, он был слишком занят Кортни, но очень часто случались срывы – особенно хреново было, когда в этого парня попало. Мы боялись, как бы не завели дела или вообще не арестовали…

И нас, конечно, очень заботило здоровье мальчика, – торопливо добавляет он. – Похоже, ему выбило зуб. Крист был

удручен.

Кортни становилась невыносимой. «Hole» в тот вечер выступали на разогреве – они ненадолго пересеклись с «Nirvana» во время собственного европейского турне, и Кортни раззадоривала Курта из-за сцены. Журналист «Oop» Виллем Йонгенеелен писал: «Крист играл на басу голый по пояс[278], и „Hole“ вела себя с ним вызывающе. [На сцену вышел также гитарист Эрик Эрландсон и применил против Курта регбийный захват – любимый вид спорта тогдашних рок-звезд.] Точно не знаю, когда у них родился ребенок, но я бы не удивился, узнав, что зачатие произошло той ночью. После шоу Курт и Кортни бегали и играли, как жеребята».

«Nirvana» переехала в Амстердам и остановилась в «Музеум-отеле». Тем временем «Hole» отыграла в Неймегене, где Кортни заявила, что влюблена в Курта, и прямо со сцены попросила отвезти ее в Амстердам. Сделать это вызвалась Натали Делисс, музыкант из тех мест.

«Это был настоящий аукцион, – рассказывала она в 1994 году журналу „Oop“. – Она предложила 150 гульденов, я подняла руку: договорились. Просто с ума сойти. Когда концерт закончился, в гостиницу несколько раз позвонили, чтобы предупредить о ее появлении. На следующий день ей нужно было уже выступать в Лионе, так что я вообще-то сомневалась, но мы все же поехали в Амстердам в моем „ситроене-2CV“ в туман. На ней все еще было концертное платье, и она завела разговор о детских группах вроде „Babes In Toyland“, о „Chili Peppers“ и своей любви к Курту. Она на нем свихнулась. После концерта в Бельгии казалось, что у них действительно окончательно сдвинулась крыша. Она рассказывала, как они с Куртом ломали гитары, и заявила, что это был просто потрясающий опыт по высвобождению энергии. Она выглядела усталой и несколько хаотичной. В гостинице она пригласила нас зайти, но я решила, что не стоит. Остальному составу „Hole“ отъезд Кортни пришелся не по нраву. Менеджер сильно злился».

Парочка затарилась героином и провела день в постели.

– То, что она пропустила свой концерт, было плохо, – сухо комментирует Крэйг. – Но Кортни ездила в нашем грузовике, и это было клево, с ней рядом всегда весело. С ее существованием уже все смирились.

Билеты на концерт следующим вечером – в легендарном клубе «Paradiso» – расхватывались как горячие пирожки.

– Они разошлись в десять минут, – воодушевленно рассказывает голландский промоутер Карлос ван Хийфте. – Мы, те, кто поддерживал американский гитарный андеграунд, очень

волновались. Мы обнаружили, что одна из тех групп, которым мы обеспечивали клубные концерты, сажали в грузовики, вписывали переночевать, вдруг стала популярной в мире мейнстрима. Сьюзен Сасик [главный осветитель «Sonic Youth» и «Nirvana»] пригласила меня на ужин с группой и техническим персоналом. Мы пошли в хороший индонезийский ресторанчик – все, кроме Курта. Днем в Бельгии показали мальчика, травмированного на концерте. Хотели денег – за ущерб.

Судебный исполнитель временно арестовал оборудование группы.

– За четыре минуты до начала концерта было достигнуто соглашение, – вспоминает Рууд Берендс из «Paperclip». – Вопрос денег не стоял.

На следующий день «Nirvana» вернулась в Великобританию еще на несколько концертов. Открывать их программу должна была группа «Shonen Knife»:

– Они были очень тихие, – говорит Крэйг. – И гораздо более воспитанные, чем «L7» [группа, работавшая на разогреве в прошлом турне]. Они не отказывались от пива, но разрушительством не занимались. Они играли прекрасно, да и пели как ангелы. «Shonen Knife» оказались как раз во вкусе Курта.

«Уверен, что, как бы они перед встречей с нами ни нервничали, я волновался вдвойне, – рассказывал мне в 1993 году Курт. – Я не хотел их напугать или как-то оскорбить, потому что знаю за собой, что человек я неряшливый, грязный, а это может их отпугнуть… и так и случилось. Они меня испугались. Собственно, в одну из первых встреч они заметили, что я иду к ним из-за сцены, закричали что было силы и побежали от меня прочь, после чего и носу не казали из своей гримерки. Мне пришлось сказать: „Обещаю, я вам ничего не сделаю!“ Мы общались с ними с помощью мертвого молчания и кучи улыбок».

26 ноября «Nirvana» играла в Брэдфорде, а потом в Бирмингеме и Шеффилде, причем шеффилдский концерт состоялся в тот же день, когда они ездили в Майда-Вэйл, Лондон, чтобы появиться в легендарном выпуске чарта «Top Of The Pops». Курт пел вживую, в огромных темных очках и голый по пояс, засунув микрофон почти в рот и понизив голос, так что выглядел пародией на бывшего вокалиста «Smiths» Моррисси. Тем временем Крист и Дэйв отчаянно отрывались, даже не притворяясь, что играют. В конце концов, толпа 14-летних любителей гранжа вскарабкалась потанцевать с группой – одно из самых неуклюжих вторжений на сцену в истории; однако ребятам, которые смотрели шоу по родительским ящикам, было приятно видеть, как такие же подростки, как они сами, в одну секунду

оказались в центре внимания.

– Я бы заплатил любые деньги, чтобы посмотреть запись, – улыбается Крэйг. – Мы смеялись до слез и не могли усидеть на месте. Они всегда были очень смешной группой. Все забывают, что «Nirvana» – это не только наркотики и аутсайдерство, это смешнейшая штука, и когда они играли на фестивалях с серьезными группами, то серьезные группы на их фоне выглядели глупо. У них было отличное чувство юмора – и у Курта тоже, хотя он его тщательно скрывал. Тот эпизод на «Top Of The Pops», должно быть, стал одним из самых смешных на британском телевидении.

Выступление удалось. В то время появление в «Top Of The Pops» гарантировало взлет в чартах. «Smells Like Teen Spirit» балансировала на границе топ-10. На следующей неделе песня рванула вверх.

Дальнейшие британские концерты оказались очень странными. Для начала странно было уже то, что «Nirvana» снова в Британии. Против всех правил индустрии они игнорировали крупнейший рынок, к тому же родную страну, особенно учитывая невероятную популярность «Nevermind» в Штатах, – но уж тут-то никто не жаловался. Турне заехало на три концерта в Шотландию, а потом через Ньюкасл, Ноттингем, Манчестер [4 ноября] вернулось в Лондон [«Kilburn National», 5 декабря]. Но становилось очевидно, что группа уже по горло сыта постоянным вниманием и непрекращающейся светской жизнью: Кристу и Дэйву все было уже без разницы, а Курту хотелось оказаться где угодно, только не в турне.

– К тому времени Крис перестал двигаться на сцене, – вспоминает фотограф Стив Галлик. – Ему было не очень интересно. Хотя группа по-прежнему выглядела невероятно.

Но это не избавило от проблем.

«Мы решили нанять пару манчестерских мафиози, чтобы они что-нибудь сделали с пиратскими футболками и их производителями[279], – рассказывал мне в 1993 году Курт. – Пока выступали „Captain America“, я здорово нажрался и вышел со стаканом через боковую дверь, чтобы отлить. Парочка этих болванов не узнала во мне своего нанимателя и решила меня немного помять для устрашения. Я скинул личину рок-звезды, бросил в них полупустым стаканом водки и утек на выход. Они гнались за мной по залу между танцующими фанатами, пока меня не спас наш шотландский менеджер турне [Алекс Маклеод].

Через два концерта, – продолжал Курт, – тех же тупиц наняли вышибалами, чтобы они держали на безопасном расстоянии чокнутых любителей потанцевать. Во время первой половины

выступления я все время чувствовал, как в меня брызгается пивом один из этих болванов. Я отбросил гитару, прыгнул прямо на него и начал драться. Они с приятелем тут же стали меня избивать, но скоро меня снова спас мой шотландский менеджер турне».

На шоу в «Kilburn» я опоздал и удивился, как, черт возьми, теперь пролезть через огромную очередь, которая выстроилась еще на улице. Потом была вечеринка по поводу выхода «Nevermind» в Америке; акулы шоу-бизнеса меня задолбали, и я решил устроить хорошую свару с Кристом – бросил в басиста куском сельдерея. Крист с очень серьезным видом подошел ко мне и сказал: «Парень, не надо так делать. Нас за это выгнали с нашей собственной вечеринки в Сиэтле».

На следующий день, лежа в постели в гостинице, Курт и Кортни решили, что им надо пожениться. Кортни, по традиции, скоро позвонила мне – а также еще тысяче приятелей – и сообщила хорошую новость. Особого энтузиазма она у меня, правда, не вызвала, в основном потому, что меня мучило похмелье. Правда, не меня одного снедало беспокойство. «Ким Гордон и Джули Кэфритц[280] предупреждали меня, когда у нас с Куртом все уже было серьезно, – рассказывала Кортни Дэвиду Фрику из «Роллинг стоун». – Они подчеркивали: „Знаешь, чем все кончится? Вы станете торчками. Вы поженитесь. Случится передоз. Вам будет тридцать пять. Вы попытаетесь начать жизнь заново“. А мне насрать. Я люблю этого парня».

Я солгал ей, сказав, что очень рад за них обоих – хотя тогда я ненавидел сам институт брака, – но я не был уверен, что они будут жить такими уж панками. Кортни заглотила наживку, и мы радостно перешли к очередной язвительной перебранке. Но ей не хватало убежденности: она была слишком счастлива. Она похвастала обручальным кольцом 1900-х годов с рубином.

Потом в тот же день «Nirvana» вызвала еще большее замешательство, сыграв блестящую версию «Terrirorial Pissings» вместо запланированной «Lithium» в ночном ток-шоу Джонатана Росса на британском телевидении. В довершение всего группа раздолбала оборудование, отчего многоречивый обычно Росс ненадолго лишился дара речи.

«Так сложно играть вживую по телевидению, – говорил мне Курт. – Бесполезно пытаться хорошо делать свое дело, потому что отлично слышно, как не попадаешь в ноты. Слишком много внимания уделяется гитаре. Я склоняюсь к тому, чтобы просто послать всех подальше».

После короткой поездки во Францию на фестиваль «Transmusicales» «Nirvana» отменила остальные свои европейские

концерты (шесть дней в Ирландии и Скандинавии). Курта опять мучили проблемы с желудком, да и стресс был уже слишком сильный. Группа вернулась домой. Крист и Шелли решили купить дом в Сиэтле и взяли ипотеку. Потом они купят дом за 265 000 долларов в один взнос, наличными.

В чарте «Биллборда» «Nevermind» был уже четвертым.

Я: Помнишь, как Кортни познакомилась с Куртом?

– Ну, я слышала о Кортни до того от Марка [Арма], – отвечает Кэрри Монтгомери. – Он позвонил мне и сказал что-то типа: «Да, эта девчонка из „Hole“ очень… эээ… интересная. И компанейская. Она мне не дает скучать. Собственно, она сейчас у меня в номере». Но у меня не было никаких предубеждений против нее, когда мне о ней рассказал Курт. В то время я жила с мамой в Мэдисон-парке, и он часто останавливался у меня в Сиэтле, и вот он дал ей телефон моей мамы, чтобы она ему звонила, пока была в Европе, – помню, как отвечала ей по телефону, так что, думаю, она что-то про меня должна была знать… Впервые я ее увидела [22 декабря], когда мы пошли в тот модный французский ресторанчик, к Максимильену в Пайк-плейс-маркет. Курт очень хотел, чтобы мы стали друзьями. Когда она вышла в туалет, он спросил: «И что ты о ней думаешь?» А я ответила что-то вроде: «Не знаю; по мне, так она просто ходячее несчастье, но смотреть на нее, думаю, прикольно».

Я: Что она делала?

– Просто во всю мощь легких разорялась, какая она знаменитая, приводила всё в беспорядок; чокнутая, но милая. Мы поладили. Я была для нее жертвой. Никогда никого вроде нее не встречала. Но Курту она нравилась. И мне понравилась. Он был тогда моим лучшим другом, так что я подумала: «Если она тебе нравится, я дам ей шанс». И мы действительно неплохо уживались. Кортни любит поговорить, а я могла сидеть и слушать ее часами, часами… Она просто гений. Она очень умная, воспитанная и образованная девушка – и очень драматичная и волнующая. Слишком много всего. Подожди-ка… Курт заставил меня пойти с ними, когда он представлял Кортни своей маме. Прямо-таки заставил.

Я: И как там все прошло?

– Ну… – Кэрри мешкает. – Мама Курта попросила нас с ним выйти. Поскольку мы были такими большими друзьями, то она не понимала, почему бы нам не стать парой. Она сопротивлялась… – Тут она останавливается и смеется: – Можешь ты себе представить меня в *Абердине*, Эверетт? Это же просто не сочетается! И все мы поступили безрассудно и опрометчиво.

Наверное, он просто хотел, чтобы я его отвезла и поработала буфером между Венди и Кортни. Я пыталась, но тут ничем помочь было нельзя.

В конце 1991 года «Nirvana» выехала еще на неделю концертов, на этот раз на 20-тысячных площадках: 27 декабря в лос-анджелесском спорткомплексе, 28 декабря в «O'Brien Pavilion» в Дель-Мар-Фэрграундз, 29 декабря в Аризонском государственном университете, 31 декабря в «Cow Palace» в Сан-Франциско и 2 января в салемском Арсенале, штат Орегон. Эти концерты неопровержимо доказывали, что музыкальная индустрия цепко держит группу в своих когтях. «Nirvana» была втиснута между двумя командами, с которыми не имела ничего общего ни в идеологии, ни в музыке: эмо-металлической «Pearl Jam», которая сформировалась из осколков несчастной «Mother Love Bone» и уже двигалась к первым успехам, и ужасных задавак от фанк-рока «Red Hot Chili Peppers».

В то время «Nirvana» была гораздо круче любой из этих групп.

– Хедлайнерами были «Chili Peppers», – вспоминает Баррет Джонс, – но все пришли на «Nirvana» – толпы народа прыгали как сумасшедшие, они и впрямь сходили с ума по «Nirvana». Тогда там были я, техник «Sonic Youth» Ник, Алекс – кажется, Сьюзен [Сасик] еще не было. Как-то во время выступления «Pearl Jam» в полночь на Новый год кто-то попытался спрыгнуть с балкона на сцену, но промахнулся, разбил себе голову, и его унесли. Никогда не видел, чтобы столько народу существовало в таком единении с группой. Живые концерты у них были очень мощные, но большей частью это, я считаю, заслуга Дэйва.

Перед шоу в «Sports Arena» местный отраслевой журнальчик «БАМ» взял у Курта интервью, которое тут же стало знаменитым. В статье автор замечал, что певец «на середине вопросов уже начинает кивать» – черта, которую потом Курт будет объяснять нарколепсией, – и описывал его «зрачки-шпильки, впалые щеки и желтую, покрытую коростой кожу». Поплыли слухи о героине. Описание было достаточно точным: Курт сам признавался, что декабрь 1991 года провел в героиновом бреду; они с Кортни валялись на полу в квартире Эрика Эрландсона, пока Эрик не вышиб их вместе с героином.

Именно в том турне Крист наконец-то признал, что Курт сидит на героине: «Он выглядел как упырь, – говорил он. – Но что мне было делать? Это его жизнь, его проблемы, так что пусть сам думает».

«Я работал в „Jabberjaw“, – объясняет Рене Наваррете. – Мы с

Кали [Де Виттом] сбежали из дому, чтобы бесплатно там работать – подавать кофе. Кортни в том месте была важной персоной. У нас завязалась тайная дружба. Я ей добывал наркотики, а она за это рассказывала мне о Леонарде Коэне. Помню, как был у Кортни в номере, в котором она жила с Эриком, и тут начал звонить Курт – она слушала сообщения и при этом жевала сэндвич. Она скрывала нашу дружбу, потому что я ассоциировался с наркотиками – а она-то уже становилась звездой. С Кали она водилась побольше. Из нас двоих он был симпатичнее и вообще удачливее.

Курта я увидел, когда „Nirvana“ играла в „Jabberjaw“ [29 мая 1991 года]. Сразу после этого началась вся эта ерунда, когда Кортни полетела в Чикаго к Билли, подралась там с ним и вместо этого встретила „Nirvana“. И тут начался настоящий бедлам. Я надолго потерял с ней связь.

Впервые я более-менее поговорил с Куртом в конце 1991 года. Курт и Кортни были уже постоянно вместе и подумывали завести ребенка. Совершенно неожиданно она позвонила мне и сказала, что они с Куртом хотят пригласить меня в Сан-Диего. Они обещали, что Гэри Дента [основателя „Jabberjaw“] и меня будет ждать автобус – видимо, она решила возобновить некоторые старые знакомства. Через 10 минут Кортни позвонила снова и сказала: „Это между нами, но, пожалуйста, купи нам на триста долларов наркотиков, и мы отдадим тебе восемьсот. Обделай это тихо и не обмани меня“. Я пошел, занял денег и нашел наркотики, потому что знал, что на Кортни можно рассчитывать.

Я доехал до Сан-Диего, и оказалось, что меня уже ищут: „Всем привет, но где же Рене, где же главный наш?“ Они завели меня за сцену и все забрали. Никогда не видел Курта таким здоровым, как тогда, – он все время ездил в турне, выглядел таким счастливым и влюбленным. Я его действительно очень заинтересовал – он не знал никого с улиц Лос-Анджелеса и даже ни одного мексиканца. Он был скромный, но очень целеустремленный. Мы поболтали, укололись, и я пошел смотреть на их большой концерт».

Интервью с автором, февраль 2006 года

Курт сообщил журналисту «БАМ», что собирается жениться, к большому удивлению тех, кто не входил в быстро образовавшийся узкий, интимный круг посвященных – Кортни исключила из него всех, кого посчитала «нелояльными» или представляющими угрозу их отношениям.

– Я виню в этом Кортни, – говорит Иэн Диксон, который

раздружился с Куртом, как раз когда пара съехалась в начале 1992 года, – но даже не знаю, стоит ли. Во многом это явилось результатом неспособности Курта справиться со своей славой. Она была устрашающей дамочкой. Такая умная и такая крикливая. И у нее поразительное, рентгеновское чутье: она может мгновенно оценить человека и поставить его на место. Она может ляпнуть такую ерунду, которую никто другой высказать не решился бы.

На концерте в «Cow Palace» «Pearl Jam» сыграли вступление к «Smells Like Teen Spirit» и остановились; этот поступок привел в раздражение лагерь «Nirvana». Вскоре две группы стали соперниками, по крайней мере в прессе: «Nirvana» посчитала нужным дистанцироваться от команды, которая, как они считали, пыталась запрыгнуть в вагон уходящего поезда гранжа. Вражда между группами – или, что точнее, между Куртом и Кортни (Куртни) и Джеффом Аментом / Стоуном Госсардом – восходила к моменту распада «Green River / Mudhoney». Курт и Кортни никогда не упускали случая облить грязью своих соседей по Сиэтлу, справедливо расценивая их как саб-металлистов, которые ничего общего с панковскими корнями гранжа не имеют.

«Что ж, я искренен, говорю всякие гадости про „Pearl Jam“, и за это мне достается куча критики, – жаловался мне Курт в 1992 году, – а многие обвиняют меня, унижают, называют мудаком. Я нажил себе кучу врагов, потому что опускаю „Pearl Jam“, но я вот думаю: а какую роль все эти люди играют в моей жизни? Понимаешь? Я должен говорить правду, говорить то, что чувствую, я честен, а люди к этому не привыкли, особенно в мире коммерции».

Но не все в лагере «Nirvana» рассматривали «Pearl Jam» как врагов: Крист Новоселич выражал свой восторг по их поводу. Баррет Джонс, однако, считает, что в противостоянии больше виноваты некоторые журналисты, чем что-либо серьезное.

– У них никогда не было особых проблем с «Pearl Jam», – утверждает Баррет. – Мы отыграли с ними кучу концертов за те два года, что я у них работал. Единственное, что Курт по их поводу говорил, так это то, что им не следует так прямо копировать «Nirvana». Мне же казалось, что просто смешно использовать термин «гранж» применительно к таким разным группам. Тут вы, журналисты, виноваты, знаешь ли[281].

«Nirvana» отыграла в Лос-Анджелесе минут тридцать пять, в том числе исполнив крайне непочтительную песню «The Who» «Baba O'Riley». Курт был очарован «The Who», особенно когда осознал их превращение из авторов едких поп-гимнов в раздутых

богов рока 70-х. «Надеюсь, что умру раньше, чем превращусь в Пита Тауншенда», – язвительно заметил Курт по поводу гитариста «The Who», обратившись к самым известным строкам английской группы.

Концерт в «Cow Palace» стал пиршеством индустрии. На нем присутствовали Ривер Феникс и Киану Ривз; посетить трущобы решили и мириады других звезд, помельче. Разумеется, были и знатоки рока. Курта, однако, все это совершенно не впечатлило.

Потом он вывесил на двери их с Кортни номера табличку: «Никаких знаменитостей, пожалуйста. Мы трахаемся».

– Мы с Куртом и Кортни прыгнули в машину и поехали в «Kennel Club» на концерт «Melvins», – вспоминает Дебби Шейн. – Все мы зашли в раздевалку, там был Майк Пэттон [солист «Faith No More»]. Он взглянул на Кортни, что-то сказал и засмеялся. Кортни схватила Курта, и они ушли. На следующий день мы встретились за завтраком – Курт, Крист и все остальные. Напротив нас за столом сидели какие-то парни и любовались на то, как «Nirvana» завтракает в модном местечке.

Курту несколько досаждало внимание новых фанатов – как знаменитых, так и безвестных. Ему вообще претило постоянное внимание, он хотел хоть немного избавиться от контроля своей жизни и проводить дни, как всего несколько коротких месяцев назад – принимать наркотики да трахаться.

Но не только у Курта в то время были проблемы – взгляните-ка на интервью Криста Новоселича середины 1992 года.

Крист, в отличие от Курта, смотрел своим демонам в лицо, хотя…

– Я слышал, ты бросил пить…

– Я бросил пить первого января, – смеется Крист. – Перед Новым годом я был в Сан-Франциско. Я уже две недели в турне бухал до чертиков. Как-то я шлялся вокруг гостиницы и стукнулся головой о батарею отопления. Бам! Голову разбил, вся в крови была, и на следующее утро я проснулся и подумал: «Боже, пора бросать эту херню». Я уехал в Австралию, Японию и на Гавайи и не пил три месяца. Потом приехал домой – и тут на меня стало оказывать дурное влияние окружение типа Мэтта [Люкина] и Курта Дэниелсона. Сейчас я не пью, когда играю. Раньше я приходил на концерты совершенно пьяный, но сейчас довольно трезв. Я стал более воздержан.

– Может быть, ты стал больше пить из-за давления успеха?

– Да, все так и было. Пришлось научиться с этим жить; либо наплевать на славу, либо относиться к ней как взрослый мужчина, а не искать спасения. Бегство к выпивке – это старая история. Все

люди одинаковы, и реакции у них почти одни и те же.

– Полагают, что «Nirvana» закончит самораспадом.

– Я тут ехал по Сиэтлу и слушал радио. Играли песню «Nirvana». Наверное, нужно было переключиться, но я решил послушать, – смеется он. – И тут диджей заявил: «Вы слышали группу, которую через пять лет не будут звать даже в самые занюханные местные клубы». И я думаю так же. У нас было так много всего. Вышел наш альбом, мы пили, взлетали в чартах, летали в стратосфере, а я, думаю, стал законченным алкоголиком. Но мы отдохнули три месяца, остыли, и все сразу стало нормально.

– Как ты думаешь, успех сильно повредил вашему творчеству?

– Да нет, сейчас всё как раз проще. У меня куча времени, и ничто не отвлекает, потому что об остальном заботятся другие. Менеджеры беспокоятся о группе, бухгалтеры – о деньгах, а я сижу дома и делаю что хочу. Как ни странно, сейчас я чувствую себя свободным. Интересно, это деньги сделали меня свободнее или я просто стал старше, раскрылся и отдохнул?

– Возможно, помогло то, что ты стал меньше пить.

– Да, но иногда вдохновение находило на меня и по пьяни. Оно шло от сердца, и порой получалось неплохо.

Авторская расшифровка интервью Криста Новоселича 1992 года

Дополнение: Эрни Бейли

– У меня много лет была мастерская по ремонту гитар в Спокане, – рассказывает гитарный техник, – а потом я стал менеджером в эспрессо-баре в Сиэтле. Мне не хватало моих гитар, но коллекция рабочих инструментов все еще была при мне, так что я решил вернуться в этот бизнес.

В январе 1992 года я случайно и по отдельности познакомился со всеми тремя участниками «Nirvana». Сначала я наткнулся на Курта – в «The Vogue», я стоял на входе в «Sub Pop», когда играли «Earth». Кажется, дело было вечером в воскресенье. На парковке случилась какая-то неразбериха – там появился какой-то парень с обесцвеченной блондинкой, она очень громко и оживленно разговаривала, и я удивился, потому что в Сиэтле большинство людей совсем не такие. Она приковывала к себе внимание. Вроде бы с ней была Кэт [Бьелланд из «Babes In Toyland»], и Курт тоже был, но Курт тогда покрасился в рыжий цвет, так что я его не опознал. Они прошли прямо передо мной, и

когда он предъявил удостоверение, я увидел фотографию Курта со светлыми волосами и здоровым видом. А сам он выглядел ужасно. Кожа у него была просто кошмарного оттенка, и еще он был жутко косматый. Я поздоровался. Кажется, я поздравил его с тем, что они уделали Майкла Джексона. [«Nevermind» 11 января 1992 года поднялся на первую строчку в США, сместив самопровозглашенного Короля поп-музыки.] Я сказал, что я друг Роба [Кейдера], и мы немного повспоминали старые денечки. У меня был черный «Stratocaster» прямиком из семидесятых под левшу, только что его сделал, и я сказал: «Если тебе понадобится „страт“, то у меня вот есть». Но раз я сказал, что гитара из семидесятых, Курт ответил: «Да зачем она мне?» А ведь она была из клена – но он по этому поводу не особенно восторгался.

Крист и Шелли купили дом рядом со мной, в Гринлейке. Мы заходили по утрам в кондитерскую «Хани бир» выпить кофе. От их дома было совсем недалеко, и мы проходили мимо, когда Крист и Шелли работали во дворе. Как-то мы остановились поговорить, и я спросил Криста: «А кто чинит все то, что вы разламываете?» Он закатил глаза и сказал: «Господи, да никто», – и начал жаловаться, что местные мастерские вечно их подводят. Я подумал, что это забавно: я часто заходил в гитарные магазины, и там постоянно крутили «Soundgarden» или «Pearl Jam», но никогда – «Nirvana». В таких местах панк особенно не ценится. А я уже десять лет чинил гитары и усилки и не мог понять, почему к группе нельзя относиться как к важным клиентам, вот и сказал Кристу: «Если хочешь, я заберу всю эту херню и починю к завтрашнему утру». Кажется, он сказал: «Ты спятил, но давай!» Так я и сделал: сел в машину и отправился по всем мастерским, забрал их сломанное оборудование и всю ночь ремонтировал его сам.

Выждав, пока Крист проснется, я позвонил. Он удивился, что я со всем справился, и мы начали вместе тусить. Они были вегетарианцами и вообще новенькими в районе, а мы открыли вегетарианское кафе, к тому же в ожидании утренних электричек мы могли поболтать о политике, рок-группах и электрогитарах. Мы с Кристом починили почти все, что у них дома не работало. Как-то мы ехали по Уоллингфордскому мосту в Кристовом фургоне «фольксваген», и он тут и говорит: «Слышь, парень, а как насчет того, чтобы кататься с нами и чинить нам аппаратуру?» Я согласился, а он ответил: «Отлично, а теперь поедем индейки поедим». Вот и все собеседование при приеме на работу.

Часть III
Вниз

Глава девятнадцатая
Грязное белье и переполненные пепельницы

Взрыв гранжа был совершенно не похож на то, как его решили изобразить на MTV.

Это были не набитые тестостероном боги рока с голой грудью, которые скулят, как тяжело им живется, потому что до автобуса приходится проходить аж по сто ярдов[282]. Это не были и беззаботные бездельники в стиле сериала «Друзья», как их зачем-то изобразили в таких фильмах, как «Одиночки» или «Неспящие в Сиэтле». Суть была и не в Кортни «Аксель Роуз» Лав и ее муже-неудачнике. Нет. Главным были громкая музыка и дождь. Рвота, смех, полное неведение, где проснешься на следующее утро. Долгие часы скуки, ожидание, пока еще какая-нибудь вонючая группа проверит звук, в «ОК-отеле» и «Вог». Матрасы напополам и поездки в электричках, чокнутые партнеры, которые трахнут тебя не то просто так, не то пивной кружкой по голове. Вечеринки и мексиканское пиво, сладкий кофе и рубашки лесорубов. И хорошая доза здорового цинизма, чтобы через все это пройти.

Собственно, об одном «взрыве гранжа» нельзя говорить.

На самом деле их было два.

Первый случился вскоре после того, как я написал дебютную серию статей в «Мелоди мейкер», и продолжался с 1989 года до начала 1991-го. Другие критики и авторы из фанатских изданий, а также модные диджеи с энтузиазмом поддержали новую форму музыки родом из Сиэтла – прежде всего уходящую своими корнями в панк-рок, а не в сабербан-метал. Однако эту музыку играли в бесчисленных барах, гаражах и сырых репетиционных базах по всей Америке. Не только на тихоокеанском Северо-Западе. Местные музыканты жаловались на избыток внимания, хотя на деле чаще всего втайне наслаждались им. Это было интересно, забавно и даже помогло некоторым группам найти работу. В город, однако, переехало не так много команд из других мест, потому что, как бы ни расписывали модный и крутой сиэтлский звук журналисты, больше там делать особо было нечего. Замечательный пейзаж, но к прорыву в роке в таком месте не придешь. Ни «Microsoft», ни «Amazon» не стали бы великими, останься они тут.

Чуть ли не главной фишкой 1990 года стала продажа официальных футболок «Sub Pop» – но, черт возьми, там

встречались и прикольные! Например, на тысячах тел фанатов красовалась надпись «LOSER» (неудачник), и это за пару лет до того, как появился Барт Симпсон, который «гордился тем, что добился немногого», а лень как стиль жизни захватила целое поколение. В Сиэтле, по крайней мере в тех рок-клубах, где часто появлялись «Mudhoney» и «Nirvana» и их друзья, считалось небезопасным выглядеть как мачо-спортсмен или фанат рок-н-ролла. Исключительно немодным считалось гоняться за успехами, особенно если успех приходил ценой множества усилий. Гораздо лучше было сдаться еще до начала. «Нас никто не любит – а нам плевать», – говорится в песне фанатов заштатного лондонского футбольного клуба «Миллуолл». Так относились к окружающему миру и музыканты гранжа, и их фанаты: термин «панк» изначально задумывался как оскорбление, издевательство вроде «пидорас». Мама с папой думают, что ты отстой, наказание Господне? Тебя не принимают крутые парни в школе на больших американских машинах и с паями в трастовых фондах? Так не дрейфь. Гордись этим.

Ты НЕУДАЧНИК – и ты этим горд!

Слово это изначально появилось на футболке, которую придумал Джефф Амент из «Green River».

– «Sub Pop» не был бы собой без Джеффа, – замечает Джулианна Андерсон. – Сам принцип «клево быть неклевым», прославление лузерства – все это Джефф Амент.

– «Лузер» – это придумка больше Боба Уиттакера [менеджера «Mudhoney»], чем Джеффа, – предлагает свою версию Джонатан Поунмэн. – Сделать футболки придумали мы с Брюсом. Джефф Амент пришел с футболками «Green River», на которых были, что характерно, изображены музыканты «Green River», и сказал: «Давайте запускать в продажу». И до того, как мы стали выпускать футболки «Лузер», именно те майки были лидерами продаж. Мы до сих пор иногда думаем, не перевыпустить ли какие-то из них. Мегаслоган!

– Нужно отметить и Тэда, – добавляет Меган Джаспер. – Тэд постоянно носил эту футболку во всех турне.

– Да, и у него еще была и песня под названием «Loser», – соглашается Поунмэн. – Но сама концепция, сама идея братства неудачников висела в воздухе уже давно. Думаю, Тэд носил эту футболку по довольно мрачным соображениям.

Конечно же, «Soundgarden», «Alice In Chains», «Screaming Trees» и «Pearl Jam» заключили контракты с крупными лейблами. Конечно же, «Sub Pop» стал привлекать неожиданное внимание – но можно найти параллели и с другими американскими городами: «Dinosaur Jr» и «Pixies» в Бостоне, «Amphetamine

Reptile» в Миннеаполисе, записи «Merge» в Чэпел-Хилле, крутые и жесткие «Touch And Go» из Чикаго, «Sonic Youth» и ребята из мансард Манхэттена… Центрами музыкальной индустрии все еще оставались Лос-Анджелес и Нью-Йорк. Прорыв гранжа здесь был относительно скромным, невинным – он ограничивался десятками тысяч музыкальных энтузиастов в Британии и Европе; все увеличивалось число поклонников и в Америке. Но это должно было пройти. Так всегда бывает.

Только не на этот раз. Питательной средой для «Nirvana» в конце 1990 года стала предшествовавшая этому вспышка интереса к городу, его группам и образу жизни, невиданная – по силе и узости локализации – со времен хиппи из Сан-Франциско в знаменитое «лето любви» конца 60-х. Как заявили названием своего известного документального фильма «Sonic Youth», 1991-й действительно стал годом панк-рока… если под панком понимать то презрение, с которым музыканты из Олимпии Кэлвин Джонсон и Эл Ларсен, Курт Кобейн и Тоби Вэйл, Никки Макклюр и Лоис Маффео относились к «взрослому» вмешательству, ту их решимость, с которой они противились обычным уловкам индустрии, и желание идти собственными путями.

Однако когда «Nirvana» с помощью «Sub Pop» стала вызывать интерес воротил индустрии – чему способствовали и дьявольское обаяние Курта, и его горящие голубые глаза, и его тексты, наполненные таким яростным психозом, что миллионы подростков воспринимали их как обращенные лично к ним, – и особенно когда они выпустили на «DGC» столь блестящий крик ярости, как «Nevermind», это стало сигналом для тысяч других лейблов и телепрограмм, которые ринулись на штурм города.

Почти все без исключения самопровозглашенные судьи от индустрии начали продвигать группы, которые имели мало общего с «Nirvana» – и уж точно ничего общего с их родным домом, который они обрели в Олимпии.

Но тут у продюсеров вышла промашка.

А может, и не вышла. Джон Сильва, менеджер «Nirvana», любил «Sonic Youth» и «Beastie Boys», но ему не нравились «Beat Happening»: он не понимал привлекательности такой откровенно детской группы – без басиста и, что еще хуже, без какого-либо (в традиционном смысле) музыкального таланта[283]. Добились бы «Beat Happening» успеха при такой же раскрутке? Сомневаюсь. Единственный альбом Дэниела Джонстона на серьезном лейбле – «Fun» 1995 года – разошелся менее чем в 20 000 экземпляров[284].

В начале 90-х музыкальная индустрия оказалась не готова к продвижению действительно альтернативной музыки. Панк-рок, который продают и популяризируют группы, испытавшие влияние

«Nirvana», – «Green Day» и «The Offspring», «Rancid» и «Blink 182», – это традиционный рок под другим названием и даже еще больше опошленный. Совершенно неверно называть «Nirvana» панками – гораздо лучше подходит здесь определение «гранж», даже если этот термин создан для того, чтобы описывать специфическую музыку в специфическом месте и в специфическое время – собственно, именно их музыку. Гранж – словно грязный, неумелый хард-рок, который играется медленно, с усилителями на отметке 11. Конечно, этот термин вызывает отторжение из-за своей фамильярности. Его применяют по отношению к любому музыканту, который хоть раз в жизни послушал «Nirvana» или «Soundgarten» или просто прошел мимо распродажи. И уж точно этот термин никогда не применялся по отношению к мачистскому року, хотя в наши дни они стали синонимами.

После «Nevermind» все основные СМИ – даже столь известные американские тормоза, как «Роллинг стоун», «Спин» и MTV– захотели знать все о Сиэтле. Интерес этот не ограничивался музыкой. Закупаться в магазинах распродаж стало последним писком моды, топ-модели стремились перещеголять друг друга в «повседневности», телекамеры не сводили объективов с таверны «Комета».

– Может быть, неприятие было вызвано тем, что обман происходил просто невероятный, – предполагает бывший журналист «Рокет» Джиллиан Дж. Гаар. – Модная пресса писала о Сиэтле не так, как об Атланте или Миннеаполисе. И дело было не только в музыке. Речь шла обо всем стиле жизни – о том, как все пьют кофе, разогревают еду в микроволновке и носят фланель. На рекламе линии «Кей-март» «Обратно к школе» красовалось слово «гранж». Многие были просто в ужасе. А я только смеялась. Помню Лиз Смит [американская журналистка, ведущая колонку сплетен] в новеньких кедах «Конверс»… Да никто не носит новые «Конверс»!

– Ага, прикольно было, – ухмыляется басистка «Fastbacks» Ким Уорник. – Наконец-то все узнали, что Сиэтл – это не на Аляске. Я просто бесилась. Куча дерьмовых групп сразу забеспокоилась – они хотели контрактов. Ребята из «A&R» летали сюда, чтобы подписать следующую «группу-событие» – но мне было наплевать. Больше всего мне хотелось, чтобы нам предложили выпустить альбом и не надо было переезжать в Лос-Анджелес. До того как началась вся эта катавасия, для карьеры почти непременно нужно было переезжать в Лос-Анджелес или Нью-Йорк. А теперь они приходили ко мне сами – что ж, тем лучше.

Ширился лексикон гранжа, в основном благодаря

воспаленному воображению хроникера от саб-попа Меган Джаспер: «махать плавниками» (говорить по телефону), «связан и околдован» (никуда не поехал на выходные), «ушлепок» (неинтересный человек), «штаны с приветом» (старые порванные джинсы), «жесткач» (неприятность), «в дрова» (выпивка) и «в десятку!» (еще кто-то из твоих приятелей подписал контракт с крупным лейблом).

– Я черкнула несколько слов, пока болтала с одним таким настырным журналюгой, – вспоминает Джаспер. – Убойная хохма. Было смешно уже в 1990 году – и по-прежнему смешно через полтора года. Хотя процесс замедлился. Помню, как ребята Тэда приходили в офис и использовали слово гранж только в шутку. Курт говорил: «Уж на следующую-то запись у нас все рассчитано. Это будет чисто конкретный гранж!» И все смеялись как над самой смешной шуткой в их жизни. Помню, что думала тогда: «Вся эта хрень подошла к концу. Надеюсь, это уже апофеоз». Но нет.

Второй «взрыв» гранжа случился в ту секунду, когда «Nevermind» в начале 1992 года взобрался на вершину чарта «Биллборда». Можно было физически ощутить, как потели тысячи «волосатых металлических [софт-роковых] групп», лихорадочно натягивая новенькие кеды от «Конверс» и «рубашки лесорубов» по сотне долларов и мчась на самолет из Лос-Анджелеса в Сиэтл.

– В какой степени успех «Nirvana» превзошел ваши ожидания?

– Безумие началось в январе 1992 года: альбом стал первым в чарте, а мы выступали в субботнем вечернем прямом эфире. Тогда я и понял, что это уже клиника. В прошлом году мы ездили в Европу и играли на главной сцене Редингского фестиваля, и уже тогда я подумал, что все это сумасшествие – но мы были в одной платежной ведомости с «Sonic Youth» и «Dinosaur Jr», хедлайнером выступал Игги Поп, а мы играли в полдень. Я не знал, что все это означает. Я просто думал: надо же, все они просто спятили. Но потом я вернулся домой, наш альбом стал золотым, мы попали в SNL, и тут я понял: нет, вот только теперь это безумие. Но до поры до времени все казалось довольно естественным, потому что не играли же мы на стадионах – мы по-прежнему выступали там, где было не больше 2000 человек. Мы еще не доросли до фестивалей типа «Монстры рока» и уровня «через четыре секунды толпа впадет в неистовство». Музыка оставалась той же самой, такими же были и люди. Когда мы играли на тех концертах, никто из наших зрителей не напоминал завсегдатаев «Монстров рока» – просто любителей «Nirvana» становилось больше.

Но тут я начал замечать, что мной стали играть в тяни-

толкай. Меня вытягивали на интервью, в гримерку, выталкивали на сцену. И тут я подумал, что творится что-то странное. Не то чтобы меня это как-то задевало, но порой я отговаривался от интервью тем, что мне надо отлить, а когда меня спрашивали, чего это я такой нервный и подавленный, я иногда просто в ярость приходил. Я воспрял духом, но притом и очень устал. Подумай только, ведь я был в группе всего три с половиной года, и все произошло в такой короткий отрезок времени. Очень неожиданно.

– Все трое участников оказались не готовы к тому, что случилось в итоге…

– Да уж, нас застали врасплох. У нас никогда не было всемирных карьерных амбиций, потому что сама наша музыка совершенно не такая, чтобы мы вдруг стали лучшей группой мира. Она такая же, как у «Scream», у «Mission Impossible», у «Dain Bramage». Я пришел в «Nirvana» ровно потому же, почему пришел в «Scream», и тут-то все и прокалываются, если у них сумасшедшие амбиции и ожидания. Если музыки недостаточно самой по себе, то не надо ею заниматься. Когда я работал в мебельном супермаркете, то играл только по выходным, и это был настоящий праздник; эти выходные для меня значили очень и очень много.

– Ты все еще так считаешь?

– Да, так и оно и осталось. Сейчас многое по-другому, но я играю по тем же причинам. Я никак не могу, чтобы инструмент лежал рядом и покрывался пылью, никак. Это слишком большая часть моей жизни. Самый шокирующий вопрос для меня – что бы я делал, если бы не было музыки? А я ничем, кроме музыки, и не интересуюсь. И вся «Nirvana» такая же. Даже во время всего этого безумия я предпочел бы оставаться с ними, чем заниматься чем-то другим.

Интервью журналиста «Моджо» Стиви Чика с Дэйвом Гролом, 2005 год

9 января 1992 года «Nirvana» прибыла в Нью-Йорк на репетиции программы «В субботу вечером». Это был важный этап. Вечернее комедийное шоу было – и остается – серьезным мероприятием, поскольку оказывает значительное влияние на американскую поп-культуру. Иначе с чего бы его звезды Эдди Мерфи, Чеви Чейз и Дэн Экройд сделали такую долгую и славную (в отдельных случаях – слишком долгую и славную) кинокарьеру.

– Видеть «Nirvana» в этом шоу было невероятно странно, – восклицает Джонатан Поунмэн. – Словно бы с экрана сказали: «Привет, Средний Запад!» Они уже считались великими, но теперь у группы должны были появиться орды новых поклонников

– просто потому, что программа «В субботу вечером» рассматривалась как источник всего модного.

– Я тогда увлекалась Киану Ривзом, – смеется Кэрри Монтгомери. – Он часто бывал на концертах «Nirvana», и Курт потом звонил мне и говорил: «Угадай, кто к нам приходил?» И вот в качестве рождественского подарка – за то, что я ему что-то там постирала, – Курт взял меня с собой на «В субботу вечером», чтобы я увидела Киану, потому что предполагалось, что он будет вести шоу. Мы летели с Венди [Курт заплатил за обеих]. Она до того ни разу не летала, так что мы полетели одним рейсом и жили в одном номере. Но Киану так и не появился.

10 января «Nirvana» записала живой концерт из девяти песен для альтернативного рок-шоу MTV «120 минут». Присутствовали Кортни, Венди, а также мама и сестра Дэйва; кроме того, явился и кое-кто из прессы. В тот раз многие в «Nirvana» увидели Венди впервые – и не уставая поздравляли Курта с тем, какая у него «крутая мамочка», что, разумеется, раздражало певца.

Модный журнал для девочек «Сэсси», связанный с «Riot Grrrl», предложил запечатлеть Курта и Кортни на обложке в качестве своего рода образца настоящей любви, и пара согласилась.

«Курт и Кортни сидят на дереве и Ц-Е-Л-У-Ю-Т-С-Я» – гласил заголовок неглупой статьи Кристины Келли. Журнал был намного круче, чем всякие «Роллинг стоун» и «Нью-Йорк таймс» – просьбы об интервью от этих изданий Куртни отвергли на том основании, что сейчас находятся вне зоны доступа.

В «Сэсси» довольно много места отводилось музыке, в частности таким группам из Олимпии, как «Bratmobile», «Bikini Kill» и «Nation of Ulysses» – а «Роллинг стоун» эти коллективы игнорировал. В отличие от 99 % рок-журналов, этот привлекал в качестве целевой аудитории и женщин, что особенно нравилось Курту.

– «Сэсси» был первым хорошим журналом для девушек-подростков, – поясняет Дженет Биллиг. – Он был круче, чем «17» или «Космо-герл». Здесь говорили с девушками как со взрослыми, а к музыке подходили со всей увлеченностью. Интервью устроила я – мы с Кристиной дружили, и в то время я была ответственной за связи с общественностью. Изначально интервью готовилось не для обложки, но раз уж оно было связано с «Nirvana», то на обложку так и просилось. Курту очень понравился журнал. В противном случае он бы не согласился на интервью и фотосессию. «Сэсси» нравился всем: умный, с изюминкой и адресованный любителям музыки.

Потом группа вернулась в репетиционную студию, чтобы

пробежаться по песням, которые предназначались для SNL – «Smells Like Teen Spirit» и «Territorial Pissings». Ни продюсеры шоу, ни менеджеры «Nirvana» не желали, чтобы прозвучала вторая композиция, но группе было все равно. Также музыканты отказались репетировать свой классический разгром инструментов, чем остались недовольны сотрудники шоу – они предпочитали, чтобы все было проработано заранее; это удобно для оператора, но предает саму идею рок-музыки как спонтанного действа.

11 января, в день передачи, Майкл Лавайн сфотографировал «Nirvana», притом Курт клевал носом и явно был не в себе. Съемки шли в полнейшей тишине – Кристу и Дэйву категорически не нравилось поведение их солиста, особенно то, что он очевидно был под кайфом.

– Я спросил Курта, зачем он это делает, – говорит Лавайн. – Он ответил, что это единственный способ утихомирить желудок. На это я ответил: «Чувак, это единственное, от чего твой желудок разойдется еще больше».

Они зависали у меня дома весь день, – добавляет Лавайн. – Курту было так паршиво, что он едва мог открыть глаза или встать. Воздух в комнате можно было резать ножом. Курт бормотал: «Дай мне альбом „Flipper“, дай мне альбом „Flipper“», – я бросил ему экземпляр, он достал ручку и перерисовал обложку альбома [грубо намалеванную рыбу] себе на футболку.

Когда настало время идти на студию, группа проигнорировала присланный за ними лимузин от телеканала и предпочла отправиться в своем фургоничке. По дороге Курт блевал из окошка, а на месте держался намеренно грубо с ведущим шоу Робом Морроу[285] и другими типчиками в костюмах.

Нам с вами это может показаться типичным для панк-рока поведением, но элита, которая привыкла ожидать иного от тех, кого использует, чувствовала себя исключительно непривычно.

Когда группа находилась в Нью-Йорке, остальные участники лагеря «Nirvana» обнаружили, что их пристрастие стало достоянием общественности. В день выхода интервью в «Сэсси» появилась статья в «БАМ», изобиловавшая намеками на героин. Хотя никто не озаботился статью прочитать (журнал пользовался презрением фанатов), последствия это имело очевидные: всех интересовали загадочные часовые визиты в ванную, в то время как остальные ждут на сцене; бледные лица и необъяснимые провалы.

– Раздевалки в студиях SNL совсем небольшие, – отмечает

Крэйг Монтгомери. – Комнатушка десять на двенадцать футов, туалета нет, а народу шесть или даже восемь человек – группа, жены, продюсеры, рабочие… Так что Курт и Кортни вышли в ванную и сидели там, казалось, несколько часов… Я был наивен и не знал, чем они там занимаются. Только потом меня осенило – и к тому времени те, кто работал с Куртом, стали заботиться исключительно о нем. Все делали свое дело и старались получать удовольствие. Ведь нельзя заниматься турне и продукцией и вместе с тем пытаться вытащить Курта из гостиницы на концерт, правда же?

– Знавал я кучу народу со стеклянным взглядом, которые притом беспрестанно кивали, – говорит Дэнни Голдберг. – Кортни хотела отправиться по магазинам. Это точно было не накануне шоу, но именно накануне все стало ясно. Курт был хороший парень, очень разумный, так что он редко говорил худое слово, но многие из нас стали о нем очень беспокоиться. Поэтому мы решили приехать в Лос-Анджелес – примерно тогда Кортни узнала о том, что беременна. Тогда он порой завязывал, порой снова начинал… – Дэнни вздыхает. – Но он по-прежнему оставался гением, у него были отличные концерты, прекрасные записи, замечательные интервью, – продолжает менеджер. – Он совершенно не являлся торчком в крайнем понимании этого слова. Внутри он был уже поражен, но у него случались длительные периоды ясного сознания. Как большинство наркоманов, обычно Курт отрицал, что принимает наркотики, – и порой по его поведению казалось, что он не лжет.

– Помнится, как-то вечером мне позвонил Джонатан [Поунмэн], – вспоминает Антон Брукс, – и сказал: «Антон, у меня серьезная проблема. Твой друг сидит на героине». И я сказал: «Что, Курт?» И он отвечает: «Думаешь, Курт на героине?» Я ему: «Ну да». А он отвечает: «Нет, я имел в виду Марка – Марка Арма». И я думаю… *блин.* Не буду утверждать, что Курт сидел на игле еще до первой поездки в Британию, но он, наверное, уже пару раз пробовал. У меня было такое чувство, что они там все распоясались и столько травы курили, что хватило бы и кита вырубить. Пили и все такое, но тогда они были всего лишь подростки. Я всегда считал, что у него действительно что-то с желудком. Когда о героиновой зависимости стало известно, все стали думать, что если Курт отменил концерт или интервью, то это не из-за болезни или усталости, а потому что он под наркотой, чего никогда не было. Конечно, он мог опоздать на интервью – то было время рок-н-ролла, время опозданий; время Курта Кобейна – как в суровой пробке.

В гостиничных номерах Курта и Кортни всегда царил

беспорядок. Со своей паранойей они не допускали до уборки никого: сами известные клептоманы, они подозревали в том же и других. Поэтому все валялось там, где было брошено: картонки из-под пиццы и пустые тюбики из-под косметики, грязное белье и дымящиеся окурки, подносы из-под еды и тележки для обеда, разбросанная повсюду одежда… Эта парочка могла превратить девственно чистый номер пятизвездочного отеля в занюханную комнатенку ночлежки в Олимпии меньше чем за минуту.

Дэйв и Крист считали Курта жалким. «Помню, как зашел к ним в номер, – говорил барабанщик Майклу Азерраду, – и впервые понял, что эти двое реально свихнулись. Они только что двинули и тупили в постели. Это было отвратительно и грубо».

– Началось разделение лагерей, – поясняет Кэрри. – Курт и Кортни против всех остальных. Эпизод из «В субботу вечером» был очень неприятным. Ничего смешного в этом не было. Я сидела рядом с матерью Роба Морроу, парня, который в итоге вел шоу, и мне было обидно и горько, потому что Киану не приехал. Так что мы не пошли на банкет – мы с Куртом и Кортни просто отправились домой, бросив остальную толпу. Потом в этом обвинили меня. Но во внепрограммных мероприятиях участие было добровольным. Всё финансировал Курт, так что при чем тут я? Но я оказалась паршивой овцой – ну и прекрасно. Доходы зависели от Курта. Группе, менеджерам, лейблу и всем остальным Курт нужен был здоровым, а он упирался. Теперь я понимаю – нельзя желать человеку умереть. То есть небезопасно принимать участие в таких вещах…

На саму программу Курт надел самопальную футболку «Flipper», а бородатый Крист красовался в футболке «Melvins». Грол был вообще голый по пояс и наносил жесткие удары по своим мощным барабанам. Несмотря на состояние вокалиста, исполнение «Teen Spirit» прошло вдохновенно и приковало к себе всеобщее внимание – хотя заметно было, что Курт не смотрит в камеру. Волосы он покрасил в отвратительный красно-розовый цвет – в последний момент, когда Кортни не понравилось, что Кэрри покрасила его в красный, синий и белый цвета[286]. Песня «Territorial Pissings» закончилась ритуальными деструктивными актами; в конце концов, когда толпа кружила вокруг группы, Крист притворился, что решил выяснить отношения с Дэйвом, а затем схватил Курта и запечатлел на его устах французский поцелуй – победный салют гомофобам из числа поклонников металла и «Nirvana». В повторах SNL вырезала поцелуй.

«Это было спонтанное решение, – говорил мне Крист. – А на повторе они показывали другую концовку. Я знаю почему – когда два парня по телевидению целуются, это „шокирует“. Странно.

По-моему, есть куча более серьезных проблем, чем сексуальная ориентация двух человек».

В биографии группы сиэтлский журналист Чарлз Кросс рисует впечатляющую картину передоза, который испытывал Курт через несколько часов после выступления. Кортни проснулась в семь утра и обнаружила, что другая половина кровати пуста, а ее любовник растянулся на полу, кожа у него бледно-зеленая и он не дышит. Проснись она минутами позже, он бы умер. Она вернула его к жизни, плеснув водой в лицо и двинув пару раз в солнечное сплетение. Пикантности эпизоду придает тот факт, что на следующей же неделе «Nevermind» вышел на первую строчку. Альбом разошелся уже более чем в двух миллионах экземпляров. Вот Курт на самом гребне успеха – и вот он валяется на полу.

Писатель подробно описывает картину разврата и запустения. «Недоеденные роллы и полусгнившие кусочки сыра переполняли пепельницы, – пишет он, впадая, вероятно, в художественное преувеличение. – Стая плодовых мушек роилась над пучком пожухлого салата». Как трогательно и иронично – особенно учитывая время событий.

Единственная проблема здесь в том, что вряд ли эти события действительно происходили – во всяком случае, не в том виде, как об этом заявляла Кортни. Я полагаю, что Кортни рассказала Чарлзу о передозе в вечер концерта частично для пущего драматического эффекта, а частично – чтобы снять с себя вину за ситуацию (поэтому же она сказала Майклу, что они с Куртом встретились раньше, чем на самом деле). Если Курт уже в начале их отношений схватил передоз, то с ее влиянием это не имеет ничего общего – таким она его встретила.

Так же, как Кортни превратила подлинные детали ее первой встречи с Куртом в фальшивку, перенеся встречу для большей аутентичности на более раннее время, так и в случае с этим лже-передозом: возможно, в реальности он произошел после концерта «Nirvana» в «Roseland Ballroom» в 1993 году. Там, помнится, Кортни слово в слово рассказывала мне о похожем эпизоде[287].

– Технически это возможно, – говорит Лавайн, который позже в тот же день делал фотографии для «Сэсси», – но они нормально выглядели, когда пришли ко мне, ну разве что немного устали. Я тоже думаю, что дело было во время роузлендского концерта.

В день фотосессии для «Сэсси» я по телефону брал у Курта интервью – он был в приподнятом настроении, рассказывал, как переключился на новости MTV и тут же услышал, что там объявляют о его помолвке с Кортни, о том, что «Nirvana» только что записала живую версию «Territorial Pissings» с явным

намерением запустить ее в жесткую ротацию в «120 минутах». «Каково чувствовать себя лидером чарта „Биллборда“? – лаконично повторил Курт мой вопрос. – Да так же, как и шестнадцатым номером, только больше народу норовит поцеловать тебя в задницу». Он был весел, дружелюбен и совершенно не похож на человека, который за несколько часов до того пережил клиническую смерть. Но кто знает? Память откалывает шутки с самыми ясными умами.

От наркотиков паранойя у парочки усилилась. Они переехали в другую гостиницу – новехонькую «Омни-парк сентрал», но не избавились от своего недоверия к аутсайдерам. Помню, как однажды Кортни звонила мне из вестибюля «Омни». Она была в ярости и вообще явно не в себе[288], путано излагала, как ее обвинили в проституции и воровстве и как ее не пустили в номер мужа, после того как она спустилась в нижнем белье (как обычно, видимо, порванном и замызганном) в вестибюль купить сигарет. Она хотела, чтобы я позвонил администратору и подтвердил ее статус. Так и не помню, стал я звонить или нет.

– Ее хотели арестовать, – подтверждает Кэрри, которая тогда была с ними. – В гостинице решили, что она какая-то путана. Она как заорет: «Кэээррриииии!» А я: «Господи, я ее не знаю, Богом клянусь». Курт за ней всё никак не спускался. Пришлось это все-таки сделать мне. Она была так зла на гостиничный персонал, что каждый раз, проходя мимо лифта, воровала цветы у консьержки.

Подобные сцены были обычны для Кортни: тот хаос, который ее любовник творил на сцене, и сравниться не мог с ее поведением в повседневной жизни. Такие люди, как Кортни, встречаются очень редко, и еще реже им позволяют так себя вести.

– Курт в Нью-Йорке вел себя очень мило, дал нам денег на покупки. «Вы, девчонки, наверное, хотите купить себе дорогой косметики, так что вот вам бабло», – говорит Кэрри, подражая голосу Курта.

Пока Кортни, Кэрри и Венди покупали шмотки, Курт сходил на Авеню С за героином. «Там настоящая очередь, – рассказывал он Азерраду. – Юристы, бизнесмены в костюмах-тройках, просто торчки, всякое отребье – словом, люди всех сортов».

– Как он узнал, что мы хотим купить косметику? – продолжает Кэрри. – Конечно, мы хотели! Но потом Кортни стала злиться. Она не желала, чтобы он что-то покупал для меня. Ей нравилось, чтобы он тратил все деньги только на нее. Последний день нью-йоркской поездки стал и последним разом, когда я разговаривала с Куртом. Так глупо, стыдно даже вспоминать…

Кэрри понижает голос.

– Курт и Кортни начали рассказывать ближайшим друзьям, что они беременны, и Венди очень разнервничалась. Это для нее было уж слишком. И когда я вернулась из Нью-Йорка, мне позвонила Кортни: «Венди говорит, что, по твоим словам, я люблю Курта за его деньги, а ты любишь за его сердце». А я отвечаю: «Да я бы никогда такой ерунды не сказала. Дай, пожалуйста, трубку Курту». – «Он сейчас не может с тобой говорить. Он слишком расстроен. Лучше позвони Венди и разберись». – «Я в эти игры не играю, Кортни. Не буду я звонить Венди и обсуждать какую-то херню, которой к тому же и не было. Дай я поговорю с Куртом». – «Нет, не дам». Вот так меня отстранили от Курта, как и Иэна [Диксона], и – ну, может, Дилана в меньшей степени – почти всех, кто вмешивался в их жизнь.

– Взаимоотношения Курта и Кортни были бурными, – осторожно говорит Голдберг. – Они определенно любили друг друга. Порой они друг друга определенно ненавидели. Он испытывал к ней очень романтическую привязанность, но в то же время приходил от нее в бешенство.

Вернувшись из Нью-Йорка, Курт и Кортни переехали в двухкомнатный номер в Западном Голливуде, Лос-Анджелес. Город Курту не понравился: он быстро возненавидел его легендарную фальшь и обособленность, стал скучать по друзьям с Северо-Запада и даже по дождям – куда больше, чем ожидал. Он никогда не жил нигде, кроме Олимпии и Абердина, – даже в Сиэтле – и по переезде в такой огромный город быстро почувствовал свою инородность. Но сначала отстраненность, которую давал Лос-Анджелес, ему пришлась по вкусу, особенно потому, что все, чего он хотел, – это «трахаться и вставляться». Зато Лос-Анджелес очень подходил Кортни. Он соответствовал ее желанию *преуспеть в глазах общества* – прежде всего своей близостью к голливудскому гламуру.

– Курт любил своих сестер и вообще детей, – говорит Кэрри Монтгомери. – Когда он начал зарабатывать первые деньги, был день рождения его маленькой сестры [сводной] Брайан[289], и мы с Куртом пошли в художественный магазин и купили ей набор для рисования, мольберт и небольшую барабанную установку. Тогда он был счастлив как никогда. Мы поехали в Абердин, подарили ей все это и всю ночь смотрели с ней кино. Он ее обожал. Близок он был и с Ким [Кобейн] – она часто приезжала к Сюзи [Теннант] и подолгу жила там. Иногда приезжали его мама и двоюродные братья и сестры и обращались с ним как со

знаменитостью, что выглядело странно. Возможно, мать просто гордилась им, а вот двоюродные братья даже заставляли его давать автографы.

Пара переехала на Норт-Сполдинг, 448, довольно спокойную улочку между Фэрфексом и Мелроузом. Стоила квартирка тысячу в месяц. Распорядок дня Курта мало отличался от того, которого он придерживался в Олимпии: он вставал, принимал наркотики, слушал музыку, рисовал и играл на гитаре. Смотрел телевизор допоздна. В то время, как говорил Курт, у него в день уходило на героин по 100 долларов.

Когда они были в Нью-Йорке, Кортни поняла, что беременна[290]. Некоторые злые языки полагали, что беременность – лучший для Кортни способ укрепить свои позиции при Курте. Это не так. Курт был опьянен Кортни, как и она им. Будь то близость совместно сидящих на игле, или общая паранойя, или невероятный секс – без разницы. Курт считал, что нашел родственную душу. И Кортни тоже.

Курта стала здорово беспокоить мысль о том, что ребенок может родиться с отклонениями из-за того, что родители принимают наркотики. Он нарисовал в юности достаточно детей-уродцев, чтобы представить себе всю ужасную картину. Кортни посетила в Беверли-Хиллз специалиста по врожденным уродствам, который заверил ее, что риск, вызванный принятием наркотиков в первые месяцы беременности, минимален.

– Никогда они и не думали, что ребенок родится уродом, – твердо заявляет Розмари Кэрролл. – Я свела Кортни со своим гинекологом, который принимал обоих моих детей, и он был абсолютно уверен, что она родит нормального младенца. Все это были просто слухи в прессе.

Даже если так, «Куртни» все равно решили, что надо пройти детоксикацию, тем более что «Nirvana» собиралась в турне по Австралии и Японии. Они поселились в «Холидей-инн», менеджер турне Алекс Маклеод остановился там же, чтобы проверить, все ли в порядке с парочкой. Процесс был не из легких: ремиссия могла сопровождаться диареей, рвотой, мышечными спазмами, скачками настроения и бессонницей.

– Мы с Дэйвом пошли навестить Кортни после первого… чуть не сказала – саундчека, – смеется Дженнифер Финч, – но это когда альбомы записываешь. Ультразвукового обследования, конечно. Включили видеокассету, и Курт уселся у телевизора ее смотреть. Он вернул мое расположение – потому что я к тому моменту его почти ненавидела. Все было очень мило. Потом я напомнила Кортни, какая классная штука рок и как непросто быть мамой. Потому что я думала, что ей придется теперь сидеть

дома или по крайней мере сократить пребывание на людях. Господи, какой же я была дурой. Как будто они оба еще имели какие-то представления о реальности!

Я: Откуда взялось имя Фрэнсис Бин?

– Словечко «Бин» (фасоль) появилось после разглядывания того ультразвука – она выглядела совсем как маленькая фасолина, – поясняет Дженнифер[291]. – Так и было. Я считаю, что биология – штука угрожающая и отвратительная. Даже не верится, что Кортни через это прошла. Теперь понятно, почему она не могла бросить курить. Столько всего ждешь, будучи беременной.

Я: Мы все были разочарованы, что это не шутка.

– Да запросто могло быть и шуткой, – смеется исполнительница. – Всегда есть такая возможность, Кортни ведь была еще молодая. Когда приходится стать матерью, быстро взрослеешь. Слава богу, девочка родилась доношенной и здоровой. Пока не доживет до девятнадцати и всё не начнется по новой.

19 января[292] Крист и Дэйв присоединились к своему вокалисту в Лос-Анджелесе для съемок клипа на «Come As You Are». Музыканты пришли в шок от состояния Курта: «Он выглядел плохо. Весь серый, – заявил Дэйв. – И очень печальный». Группа и менеджеры волновались из-за выбора сингла, обнаружив сходство в басовой партии с английскими протоиндустриалистами «Killing Joke» и их песней 1985 года «Eighties». Выбрать можно было из «Come As You Are» и «In Bloom». Голдберг высказался в пользу очевидно более коммерческой песни[293]. Кевин Керслейк («Hole», Игги Поп) стал режиссером клипа, который снимался в трех местах – Уоттл-Гарден-парк в Голливуде, новый дом Куртни и ангар аэропорта Ван-Нюйс. Лица музыкантов снимали сквозь пластик и струи воды, чтобы сделать их размытыми и частично неузнаваемыми.

23 января «Nirvana» начала объявленное ранее турне по Австралии из 12 концертов[294].

Курту было совсем не до турне – болел желудок, проходила последняя стадия детоксикации. Но особенно его беспокоила перспектива остаться в незнакомой стране без наркотиков. Сразу же после приезда в Сидней он изменил табличку «Не беспокоить» на «Пожалуйста, сожгите мой номер».

Сразу же у него начались проблемы – как с окружением группы, так и с местными медиками: пытаясь облегчить боли в желудке (Алекс однажды вызвал для него «скорую»), он услышал, как один врач говорил другому: «Да это просто торчок, у него всё

из-за наркотиков». Курт позже горько жаловался на то, что его проблемы со здоровьем постоянно приписывали употреблению наркотиков: так, Шелли Новоселич, посочувствовав ему, отправилась за витриолом. «Я хотел ей просто по морде вмазать, потому что она, как и все остальные, предполагала, что я принимаю наркотики», – жаловался Курт. (Ну так он же и принимал!) Концерт в Брисбене пришлось сократить, а еще один, во Фримантле, отменить. В итоге Курту дали метадон – который в Австралии именуют физептоном, – что помогло ему и при детоксикации, и от болей в желудке.

Первый концерт прошел в сиднейском «Phoenician Club» (сейчас не работает), на разогреве выступали местные коллективы «Tumbleweed» и «The Meanies»[295].

– Мы играли с ними на четырех концертах, – вспоминает Уолли Кемптон, басист «Meanies». – Место шоу выбрали задолго до того, как «Nevermind» оказался на вершине, и все 1400 билетов разошлись в рекордный срок. Атмосфера была удивительной – смесь страха и безудержного веселья стремилась прорваться наружу. На следующий день наше выступление на «Big Day Out»[296] начиналось за 15 минут до выхода «Nirvana». Толпы народа выслушали наши первые песни, а потом нам пришлось играть людям в спины, потому что все они потянулись к павильону «Nirvana»!

– В Австралии всё турне проходило очень круто, хотя у Курта были проблемы и он плохо выглядел, – вспоминает Баррет Джонс, который обслуживал барабаны Дэйва. – Погода была отличная, мы выбрались с промоутером в небольшой поход. Кенгуру очень классные! Большинство концертов были камерные, как в кафе колледжа. И у нас осталась свободная неделька в Сиднее.

– Было тепло, солнечно, и мне там очень понравилось, – говорит Крэйг Монтгомери. – Мы занимались экстремальным спортом с Кристом и Дэйвом… пока Курт искал наркоту, – вздыхает он. – Похоже, между Кристом с Шелли и Куртом установились довольно натянутые отношения, но в то время уже все понимали, что происходит, и старались получать удовольствие, несмотря ни на что. В любом случае, концерты были *фантастические.* Прошел концерт в Сиднее [на «Big Day Out»] на большой квадратной сцене вроде боксерского ринга, и аншлаг был такой же, как в старых клубах. Снаружи осталось больше народу, чем мог вместить зал. Выступление получилось просто ураганное.

В середине турне Курт согласился на интервью с «Роллинг стоун». Ему не нравился этот журнал – и лучшее рок-издание 70-х «Крим» Лестера Бэнгса, и библия панк-рока «Максимумрокнролл»

были не в пример круче, как и вся британская пресса и большинство европейской, – но он подчинился требованиям со стороны руководства группы и товарищей-музыкантов. В знак протеста певец явился на фотосессию в самодельной футболке, на которой красовался слоган «Корпоративные журналы по-прежнему сосут».

После концерта в Окленде, Новая Зеландия, группа 12 февраля вылетела в Сингапур на пресс-конференцию. Сотни визжащих фанов встречали музыкантов в аэропорту – лейбл поместил объявление в местной газете, где указал точное время прибытия рейса. На той же неделе косящая под Кейт Буш Тори Амос выпустила слезливую фортепианную версию «Smells Like Teen Spirit», которая оказалась настолько забавной, что «Nirvana» позднее использовала ее в начале европейских фестивальных концертов.

После Сингапура музыканты полетели на несколько концертов в Японию. В Осаке группа вновь пересеклась с «Shonen Knife». Японское трио подарило Курту несколько подарков – игрушечные сабли и новую механическую версию игрушечной обезьянки Чим-Чим. Курту понравилась Япония, несмотря на продолжающиеся эскапады желудка. Кортни вновь была с ним, да и метадон свое дело сделал. Но кому не нравится Япония? Все эти невероятные наряды, странные куклы для педофилов рядом с огнестрельным оружием и вещами в стиле «Хелло, Китти» и мультиков. Погода оказалась, правда, не так хороша, как в Австралии. Было холодно и снежно, да еще музыкантов несколько шокировали зрители, которые вежливо сидели в своих ложах и дисциплинированно расходились после последней песни – никаких вызовов на бис, потому что это было в то время не в привычках японцев.

«Я возненавидел Японию, потому что там все чертовски вежливы, – говорил мне Дэйв Грол. – А меня это злило».

– Помню, как я гулял и думал, насколько же тут грязно, – вспоминает Баррет. – Смог в разгар зимы был жутко плотный. Таксисты носили белые перчатки, и все были слишком уж вежливы. Дэйв играл на барабанах «Tama», на одном концерте группа разбила установку, и тут появился президент «Tama». Он бы очень расстроен: «О нет, ему не нравятся наши барабаны!» Крист открыл огнетушитель, оттуда посыпался какой-то белый порошок, и никто вздохнуть не мог.

20 февраля – в день выхода «Come As You Are» в Штатах и 25-й день рождения Курта – по дороге на Гавайи Куртни решили пожениться. Для бракосочетания избрали День святого

Валентина, но планы эти пришлось отложить, потому что Джон Сильва (а не Кортни, как утверждалось) настоял на том, чтобы Курт составил брачный контракт, касающийся будущих заработков. Согласно книге Чарлза Кросса «Тяжелее неба», суммарный доход Курта за 1991 год составил 29 541 доллар (27 000 долларов чистыми) – хороший куш для многих фанов (в том числе и для автора этой книги), но невероятно маленький для человека, только что продавшего более трех миллионов альбомов, на которых написал львиную долю песен, и постоянно выступающего с концертами.

Кортни действительно использовала славу своего мужа, чтобы выторговать себе контракт с «DGC», получив гораздо большие аванс и роялти, чем ее муж. (Подобное удавалось многим группам, которые подписывали контракты на волне успеха «Nevermind».) Она часто хвастала этим фактом, например, передо мной или Ким Гордон – как будто нас это хоть с какой стороны заботило, – и одновременно жаловалась на то, какой незначительной чувствует себя на фоне огромного успеха мужа. Напрасно мы старались убедить ее, что нужно мерить себя своей, а не чьей-либо еще меркой: из наших утешений она извлекла лишь идею о врожденном сексизме музыкальной индустрии.

«Единственная причина, по которой они так презрительно со мной обращаются, Эверетт, – то, что я вышла замуж за рок-звезду», – скулила она. Можно подумать, тебя пару месяцев назад друзья об этом не предупреждали.

24 февраля Куртни поженились в Вайкики-Бич. Дилан Карсон был вызван с двойной целью – как шафер и наркодилер Курта. «Я принял самую малость, не до конца», – косноязычно пояснял певец. Женщина-священник из объединенной церкви, выбранная наугад из телефонной книги, провела на закате краткую церемонию на скале над пляжем: Курт был в зеленой фланелевой пижаме, а Кортни в античного покроя шелковом платье. От церемонии у ближайших друзей Куртни остались явно не лучшие впечатления. Паранойя Курта и Кортни по отношению к друзьям прогрессировала, а из-за неодобрительного отношения тех к употреблению парой наркотиков поднялась на новые высоты. Присутствовали на бракосочетании только Дэйв Грол, Алекс Маклеод, Дилан со своей девушкой да двое роуди. Подозрительным было отсутствие двух старейших друзей Курта – Криста и Шелли Новоселич.

Кортни заявила, что они вели себя «очень хреново» по отношению к Курту, а Шелли к тому же не одобряла этот брак. Неудивительно, что Шелли придерживалась иного мнения. Она в основном возражала против того, что Кортни принимала

наркотики во время беременности. «В тот момент она их, возможно, и не принимала. А возможно, и принимала. Не знаю, но мы *предполагали*», – говорила она Майклу Азерраду.

– Это был просто день скорби. И всю вину за это я возлагаю на Кортни, – говорит Баррет. – Меня беспокоило, что она во время беременности принимает наркотики. Я поговорил об этом со своей девушкой, она поговорила с Шелли, и Шелли начала думать о Кортни нехорошо. А я сказал: «С собой, ребята, можете творить что хотите, но у вас будет ребенок. Думаю, это неправильно. В любом случае. Впрочем, вы всё сами должны знать».

На следующий день после свадьбы Крист и Шелли вернулись в Сиэтл, оскорбленные поведением Курта. Вдруг показалось, что «Nirvana» уже не выйдет из тупика. И действительно, Крист не видел Курта еще два месяца – и почти не разговаривал с ним целых пять месяцев, в том числе и на репетициях.

Куртни же остались на медовый месяц на Гавайях.

Дополнение 1: Кали Де Витт

Кали Де Витт: Я из Лос-Анджелеса. Родился в Канаде, но в три года переехал в Лос-Анджелес. Я проводил почти поровну времени в Канаде и в Лос-Анджелесе, но в Лос-Анджелесе чуть больше. С самого начала я был фанатом музыки. Когда в 1981 году вышел фильм «Упадок западной цивилизации» [картина лос-анджелесских панков], мой отец взял меня его посмотреть. Мне было восемь.

Я: А ничего у тебя был папаша!

– Да, не жалуюсь. Он брал меня и на фильм «Школа рок-н-ролла» [группы «Ramones»], и на «С детьми всё в порядке» [фильм «The Who»]. Он потом покупал мне эти альбомы, а я тащил их в школу. Помню, как во втором классе принес «Ramones». Мы часто переезжали. Я почти каждый год менял школу. Классе примерно в шестом школа мне вообще разонравилась.

Я: Сам ты играл в группах?

– Нет. Я пел в одной панк-группе, когда мне было тринадцать или четырнадцать. К счастью, с самого детства у меня были друзья среди действительно хороших музыкантов. Уже в шестнадцать лет я понял, что не создан для того, чтобы играть музыку; мне было достаточно просто слушать ее. Я уже в детстве начал ходить на концерты. Я пошел на «DOA» [влиятельная панк-группа] в 1982 году, когда мне было девять. С того раза я стал стремиться попасть на все концерты, на какие мог, особенно на

панковские. В 1989 году, когда я учился в Лос-Анджелесе в десятом классе, открылось место под названием «Jabberjaw». Я отправился туда в те же выходные, а потом бросил школу, чтобы работать там бесплатно.

Я: И что ты там делал – в баре работал?

– Да, отвечал за кофе. Алкоголя там не было. Разве что на заднем дворе можно было купить капельку. Клуб находился в хипповском месте города, там бывали люди, которых интересовали только музыка, искусство и другие вещи, привлекавшие и меня. Я торчал там постоянно и помогал им в организации концертов. Я старался убедить их, что «Sub Pop» – это реально круто. А они отвечали: «Да ладно». Первая саб-поповская команда, которую я смог туда заполучить, называлась «Swallow», они были так себе, но с них дело быстро продвинулось до таких групп, как «Mudhoney». После того «Jabberjaw» стал знаменитым клубом.

Там я встретил Кортни. Мне было шестнадцать, я сохранял прекрасные отношения с родителями, но жил отдельно и все время проводил в центре Лос-Анджелеса. Кортни показалась мне пугающе взрослой леди. Дело было году так в 1990-м. Я немного боялся ее. Я знал, что она только что основала группу «Hole». Она была общительна и любила оскорблять людей, так что я ее действительно побаивался. Тем не менее она взяла меня под свое крыло и вела себя со мной как наставница. Она разрешила мне помогать ее группе, также я помогал «L7».

Я: Какой была Кортни, когда ты с ней только познакомился?

– Он показалась мне одной из самых умных знакомых мне женщин, забавная, легкая в общении. Она совсем не походила на то, что теперь из нее делают. Очень заводная. Помните, дело было до «Nevermind», так что мысль о том, что панк-группа может стать суперпопулярной, казалась нелепой. А вот она думала, что «Hole» станет великой группой. Мне было смешно, но группа мне нравилась.

Я: Как она выглядела на сцене?

– Уверенной в себе. Она порой задавала вопросы: «Как будет смотреться, если я повернусь вот так? Видишь это новое движение?» Она разговаривала со мной как с поверенным.

Я: Она старалась в то время на кого-то равняться?

– Ее целью в то время была Ингер Лорре из «The Nymphs». Сейчас все это уже не имеет значения, но тогда Ингер представляла для нее угрозу. Ингер была плохой девчонкой Лос-Анджелеса[297]. Она говорила, что Кэт [Бьелланд] ее копирует, что «L7» недостаточно женственная группа. Она четко знала, чего хочет, имела представление о роли женщин в музыке и о том, как

ее надо изменить. Мне нравилось в этом участвовать. Нравилось работать роуди «Hole», это было забавно, а в том возрасте я еще мог работать бесплатно. Я поехал в первое американское турне, и все мы тогда получали в день по двенадцать долларов.

Я: Опиши остальных трех участников группы.

– Кэролайн была этаким стимулом. Она не вписывалась во взгляды Кортни на то, как должна выглядеть группа. Кэролайн была неуклюжей и самоуверенной. Кортни немного побаивалась Джилл. Джилл стала привлекать внимание, потому что начала косить под «Black Sabbath» и публике это нравилось. После концерта в «Whiskey-A-Go-Go» [11 февраля 1992 года][298] народ судачил о том, какая Джилл клевая. Это был ее конец[299]. Эрик работал менеджером, он держал руку на пульсе. «Hole» выступала на разогреве на концерте 14 июня, когда «Nirvana» играла в «Hollywood Palladium» с «Dinosaur Jr». Тогда я впервые увидел Курта.

Я: Ты общался с Кортни, когда она начала встречаться с Куртом?

– Я говорил с ней. Нью-Йорк очень впечатлил меня, когда мы попали туда во время турне. Я вернулся домой, накопил двести долларов и переехал туда. Я жил в кладовой. Но еще до того вышел альбом «Nevermind». Как люди вспоминают, что присутствовали при убийстве Кеннеди, так и я вспоминаю, как группа играла на MTV «Smells Like Teen Spirit». Я зазвал всех в комнату и сказал: «Поверить сложно». Это было просто нереально. Столько людей, почти у каждого в гостях я когда-то спал на полу, а теперь кто-то из них прорвался. Мне понравился «Bleach», но я даже представить себе не мог, насколько хорош окажется «Nevermind». И вот этот парень, с которым я приятельствовал, вдруг оказался вроде как герой.

Дополнение 2: Влияние «Nirvana» на Олимпию

– У группы «Unwound» была такая застольная песня, – вспоминает Слим Мун. – В ней они поднимали бокалы и пели: «Спасибо тебе, „Nirvana“, что обеспечила нам пиво, спасибо тебе, „Nirvana“, что разрешила нам тут репетировать». После выхода «Nevermind» соседи больше не звали копов и не стучали в стенку репетиционной с воплями «Что за грохот?!». Теперь они спрашивали: «Вы играете в группе? Вы знакомы с Куртом Кобейном? Можно угостить вас пивом?» Обычные люди, видя твою прическу в стиле гранж, теперь не плевали на тебя, а считали тебя крутым. Но хотя иногда нам действительно ставили

пиво, в основном это не приносило особой радости: мы не хотели, чтобы нашу тайну знала вся Америка.

Я: Величайшим достижением Олимпии стало то, что в городе сохранилась культура андеграунда, несмотря на все новоприобретенное внимание.

– «Nirvana» стала знаменитой, – соглашается Слим, – но на нас это никак не отразилось.

Я: Не оттого ли, что «Nirvana» позиционировалась как сиэтлская группа?

– Именно так. Всеобщее внимание привлек Сиэтл. В особенности все группы-дуэты и группы, шедшие против тех правил, которые ныне кажутся смешными… все они в большом долгу перед нами. Феминистское движение пользовалось большим вниманием, но ничто из этого не могло затронуть Олимпии. Олимпия дрогнула, но не отступила под напором света прожекторов. На группы Олимпии в 1988 году влияло многое из того, что действует и на нынешних музыкантов: ранние синглы «Rough Trade», пост-панк…

Глава двадцатая
Гранж для взрослых

– Обо мне все время ходят какие-то слухи, – ворчит певец. – Меня это уже достало. Если я принимаю наркотики, это мое, блин, личное дело, а если не принимаю наркотики, то это, блин, тоже мое личное дело. А всем остальным это должно быть пофигу: мне вот без разницы, колется кто-то или нет.

Все началось со статьи в занюханном лос-анджелесском журнале, который был всегда ориентирован на кок-рок, – продолжает он. – Журналист в ней предположил, что я сижу на героине, потому что заметил, что у меня усталый вид. И тут слухи стали распространяться, как пожар. Не могу отрицать, что я принимал и до сих пор принимаю наркотики, хотя и не очень часто. Но у меня нет никакой героиновой зависимости, и я не собираюсь…

Он умолкает, словно лишившись дара речи.

– Невозможно находиться в турне и одновременно сидеть на игле, – начинает он вновь. – Не знаю ни одной группы, у которой это получалось бы – если только вы не Кит Ричардс, вам не делают каждые три дня переливание крови и у вас нет посыльных, которые мотались бы за наркотой.

Курт сердится.

– Я не знал, как большая часть публики относится к рок-звездам мейнстрима, потому что не обращал на это внимания, – сетует он. – Не то чтобы я жалуюсь, но дерьма как-то уж слишком много. Порой я думаю даже, что музыка становится для меня работой, а я и не подозревал, что такое возможно. Это ставит под сомнение смысл всего. Я еще с годик попробую как-то с этим побороться, но если не получится, то придется что-то в корне менять.

«Мелоди мейкер», 18 июля 1992 года

Итак, Курт в начале марта 1992 года вернулся в Лос-Анджелес и к героину. Он пытался скрыть наркотики от Кортни, запираясь в кладовой, где хранил свой скарб: героин, иглы, ложечки и спирт для дезинфекции. Кортни обезумела от ярости, когда узнала, чем он занимается, – даже сломала шприцы. По крайней мере, так она заявляла: это сомнительно, потому что позже пару постигла размолвка из-за того, что Кортни призналась, что в первые недели беременности сама принимала героин (собственно, все-таки до того, как поняла, что беременна).

Курт написал в эти месяцы несколько песен, которые затем вошли в «In Utero», но позже, в интервью «Адвокату» в 1992 году, признался, что 1991 год был для него «совсем не плодотворным». Также он рисовал картины, навеянные Гойей, – со странными ангелами и тощими телами, кровавыми дождями и инопланетянами, выражая в них свою ненависть к окружающему миру и неспособность подчиниться ему. Рабочим названием нового альбома «Nirvana» стало «I Hate Myself And I Want To Die» («Ненавижу себя и хочу умереть»).

Помню, как Курт показал мне самопальное видео, на котором чиновник из Пенсильвании вышиб себе мозги во время довольно безобидного выпуска политических новостей, засунув в рот пистолет. Кто-то сделал двадцатисекундный клип, одновременно поправ мораль и огрубив акт самоубийства. Курт демонстрировал мне его пару раз.

Тем временем Крист вернулся в Сиэтл в раздражении от той кажущейся легкости, с которой вокалист наплевал на годы дружбы в угоду девчонке и наркотикам.

«Курт – просто тупой торчок, и я его ненавижу!» – жаловался он.

«Мне необходимо было время, – говорил Курт Дэвиду Фрику из „Роллинг стоун“ в октябре 1993 года. – [Слава] сильно подействовала на меня, и мне показалось, что в турне ездить не надо: я и так зарабатываю кучу денег. [Также] от турне меня удерживало расстройство желудка. Если у человека пять лет хронические боли, он просто сходит с ума»[300].

Даже в «Gold Mountain» побаивались непостоянного характера своей звезды и частых перемен настроения: запланированный на весну тур по США был отложен, когда стало со всей очевидностью понятно, что вся группа – а не только один Курт – сыта турне по горло. Вместо этого в первый раз вмешались менеджеры Курта: его отправили на реабилитационную программу в медицинский центр «Эксодус» в лос-анджелесской больнице «Сидарс-Синай». Однако у его консультирующего специалиста оказалась звездная болезнь, и когда Курт не выказал ему должного уважения, врач закончил лечение через четыре дня.

Дэйва не так беспокоило поведение солиста группы, потому что они были знакомы не так долго. Период бездействия «Nirvana» он использовал, чтобы сочинять собственные песни, которые потом записал на восьмидорожечной студии Баррета Джонса «Laundry Room» в их общем доме в Западном Сиэтле. Песни позднее материализовались в дебютный одноименный альбом «Foo Fighters» 1995 года.

«Nevermind» оставался в тройке лучших «Биллборда» в марте

и начале апреля. 1 марта в США вышел сингл «Come As You Are» – в британских чартах он дошел до девятой позиции, и в ту же неделю переизданный альбом «Bleach» оказался в Британии на 33-м месте среди альбомов.

По Америке продолжала распространяться нирваномания. «Лос-Анджелес таймс» сообщала, что британская группа 60-х «Nirvana» собирается привлечь современную версию к суду за нарушение авторских прав. В итоге «Gold Mountain» откупились от них, выплатив им 100 000 долларов[301]. В магазин звукозаписи в Вентуре, штат Калифорния, поступила жалоба на то, что на обложке «Nevermind» изображен детский пенис; до того проблем почему-то не возникало, хотя Геффен и собирался на всякий случай закрасить эту часть тела или, по крайней мере, чем-нибудь прикрыть ее, если кто-нибудь начнет жаловаться.

Появилась куча пиратских записей – как живых концертов, так и вездесущих демоверсий. Куртни взяли на себя обязательство конфисковать все копии, которые им попадались: вроде бы безобидно, но музыкантов и звукозаписывающие компании это очень раздражало. Кортни заявила, что пираты крадут еду прямо изо рта ее ребенка – несколько странная фраза для женщины, которая уже явно была многократной миллионершей.

После ожесточенной торговли «Hole» подписала-таки заявленный миллионный контракт с Геффеном, хотя беременность Кортни означала, что группа не сможет выступить на Редингском фестивале, как предполагалось, и, несмотря на то что «Hole» в то время, собственно, состояла из Кортни и Эрика Эрландсона. Как сказал один сотрудник лейбла: «Спать с Куртом Кобейном стоит полмиллиона».

– Кортни привыкла к осуждению из-за того, что она живет со знаменитостью, – говорит Майкл Лавайн, – но люди кое-что позабыли или, возможно, не знали. Она увлеклась им задолго до того, как он обрел славу, за многие месяцы до того. Я тусил с «Nirvana» в Лос-Анджелесе в клубе «Raji» [15 февраля 1990 года]: там я познакомился с Кортни. Она стояла в очереди на концерт. Когда я фотографировал Кортни в июле 1991 года, примерно во время выхода «Nevermind», она всё говорила: «Дай посмотреть фотки Курта. Дай посмотреть фотки Курта». Она безумно любила его – а он ее. Курт однажды сказал мне: «Мне нравится Кортни, потому что она из таких девушек, которые стоят себе посреди комнаты, а потом как запустят стаканом в стенку или стол перевернут».

Круто, – смеется Майкл. – Отличный повод для любви!

«В одной из версий „Teen Spirit“ Курт пел строчку „Who will

be the king and queen of the outcast teens?“ („Кто будет королем и королевой отверженных подростков?“), – говорила мне в 1999 году Кортни[302]. – Если оставить в покое гламур, то более идеальной пары и придумать было нельзя. Мы так отлично друг другу подходили, потому что во всем нашем окружении мы были самыми антисоциальными. Я искательница приключений на пенсии, а он – духовный аутсайдер. Было круто… но и ужасно из-за всех этих наркотиков, боли и страха. Курт был очень-очень милый парень.

Почему-то думают, что я к нему снисходительно относилась, и якобы я веду себя на публике несколько высокомерно, потому что не мое дело раздувать всю эту шумиху. Я почитаю и обожаю этого человека, я любила его, но оба мы были люди склочные. Никто особо не удивился, что мы сошлись, потому что для Сиэтла это совершенно естественно. Как роман капитана команды и главной звезды группы поддержки.

Мейнстримовая британская пресса выражалась вроде того, что „ей здорово повезло, отличная сделка“, – продолжала Кортни. – Это такая чушь, что я даже не могу против нее ничего сказать. Только выдохнуть остается – такие мнения меня до сих пор шокируют».

Куртни так обособленно вели себя в 1992 году, что большинству друзей Курта по Олимпии теперь был закрыт доступ в его жизнь: Иэну Диксону, Ники Макклюр, Слиму Муну, Тоби Вэйл… Теперь Куртни в основном появлялись вдвоем и общались либо с менеджерами (Дженет Биллиг, Дэнни Голдберг), либо с коллегами по музыке (Эрик Эрландсон, Майк Лэниган[303]), либо с приятелями-наркоманами (Дилан Карлсон, Кали Де Витт) и иногда с семьей Курта. Во время одного приезда в Абердин, в апреле 1992 года, сестра Курта Ким призналась, что она лесбиянка; Курт уже догадывался об этом. Однако для их матери, Венди, это стало шоком.

Курт сочинял некоторым бывшим друзьям письма – и никогда не отправлял их. Бывало, он даже звонил им по каким-то непонятным поводам. Но благодаря браку с Кортни и переезду в Лос-Анджелес он перешел Рубикон.

В начале апреля «Smells Like Teen Spirit» официально был объявлен платиновым (миллион проданных экземпляров), и «Nirvana» вернулась в студию – точнее, в восьмидорожечную «Laundry Room» Баррета, – чтобы записать еще пару песен.

– Я организовал студию в цокольном этаже дома, это было несколько неправильно, но именно тут я записывал «King Buzzo»[304] и три песни «Nirvana», – откровенничает Баррет Джонс. – Одна предназначалась для трибьюта «The Wipers»

[«Return Of The Rat»], одна – для сингла «The Jesus Lizard» на «Touch And Go» [«Oh, The Guilt»], а вторая вышла на стороне «B» сингла «Lithium» [«Curmudgeon»]. Все они были записаны в один-два присеста. Музыканты их раньше даже не играли.

Песни были ужасно тяжелыми: для Грола это была первая возможность показать себя в студийных условиях[305], и казалось, что музыка вертится вокруг его мощной животной силы. «Oh, The Guilt» дрожала под тяжестью реверберацией и порванных гитарных струн, Курт вновь и вновь выл скрипучий припев. Песня гораздо больше напоминала вязкую тину «Bleach», навеянного «Soundgarden», чем мелодичные интонации «Nevermind». Разумеется, это была реакция на слишком уж очищенный звук последнего альбома. Похожей оказалась и песня «Curmudgeon», хотя ее чуть не испортил позаимствованный у «Hawkwind» эффект туннельного звука. Это была безжалостная, бьющая по голове музыка.

– Думаю, после всех событий они склонялись к панковскому стилю, – подтверждает Джонс. – Хотели быть как можно более низкобюджетными.

«Return Of The Rat» представляла влияние ранних 80-х, постпанка – неудивительно, если вспомнить об источнике песни. Она вышла 20 июня в Портленде на «T/K records» на семидюймовом боксе «Eight Songs For Greg Sage And The Wipers» [«Восемь песен для Грега Сэйджа и „The Wipers“»].

– Мы поговорили, – вспоминает Баррет. – Курт сказал: «У тебя есть студия. Мы хотим писаться у тебя». Все случилось просто и быстро, хотя у меня в студии было, наверное, худшее оборудование, никаких перегородок между комнатами. Все было записано сразу, кроме вокала, который писался на второй раз.

Несмотря на процесс записи, отношения между участниками группы были не из лучших, притом настолько, что «Nirvana» в это время ненадолго распалась. Разрыв был вызван настоятельными требованиями Курта пересмотреть роялти на издание альбомов. До того момента доходы делились поровну, но Курт, поразмыслив в Лос-Анджелесе, посчитал, что его коллеги по группе получают слишком много: раз песни в основном пишет он, то и деньги получать тоже должен в основном он, 75 процентов за музыку и 100 процентов за тексты. Более того, он хотел распространить это правило и на уже полученные деньги.

Дэйв и Крист разозлились – они считали, что Курт вытаскивает деньги у них из карманов, – но Курт решил, что они слишком жадные, и сообщил юристу группы Розмари Кэрролл, что уйдет из группы, если музыканты не согласятся с его требованиями.

– Все обвиняют Кортни, но как раз тут виноват Курт, – поясняет Кэрролл. – Потому он и решил сменить юриста группы. Предыдущий юрист, Алан Минтц, был всем хорош, но он присутствовал, когда группа договорилась делить доходы поровну. А потом Курт решил, что он написал все песни – музыку, тексты, вообще всё. Тут ему стало ясно, как важно найти другого юриста. Делить ли деньги от издания альбомов поровну, полностью зависит от группы: так делают «Sonic Youth», так делают в «R.E.M.». А Билли Корган делает по-другому. Но Курт хотел не только перераспределения будущих доходов – он хотел, чтобы новый договор имел и обратную силу. Крист и Дэйв по-прежнему владеют долей «Teen Spirit», но все остальные песни – это песни Курта. В результате Кристу и Дэйву пришлось вернуть некоторую сумму.

Говорил ли Курт, что уйдет из группы, если будет не по его требованию? – переспрашивает она. – Вроде бы именно таких слов он не говорил, но это совершенно точно подразумевалось.

Ситуацию усугубило и то, что к маю Курт снова начал принимать героин. В этом месяце «Nevermind» наконец-то вылетел из топ-10 «Биллборда». Курт обмолвился приятелю, что теперь наркотики обходятся ему в 400 долларов в день.

Не лучшее время для нового европейского турне.

По причинам транспортного характера интервью с Куртом Кобейном проходит в его лос-анджелесской квартире во вторую неделю июня, за пару недель до краткого визита «Nirvana» в Европу. Облачно, комната сумрачная и не очень прибранная. Листки бумаги со стихами и заготовками Курта и его жены, пара гитар и усилителей разбросаны по гостиной. Несколько странного вида кукол, которые Курт сделал из прутиков для будущего клипа, гнездятся неподалеку от разноцветных птичьих перьев и ваз с цветами. В передней, где Курт возлежит в кресле с серьезным видом, в больших очках и коротко стриженными обесцвеченными волосами, фоном играет запись Патти Смит. Маленький котенок тигровой окраски носится по комнате. Кортни, уже на приличном сроке беременности, спит в спальне; по телевизору приглушенно идет дневная программа MTV.

До того Курт показал мне клип на новый сингл «Nirvana», «Litihium», по тому же телевизору. Клип сделал режиссер Кевин Керслейк – из нарезки выступления группы на последнем Редингском фестивале, празднования Хэллоуина в Сиэтле и концерта в Роттердаме, где завязался роман Курта с Кортни. Клип удивительно сильный. Обычно живые съемки – полный отстой, но только не эти. Примите к сведению.

Звонит телефон. Это кто-то с радиостанции хочет узнать, какую музыку слушает сам Курт. Он называет им гранж для взрослых. Еще один звонок. Это Кори из «Touch And Go», он просит у Курта совета насчет проблемы, которая возникла у менеджеров «Nirvana» с планируемым совместным с «Jesus Lizard» синглом группы. Курт внимательно слушает и обещает, что решит вопрос вместе с менеджером.

Несмотря на слухи об обратном, Курт выглядит куда более здоровым, чем в нашу прошлую встречу. Он не то чтобы светится, но определенно что-то излучает – возможно, счастье от новообретенной стабильности в браке.

Когда он наконец слезает с телефона, я говорю, что он выглядит гораздо спокойнее. «Да-да, – соглашается он. – Но это просто потому, что, когда мы в последний раз виделись [октябрь 1991 года], я был в турне пять месяцев, а сейчас я довольно долго не играл. К тому же тогда меня раздражали интервью с коммерческими радиостанциями, со всеми этими голосами диджеев, которые понятия не имеют, кто мы, черт возьми, такие. Сколько можно доставать одну группу?»

«Мелоди мейкер», 18 июля 1992 года

Турне не было успешным.

21 июня «Nirvana» играла в Дублинском театре вместе с «The Breeders» – но Курт уже жаловался на боли в желудке, которые были вызваны тем, что он слишком полагался на метадон. На следующий вечер в Белфасте охранник несколько раз ударил Курта в живот, когда певец пытался разрешить конфликт с фанатом. На следующее утро за завтраком у Курта случился приступ и его отправили в больницу. Специалист по PR группы в Британии Антон Брукс попал в довольно сюрреалистическую ситуацию: он пытался разогнать журналистов, которые ожидали интервью в вестибюле отеля, где жила «Nirvana», и одновременно руководил отправкой Курта в больницу.

Кто-то высмотрел Курта и, вопреки всем отговоркам Антона: «Да это язва. Я его три года знаю, и у него эта язва все время. Просто ест постоянно всякую гадость», – к концу дня на телефоне уже висели представители новостей CNN, интересуясь, верны ли слухи о передозировке.

24 июня в Париже руководители «Gold Mountain» наняли пару охранников, чтобы присматривать за Куртни и быть уверенными, что парочка не покинет гостиницу и не отправится за наркотиками. Курт оскорбился. «Со мной обращаются как с каким-то сопливым младенцем», – жаловался он Майклу Азерраду. Куртни тут же поменяли гостиницу, умышленно забыв

сообщить об этом менеджерам, и записались под своими любимыми вымышленными именами – «Мистер и миссис Саймон Ритчи» (настоящее имя Сида Вишеса). Крист и Дэйв жили вместе с роуди, предпочтя не впутываться в те отговорки, намеки и атмосферу недоверия, которые теперь преследовали Куртни, где бы те ни появились.

Сами концерты были делом второстепенным – на первый план вышло освещение их прессой. Пусть Пейдж Хэмилтон, солист «Helmet», вспоминает выдающееся выступление группы на фестивале в Роскильде, Дания, где «Nirvana» выступала хедлайнером перед шестидесятитысячной аудиторией, – если и так, это исключение из правил. Никто в «Nirvana» не радовался новому статусу стадионной группы, это отражалось и на выступлениях – никаких завываний баса, никакой спонтанной демонстрации духа разрушения; всего лишь набившие оскомину ритуалы, беглый пробег по самым известным песням и редкие проблески юмора. Курт заявлял: «А теперь я сыграю гитарное соло», – и выдавал десятисекундное исковерканное антисоло. Или начинал вступление к «Teen Spirit» – и вдруг песня оборачивалась горестным «Rape Me».

Меж тем «Polly» тонула в яростных овациях, отчего ему становилось еще больше не по себе.

– Тем летом 1992 года, когда Кортни была беременна, в Роскильде они накачались наркотиками до предела, – говорит Кристоф Эллингхаус. – Это был самый печальный момент за все мое знакомство с ними. Господи, они были такие обдолбанные, просто жуть.

В Осло, 28 июня, я ходил по огороженному периметру арены вместе с Куртни. Парочка буквально бросалась на бутлегеров, изо всех сил стараясь вызвать стычку. Кортни сказала мне, что я очень напоминаю ей ее первого мужа, Фоллинга Джеймса, очень чувствительного человека, который ложился спать в трико. Когда я пришел брать у группы интервью, то подумал, что они, похоже, сейчас в первый раз говорят друг с другом со времени записи в «Laundry Room». Я посмотрел с Куртом и Кортни телевизор – и оказался единственным посетителем Святого Семейства.

На следующий день был день отдыха, и некоторые из нас отправились по реке или на холм покурить травы, а Курт и Кортни двинулись в город, разыскивая бутлеги «Nirvana», чтобы отобрать их и подарить ребятам, которые носили официальные футболки группы. Да, можно сказать, что они на этом слегка двинулись. Потом в гостинице все, кроме самих Куртни, – Крист, Дэйв, грузчики «Nirvana», включая почти легендарного Большого Джона, и игравшая на разогреве группа «Teenage Fanclub» –

зависали до шести утра, ставя на караоке любимые композиции.

– Когда я зашел к Курту в комнату, чтобы поговорить об использовании нескольких фотографий, Дженет, Курт и Кортни валялись втроем в постели, – вспоминает фотограф «Мелоди мейкер» Стив Галлик. – В какой-то момент Курт спустился вниз и просто стоял позади и смотрел на нас. Он взял большую красивую вазу и хрястнул ею об пол, чтобы привлечь наше внимание, – казалось, что на самом деле ему хочется побыть с нами, но приходится идти наверх, в спальню. Остаток ночи прошел потрясающе, потому что это было продолжение прогулки; в то время я думал, что хуже ситуация в группе быть не может, и поэтому, наверное, все так расслабились. Это был настоящий отдых.

В гостиничном номере в Стокгольме, 30 июня, Кортни представила книгу стихов Курта – блокнот линованной бумаги на пружине формата А5, исписанный синей шариковой ручкой со множеством помарок и вставок. «Вот я тут подумала, что тебя это заинтересует, Эверетт, – жизнерадостно сказала она, явно не обращая внимания на раздражение Курта. – Как насчет стихов к *этой песне* для начала?» Как и многие авторы, Курт страстно ненавидел свою самую известную песню и часто отказывался играть ее на концертах.

За этими выступлениями стояло множество вопросов, которые я тогда не озаботился задать, и главный из них был следующий: кто заставил Курта поехать в турне и играть на фестивалях перед любителями металла, которых он явно презирал? Ведь в деньгах он не нуждался.

Почему «Pearl Jam» прервали выступления, а «Nirvana» нет?

«Nirvana»

Фестиваль на острове Кальф, Осло / Сьохисториска-музей, Стокгольм

Они этого не заслуживают. Забудьте все клятвы, что рок якобы жив и здоров. Единственная стадионная рок-группа в мире, достойная доверия, близка к распаду. Курт Кобейн уже не справляется со своим новым, более жестким положением – солиста группы, на которую тинейджеры приходят посмотреть, потому что «Guns N' Roses» приедут только на следующей неделе, а Брайан Адамс уже был вчера. Группа боится играть новые песни, потому что знает, что в противном случае они попадут в руки бутлегеров. Новая роль, которой музыканты совершенно не добивались, отняла у них голос, и теперь «Nirvana» пытается вложить новое содержание в старый материал.

Что означает – никаких эмоций, если это единственный способ

сохранить самоуважение.

Первый вечер в Стокгольме, мы с Куртом и Кортни смотрим MTV в их номере в ожидании появления нового клипа «Nirvana». Эдди Мерфи, как обычно несмешной, мелькает на экране. «А ведь когда-то он был неплох, правда? – замечает Курт. – До того как стал знаменитым и самодовольным, до того как перестал бороться за право быть услышанным, до того как перестал что-то доказывать». Мы понимаем Курта без перевода. Мы знаем, о ком он говорит.

Но Курт по-прежнему доказывает. Иначе откуда столько боли? Не в первый уже раз в этом году я начинаю понимать, почему Боно, Аксель, Брюс и все остальные рок-мессии на самом деле такой отстой. Сила рынка: покупатели альбомов слишком могущественны – либо ты подчиняешься, либо сходишь с ума. Дано ли третье? «Nirvana» борется – борется тяжело, насмерть, – но трудно сделать из всего этого какой-либо вывод.

«Мелоди мейкер», 25 июля 1992 года

Кроме меня, интервью у группы в то время удалось взять только одному британскому журналисту – Киту Кэмерону из «НМЭ». Он проделал долгий путь из Испании и наткнулся на крайне неподатливого Кобейна, который не захотел перемолвиться более чем парой слов с человеком, которого ранее считал другом.

«Интересно, Джерри[306], что Кит в итоге напишет, – признался мне вскоре после этого Курт по телефону. – Я же ему ничего не сказал».

Кит написал единственное, что мог в этих условиях: распад и смятение, окружавшие группу, сквозили в его интервью с гораздо большей отчетливостью, чем в моем. Кит упоминал и слухи о героине. Он позвонил менеджеру Кортни Дженет Биллиг – «нечто среднее между нянькой-кормилицей и жилеткой», эта фраза вызвала ярость у приближенных Куртни, – и спросил, неужели группа способна перейти «из неизвестности к суперславе и потом к полному развалу всего за шесть месяцев». Кит был серьезно разочарован. «Все изменилось до неузнаваемости, – писал он. – Все разговоры только о героине, даже на концертах очевиден разлад. Музыканты статичны и обособлены друг от друга. А я-то воображал, что огромный объем продаж придаст им новых сил. Похоже, успех сделал участников „Nirvana“ беззащитными. Все пошло прахом».

Эта статья в «НМЭ» привела к тому, что Кит Кэмерон подвергся нападению со стороны участников группы – той группы, которую он искренне любил. Эрик Эрландсон, с

молчаливого согласия Курта, запустил в журналиста стаканом водки с лимонным соком на Редингском фестивале в конце августа. Лагерь Кобейна объявил, что Кит открыто оскорбляет Кортни; спустя считанные дни после рождения Фрэнсис Бин Курт даже назвал в его честь один из шести своих пистолетов. «Один на каждого, кого я хочу убить, – поведал он мне, будучи в дурном настроении, по телефону из своего последнего сиэтлского дома, когда я убеждал его не быть таким дураком, – а это Кит Кэмерон, Линн Хиршберг [автор журнала „Вэнити фэйр“], Бритт и Виктория [будущие биографы „Nirvana“]…»

Остальных я не запомнил.

«Nirvana» провела концерт на арене для корриды «Plaza de Toros» в Валенсии, Испания, 2 июля. На следующий день, в Мадриде, у Кортни начались схватки – прямо перед концертом. Курт, незнакомый с процессом родов[307], отыграл выступление в панике, думая, что его жена в любую минуту может либо родить, либо вообще умереть. По совету врача Кортни «Nirvana» отменила два оставшихся испанских концерта, и Кортни первым классом вылетели в Лос-Анджелес, притом для Кортни заказали два места, чтобы она могла в полете прилечь[308].

9 июля «Lithium» вышел в Великобритании. В тот же день Кортни позировала для фотосессии к предстоящему интервью с Линн Хиршберг из журнала великосветских сплетен «Вэнити фэйр». Не беспокоясь о чужом мнении, она снималась с сигаретой – которую позднее велела заретушировать редактор Тина Браун – на заключительной стадии беременности.

Вернувшись в Лос-Анджелес, парочка обнаружила, что у них в квартире лопнула труба и в ванной произошел потоп. Казалось бы, ничего особенного, но Курт хранил там многие свои ценности – голубую гитару «Mosrite»[309], книжки стихов, свои работы и две пленки с гитарными партиями для следующего альбома – для сохранности, потому что в ванную грабитель заглянул бы, наверное, в последнюю очередь. Все погибло.

Сытые по горло, они позвонили Джону Сильве и потребовали, чтобы тот нашел им другую квартиру. С его помощью в конце июля они переехали на Альта-Лома-Террейс, 6881, в холмах Западного Голливуда – довольно сюрреалистическое, очень уединенное местечко, которое использовал для съемок своего фильма «Долгое прощание» Роберт Олтмен. Чтобы добраться до холма, на котором располагался дом, нужно было воспользоваться частным подъемником в викторианском стиле, который отмыкался ключом.

– Они потом все время забывали ключ и в итоге ждали на

ступеньках, – смеется Дженет Биллиг. – Я поднималась по этим ступенькам с Кортни, должно быть, сотню миллионов раз, когда она была беременна. Куча окон, потрясающие виды – но вещей у них было совсем немного, кроме золотых записей, которые вскоре должны были выйти. Как панк-рокер Макгивер, Курт решил воспользоваться дисками как тарелками, потому что посуды тоже не было.

Курт занялся продюсированием первого альбома «Melvins» на крупном лейбле – «Houdini». Его издавала компания «Razors Age» из Сан-Франциско. Однако он остановился на полпути, когда группа отказалась следовать его советам, как сделать песни более коммерчески успешными. «Эти ребята не соображают *ничего*», – жаловался он мне. В итоговой версии он значится продюсером семи песен и играет на гитаре в «Sky Pup»[310].

Тем временем Крист Новоселич ввязался в политику: он активно интересовался теми проблемами, которые раздирают его родину, и боролся (успешно) вместе с «Soundgarden», «Pearl Jam» и Дэнни Голдбергом против репрессивного «эротического» закона о музыке, принятого в штате Вашингтон и гласящего, что сотрудники музыкальных магазинов несут ответственность и могут быть арестованы за продажу записей, которые штат признал недопустимыми для подростков.

Курт снова принялся за героин. 4 августа он отправился в «Сидарз-Синай» на 60-дневную детоксикацию. Через три дня Кортни легла в другое крыло больницы, под вымышленным именем, страдая от истощения и осложнений беременности. «Лос-Анджелес репортер» заявлял, что ей ежедневно дают предродовые витамины и метадон. Курта, как мужа, допустили к ней в первую очередь. Эрика Эрландсона – во вторую.

– Эрик был как пульс Кортни, – поясняет Биллиг. – Он очень глубоко понимал ее. Эрик отличный товарищ, очень легкий в общении, умный, с ним легко говорить на множество тем. Курт любил болтать с ним, и в своем роде Эрик был ему как старший брат. Еще более важно, что он мог и в музыкальном плане помочь. Курт и Кортни порой жили у него, потому что они часто переезжали, а дом Эрика стоял пустой, так как сам он жил у Дрю [Бэрримор][311].

Гитарист «Hole» был единственным, кто посетил Курта и Кортни в первые недели августа. «Он просто спас нам жизнь, – говорил Курт Майклу Азерраду. – Он стал первым кусочком действительности, первым нормальным человеком, по которому можно было судить, какой станет жизнь потом».

Оставалось всего несколько недель до рождения Фрэнсис Бин – но до того случилось событие, которое затмило ее рождение.

11 августа вышел сентябрьский номер «Вэнити фэйр».

Дополнение: «Мелоди Мейкер», 25 июля 1992 года

Интервью с «Nirvana» проходит в раздевалке на берегу реки в Стокгольме. День облачный, с редкими лучами солнца. Все пьют кока-колу, а Крист вино; некоторые курят. Крист и Дэйв сидят на одной кушетке, Курт на другой. На столе миска с острым жареным арахисом и немного фруктов.

Участники группы чувствуют себя неудобно в одном помещении, словно в чем-то друг друга подозревают. Когда Крист говорит, глаза его смотрят куда угодно, только не на Курта. Когда говорит Курт, у него получается какое-то оправдание, как будто он хочет очистить себя от обвинений Криста. По репликам Дэйва становится понятно, что он чувствует всю неловкость ситуации, но старается не обращать на нее внимания.

Если не считать краткого появления группы в этот же день на шведском телевидении, это первое интервью, которое «Nirvana» дает за очень долгое время. Вероятно, этим и объясняется напряженная атмосфера – хотя многие указывают на успех группы как на причину возникновения трений между музыкантами. Курт определенно стал с прошлого раза подозрительнее: сначала он довольно бессвязно ссылается на непричесанность, потом – на недавно покрашенные волосы, потом предлагает встретиться позже, но наконец разрешает Стиву Галлику фотографировать.

Я: Когда я смотрел ваш концерт в Осло два дня назад, я всё думал над тем, что Курт сказал мне в прошлом году: «Мы не собираемся гордиться тем фактом, что теперь нашу музыку будут слушать и фанаты „Guns N' Roses“. Мы не считаем прогрессом то, что теперь придется играть при большем стечении народу».

– Действительно, – соглашается Крист. – Мы всегда относились к людям с подобной ментальностью с долей презрения и цинизма, а теперь они визжат, увидев нас… И чего они визжат, спрашивается? Что они в нас нашли? Это те же парни, которые любили поколачивать нас в школе.

– Играть на открытых выступлениях просто скучно, – объясняет солист. – Я наконец привык играть большие концерты, потому что по крайней мере звук терпимый. Но на открытом воздухе ветер так сильно дует, что музыку не слышно, и даже создается ощущение, что вообще не играешь. Кажется, что выступаешь под плюсовую фанеру. К тому же эти фестивали очень мейнстримовые – мы играем со всякими «Extreme» и «Pearl Jam», понимаешь?

Каждый вечер я стараюсь, – продолжает он, – но не могу себя обманывать. Я не могу улыбаться и позировать, как Эдди Ван Хален, хотя сам он просто жалкий алкоголик. Это не значит, что в следующем месяце [в Рединге] всё будет так же, но сейчас дела обстоят именно так.

Я: Ты не чувствуешь ответственности?

– За что? – спрашивает Курт.

Я: За массы. За тех, кто покупает ваши записи.

– По мне, – неуверенно начинает Дэйв, – наша ответственность состоит в том, чтобы не притворяться кем-то другим. Я не думаю, что нам поможет, если мы решим притвориться профессиональной рок-группой. Если наше шоу говно, то пусть оно и будет говно. Да, играть на крупных концертах – это большая ответственность, но какая еще может быть ответственность? Даже не знаю…

– Быть безответственным – это по-рок-н-ролльному, – добавляет Крист.

Я: Знаю.

– Когда начинаешь относиться к музыке как к ответственности, она становится бременем, – задумчиво говорит барабанщик.

Дэйв начинает рассказывать мне об интервью, которое они только что дали шведскому телевидению: «Нас благодарили как спасителей рок-н-ролла, – смеется он. – За то, что мы закинули в мир дельцов от рока хорошенькую бомбу».

Я: А вы так и сделали?

– Скорее надули бумажный пакет и хлопнули его, – хихикает Крист.

Я: С моей точки зрения, случилось вот что: великий альбом разошелся в куче экземпляров, но это мало что изменило.

– Да, отстойные металлические группы не перестали существовать, – соглашается басист.

Я: Что вам больше всего не нравится в славе?

– Что ко мне подходят ребятки в футболках с Брайаном Адамсом и Брюсом Спрингстином и просят автографы, – говорит Курт. – Что в толпе стоят люди с табличками, где на одной стороне написано «Even Flow» [песня «Pearl Jam»], а на другой «Negative Creep» [песня «Nirvana»][312].

Я: А что, наоборот, больше всего нравится?

– Ты знаешь, вот это интересный вопрос, – иронически отвечает Курт.

– Я даже не думаю, что это слава, – добавляет Дэйв. – Вот Иэна Маккея можно считать знаменитым, если он из «Fugazi» и в Вашингтоне хотят от него детей? В детстве кажется, что

знаменит тот, кто появляется в журналах или в новостях, но ведь это просто журнал, просто выпуск новостей.

– Ну, кое-какие привилегии у нас появились, – решается возразить Крист. – Бесплатная выпивка, например.

Я: У вас много поклонниц?

– Почему-то думают, что я как единственный неженатый участник группы должен быть бабником, настоящим сексуальным монстром, – отвечает Дэйв. – Но это же глупость. Я хотел бы найти девушку, которую смогу полюбить, и провести с ней всю оставшуюся жизнь, но рок-концерт – это никак не то место, где найдешь такого человека. Может, всяким металлюгам это и льстит, но нам кажется скорее неприятным.

Я: А как насчет выпивки?

– В это турне я поехал с новыми целями, – размышляет вслух Крист. – Раньше я снимал стресс тем, что очень много пил и реагировал на всё вокруг. А сейчас я просто двигаюсь вслед за потоком.

– А мне нравилось неожиданно расстроиться, разозлиться… – возражает Курт.

Я: Внезапная слава изменила ваш стиль жизни?

– Еще бы, – горячо отвечает Курт.

– А мой так нет, – не соглашается басист. – Я по-прежнему могу прийти в «Сейфвей», купить там овощей и фруктов, погулять по городу. Мне не важно, если на меня пялятся, указывают пальцем, шепчутся вокруг.

– Да? – спрашивает Курт. – Совсем?

– Совсем, – отвечает Крист. – Просто иду дальше. И чем больше они меня видят, особенно в Сиэтле, тем меньше…

– Ну да, наконец они устанут над тобой ржать и шушукаться у тебя за спиной, – заканчивает за него Курт. – Но я, бывает, имею дело с людьми, которые хотят меня побить – лишь из-за того, что считают меня сраной рок-звездой, которая не может справиться с собственной славой.

– Ну, мне-то проще, – дипломатично вмешивается Дэйв, – потому что такого явления, как знаменитый барабанщик, просто не существует.

Я: А Ринго?

– Ну разве что…

– Как-то я был в рок-клубе, – продолжает Курт, – и ко мне вдруг подходит какой-то парень, хлопает по спине и говорит: «У тебя все клево, так ведь? Музыканты классные, ты пишешь крутые песни, ты повлиял на множество людей, но слушай, тебе надо разобраться со своими проблемами!» Потом подходит другой чувак: «Надеюсь, ты преодолеешь свои проблемы с наркотиками». И

все это в то время, когда я просто смотрю концерт «Melvins» и никого не трогаю!

Рядом торчало пять-шесть пацанов, они были очень пьяные и визжали: «Рок-звезда, рок-звезда! Смотрите, он может сдвинуться в любую минуту! Сейчас у него поедет крыша! Он сейчас заплачет!» Потом возвращается этот второй чувак, кладет мне руку на плечо и говорит: «Знаешь, у меня девушка ушла и забрала мой альбом „Nirvana“, так что дай мне четырнадцать баксов на новый диск, ты же теперь мегазвезда и можешь это себе позволить». А я говорю: «Вот как, очень умно. А почему бы тебе лучше не пойти на хер?»

– Мы однажды сидели с мамой и выпивали, – подключается Крист, – и тут появились какие-то парни, стали орать, что «Nirvana» сосет, и всячески меня оскорблять.

– Это было в Абердине? – спрашивает Курт.

– Да. Но обращать на них внимание нельзя, – предупреждает его Крист, – иначе подхватишь паранойю. Мне часто снится, что я появляюсь на людях голый, и я расцениваю это как боязнь высунуться. Да забудь об этом! А то действительно мания преследования будет. Я тоже был таким, когда видел какую-то знаменитость.

– Да, – прерывает его Курт, – но неужели ты их так доставал?

– Вообще-то нет, – отвечает Крист, – но тот инцидент, о котором ты говоришь, по-моему, просто случайность.

– Это не случайность, – рычит Курт. – Подобное происходит со мной постоянно – каждый раз, когда я выхожу в люди, каждый гребаный раз. Мне по-прежнему нравится быть в группе и играть музыку с Кристом и Дэйвом, но если придется ограничиться студийными записями и не ездить больше на гастроли, то так тому и быть.

Глава двадцать первая
«Где же грязь, миленький?»

Фрэнсис Бин Кобейн родилась 18 августа 1992 года.

Она появилась на свет в 7.48 утра, весила полноценные 7 фунтов и одну унцию, глаза голубые, все функционирует нормально. Кортни – никогда не упускавшая возможности проявить свой драматический талант – в 4 утра схватила свою капельницу и выкатила ее по коридору в палату Курта. «Вылезай из кровати и пойдем со мной! – закричала она. – Не собираюсь рожать в одиночку, мать твою!» Муж отправился за ней, сам слабый от лечения и с собственной капельницей, и потерял сознание до того момента, когда Фрэнсис родилась. Это было нечто. «Я рожаю, ребенок выходит, Курт блюет, теряет сознание, а я держу его за руку и растираю ему живот, а ребенок тем временем выходит», – рассказывала Кортни Майклу Азерраду.

Курт вскоре очнулся и прижал к себе новорожденную.

Фрэнсис вовсе не была каким-то необычным ребенком, хотя и получала огромные дозы внимания прессы. Репортеры таблоидов «Инквайрер» и «Глоуб» осаждали палату Кортни в Сидарз-Синай, другие репортеры рылись в ее мусоре и факсах. Согласно интервью, которое Кортни в 1994 году дала «Роллинг стоун» после смерти Курта, тот на следующий день вышел в город, купил героина и вернулся с револьвером 38-го калибра, который передал Кортни, державшей Фрэнсис Бин, в напоминание о принятом ими решение совместно покончить жизнь самоубийством, если что-то случится с их ребенком.

И вновь миф трудно отделить от реальности: может, это очередной пример склонности Кортни к приукрашиванию? Я спрашиваю лишь потому, что Кортни упомянула при мне идею «пакта о совместном самоубийстве» только в гнетущие месяцы после смерти Курта. Это выглядит раздуванием сенсации, но Кортни, возможно, просто перепутала факты – я допускаю, что она действительно имела некоторую тягу к самоубийству, но в лучшем случае в конце 1994 года.

– Не помню такого, – комментирует Эрик Эрландсон, который также присутствовал при родах. – Я просто с ног сбился, присматривая в больнице за ними обоими и присутствуя при настоящих родах. Не спал. Пытался удержать эти бедные души в больничных палатах, хотя бы пока ребенок не появится на свет.

– Никогда не слышала об истории с револьвером, – комментирует Розмари Кэрролл. – При всех тогдашних несчастьях

и сумятицах главной их задачей было не выбраться из задницы самим, а вытащить оттуда Фрэнсис.

Конечно, такое могло быть – Курт любил наркотики и оружие. И его тогдашний страх отрицать тоже никто не будет.

«Настроения были самые суицидальные. Я решил: „Черт, я ухожу из группы, – рассказывал певец Майклу Азерраду в интервью для „Мьюзишн“. – Я хочу убить ее [Хиршберг]. Как только я выберусь из этой сраной больницы, я убью эту бабу голыми руками. Я забью ее до смерти. Сначала возьму ее собачонку и на глазах этой бабы выпущу у нее кишки, потом обмажу ее ими и забью до смерти“».

Рождение Фрэнсис Бин явно было окружено истерией: через два дня появился социальный работник, размахивая экземпляром «Вэнити фэйр», который вышел 11 августа. Там указывалось, что Кортни все время курит, что Курт и Кортни – это Сид и Нэнси девяностых, а Кортни – это вообще чума: «Она ужасна, но от нее нельзя отвести глаз». Помимо прочих преувеличений, Кортни заявила Хиршберг, что встретила Курта восемь лет тому назад в Портленде – явная ложь, ведь тогда Курту было лет шестнадцать[313].

Линн делала прозрачные намеки на то, что Кортни принимает наркотики, цитируя «близких друзей»: «Страшно подумать, что она принимала наркотики, когда уже знала, что беременна. Мы все беспокоимся о ребенке». Хуже того – Кортни сообщила Линн, что парочка была под кайфом, когда они появились в Нью-Йорке на «В субботу вечером»: «Мы приняли кучу наркотиков. Сначала таблетки, а потом мы поехали в Алфабет-сити и ширнулись. Потом пришел кайф, и мы поехали на шоу. После этого я пару месяцев принимала героин».

Позже Кортни рьяно отрицала все приписываемые ей слова. Но всё ли неправда в статье Линн? Конечно, кое-какие фундаментальные положения неверны – например, общее мнение, что это Кортни подсадила Курта на героин, что британская музыкальная пресса заинтересовалась Кортни только из-за ее мужа. Но неправильное цитирование – это серьезное дело, а Хиршберг все же профессионал. Так или иначе, но социальные службы Лос-Анджелеса поверили в версию Хиршберг и 24 августа потребовали, чтобы Фрэнсис Бин была помещена под опеку сводной сестры Кортни Джейми Родригес, пока Курт не закончит месячный курс детоксикации. Кортни даже не разрешили забрать Фрэнсис Бин, когда она через три дня вернулась домой.

– Статья в «Вэнити фэйр» была для Кортни большим ударом, – говорит Кэрролл. – Кортни провела с Линн Хиршберг кучу времени и решила, что завоевала ее – что она понравилась

Линн и что та так долго беседовала с ней, потому что наслаждалась ее обществом. Что получится прекрасная статья. Разумеется, в итоге Линн сделала то, что делает множество журналистов – пробралась в самый узкий круг друзей и затем распотрошила Кортни в прессе как могла. Думаю, что сама идея интервью выглядела смешно, но у Кортни было слишком много амбиций. Она всегда хотела примкнуть к мейнстриму, быть как Мадонна.

Дэнни Голдберг снял для Джейми квартиру по соседству с парочкой – еще до того как услышал, что она даже почти не разговаривает с Кортни, – и они наняли свою первую няню, Джеки Фэрри, менеджера турне и подругу Дженет Биллиг. Джеки присматривала за Фрэнсис следующие восемь месяцев, переехав в жилой комплекс «Оуквуд-апартментс», где «Nirvana» некоторое время жила, пока записывался «Nevermind».

– Джеки хотелось перемен в жизни, – поясняет Дженет Биллиг. – Она работала в промо-отделе «Epic» и была одной из моих лучших подруг. И это сработало. Им нужна была няня, а Джеки производила хорошее впечатление, ей можно было доверять, потому что все ее знали, и она умела обращаться с детьми.

Кортни заявляла, что ничего не принимала, с тех пор как узнала о беременности, но то был глас вопиющего в пустыне. Власти уже запустили в ход машину, пичкали моральными наставлениями и проповедовали об опасности приема наркотиков. Курт и Кортни были на виду, и штат поставил целью сделать из них наглядный пример, хотя доказательств практически не было, исключая публикацию в «Вэнити фэйр» и пару других грязных статеек, которые появились через пару недель (например, «Ребенок рок-звезды родился наркоманом», опубликованная в «Глоуб» 8 сентября).

В статье «Вэнити фэйр» присутствовал и голос разума, но ему предпочли не внимать. «Только четверть из всего, что говорит Кортни, – правда, – сказала Кэт Бьелланд Линн Хиршберг. – Но никому обычно нет дела до того, где же здесь ложь. Кортни заботится только об имидже. И это интересно. Раздражает, но интересно».

Куртни пытались как-то сократить нанесенный урон, давали совместные авторизованные интервью проверенным друзьям из музыкальной прессы – но было уже слишком поздно и недостаточно.

– Мы приехали в квартиру Стива Фиска в комплексе «Скад», – вспоминает Джонатан Поунмэн. – Они хотели сделать

комплиментарное интервью. Но я на это не пошел. Я подумал: «Эй, я нервничаю, это же мои друзья, в чем дело, расскажите мне вашу версию», и все прошло таким образом. В результате статью опубликовал «Спин», и я, получается, остался в дураках.

У меня получилась подобная ситуация. Поунмэн делал второе совместное интервью (после «Сэсси» – то интервью было совсем не похоже на «Вэнити фэйр»). Я брал третье. Оба были направлены на смягчение вреда. Я не понимал, что происходит с ними и с ребенком. Я знал, что большинство из написанного в «Вэнити фэйр» – правда, потому что сразу после разговора с Линн Кортни позвонила мне, смеялась, рассказывала, какая Линн классная, как она здорово все понимает, как эта статья поможет ей влиться в мейнстрим Америки. И потом Кортни хвастала, как снималась полуобнаженной с сигаретой, как искренне рассказывала об эмоциональных проблемах и употреблении наркотиков, как она почти открыла все сердце Линн и как та это оценила.

А я отвечал: «Знаешь, тебе, наверное, не стоило выкладывать все это профессиональной журналистке. Одно дело мне – я хорошо знаком с твоим чувством юмора, сарказмом, презрением к себе, твоей бестолковостью и агрессивностью, к тому же у меня есть стоп-сигнал, и я не повторю некоторых твоих реплик, я понимаю, что это сказано не для печати и должно остаться между нами, – но нельзя судить всех журналистов по мне и даже по моим коллегами из британской музыкальной прессы. Мы – любители, энтузиасты, фанаты: мы не стремимся получить сюжет любой ценой. Откуда ты знаешь, что можешь доверять этой женщине?»[314]

Кортни плевать хотела на мои возражения – то есть посчитала их настолько незначительными, что даже не заметила их и перешла к следующему фривольному анекдоту из тех, что она рассказала Линн.

Вершиной безумия стало то, что через четыре дня после судебного слушания, решавшего судьбу Фрэнсис Бин, «Nirvana» вылетела в Англию, чтобы возглавить список выступающих на Рединге 1992 года. Это было самое крупное шоу из всех, которые они играли в Британии, да к тому же последнее.

Рединг, взгляд первый: Эверетт Тру

Сначала давайте я расскажу о парике.

Это был подарок моей сестры, Элисон. В прошлом году в

Рединге мне несколько раз угрожали читатели «Мелоди мейкер», двое – даже ножом. Я рассказал об этом сестре, и за неделю перед Рединго 1992 года я получил от нее по почте парик: «Так ты можешь хоть плясать, и тебя никто не узнает», – писала она. Я надел его, танцевал под дождем на выступлении «Teenage Fanclub», и меня все равно узнали. Да уж.

Потом я торчал в раздевалке «Nirvana». Было 30 августа, воскресенье. Весь день по лагерю циркулировали слухи, что «Nirvana» выступать не будет. У Курта-де передозировка героина. Курт якобы отбыл с женой, молодой матерью, обратно в США. Курта испугали меры безопасности. Я сидел, прислонившись к стене, и думал, что мне это не кажется правдоподобным, но кто знает? Кто-то передал мне бутылку с водкой – наверное, ребята из «Mudhoney», – и я начал пить. Сознательно и с той готовностью, которая означала, что скоро начнутся проблемы. Слухи становились всё более дикими. Может быть, Курт отказался выступать из-за язвительного приема, который оказали его жене, Кортни Лав, отдельные британские газеты? Я знал, что это неправда, потому что прошлым вечером говорил с Кортни, еще в Америке, где она отдыхала с новорожденной, Фрэнсис Бин. Ходили также разговоры, что этот концерт станет для «Nirvana» последним: со сцены группа это как раз энергично отрицала.

Грязь. Вот всё, чем запомнился тот Рединг. Образовались настоящие болота, в результате по некоторым участкам лагеря пройти могли только самые стойкие. Когда вдохновенная команда политического рэпа «Public Enemy» выступала субботним вечером, разверзлись хляби небесные, и на толпу вылилось содержимое океана средних размеров. Слушатели поскальзывались на земле; лица, тела, ноги, брюки, футболки «New Model Army»[315] были полностью заляпаны грязью. Несколько редких костров, которые растапливали пластиковыми стаканчиками и постерами Курта Кобейна, ничуть не помогали согреться. Всё воскресенье группы подвергались обстрелу толпы. Музыканты реагировали по-разному. «Mudhoney» положили инструменты и начали отстреливаться. Марк Арм дразнил толпу: «Ребята, да вы же кидаться не умеете. Вы привыкли играть в футбол и пинать мяч ногами». Тут же он получил по лицу увесистым куском беркшира. «Будет мне наука, – отметил он позже. – Никогда не дразни вооруженную толпу». Группа поддержки «Baggy Labour», «The Farm», пыталась заболтать обидчиков. Всех перекрыла солистка «L7» Донита Спаркс, которая вынула из шортов тампон и запустила им в особенно наглых метателей[316].

Можно было слышать звук шмякнувшегося использованного

тампона.

За сценой все казалось каким-то нереальным. Грязь и дождь оставили от обычных полчищ фанатов только самых преданных, явно старейших[317], – к тому же тех, кто не являлся личными друзьями группы, не пускали за сцену в их отсек. Это меня более чем устраивало. Благодаря этому я в числе немногих мог пользоваться достойными удобствами – сверхважными на любом фестивале – и имел доступ к выпивке.

Незадолго до выхода «Nirvana» выступал Ник Кейв, и я помню, как все мы – «Fannies» («Teenage Fanclub»), роуди, какой-то менеджер турне – стояли у отсека «Nirvana» и слушали, как австралийский певец поет серенады помятой, издерганной толпе – «The Weeping Song», «Deanna», – думая, насколько же он здесь не к месту. То был день гранжа – «Nirvana» подобрала исполнителей под себя (трибьют-группа «Abba» под названием «Bjorn Again», «L7», «Mudhoney», «Screaming Trees», «Melvins», «Pavement»[318], «Beastie Boys» и «Teenage Fanclub»), и Кейв выглядел здесь таким неуместным, таким рассудочным. Раздавались крики: «Где же грязь, миленький?»[319]

«Nirvana» с выходом задержалась: вроде бы они только что прилетели с другого фестиваля в Европе, не помню сейчас. Впрочем, думаю, что они торчали в «Ramada» – самом популярном у групп месте в послефестивальное время. Вдруг крохотная раздевалка стала напоминать бедлам, промоутеры носились туда-сюда; в одном углу Тони, личный танцор группы, накладывал слои макияжа, глядя в зеркало. Тарелки с нарезкой сыра и ветчины лежали нетронутыми, как и арахис и конфеты; под столом охлаждалось пиво. Трудно было понять, что же происходит. Курт вышел, убедился, что мне есть что пить, спросил, как зовут мою девушку. Кто-то что-то проорал про кресло-каталку. «Куда вы дели эту сраную каталку?» – раздался рык. Кто-то – наверное, менеджер турне «Nirvana» Алекс Маклеод – налил мне виски, а еще кто-то начал устанавливать сиденье. Эй, что за черт? Мое недоумение переросло в настоящий дурман.

«Меня собираются вывезти на сцену на этом, – объяснил Курт. – Это, типа, шутка над всеми, кто достает нас, рассказывая, что я-де в больнице, что у меня передозировка. Нравится мой халат?»

«Ага, понятно, – сказал я, ничего не понимая. – А почему бы тебе тогда еще не надеть и парик, который мне прислала сестра? Ты тогда будешь немного похож на Кортни, это еще больше всех собьет с толку». Курт примерил парик (волосы у него были уже довольно длинные) и согласился. Уже почти пора было выходить на сцену; кто-то глухо спросил еще кого-то, выкатится Курт на

сцену сам или… «Эй! – заорал я, окончательно прощаясь с рассудком. – Давайте я его вытолкну! Я могу! Давайте я вывезу Курта на сцену. Так будет прикольнее».

Никто не придумал приличной отговорки, которая меня остановила бы.

И вот мы уже мчались к краю сцены, а по дороге куча народу хлопала нас по плечу и подбадривала. Я с трудом помню, что было дальше. Управление транспортным средством осуществлялось в нетрезвом виде: я возил Курта все более широкими кругами в погоне за девушками из «L7» у края сцены, в то время как двадцатифутовый занавес был готов приоткрыться, а менеджеры и прочая шушера бормотали про себя и друг другу: «Убейте же этого сраного английского писаку!» Никто из нас не знал, где, собственно, край сцены, так что мы запросто могли свалиться. Чарлз Питерсон, фотограф, который во многом определил лицо сиэтлского гранжа, снимал нас, пока мы умирали от смеха под вспышками. Мы подождали несколько минут за сценой, пока Крист говорил необходимое введение – и наконец настал тот момент…

Огни. Это всё, что я помню. Огни. Не видно было ни единого лица. Толпа невидима, и я ощущал только тот невероятный эйфорический рев, который увеличивался с каждым нашим шагом к микрофону.

«С ним все будет в порядке, – убеждал толпу Крист Новоселич, указывая на край сцены, откуда медленно материализовались мы. – С помощью друзей и семьи он выживет». Мы покатили к правому микрофону, и на полпути Курт привстал и схватил меня за шею. «Отлично, – подумал я в пьяном ступоре. – Курт хочет устроить потасовку, как мы часто делали с „Nirvana“». Я тоже начал с ним бороться. «Да нет же, придурок, – в ярости зашипел он. – Ты меня катишь не к тому микрофону».

Только полный лох мог придумать, что он болен и не может играть с группой. Курт неуверенно выбрался из кресла, в парике и больничном халате, пропел одну строчку из песни… и грохнулся. Толпа засмеялась и облегченно вздохнула. Было ясно, что группа приехала оторваться. И, черт возьми, так оно и было – на деле концерт настолько превосходил все остальные шоу 1992 года, что казалось, это другая группа. Как будто они снова вернулись в 1990-й, и трио из Олимпии плевать хотело на весь остальной мир.

Было исполнено двенадцать песен; группа нарочито неудачно сыграла вступление к «Teen Spirit», Дэйв Грол мычал слова

бостонской «More Than A Feeling» невпопад, Курт провалил все гитарные соло, но это ничего не значило – весь мир словно сошел с ума. За исключением «Something In The Way», был отыгран весь альбом «Nevermind», включая и крушение инструментов на бис в «Territorial Pissings» – Дэйв Грол метнул тарелки в бас-барабан, который до того заботливо закрепил на одной из колонок, и с удовлетворением наблюдал, как вся конструкция рушится. Гитары трещали, тысячи глоток подпевали на «Negative Creep» и «Aneurism». Казалось, что «Nirvana» смеется над собственной нынешней важностью и заново утверждает свою смертность – не боги рок-н-ролла, но сраные смертные, которые просто пришли оторваться. Это был последний истинно великий концерт этого трио, который я видел. На подошвах (да чего уж там, и на волосах, и на лице, и на брюках, и даже на трусах) у нас была грязь, но мы были охренительно счастливы.

«О Кортни недавно написали в прессе много гадостей, – заявил ее благоверный. – И теперь она считает, что все ее ненавидят. Я знаю, что этот концерт записывают, так что хотел бы отправить ей сообщение. Я хочу, чтобы все мы сказали: „Кортни, мы любим тебя…“»

Публика немедленно прокричала, что он просил.

– Помню, как Курт звонил Кортни по мобильному телефону прямо со сцены, – смеется Дженнифер Финч. – До того я ни разу не видела мобильника. Да, куча народу там орала: «Кортни, мы тебя любим», а я сидела не отрывая глаз от мобильника. Она ведь тогда только что родила, так? Тут я и решила забрать фунт, который ей давала [см. главу 19].

Итак, я вывез Курта Кобейна на сцену на последнем, как оказалось, его британском концерте. Важное дело. Он сделал бы для меня то же самое.

Когда фурор, произведенный редингским концертом, улегся, «Мелоди мейкер» запустил конкурс «Выиграй парик, который носил Курт Кобейн в Рединге». (По окончании концерта я прибежал и схватил парик на память. Правда, я опасался, что он может понадобиться сестре. Я же понятия не имел, сколько стоят парики.) Но никто не откликнулся. Наверное, не поверили. Тогда мы на следующей неделе организовали конкурс еще масштабнее, написав что-то вроде: «Эй вы, болваны! Мы серьезно! Тот, кто опишет самую интересную причину, по которой он не смог побывать в Рединге на концерте „Nirvana“, выиграет парик, и мы опубликуем письмо победителя».

Тут нас затопил поток писем. Мы действительно опубликовали письмо победителя: это было содержательное,

остроумное, прекрасно оформленное и аргументированное послание. Мы поздравили победителя, принесли соболезнования в связи с тем, что он не увидел концерта, и сообщили, что это письмо намного превосходит все остальные.

Проблема была в том, что к тому моменту я решил уже оставить парик себе.

Рединг, взгляд второй: Чарлз Питерсон

Я уже видел Курта в тот день, но в шутку меня не посвящали. Поэтому на минуту, когда я обнаружил инвалидное кресло, подумалось: «Черт, что стряслось с Куртом?» Потом-то до меня дошло, что вы, ребята, собираетесь сделать. Я сфотографировал Курта в кресле – он курит, и ты стоишь за ним. Ты выкатил его на сцену и оставил там. Он встал, чтобы взять микрофон, и упал – кажется, и кресло упало. Стояла зловещая мертвая тишина – а ведь народу было тысяч шестьдесят! Слышно было, как муха пролетает. Никто не понимал, что происходит.

Антон провел меня за сцену – туда впустили только двух фотографов, меня и Кевина Вестенберга [фотограф «Мелоди мейкер»]. Рядом со мной некоторое время находился Эрик Эрландсон, снимал концерт на видео, но большую часть времени я сидел там один; «Nirvana» передо мной, а по другую сторону этот долбаный двадцатифутовый занавес. Все это было по меньшей мере эпично.

Я больше привык к клубной атмосфере – сначала пьешь в баре с группой, а через минуту они уже начинают выступать. Помню, как отправился в палатку прессы и увидел список фотографов: 70 или 80 человек, просто невероятно. Я вышел пофотографировать «Mudhoney», и поскольку женщины из пресс-центра знали меня, они позволили мне больше, чем остальным. Я был там с Кевином – с ним я познакомился, когда он жил еще в Сиэтле. Кевин очень высокий и по какой-то причине всегда ходит в белом. Во время выступления «Mudhoney» начались все эти жуткие бои в грязи. Я оглянулся на Кевина: тот присел на корточки, опустил плечи и посмотрел назад. И тут – бац! бац! бац! – в него три или четыре раза попали – в белую джинсовую куртку и брюки. Его всего уделали.

Я пошел в бар за сценой выпить с Марком Лэнеганом; Марк, как обычно, расхаживал туда-сюда и разговаривал, ни на кого не обращая внимания. Вдруг он запутался ногой в одном из направляющих шнуров палатки. Он даже руки выставить не успел и плюхнулся лицом в грязь, ничком. Когда он встал, снизу

доверху на нем была одна длинная полоска грязи.

Реминг, взгляд третий: «Mudhoney»

Я: Помните бои в грязи 1992 года?

– Да, – смеется Стив Тернер. – У нас даже есть их запись. Очень смешно было. Столько грязи. Мы знали, что это по-нашему!

– Я знал, что у нас могут быть проблемы, потому что до того уже выступали «L7» и в них летели комья грязи… и вот теперь выступаем мы, а знают нас как «Mudhoney», – лаконично комментирует Марк Арм. – У меня была новехонькая заказная гитара «3G Les Paul» – и вся она оказалась в грязи. Очень печально. Мы с этим не вполне справились. Донита уже швырнула в толпу тампон, перекрыть это достижение было невозможно. Но в какой-то момент мы начали бросаться грязью в ответ. Грязь по-прежнему летела на сцену, но уже не в нас. И я сказал: «Знаете, у нас в Америке есть такая игра – бейсбол, уж мы-то знаем, как целиться!» И только я это сказал, как гребаный ком грязи попадает прямо мне в морду! И сильно – там были камни! Тут я несколько стушевался.

Реминг, взгляд четвертый: Эрни Бейли

Я: Так ты не видел концерта в Реминге?

– Нет, и об этом было много споров, – отвечает бывший гитарный техник Курта. – Как, черт побери, «Nirvana» могла играть в Реминге с одним техником? Обычно фестивали – это источник стресса, ведь нельзя весь день проверять звук, чтобы убедиться, что всё на высшем уровне. В 1992 году Большой Джон работал на европейских концертах, а я на американских. И на всех этих шоу каждый из нас работал в одиночку, а это трудно, ведь они были великой группой, и им требовалось очень качественное обслуживание. Когда они вернулись [из Реминга], то сказали, что бас Криста украли после концерта прямо со сцены, потому что Большой Джон не мог быть во всех местах сразу. Ему нужно было организовать свою гитарную кухню, настроить запасной бас Криста и подключить его к усилителю – причем никто ничего не видел. Интересно, где была охрана? Фестиваль-то большой! Как можно было выйти с басом Криста, так чтобы никто ничего не заметил? Это был «Gibson RD», на нем Крист играл всё турне «Nevermind», любимая игрушка. Думаю, что у него почти разбилось сердце, но…

Дэйв извинился передо мной, потому что они сломали много гитар. Дэйв просто хватал их с полки и бросал оземь. Сохранилась видеозапись, и в Сиэтле мы посмотрели ее по телевизору Криста. Дэйв обернулся ко мне и сказал: «Я прошу прощения за то, что ты сейчас увидишь», – на экране он подошел к полке с гитарами Курта, взял одну и жестоко разбил ее. Тем временем Курт ломал его барабаны. Это было довольно забавно – ах, ты ломаешь мои барабаны, тогда достанется твоим гитарам. Но Дэйву было известно, что я долго корпел над этими гитарами, чтобы они работали хорошо.

Мне показалось, что кожаная куртка Криста смотрится странно. Необычный для него наряд. Кажется, на нем еще и кожаные штаны были. Но тут я могу ошибаться. Когда мы ездили в Аргентину, они с Большим Джоном отправились за кожаными штанами, что меня удивило, ведь Крист был строгим вегетарианцем. Думаю, тут дело в том, что скотоводство – такая крупная отрасль промышленности, что кожа здесь ни при чем. Коров убивают не из-за нее, это просто побочный продукт.

Глава двадцать вторая
«Заткни свою сучку»

Все произошло слишком быстро.

Совершенно неожиданно наши мечты сбылись, и у нас не было возможности примирить их с нашими идеалами. С «Nirvana» не случилось ничего такого, чего не происходило с тысячью других групп до них, так почему же все сложилось так печально? Возможно, мы оказались слишком наивны. Мы не осознали, что наши слова могут быть искажены и истолкованы в том смысле, в каком это потребуется. Демонизация Кортни – симптом, а не причина происходящего. Очень может быть, что ее-то слов не исказили ни в одной напыщенной публикации, только вот сама точка зрения на них изменилась.

Вся жизнь связана с особенностями контекста и восприятия. Мы привыкли существовать в собственных мелких островных мирках, где все друг друга знают и ведут себя схожим образом, вращаясь в схожих кругах. Среди рокеров нет ничего странного и необычного в том, чтобы принимать наркотики, резать правду-матку и менять собственное мнение изо дня в день. Более того, этого от тебя и ожидают. Мир музыкантов и музыкальной прессы совершенно иной, чем мир таблоидов. У музыкальных критиков нет никакой власти. В «настоящей» прессе на порядок больше лицемерия, чем в так называемой «фанатской», несмотря на все усилия последней: знаменитости идут на всё, чтобы не проявить свой истинный характер. Это урок, который Кортни, например, усвоила слишком поздно.

Выступление «Nirvana» в Рединге в 1992 году стало исключением, если говорить о хронологии. Было очевидно, что музыканты наслаждаются друг другом, но как творческий союз группа дошла до логического конца. Крист и Дэйв – как и музыканты, появившиеся позднее, например Пэт Смир, – по-прежнему представляли серьезную творческую силу, с которой нужно было считаться, и без них у Курта возникли бы очевидные проблемы с воплощением своих замыслов. Однако к концу 1992 года он, казалось, окончательно вознамерился свести их роль к аккомпанементу.

Где-то между окончанием 1991-го и летом 1992-го все изменилось. Паранойя и наркомания Курта обострились; он отдалился от близких друзей и в особенности от Криста, переехав в США; Кортни забеременела. Единственным светом в окошке для Курта осталась его любовь к жене. Посмотрите на стихи альбома

«In Utero»: почти каждая песня связана с Кортни и / или тем, как ее очерняют в прессе. Возможно, действительно после почти непрерывных гастролей в течение 18 месяцев у Курта просто не было возможности вернуться к нормальной жизни. Нормальность в общепринятом смысле для него не существовала. Сравните с его коллегами – оба они получили шанс вновь привыкнуть к жизни. Крист вернулся к Шелли в Сиэтле и оказался в хороших условиях, да еще и постарался извлечь пользу из своей славы. Дэйв наслаждался процессом и копил на будущее.

Все это время я общался с Куртом и Кортни. Наверное, я был одним из немногих, кто разговаривал с обеими половинками этой четы. Да, все это случилось внезапно, так внезапно, что Кортни даже не успела понять, что она еще, собственно, не *разведена* с Фоллингом Джеймсом, с которым они поженились по пьяной лавочке в Лас-Вегасе. Мне рассказывали, что Куртни хотели было тайно пожениться еще несколько месяцев назад в Сиэтле, но тут-то Кортни и сообразила, что неплохо бы для начала развестись.

Я: Вспомнил, о чем я вас еще не спрашивал. Когда вы собираетесь вернуться в студию?

– В следующем месяце, как только до дома доедем, – отвечает Курт. – Когда я снова окажусь в своем доме среди деревьев, мы снова станем группой, потому что окажемся все в одном месте.

Я: Вы планируете записываться на восьмидорожечной студии?

– Думаю, так и сделаем, – кивает певец. – Я пару раз забрасывал эту идею Кристу и Дэйву, но мы пока так и не сошлись ни на чем конкретном. Пока что хотим отправиться в «Reciprocal» к Джеку Эндино и арендовать то же самое оборудование, каким пользовались на «Bleach». Мы запишем с Джеком все песни на восьми дорожках, запишем еще где-нибудь на 24 дорожках со Стивом Альбини[320] *и потом отберем лучшее.*

Я: Словом, вы нацеливаетесь в следующем альбоме на более сырой звук?

– Да, на менее искусственный, – отвечает Крист.

– Надеюсь, звук будет отличаться от «Nevermind», – добавляет Курт.

Я: Почему? Тебе надоел «Nevermind»?

– Нет, альбом мне очень нравится, – отвечает Курт. – Не важно, сколько над ним работали продюсеры, главное – что песни хороши. Но хотелось бы чего-то более естественного.

– Мы не хотим оказаться в положении «Slayer», – поясняет Дэйв. – Там одни и те же люди сводили их три последних альбома, в результате все они звучат одинаково. Это просто глупо.

– Возможно, по следующему альбому можно будет судить,

какое влияние мы оказываем на самом деле, – вслух размышляет Крист.

– Да, но, как мы знаем, по крайней мере сорок процентов тех, кто любит нашу музыку, не купят нашу новую пластинку, если на ней будут резкие, неприемлемые песни, – усмехается Курт. – А если купят… о, тогда подтвердится теория, что в пасть мейн-стриму можно засунуть что угодно – они всё слопают.

Я: Как думаете, удастся выпустить второй такой же популярный сингл, как «Endless Nameless»?

– Нет, – твердо заявляет Курт. – Мы не написали ни одной такой же хорошей… такой же попсовой и гимнообразной песни, как «Teen Spirit». Может, мы напишем ее как раз к концу работы над альбомом, потому что «Teen Spirit» была написана буквально за неделю до выхода «Nevermind», но пока и пробовать не хотим.

«Мелоди мейкер», 25 июля 1992 года

После Рединга «Nirvana» вернулась в США – Курт снова лег на детоксикацию, на этот раз в клинику «Эксодус» в Марина-дель-Рэй, и Куртни согласились сдать анализы мочи на наркотики в качестве этапа продолжающейся борьбы за право вернуть Фрэнсис Бин. Курт написал Кортни несколько бессвязных самоуничижительных писем из больницы, где проклинал себя за то, что по глупости стал наркоманом, отрицал, что вообще когда-либо был наркоманом, винил во всем свой желудок, окроплял письма свечным воском и кровью. Иногда он впадал в поэтическое настроение: «Я безмолвен, я беззуб. Ты вырвала мудрость из моих зубов. Ты дала мне пластины, протезы и клыки», – а иногда молил. Лечение продвигалось, хотя и медленно: Курт перенес свою зависимость на другие наркотики, барбитураты. Долго это продолжаться не могло.

8 сентября Курту предложили подписать бумагу, чтобы его отпустили из больницы на вручение наград MTV. Никто не давал за их появление ломаного гроша, но менеджеры группы решили, что эффект отсутствия группы, перед которой MTV так раболепствовал последние годы – а «Nirvana» номинировалась на четыре приза[321], – будет отрицательным, и Курт неохотно согласился прийти.

Некоторым казалось, что Курт лицемерил, публично заявляя о нелюбви к MTV – Дэнни Голдбергу, например.

– У Курта было свое тщеславие, – говорит его бывший менеджер. – Он скрупулезно записывал, например, сколько раз по MTV шли клипы «Nirvana» и сколько – клипы «Pearl Jam», когда их соперничество достигало апогея. Канал хотел, чтобы он появился на церемонии вручения наград, – но ведь если бы он

хотел отказаться, его никто не заставил бы. Он вовсе не случайно стал знаменитостью. Он это тщательно распланировал. Но то давление, которое он оказывал сам на себя, чтобы добиться успеха, вовсе не делало его счастливым. Впрочем, многие артисты считают прилагающийся к славе багаж неприятным и неудобным.

Даже на репетициях вручения призов противоречия преследовали «Nirvana». Курт хотел сыграть западающую в память «Rape Me». Но на MTV возмутились: канал не признавал инноваций или неожиданностей, а ставил на хорошо известное. Им нужен был хит – ни больше ни меньше. К тому же менеджеры решили, что песня каким-то образом метит в них, хотя она и была написана в начале 1990 года.

MTV категорически отказал «Nirvana» в исполнении этой песни. «Nirvana» категорически отказалась выступать. Тогда MTV начал давить на группу: сначала мендежеры пригрозили бойкотировать другие группы лейбла «Gold Mountain» – «Sonic Youth» и «Beastie Boys», а затем пообещали уволить Эми Финнерти, сотрудницу, которая нравилась группе.

– Сложилась совершенно патовая ситуация, и внезапно они поняли, что MTV может сделать с ними что угодно, – объясняет Эрни Бейли. – А я говорил им: «Да неужели вы думаете, что они могут вам угрожать? Вы уверены, что они захотят избавиться от лучшей нестандартной группы в мире?»

На мероприятии звучала совершенно стерильная версия «Lithium». Курт был похож на мальчика-хориста: подстриженные светлые волосы, кардиган и футболка с Дэниелом Джонстоном; подростки неуверенно прыгали со сцены (возможно, по подсказке боссов с MTV, заинтересованных в том, чтобы создать *иллюзию* бунта и хаоса). Однако сначала Курт здорово напугал MTV, пропев под бессвязное бренчание Криста начальные строчки «Rape Me». Когда инженеры поспешили к пульту управления, чтобы переключиться на рекламу, Курт запел новый сингл, непослушный и лихорадочный. Да, MTV получил желаемое, но «Nirvana» добилась небольшой моральной победы. Это было выдающееся выступление.

В конце песни Крист подбросил бас в воздух, и тот, приземляясь, попал ему прямо в лоб. Шатаясь, Крист с сотрясением мозга покинул сцену. Курт взгромоздился на барабаны, а Дэйв, почти сойдя с ума, схватил микрофон и заорал: «Аксель, привет, Аксель, ты где?»

Импровизированная речь Дэвида отсылала к инциденту, который произошел за несколько минут до того с участием напыщенного солиста «Guns N’ Roses» и его патлатой лос-анджелесской рок-группы. Конфликт закипал несколько месяцев,

с тех пор как Аксель Роуз попросил «Nirvana» выступить на его тридцатом дне рождения после выхода «Nevermind», а «Nirvana» отнеслась к этой просьбе с тем презрением, которого та заслуживала. Затем «Guns N' Roses» попытались заполучить «Nirvana» в качестве группы разогрева на весенние гастроли 1992 года – да о чем они только думали? «Guns N' Roses» представляли собой традиционную рок-группу и воплощали всё, что Курт и – что еще важнее – его родная Олимпия всегда презирали. С чего бы, черт возьми, «Nirvana» связалась с ними? Как Курт позднее объяснял гей-журналу «Адвокат», «со дня основания рок-н-ролла всегда существовал какой-нибудь Аксель Роуз. И это просто скучно, мне уже надоело».

Но Аксель был фанатиком и, получив отпор, решил стать поборником высокой морали и публично назвал Курта со сцены во Флориде за неделю до вручения премий MTV «долбаным наркоманом с женой-наркоманкой. Если ребенок родился уродцем, – проповедовал он, – их обоих, я думаю, нужно засадить в тюрьму». То, что Аксель просто чувствовал свою неполноценность по сравнению с «Nirvana» и Куртом, стало очевидно после уже следующей его фразы: «Он слишком крут, слишком хорош, чтобы донести до вас свою музыку, потому что он не хочет или не любит играть для большинства из вас…»

И когда Аксель и его девушка, модель Стефани Сеймур, наткнулись за сценой на Курта и Кортни, вспыхнули искры. «Привет, Аксель, – сказала Кортни, узнав парочку. – Будешь крестным нашей девочки?» Роуз проигнорировал ее и обернулся к Курту, который нянчил Фрэнсис: «Заткни свою сучку, а то я размажу тебя по мостовой». С невозмутимым лицом Курт повернулся к Кортни и сказал: «Заткнись, сучка». После недолгого молчания окружающие оценили шутку, и послышались смешки. Чтобы спасти лицо приятеля, Сеймур повернулась к Лав и спросила: «Ты модель?» Кортни немедленно выпалила в ответ: «Нет. А ты нейрохирург?» Аксель и Стефани с позором удалились. Их как ветром сдуло.

– Унижение Акселя – едва ли не самое смешное, что я видела, – хихикает Дженет Биллиг. – У него вообще не было выхода.

– Я впервые работал с «Nirvana» как раз на церемонии MTV, – заявляет Эрни Бейли. – Я был в палатке с едой посередине футбольного поля, прямо перед их выступлением. Передо мной стоят «Wilson Phillips» [слащавое девичье трио], за мной Элтон Джон, и у всех в руках картонные тарелки. Все хвастают крутыми прическами и широкими плечами, и тут появляемся мы, «Nirvana», вылитые мусорщики на вид: футболки и кеды. На нас

смотрят едва ли не с ужасом, как будто за нами действительно нужно приглядывать.

Я сел на пластмассовый вентилятор, потому что все места были заняты, – продолжает техник, – и тут ко мне подошла женщина и спросила, можно ли тоже присесть. Это была Энни Леннокс. И я подумал: «Ух ты, я сижу на вентиляторе с Энни Леннокс». И тут разыгралась вся эта сцена с Акселем и его девушкой, прямо перед нами. Дурдом какой-то.

На выступлении Крист чуть себя не нокаутировал, и потом мы нигде не могли его найти. Мы боялись, не повредил ли он себе чего-нибудь. Я полез искать его в трейлер – подумал, что он, возможно, там перевязывает себе голову, – когда вошел Курт, хохоча, как безумный. Он сказал, что наплевал на клавиши рояля Акселя, когда покидал сцену. И вот мы ржем над этим, смотрим церемонию по телевизору, тут появляются два рояля, и Курт говорит: «Вот же черт, я случайно наплевал на рояль Элтона».

Поведение «Guns N' Roses» помогло Курту несколько разрулить давнюю ссору с «Pearl Jam» (они тоже были там). Тем же вечером позднее Курт схватил Эдди Веддера и станцевал с ним медленный танец под песню Эрика Клэптона «Tears In Heaven». Курт сказал ему: «Ты нормальный чувак, хотя твоя группа и полный отстой». Потому что, как он пояснил позднее: «На земном шаре есть куча гораздо больших злодеев».

– Кажется, как раз на этом концерте Джейми [сводная сестра Кортни] все время требовала от Дэнни [Голдберга], чтобы тот представил ее Уитни Хьюстон, – смеется Розмари Кэрролл. – Она была очень взволнована присутствием Уитни. Вот это для нее была настоящая звезда!

Получать награду и аплодисменты за лучший альтернативный видеоклип «Nirvana» отправила двойника Майкла Джексона, сменив его титул «Короля поп-музыки» на «Короля гранжа». Зрители, будучи в замешательстве, не аплодировали.

– Наверно, идея заключалась в том, что они сместили Майкла Джексона с вершин чартов [альбомом «Nevermind»], – поясняет Биллиг. – Но никто так и не понял шутки Курта.

«Guns N' Roses» тем временем никак не успокаивались.

– Однажды мы с Кристом шли из здания в трейлер, и тут к нам приближается Дафф Маккэген [басист «Guns N' Roses»][322], – вспоминает Бейли. – С ним несколько телохранителей и один оператор, как будто «Guns N' Roses» снимают фильм. Дафф подходит к Кристу и заявляет: «Я слышал, ты говорил всякое дерьмо о моей группе», а Крист отвечает, что о его группе он не говорил ничего. Дафф настаивает на своем, и тут Крист ему и

говорит: «Ты явно хочешь втянуть меня в драку и заснять ее в своем кино о „Guns N' Roses“ для фанатов, и тебе-то я быстро набью морду, но у тебя же четыре телохранителя, и они из меня весь дух вышибут, так что пошли-ка встанем между этими двумя автобусами, ты и я». А Дафф отвечает: «Ну нет, прямо здесь и сейчас». Просто смешно. То есть Крист ростом с Пола Баньяна [легендарный гигант-лесоруб], так его за душу, а Дафф тощий и, казалось, пьяный. Так что ничего не произошло. Мы пошли дальше, посмеиваясь над абсурдностью ситуации.

– Во время церемонии MTV мы жили в «Хайятт-хаусе» в Сансете, – говорит Эрни. – Это было нечто. На верхнем этаже жил Литтл Ричард – и в баре Дэйв налетел на него. Мы ходили в бассейн, который часто посещали «Led Zeppelin». Баррет [Джонс, настройщик барабанов] и я сразу же вылетели обратно. Мы взяли такси прямо до аэропорта и отправились в Портленд готовиться к благотворительному концерту «Нет 9-й поправке».

Концерт представлял собой акцию протеста против 9-й поправки штата Орегон – попытки консерваторов ограничить гомосексуальные свободы. Также должны были выступать «Helmet», древние панки «Poison Idea» и колючая девичья группа из Портленда «Calamity Jane», а вел шоу солист «Dead Kennedys» Джелло Бьяфра. Но даже в Портленде «Nirvana» не скрылась от фанатов «Guns N' Roses». «Я сказал со сцены что-то про „Guns N' Roses“, – рассказывал Курт „Адвокату“. – Ничего оскорбительного – кажется: „А теперь наша следующая песня, «Sweet Child O' Mine» [феноменально успешная баллада «Guns N' Roses»]“. Но тут на сцену выскочил какой-то парнишка и крикнул: „Эй, парень, «Guns N' Roses» играет отличную музыку, и «Nirvana» играет отличную музыку. Почему нельзя существовать вместе?!“

И я не мог ничего ответить, кроме как: „Нет, мальчик, ты не прав. Эти люди – сексисты, а мы играем на этом концерте, чтобы хоть как-то дать отпор гомофобии. А этот парень – гребаный сексист, расист и гомофоб, так что нельзя быть и на его, и на нашей стороне. Мне жаль проводить такую границу, но такие вещи нельзя игнорировать. Кроме того, они и не могут играть хорошую музыку“».

На следующий вечер «Nirvana» выступала в 16-тысячном «Seattle Center Coliseum» вместе с «Helmet» и «Fitz Of Depression» – то самое место, откуда в апреле 1991 года вышвырнули Криста. Концерт также был благотворительным – на этот раз против закона о музыкальной цензуре штата Вашингтон: довольно невинный повод, но Курт начал получать смертельные угрозы за поддержку гомосексуализма и свободу выбора. Руководство

группы установило металлоискатель, поскольку Курта предупредили, что его застрелят, если он выйдет на сцену.

На шоу объявился папаша Курта, вместе со сводным братом Курта, Чедом; Дон проложил себе путь через охрану, размахивая водительским удостоверением, и перед сценой случился неловкий эпизод, когда Дон встретился с сыном, которого не видал семь лет. Также присутствовали Венди и Ким, мама и сестра Курта, плюс Кортни и Фрэнсис Бин, ни одну из которых Дон раньше не встречал. После развода Венди и Дона прошло восемнадцать лет, и воссоединение не было дружеским – оба съехидничали насчет возраста друг друга. Курт велел отцу заткнуться, а Ким и Венди вскоре ушли. Многие подозревали, что Дон решился на встречу только из-за денег, но Курт по этому поводу был тверд – по крайней мере, так он говорил в 1994 году британскому журналисту Джону Сэведжу.

«Я рад был его увидеть, потому что всегда хотел сказать ему, что больше не ненавижу его, – сказал он, словно цитируя строчку из „Serve The Servants“, первой песни с альбома „In Utero“: „I just want you to know that I / Don't hate you anymore“ („Я хочу, чтобы ты знал: я больше тебя не ненавижу“). – С другой стороны, я не хотел поощрять возобновление отношений, потому что мне нечего ему сказать. Мой отец не способен на изъявления чувств, да даже разговора поддержать не может. А я не хочу общаться ни с кем только потому, что это мой кровный родственник. Мне бы быстро надоело».

– В конце этого концерта произошла просто невероятная сцена разрушения, – улыбается Эрни. – Она началась, когда Курт подошел к усилительным системам перед моим рабочим местом, так что я убрал на всякий случай все свое оборудование, ну и он, разумеется, тут же обрушил колонки на то, что *было* моим рабочим местом. Потом отправился ко второму ряду усилителей и начал колотить их гитарой, потом забрался на колонку, водрузил другую себе на гитару, и тут раздались неземные звуки трения колонки о струны… тут все подумали, что гитаре конец – но нет, ей еще предстояли великие дела. Он громил ее медленно – казалось, минут пятнадцать-двадцать, – и все это время она играла. Это было круто. В Курта систематически бросались барабанами, а Курт отбивал их гитарой как бейсбольной битой.

Для Куртни настала пора вернуться в Сиэтл. Они придержали на некоторое время свою лос-анджелесскую квартиру, но приобрели и дом в деревне Карнейшн, в 30 милях от Сиэтла, за 300 тысяч долларов. Дом нуждался в серьезном ремонте – «не думаю, что в нем раньше проводили много времени», как комментирует Розмари Кэрролл, – так что пара провела конец

1992 года, переезжая из одного четырехзвездочного отеля Сиэтла в другой, волоча за собой свой стиль жизни. Куда бы они ни приезжали, после них в простынях и на ковриках оставались сигаретные бычки.

– Я однажды был в том доме, – рассказывает Майкл Лавайн. – Там были сам Курт, Кевин Керслейк и Кортни. Там не было вообще ничего. Абсолютно пусто, на полу электроцепь «Hotwheels», коробки с тряпками из Европы, картины, нижнее белье, на кухне полно всякого закусона. Вот так.

– Я присутствовал в «Color Box» на выступлении «Star Pimp»[323] в октябре 1992 года, – вспоминает Джеймс Бердишоу. – Там были и Курт с Кортни, изо всех сил стараясь не выглядеть подозрительно… точнее, Курт старался не выглядеть подозрительно. Я стоял в очереди за пивом, и Кортни была прямо передо мной, рассматривая толпу, и сказала: «Тут никого интересного вроде нет». Я поздоровался с Куртом: «Помните меня? Я Джеймс. Я был в „Cat Butt“», а Курт отвечает: «Точно! Как ты?» Через некоторое время он неожиданно вернулся. Мы проболтали добрых минут пятнадцать, я сказал, что слышал, будто бы он завел ферму, и он пояснил: «Там нет ни овец, ни коров, ничего подобного, но кое-какая собственность у нас есть». Он говорил с интересом, тут Кортни на него как-то неприятно посмотрела, и он говорит: «Мне уже пора». Я пожал ему руку и попрощался.

Где бы пара ни появлялась, везде ее, казалось, ждали нападки.

Довольно популярный ливерпульский поп-исполнитель Джулиан Коуп, в основном известный вегетарианством, тщеславием и приверженностью к «Krautrock», выпустил статью в британской музыкальной прессе, чтобы излить свое раздражение на бывшего своего поклонника: «Избавьте нас (любителей рок-н-ролла), – писал он, – от сидящих на героине шлюх вроде Нэнси Спанген, которые прилипают к великим рок-группам и высасывают из них мозги». Это было смехотворно: сексистское обвинение выглядело таким же нелепым, как и те, которым подверглась за двадцать лет до того Йоко Оно, когда начала встречаться с Джоном Ленноном. Коуп угодил в ту же ловушку, что и Аксель Роуз: он решил, что если пару раз прочел о Курте Кобейне, то это дает ему право судить о его частной жизни.

Виктория Кларк и Бритт Коллинз, два британских автора, начали работу над полуавторизованной биографией группы: «„Nirvana“: Нюхаем цветочки, гладим котят, целуем детишек, обращаться к объединенным рок-греховодникам». Книга получила

название по одному из ранних слоганов с футболок «Nirvana» и вскоре перестала быть авторизованной, когда Куртни узнали, что авторы планируют побеседовать с Линн Хиршберг, а с Фоллингом Джеймсом уже пообщались. Подозревалось предательство.

Это предположение привело к одному из самых безобразных эпизодов в жизни Курта, когда он – а также Кортни и Дэйв – оставили серию сообщений на автоответчиках Виктории и Бритта, угрожая их убить (некоторые звонки были сделаны из студии Джека Эндино). Потом они спрятались за спину «Gold Mountain», отрицали факты и объясняли свои действия шуткой, но в этом ничего смешного не было. Куртни обладали серьезными возможностями и вполне способны были на осуществление угроз, если бы того хотели, а, судя по реакции Курта, так оно и было. Да, эти авторы оказались оппортунистами, но толпы журналистов было не остановить.

Как-то вечером Курт позвонил Виктории на автоответчик девять раз. Обвинения его начинались со слов: «Если в этой книге что-то оскорбит мою жену, я вас, суки, прибью» – и доходили до именования пары «вонючими паразитами» и заявления о том, что «я могу выбросить несколько тысяч долларов на то, чтобы пустить вас в расход, но, может быть, сначала испробую легальные способы». Его гнев доходил до женоненавистничества, он подавлял и бросал в дрожь. Викторию и Бритта сделали козлами отпущения за ту ярость и смятение, которые испытывал Курт в жизни, но в 1993 году он уверенно заявил своему биографу Майклу Азерраду: «Я твердо верю в месть».

Послания Кортни были не менее резкими. Через пару месяцев в лос-анджелесском клубе произошел инцидент, после которого пошли слухи, что Кортни ударила Кларк стаканом. Виктория настрочила жалобу в лос-анджелесскую полицию. Кортни на следующий день подала контрзаявление, утверждая, что это была самооборона.

«В итоге я оказалась на полу и вся в пиве, – жаловалась Кларк одному члену съемочной группы фильма о „Nirvana“, – а потом она подняла меня с пола за волосы и попыталась выпихнуть из клуба. Все это было довольно угрожающе».

Я хорошо помню ситуацию в «Мелоди мейкер», когда разгорелся сыр-бор: наш отдел новостей орал на меня, чтобы я позвонил Кортни и получил ее заявление, а во втором ухе у меня возбужденно тараторила по телефону Кортни, покатываясь со смеху по поводу этого инцидента, а я пытался ей объяснить: во-первых, сейчас не время и не место для разговора, а во-вторых, я *никак* не могу примириться с подобным поведением, особенно

учитывая количество поступавших мне угроз.

«Gold Mountain», получив копию части рукописи, пригрозило судебным преследованием, в случае если журналисты когда-либо опубликуют книгу. Один ирландский журнал опубликовал жалобы «Gold Mountain» полностью: не помню остальных 29 или что-то в этом духе, но я четко припоминаю следующее: «Кортни Лав вовсе не считает Эверетта Тру мудаком». Что ж… приятно было убедиться!

– Кортни все время звонила мне, – комментирует Слим Мун. – Она посылала нам с Мэри-Лу факсы. Один факс, как сообщалось, был от Курта, но, скорее всего, его отправила Кортни: «Вы мне никогда не нравились, горите в аду». Прошло время, и она перешла на новую тактику; теперь она говорила: «Курту нужны друзья, которые будут хорошо на него влиять. Ваши друзья отстой, но вы мне нравитесь, так что давайте вместе поужинаем». Мне это показалось неприятным. Если бы приглашение исходило от Курта, я бы пошел, а так не стал.

Той осенью «Nirvana» много где появлялась неожиданно.

Курт выступил вместе с «Sonic Youth» и «Mudhoney» в Валенсии, штат Калифорния, 26 сентября; он спел страдальческую песню Лидбелли «Where Did You Sleep Last Night?» и сыграл на гитаре в кавер-версии «Mudhoney» песни «The Money Roll Right In».

3–4 октября «Nirvana» выступала на разогреве у «Mudhoney». Первый концерт проходил в Западном Вашингтонском университете в Беллингеме, в двух часах езды от Сиэтла.

– Было весело, – говорит Эрни, – потому что это оказалось полнейшим сюрпризом. В конце выступления «Mudhoney» Мэтт Люкин вывел из толпы несколько ребят, в том числе того, который был ранен осколками бас-гитары Криста, и тот решил разбить ее. Я подумал, что это забавно, но Крист смотрел на меня, словно прося, чтобы я не разрешал этого делать, хотя сам и не собирался мешать…

На обоих концертах присутствовал Чарлз Питерсон – последние выступления, на которых он фотографировал группу. «В Беллингеме получилось действительно хорошо, – рассказывал он изданию „Голдмайн“. – На танцполе было полно студентов с фотиками, а один парень с камерой приплясывал вокруг и оказался в итоге прямо рядом с Куртом. Я говорю ему: „Если не хочешь снимать, отойди в сторонку“. А он мне: „У меня остался один кадр, и я жду, когда начнут ломать!“

Но самое смешное, что в тот вечер они как раз не стали ломать инструменты, – добавил Питерсон. – На сцену вышли два

парня, Курт повесил на одного свою гитару, Крист другому передал свой бас, и все стали кричать: „Разбей! Разбей!“ И вот этот парень каким-то образом размахнулся басом Криста и разбил его о сцену. Алекс, менеджер турне, закрыл лицо руками, потому что Крист никогда не разбивал своих инструментов. Это была концовка что надо».

– На том концерте я дал Курту замечательную гитару «Univox», – продолжает Эрни. – Мне не нравилось его настроение, и я решил дать ему такую же гитару, на которой он играл раньше – в шоу «В субботу вечером» в 1993 году и на «In Utero». Очень важный оказался инструмент.

На следующий вечер «Nirvana» снова открывала выступление «Mudhoney», на сей раз в Сиэтле, в кафе «Crocodile». Курт был просто счастлив вновь оказаться в маленьком клубе, и его счастье оказалось заразительно. Во время выступления «Mudhoney» он вышел на сцену и поучаствовал в нескольких панк-роковых композициях. Джиллиан Дж. Гаар, которая в тот же день брала интервью у Кортни для «Рокет», рассказывает:

– Звонит телефон, это Патти [Шемель, бывшая барабанщица сиэтлской группы «Kill Sybil» и новая барабанщица «Hole»]. Она спрашивает, могу ли я встретиться с Кортни и поговорить с ней где-то уже через час. Я еду в «Фор сизонс» [модная пятизвездочная гостиница в центре города, где два месяца жили Куртни], и Кортни спускается ко мне – вовремя. Она берет с собой Фрэнсис. Я задаю Кортни вопрос, она пускается в длинные отвлеченные рассуждения, но потом резко их обрывает и отвечает. Она все время облекала свои ответы в широкие контексты. Но с ней было весело, она травила анекдоты, рассказывала о Голливуде и музыкальной сцене. Казалось, она несколько презирает себя. Я всегда считала, что она лучше своей репутации.

Потом пошли слухи, что менеджеры Кортни запрещали ей давать мне интервью, – тут я впервые поняла, что между Куртом и Кортни и их менеджерами что-то не так.

Я: Как ты думаешь, почему у Кортни такая плохая репутация?

– Ну она ведь не умеет сдерживаться! – смеется Джиллиан. – Она понятия не имеет о самоцензуре. Она не может держать себя в узде, и если она на кого-то зла, то так прямо и начинает на него или на нее орать. Кажется, ей просто наплевать на всех, и из-за этого о ней неправильно думают. Возможно, тут еще дело в том, что вокруг группы всегда ходило много слухов, так что никто не знал, в чем же состоит правда. И когда бы Курт ни оказывался в больнице, это, конечно же, всегда было из-за проблем с желудком.

И разумеется, Кортни просто мечтала развалить «Nirvana» – а

ведь в это время распалась ее собственная группа. Она поставила всё на то, чтобы быть с Куртом, родила Фрэнсис. Так что она и плохая мать, и «Nirvana» развалила…

15 октября «Nirvana» сняла клип для нового британского сингла «In Bloom». Это был уже четвертый трек с «Nevermind», который выходил в Британии как сингл, и даже самым преданным поклонникам «Nirvana» казалось, что Геффен слишком активно доит альбом.

«„Nirvana“ выпустила новый сингл, – писал я в „Мелодии мейкер“, переводя запись в разряд посредственностей – и это тогда же, когда я признал едкую феминистскую песню Критины Келли „Chia Pet“ синглом недели. – Откройте шампанское, поставьте лучшие приборы, накормите кота и не скупитесь на перемены блюд. Ура, ура, ура, так и растак. Извините, если моя радость неубедительна. Этот релиз несколько подорвал мое доверие к группе. Словно чуть живую (священную) корову доить. Совершенно неполноценные живые записи „Polly“ и „Silver“ на обороте ничего не добавляют. Да, я знаю, „In Bloom“ – это отличный обоюдоострый уличный гимн, клип хороший, но… Копите деньги на „Incesticide“, ребятки. Его-то стоит купить».

Клип на «In Bloom» действительно был хорош. Режиссер Кевин Керслейк снял три версии – все на «Кинескопе», пародируя классическое для 60-х телешоу Эдда Салливана. В одном клипе участники группы были в платьях, в другом – в стиле «Beach Boys» – в костюмах и платьях, а в третьем только в костюмах. Представьте себе тупую группу Ричи Каннингема из «Счастливых дней» или «The Monkees» в прайм-тайм для детского телевидения, и ощущения станут ясны: «Nirvana» появляется с короткими волосами и в странных очках перед помешанными на гранже ребятишками, которые смотрят их по телевизору; умная сатира на искусственно созданные, тщательно срежиссированные группы, с которыми они соперничали за внимание MTV, – но я-то знал, на чьей стороне предпочел бы быть.

«Давайте послушаем этих симпатичных, достойных, тщательно выбритых молодых людей, – объявляет конферансье в конце клипа, когда группа вдруг вновь появляется в кадре в женской одежде и начинает крушить оборудование. – Сколько хорошего о них ни говори, все будет мало!»

Я: Почему в новом клипе «In Bloom» ты в платье?

Курт Кобейн: Да сам не знаю. Мне нравится ходить в платье, потому что это удобно. Если бы можно было носить простыню, я бы так и делал. Не знаю, что тут сказать… Заявлять, что мы так поступили из духа ниспровергательства, полная фигня,

потому что на музыкантов-мужчин в платьях никто и внимания-то не обращает. Мы в основном хотели снять этот клип так, чтобы было поменьше шума, чтобы это заняло поменьше времени и стоило меньше денег. Никакой скрытой цели не было. Платья появились только в последнюю минуту. Мы хотели быть как «The Beatles» – нет, как «The Dave Clark Five», я же был в очках, да и мы не стали бы потешаться над «The Beatles». Нет ничего более комфортного, чем симпатичное цветастое платьице.

Я: Как ты относишься к тому, что некоторых ваших поклонников называют «педиками» за любовь к такой якобы женственной хард-рок-группе?

Курт Кобейн: А мне нравится. Мне это доставляет такое же удовольствие, как в школе, когда я одевался панком и мужичье за рулем грузовика орало мне «„Devo“!» Хорошо, когда в школе идет такая здоровая борьба между фанатами «Guns N' Roses» и поклонниками «Nirvana». Это выявляет самых умных ребят и хотя бы ставит вопрос о гомосексуальности. Мне очень льстит, что наших поклонников называют «педиками». Я читал, что кого-то побили за то, что на них были футболки «Nirvana». Мне тоже раньше нравились странные группы, которые считались более опасными, менее принятыми в обществе. Отличный пример тому – «Devo», группа и модная, и гораздо более оригинальная, чем мы.

Я: Ты одобряешь переодевания?

Курт Кобейн: Конечно. Но мужчины должны носить платье не потому, что это признак феминизма, а потому, что в платье удобнее. У меня когда-нибудь импотенция наступит, и все из-за того, что пенис зажимают узкие джинсы, поэтому приходится носить мешковатые трусы или вообще платье.

Я: А что ты думаешь об использовании мужчинами макияжа?

Курт Кобейн: Почему бы нет. Если он наложен густо, кричаще, как у жены евангелиста с телевидения. Я подвожу глаза примерно месяц в год. Пит Тауншенд тоже пользовался подводкой, но продлилось это недолго. Я много знаю о рок-звездах, которые подводят глаза. Это всегда ненадолго. Часто в результате жжет в глазах – жидкость плавится под воздействием яркого света на сцене. Вытатуировать эту подводку, что ли. Переодевание – это прикольно. Жаль, что я не могу лучше объяснить то, почему мы в клипе ходим в платьях. Просто я все время их ношу, дома, например, да где угодно. С таким же успехом я бы мог носить купальный халат или простынку с дырой для головы. Вовсе не потому, что я хочу одеваться именно в женское платье.

«Мелоди мейкер», спецвыпуск по гендерным проблемам, 12 декабря 1992 года

24 октября «Nirvana» вернулась в «Reciprocal» – теперь эта студия, правда, называлась «Word Of Mouth» – для записи демоверсий для нового альбома. У трио было не так много готовых песен и вообще никаких текстов. Сессия прошла неудачно.

– Для демок «In Utero» я приготовил несколько ножных педалей и устройств со странными звуками, – вспоминает Эрни Бейли. – Курт испробовал все двенадцать, и я посоветовал, что гитара будет звучать куда лучше, если не пользоваться всеми примочками сразу, потому что его собственный сигнал заглушался и гитара звучала ужасно, однако он ответил: «А я этого и хочу». Я подумал: «Ну ты совсем уже оборзел со своими идеями, просто задолбал…»

Курт мог быть в этом случае и серьезен. Предполагалось играть на такой частоте, от которой снесет колонки. Помню, Курт говорил мне, что хотел использовать эту частоту в самом начале «In Utero», но потом предпочел звучание, основанное на дорогих системах hi-fi.

– Дэйв был самым громким из всех барабанщиков, каких я только записывал, – комментирует Джек Эндино. – Пока мы сводили демоверсии, пришли копы. Это была единственная жалоба на шум, которая поступила за пять лет существования студии. Она размещается в старом здании с тройными стенками. Оно звуконепроницаемое. Но Дэйв так громко стучал, что жалоба поступила из квартиры за три подъезда от нас. Я вышел пообщаться с полицией. Копы говорят: «Ребята, пора сворачиваться». А я им отвечаю: «Чуваки, вы знаете, кто такие „Nirvana“?»

Продюсер вспоминает:

– Когда позвонили из «Nirvana», они планировали побыстренькому записать несколько песен на старом восьмидорожечном оборудовании. Они назначили время, но потом отменили его, потому что как раз в тот уик-энд на свет появилась Фрэнсис. Они еще пару раз отменяли запись. Наконец группа появилась. Мы установили барабаны и усилители и стали ждать Курта. Он так и не пришел. На следующий день он таки показался, и группа сделала шесть песен – точь-в-точь так, как сейчас на «In Utero». Атмосфера была напряженной. Что-то мрачное витало в воздухе. Само то, что Курт опоздал на двенадцать часов, было не похоже на группу. Люди не общались друг с другом. Курт находился в другой реальности, не в той, что все остальные.

Из разговоров с Куртом того времени я знаю, что он был озабочен тем, что из «Nevermind» пытаются выкачать слишком много, и хотел вернуться к основам.

– Так и есть, – соглашается Джек. – Они хотели снова делать что-то иное, прийти и записаться за один день. Никоим образом я не думал, что записываю следующий альбом «Nirvana». По крайней мере, когда они были у меня, то говорили: «Да, мы, наверное, следующую запись проведем у Стива Альбини». А я сидел и думал: «Да уж, спасибо!»

К моей версии «Nevermind 2» больше всего подходила «Rape Me», потому что только ее мы, собственно, и закончили, – продолжает он. – Неплохая версия. Всё в порядке. Присутствие Фрэнсис при записи было несколько необычно. Кортни пришла с ребенком, и они поднесли ее к микрофону – «Давай запишем голос Фрэнсис и наложим на песню!» Но в итоговом сэмпле ее не было. Тогда девочке была неделя или, возможно, пара недель от роду.

Вокала ни на одной из песен пока не было, кроме «Rape Me», на которой голосу Курта недостает того цинизма, который отличает песню в целом.

– Никто так и не позвонил, чтобы закончить запись, – вздыхает Джек. – Казалось, кто-то уговорил их сделать демо. Группа не выказывала к записи никакого интереса, а Курт вел себя так, будто ему вообще ничего не надо.

Все остальные композиции были инструментальными: черновики песен, которые появятся на третьем альбоме, – беспомощная и трогательная «Dumb», отчаянная атака на металлистов «Pennyroyal Tea»…

– Кортни пришла в конце сессий, как раз когда Курт записывал вокал к «Rape Me», – продолжает Джек. – Песня появилась году где-то в 1990-м или 1991-м, но там не хватало связки, поэтому пришлось придумать еще некоторые слова. Думаю, Кортни помогала Курту со стихами, потому что после встречи с Кортни все тексты Курта изменились.

Я: Стали более понятными?

– Да, вот именно, – кивает продюсер. – На «In Utero» тексты куда как более конкретные. Он в буквальном смысле писал слова в студии и стрелял ими в Кортни – он читал ей фразу, а она отвечала: «Круто, но как же другая строчка, которую ты пел раньше?» Я подумал: «Да, болтушка и молчун подходят друг другу». Кортни, возможно, слабо могла работать с мелодией, но слов у нее хватало. Уверен, что она помогла ему сосредоточиться на текстах. Не думаю, что она что-то написала сама, но подняла планку так высоко, что Курту пришлось серьезно тянуться.

Я: Если Кортни была в студии, менялось ли поведение группы?

– Другие участники старались быстрее уйти, – отвечает

Джек. – Как только бас и барабаны были готовы, все отправлялись домой, и в студии со мной оставались только Курт и Кортни. Но обстановка была нормальной. Только Крист вроде бы неловко себя чувствовал в присутствии Кортни, а с Дэйвом пара ладила хорошо. Помню, как они кому-то названивали с телефона студии и истерически хохотали. Это были телефонные звонки журналистам с угрозами, но в шуточном ключе, звонили Дэйв, Курт и Кортни. Они словно подстрекали друг друга, все трое. Не знаю, насколько всерьез они воспринимали эти телефонные звонки, когда собственно звонили. Однако полагаю, что кое-кто из абонентов воспринял их как нельзя более серьезно.

30 октября «Nirvana» отыграла еще один нестандартный концерт – на этот раз в присутствии одной из самых больших аудиторий за их карьеру: почти 50 000 собралось на стадионе «Velez Sarsfield» в Буэнос-Айресе, Аргентина. Группа не утруждала себя репетициями, настроение у всех было неважным, и когда толпа начала освистывать «Calamity Jane» – просто потому, что группа была чисто женской (по крайней мере, так решили ребята из «Nirvana»), – все окончательно пошло под откос.

«В них бросали камнями и грязью, – рассказывал Курт журналу „Реквест“ в ноябре 1993 года. – В итоге девчонки залились слезами. Просто ужасно – такой внезапный выброс сексизма».

– Это я помню лучше всего, – утверждает Эрни Бейли. – Выглядело так, что женская группа недостойна была выступать на фестивале, где хедлайнеры – «Nirvana». Сама «Nirvana» не стала играть «Teen Spirit». Курт начинал вступление почти ко всем песням – и останавливался. Было очень заметно, что он зол. Но в конце последовал удивительный деструктивный выброс [группа играла «Endless, Nameless»]. Дэйв и Крист организовали классный спонтанный джэм, Курт извлек из инструмента несколько поразительных звуков, и это, наверное, каким-то образом спасло концерт.

Свое сорокаминутное выступление «Nirvana» начала с шумового террора и отыграла большинство песен с «Incesticide» – к раздражению аудитории.

– Забавно, – замечает Эрни, – до того вечера я мало общался с Кортни, и вот кто-то зашел за кулисы и объявил, что «Calamity Jane» на сцене приходится несладко. Кортни наорала на меня: «Почему ты не там, чтобы позаботиться об их оборудовании?» Не помню точно, что я ответил, но парировал довольно резко. Во всей комнате наступила тишина. Никто не мог поверить, что я такое сказал, потому что ее вроде как боялись. Даже Курт сказал

что-то вроде «Е-мое!». На меня смотрели с таким видом, будто я уже уволен. Но Кортни, казалось, пришлось по душе, что я не прогнулся под нее. И потом мы неплохо поладили.

К середине ноября Куртни и их адвокаты наконец-то убедили лос-анджелесский суд вернуть им родительские права на Фрэнсис Бин – так что Джейми покинула сцену. Джеки Фэрри осталась и продолжала дело Джейми, не разрешая Куртни находиться вблизи дочери под мухой, и исправно выполняла все обычные родительские обязанности – меняла пеленки и кормила младенца из бутылочки.

По ее словам, оба родителя не могли нарадоваться на ребенка.

– Курт всегда любил детей, – подтверждает Розмари Кэрролл. – Он рассказывал мне, что больше всего ему нравится учить детей плавать. Моя дочь родилась в 1990 году, и он был всегда с ней очень мил и игрив – и он, разумеется, любил Фрэнсис. Он был счастлив, когда стал отцом.

– Думаю, отцовство было для Курта необходимо, – говорит Дэнни Голдберг. – Он обожал дочь. Он был прекрасным отцом и, думаю, продолжал бы им быть. Это не только помогало ему бороться со своими призраками, но и приносило много радости!

Курт вернулся на «Word Of Mouth» 8–10 ноября – на этот раз чтобы помочь жене записать новый сингл для европейского лейбла «City Slang», поскольку у «Hole» по-прежнему не было басиста. Они записали три песни – «Beautiful Son», «20 Years In The Dakota»[324] и «Old Age».

– На «Beautiful Son» на бас-гитаре на самом деле играл я, – признается Эндино. – Их новая барабанщица, Патти, была очень-очень крутая, прямо Кит Мун в юбке. В тот раз я впервые записывал Кортни в студии; этот раз стал и последним. Со мной она была очень вежлива, но на других участников группы так орала… «Вы мне всю песню засираете!» А потом висела на телефоне рядом с контрольной комнатой, звонила, орала на собеседников и бросала трубку. Очень странно, когнитивный диссонанс какой-то.

Я: Она понимала, что ты можешь сделать ее запись ужасной.

– Да, она же не дура, – смеется Джек. – Я всегда был рад, что она относилась ко мне с уважением, но рядом с ней приятно не было. Как железом по стеклу.

Я: Она сама играла на гитаре на этом сингле?

– Да, немного. В основном работали Эрик и Патти, а Кортни давала указания. На одной из песен она играла на бас-гитаре. Предполагалось, что на бас приедет Курт, но дело близилось к

одиннадцати вечера, и его все не было. Я сказал: «Слушай, мне еще все три песни микшировать, а я начинаю уставать. Дай-ка бас мне. Не хочу торчать тут до пяти утра, чтобы успеть все свести». Когда Курт наконец появился, он только и сказал: «О, ты и на басу сыграл, здорово». [Джек играл на «Beautiful Son», а Кортни на «Dakota».] Ему было пофиг. Он отлично провел время.

Когда приехал Курт, все пошло получше. С ними обоими вместе всегда было проще иметь дело. На Курта рядом с ней было довольно забавно смотреть, потому что она им типа командовала, а он только ухмылялся: «Да пожалуйста». Он тоже играл. Самое странное в «Beautiful Son» – то, что рифф на нем звучит точно как на «Smells Like Teen Spirit». Это заметил Эрик [Эрландсон] и хотел было его исправить, но Кортни сказала: «Нет, так и должно быть». Ничто не указывало на то, что эту песню написал Курт. Уверен, он не имеет к ней отношения.

Я люблю рок-н-ролл.

Когда настроение на нуле, когда силы зла обрушились на тебя, когда мрак окутал всё вокруг и кажется, что выхода нет… эй! Включи стерео и поверни звук до упора вверх. Не важно, что там у тебя, почти всё сгодится… Песня «Buzzcocks» «Something's Gone Wrong Again», или «Dexys Midnight Runners» с их «Plan B», или «The Raincoats» – «In Love», или «The Records» – «Starry Eyes», или «The Ronettes» – «I Wish I Never Saw The Sunshine»… «Trouble In Mind» Нины Симон – да даже песня «Love» «Alone Again Or». Когда мне было чуть за двадцать, я часто ставил отчаянную, насыщенную гитарами версию Хескера Де на песню «The Birds» «Eight Miles High» в свой переносной однокассетник «Дансетт», до отказа поворачивал ручку громкости, тушил свет и нажимал на кнопку «повтор». Или же выбирал песню Отиса Реддинга «I've Been Loving You Too Long». Когда мне прислали запись «Love Buzz» от «Nirvana», я поставил ее в тот же кассетник и многие часы не мог оторваться. Нет ничего постыдного в том, чтобы любить музыку, хотя многие годы после смерти Курта я пытался убедить себя в обратном.

На концертах в 1992 году «Nirvana», если не брать в расчет Редингский фестиваль, выступала не слишком успешно. Думаете, тут-то им и пришел конец? Конечно же нет. Как Курт убеждал меня позже, ему все еще нравится делать музыку с Кристом и Дэйвом. Забудьте обо всех слухах и рассуждениях, да и обо всем, что происходило в их жизни. Всё, что нужно было группе, так это засесть в студию. Так они и сделали – в начале 1993 года у Стива Альбини в Чикаго. Результаты их работы, возможно, не всполошили мир так, как «Nevermind», но группа этого и не

добивалась. Музыканты всего лишь хотели создать отличную музыку, и она появилась на альбоме «In Utero», который стал в итоге эпитафией группы.

Неужели это такое уж преступление: делать музыку, не заботясь о продажах?

Рок-н-ролл не спасет твою смертную душу, но, черт возьми, я иногда думаю, что Нил Янг и Курт Кобейн *действительно* правы: лучше сгореть, чем угаснуть.

Дополнение 1: Кали Де Витт

– Я переехал в Нью-Йорк после первого турне «Hole», – рассказывает Кали. – Я романтизировал наркотики и алкоголь, сколько себя помню, но в Нью-Йорке впервые разошелся не на шутку. Помнится, я думал: «Ух ты, я в другом городе, я могу принимать наркотики каждый день и не чувствовать за собой вины». Менее чем за год я оказался потерянным для общества. Как раз когда я уехал из Лос-Анджелеса, случилась история с «Вэнити фэйр». Я помню рассказы Кортни на этот счет.

Я: Дело в том, что журналистка не поняла юмора Кортни и все так и напечатала.

– Юмор Кортни очень саркастический. Я вырос на шутках такого рода, так что я их сразу понимал, но как-то не удивлялся, когда другим это не удавалось. Острила Кортни так же удачно, как и делала все остальное.

Я: Когда ты жил в Нью-Йорке, ты пересекался с «Nirvana»?

– Нет. Мне было немного стыдно за свое поведение. Но я много общался с Кортни, особенно когда она пришла в ярость по поводу той статьи Линн Хиршберг. Кортни спросила, не мог бы я вернуться и помочь с ребенком. Что мне было в мои восемнадцать, ну почти девятнадцать не очень по душе. Еще и ребенок на шею – а у меня проблемы с наркотиками и все такое…

Я: Выбор тебя в качестве няни показался тебе хорошим решением?

– Я его, по крайней мере, понял, потому что Кортни считала меня близким человеком, которому можно доверять. С Куртом я был знаком хуже, чем с ней, но я ему нравился, а Кортни как раз хотела собрать вокруг себя тех, кто нравился бы и Курту. Так что мне ее просьба не показалась странной. Сейчас я думаю, что они лгали друг другу и даже сами себе. Просто потому что я их друг, что они могут мне доверять, что, как они знают, я не буду бегать в «Инквайрер» каждый раз, когда у них случится какая-то ссора. Они не желали признавать того, что я слишком молод и что я

наркоман.

Я: С наркотиками и алкоголем всегда такая штука: если ты их употребляешь, то отрицаешь их воздействие. Многие годы я говорил: «Выпивка на меня никак не влияет». И что теперь? Я те четыре года и помню-то с трудом, но по-прежнему говорю, что выпивка ни при чем!

– А когда я был младше, всё как-то веселее шло, – замечает Де Витт. – Опасности еще не было – она появилась в Нью-Йорке, так что я уехал оттуда. И проблема для меня решилась. И вновь я предложил: «Почему бы не предоставить ребенка Джеки?» А они ответили: «А почему бы не тебе?» Я сказал: «Вряд ли это хорошая идея». Тогда они еще жили в Лос-Анджелесе.

Я: В том доме с лифтом?

– Да.

Я: Можешь его описать?

– Это старый дом с высокими потолками и видом на Голливуд-хиллз. Было еще подобие мезонина – передняя была очень большая, окна оттуда выходили на Голливудское шоссе и Кэпитол-рекордз. Поднимаешься по лестнице и попадаешь в холл, оттуда в гостиную, а за ней две спальни и две ванные.

Я: А что было в том доме? Какие-нибудь записи, постеры?

– Записи, модные пластинки того времени. Синглы «Vaseline», «Sebadoh» – все на «AmRep». В то время «Nevermind» гремел, и все крутые лейблы, я уверен, высылали им полные каталоги. Типа: «Возьмите наши группы с собой в турне, а?»

Я: А какие постеры?

– Да в основном там были не постеры, а картины самого Курта, – объясняет Кали. – Одна из них представляла собой обложку «Incesticide». У входа была кухня со стальным полом. Наверное, в этом доме Виктория Кларк и схлопотала по лицу. По крайней мере, Кортни так говорила. Я опять же был в некоторых вещах еще наивен и слишком юн, я продолжал пить и колоться. Это еще не стало такой привычкой, как позже, но каждый раз, когда мне что-то предлагали, я не отказывался. В Лос-Анджелесе был такой рок-доктор, его звали доктор Марк, и он выписывал лекарство под названием бупренакс в стеклянных пузырьках. Это был синтетический опиат для лечения героиновой зависимости. Когда я приехал в Лос-Анджелес, они жили там еще не так долго. Я был с лучшим другом, Рене Наваррете, который прошел со мной через все это. Мы приехали не за наркотиками или чем-то другим, а посмотреть на ребенка, потусоваться.

Я: Насколько я помню, они были очень одинокими. Особенно Курт, потому что он только что переехал из места, где прожил всю свою жизнь. За шесть месяцев до того о нем почти никто не

знал, и тут внезапно они с Кортни оказываются самой известной парой в мире, и при этом очень одиноки. Они искали, с кем бы потусоваться.

– Тут была не просто тусовка. Они собирались вскоре переехать из того дома.

Я: Курт ненавидел Лос-Анджелес.

– Да, в Лос-Анджелесе ему не нравилось. Вот почему этот дом им подходил – чтобы в него попасть, нужно было воспользоваться лифтом с обратной стороны горы.

Я: Да и найти дом было сложно.

– Ну вот это и было отличное место, чтобы залечь на дно, – соглашается Кали, – хотя довольно неприглядное. Там мы сделали тот фотоснимок, который оказался потом на компакт-диске «In Utero» [Кали там в платье]. Мы просто баловались с поляроидом.

Я: И сколько тогда было Фрэнсис?

– Четыре, пять, шесть месяцев…

Дополнение 2: Джессика Хоппер

Кто-то в «Хагги Бере» нашел номер моего фан-журнала «Потрахаться и разбежаться» и передал его тебе. Кортни узнала обо мне через тебя, хотя я тоже посылала ей номер. Там была статья о «Hole», довольно позитивного содержания, в самом первом выпуске. Мне было тогда пятнадцать, я жила в Миннеаполисе и только начала работать в музыкальном магазине. Я открыла для себя панк-рок, мне хотелось писать, но мне никто не разрешал, так что я решила основать собственный фан-журнал.

Через несколько недель мне пришла большая посылка с футболкой «Hole» и стикерами. Потом Кортни прислала мне письмо на шестнадцати страницах, которое написала на следующий день после рождения Фрэнсис, несколько одурев от лекарств. Все письмо было о Миннеаполисе, о том, как мне хорошо бы организовать группу вместе с Мишель Леон [ранее – басисткой «Babes In Toy-land»], о том, почему у нее такая странная жизнь, о том, как пределом ее мечтаний в Миннеаполисе всегда было работать в «Северных огнях» [музыкальный магазин]. Она хотела знать, откуда я взялась такая маленькая, да удаленькая, а я с видом знатока Миннеаполиса ругала «Run Westy Run» и «Soul Asylum» [местные слабые рок-группы], всех этих старичков.

Я по касательной внедрилась в круг крутых чуваков. Для

большинства девочек моего возраста я была чужой, слишком резкой, а на мальчиков наводила страх. Я не баловалась наркотиками и сексом, как большинство у нас в школе. Но мне в то же время нравились феминизм, группы Дона Флеминга [«Gumball», «Hole», «Sonic Youth», «B.A.L.L.»[325] и «Riot Grrrl»]. Так совпало, что знакомство с Кортни наложилось на мое открытие рок-звезд, которые записывали синглы «Wordcore» [первой в упомянутой серии вышла Кэтлин Ханна из «Bikini Kill»].

Я получила письмо, и это было супер. Кортни действительно нуждалась во внимании и известности. Никто в городе доброго слова про нее не мог сказать, и я начала идентифицировать себя с ней. Обо мне ходили подобные же мнения. Как бы плохо она себя ни вела, пока жила тут, я-то знала, каким может стать Миннеаполис; это был город для мальчиков, так что я подозревала, что Кортни не просто долбанутая сучка, повернутая на наркотиках, как о ней говорили. Если какую-то женщину так демонизируют, то в этом наверняка присутствует нечто большее, чем злость тех, кого она познакомила с наркотиками.

Письмо ее было забавным, странным и вдохновляющим. Она писала о том, как материнство влияет на нее и на ее жизнь. Очевидно было, что она борется против грубого, омерзительного мира – как раз вышло интервью в «Вэнити фэйр». Кортни жаловалась, что из себя самой превратилась в какой-то символ. Вскоре после письма она решила мне позвонить. Я перезвонила, и мы разговаривали, по-моему, каждый день года полтора.

Они с Куртом платили за печать моего журнала, потому что у меня деньги кончились. Так что они послали мне триста баксов, чтобы я напечатала как можно больше журналов. Еще Кортни послала мне бокс с первым изданием «Pretty On The Inside», чтобы я в «Потрахаться и разбежаться» описала его. Ее фан-журнал был как бы внутри моего: мне также дали фотографию Курта, Марка Лэнигана и Дилана, переодетых в «Babes In Toyland» на Хеллоуин, и я выслала им 50 экземпляров, но даже в фан-журнале публиковать такую фотографию было странно, потому что все сразу захотели узнать, какое отношение я имею к «Nirvana». Я прошла через «Riot Grrrl» и разочаровалась в тамошних людях, как и Кортни – в то время она как раз разругалась с Тоби и Кэтлин, которые писали ей фанатские письма, а за ее спиной – письма Курту[326].

Иногда она рассказывала о том, как сложно быть знаменитой, и рассуждала, как трудно должно быть мне – странной девочке-подростку из Миннеаполиса. Когда играла моя группа, в меня кидали бутылками, мне угрожали. Она рассказывала мне, какие песни пишет Курт и что собирается делать она сама.

Глава двадцать третья
Королевская чета

Лос-Анджелес, 1992 год; мы с фотографом «Мелоди мейкер» Стивеном Свитом час едем на такси до Вэлли в поисках склада, где хранится куча старого кинореквизита, с помощью которого можно было бы экипировать Курта и Кортни дьяволом и ангелом для обложки рождественского номера журнала. День угнетающе жаркий, а на месте оказывается, что все костюмы мерзкие, вонючие и старые, да и парочка все равно не соглашается с нашей идеей. Мы возвращаемся в дом: у Кортни медно-рыжие волосы; когда Стивен фотографирует Фрэнсис Бин, Курт предлагает написать на ее животе «Dier Grrrl». Семья отказывается сфотографироваться вместе – возможно, это спонтанное решение будет стоить Стивену нового дома. Ох уж эти случайности музыкального бизнеса!

Далее идет текст интервью в двух частях с Куртом и Кортни, которое было опубликовано в «Мелоди мейкер» в рождественские каникулы 1992/93 года. Само интервью имело место как раз перед возвращением супругов в Сиэтл.

Часть первая

– Это самое сложное дело в моей жизни, – с неохотой начинает звезда. – Не верится…

Он делает паузу.

– Но все равно мне нравится! – восклицает он. – Я очень собой доволен. Просто обязанностей куда больше, чем я ожидал.

Он снова останавливается.

– Знаете, она умеет пукать так же громко, как я…

– Курт! – вмешивается его жена с оскорбленным видом.

– И рыгает так же громко, – невозмутимо заканчивает он, улыбаясь своей озорной улыбкой.

– Заткнись, – бранит его жена. – Это неженственно.

Я: Но она же ребенок. Детям можно пукать.

– Ну хорошо, – покровительственно говорит мать, смягчившись и гордо глядя на малышку, которая таращится рядом с ней.

Я: После появления ребенка в вашей жизни многое изменилось?

– Определенно, – отвечает Кортни. – Да…

Она умолкает, отвлеченная тем, как ее муж закатывает глаза.

– Хватит! Зачем ты это делаешь? – кричит она.

– А что делаю? – невинно спрашивает он. Фрэнсис тянется к его руке.

– Так себя ведешь при включенном диктофоне.

– Да меня просто задолбали эти вопросы о ребенке, – защищаясь, говорит Курт Кобейн – самая успешная звезда американского панк-рока. – А мне особо нечего сказать. То есть я имею в виду, что да, это клево, это супер, это лучшее, что со мной случилось.

В спальне воцаряется тишина. Мы возвращаемся к телевизору, где идет последняя серия мультика «Рен и Стимпи» – нового предмета культа юных американцев. Появляется няня Фрэнсис Бин Кобейн, чтобы забрать малышку – подвижную, просто головокружительно здоровую, голубоглазую девочку (глаза Курта, нос Кортни) – вниз, чтобы уложить поспать.

Молчание. Кортни прихлебывает тепловатого клубничного чаю. Я делаю глоток водки. Курт просто рыгает.

Всем нам надо соответствовать своему образу.

Курт и Кортни живут в лучшем районе Лос-Анджелеса, окруженном пальмами и прохладными тротуарами, которые затенены листвой и защитными изгородями.

Внутри одна комната отдана под картины Курта – странные, тревожные изображения и коллажи (когда его жена была беременна, он рисовал безголовых младенцев, теперь рисует ангелов и кукол). Кухня большая, старомодная, по всей длине внешней стены зеркало, наверху множество комнат для гостей. Гардероб Кортни забит винтажными «кукольными» платьями. Он больше некоторых квартир, где мне доводилось жить. Ну или почти больше.

Корочки от пиццы и полупустые коробки с пирожками валяются по всей просторной гостиной. Тут есть телескоп, гитары, старые книги о роке, фотографии в рамках, повсюду разбросаны детские вещи – главное место отведено симпатичной розовой кроватке, украшенной лентами. Из стереосистемы в углу доносится Мэвис Стэплз[327]*. Ощущение такое, что здесь нечасто живут, как и в большинстве лос-анджелесских домов. Когда я появляюсь, супруги лежат на двуспальной кровати в главной спальне с Фрэнсис Бин («Фрэнсис! Поздоровайся со своим дядюшкой Эвереттом!» – Кортни). Она: в ночной рубашке. Он: в пижамных штанах, извечном грязном кардигане и футболке. По телевизору три музыканта, одетых в платья, сюрреалистичным образом*

ломают инструменты, что совершенно не сочетается с музыкой. Это новый клип «Nirvana» – «In Bloom». Кортни изучает разноцветную коробку с письмами о «Nirvana» – все их написала Курту одна девочка. Их 30 или 40, они старательно раскрашены, подписаны вручную, прилагается и аудиозапись.

– Смотри, Курт! – Кортни достает особенно зловещего вида экземпляр. – Она написала твое имя на всех этих конвертах… о, а вот ее фотография… ой, да у нее прогрессирующая мышечная атрофия… мы должны ответить. Обязательно! Она из аутсайдеров, прямо как я!

Курт утвердительно хрюкает. Мы с новым интересом рассматриваем послания, втайне радуясь, что у нас такого заболевания нет. Кто-то вносит ее имя в список тех, кому нужно отправить открытки на Рождество. Курт решает было рассказать нам о своих школьных деньках, но потом остывает.

– Просто ты обдолбанный тормоз, – дразнит его Кортни. Хорошо известно, что многие часы в школе Курт провел в компании за косячком.

– Ну давай уже! Вечно я должна говорить, – тормошит Кортни мужа. – Мне уже надоело.

Еще одна пауза. Фрэнсис издает булькающий звук – очевидно, девочке пришла в голову какая-то счастливая мысль. Нет и следа от граффити «Diet Grrrl», которое папаша нарисовал у нее на животе только что. Курт вздыхает.

Курт и Кортни (или Куртни, как называют пару) до того дали только два совместных интервью – и оба американским изданиям. Они решили побеседовать с «Мелоди мейкер», чтобы прояснить некоторые вопросы, которые возникли к Кортни после выхода сентябрьского номера «Вэнити фэйр», гламурного журнала мод.

Итак, будем двигаться постепенно.

Кортни что-то бурчит с кровати, где она сидит. Я: Что, прости?

– Ты был неправ, – говорит она. – Мне следовало быть более закрытой и скромной.

– Чего-чего?

– Помнишь, я тебе задавала такой вопрос пару лет назад, – поясняет она. – В баре. В Лос-Анджелесе.

Она имеет в виду наше знакомство в прошлом году, когда она спросила меня, как ей следует вести себя с прессой.

– Я вот раньше был очень громкий и противный, – встревает Курт. – А потом перестал общаться с людьми.

Я: Почему?

Солист ерзает, развалившись на матрасе. Кортни встает,

чтобы выключить телевизор.

– Потому что мне надоело притворяться кем-то другим, чтобы ладить с людьми, да даже чтобы сохранить дружбу, – отвечает он. – Я устал от фланелевых рубашек и жевания табака и стал монахом в своей келье на многие годы. И я уже забыл, что такое общение.

Я: А разве ты не пил?

– Да, пил, – соглашается он. – А когда выпивал лишнего, становился несносен. В последние пару лет в школе у меня не было друзей, я не пил, не принимал наркотиков, а просто сидел в своей комнате и играл на гитаре.

Я: А когда ты основал «Nirvana», то начал пить и общаться с людьми и вернулся к тому, с чем завязал за несколько лет до того.

– Не совсем, – отвечает Курт, напрягшись. – У меня по-прежнему те же лучшие друзья, что и несколько лет назад. А мой уровень социальной активност просто минимален – притом всю мою жизнь, так что даже на пьяных вечеринках я был не особо общительнее, чем когда снова стал сходиться с людьми в Сиэтле.

Он умолкает, тщательно подбирая слова.

– Наверное, жизнь в Лос-Анджелесе сделала меня затворником, – говорит он, – потому что мне совершенно не нравится город. По-моему, тут совершенно нечего делать. Бессмысленно ходить на тусовки и пытаться завести друзей, потому что у меня нет татуировок и мне не нравится дэс.

– Вот Аксель хочет стать твоим другом, – напоминает ему Кортни, снова садясь. – Аксель считает, что если бы не я, то вы на каждом концерте за сценой трахали бы умирающих от ненависти к себе девчонок.

– Ага, именно об этом я всю жизнь и мечтал, – с сарказмом отвечает Курт. – Переехать в Лос-Анджелес, гонять с Акселем на мотоциклах – и тут явилась ты и все испортила.

– Аксель так считает, – объясняет Кортни. – Слышал, как на одном концерте он со сцены сказал что-то вроде «„Nirvana“ слишком хороша, чтобы снизойти до нас. Курт предпочитает сидеть дома со своей уродливой сучкой…»?

Я: Ну это же правда. Если не считать слова «уродливая», конечно. Курту больше нравится сидеть с тобой дома, купать Фрэнсис Бин, шляться по квартире в твоей ночнушке, чем связываться с Акселем и его ребятами. С чего бы ему реагировать иначе? Удивительно, что порой одни знаменитости хотят общаться с другими, и только потому, что это знаменитости.

Кстати, Кортни, а тебе нравится здесь, в Голливуде, или уже надоела эта гонка? Насколько я знаю, эта гонка для тебя продолжается уже очень долго.

– Я всегда хотела обосноваться здесь, – мурлыкает она. – Дженнифер [из «L7»] живет здесь, а она очень хорошая подруга. Когда я звонила ей и говорила: «Мне в этом городишке не нравится!» – она отвечала: «О, так приезжай в Лос-Анджелес! Он такой большой, что тебя запросто засосет. Люди тут такие»…

Она замолкает в попытке подобрать нужные слова.

– Мы думали, что тут несложно будет жить, потому что здесь привыкли к славе, – наконец говорит она. – Но оказалось, что дело обстоит не совсем так. На тебя не глазеют, но знают, кто ты есть, и стоит тебе выйти из магазина, как в тут же секунду они начинают названивать друзьям и подругам…

– Слава здесь значит больше, чем действительность, – соглашается ее муж.

– Так тут-то все и начиналось, – добавляет Кортни, – еще до того как меня признали тяжким крестом мужа, до того как я утвердилась на нынешней позиции. Но пока мы не начали выходить в свет, я и не подозревала, каковы люди в Лос-Анджелесе.

Я: Ты тоже считаешь, что Кортни – твой крест, Курт?

– Кортни или ее репутация? – спрашивает он. – Меня достало просто кретинское непонимание наших отношений. Всем кажется, что мы не можем просто любить друг друга, потому что мы герои какого-то мультика, потому что мы общественная собственность. Поэтому считается, что наши чувства друг к другу искусственны.

Я: Курт, тебе уже, наверное, надоело, что тебя воспринимают как глупого мужа с цыплячьими мозгами, потому что именно это подразумевается образом дьявольской и порочной натуры Кортни Лав.

– Да, по этому поводу уже было довольно много статей, – бурчит он. – Не знаю, что со мной случается, когда я даю интервью, потому что обычно я просто закрываюсь. Очень трудно объяснить. Просто я не люблю откровенничать. Я не хочу, чтобы все знали, что я думаю и чувствую, а если они по моей музыке не могут хоть как-то понять, что я за человек, то тем хуже для них.

Не понимаю, откуда взялось убеждение, что я дурак, – продолжает он. – Я знаю, что моя музыка отчасти умна. Я знаю, что требуется талант, чтобы ее написать, это же не просто стена шума. Есть некая формула для ее создания, и я над этим упорно работаю.

Я такой человек, что если кто-то считает меня дураком, то я и веду себя перед этими людьми как дурак. Я никогда не чувствовал необходимости что-то доказывать. Если кто-то уже составил обо мне свое неверное мнение, то ради бога, пусть в нем утвердятся. Я буду рад укрепить их в их заблуждении.

Джеки, няня Фрэнсис Бин, кричит снизу, что Курта просят к телефону. Курт отвечает ей, что он перезвонит, кто бы это ни был. Я вновь отхлебываю водки и продолжаю:

– Вот вопрос, который уже довольно долго меня беспокоит. Насколько революционна «Nirvana». Ведь Кортни по ряду причин, не последние из которых – ее феминизм и желание утереть нос истеблишменту, – именно такова.

А вот «Nirvana»?

– Нет, – резко отвечает Курт. – Нельзя быть революционерами в коммерческом мире, потому что тебя распнут. Мы пытались – и нас это почти что разрушило.

– С нами случилось столько всего такого… – поддерживает Кортни, но на секунду замолкает.

– Вот когда родилась Фрэнсис, – продолжает она, – ко мне в палату вошел социальный работник, размахивая фотографией из «Вэнити фэйр» и пытаясь забрать ребенка. Нам пришлось подтянуть в гостиницу юристов, просто дурдом, сраный дурдом. Мои подруги-роженицы были в ужасе – и все из-за того, что один человек солгал! Да, я невыносима, потому что я…

Она задыхается от гнева.

– Удивительно, сколько вреда может нанести всего одна статья, – рычит Курт. – Кортни была обрисована в дурном свете, как «плохая девчонка» американского рока – паразитка, мать, которая принимала наркотики, будучи беременной, «Йоко», которая пыталась развалить «Nirvana», предательница дружбы со своей «лучшей подругой» Кэт Бьелланд, обманщица, наркоманка. Очень удобно «позабыли» тот факт, что она была – и предположительно еще будет – уважаемой певицей с собственным стилем, особенно если все получится с новым синглом («Beautiful Son»).

Статья в «Вэнити фэйр» подробно и резко останавливалась на заявлении Кортни о том, что Мадонна – это вампир, что она готова выхватить у Кортни всё, чего та хотела.

«Кто такая, – якобы говорила Мадонна, – эта Кортни Лав?»

А ей следовало бы знать. Ведь именно Мадонна просила своего менеджера устроить контракт группы Кортни с ее лейблом. Именно Мадонна сама звонила Кортни, чтобы договориться о встрече. Хотите знать, почему я так уверен? Я разговаривал с Кортни сразу же после того звонка, а никто не будет так нагло врать.

– Лучше бы я никогда не попадалась ей на глаза, – плачется Кортни. – Разве не заслуга перед панк-роком в том, что я ее кинула?

– Кортни пришлось в два раза хуже, – поясняет Курт, – потому что у нее даже не было такого шанса самореализоваться,

как у меня. Одно дело мои мятежные настроения – я могу себе это позволить. Думаю, мне сойдет с рук, даже если я в телевизоре порву фотографию Папы; шума такого не будет, как если бы это сделал кто-то из мейнстрима вроде Шинейд [О'Коннор] – или Кортни, у которой нет оправдания в виде кучи проданных альбомов…

Ребенок плачет. Кортни возбужденно перебивает мужа.

– Как могло так получиться, – спрашивает она, вероятно действительно озадаченная, – что всего за три месяца меня стали воспринимать не как певицу, записавшую альбом года на «Village Voice», а как Нэнси Спанген?

Если бы в мои мозги верили, никто бы и подумать не мог, что я – это Нэнси Спанген, потому что Нэнси Спанген была совсем не интеллектуалка, – заявляет Кортни. – Просто я решила разговаривать с миром на языке этого мира – я сказала: «Хорошо, я пойду на этот эксперимент». Большую часть жизни я была простенькой и непривлекательной. Поэтому я решила сбросить несколько килограммов, начала краситься и стала ждать, что из этого выйдет, – стала более опасной, более мятежной.

– Это гораздо проще, черт возьми, – говорит ее муж.

– Да, для меня так и было, – соглашается она, – но в то же время вот что из этого вышло: мы поженились, а все эти люди хотят высосать мои жизненные силы, они хотят отобрать у меня то, что значит для меня больше всего после семьи. А теперь хотят еще и расправиться с семьей.

Когда мы с Куртом поженились, мы были ровня – его группа была всегда впереди, но они и начали раньше, – и тут «Nirvana» вдруг становится очень успешной, и мы больше не наравне. Им свободно торгуют по всей Америке, а я не имею на это особого влияния. Просто видеть забавно.

Она умолкает.

Часть вторая

– Единственное, что меня тут порадовало, – говорит Кортни, прикуривая, – что меня удивило и отчего я многое поняла, так это та психологическая поддержка, которую я получила от стольких девушек и женщин…

Она замолкает. Я не очень понимаю, что она хочет сказать.

– Я имею в виду, что это просто очевидно, если ты не совсем уж даун, – продолжает она. – Вот я с невинным видом могу сказать: «О, ему нужно было жениться на модели, но он выбрал меня».

Это уже более знакомо. Подобную линию Кортни обычно выбирает по отношению к людям, которые считают, что Курт напрасно на ней женился. Она хочет этим сказать что-то вроде этого: ну а на ком ему было жениться? На модели? Смысл в том, что Курт совершенно не такой.

– Я высказала «Вэнити фэйр» порядка шестидесяти саркастических идей, – продолжает она, – и их опубликовали в первозданном виде, потому что они тупые. Вообще вся идея статьи примерно такова: «Давайте теперь удостоим вниманием и этих сраных мелких панков и намекнем, как плохо в их мире быть успешным. Разве не мило?»

Я: Курт, но ведь ты-то никогда не говорил, что успех – это плохо?

– Смотря какой успех, – вздыхает он. – Успех вообще? Финансовое преуспеяние? Популярность как рок-группы? Большинство считает, что успех – это большая популярность в коммерческом мире, это продавать кучу альбомов и зарабатывать мешки денег. Быть всегда на виду.

А я считаю, что добился успеха, потому что не шел в своей музыке на компромиссы, – продолжает он, – но это разговор с художественной точки зрения. Ясное дело, что все остальное, что связано с успехом, меня просто бесит – господи, да мне в половине случаев хочется себя убить!

Я: А люди этого до сих пор не понимают. Мои знакомые жалуются на «Nirvana», потому что: а) Курт Кобейн постоянно ноет; б) «Nirvana» стала коммерческой группой, даже оставаясь собой.

– О неблагодарный ублюдок, отстань от него! – смеется Кортни.

– Вот чего я точно терпеть не могу в успехе, так это когда мне говорят: «Да надо просто привыкнуть и получать удовольствие», – объясняет Курт, перебивая жену. – Уже не знаю, сколько раз мне пришлось это говорить. Я никогда не ставил успех во главу угла.

Но деньги, полагаю, действительно приносят мне радость, – смягчается он. – По крайней мере, они дают ощущение безопасности. Я знаю, что моя дочь не будет голодать, когда вырастет. Это действительно приятное чувство, это прекрасно, но, знаешь…

Я: Но с Фрэнсис будут хорошо обходиться только в ее присутствии: могут одновременно целовать ее в задницу и пинать в спину.

– Да, но она будет об этом знать, потому что она ведь наша дочь, и с детского сада мы воспитаем ее циничной, – отвечает

Кортни, с нежностью глядя на пустую кроватку. – Она уже циник.

– Я вовсе не хочу все время ныть, – продолжает Курт. – Просто очень много есть всего, что я не могу подробно объяснить.

– Я могу, – встревает Кортни.

– Но никто не понимает, что происходит, – жалуется ее муж. – И от этой отвратительной политики, с которой связаны успешные коммерческие рок-группы, еще хуже. Неизвестно, как с этим бороться.

– Да пофигу, – почти кричит Кортни. – Все твои беды от того, что ты добился успеха, и он превратил тебя в жертву – а я до сих пор еще ничего сама себе не доказала.

Помню, как в прошлом году Кэт приезжала в Чикаго, мы пошли в бар, и там играл «Nevermind» – как раз тогда он становился жутко популярен. Мы сидели там, пили, пили и в конце концов чуть не спятили. Потому что поняли, что ни одной девушке такое не под силу. Я хочу сделать золотую запись и пока что этого не добилась.

Я: Тут я с тобой не согласен, Кортни. «Nevermind» – действительно великий альбом. Но таким же был и «Teenage Whore». «Nevermind» записала компания пацанов. Почему бы его не могла записать компания девчонок?

– Ни одной девушке из андеграунда не удалось бы, – спорит она. – Просто по факту. Так и есть.

Я: Но «Hole» – замечательная группа, особенно вживую. Мало солистов смотрятся на сцене так мощно и притягательно, как ты. Я имею в виду это.

– Да, но, Эверетт, мало кто об этом помнит, – вздыхает Кортни.

Я: Я так понимаю, что ты судишь себя по своему мужу, а это просто смешно. Ты пишешь не такие песни, как Курт, – да и зачем бы тебе это? Вы же разные люди. Если коммерческий рынок отказывается принимать твою музыку, в этом виноват рынок, а не твоя музыка.

И еще кое-что: из-за брака и беременности твоя карьера в прошлом году затормозилась. Ты написала не так много новых песен, не выпустила альбом, не выступала с концертами. А это значит, что те, кто знает тебя только по Курту, не могут судить о тебе иначе, как по твоему собственному публичному образу «плохой девчонки».

То есть тебе нужно выступать, если ты хочешь вернуть то уважение к своей музыке, которым когда-то пользовалась. И никакие препятствия здесь ничего не значат.

– То, что я сужу себя по Курту, значит также, что я принимаю всю эту этику мужского рока, – объясняет Кортни. –

Знаешь, Ким Гордон – да и все женщины, которых я уважаю, – говорила мне, что этот брак обернется для меня несчастьем. Мне говорили, что я важнее Курта, что я лучше пишу тексты, что я более культурно значима, и все они в точности предсказывали, что будет.

А я говорила: «Нет, такого точно не случится», – с горечью вспоминает она. – «Все знают, что у меня есть группа, все знают, что это за группа, и мой брак не заслонит мою группу».

Она умолкает, а потом взрывается.

– Но мой брак не только оказался важнее, чем моя долбаная группа; он еще и был поставлен под угрозу, – плачет она. – Если бы не это совместное интервью, ни один рок-журналист мужского пола не осмелился бы спросить Курта, любит ли он свою жену: «Ты любишь свою жену? Вы трахаетесь? Кто сверху?» Тебя я не имею в виду, Эверетт.

Курта не стали бы просить объяснить наши отношения, потому что он мужчина, а мужчины – это мужчины, они не несут ответственности ни за какие свои решения.

Она трясется от возмущения.

– Мужчины – это мужчины! – восклицает она. – Они занимаются мужскими делами. И если у них плохой вкус на женщин… что ж! И вот Аксель, и Джулиан Коуп, и Мадонна решили, что я – это признак плохого вкуса, и это проклятие моей жизни и полное дерьмо. Что тут сказать?

Я раньше никогда не испытывала сексизм на себе, – возбужденно говорит она. – Никогда это не проявлялось по отношению к моей группе – до этого года, а сейчас я поняла, каково это. Все считают, что Курт важнее меня, потому что его записи лучше расходятся. Да пошли вы! Сосите все!

И теперь считают, что я приношу вред ребенку! – восклицает она с мучением, готовая к новой оратории. – Мы – два последних человека во вселенной, которые тронули бы пальцем ребенка или любого безобидного человека! Я никогда не обижала тех, кто этого не заслуживал. Всегда только порочных людей – или более порочных, чем я.

Молчание.

– Вот, – мягко говорит она. – Я закончила.

Издалека доносится детский плач.

– Я ни о чем таком не думал, когда записывался, – взволнованно говорит Курт. – Хотя, с другой стороны, я же не возразил, когда альбом получился более гладким и коммерческим, чем я хотел. Не знаю почему – наверное, просто смертельно надоело слушать одни и те же песни. Мы пересводили их три раза,

звонили профессионалу [Энди Уоллесу], чтобы этим занялся он, и к тому времени я уже так устал слушать одно и то же, что сказал: «Ладно, делайте что хотите».

– Говоришь, ни о чем таком не думал, потому что ты больший панк, чем я? – спрашивает его возмущенная Кортни.

– Нет, я ничего такого не говорю, – обрывает ее Курт. – Честно говоря, я вот как раз размышляю, что, возможно, я тогда подсознательно желал успеха, потому что…

– Ну неужели такой грех признаться, что ты хотел попасть в «Биллборд»? – спрашивает она. – Что ты знал, что станешь популярным, рок-звездой?

– Я знал, что мы станем популярными, но не думал, что до такой степени, – говорит он. – Я уже устал это говорить. Я устал говорить: «Ой, я думал, что мы будем на уровне „Sonic Youth“» – и всякий прочий отстой. Это с какого-то момента жутко надоедает.

– Но разве не проявилась другая часть тебя в «Aero Zeppelin»? – начинает Кортни.

– Точно! – восклицает муж. – Так и есть. И раз уж я решил, что запись будет сводиться коммерчески, чтобы любая песня оттуда могла попасть на радио, то, наверное, думал, что будет забавно, просто смешно посмотреть, куда мы можем продвинуться и насколько популярными стать.

– Вот я также оправдывалась до брака, – пожимает плечами Кортни, – что будет забавно и типа смешно, а теперь не думаю, что так и получилось. Хотя желание по-прежнему остается. И я не стала для «Nirvana» Йоко Оно – это я потеряла двух участников группы, а не Курт.

– Ну не по этой же причине, – парирует Курт в раздражении.

– Не по этой, – соглашается Кортни. – Но это моя группа осталась без двух человек. Отсюда можно сделать любые выводы и сказать, что это ты разрушаешь мою жизнь. Где же теория, что это ты у нас в семье главный? Никто почему-то так не считает. Тебя не приносят в жертву все эти мачисты.

– Я бы лучше оказался в твоей шкуре, чем допустил бы, что меня считают каким-то придурком, – жалуется Курт, – марионеткой на веревочке, которой манипулируют двадцать четыре часа в сутки. Ты теряла участников группы вовсе не из-за брака со мной, и вообще я тут ни при чем…

– Да я этого и не говорю…

– От меня ушло больше барабанщиков, чем от тебя, – указывает Курт.

Кортни замолкает, а затем начинает разговаривать на другую тему.

– Всем не угодишь, – заявляет она. – Меня не беспокоит критика. Мне наплевать, если обо мне появляется плохая статья. Наплевать, если говорят, что я агрессивная сука, потому что я и есть агрессивная сука. Или пишут, что я ведьма, или Пол Лестер [редактор «Мелоди мейкер»] утверждает, что я уродина, а вот Дебби Гибсон [звезда американских чартов мелкого пошиба] – красавица. Я думаю, что это просто охренительно смешно. Это просто безумная ложь. Понимаете?

Кортни опять начинает сердиться.

– Это моя жизнь, – отчеканивает она. – Социальный работник приходит ко мне в больницу и пытается отобрать у меня мою девочку. Сотни тысяч долларов ушло на юристов… И так далее. Знаю, звучит жутко…

Она умолкает, переводя дух.

– В «Вэнити фэйр» мне приписали кучу всего, я якобы сказала что-то такое о Мадонне, а ведь ничего подобного не было, – продолжает она. – Всё перевернули с ног на голову.

Я не принимала героин во время беременности. Даже если и так, да хоть бы я еще вдобавок каждую ночь нюхала кокаин, а днем закидывалась кислотой, это мое личное дело, вашу же мать! Если я аморальна, то это я аморальна. И не ваше собачье дело, аморальна я или нет.

Она снова останавливается, чтобы разобраться в потоке слов.

– Фотограф из «Вэнити фэйр» заснял, как я курю. Это был мой день рождения. Я выкурила где-то четыре сигареты за шесть часов. На одной из фотографий я с сигаретой. И потом в журналах эту фотосессию посчитали настолько важной, что этот засранец потребовал от меня за нее пятьдесят тысяч долларов. Это шантаж, чистейший и обыкновеннейший шантаж. И если я не выкуплю фотографии, у меня заберут ее [Фрэнсис Бин].

В некоторых американских штатах этих фотографий хватило бы для доказательств того, что Кортни «не подходит для роли матери», после чего государство имело бы право забрать ребенка на свое попечение.

– На меня завели дело, основанное только на «Вэнити фэйр» – и ни на чем больше. Никаких других доказательств, что я не могу быть хорошей матерью, черт возьми! – продолжает она. – Да, я курила во время беременности. Да пошли вы! Все курят во время беременности – и всем насрать! Просто я вышла замуж за Курта, а он такой молодой, клевый и милый.

И я уверена, что о ребенке никто не беспокоится, – добавляет она. – И если вы хотите меня спросить про мои проблемы с наркотиками, спросите у моей крупной, толстой умненькой

десятифунтовой дочурки, она ответит на любые ваши вопросы.

– Однако я бы хотел вернуться к проблеме «Курт сожалеет о своем успехе», – говорит Курт, прерывая женин поток инвектив. – Сколько вопросов в каждой статье посвящено моему отношению к успеху? Многие так этим поглощены, что мне больше ни о чем и говорить-то не дают. Одно и то же в каждом интервью по десять раз в разных вариациях.

– Смешной ты мальчуган! – передразнивает Кортни его мучителей. – Ты так не приспособлен к успеху! Ангелочек наш! Золушка!

– Отлично, просто отлично, – саркастически говорит он. – Меня все это реально затрахало.

– Почему бы нам не поменяться? – говорит Кортни, и интервью возвращается в исходную точку. – Я буду скромной и молчаливой, а ты – громким и несносным.

Я: Ты так станешь Акселем Роузом.

– Нет, я тогда стану его сучкой, – поправляет она меня. – Трахни меня, Курт, трахни меня, Джулиан, трахни меня, техник Джулиана по барабанам, дайте мне почувствовать свою значимость! Это смешно. А еще всего за пятьдесят тысяч надо купить фотографию глубоко беременной женщины с венком в волосах и сигаретой в зубах, символ плодородия с сигаретой. Как будто я сделала ее специально, словно бы для провокации!

Она опять в ярости.

– После статьи в «Вэнити фэйр» кто-то позвонил моему менеджеру и спросил: «Что Кортни себе думает – что она крутая штучка из семидесятых?» – как будто я специально раздувала эти табачно-наркотические сенсации!

Спросите Курта, – продолжает она. – Я не хотела говорить с «Вэнити фэйр», потому что знала, что разговор будет крутиться вокруг Мадонны и нашего с Куртом брака. Они ведь не интересуются рокерами – у меня разошлось всего шестьдесят тысяч альбомов, что им от меня может быть нужно? Но я все равно согласилась, потому что мне надоело, как бабы из шоу-бизнеса сплетничают про меня и рассказывают всякие гадости.

Я думала, что если я появлюсь в «Вэнити фэйр», то они наконец заткнут свои поганые рты и оставят меня в покое, – восклицает она. – Но это была ошибка, не следовало мне этого делать. Мне бы надо было лучше знать мейнстримовую прессу и то, как там работают.

А вся эта конкуренция с Кэт [Бьелланд] – просто провокация… Я обиделась на что-то на Кэт, и меня спровоцировали на вынесение сора из избы.

Согласно «Вэнити фэйр», Кэт и Кортни ввязались в жаркий спор о том, кто первой стал носить наряд шлюшки-куколки, которым обе прославились. Кэт якобы сказала: «Прошлой ночью мне снилось, что я ее убила. Я была невероятно счастлива».

– А потом она заставила Кэт говорить гадости обо мне, пересказав ей мои слова, – продолжает Кортни. – Если ты заметил, то Кэт в прессе никогда обо мне не говорила ничего плохого – и, разумеется, я тоже не собиралась этого делать. Да, мы больше не лучшие подруги, но мы вовсе друг друга не ненавидим. Смешно просто: как можно выбирать между нами? Мы просто разные. Мы по-разному пишем.

Но в этом и состоит дух соперничества, – добавляет она. – Вот почему он так прижился в фокскоре и «Riot Grrrl». Это как рэп. В пространстве есть место только для одного из вас.

Пленка кончается. Кортни решает, что сказала уже достаточно. Курт кивает в знак согласия. Пора еще раз пересмотреть новый клип «Nirvana» и решить, куда пойти вечером. Ирландская рок-группа «Therapy» выступает в «Whiskey-A-Go-Go».

Кортни решает составить мне компанию – в первый раз после родов она собирается выйти в люди в Лос-Анджелесе.

Курт предпочитает остаться дома и заняться ребенком.

Глава двадцать четвертая
Зародыши и морские коньки

– Курт – вампир, – утверждает Дженнифер Финч. Я: Он – кто?

– Я думаю, что Курт был отличным мелодистом, – поясняет бывшая басистка «L7», – но ему явно не хватало настоящего жизненного опыта, способности именно что рассказать историю и связать ее с тем, над чем он думал. А Кортни тут мастерица. Она отлично пишет песни и стихи к ним. С какого-то момента их союз был выгоден им обоим. Думаю, что многие считают, будто с Куртом она выросла как личность или как исполнительница. Я бы с этим поспорила. А ты как думаешь?

– Интересно, – комментирует фотограф из Сиэтла Чарлз Питерсон, – потому что, хотя у Курта много страсти, для большинства в его текстах нет смысла. Помню, как советовал Джонатану из «Sub Pop» опубликовать тексты к «Bleach», потому что все равно никто не поймет, что там Курт имеет в виду. А он ответил: «Нет. Ведь эти тексты полная чушь, так что как бы не вышло хуже».

Я: У меня есть сборник песен «Nirvana» для фортепиано, и там…

– «I'm a mosquito / My libido» («Я комар / Мое либидо»), – смеется Дженнифер. – Я понимаю, о чем ты.

– Кортни прирожденная рассказчица, – соглашается Чарлз. – Она переносит тебя в свой мир и создает целую галерею образов, в которой какие-то можно расшифровать, а какие-то нет. Как, например, «The lamp is blue» («Лампа голубая»).

Он останавливается:

– Думаешь, дело здесь в том, что Курт и в личной жизни не мог выразить свои мысли?

– Порой Курт бывал очень общителен, – отвечает Дженнифер, – а иногда не мог ни с кем контактировать даже по самым неотложным поводам. В нем было очень много хаоса, неопределенных эмоций. А Кортни всегда относилась к делу так: «Хочу, чтобы так случилось. Это нужно для моего спокойствия».

Я: Как бы ты описала Кортни? Представь себе, что я никогда ее не встречал.

– Одним предложением тут не справишься, – говорит она. – Но я по-прежнему думаю, что ей не стоило встречаться с Куртом.

15 декабря на «DGC» вышел «Incesticide» – сборник записей с Би-би-си, демоверсий и не выходивших еще песен. Лейбл

надеялся выпустить новый альбом, но Курт даже и не начинал писать тексты к последним песням. К тому же «Nirvana» хотела разобраться, кто из их слушателей являются «настоящими фанатами», и проверить их лояльность, выпустив материал, который не так легко доступен для восприятия, как «Nevermind». Фанаты не подкачали. Несмотря на почти полное отсутствие рекламы, за два месяца разошлось 500 тысяч экземпляров, а всего в мире – 3,2 миллиона. Но, как и можно было ожидать, качество песен оказалось очень разным.

В оригинальном пресс-релизе об «Aero Zeppelin»[328] Курт писал: «Мы просто решили ввести в случайном порядке несколько тяжелых риффов и дать песне ловкое название в честь наших любимых мастурбационных групп 70-х». Песня действительно имеет тяжелое звучание, несколько устаревшее – возврат к тем временам, когда Курт и Крист находились под влиянием своих современников, особенно из «Soundgarden». То же можно сказать и о «Mexican Seafood» и «Hairspray Queen», обе они родились из демо-версий Дэйла, но в данном случае главная точка соприкосновения – это «Scratch Acid».

– У меня от них рези в желудке начались, потому что не было шанса их перевести, – рассказывает Джек Эндино об этих песнях[329]. – Они буквально взяли пленку с первого дня сессии, когда мы записали за час десять песен, и сделали из нее «Incesticide». Мне не дали возможности ничего почистить.

Гораздо лучше те треки, что взяты с британских синглов, – например, «Sliver»[330] и «Dive»: первый исходит яростью, второй представляет собой одну из самых прекрасных песен, которые «Nirvana» когда-либо записала, – наивная образность, сохранившаяся с Олимпии, рокочущая партия баса. «Stain» – безжалостный образчик смятения и отчуждения, достойный ранней лирики «Ramones». Следующие песни можно было бы без особого вреда выкинуть: «Turnaround» мало отличается от оригинала «Devo», также я всегда предпочитал исходную версию «The Vaselines» песен «Molly's Lips» и «Son Of A Gun» нирвановским трибьютам, записанным сразу после выхода самих песен. Ускоренная, почти рекламная «(New Wave) Polly», взятая с сессий с Марком Гудьиром, бледнеет по сравнению с версией на «Nevermind». Это был студийный эксперимент, который при свете дня, должно быть, не стали бы повторять. «Beeswax» и «Downer» хороши, но зачем они здесь опять? «Big Long Now» не попала на «Bleach» – и понятно почему. Это унылая жвачка под «Melvins».

Очень вероятно, что лучшая песня здесь – это последняя, «Aneurysm», также с сессии с Марком Гудьиром, – страстное, маниакальное начало сменяется тяжелыми барабанами, и Курт

выплакивает свои чувства к Тоби Вэйл. Не обязательно разбирать слова, чтобы понять страсть. Голос Курта воспринимается на фундаментальном, внутреннем уровне.

На обложке красовался шедевр Курта: тревожная картина со скелетом и искаженной фигурой какого-то создания, похожего на ребенка, с закрытым маской лицом – при этом более крупный призрак сжимает пару красных маков. Тон картины мрачный, намекающий на предательство – семейное (вспомните «шуточное» заглавие альбома) и общее. Драгоценная искра чувства в море холода и отстраненности.

На задней стороне обложки, кстати, изображена желтая резиновая утка крупным планом.

В буклете к диску Курт вспоминает, как когда-то отправился в музыкальный магазин «Раф-трейд» в Западном Лондоне в поисках первого альбома «Raincoats». В продаже его не оказалось, но продавщица знала бывшую скрипачку «The Raincoats» Ану да Силва – и рассказала Курту, что Ана работает неподалеку в антикварном магазине. Она объяснила, куда идти, и он отправился на поиски.

«И вот через некоторое время, – писал он, – я дошел до этого волшебного магазина, в котором оказалось еще кое-что из того, что я жадно искал многие годы, – старые, раздолбанные, похожие на марионеток деревянные резные куклы. Я только мечтал о том, что найду магазин с таким ассортиментом. Мою кредитку не принимали; впрочем, куклы все равно были слишком дорогие. Но там была Ана, и я вежливо представился, покраснев как рак, и объяснил причину вторжения. Помню, как ее босс чуть не прожег меня взглядом насквозь. Она сказала: „Ну, может, у меня несколько дисков и валяется, так что если я что-то найду, то пришлю тебе“ (очень вежливо, очень по-английски). Я ушел, чувствуя себя дураком, как будто я вторгся в ее личное пространство и опозорил всю свою группу».

Спустя несколько недель Курту пришла по почте виниловая пластинка альбома «The Raincoats» с отксерокопированными текстами, фотографиями и подписями. «Я был очень рад, – писал он, – куда больше, чем когда играл каждый вечер перед тысячами слушателей, когда меня воспринимали как бога и рок-идола, когда передо мной пресмыкалась разная шушера от шоу-бизнеса, когда за предыдущий год я заработал миллион долларов».

1 января 1993 года Курт в пижаме участвовал в фотосессии в гостинице «Фор сизонс» в Сиэтле для обложки «Адвоката».

– Получилось интересно, – вспоминает Чарлз Питерсон. – Никакого лишнего народа, у меня даже помощника не было.

Никакой работы над прической и никакого грима. Дело было в гостинице, в которой они жили в центре города – в Пайк-Плейс-маркет.

Курт был весьма откровенен в этой статье – ему явно льстило то, что гей-журнал взял у него интервью[331]: он свободно говорил о жене, о группе, о наркотиках, о ненависти к Линн Хиршберг и бизнесу.

Журналист Кит Оллмэн сказал ему: «Кортни выставляют в прессе как Нэнси Рейган вашего союза».

«Это просто глупо, – ответил Курт. – Господи, да я никогда не говорю: „Штаны в этом доме ношу я“. Мы взаимно влияем друг на друга. Абсолютно поровну. Кортни настаивает на том, чтобы у нас был счет, по которому если она берет у меня деньги, то должна отдать их обратно [это было не совсем так]. Она сейчас должна мне всего шесть тысяч. Мы миллионеры, а она ходит в „Джет Рэг“ [лос-анджелесский магазин винтажной одежды] и покупает там одежду – платья за пять долларов. Да ради бога, я ей с удовольствием куплю платьев за пять долларов».

Курт рассказал, что в прошлом году они с Кортни потратили миллион долларов: 80 тысяч на личные нужды, 380 тысяч на налоги, 300 тысяч на дом в Карнейшн, а остальное на врачей и юристов. «Это с учетом проката машин, еды и всего такого, – добавил он. – Это совсем немного; точно меньше, чем тратит за год Аксель Роуз».

Крист в начале 1993 года посетил свою историческую родину – Боснию и Герцеговину, тогда бывшую центром жестокой гражданской войны: бывшее государство Югославия распалось на несколько разных частей после крушения Советского Союза. Крист встретился с участницами женского движения «Тресневка» – добровольческой организации, оказывающей поддержку беженкам, и узнал об ужасных страданиях, которые пережили многие женщины – боснийки, мусульманки, хорватки, изнасилованные мародерствующими сербскими молодчиками. Вернувшись, он начал организовывать благотворительный концерт, который и состоялся в апреле 1993 года в Сан-Франциско. Также басист написал статью в музыкальной прессе США об этих проблемах.

В Сиэтле имя «Nirvana» по-прежнему имело огромный успех. «Гэп» и «Некст» открыли в своих магазинах одежды «гранжевые» секции, «Лос-Анджелес таймс» запустила забавную акцию под названием «Гранж-Э-Гоу-Гоу», напыщенный «Вог» посвятил десятистраничную врезку «одежде в стиле гранж». В центре всех статей были истощенные, анорексического вида модели с детскими личиками, вроде Кейт Мосс, задрапированные в

пятисотдолларовые шелковые фланелевые рубашки и тщательно порванные джинсы, часто с сигаретой, а издатели помпезно рассуждали о том, как устают современные молодые люди от «высокой» моды и как они хотят вернуться к чему-то более органичному, более «уличному»…

Да, и «наслоение», конечно же, присутствовало – стиль, изобретенный из нужды обедневшими двадцатилетними, которым нужно было как-то укрыться от холода. То, что этот стиль появился не в Сиэтле – а самые наглядные его проповедники, «Nirvana», были вовсе из другого города, – большинство авторов и дельцов моды оставили без внимания.

Вышли фильмы «в стиле гранж» – несколько действительно отличных (лаконичные, с нарочито грязным звуком «Клерки», автобиографичное кино Ричарда Линклейтера «Халявщик»), несколько фиговых («Одиночки», «Неспящие в Сиэтле»). Телеканалы перебазировались в Сиэтл и начали делать ситкомы, действие которых проходило в городе, – наиболее заметными стали вечнозеленый «Привет» и «Фрейзер»[332]. Продолжалась и лихорадка лейблов – подписывали любые группы из Сиэтла, всех с длинными нечесаными волосами и в мятой фланели, всех, кто хоть как-то использовал «Nirvana» и «Pixies» с их громкой, но мягкой динамикой и умел кричать в микрофон особым, «душевным» тоном, всех, кто был как-то связан с «Sub Pop»… «Stone Temple Plagiarists», «Alice In Chains», «Spin Doctors», «Helmet», «Crackerbash», «The Posies»… с тысячей посредственных групп.

И конечно, множество групп и исполнителей поддерживалось самой «Nirvana» – «Pavement», «Sebadoh», «Melvins», Дэниел Джонстон, «Mudhoney», «L7», «Babes In Toyland», «Hole», Тэд и т. д. Некоторые отстояли свою независимость. Некоторых целиком поглотила индустрия. Они неосмотрительно сбились в кучу и стали восприниматься как одно целое – и проморгали тот момент, когда гранж был объявлен вышедшим из моды.

Если извне это казалось безумием, то изнутри выглядело еще хуже. В середине января «Nirvana» отыграла на двух концертах «Голливудский рок» в Бразилии вместе с «L7», «Red Hot Chili Peppers» и «Alice In Chains».

– У «L7» был гитарный техник по имени Иэн, – вспоминает Эрни Бейли, – и мы с ним подружились. Курт все спрашивал меня о нем, а я никак не мог понять почему. Потом только я узнал, что это был Иэн Маккей [солист «Fugazi», «Minor Threat», основатель «Dischord records»]!

Первый концерт прошел на огромном стадионе «Morumbi»

в Сан-Паулу 16 января. Оценки вместимости этой арены варьируются с 80 до 110 тысяч. В любом случае, это была самая большая площадка, на которой когда-либо выступала «Nirvana», – и в таком месте, где о них мало кто даже слышал, хотя это и пятый крупнейший город мира. До концерта несколько участников группы и рабочие сцены вышли побродить по кварталам лачуг, окружавшим стадион.

– Сан-Паулу немного похож на Пасифик-Рим, – поясняет Эрни. – Он просто безбрежен. Граница между бедными и богатыми очень тонкая. Дома там из фанеры и гофрированной жести.

Неудивительно, что на сцене группа испытывала некоторый упадок сил. Изначально музыканты решили отыграть «секретный сет», где бы они менялись инструментами и исполняли легкую, но странно притягательную, слезливую композицию Терри Джекса 1974 года – «Seasons In The Sun», ту песню, которую Крист назвал Дэну Триси как одну из самых любимых Куртом [только послушайте текст: там просто пугающие предсказания], – после чего сыграли бы попурри из других навязших в зубах поп-хитов: «Kids In America» Ким Уайлд, отрывок из «We Will Rock You» группы «Queen» и напоследок – ужасающий сингл «Duran Duran», «Rio», с Куртом на барабанах и Дэйвом на вокале.

– Этот концерт обречен был стать худшим в истории группы, – рассказывает Эрни. – Секретный сет был реакцией на прилизанное телевидение, с которым приходилось мириться, где все шоу были похожи на «Донни и Мэри». Они начали этот сет, и девяносто тысяч человек притихли. Было похоже на пьяную вечеринку в подвале. Никак не рок-концерт на стадионе.

Через сорок минут Крист метнул свой бас в Курта и ушел… но группа по контракту должна была отыграть 90 минут, и Алекс Маклеод и Эрни отправились на поиски блудного басиста.

– Крист вернулся на сцену, схватил с пола брошенный бас и не стал его настраивать или менять. Я взял дыню и катнул ее на сцену, как шар для боулинга, – смеется техник. – Курт берет ее и начинает колотить ей по струнам, играя на своем «Jaguar» дыней, и при каждом движении сок и семена брызгают во все стороны.

На следующий день Курт разработал для «Fender» новую гитару – наполовину «Jaguar», наполовину «Mustang».

– Думаю, он в прямом смысле отрезал половину фотографии «мустанга», а половину «ягуара» и склеил их вместе, и так и выпустили новую гитару, только почистили немного, – вспоминает Эрни. – Когда они только сделали ее, казалось, что это разовая ручная деревянная поделка.

На том концерте они разбили аппаратуру у всех на глазах, –

продолжает гитарный техник. – У нас оказалось множество разломанных колонок. Но где, интересно, взять новые британские колонки? Пришлось срочно выписать их из Лос-Анджелеса, что влетело нам в копеечку. Помню, что я был этим просто удручен. Крист притянул меня к себе и сказал: «Да не беспокойся ты. Мы можем себе это позволить. Расслабься, и пойдем лучше с нами на пляж».

Напряжение на сцене отразилось и на отношениях вне ее: настроение у Курта и Кортни менялось с бешеной быстротой. После особенно серьезной стычки с женой Курт пригрозил выпрыгнуть из окна отеля-небоскреба. И вот два менеджера турне, Джефф Мейсон и Алекс Маклеод, бродили по Сан-Паулу в поисках другой гостиницы для Курта – уже без всяких балконов.

– У меня остались забавные воспоминания о той гостинице, – говорит Эрни. – Балконы нависали друг над другом, так что, выглянув вниз, можно было увидеть все двадцать этажей. Меня разбудили в три часа ночи: кто-то играл на трубе прямо у моей двери. Оказалось, что это Фли [басист «Red Hot Chili Peppers»] в нелепой шляпе играет с балкона для зевак. Я глянул вниз и увидел, что охранник гостиницы пытается посчитать, на каком это мы этаже. Я предупредил Фли, и он юркнул в комнату. Охранники его так и не вычислили.

На следующий день «Nirvana» и остальные вылетели в Риоде-Жанейро.

– Мы все летели одним самолетом: «Chili Peppers», «L7», «Nirvana», Иэн Маккей, может, даже и «Alice In Chains», – вспоминает Эрни. – Когда мы зашли на посадку, самолет внезапно подбросило, и мы зависли в воздухе, а потом все же зашли на посадку. Пилот стукнул нас о землю просто чертовски сильно. Наконец все колеса оказались на земле. Убийственно. Фли сидел рядом со мной и после приземления был в шоке. Когда мы выходили, он так дал ногой по двери, что проделал там дыру.

В Рио группа неделю жила в «Интерконтиненталь-отеле», у Атлантического океана.

– Мы спустились на несколько миль к пляжу, и там была убогая палатка с домашним ликером, – замечает вездесущий гитарный техник. – Мощная штука оказалась.

На следующий день все пошли летать на дельтапланах.

– Первым полетел Курт, – продолжает Эрни. – Ты летаешь над деревьями и шоссе, потом над гостиницей, над крышами городских зданий, потом над океаном, возвращаешься и приземляешься на песок. Дэйв сказал, что это лучшие ощущения в его жизни. Курт говорил то же самое – он-де никогда ничего подобного не испытывал.

23 января «Nirvana» выступила перед 70 тысячами слушателей на стадионе «Apotoese» в Рио. Фли играл на трубе в «Teen Spirit», весьма убедительно поддерживая гитарное соло, и группа сыграла импровизационную 17-минутную версию новой песни, праздника печали «Scentless Apprentice»[333] – все это к растущему недоумению толпы. На бис Курт вышел в одном из платьев Кортни – черном, с низким вырезом, кружевном. Эрни утверждал, что в чашечки лифчика вокалист засунул лимоны. Дэйв надел бюстгальтер Дженнифер Финч. По мнению некоторых, этот концерт был еще хуже, чем в Сан-Паулу.

– Они не порвали ни одной струны, – комментирует гитарный техник таким тоном, как будто его нагло обманули. – Я ожидал, что всё сломают, потому что уже на следующий день мы уезжали, а уж дома было бы полно времени на ремонт. Не то чтобы они играли ужасно. Они просто выступили плохо. Ах нет, беру свои слова обратно. Курт разбил свою синюю «Courtney-Telecaster» в конце выступления, Кортни выбежала, чтобы остановить его, но тут Дженнифер Финч помогла ему добить гитару, обрушив на нее стойку маршалловских усилителей. Кажется, была даже драка.

На видео группа выглядела усталой.

– Возможно, дело в том, что все слишком долго гуляли накануне, – предполагает Эрни. – Промоутер пригласил нас в клуб, где для нас оцепили своего рода ложу, с едой, напитками и личным барменом. Нас слишком опекали, да к тому же и музыка была не из тех, что нам нравится, и мы спросили, нельзя ли пойти куда-то еще. Они усадили нас в фургон и помчали по городу в другое место. Но когда мы прибыли туда, там оказалось то же самое. Похоже, они могли организовывать такое всю ночь. Так что мы решили, что можем поразвлечься и сами: выступала альтернативная рок-группа, Крист и Кортни поднялись и сыграли с ними. Курта не было.

На обратном пути мы проехали мимо района, в котором стоит, знаете, такая мини-версия памятника Вашингтону. Кто-то закричал «погоди», мы выпрыгнули узнать, что такое, и на траве началась борцовская схватка. Кажется, это были мы с Кортни. Не уверен. Кто-то бросил стакан, попал в памятник, и все мы начали истерически ржать.

В считанные секунды нас окружила и скрутила бразильская полиция. Это нас сразу отрезвило – мы понятия не имели, что с нами сделают. Уже не казалось, что мы в Сиэтле. Наш водитель запихал нас обратно в фургон и наорал на полицейских через окно, так что мы ни слова не поняли, а перебранка все продолжалась. Мы молчали как рыбы. Наконец мы снова поехали, и было видно, что водитель сильно нервничает. Он обернулся и

сказал: «Больше никогда так не делайте. Ваше счастье, что завтра концерт. Если бы вас арестовали прямо сейчас, пришлось бы лишиться дохода. Но если бы концерт уже закончился, вас так легко не отпустили бы». Было страшновато.

С 19 по 22 января, находясь в Бразилии, группа с помощью Крэйга Монтгомери записала несколько песен на студии «Ariola», принадлежащей «BMG».

– Мы пошли на самую крутую студию Рио, которой владело бразильское отделение этого лейбла, – вспоминает Крэйг. – Одна комната была очень современная и образцовая, но вторую, казалось, не трогали с 1976 года. Там был отличный пульт «Neve», классная машина для записи «Studer», все эти прикольные винтажные микрофоны «Neumann». Я знал о записи немногим больше, чем в 1991 году, но ситуация опять же была такой, что группа хотела просто записать пришедшие им в голову идеи, чтобы их можно было дать послушать Стиву Альбини.

Среди других песен была рваная, страшная «I Hate Myself And I Want To Die» с продолжительным шумовым введением и очень уместным пресыщенным, бесчувственным вокалом Курта. Она появилась на компиляции «The Beavis And Butt-head Experience», где два мультяшных пожирателя чипсов, музыкальные критики с MTV, собрали любимые рок-группы[334], что было несколько бессмысленно. Гораздо лучше оказалась запись «Milk It» – столь же безысходная, но с хорошей, сочной гитарой, с использованием лауд-софт-динамика, а текст навеян в основном проблемами Курта с желудком. «У меня есть личный вирус, ее молоко – мое дерьмо, мое дерьмо – ее молоко», – поет с мудрой горечью Курт. Также блестящей получилась «MV» [«Moist Vagina»], будущая сторона «B», песня, упивающаяся собственной печалью, с неповторимым плачем Курта.

Столь же перспективной и озорной выглядела «Gallons Of Rubbing Alcohol Flow Through The Strip» – еще один импровизационный номер, который был более чем кивком в сторону рефлексивной лирики «Melvins»: Курт изрыгал здесь, казалось, случайные выдержки из дневника – «Even though we haven't had sex for a week» («Хотя у нас и не было секса уже неделю»)… «She is tied up in chains» («Она закована в цепи»)… «I haven't had a date forever» («У меня никогда не было и не будет свидания»)… Настроение игривое, инструменты играют в кошки-мышки, почти заставляя друг друга заходиться в ярости. Курт сатанински смеется за несколько минут до конца, перед тем как спросить: «Еще одно соло?» Группа отвечала утвердительно.

– Им хотелось поглумиться, – поясняет Крэйг. – Они сделали

песню, которую Курт только что сочинил, потом кавер на «Seasons In The Sun» и полную версию «Heart-Shaped Box» с вокалом. В остальных случаях вокал был только направляющим. К тому времени участники группы уже тяготились общением друг с другом вне сцены, но настроение в студии было неплохим.

Что доказывается клипом на «Seasons In The Sun», появившимся на DVD «With The Lights Out». Хотя группа не очень серьезно относилась к этой песне – что очевидно по выражению лица Криста, когда он ведет гитарную партию, – она все еще вызывала определенные чувства благодаря переливам голоса Курта и напряженной партии барабанов. Судя по всему, песня Курту действительно нравилась.

«Heart-Shaped Box» (или, как впоследствии она была названа, «Heart-Shaped Coffi n») получилась особенной: бьющие через край, резкие гитары, исполненные отчаяния, показывали понимание Куртом той ситуации, в которую они с Кортни угодили. Название песни появилось благодаря привычке Кортни раскладывать в гостиной их квартиры в Норт-Сполдинге, в Лос-Анджелесе, свою коллекцию конфетных коробок в форме сердечка; частично это была любовная песня – хотя строчки вроде «I am buried in a heart-shaped coffin for weeks» («Я похоронен на многие недели в гробу в форме сердечка») со всей очевидностью выявляли ту незащищенность, которая все же отсутствует в большинстве браков. Рефрен «Hey wait / I got a new complaint» («Погоди, у меня еще одна жалоба») – явное свидетельство того, что Курт слишком хорошо понимал, что в прессе его часто изображают как скулящую, испорченную рок-звезду, а также прощальный поклон знаменитой строчке «Ramones» – «Hey ho / Let's Go» («Эй, пойдем»).

Чтобы умерить вызываемые песней темные чувства, Куртни сочинили историю о том, что Кортни послала Курту коробку конфет в виде сердечка, когда добивалась его, но это, конечно, такой же грубый миф о группе, как мост в Абердине, который упоминается в «Something In The Way».

– Пока они занимались музыкой, все было в порядке, – комментирует Крэйг. – Даже будучи несчастным, Курт пользовался большим уважением у других участников группы.

На следующий день после концерта в Рио группа вылетела в Сиэтл.

– Мы шлялись по дому в Лос-Анджелесе, и потом они [Курт и Кортни] решили, что точно собираются переезжать в Сиэтл, – вспоминает Кали Де Витт. – Они наняли грузчиков, им всё упаковали. Было где-то третье число, а арендную плату внесли до

конца месяца. И Кортни сказала: «Почему бы вам с Рене не пожить здесь, потому что тут же осталась вся мебель, ее не упакуют до конца месяца, к тому же у вас, ребята, ближайшее время будет пристанище». Потому что я все еще не хотел переезжать и становиться няней. Это нам подходило. Мы подумали: «О, клево, отличный флэт на три недели».

– В Лос-Анджелесе мы сильно нуждались, жили очень бедно, и тут раздался звонок от Курта и Кортни, – говорит Рене Наваррете. – Они позвонили нам, потому что нужно было кому-то довериться. Им хотелось срочно уехать из Лос-Анджелеса. Когда я зашел в дом, то увидел Курта на полу с сияющей Фрэнсис у него на коленях, он ставил ей новую запись «Butthole Surfers». Он был очень возбужден. Казалось, тут какой-то дурацкий заговор. Они хотели избавиться от проклятой журналистки из «Вэнити фэйр» и нескольких жестянок со шприцами – мне дали пушку и велели стрелять во всех фотографов, которых я замечу шныряющими вокруг. Нам с Кали очень понравилось помогать им при переезде: два тинейджера собирают вещи двум рок-звездам и отправляют их в Сиэтл.

Я: Когда это было?

– То ли январь, то ли февраль. [Скорее февраль. 1 февраля Кортни выступала в лос-анджелесском суде, давая показания по поводу инцидента с Викторией Кларк и стаканом. Позднее дело замяли.] Я тогда недолго был в Лос-Анджелесе, – отвечает Кали. – Мы с Рене поселились в доме и пользовались им как своим. Отличное время было. Помню, как нагрянули грузчики. Рене давал им указания. Я не хотел вставать и спал на кушетке, потому что ее они должны были грузить последней. Когда они выносили из главной спальни кровать, один из грузчиков напоролся на иглу, которая оказалась в матрасе. Он взорвался: «Я пойду в полицию и в газету. Что, если я заболею СПИДом из-за этой иглы?» Рене отговорил его от этого, всучив ему мою 12-дюймовку «Nirvana» и сказав, что это очень редкая вещь. Помню, как Рене долго притворялся, что она [«Come As You Are», вовсе не редкая запись] стоит до чертиков.

14 февраля «Nirvana» под видом группы Саймона Ритчи[335] появилась в «Pachyderm Studios» в маленьком городишке Кэннон-Фоллз, Миннесота, в 40 милях к юго-востоку от Миннеаполиса, и начала записывать со Стивом Альбини свой третий альбом. Трио провело в студии полных 14 дней, хотя основные дорожки были наложены за шесть дней (запись закончилась в 26-й день рождения Курта) – всего за 24 000 долларов за студию и 100000 Стиву единовременно. Весь альбом был записан вживую.

«Когда мы начали, – рассказывал Курт голландскому журналу „Оор“, – у нас была готова только половина композиций. Остальные родились, пока мы шлялись по студии. Мы установили себе дедлайн и бюджет записи. Я люблю работать именно таким образом». Позднее Курт говорил, что он добивался подобного звучания с самого начала существования группы: вероятно, так и было. «In Utero» – *потрясающий* альбом, наверняка лучшая студийная работа группы: в нем уместно всё – группа, песни, чувства, мелодии, шумовые сегменты, время появления. И даже сейчас он звучит современно – в то время как «Nevermind» все-таки остается достоянием начала 90-х. «Nirvana» оказалась здесь на вершине: разгоряченные спорами, слухами, жульничеством, желанием очистить себя от всего, кроме самой музыки как таковой.

С самой первой строчки альбома – «Подростковый гнев получил воздаяние, теперь я усталый и старый» («Serve The Servants») – очевидно, насколько Курт вырос как автор текстов и музыки. Женитьба на Кортни определенно помогла ему. Обратите внимание на мощный и трогательный куплет из той же песни: «Я так хотел иметь отца, но вместо этого у меня был папа», – эти чувства перекликаются со строчками Джона Леннона «Мама, у тебя был я, а у меня тебя не было» с его первого постбитловского альбома 1970 года – «John Lennon / Plastic Ono Band».

Главная причина того, что альбом отличается от двух предыдущих, – это запись барабанов. Курт хотел живой атмосферы, которой, по его мнению, можно было достичь, если разместить микрофоны вокруг барабанной установки. Так же думал и Альбини. Для одних барабанов потребовалось тридцать микрофонов.

У Альбини сложился определенный имидж среди внутрироковой тусовки – во многом благодаря репутации бывшего фронтмена «Big Black». Знали, что он режет правду-матку, что он мизантроп – на грани с женоненавистничеством, отличается невероятным трудолюбием, но не выносит шоу-бизнес и дураков. Обвинение в женоненавистничестве было несколько надуманным: Альбини просто любил подначивать других – особенно тех, кто, по его мнению, находится не на своем месте. Возьмем название его хардкор-группы «Rapeman», где он работал после «Big Black»: противоречивое, как и все, что он делал.

Он сомневался, стоит ли работать с Геффеном, но идея записи «Nirvana» его заинтриговала, особенно после заверений Курта, что хитовый сингл – это последнее, что ему нужно. Альбини даже заявил, что ему группа не нравится: «Звучит глупо, – скажет он потом, – но мне их было жалко. Из-за того

положения, в котором они оказались: доходы кучи дельцов шоу-бизнеса зависели от того, как „Nirvana“ запишет хиты. Мне было очевидно, что на деле они такие же ребята, как и в тех малобюджетных группах, с которыми я обычно имею дело».

Если бы Курту и «Nirvana» разрешили выпустить изначальную версию «In Utero» в том виде, как она была записана Альбини, – по заявлению звукооператора, у них с группой была устная договоренность, что никому после него не разрешать трогать запись, – случилась бы революция в роке. Клянусь. По интенсивности визг гитар мог сравниться только с барабанами Дэйва Грола. Мелодику Курт частично разрушил, чтобы высвободить ту боль, которую он испытывал, будучи рупором поколения X. Вся его ненависть, вся его паранойя, подстегиваемая наркотиками, весь гнев – все вылилось яростью, которую даже слушать было больно. Хрена с два «Unplugged» был для «Nirvana» шагом вперед. Вот «In Utero» – это да, тут они отдали дань андеграунду.

До сих пор помню суматошный звонок Кортни.

«Джерри! – кричала она. (Кортни часто пользовалась моим настоящим именем.) – Какой у тебя адрес? Мне надо срочно прислать тебе новый альбом Курта. Его лейбл, его менеджеры – все говорят, что на нем нет никакой мелодики. Они требуют перезаписать альбом. Защити Курта, он очень подавлен».

Через несколько дней пленка пришла: это была великая вещь. Более того – самая честная вещь «Nirvana» со времен «Silver». И что, никаких мелодий? Господи! А как насчет травматичной, почти убивающей «Rape Me»? Курт начал писать эти едкие стихи, когда группа еще работала над сведением «Nevermind» – сладенький гитарный мотивчик служил только для того, чтобы добавить остроты мрачному смыслу песни, посланию всем фанатам, всем воротилам шоу-бизнеса, всем журналистам – тем, кто, как он считал, хотел урвать себе частицу его самого. «Я хотел написать веселую песню против насилия, – рассказывал он братьям Стад из „Мелоди мейкер“. – Я понял, что нужно быть прямым, если хочешь, чтобы тебя все поняли. Вот чего ждет от песен большинство. Им нужно, чтобы слова бросали прямо в лицо».

Никаких мелодий? Господи! А как насчет первого сингла альбома – жуткой «Heart-Shaped Box»? Песня начинается медленно, как бы с угрозой; редко голос Курта звучал так мощно, редко он настолько контролировал свой вокал, напоминающий здесь произношением некоторых согласных его друга, Марка Лэнегана, – и внезапная вспышка раскаяния, заунывное и молящее завывание гитар. Это чистейшая мейнстримовая

«Nirvana», настолько коммерческая, насколько вообще возможно. Или, как записал в своих дневниках Курт: «Теория вагины-цветка Камиллы [феминистский автор Камилла Палья] кровоточит и пропитывает ту ткань, которую должен был использовать Леонардо [да Винчи], чтобы улучшить свой дельтаплан, только вот он умер, прежде чем сумел изменить ход истории».

«Ведь не может быть совпадением то, что „In Utero“ полон образов, относящихся к детям и к деторождению, с самого своего названия? – спросили журналисты „Мелоди мейкер“. – Должно быть, это альбом о том, как Курт Кобейн становится отцом».

«Нет, это только совпадение, – отвечал певец. – Меня всегда завораживали рождение и размножение. Долгие годы я рисовал зародышей и делал глиняных куколок. Что-то потрясающее есть в беременности. Я так уважаю женщин именно потому, что они вынашивают детей. Это делает их в моих глазах священными. Меня интересуют морские коньки. Сначала самка вынашивает потомство, а после передает их самцу, который и дает им жизнь. Совместная беременность».

Никаких мелодий? Да ладно, альбом не *настолько* изменился.

Только послушайте мягкую, горестную «Dumb», мелодию, сокрушающую всё своими заунывными гитарными аккордами. Когда я только познакомился с Куртом, он сказал мне, что всегда действует так, как его воспринимают. Так что если его считали тупым грязным панком, то он чувствовал желание и вести себя соответственно: «Эта [песня] о тех, кого легко развлечь, – рассказывал он, – о тех, кто не только не в состоянии развивать свой интеллект, но и счастлив от того, что десять часов в день торчит перед телевизором. Я знаком с кучей дураков. У них вонючая работа, они, может быть, совершенно одиноки, у них нет девушек, они мало общаются – и все же почему-то бывают счастливы».

Только послушайте трогательную печальную мелодию «All Apologies» и попробуйте не согласиться с тем эффектом, который она оказывала все эти годы. «Хотел бы я быть тобой, – поет измученный Курт, единственное желание которого – положить уже конец всему этому. – Довольным немногим. Во всем виноват я. И принимаю на себя вину». Господи, он так отчаянно хотел верить, что «All we need is Love».

Даже сейчас, когда я вижу и слушаю «Pennyroyal Tea»[336], очки у меня затуманиваются слезами. И этот эффект оказывает музыка, которая, как утверждают, не вызывает никаких откликов? *Это ли то, что музыка значит для тебя?*

«Иногда, – замечал Курт, – мне хочется принять такую

таблетку, которая бы позволила мне радоваться телевизору и другим простым вещам, вместо того чтобы так строго судить и требовать хорошего качества, а не дерьма».

Некоторые песни были действительно рокового жанра, тяжелые и длинные – «Very Ape» (прежде известная как «Perky Or Punky New Wave Number»), «Radio Friendly Unit Shifter» (сначала называвшаяся «Nine Month Media Blackout», в ответ на статью в «Вэнити фэйр»), – шквал звуков, завывание гитар, но все это с лихвой возмещалось стремлением Курта вставить пронзительную мелодию туда, где ее меньше всего ожидаешь. Также присутствовала и традиционная для группы любовь к каверзам. В европейской версии альбома с «Rubbing Alcohol» повторяется та же шутка, что и с «Endless Nameless» на «Nevermind»: песня начинается после нескольких минут тишины.

Прекрасное название получила песня «Frances Farmer Will Have Her Revenge On Seattle» («Фрэнсис Фармер возьмет реванш в Сиэтле») – навеянная известной историей кинозвезды 30-х, которая восстала против системы фабрики грез и подверглась электрошоковому лечению; открывает песню басовая партия, которая неосознанно напоминает минималистский, пугающий звук «Young Marble Giants». Это очень беспокойная песня. Курт увидел параллели между тем, как актрису демонизировала мейнстримовая пресса[337], и травлей его жены. «Все заговорщики живы и сидят себе в своих уютных домах, – записал Курт в дневнике. – Танцуют на ее могиле. Разрезают ее раны. Но Господь – это женщина, и она вернется в черном[338]».

Кортни позвонила мне в середине марта и подтвердила историю, которая вскоре появилась в «Чикаго трибьюн». За два дня до окончания мастеринга альбома (21 апреля Бобом Людвигом на студии «Gateway») газета опубликовал интервью с Альбини, который заявлял: «Геффену и менеджменту группы альбом очень не понравился. Когда „Nirvana“ попросила записываться у меня, они сочли это проявлением снисхождения. Я совершенно не уверен, что альбом вообще выйдет». Позднее Дэйв Грол сообщал, что Гэри Герш, один из менеджеров группы, был «в ужасе» от перспективы того, чтобы записывать столь важный (по крайней мере, для «DGC») альбом в такой панк-роковой манере. «Нам сказали что-то вроде: давайте веселитесь – а потом мы вам подыщем другого продюсера», – говорил он в сентябре 1993 года «Кью».

В то время, однако, и группа и менеджмент полностью отрицали слова Альбини, даже поместив однажды объявление в «Биллборде» на всю страницу, чтобы опровергнуть заявления,

которые не замедлили появиться в «Биллборде», «Ньюсуике», «Роллинг стоун» – да везде.

«Никакого давления на нас наш лейбл не оказывал, они не требовали от нас перезаписи треков после работы с Альбини, – заявил Курт в пресс-релизе „DGC“, противореча тому, что мне рассказала Кортни. – Все решения по нашей музыке – стопроцентно наши. Мы, группа, решили, что вокал на многих треках недостаточно громкий. И решили это переделать». «Geffen» также распространил вежливые уверения в том, что лейбл не собирается вмешиваться в дела своей дойной коровы.

Потом Курт даже заявил, что заметил проблемы в миксе, как только вернулся в Сиэтл. «Всю первую неделю мне не хотелось слушать записи, а так обычно не бывает», – рассказывал он «Серкус».

И вновь это прямо противоречит телефонному звонку Кортни, которая пыталась объединить друзей и коллег Курта по индустрии вокруг альбома, чтобы противостоять давлению «DGC» и защитить великолепную запись.

Так или иначе, казалось, что все это буря в стакане воды. Я не собираюсь отрицать, что альбом труден для восприятия, ну и что тут такого? Ведь запись не так уж и обезобразили. «Nirvana» в итоге выбросила несколько самых шумных треков, чуть подремонтировала вокал, и лейбл поручил менеджеру «R.E.M.» Скотту Литту «подчистить» пару песен для американского радио. Продались? Да нет. Если воспринимать дело таким образом, то «Nirvana» «продалась» в тот день, когда подписала контракт с Геффеном… а тогда бы не было миллионных тиражей, а вы бы не читали этой книги.

– Курту хотелось чего-то другого, – комментирует Кэрри Монтгомери. – Он хотел написать песни иного типа, но подозреваю, что он не знал, как это сделать. Он умел только писать песни «Nirvana». Как можно научиться сочинять по-другому? Месяц слушать другую пластинку «Beatles» и приучиться к иной форме?

Было очевидно, что Курт хотел уничтожить созданное им чудовище. С какого-то момента все пошло не так – постоянное внимание прессы, вынужденные контакты с таким отстоем, как MTV, таблоиды и журналисты «Роллинг стоун», разрыв с ценителями панк-рока и Олимпии… Когда Курт создал «Nirvana», они с Кристом были как братья. К 1993 году ничего такого уже не было, Курт даже на гастролях ездил не в том фургоне, что остальная группа. В чем же дело? Зачем оставаться в группе, если даже не разговариваешь со своими товарищами? Неужели контрактные обязательства настолько сильны?

Я сохранил эту кассету единственным способом, которым мог: не распечатывая, бросил ее в кучу тысяч других и попытался забыть, что вообще хоть что-то знал о группе, когда умер Курт. Она и по сей день все там же, но вроде бы кто-то выпустил пиратским способом оригинальную версию, посчитав, что такая музыка не должна оставаться в вечном забвении.

Кортни прилетела на «Pachyderm» через неделю после начала записи. Стива Альбини ее агрессивное поведение нисколько не впечатлило: он обозвал ее «психованной сучкой с яйцами». Кортни, в свою очередь, подлила масла в огонь по поводу утверждения «Альбини – женоненавистник», произнеся следующую пламенную речь: «Стив Альбини посчитал бы меня идеальной девушкой музыканта, только если бы я была с Восточного побережья, играла на виолончели, носила бы сережки колечками и черные свитера с высоким воротом, имела бы подходящий к образу гардероб, большие сиськи, а главное – молчала бы в тряпочку».

В тот же месяц, что «Nirvana» провела на студии, вышел совместный сингл «Nirvana» и «Jesus Lizard», «Oh, The Guilt», а «Incesticide» был признан в США золотым (500 тысяч проданных экземпляров). Группа получила целую кучу музыкальных наград или, по крайней мере, номинаций – «Грэмми», «Бритс», «НАРМ», – но панки и панкушки вроде Джессики знали, что подобные поощрения со стороны шоу-бизнеса – это просто дерьмо. Наверное, потому-то Куртни и любили тусоваться с ней, а не с ее более «крутыми», взрослыми одноклассниками – собирателями записей.

19 марта «Hole» сыграла закрытый концерт в «Crocodile», где состоялась премьера песен с грядущего альбома «Live Through This». Это был первый концерт группы с басисткой Кристен Плафф, игравшей тогда в трио «Amphetamine Reptile» с Дженитор Джо. Кристен была умненькая брюнетка, сознательная защитница независимой музыки. Ее, судя по «Ночи на Земле», идеально могла бы сыграть Вайнона Райдер. Многие представители хардкор-сцены Миннеаполиса видели в Кортни дьявола и были в ужасе от того, что Кристен уехала из родного города в Сиэтл.

– «Hole» по-прежнему требовался басист, – говорит Рене Наваррете. – В предыдущем году они пробовали Лесли Харди[339], но у нее не получалось – и они отвезли ее в Сиэтл [из Лос-Анджелеса], где я порепетировал с ней, все это время надеясь, что место басиста предложат мне. Но у Лесли все равно ничего не вышло. И тогда они взяли Кристен. Та была великолепна.

– Кортни хотела, чтобы на басу в «Hole» играла я, но мои

родители, конечно, не позволили бы, – сетует Джессика.

Наваррете замечает:

– Собственно, это я предложил Кортни Джессику: милая шестнадцатилетка с нетипичной любовью к андеграунду – что может быть лучше? Джессика уже появлялась в национальных американских журналах как типичная «Riot Grrrl» – после чего представительницы «Riot Grrrls» из Олимпии и Вашингтона стали отдаляться от ее образа, поскольку движение это по своей сути было антиассимиляционным.

Джессика продолжает:

– Кортни сказала: «Я, ты и Курт должны собраться и записать демку, а „Флипсайд“ [лос-анджелесский панк-фанзин] об этом расскажет», – но, конечно, ничего подобного не случилось. В то время в группе были только она и Эрик. Родителей подобная перспектива жутко напугала, но мне-то она казалась потрясающей. Но сейчас я рада, что не пошла на это. И вот Кортни спросила меня, кого бы я порекомендовала, и я указала на Кристен.

Но потом я поехала к Кортни в Лос-Анджелес, – продолжает автор фан-журнала. – Это был самый разгар «войны факсов» с Альбини. В доме царил беспорядок, повсюду валялись журналы. Меня тепло встретили в доме и напоили настоящим чаем. Несмотря на весь хаос, в воздухе витало какое-то гостеприимство.

Я помню те странные картинки с младенцами, черепами и частями тела: потом они появятся в частных коллекциях. К стене было прибито платье; повсюду валялись головы кукол и крышки от пузырьков с парфюмом. Я спала на кушетке, на которой они играли с Фрэнсис. Несмотря на всю их странность, они оставались прежде всего родителями. Уверена, что им все же хотелось вести нормальную жизнь.

В начале марта, вскоре после приезда Джессики, Куртни переехали в новый дом – Лейксайд-эйв, 11301, Сиэтл, с видом на озеро Вашингтон, Рейнир-Маунт и Каскадные горы. Аренда обходилась в 2000 долларов в месяц; в доме было три этажа.

– Награду MTV «Астронавт» Курт держал в сортире, – вспоминает Эрни Бейли. – Можно было ссать как в унитаз, так и в приз. Это было смешно, но очень соответствующе. На входной двери висела сломанная акустическая гитара «Кау» из клипа «Come As You Are». Я предложил ему ее починить.

В гараже стояли две машины: надежный «вэлиант» Курта и серый «вольво» 1986 года выпуска.

– Одна его машина уже мхом покрылась, – смеется Эрни. – Это был такой классический экземпляр для Денни, который

коллекционировал странного вида машины шестидесятых – и они купили бледно-голубой «дарт» в пару к прогнившей машине Курта. Кажется, Курт отдал четыре тысячи за ремонт обоих автомобилей.

К тому времени Джеки Фэрри уже надоело быть няней. И дело было не во Фрэнсис Бин, которую она обожала, а в привычке Кортни держать всех вокруг за прислугу. Джеки часто просили отвечать на деловые телефонные звонки, которыми не хотел заниматься Курт, да к тому же с самого начала у нее почти не было выходных. На смену ей пришел Кали Де Витт. Эта перемена совпала с тем, что Фрэнсис окончательно вернули родителям, 25 марта сняв опеку – главным образом потому, что юрисдикция лос-анджелесского суда не простиралась на штат Вашингтон.

– Они сказали: «Мы приняли решение взять Кали к нам постоянной няней, а ты можешь тоже приехать к нам в Сиэтл с Эриком», – говорит Рене. – И я стал жить в Сиэтле с Эриком. Мы часто тусовались все вместе – я, Кортни, Эрик и Кали. Было весело. С наркотиками я разобрался очень быстро. У меня завелось множество докторов, с помощью которых я мог достать любой наркотик для удовлетворения наших привычек. Потом я переехал с ними на Лейксайд-эйв, и мы с Кали взяли на себя все домашние обязанности. Нас с Кали даже путали: у нас обоих были крашеные волосы. Я занимался домом. Иногда мне приходилось служить им рупором, когда они отгораживались от мира. Я часто разговаривал с Майклом Майзелем [помощником Джона Сильва], чтобы объяснить, что же у них, собственно, происходит.

В апреле Кортни вылетела в Британию для продвижения нового сингла «Hole» – «Beautiful Son», песни, частично вдохновленной Куртом: на обложке была его детская фотография, он играл в клипе (тот был снят до прихода в группу Кристен) на бас-гитаре в одном из платьев Кортни – подтверждая тем самым строчку «Тебе идет платье, мой прекрасный сынок». Кортни сыграла акустический соло-концерт в Лондоне на «Rough Trade records», где не переставая курила, а «Hole» появились в журнале «Уорд».

– Когда Кортни уехала в Англию, то я, Курт, Дилан и Кали вынуждены были впервые обходиться без нее, – откровенничает Рене. – Было так прикольно. Мы выходили в город, шли к наркодилеру: как-то в один и тот же подвал одновременно не сговариваясь зашли Курт, Дилан, Марк Лэнеган и Лэйн Стэнли[340]. С ума сойти. Сейчас я думаю, что всех этих замечательных, талантливых ребят навсегда испортили наркотики.

Во время лондонского визита Кортни завернула в «Мелоди мейкер», чтобы помочь мне разобраться со страницей писем. Одно удовольствие было наблюдать лицо нашего редактора Аллана Джоунса, когда я показал ему мнение Кортни на тысячу слов без купюр. Неверие в ее вражду с грамматикой сменилось смущением при мысли о том, что нужно предоставить место для ее смешных идей, а затем он пришел в ярость:

– Эверетт, мы не будем печатать эту фигню, и это окончательное решение, – закричал он на меня. Аллан – музыкальный журналист старой школы. Он сохранился с эры Ника Кента, Чарлза Шаара Мюррея и Лестера Бэнгза. Тем не менее он почему-то терпел мои выходки в «Мелоди мейкер». Он любил тот рок, который защищал я, но мое увлечение феминизмом в стиле «Riot Grrrl» его не так убеждало. И Кортни как автор одного из отделов его любимого «ММ» оказалась последней соломинкой.

Внезапно Джоунс смягчился. Страничка писем Кортни и ее статья появились в «ММ» с некоторыми моими собственными вставками. Она не упустила возможности обсудить две любимые ее темы 1993 года – «Riot Grrrls» и феминизм. Недавно солистка влюбилась в мощную феминистскую нудятину от Сьюзен Фалуди – «Backlash».

«Когда начиналось движение „Riot Grrrl“, я очень его поддерживала, – писала она. – Казалось, что теперь будет лучше… Я подсовывала фан-журнал „Bikini Kill“ Эверетту, Ким, Торстону, „Спин“ и делала все, чтобы помочь движению».

Это не совсем верно. Свой экземпляр фан-журнала я, например, получил от Кэлвина Джонсона и как раз таки передал его Кортни, ну да ладно. Верно, что Кортни встала в один ряд с моими соседями по квартире Хагги Бэром и бывшей девушкой Курта Тоби Вэйл. Услышав о чисто женских концертах, которые Хагги Бэр организовывал в Англии в 1992 году, она потребовала, чтобы и «Hole» допустили на один из них.

По любому счету, концерт вышел неудачным. Кортни, никогда не утруждавшая себя политкорректностью, прямо со сцены назвала одну критикессу «жирной». Она говорила потом, что странно выступать на концерте в Лондоне в мое отсутствие. Собственно, это показалось ей настолько непривычным, что потом она взяла такси аж до моего дома в Брайтоне. Вскоре она, однако, устала от новых союзников, особенно когда выяснилось, что они не способны нести бремя славы наравне с ней. К тому же ее попытки внедриться в подозрительный и закрытый мирок Олимпии, чтобы найти одобрение в среде бывших товарищей своего мужа, позорно провалились.

Эта перемена мыслей отразилась в поспешно написанном тексте из колонки «MM».

«Я словно заново погрузилась в Средневековье, – жаловалась она. – „Riot Grrrl“ проповедуют не только анархию, но и топорность и некомпетентность музыкантов-женщин. Это все равно что назначать женщин на руководящие посты в фирме, даже если они не могут справиться с работой. Я не за ассимиляцию. Я популистка. Я считаю, что все, а не только те, кто лично знаком с „Fugazi“, имеют право на бунт, но не собираюсь тупо переть напролом. Я хочу изучить механизмы действия той Империи, с которой буду биться. Я хочу оказаться в числе лучших из них».

Ошибка Кортни в этом случае элементарна. Она предполагает, что есть только один способ писать песни, судить о «компетентности» (ее слово) и штурмовать Империю. Но между женщинами, которые занимаются экспериментальной музыкой, и женщинами, которые удерживаются на незаслуженно высоких постах, нельзя проводить параллели. Возможно, именно то, что музыка, по мнению Кортни, есть то же самое, что бизнес, и объясняет ее музыкальное направление в конце 90-х и в начале нового века.

«Я слишком много и над слишком многим работала, чтобы меня могла погубить некомпетентность развращенной элиты, – продолжала она. – Большинство из нас не является ни богатыми, ни развращенными, не пьет элитный кофе с соевым молоком и не выдумывает ежедневно манифесты для кучки избранных. Большинство из нас считают себя некрасивыми и одинокими, а хотят быть симпатичными. Возможно, кто-то из нас мечтает о красоте, потому что она была и будет силой. Кому-то, вероятно, хочется нравиться себе, иметь детей и даже смириться с миром и Патриархальной Империей – за ее-то деньги».

Достаточно. В предыдущем абзаце Кортни говорит не о красоте, а о социализации. Той «красоты», которой она оперирует, не существует, потому что это ложная ценность, которую налагает на индивидуума неустойчивое общество. Единственная «красота», которая подлинно существует, находится внутри. Так что, «красота всегда будет силой»? В таком случае путь вперед – это самосовершенствование, а не движение навстречу стереотипам. Почему бы не стремиться быть информированной, разумной, забавной, мудрой, милой, хитрой… другими словами, богиней, Кортни?

Или так важно купить себе новый нос?

9 апреля «Nirvana» провела благотворительный концерт для

жертв насилия в Боснии в Сан-Франциско, в похожем на пещеру «Cow Palace». Также участвовали «The Breeders», «L7» и «Disposable Heroes Of Hiphoprisy»[341]. (В это время Крист вернулся к первоначальному написанию своего имени.) Помню, как мы с Ким Дил и Джо Уиггсом из «The Breeders» сидели среди всех этих пижонов и смотрели на Курта; играла болезненно едкая «All Apologies».

Курт выглядел таким хрупким, таким уязвимым – крупинка человечности в поколении зевак, фанатов, усталых циников, чистеньких девиц из группы поддержки – без татуировок, в облегающей спортивной одежде. У двери Шелли Новоселич раздавала брошюрки, чтобы дать людям понять, зачем они пришли сюда. Тщетно! Зрители оказались здесь лишь по указке MTV. Но всегда лучше пытаться, чем смириться: возможно, один-два человека все же, уходя, подумали о боснийском кризисе, потому что об этом попросили их любимые звезды. Не исключаю. В конце концов, разве Клинтон пришел к власти не благодаря кампании MTV «Голосует рок»[342]?

Вернемся на несколько лет назад, – писал я в своем обзоре. – *Рок как новая и тем самым творческая форма уже мертв. Я смягчу это утверждение. Рок мертв в том виде, в каком он создан мужчинами. Женщины? Тут, думаю, есть некий потенциал. Рок-музыке уже некуда двигаться, не нужно пересекать никаких границ, она слишком слилась с обществом, стала неотличимой от него. Многие годы рок был уделом немногих – как джаз, как соул…*

Так что остановимся на той теории, что «Smells Like Teen Spirit» «Nirvana» стала лебединой песней некогда живой формы искусства, на чем и успокоимся. (Хотя «In Bloom» все равно гораздо лучше.) Но если рок мертв и убили его они, то почему я до сих пор люблю «Nirvana»? За бесплатную выпивку? За всеобщее признание? За неограниченный доступ на стадионные концерты вроде этого? За взятку?

Нет. «Nirvana» слишком глубоко сидит во мне, чтобы я мог строить какие-либо теории. Единственное возможное объяснение здесь такое: они играют ту музыку, на которой я вырос и которую буду любить всегда. Я люблю «Nirvana» за «Rape Me», которой сегодня открылась программа, песню такую же больную и изматывающую, как любой соул О. В. Райта. Я люблю их за то, что они дали этот концерт (всего шестой со времен Рединга), и за человечность, лежащую в его основе… Да, за гуманность – а это отличная причина, чтобы любить какую-либо группу. Это же объясняет и «Sebadoh», и «The Pastels».

Я люблю «Nirvana» за бесподобное обращение Курта с поп-

мелодией. В каком-то смысле новый альбом звучит как «R.E.M.» в акустическом концерте MTV[343]. Упаси боже – я не сравниваю эту команду обреченных на забвение сентиментальных динозавров с такими сверкающими поп-звездами, как «Nirvana», но на обеих записях одна и та же сухость, естественность и неприкрашенное качество. Но сухость здесь вызвана не отсутствием эмоций.

За что их любить? За их выходы на бис, которые бывают длиннее самого выступления, за такие песни, как «Breed», «Territorial Pissings» и «Floyd The Barber», которые по-прежнему гремят, как когда-то. За то, что они не играют «In Bloom» и «Polly», хотя на этих двух песнях наверняка все бы подняли зажигалки и стали прихлопывать в такт, но при этом продолжают играть «Lithium» и «Teen Spirit», потому что иначе их выступление было бы сочтено ребячески грубым. За то, что у них в резерве еще 20 песен, и притом столь же заунывных и утонченных, как и все вышеперечисленные.

После концерта я поехал в съемную квартиру Курта и Кортни, по дороге сочиняя с Куртом странную статью о стадионных концертах и о том, как там могут побить охранники. Он надиктовывал мне один-два абзаца, потом я уточнял, каковы, на мой вкус, новые песни «Nirvana»: «Они такие же печальные и побитые жизнью, как любая вещь с опустошающего дебютного альбома „Madder Rose“[344], такие же сырые и трепещущие, как любая живая запись Дэниела Джонстона». Хотя я, конечно, ничего такого вслух не говорил; скорее всего, оба мы зевали и потягивались, а Кортни сидела у камина и читала какую-то феминистскую литературу. Как только я закончил писать обещанные 3000 слов на машинке супружеской пары, все мы пошли спать. Мы очень устали.

Дополнение: Кали Де Витт

– И вот идет время, я тусуюсь в Лос-Анджелесе, сижу на наркотиках и хочу как-то сменить стиль жизни. Кортни продолжает давить на меня, чтобы я пошел к ним на работу и жить. Она говорит: «Ну давай хоть на пару месяцев». И добавляет: «В „Cow Palace“ будет концерт, там и встретимся».

Меня самолетом отвозят в Сан-Франциско, чтобы мы встретились на концерте. Шоу оказалось отличное, настроение у меня тоже. Я был вне себя от радости. Оттуда мы поехали Сиэтл. И вот совершенно неожиданно я официально стал няней. До начала работы я не понимал, что это такое. Когда я пришел в

номер, Фрэнсис посадили мне на колени, чтобы узнать, как я ей нравлюсь. Я ей вполне понравился; мы хорошо ладили. И с тех пор я проводил много времени с ребенком на руках. Дорога в Сиэтл получилась долгой – Кортни все время останавливалась и закупалась в антикварных магазинах. Оба они все еще кололи себе бупренорфин. Это меня беспокоило. Не то чтобы я не видел ничего страшнее, но когда человек сидит в машине рядом с тобой и колется бупренорфином в ногу… Я ничего не сказал. Да и с чего бы? Я не того типа человек. Все говорят: «Надо было что-то сказать», – но подождите-ка. В такой ситуации оказываешься именно потому, что ты из тех людей, которые никогда ничего не скажут.

У меня еще не было опыта смерти друзей. Все это казалось нереальным. Сейчас, спустя десять-пятнадцать лет, я знаю достаточно героиновых наркоманов, у которых нет зубов, которым сделали операцию на бедре, а им всего-то чуть за тридцать. Люди действительно умирают. Действительно доводят себя до полного саморазрушения. Но в то время это не казалось реальностью. И это свалилось на меня в тот день, когда я увидел, что делают эти двое, мои друзья. Я очень хорошо ладил с Куртом и Кортни. Мы могли болтать о музыке весь день, и нам было хорошо.

Я: Это важный момент: многие как раз с трудом ладили с Куртом и Кортни.

– Да, и не знаю, почему я…

Я: Могу предположить. Ты был панком, и притом юным.

– И я был достаточно умен, чтобы держать все в себе. Я не бегал повсюду с рассказами, что именно я делаю. Я считал их своими друзьями, но они были старше, и я смотрел на них снизу вверх и больше слушал. На полпути к Сиэтлу мне исполнилось двадцать. На следующий день мы приехали-таки в Сиэтл. Помню, что по дороге я думал: «Отличный город, и я здесь ради них». Об этих людях явно нужно было позаботиться. А мне казалось, что я должен о ком-то заботиться, и теперь у меня была эта девочка.

Через два дня после приезда в Сиэтл случилось кое-что важное. Они сняли огромный новенький дом на озере Вашингтон. Я жил на первом этаже и считал, что это круто. Через два дня я попросил Кортни спрятать от меня наркотики. Не то чтобы я ее в чем-то обвиняю – я в то время мог отыскать наркотики везде; но она любила все упрощать и пыталась давить на людей. Она представила меня пришедшему к ним другу, Дилану. Сначала он мне не понравился, потому что тоже был наркоманом. А я собирался завязать, к тому же был настолько наивен, что думал, будто и Курт с Кортни хотят завязать, потому что они же

принимают бупренорфин и все вскоре будет хорошо. Потом я увидел его и понял.

Кортни велела, чтобы я снял из банка немного денег и пошел с Диланом кое-что купить домой. Я сразу понял, в чем дело. У меня заныло под ложечкой, и я подумал: «Нет, я не могу», – но смирился. И вот я сижу в машине с этим парнем, Диланом. Он заставил меня припарковаться в каком-то дерьмовом районе. Он выходит, возвращается и говорит: «Готово». Я понял, что речь о наркотиках, и мне сразу захотелось их, а это всегда меня очень расстраивало. Когда мы вернулись домой, я наорал на Кортни. Я кричал: «Так нельзя! Я наркоман». Возможно, одна из главных причин наших хороших отношений с Кортни состояла в том, что, в то время как другие ее боялись, я на нее орал. И ей это было необходимо. Она отвечала: «Хорошо, извини. Возьми немного». И эта свара продолжалась весь день. Нам было хреново, и оба мы пытались это скрыть друг от друга, а потом пришел Эрик. Я взял ребенка на руки и испугался. Невозможно принимать наркотики в такой ситуации. Дело было 15 апреля, через два дня после нашего приезда.

Я: А какова здесь была роль Эрика?

– Эрик часто приходил, пытаясь что-то уладить. Кортни находилась в некоторой сумятице, и Эрик был ее последним прибежищем. Он всегда оставался на стороне Кортни и часто ей помогал.

Я: А Эрик принимал наркотики?

– Он был одним из тех удивительных людей, которые могут употреблять, а могут и нет. Он не возражал против экспериментов с наркотиками, но не особенно ими интересовался. Но день выдался плохой, и я помню, что мы долго собачились, и в итоге я заплакал и стал повторять: «Я не могу здесь оставаться».

Я: Курт был там же?

– Нет, вообще не знаю, где он тогда был. Наверное, куда-то уехал с группой на пару дней. Когда Курт уезжал, а она оставалась, в доме появлялись наркотики – и наоборот. Но тут для меня все несколько изменилось. Я шел туда с решимостью завязать… но рано или поздно все равно бы сорвался. Я действительно старался оставаться трезвой няней – но в свободные вечера гулял, принимал наркотики и вел себя на свои двадцать лет.

Я: В чем состояли твои обязанности няни?

– Предполагалось, что они будут заключаться в уходе за Фрэнсис. Кортни моментально попыталась приспособить меня еще к чему-то – отправлять факсы, отвечать на телефонные звонки и все такое. Я тут же сказал ей, что ничего подобного

делать не буду. Она ответила: «Господи, только не ори на меня». Она всегда так говорила.

Кортни любит указывать людям, что делать, особенно если те сопротивляются. Ребенка на меня оставляли очень часто, иногда на целую неделю. Я не возражал. К своему удивлению, я действительно полюбил девочку. Я обожал Фрэнсис, хорошо с ней обращался, и нам было весело вместе.

Я: Что обычно Курт ел?

– В основном всякую вредную пищу: замороженные обеды, замороженную пиццу. У него была любимая пиццерия в Пайонир-сквере, и иногда я бегал туда за пиццей навынос. Мы оба любили печенья и готовые завтраки – чисто наркоманские пристрастия. Он узнал, какой у меня любимый сорт печенья, и купил мне однажды целый ящик – сюрпризом. Примерно в то же время пришла домой она – с двумя мисками. Она тратила все его деньги на дорогущие штуки. Какая-то ее часть – наверное, та, которая очень любит ссориться, – не смогла удержаться и не сказать ему, сколько они стоят. Нам эти миски показались просто прикольными, но оказалось, что они позолоченные и стоят по 600 долларов каждая. Курт рассердился и заорал на нее: «Пять лет назад денег за эти миски хватило бы на то, чтобы три месяца платить за мою квартиру!» Он уселся в моей комнате в подвале и смотрел со мной и Фрэнсис телевизор. Курт исходил гневом по поводу этих мисок. Потом собрался наверх и спросил меня, хочу ли я есть. Он насыпал две порции завтраков в эти бесценные миски, принес их вниз и сказал: «Ведь лучше их не используешь, правда?»

Я: У него внизу хранились какие-то рентгеновские штучки, так ведь?

– Да, все эти дешевые сраные фокусы и фальшивые протезы. А он тратил деньги на то, что можно увидеть на задней обложке «In Utero»: дорогие медицинские куклы. Это совсем другое. Во всех его биографиях говорят о том, каким замученным и несчастным был Курт. Я так не думаю. По-моему, он был очень веселый. Да, порой он действительно бывал замученным и несчастным, но временами он радовался как ребенок. Они оба умели меня рассмешить.

Я: Курт когда-либо упоминал своих прежних девушек?

– Нет, во всяком случае, не при мне.

Я: А Кортни как к ним относилась?

– Да, она о них говорила, а он отмахивался. Я быстро установил правила игры – кажется, в тот же месяц, как поселился в доме. Я сказал: «Слушайте, это ненормально. Не хочу постоянно быть в эпицентре ваших скандалов. И не надо спрашивать меня,

кто прав, и орать на меня», – потому что они делали так постоянно, а я этого совершенно не хотел.

Глава двадцать пятая
С широко открытыми глазами

Уильям декламирует стихотворение про какого-то паренька, который, глядите, на улице встречает, глядите, наркодилера, потом он в гостиничном номере, глядите, у него в чемодане спрятано расчлененное тело, глядите, ему очень нужно ширнуться, а у него только три доллара, глядите, Рождество, смотрите, унылый ветер снаружи, глядите, пацану плохо, все расплывается…

…и гитара нарушает тишину ночи, слушайте – завывает, как ветер на улице, звук – слушайте – идет кругами, как та веревка, на которой повесился пацан в гостиничном номере, зайдемся же криком, слушайте, как будто «священник» спорит с ублюдком…

Эта связка работает отменно.

Насколько вы готовы слушать почти смертельно монотонные диалоги Берроуза об упадке и разрушении и вместе с тем стенания гитары Курта Кобейна – зависит от вас.

Но в любом случае в этом есть нечто болезненно притягательное.

Обзор «Его называли „священник“», «Мелоди мейкер»,11 сентября 1993 года

2 мая 1993 года в службу спасения графства Кинг позвонили с Лейксайд-эйв, 11301. В полицейском отчете было написано, что Курт Кобейн находился «за два часа до того в доме друзей, где сделал себе инъекцию героина стоимостью 30–40 долларов. Потом он поехал домой, где и произошел инцидент». Когда Курт отказался открыть дверь, Кортни позвонила Венди и Ким, которые немедленно бросились на выручку из Абердина, но ко времени их приезда ситуация ухудшилась, Курта рвало, он находился в шоковом состоянии.

Такое случилось не в первый раз – по слухам, у Курта в течение 1993 года передозировки случались часто. Кортни пыталась обливать мужа холодной водой, пичкала его валиумом, бупренорфином, бенадрилом, кодеином, но ничего не помогало. Когда Курт стал синеть, приехали санитары. Его срочно доставили в больницу Харборвью, где он то приходил в сознание, то вновь проваливался в небытие, в промежутках цитируя своей сестре Шекспира.

– В тот раз у него случилась „хлопковая лихорадка“, – объясняет Кали Де Витт. – Перед уколом шприц протирается ватой. И если тончайшее волокно ваты попадает на иглу, а потом

в кровообращение, то начинается реакция на хлопок. Человек багровеет, его трясет, поднимается температура. Выглядит это куда хуже, чем передозировка.

Но не так опасно…

– Да, с настоящим передозом не сравнить, – соглашается Кали. – Это был уже второй передоз подряд. У нас сидели Джеки [Фэрри] и, кажется, Нильс Бернстайн [президент фан-клуба «Nirvana»]. Я оттащил Курта наверх и засунул его в джакузи, потом включил холодную воду, и Курт от этого очнулся. Я заставлял его ходить, а Кортни потом приготовила еду и пыталась покормить Курта. Я начал всерьез осознавать, насколько взрывоопасно жить в этом доме.

1 июня Кортни организовала собрание: она созвала Криста, Дженет Биллиг, Нильса, Венди и отчима Курта, Пэта О'Коннора. Все друзья и родственники назвали Курту кучу причин, по которым ему следует бросить наркотики, – среди них преобладали его собственное здоровье и благоденствие его дочери. Кортни подчеркнула, что стала посещать «Анонимных наркоманов» и даже пытается бросить курить[345]. Курт отказался слушать и учинил наверху дебош: это стало поводом для перебранки между гостями о том, кто виноват.

Через три дня в доме снова оказалась служба спасения, и Курт на три часа попал в тюрьму округа по обвинению в домашнем насилии. За него внесли залог в 950 долларов, а обвинение позже было снято.

В полицейском рапорте была отражена ссора супругов из-за коллекции оружия Курта. Кортни плеснула мужу в лицо апельсиновым соком, Курт толкнул ее, она не осталась в долгу, кто-то кого-то поцарапал… Позднее Курт решительно отрицал все намеки. В интервью «Спин» он заявил, что они с Кортни просто бегали по дому, в шутку кричали и боролись, когда вдруг «постучали в дверь, и там оказалось пятеро вооруженных копов».

Он прибавил, что двое из них еще спорили, кого же отправить в каталажку. Копы конфисковали оружие Курта – все три ствола, – после того как Кортни сообщила их местонахождение.

– Не думаю, что он действительно ее бил, – говорит Кали. – Они в самом деле страшно ругались, и она вела себя вызывающе. В драке Курт мог быть жестоким, но и она легко доводила его до взрыва.

Я: Тебе не кажется, что Кортни нравилось провоцировать людей и потом изображать жертву?

– Да, – смеется экс-няня. – Кортни обожает драмы. Она любит, когда на нее орут. Думаю, ей нравится, когда кто-то доминирует над ней.

Я: Это ведь, наверное, Кортни вызвала полицию.

– Уверен, что так и было, – соглашается Кали. – Думаю, они таким образом подстрекали друг друга. Одна: «Я сейчас полицию вызову». А второй: «Давай зови этих сраных копов. Дай спокойно поесть. Можешь меня упрятать в тюрьму».

Я: Как бы ты описал их как пару?

– Они были, думаю, взрывоопасной парочкой. Мне кажется, они друг другу не подходили. Из тех супругов, которые любят друг друга, не представляют себе жизни врозь, но вместе с тем готовы друг друга убить. Будь на их месте более адекватные люди, они бы это поняли и разошлись, ну или вообще держались бы друг от друга подальше. Казалось, что эти двое отчаянно пытаются починить неработающий механизм. Думаю, Курт очень ее любил и притом был гораздо более наивен, чем она.

Я: Насколько я помню, менеджмент был от них в ужасе.

– Да, они не знали, как быть, – соглашается Кали. – Когда дело касалось продажи музыки, Кортни всегда занимала скорее позицию менеджеров. И в этом состояла причина множества ссор. Та ссора, в которую вмешались копы, разумеется, была далеко не единственной.

Я: Ты знал о коллекции оружия Курта?

– Я не подозревал, что у него больше одного-двух стволов, – отвечает Кали, – но ведь почти любой может купить оружие. Это вовсе не значит, что человек собирается покончить жизнь самоубийством.

Я: Это же Америка, боже мой.

– Да, это Америка.

Я: Как-то Курт рассказывал мне о том, что все его стволы названы в честь журналистов.

– Ну нет, это как-то слишком интимно, – возражает эксняня. – Хотя такое точно говорилось. Однажды вечером Кортни спросила меня – и совершенно серьезно, – как я считаю, не согласится ли Рене убить собаку Линн Хиршберг. Предполагаю, что Линн Хиршберг любила свою собаку больше всего на свете. Пару дней Кортни талдычила мне: «Позвони Рене, пусть приедет. Я отправлю его в Нью-Йорк и дам пять штук баксов. Пусть только убьет эту собаку». Я не стал звонить Рене – вдруг бы он согласился. Вряд ли, конечно, но мне вообще не хотелось его впутывать. Через несколько дней она все равно про это забыла.

Я: А я хорошо помню разговор с Куртом, и он тогда говорил: «Если я помру, то сначала прихвачу с собой парочку этих ублюдков».

– Да, я слышал от него такие слова. Хорошо, что он этого не сделал. Это все изменило бы.

Споры об «In Utero» шли весь апрель и май.

Хотя «Nirvana» заявляла, что Геффен не оказывал на них никакого давления и менеджмент не пытался внести изменения в записи Альбини, в частном порядке все было иначе. В своем дневнике Курт описал возможные условия: сначала выпустить оригинальную версию – «бескомпромиссный восьмидорожечный вариант для винила и кассет», а через месяц издать набор ремиксов под названием «Verse, Chorus, Verse» («Куплет, припев, куплет») с предупреждающим стикером: «Компромиссная версия для радио». Жаль, что не случилось именно так.

Решение появилось сразу после мастеринга CD. Мастеринг имеет огромное значение: немногие группы, впервые входящие в студию, осознают, что мастеринг так важен для записи и настолько меняет звучание. И вот кто-то просто сделал погромче вокал на записи Альбини и добавил компрессии – и нет проблемы. Через месяц Геффен нанял продюсера «R.E.M.» Скотта Литта для переделки «Heart-Shape Box» и «All Apologies» (откуда было убрано большое количество шумов) в студии «Bad Animals» в Сиэтле; Курт добавил на «Heart-Shape Box» акустическую гитару и бэк-вокал, и все были счастливы. Разве что кроме Альбини… или меня. Ну и черт с нами.

«Эту группу можно запереть в студии на целый год, но я не думаю, чтобы запись вышла лучше, – говорил в раздражении Альбини Майклу Азерраду. – Если она не подошла лейблу, то у лейбла, значит, какие-то проблемы, и притом вовсе не с записью. Проблемы с группой. Чем быстрее все это поймут, тем легче будет для обеих сторон».

Это опровергает Дэнни Голдберг:

– Давление оказывала не звукозаписывающая компания, а сам Стив Альбини. Курт хотел поработать со Стивом, потом что ему нравился его стиль, к тому же Курт хотел сотрудничать с кем-то из независимого мира, чтобы показать ядру своих слушателей, что он до сих пор один из них. Записано все было быстро. И миксы вышли очень грязные. Мы с Гэри [Герш] сразу сказали, что голоса не слышно, а ведь слова – важная составляющая. Курт согласился. Поэтому мы попросили Скотта Литта сделать синглы. А уже потом Альбини утверждал, что Геффен давил на Курта, что только он сам уважал цельность музыканта; но на деле Курт держал запись под своим полным контролем. Он выбрал человека для пересведения и одобрил получившиеся версии.

В мае Курт придумал название – «In Utero», позаимствовав его из поэзии Кортни, и разработал дизайн обложки альбома. Первая страница – полноразмерная прозрачная модель женщины

со всеми внутренними органами, воздевающей руки в мольбе, с чуть наклоненной головой – взята из классической модели для школы под названием «Брунгильда: прозрачная женщина», которую используют американские школы, чтобы обучать школьников женской анатомии. Курт добавил пару крыльев. На задней странице обложки размещался тревожной розоватой расцветки коллаж из кукол, кишок, зародышей, пуповин и цветов: «Предположительные последствия убийства», как определил Курт.

– Как-то днем в воскресенье Курт позвонил мне и говорит: «Надо сфотографировать кое-что для альбома», – вспоминает Чарлз Питерсон. – Он говорил: «Приезжай скорее, а то всё погибнет». Я схватил первую попавшуюся пленку из холодильника и выехал. Он разместил на полу столовой этот коллаж – гвоздики, тюльпаны и пластмассовые части тела.

В пустой гостиной всегда был включен большой телевизор, – продолжает фотограф. – Весь дом напоминал какую-то дыру, Курт и Кортни жили там каждый своей жизнью. Пока я фотографировал этот коллаж – что оказалось непросто, надо было быть осторожным, и вообще натюрморты – не моя сильная сторона, – Курт проигрывал «In Utero» на магнитофоне в кухне. Это был свежий микс, с секвенциями и всем таким. Отлично звучало. Курт спросил: «И что ты об этом думаешь?» Он действительно колебался. Если честно, то сейчас, на хорошем стерео, мне бы очень не понравилось. Пришлось бы настраивать басы и высокие частоты. Но тогда, на бумбоксе, это казалось настоящей классикой «Nirvana».

Жизнь шла своим чередом. Крист по-прежнему выступал против гомофобских и цензурных законов. На поверхность продолжали всплывать слухи о распаде группы, Курт иногда публично заявлял о своем желании сформировать группу с Марком Армом или Марком Лэнеганом. Курт все еще принимал наркотики и теперь почти не скрывался, так что посетители поняли, что визиты следует наносить, принимая во внимание, под кайфом Курт или нет. Тот возмущался, считая себя полностью адекватным в любом случае. Кортни продолжала ходить по магазинам, изобретать план захвата мира и приглашать друзей.

– В Миннеаполисе по отношению ко мне вели себя странно, – говорит Джессика Хоппер. – И Кортни попросила Дженет [Биллиг] купить мне билет, чтобы я смогла побыть недельку у них в Сиэтле под тем предлогом, что я выбираю себе колледж.

Тот дом им до странности не подходил, – продолжает она. – Там был бежевый палас, в духе пригородного гнездышка.

Симпатичный, новой постройки, нормальный дом, с кофейным столиком и всем прочим. Наверху была неприбранная комната, где хранились все записи и гитары Курта. С кухней было все в порядке, только повсюду валялись кучи писем и факсов, а по полу в столовой были в изобилии разбросаны медицинские модели зародышей. На стенах граффити – маркером и губной помадой; наверху, у комнаты Курта, Кортни нарисовала нечто под названием «Я, блин, тебя люблю» на чистенькой стене и чистеньком коврике. Они просто засрали этот прекрасный дом; казалось, что там никто не живет. На стенах ничего не висело. Пару дней я просто слонялась по дому, иногда общаясь с Фрэнсис и ее няней[346]. Курт и Кортни закрывались в спальне, откуда порой доносились поручения Кортни. Я взяла такси до Кэпитол-хилл и купила несколько альбомов.

Однажды меня попросили подержать микрофон, когда они решили записать вместе несколько песен. Они пели «Pig Meat Papa», песню Лидбелли, я держала микрофон и Фрэнсис одновременно, и она начала плакать. В записи это слышно. Они пели вместе, а Курт играл. Они записали две песни Лидбелли – второй ту, которой заканчивается альбом «MTV Unplugged» [«Where Did You Sleep Last Night»], а потом Кортни стала уговаривать его сыграть еще что-нибудь. Оба они были под кайфом. Все, что я увидела в то время, убедило меня, что, несмотря ни на какое утомление и напряжение, я никогда не прибегну к наркотикам: ведь я так любила и уважала этих людей, а они еле разговаривали, каждый в своем собственном мире.

1 июля, в день приезда Джессики Хоппер, «Hole» проводила концерт в Сиэтле в клубе «Офф-рамп». В тот же день в «Сиэтл таймс» вышла история ареста Курта. Кортни была в своей лучшей форме – пленительна, саркастична, вступала в перебранки, играла песни из «Live Through This» – в том числе «Doll Parts» на акустической гитаре[347] – и упоминала газетную статью, говоря: «Думаете, мой муж – классический любитель отколотить жену? НУ УЖ НЕТ!» Курт и Крист появились уже после концерта – они ездили на выступление Леонарда Коэна.

– Мы пообщались с дочерью Леонарда Коэна, Лоркой, после его концерта в Сиэтле, – говорит Эрни Бейли. – Она оказалась очень милой.

– Кали встретил меня в аэропорту, – вспоминает Джессика. – Мы заходим поесть, немного тусуемся, она отвозит меня домой и уезжает по делам. Потом они с Куртом едут на Леонарда Коэна. По пути на концерт Курт отвозит меня и Кортни в Кэпитол-хилл к Кэт [Бьелланд] и Стю [Спазм, солист «Lubricated Goat»[348]]. Кэт

там нет, впрочем, она меня все равно ненавидит, и дверь открывает потный-потный Стю в яркой ковбойке. Тут же я думаю: «Ага, понятно: *поручение*…» Меня оставляют в гостиной и говорят, что дело займет всего несколько минут.

Двадцать минут спустя я все еще сижу там и читаю журнал, но слышу, как в кухне творится что-то странное. Меня зовут туда: Курт сидит на невидимом стуле и явно не в себе. У Кортни тем временем вспухла рука, она вся пошла пятнами и побледнела – так бывает, когда в кровь попадает вата, – она в жутком беспорядке и на грани паники. Стю потеет, под кайфом и в ужасе одновременно. Все они понимают, что находятся не в той форме, когда можно показаться на людях, и им нужна моя помощь…

Я сама в некоторой панике. Мне говорят, что я должна о них позаботиться и довезти до концерта, хотя я еще никогда не водила автомобили с ручной коробкой передач. Курт говорит: «Я тебя научу». Выбежав, я принимаюсь звонить с каждого телефона-автомата домой, надеясь, что Кали меня выручит. Как ни странно, в одной из очередей за мной стоял Марк Арм…

На обратном пути я плакала и очень нервничала, но наконец поймала Кали, он приехал и все исправил. Это был мой первый день в Сиэтле с ними.

1 июля «Tim / Kerr records» выпустил ограниченным тиражом «Его называли „священник“» – 10-дюймовую пластинку. На ней был записан монолог Уильяма С. Берроуза под гитару Курта. Это был односторонний сингл с автографами обоих исполнителей на другой стороне. Берроуз был для Курта своего рода наставником, музыкант даже предлагал этому мятежнику сняться в клипе на «Heart-Shape Box». Сложно говорить, насколько позитивную роль сыграл для Курта Берроуз: воспевая наркотики и друзей-наркоманов, он сделал героин привлекательным в глазах певца – к несчастью, подобное случается и в наши дни, когда упоминается пристрастие к наркотикам Курта. Однако запись была отличной. Гитарная партия была взята с сессий на студии «Loundry Room» в ноябре 1992 года.

– Наверное, Курт был очень польщен тем, что смог поработать с Берроузом, – комментирует Эрни. – Это был его герой.

Через три дня Дэйв Грол на время воссоединился со «Scream» и поехал с ними в турне по США из 10 концертов. «Dischord» выпустил каталог «Scream» на CD. «Лос-Анджелес таймс» так писала о последнем концерте: «Дэйв Грол перегрузил обычный панк-роковый ритм ураганом барабанных дробей и парадидлей». Да уж.

Держа в уме склонность «Scream» к распадам и возрождениям в зависимости от того, как складываются отношения между участниками группы, было соблазнительно рассматривать это как продолжение карьеры столичной группы. Грол отдалился от лагеря «Nirvana»: они с Кортни здорово поскандалили при записи «In Utero», группа в первой половине 1993 года сыграла только раз, к тому же Дэйв пытался выпустить на детройтском лейбле кое-что из своих записей в «Loundry Room».

– Дэйв никогда не приходил в этот дом, – говорит Кали. – Было очевидно, что Дэйв и Крист не любят Кортни, но Крист очень любил Курта и пытался остаться ему другом, не взирая на царящее в доме безумие. Курт относился к Дэйву несколько предвзято, как будто тот все еще новичок.

– Если мы с Куртом куда-то ходили, – продолжает экс-нянька, – например, на концерт Пи Джей Харви, то, значит, Кортни точно не было в городе. А когда ее не было, время шло куда веселее. Я в шутку весь вечер давал автографы от имени Дэйва Грола, потому что у меня были длинные черные волосы. Курт очень нервничал перед концертом Пи Джей Харви [«Under The Rail», Сиэтл, 9 июля], потому что она ему очень нравилась.

Да и всем нам. Первые записи Пи Джей Харви («Dry», «4 Track Demos») характеризуются живостью, злобой и силой. Английской исполнительнице удавалось проникать в самую глубь чувств, притом с той язвительностью, которая защищала ее саму. К тому же Полли – замечательный блюзовый гитарист: песни ее на вид просты, но ритмы оригинальны и очень сложны. Сначала она находилась под влиянием многих блюзовых гитаристов и героев контркультуры, таких как Патти Смит и Ник Кейв (из его образа готического распутника Полли многое почерпнула для себя), но вскоре утвердилась как равная среди равных.

– Дело было во время турне «Rid Of Me» [третий альбом Пи Джей Харви], и зал был заполнен только наполовину, – продолжает Кали. – Полли была великолепна. Курт хотел попросить ее поехать в турне с «Nirvana». После концерта мы прошли за сцену, и я знаю, чего ему стоило обратиться к ней с просьбой. Она вежливо, но решительно отказала. И благодаря этому, наверное, стала нравиться ему еще сильнее.

– Я слышал, что Кортни очень беспокоилась по поводу интереса Курта к Пи Джей Харви, – комментирует Эрни.

Кортни беспокоилась по поводу любой девушки, к которой Курт испытывал интерес в любом виде, – но тут, надо сказать, Полли как раз подходила под стереотип Олимпии, который нравился Курту: темноволосая, эмоциональная, с перепадами настроения, талантливый музыкант и притом очень умная

девушка.

17 июля «Nevermind» наконец-то выпал из топ-200 «Биллборда» после 92 недель нахождения в чарте.

Через шесть дней «Nirvana» отыграла второй концерт в сезоне в Нью-Йорке, в «Roseland Ballroom», вмещавшем 4000 зрителей. Это было частью Нового музыкального семинара – ежегодного значимого события в шоу-бизнесе. Вокруг здания змеилась очередь. Пораженные участники семинара, сверкая беджиками, пытались войти: не тут-то было. Внутри группа разогрева, «Jesus Lizard», исполняла свой типичный анархический вуду-блюз: солист Дэвид Йоу прыгнул со сцены еще до того, как прозвучал первый аккорд.

– Зал был большой, там была огороженная полотном VIP-зона, и все мое панковское нутро противилось этому, – замечает немецкий промоутер Кристоф Эллингхаус. – Мне это показалось хамством. В VIP-зоне было полно накачанных гопников, которых Курт боялся, спортивных болельщиков.

– Шоу было закрытое, но о закрытых шоу обычно знают все, – вспоминает Кали. – Они решили попробовать взять еще одного гитариста [им выступил второй гитарный техник Курта, Большой Джон Данкан] и виолончелистку [Лори Голдстон].

Большой Джон ранее попал в шоу «Top Of The Pops», сверкнув там ярким ирокезом, – это было в 1980 году, когда он играл на гитаре в типичной панк-группе «The Exploited». Большой Джон – классный парень, телосложением напоминающий бочку; явно не из тех, кого спокойно встретишь в темном переулке, – играл на гитаре и в ужасной шотландской команде «Goodbye Mr McKenzie» вместе с будущей вокалисткой «Garbage» Ширли Мэнсон.

Лори была настоящей, опытной виолончелисткой, опорой угрюмого сиэтлского «The Black Cat Orchestra», на который большое влияние оказал джаз. «Nirvana» познакомилась с Лори, когда та приняла участие в концерте, посвященном событиям в Сараеве.

Голдстон вспоминает:

– Они сказали, что им нужны виолончелист на турне и запись «MTV Unplugged». Курт хотел расширить спектр инструментов. Он считал свою манеру пения не очень удачной. Полагал, что голос у него пропадает. Поэтому он решил приглушить инструменты и играть причудливую камерную музыку. Хотел еще гобой. Курт был очень проницателен. Он мог обозначить, что играть дальше, просто повернувшись. Он любил говорить кратко. Для меня, выходца с Лонг-Айленда, где все говорят прямо, это был какой-то тайный код.

На первом концерте я очень волновалась и даже начала курить, – продолжает она. – Концерт прошел удачно. Несколько сюрреалистично.

Так все и было. «Nirvana» начала с «Serve The Servants» и «Scentless Apprentice» с «In Utero» – двух песен, незнакомых публике, но полных адреналина – после чего рванула по полной, перейдя на «Breed» и «Lithium». Все как с ума посходили, безудержно и с энтузиазмом подпевая группе. На Курте были темные очки от «Devo» и его красный полосатый «шмелиный» свитер – практически торговая марка. («Но мне обязательно нужно надеть именно его, у меня же фанаты!» – взмолился вокалист, когда Кортни пыталась вразумить его перед концертом.) Крист, в черной рубашке с жестким воротничком и с короткими волосами, выглядел аккуратно и опрятно. Дэйв яростно барабанил, ухмыляясь, как Чеширский кот.

Затем последовала «Rape Me», мучительная и поразительно уместная. Большой Джон вышел на сцену, с длинными волосами и подстриженной светлой бородой, и добавил огня четырем следующим песням: «Aneurysm», «Territorial Pissings», элегического звучания «Heart-Shaped Box» и столь же прекрасной «All Apologies»; размашистая игра Голдстон на виолончели добавляла плотности музыке.

«Бывают звуки, которые берут шоу-бизнес штурмом, – выкрикнул Крист. – И они называются… альтернативный рок!»

После «All Apologies» толпа загудела в ожидании: они были готовы начать танцевать под ту музыку, какую они привыкли слышать и видеть на MTV. Вместо этого они получили… акустическую «Nirvana»! «Nirvana Unplugged». Казалось, что происходит какое-то недоразумение. Кто-то смеялся, кто-то хлопал, кто-то удивительно быстро потерял интерес к происходящему и начал громко разговаривать – не верилось, что это те же дикие фанаты, которые так жаждали увидеть святого Курта Кобейна всего несколькими минутами раньше. Позор: ведь средняя часть получилась трогательной и одновременно являлась смелым экспериментом со стороны Курта для улучшения звучания группы.

– Никто не врубился, ведь первая часть концерта была настолько мощной, – предполагает Эрни. – Казалось, Крист вознесся над землей. Я и представить себе не мог, насколько здорово может звучать ритм-секция. Окончание же вышло смазанным, хотя бы потому, что я слышал, как во время акустического сета люди разговаривали. Не могу сказать, отвлеклись они или напугались. В нише у боковой стены толпилось множество деятелей шоу-бизнеса, и казалось, что шум

исходил оттуда, по крайней мере частично[349].

И тут… «Nirvana» оборвала выступление, собрала инструменты и покинула сцену. Они просто ушли. Никто не знал, что теперь делать. Никто не хлопал, не кричал. Молчание. Даже разговоры прекратились. Вдруг группа вернулась, чтобы небрежно пробежаться по «Smells Like Teen Spirit», и Курт упал на колени перед пультом.

После этого настроение за сценой было странно сдержанным. На то были причины: как Кортни объяснила мне, выщепив меня перед концертом из заполнявшейся народом VIP-зоны, где я тусовался с «Sonic Youth», Беком, «The Beastie Boys», «Girls Against Boys», «Urge Overkill», «Babes In Toyland», «Melvins»… (и это только те, кто со мной еще разговаривал!) – всего за несколько часов до выхода «Nirvana» она обнаружила своего мужа бездыханным на полу их гостиничного номера.

– Приехал в Нью-Йорк – значит, приехал в гостиницу, – говорит Кали. – Конечно, все наркоманы хотят достать героин. Известно, что в Нью-Йорке героин белый, в отличие от бурого на Западном побережье. Тут он цвета дегтя, а на Восточном побережье фарфоровой белизны. Если вы наркоман с Востока и употребляете все время черный, то белый героин почти не окажет на вас воздействия. Белый более безобиден. Это не та липкая штука, которую приходится долго обрабатывать. Он продается в симпатичных маленьких пакетиках.

Все наши гостиничные номера были на одном этаже, но, наверное, через добрых восемь-девять дверей друг от друга. В день концерта я услышал, как Кортни зовет меня через весь этаж. Я промчался по коридору, открыл дверь, а Курт лежит на полу в трусах с иглой в руке, и глаза у него широко открытые, и он не дышит. Как хорошо известно, он был довольно щуплым, так что я вынул у него из руки иглу, поднял с пола и начал бить в грудь, прямо в область грудины, и как можно сильнее. После второго-третьего удара из него вышел весь воздух и он начал снова дышать. Он закрыл глаза, потом вновь открыл их и огляделся в недоумении. Крики взбудоражили множество людей на этаже, к нам бежали другие с вопросами «Что происходит?». Появилась охрана. Я сказал: «Давай его оденем». Курт спросил, в чем дело, и Кортни ответила: «Ты был мертв, ты был мертв!» Я провел его мимо всех, запихал немного еды, и мы прогулялись по Таймс-сквер. Потом я был просто в ужасе. Я совершенно не разбираюсь в кардиостимуляции, так что просто чудо, что я ударил его в нужную точку.

Я: Это особенно интересно, потому что Антона Брукса поразили ваши с Кортни действия – как у «опытных санитаров». У

него сложилось впечатление, что ты очень часто этим занимаешься.

– Если все время употреблять тяжелые наркотики, в итоге придется это делать довольно часто, – поясняет Кали. – Под «часто» я имею в виду раз в месяц. И я не только про Курта, могу насчитать человек восемь-девять, которым мне приходилось это проделывать. Раз уж я «опытный санитар», то всегда сравниваю это с тем, что человек обретает сверхъестественную силу, если на него летит автомобиль. Адреналин зашкаливает, бояться нет времени. В голове мелькают образы. Образ твоего друга, который лежит в одних трусах с иглой в руке и открытыми закатившимися глазами и не дышит, словно вспышка запечатлен в душе. В тот же вечер Курт играл концерт перед множеством людей, и это была отличная работа, но я все время думал: «Он был мертв четыре часа назад, и никто из этих людей ничего об этом не знает». Это было ужасно. Думаю, он и сам испугался.

Через пару недель после Нового музыкального семинара «Nirvana» сыграла еще один закрытый концерт. На сей раз это было благотворительное мероприятие в поддержку Фонда расследования убийства Мии Запаты, в Кинг-театре, в Сиэтле, 6 августа. Также играли Тэд и бывшая группа Патти Шемель, «Kill Sybil». Запата была популярной местной певицей с потрясающе эмоциональным голосом, которая возглавляла местную панк-группу «The Gits» и была найдена изнасилованной и задушенной в центре Сиэтла ранним утром 7 июля.

– «Nirvana» стала хедлайнером в последний момент, – вспоминает Джиллиан Дж. Гаар. – И поэтому никто не был уверен в том, что они и впрямь будут выступать. Они начали с «Seasons In The Sun». Голос Курта звучал скрипуче и жестко, так и прошла вся песня. Было круто.

За сценой состоялась крупная потасовка между Кортни и женой Тэда, Барбарой Беймер – по сплетням, размерами она не уступала самому Тэду Дойлу.

– С ней Кортни точно не стоило связываться, – комментирует Пейдж Хэмилтон. – Она разбила ее по всем статьям.

– Можно с уверенностью сказать, что большинство тех, кто долго жил в Сиэтле, не любили Кортни, – мудро вещает Кали.

Я: Кали, по-моему, это и так не тайна.

– Эго Кортни не терпит побоев, – предполагает он. – Думаю, Курт очень рассердился на Тэда из-за этого. Как муж, который защищает свою побитую жену.

Я: По крайней мере, он говорил мне, что Тэда приглашали играть в турне «In Utero», но после этого инцидента все было

отменено. Помню, как Курт сказал: «Что поделать? Тэд мой друг, но его жена напала на мою. Не игнорировать же это?»

– Это была такая неохотная ярость, типа «от меня ждут, что я вступлюсь за свою жену», так ведь? – спрашивает Кали. – Даже если он знает, что та неправа. Наверное, она сама нарвалась. Когда живешь с человеком, которого ненавидят все твои друзья, это не очень-то приятно. Ты хочешь, чтобы друзья оставались друзьями, но если они охаивают твою жену, то приходится что-то делать. Это стало еще одной причиной его одиночества.

Дополнение: Первый день рождения Фрэнсис Бин

– Второй мой приезд в Сиэтл совпал с днем рождения Фрэнсис [18 августа], – вспоминает Джессика Хоппер. – Мы с Кали [к тому времени они сошлись] слушали «Bad Brains» и кувыркались с Фрэнсис на кушетке, как панк-рокеры. Курт этажом выше разбирался со своими записями. Он прокомментировал: «Хотел бы я так же радоваться музыке». Фрэнсис была почти всецело доверена нашим заботам: мы сделали ей небольшой ирокез с помощью «Кулэйда» и покрасили волосы, но на следующий день нас за это поругали – сказали, что она ребенок, а не собака: «Ребята, ну что вы. Она же ребенок». Хотя мы и так знали, что она ребенок: на ней была крошечная дутая куртка с голубым кружком «Germs» на спине.

Во время приезда я встретила Майкла Азеррада: он приезжал заканчивать книгу [«Come As You Are: История „Nirvana“», вышедшая с одобрения «Gold Mountain» в тщетной попытке прекратить более оскорбительные публикации о группе]. Все считали, что уж со стороны Майкла ничего не грозит, потому что рок-журналистом он был веселым и общительным, просто умником. Он задержался там на день-два с интервью. Над всем витала атмосфера секретности, и мне наказали: «Не заглядывай в бумаги». А меж тем валялись они везде.

– Фрэнсис отметила свой первый день рождения в том доме, – говорит Чарлз Питерсон. – Праздник вышел с размахом. Я отщелкал пару пленок «поляроидов» и в конце дня отдал Курту. Все собрались в пустой гостиной и дарили годовалой малышке подарки. Кто-то подарил большой красный трехколесный велосипед, на сиденье которого был изображен анархический символ. Подарков было вагон и маленькая тележка. Я сидел рядом с Куртом, и надо сказать, что никогда я не видел его таким печальным и озабоченным. А ведь ему полагалось радоваться в первый день рождения его дочери, но, видимо, набор деревянных

строительных кубиков его уже доконал. Я вспомнил фотографию, на которой снял его выходящим из музыкального магазина, где он закрывает лицо руками. Точно такой же вид у него был и сейчас: «Господи, что за кошмар?»

– А мне день рождения запомнился по-иному, – комментирует Джессика. – Странно было, что в доме столько народу – как семейный праздник, хотя семьи у них не было. Нильс, его братья, Чарлз, Кали, Патти, человек десять. Фотография за фотографией – Кортни и Фрэнсис смеются и играют, все улыбаются. Курт выглядел каким-то отшельником; эти двое существовали в такой изоляции от остальных, как будто на льдине плыли. Паранойя царила над всем. Они подозревали в чем-то даже самых близких людей; не пригласили никого, кроме своих сотрудников и еще пары человек. Я бы сказала, что Курт был озабочен, и не Фрэнсис и ее днем рождения, а просто тем, что ему пришлось находиться среди людей.

Глава двадцать шестая
«Нам радостно, нам весело»

Ненавижу рок-н-ролл.

Да и как же иначе? Посмотрите, что он сделал с «Nirvana». Сначала они радостно разъезжали по миру, пытаясь сделать как можно более коммерческий альбом, чтобы достучаться до как можно большего количества людей. И вот потом они достигли своей цели – и поняли, что пути назад нет, что это их жизнь, хотят они того или нет.

Никто не говорит о том, что у жажды наслаждений есть обратная сторона: ноющие головные боли, простуды, паранойя – и все это будет с тобой многие годы.

В сентябре 1993 года «Heart-Shaped Box» (на обратной стороне вышли «Milk It» и композиция Дэйва Грола «Marigold»[350]) стал первым британским синглом из «In Utero» – в чарты он ворвался на пятом месте. На передней обложке был снимок одной из коробок сердечком из коллекции Кортни, а вокруг лежали цветы на серебряной фольге; сзади помещалась еще одна фотография Чарлза Питерсона: инсталляция Курта из кукол, похожих на зародыши, лепестков и всякого хлама морозно-голубого цвета. В США песня попала на радио и вышла в виде клипа, но не как сингл. Геффен, озабоченный тем, что «In Utero» получился некоммерческим, отказался дать разрешение на выход синглов с альбома, чтобы они не отвлекали внимание от продаж.

Клип был снят известным голландским фотографом Антоном Корбайном, но все прошло не без споров: режиссер Кевин Керслейк в 1994 году возбудил уголовное дело, заявив, что идея клипа украдена у него. В ролике были использованы вызывающие, темные образы: девочка, одетая ку-клукс-клановкой, распятая фигура Иисуса в костюме Деда Мороза или, может быть, Папы, маковое поле, черная ворона, свисающие с деревьев зародыши…

«Я всегда рисовал абстракции, – объяснял Курт „Мелоди мейкер“. – Я люблю непонятные сны. Я бы с большим удовольствием посмотрел кино без всякого сюжета. Большинство моих текстов кажутся бессвязными, потому что я брал строчки из множества своих стихов и смешивал».

Ситуация с Керслейком возникла в сентябре: режиссер предложил несколько решений, еще до того как ему сообщили, что в его услугах не нуждаются, однако в итоге «Nirvana» сняла клип, который очень похож на его версии. Решение было

странным, ведь Керслейк уже ставил четыре клипа «Nirvana» («In Bloom», «Come As You Are», «Sliver», «Lithium») и помогал Курту продираться сквозь часы концертной пленки и любительских съемок «Nirvana» для компиляции полноценного фильма (он вышел уже после смерти Курта под названием «Live! Tonight! Sold Out!!»). Решение Курта не приглашать Керслейка и ничего ему об этом не говорить было просто образцом пассивно-агрессивного поведения Курта. (Кто-то усматривает здесь руку Кортни, не в последнюю очередь из-за того, что Антон Корбайн – это рок-фотограф с определенным именем, работавший с Дэвидом Боуи и «U2».) Курт даже пригласил Керслейка на вручение наград MTV 2 сентября, поскольку клип «In Bloom» был номинирован.

– Я был на съемке клипа «Heart-Shaped Box», – говорит Кали. – Это был еще один интересный день, опять начались склоки. Мы были в Лос-Анджелесе, в «Четырех сезонах». По-моему, они крепко поругались. Кортни пилила его по поводу «Gold Mountain». Она говорила: «Этот клип для тебя очень важен, так что не провались. Тебе нужно выглядеть хорошо». А он ей: «Заткнись, дура. Я буду выглядеть самим собой. Как буду, так и буду. И хватит мне талдычить, насколько это важно».

Грызня продолжалась несколько часов, – продолжает Де Витт. – Шло все медленно, но Курт наконец сделал классический жест: он прижег себе сигаретой самую середину лба. Повалил дым, выглядело все просто ужасно. А он говорит: «Что, теперь ты довольна? Теперь я куда лучше, блин, выгляжу, так ведь?» Тут она заметно сдулась. Посмотрите клип, и вы заметите, что у него на лбу много грима: ожог был действительно сильный, большой и в самой середине. На крупных планах заметна прядь, которая все время находится в самом центре лба. Ее пришлось приклеить.

«In Bloom» победил в номинации «Лучший клип альтернативного рока» на церемонии MTV. Когда группа появилась, Кортни выглядела как последняя голливудская старлетка: на ней было белое платье с низким вырезом, волосы тщательно взъерошены, она сжимала Фрэнсис Бин, волновалась, обращаясь к прессе, и вообще была неузнаваема, если сравнить с тем обликом, в котором она два года назад познакомилась с Куртом. Ничего особенного на церемонии не случилось, разве что фургон группы приехал поздно и Крист, торопясь на церемонию, чуть не перепрыгнул через Джеффа Амента из «Pearl Jam».

Через шесть дней, 8 сентября, Курт и Кортни в первый – и последний – раз вышли вместе на сцену в клубе «Lingerie» в Голливуде. Это был благотворительный концерт «Рок против насилия». Также выступали чисто женская панк-группа «7 Year

Bitch» и Эксен Червенка (солистка «X»). Кортни сыграла «Doll Parts» и «Miss World» одна, после чего пригласила на сцену «своего мужа Йоко», который немедленно вышел, и пара сыграла вместе «Where Did You Sleep Last Night?» и «Pennyroyal Tea» (основу живого сета «Hole»).

«Nirvana» перестала быть главной рок-группой в мире – теперь эта сомнительная честь принадлежала «Pearl Jam», чей новый альбом «Vs» побил все рекорды еще при выходе: первое место в чартах «Биллборда», 950 тысяч проданных экземпляров в Америке за первую неделю. Для сравнения: «In Utero» за первую неделю разошелся всего в 180 тысячах экземпляров после выхода 21 сентября[351] – хотя тоже оказался на первом месте. Правда, во многом столь низкая цифра была обусловлена тем, что две крупнейшие американские сети, «Уол-март» и «Кей-март», отказались продавать альбом из-за зародышей на обложке. Также им не понравилось название «Rape Me». Позже Геффен пересмотрел иллюстрации, и теперь фанаты могли купить альбом и в этих магазинах: зародыши убрали, а название песни изменили на «Waif Me» (с «Изнасилуй меня» на «Брось меня»).

«Одна из главных причин, по которой я подписал контракт с крупным лейблом, – объяснял Курт, – состояла в том, что теперь наши записи можно будет купить в „Кей-марте“. Кое-где и магазинов-то других нет».

– На церемонии MTV Кортни впервые появилась в платье из серии «хочу быть другой», – комментирует Кали. – Дело было примерно в то же время, когда та часть ее личности, которая уже была ей неприятна, начинала говорить официанткам и стюардессам «Да ты знаешь, кто я такая?». Она представила меня Дэнни Голдбергу, и в нем я нашел воплощение всего, что я не люблю в людях шоу-бизнеса. Эти же черты, думаю, не нравились и Курту, и как раз поэтому Кортни, мне кажется, хорошо относилась к Голдбергу. Кортни нравилась власть, которой, по ее предположениям, обладал Дэнни. Она могла бесконечно поучать нас, как все мы ошибаемся в Дэнни.

Я: Я помню, как Кортни познакомила с Дэнни меня. Он пожал мне руку, но было очевидно, что он думал: «Зачем ты тратишь мое время на эту личность?»[352] Мне очень нравится изречение: «Надо судить человека не по тому, как он относится к равным или высшим, но по тому, как он обращается с людьми, которым повезло меньше, чем ему». Большинство людей шоу-бизнеса далеки от понимания этого.

– Хорошее изречение, – соглашается Кали. – Менеджмент Голдберга Курту не нравился. А Кортни всегда старалась убедить его, что он один из них: «Ты теперь крутой, а те неудачники,

которых ты так любишь, – они и есть неудачники». Это был один из главных поводов для ссор.

Точка зрения Кали на отношения Курта со своими менеджерами, возможно, навеяна желанием Курта выглядеть панк-рокером в глазах своего младшего крутого приятеля. Возражая тем требованиям, которые предъявлял к нему Дэнни, и нанимая Дилана Карлсона вести счета «Nirvana», Курт тем не менее действительно доверял своему менеджеру. В своем завещании он указал, что если Кортни умрет, то Дэнни и Розмари Кэрролл надлежит стать опекунами Фрэнсис Бин[353].

Возможно, он просто нуждался в ком-то, кто заменил бы ему отца…

– Мы были самыми старшими из тех, кого он знал и у кого была относительно здоровая семья, – поясняет Голдберг. – Вокруг нашлось не так много женатых пар с детьми, в обществе которых ему было бы уютно. Полагаю, он считал, что в его собственной семье этому требованию не удовлетворяет никто. А мы его любили. Очень волнующе было общаться с очевидным гением.

Выступление «Nirvana» в «Roseland» стало пробным камнем для предстоящего турне «In Utero».

Курт решил, что настало время включить в концерты еще одного гитариста; акустическая середина с добавлением виолончели стала шагом в правильном направлении. Он начал поиски старых панк-рокеров, заметив с необдуманной иронией: «Большинство из них наркоманы». Потом Кали предложил позвонить Пэту Смиру.

Пэт (настоящее имя Джордж Рутенберг) подходил идеально. Он родился и вырос в Западном Лос-Анджелесе в смешанной семье (мать – оперная певица негритянско-индейского происхождения, а отец – полунемец-полуеврей, изобретатель-иммигрант). В 1962 году, в трехлетнем возрасте, он убежал в коммуну Иисуса. В детстве он посещал Школу инновационных программ в Санта-Монике, созданную для учащихся, которым не подходит обычная образовательная рутина; там он и встретил будущего солиста Дарби Крэша. В 1976 году эти двое основали «The Germs»[354]. Рутенберг принял имя Пэт Смир («кашица»), потому что в школе часто давали клейкую кашицу, которую он находил отвратительной.

Будучи участником «The Germs» (а позже солистом и музыкантом у таких исполнителей, как немецкая певица Нина Хаген), Пэт имел все основания считаться панком до мозга костей. В припеве песни 1994 года «Screaming Skull» его имя упоминала группа «Sonic Youth». Сингл «Germs» 1977 года,

«Forming» / «Sexboy (live)», обычно считается первым панк-синглом в истории Лос-Анджелеса, а дебютный альбом группы 1979 года «GI», продюсером которого стала Джоан Джетт, – высшей точкой американского хардкора конца 70-х.

Пэт снимался в кино («Бегущий по острию бритвы», «Говард-утка»), появлялся в мейнстримовых телешоу как атипичный панк и уже прошел через обычную наркоманскую драму: Дарби Крэш покончил с собой в 1980 году, в возрасте 22 лет. Культовое документальное лос-анджелесское панковое кино Пенелопы Сфирис «Упадок западной цивилизации» – там запечатлены концерты «Black Flag», «X», «The Germs», «Alice Bag Band» и «Circle Jerks» – было снято вскоре после смерти Дарби.

У Пэта была особенность: перед выходом на сцену он снимал туфли и выступал в носках, что облегчало его работу с «Nirvana». Хотя важнее, конечно, было его чувство юмора.

– Мы все время красили ногти и наряжались – совершенно не собираясь, например, идти в музыкальный магазин и вообще покидать дом, – говорит Рене Наваррете. – Когда в группу добавился Пэт Смир, мы выглядели как настоящая банда гомиков. Это был глэм-период, потому-то нам так и подошел Пэт. Он был панк-иконой, он хотел делать то же, что и мы: накачаться, нарисовать себе грим и потом по этому поводу шутить. Когда я узнал, что Пэт не гей, мне стало еще легче. Куда лучше просто забавляться с сексуальностью, особенно если тем, кто тебе не нравится, от этого не по себе. Мы не вели развратного образа жизни. Сколько бы мы ни шутили по поводу частей тела, у Курта была очень даже традиционная ориентация.

– Пэт был беден, он уже десять лет жил со своей девушкой, – говорит Кали. – Большие группы вроде «Red Hot Chili Peppers» предлагали ему стать у них гитаристом [в начале 1993 года], но он отказывался. Говорил, что будет играть только в «Nirvana». Пэт был очень возбужден, и для группы это стало отличным зарядом юмора и хорошего настроения. Курту он нравился.

– Пэт веселый парень, – объясняет Эрни Бейли. – Он умеет не заморачиваться – и не знаю, в чем тут дело: в его характере или в том, что он понял, что мы относимся к нему почти как к живому идолу. Я часто смотрел на полночных сеансах в Спокане «Упадок западной цивилизации», и едва ли не больше всего мне нравились там «The Germs».

Впервые Пэт сыграл с «Nirvana» в шоу «В субботу вечером» 25 сентября 1993 года. В отличие от января 1993 года, передача прошла без инцидентов – разве что актер Адам Сэндлер пригрозил изобразить Эдди Веддера, а Кортни устроила истерику, потому что решила, что в этом обвинят Курта. Группа с душой

сыграла пару отличных песен – «Heart-Shaped Box» и «Rape Me», – звук двух гитар отлично поддерживала виолончель Лори Голдстон.

– Они действительно выступали с удовольствием, – комментирует Кали. – Энергия Пэта на сцене очень отличалась от того, к чему они привыкли. Он поначалу волновался, но когда начались песни, то впал в такое безумие, какого не видать никому из них. Все смотрели на него: «Глядите-ка, какой классный чувак играет нашу музыку».

– Вроде бы тогда же «The Breeders» играли наверху с Конаном О'Брайеном, а Джей Мэскис был за сценой, – неуверенно говорит Эрни. – Мы видели, как по залу идет Майк Майерс, одетый как леди для кофе, и его никто не узнал. Я еще подумал: «Что это за женщина в таком неподходящем платье?» Ру Пол [королева мод Восточного побережья] оказалась очень забавной, мы с ней сразу же сошлись. Джон Сильва заказал всем нам новую обувь в «Converse». Пэт, Дэйв, Курт и я получили туфли на каблуках, а Крист предпочел низкую подошву.

У Пэта была гитара «Charvel Stratocaster» [такой же пользовался Эдди Ван Хален, рокер-подхалим], – продолжает гитарный техник «Nirvana». – Лакированная, из натурального дерева, с тремоло-системой – явно не то, что подходило «Nirvana» в гитарном смысле. Когда он открыл чехол, наступило молчание. Мы все только знакомились с Пэтом, потому не знали, как бы получше сказать ему, что на такой гитаре он у нас играть не может. У Курта была голубая «Mosrite» [как у Джонни Рамона – гораздо круче], которая пострадала после того потопа. Я отчистил и подремонтировал ее, так что мы предложили Пэту играть на ней.

В.: Что пришло тебе в голову, когда Курт предложил тебе присоединиться к «Nirvana»?

– Сначала я решил, что надо мной прикалывается мой приятель Карлос «Кейк» Нуньес, но за пару дней до того мне уже звонила Кортни[355] *и предупреждала, что вскоре позвонит Курт и сделает мне предложение, так что я был, в общем-то, готов. Конечно, я тут же согласился! Это была моя любимая группа, Кейк уже пытался раздобыть для меня номер телефона Курта, потому что я прочел интервью, где он говорил, что хочет расширить «Nirvana» до квартета. И я знал, что ожидаются новый альбом и турне. В любом случае я потом узнал, что Майкл «Кали» Де Витт предложил меня, и все устроилось наилучшим для меня образом.*

В.: Как тебе показались первые две недели?

– Пугающими. Я никак не мог избавиться от ощущения, что не заслуживаю такого. Но Курт и Кортни пригласили меня в гости и обращались как с членом семьи, на репетициях все было круто, так что я довольно быстро адаптировался.

В: Расскажи немного о том, чем ты занимался в музыкальном мире в период с распада «The Germs» и до поступления в «Nirvana».

– После смерти Дарби я отошел от музыки, но вскоре вернулся. Я играл во множестве местных групп, но, наверное, никогда не стремился сделать карьеру, хотя мне это удалось, не продаваясь. Я никогда не заключал контрактов с крупными лейблами, никогда не получал авансов под альбом – а значит, ничего никому не был должен – и никогда не проводил полноценного турне, пока не связался с «Nirvana».

Интервью Расмуса Холдена с Пэтом Смиром, www.nirvanaclub.com, сентябрь 2002 года

Где-то в это время у Курта появилась идея о сотрудничестве с Майклом Стайпом[356]. Они встретились на вечеринке у Криста и Шелли на 54-й улице, 2253, Гринлейк.

– Там были и ребята «Fugazi», – вспоминает Эрни. – Мы в подвале играли с Майклом в пинбол, когда приехали Курт и Кортни. Слышно было, как Кортни наверху спросила: «А где Майкл Стайп? Я хотела бы его видеть». Сначала мы нервничали, стараясь быть вежливыми, – но тут она как грохнется в нашу комнату с лестницы! Замечательное вторжение.

Курт так и не поработал со Стайпом – но Стайп действительно был одним из тех, к кому Курт проявлял интерес, но больше теоретический, чем реальный. Больше всего ему хотелось играть в группах-«проектах», вроде тех, что были у Кэлвина и Тоби… но когда друзья предлагали ему подобное, он начинал подозревать, что те хотят объединить усилия, чтобы воспользоваться его славой. Возможно, это стало одной из причин, по которой его голоса нет на «Live Through This».

– Я никогда не считал, что он разочаровался в «Nirvana», – спорит Дэнни Голдберг, – но ему как художнику хотелось попробовать себя и с другими музыкантами. Он хотел оставаться на плаву в творческом плане. Его терзали в то время постоянные сомнения.

Как ни странно, почти все мои воспоминания о концертах «Nirvana» в 1993 году счастливые.

Главная причина этого, видимо, заключается в команде техников группы, классных ребят. Также удачно, что в турне появились новые песни, после того как участники группы

преодолели свой параноидальный страх перед аудиопиратами. (По-моему, в любительской записи концертов нет ничего плохого. В этом случае деньги не достаются шоу-бизнесу, и фанаты счастливы. Никому это не мешает покупать оригинальные альбомы.) То, что Геффену удалось продать не так уж много копий «In Utero», очень порадовало Курта. К тому же в группу влился Пэт Смир… а с ним почти невозможно быть несчастным.

Однако нет смысла отрицать, что ситуация в последнем турне «Nirvana» по США была далеко не идеальной. Между Куртни и всеми остальными существовал явный разрыв; увеличивался разрыв и между самими Куртом и Кортни. Взаимоотношения Курта с менеджментом обострились до такой степени, что Джон Сильва открыто назвал Курта «наркоманом»; к тому же далеко не секретом было то, что Курт ненавидит Сильву и в большинстве случаев обращается к его помощнику, Майклу Майзелю. О чем только Курт не препирался со своим менеджментом! О записи «In Utero», о домашних делах, о разного рода поправках, о товарищах по группе, о роялти, о наркомании, о своем внешнем виде, об отзывах в прессе… он даже категорически заявил, что в 1993 году хочет отдохнуть от турне – но нет, вот он, в самом длинном турне «Nirvana» за всю историю. К тому же в интервью Курт пренебрежительно отзывался о Дэйве, а его дружба с Кристом определенно знавала лучшие дни.

Неприязнь Курта к мейнстримовой культуре все росла, чему способствовала и отчаянная любовь Кортни к этой самой культуре. Давно прошли те денечки, когда он нянчил идею стать звездой, когда ему не терпелось забраться с Кристом и Чедом в фургон и мчать в следующий уютный клуб. Для турне «In Utero» были наняты два автобуса – один для Курта и Пэта Смира, а второй для остальной части группы и технических сотрудников[357].

– Все решительно переменилось, – говорит Рене. – Кортни подыскивала себе местечко на гребне славы, в то время как давление на Курта все увеличивалось. Я поехал с ними в Нью-Йорк на «SNL», но как только мы туда приехали, мы с Кали заявили, что у нас отпуск. Нас просили остановиться в «Парамаунте», но мы жили в «Сент-Марке» и принимали наркотики с Джи-Джи Аллином; мы просыпались на полу, обсыпанные травкой, с братом Джи-Джи, но это было круто. У Курта случилась передозировка, пока мы там были, и на нас здорово разозлились, потому что не могли найти ни меня, ни Кали. Но это проблемой не было. Мы высмеяли Курта: «Как, ты передознулся пакетиком?» – в Нью-Йорке продают другие сорта

героина. «Ты же думал, что пакетики куда лучше?» – так и было, и мы над ним все время подшучивали. Он своим странным тихоокеанским северо-западным выговором отвечал, что ему нравится быть богатым наркоманом. Казалось, ему это приносит радость.

– Напряжение витало в воздухе, и я чувствовал, что «Nirvana» долго не протянет, – говорит Эрни. – Я не хотел ехать в турне «In Utero». Я предчувствовал кошмар. Стрессы в сочетании с возрастающей неприязнью Курта к Дэйву, которую я считал несправедливой. И я решил, что прикроюсь своим рестораном как предлогом для ухода.

Тут Курт поставил меня в неловкую ситуацию, – продолжает он. – Он сказал: «Давай я найму в твой ресторан управляющего, чтобы тебе не пришлось заниматься им самому». Я хмыкнул и пробормотал, что не могу на это согласиться. И тут до него дошло, что я ухожу из «Nirvana», а ведь никто еще не уходил из группы – всех вышвыривали. Пэт потом говорил, что Курт мне очень завидовал – тому, что я могу просто все бросить и послать к черту, а ведь сам он уже столько раз этого хотел. И вот они уехали в турне «In Utero», а через два дня мне позвонил Крист. К моему немалому удивлению, он рассказал, что пока все идет хорошо. Когда они отвлеклись от внешних раздражителей, то стали вновь получать удовольствие от игры.

Все действительно шло куда лучше, чем можно было ожидать. Большинство компетентных источников приписывают этот факт тому, что Кортни была чаще всего далеко: она занималась другими вещами – записывала «Live Through This» и играла на редких концертах «Hole». Также ходили слухи, что она спит с другими мужчинами, в частности, с солистом «Lemonheads» Эваном Дандо и старой своей привязанностью, Билли Корганом.

– Если бы Кортни была в турне, то гастроли бы не так удались, – заявляет Кали. – Напряжение можно было бы резать ножом. А раз она отсутствовала, то все вернулись к доброму старому времени. И в основном все было хорошо. Со мной, Пэтом и Куртом часто катался Алекс [Маклеод]. Он делал все что мог, чтобы управиться с этим дурдомом на выезде. Концерты были гораздо масштабнее, а публика на них приходила подчас не совсем та, перед которой им хотелось бы выступать.

У меня не осталось записей о концертах, на которых я был. Главное условие, на котором Курт допустил меня в свой автобус, что я не буду ничего писать о «Nirvana» в «Мелоди мейкер». «Да ты уже задолбал, – жаловался он. – Почему нельзя просто поехать с нами по-дружески? Если захочешь как-нибудь потом написать

книгу, я не буду возражать, но сейчас, пожалуйста, никаких интервью или обзоров». Конечно, я принял его условия.

Турне «In Utero» началось 18 октября.

На роль групп разогрева Курт выбрал несколько своих любимых коллективов – разумеется, «The Breeders», «Half Japanese», «Meat Puppets» – и попросил совета у Кали по поводу остальных.

И как солист, и как участник «Half Japanese», Джед Фэйр был удивительно плодовит. Он выпустил бесчисленное множество альбомов наивной, чарующей музыки: два типа песен – «чудовищные» и любовные. Я люблю Джеда за его теплоту, за его очки, за то, как он освобождает музыку от мусора и возвращает ее к истокам – к человечности, к хорошим текстам и четкой мелодии. Я люблю его за безграничный энтузиазм и скромный гений. Наверное, называть Джеда наивным неправильно, потому что он определенно знает, что делает, но ту чистоту, которая, на мой взгляд, лежит в основе почти каждой великой музыки, сложно назвать иначе.

Джед никогда не настраивает гитару, поскольку считает, что такие действия противоречат духу рок-н-ролла, то есть спонтанности. Он в жизни не купил ни одной гитары: ему достаточно тех, которые выбрасывают другие музыканты. Гитару «J28», на которой он играл в турне 1991 года с «The Pastels», он подобрал на помойке в Глазго на следующий день после приезда. Он поет в тональности F, порой скрипуче, всегда экспрессивно. В своей парке с капюшоном и очках с толстыми стеклами он выглядит эксцентричным дядюшкой. Я видел, как Джед на концертах отбивает ритм сложенной газетой по перевернутому мусорному ведру и поет под эти звуки. Я слыхал, как Джед с ходу импровизирует песни, от которых сердце разрывается – от удовольствия и страсти, заложенной в них. И я видел, как «Half Japanese» играют на стадионе – притом совершенно в том же духе.

«Я надеваю наушники, и мы с Джедом делимся своими маленькими секретами в моллах и аэропортах, – написал однажды мне Курт. – Я люблю слушать в самой цитадели американской культуры именно Джеда Фэйра и „Half Japanese“, – объяснял он. – От этого я чувствую себя чужаком; я как будто не иду, а плыву, как во сне. Но если бы люди вокруг слышали эту музыку, они бы растерялись, они бы не понимали, что делать, бегали бы по стенам и хватали ртом воздух. Так что я хочу слушать эту музыку громко, представляя себе, что она раздается из колонок торгового центра».

Что можно сказать о «Meat Puppets»? Есть четыре альбома

американского хардкора начала 80-х, которые иметь необходимо: это дебютные альбомы «Flipper», «The Minutemen», команды Иэна Маккея, предшественников эмо «Minor Threat» – и напряженный, скованный, взрывной и поразительно веселый альбом 1981 года длинноволосых братьев Кирквудов, Курта и Криса, который так и назывался – «Meat Puppets». Редко встретишь такой перекошенный, маниакальный вокал, редко гитары звучат так параноидально и угловато. Поклонники хардкора любили «Puppets» за их головокружительную скорость, которая значила для трио из Финикса, штат Аризона, больше, чем замысловатые комбинации трех аккордов. Смещенный гитарный стиль Курта Кирквуда можно было определить как нечто среднее между хиллбилли, хеви-метал, психоделикой и кантри-госпел-группой 50-х «The Oak Ridge Boys». Басовые партии его брата содержали презабавные ошибки. Два их альбома середины 80-х, «Meat Puppets II» и «Up In The Sun», повлияли на целое поколение музыкантов, от Джея Мэскиса до Курта Кобейна включительно.

«The Breeders» же были лучшей рок-группой своего времени. Ким Дил одевалась как механик, а пела как ленивый ангел. Ее голос прямо-таки истекал похотью, а в своих гедонистических устремлениях она дала бы фору и Киту Ричардсу. Бывшая миссис Джон Мерфи писала лучшие поп-песни своего поколения, никогда никому не желала угождать, поступала так, как считала нужным – например, часто выпускала скучную песню в стиле кантри, – и бражничала с дальнобойщиками из Огайо. И никогда не извинялась за то, что принимает наркотики.

– Курт предложил мне подыскать несколько групп для поддержки турне, – говорит Кали. – Я выбрал «Jawbreaker»[358] и «Chokebore». Приглашение на гастроли «Jawbreaker» вызвало целую драму в панк-мире. Люди думали: «Продались они или нет? Можно ли их продолжать любить?» Я же наслаждался той свободой, которую получил на гастролях с «In Utero». Курт смеялся над тем, как мне удавалось разыскать настоящих маленьких панков и вручить им проходки, а Кортни, когда та оказывалась рядом, это приводило в ярость. Иногда я отправлялся домой, потому что возник спор, вынесет ли Фрэнсис все турне.

Между тем Фрэнсис действительно нравилось в поездках, – продолжает экс-нянь. – Она узнавала музыку отца: как только тот начинал играть, она стремилась на сцену. Ей было чуть больше года, поэтому мы надевали ей наушники и уводили с середины концерта. Но ей нравилось быть рядом.

Первый концерт прошел в 15-тысячном «Veterans Memorial Coliseum» в Финиксе, штат Аризона; также выступали

«Mudhoney». Декорации были впечатляющими, я бы даже сказал – пышными: две полноразмерные репродукции «Прозрачной женщины» с обложки «In Utero», крылья ангелов и какие-то непонятные, искусственные деревья.

Однако вышло не так здорово, как могло быть.

– На репетициях оформления сцены в Лос-Анджелесе планировалось показать Дантов ад на большом белом экране за группой, – рассказывает Эрни. – Было так драматично и мощно, когда они играли на фоне немого фильма двадцатых годов. Но кто-то посчитал, что нанять обслугу и взять ее в турне обойдется слишком дорого, так что идею пришлось забросить. Не было уверенности, что билеты будут хорошо продаваться.

Это было первое для «Nirvana» турне по большим аренам, и к размеру площадок музыканты привыкали с трудом. «Я чувствовал себя басистом „Aerosmith“, когда в первый вечер включили все прожекторы», – признавался в новостях MTV Крист. В том же интервью Курт распространялся на тему того, что он больше не может выступать в небольших клубах и безнаказанно прыгать со сцены в зал; как он в ужасе отшатывается от поклонников, которые «хотят разорвать меня на сувениры». В ответ на воинственные действия своих фанатов группа порой саркастически исполняла припевы песен стадионного рока – в Финиксе это была «Dream On» «Aerosmith»; в Альбукерке, штат Нью-Мексико, – «What's Up» группы «4 Non Blondes»[359] и мозаика из риффов «Led Zeppelin».

«Когда-то мы были просто бродягами в фургоне, которые делали свое дело, – рассказывал Крист журналу „Мьюзишен“ в октябре 1993 года. – Теперь у нас есть менеджер турне, команда техников, и это бизнес. У нас есть расписания и прочее дерьмо. Когда-то это было приключением. А теперь стало цирком».

Тем не менее первый концерт прошел удачно: кульминацией стала бурная версия «Smells Like Teen Spirit», а закончилось все более спокойно – «All Apologies»[360] с виолончельным аккомпанементом. Но об этом было бы сложно узнать из обзора концерта в «Ю-эс-эй тудэй»: «Творческая анархия выродилась просто в плохой концерт, потому что группа перешла допустимые границы сознательного хаоса».

«Круто, – заметил Пэт Смир, в то время как все впали в натуральную депрессию от критических стрел. – Этот журналист нас прямо разоблачил».

Перед концертом в Канзас-Сити 21 октября Алекс Маклеод отвез Курта в близлежащий городок Лоренс, где тот встретился со своим идолом-наркоманом Уильямом С. Берроузом. (Ту десятидюймовую пластинку они записывали по отдельности.)

«Встреча с Берроузом была очень важна для Курта», – говорил потом Маклеод. Эти двое немного поболтали, а потом Курту уже пора было ехать на концерт. Берроуз позже заявил, что разговор не касался наркотиков. «В этом парне есть нечто странное, – заявил литературный гигант. – Он хмурится без особых причин».

На следующий вечер, в Дэвенпорте, штат Айова, толпа пустилась танцевать еще до того, как «Nirvana» вышла на сцену. Потом Курт заглянул в мексиканскую забегаловку в двух кварталах от зала перекусить. «Еще в школе я больше всего любил тако», – сказал он представителю «Geffen» Джиму Мерлису, пока детишки стояли и глазели на него, не веря собственному счастью.

В Чикаго, штат Иллинойс, 23 октября, на первом концерте в «Aragon Ballroom», группа сыграла неизвестную прежде песню – «You Know You're Right»[361], и Курт вальсировал с одним из ангелов. По самому большому счету концерт был великолепен – определенно намного лучше, чем второй, где группа отказалась играть «Teen Spirit», а Курт со зла на фанатов бросал на сцену мокрые футболки и закоротил собственный пульт.

«Сегодняшний концерт – второй для „Nirvana“ в „Aragon“ – оказался полным отстоем, – писал „Роллинг стоун“. – Акустические особенности помещения превратили даже такие торпеды, как „Breed“ и „Territorial Pissings“, в мешанину риффов, а Курта довели до белого каления постоянные проблемы с гитарой и вокалом. Были просто блестящие моменты: скрипучий крик Кобейна прорезает глубокое эхо зала в напряженном, взрывном припеве „Heart-Shaped Box“; краткая, но ошеломляющая „Sliver“ с горячим соло приглашенного гитариста Пэта Смира. Но не было „Smells Like Teen Spirit“, и когда концерт закончился, то повсюду раздавалось громкое шиканье».

– В Чикаго выступили плохо, потому что Бобкэт [Голдтуэйт, американский комик, более всего известный по «Полицейской академии»] неудачно пошутил, – вспоминает Лори. – Со мной за сценой была подруга-актриса, она держалась настороже и заставила меня высунуться и посмотреть на сцену. Тогда все говорили об убийстве отца Майкла Джордана или что-то в этом роде. И Бобкэт начал шоу с того, что отпустил по этому поводу тупую шуточку. Зрители его прибить хотели. Все не заладилось с самого начала. За сценой вообще наступило долгое молчание. И звук был плохой.

Чикагский концерт сигнализировал о деградации группы – но это не так уж беспокоило Курта, который за сценой спокойно и весело играл с Фрэнсис. Казалось, что «Nirvana» необходимо было дать действительно плохой концерт, чтобы вновь начать получать удовольствие от общения друг с другом. Так или иначе, после

того вечера настроение у ребят действительно поднялось, и турне пошло по накатанной колее: дорога, гостиница, саундчек, гостиница, концерт, дорога, гостиница, саундчек, гостиница, концерт, дорога… при этом раздавались и интервью – когда «Gold Mountain» удавалось убедить группу в необходимости таковых.

Обычно «Nirvana» за 95 минут выступления играла 20–25 песен, в том числе «акустическую секцию» («Dumb», «All Apologies», «Jesus Doesn't Want Me For A Sunbeam»[362], «Something In The Way» и т. д. с Голдстон на виолончели), после чего группа выходила на бис, что чаще всего заканчивалось разгромом инструментов[363].

– Я ездила с группой, – говорит Лори. – Все были очень милые, вежливые и уважительные – диких выходок было на удивление мало. Но черт возьми, это было так скучно! Я чувствовала какой-то сенсорный голод: все гастроли мне говорили, куда идти, все время играли одно и то же, каждый вечер. Музыка мне нравилась, каждый вечер я смотрела все выступления, но мне не подходил режим: сыграла одно и то же, в одной и той же последовательности, пошла домой смотреть кабельное телевидение. Я много общалась с Кристом – сам знаешь, он смешной. Я: Он к тому времени уже бросил пить?

– Не совсем, – отвечает виолончелистка. – Но он не выступал пьяным, и это была уже большая победа. Мы говорили о политике, о его семье. Говорили и с Дженнифер [Янгблад, фотограф и невеста Дэйва Грола]. Говорили с Шелли. Они очень милые. И с Эрни было очень приятно пообщаться.

26 октября «Nirvana» дала концерт в «Mecca Auditorium» в Милуоки, штат Висконсин. Это было последнее шоу, когда на разогреве выступали «Mudhoney» и «Jawbreaker»: на следующий вечер, в Каламазу, штат Мичиган, их сменяли «Boredoms»[364] и «Meat Puppets».

– Это турне с «Nirvana» было ужасно, – восклицает гитарист «Mudhoney» Стив Тернер. – Худшее в истории, наверное. Все было уж слишком организованно. Крист бросал тогда пить, так что менеджмент «Nirvana» запретил нам даже пиво в номерах держать, а потом эти же самые менеджеры заваливались к нам в комнаты и спрашивали, нет ли чего-нибудь выпить. На гостиницы, в которых мы порой даже не жили, тратились тысячи и тысячи долларов, но зато они все время пеклись о каких-то мелочах: каждый день кого-то увольняли, например, если какой-нибудь грузчик сказал не то. Курт выглядел несчастным и одиноким, и это было очень печально…

А через пару месяцев мы должны были выступать с «Pearl

Jam», – продолжает Стив, – и мы думали: «О господи. А *сейчас-то* что будет?» Но получилось круто. Все были счастливы – и группа и техники, радостно обнимались, менеджеры оказались милейшими людьми, но решения все равно принимала группа. Просто небо и земля. Оттого-то я возненавидел… менеджера «Nirvana», – смеется он. – Ну немножко, по крайней мере. Мне просто было жаль их, и мир большого рока окончательно перестал мне нравиться.

Концерт в «Michigan State Fairgrounds Coliseum» в Детройте был следующим, и там Курт пулей сбежал со сцены, когда в него попали брошенным ботинком. Затем были два шоу в Огайо. На первом, в Дейтоне, Курт и Крист почему-то вбили себе в голову, что в зале присутствует Чед Ченнинг, и отказались продолжать выступление, пока их прежний барабанщик не поднимется на сцену и не сыграет с ними «School». Концерт прервался на 10 минут, в течение которых парочка импровизировала на тему песни «The Stooges» «Down On The Street», пока наконец-то не поняла, что Ченнинга среди зрителей нет.

На втором выступлении, которое проходило в Хеллоуин в Акронском университете, группа приоделась к празднику: Курт – большой фиолетовый динозавр Барни с бутылкой «Джека Дэниелса», Дэйв был в костюме мумии, Пэт – Слэша из «Guns N' Roses», а Крист изображал темнолицего Теда Дэнсона[365] из сериала «Привет», и на лбу у него красовались буквы «PC» («политкорректно»). Настроение группы изменилось после очередного метания ботинка, и снова прямо в голову Курту. На этот раз, однако, он не сбежал со сцены, а расстегнул молнию, отлил в ботинок и запустил его обратно.

Затем турне пересекло канадскую границу. После аншлагового концерта в «Maple Leaf Gardens» в Торонто (вместимость 8500 человек) Крист вместе с «The Meat Puppets» устроили совместный джэм. Они играли одуряющие инструменталы, Крист был на гитаре, и возможно, что «Nirvana» приняла решение предложить братьям Кирквуд составить им компанию на «MTV Unplugged» именно после этого раза.

5 ноября прошел неистовый концерт в университете Буффало в Амхерсте, штат Нью-Йорк. Вдруг Курт бросил «In Bloom» на середине и начал орать на секьюрити, которые не давали фанатам танцевать перед сценой: «Эй вы, в желтых рубашках, валите отсюда, вы все портите. Они никому не мешают, пусть остаются». После чего прыгнул в зал.

Через два дня, в Вильямсбурге, штат Виргиния, к турне присоединились «The Breeders» и «Half Japanese».

– «The Breeders» были очень классные, – говорит Кали. – Ким

[Дил] все турне не переодевалась. Уверен, что это преувеличение, но я запомнил именно так. Она была одета как сотрудница бензоколонки: грязные джинсы и грязная футболка. Всегда была с бутылкой виски и косячком. У нее были седые волосы – не совсем, конечно, но все же, и она перед концертом их смазывала жиром, чтобы седины не было видно. Смешно видеть, когда человек беспокоится о таких пустяках, особенно учитывая, что сама она не менялась и постоянно пила. Однажды группа начала репетировать без нее. Потом позвали ее: «Эй, время идти на сцену». Она брякнула: «Вот же дерьмо», – потом огляделась, схватила с тарелки с закусками ветчину и начала водить ею по волосам, чтобы втереть жир, а потом побежала по лестнице. Мы просто потеряли дар речи. Кажется, Кортни сказала: «Теперь ее надо звать Сыромятная Кожа». Меня впечатлило!

Я присоединился к турне «In Utero» 9 ноября, в день выхода сингла «All Apologies» в Британии. «Geffen» снова отказался выпускать его в США, опасаясь, что из-за этого уменьшится объем продаж самого альбома[366]. На стороне «B» была «Rape Me», еще более окоченелая и слабая, чем в отдельности, а также совершенно замечательный трек, не вошедший в альбомы, – живой и веселый «MV».

Я признал в «Мелоди мейкер» диск синглом недели, наряду с замечательным «Rebel Girl» от «Bikini Kill».

До сих пор отчетливо помню опасную поездку из маленького аэропорта в Бетлеме, штат Пенсильвания, до «Stabler Arena», в университет Лехай, через бесконечный черный лес – я вышел с самолета и не обнаружил ни такси, ни транспорта, ничего; только какой-то парень подошел и спросил, не подбросить ли меня, – и то чувство облегчения, которое посетило меня, когда я увидел яркие огни арены сквозь деревья.

Сам спорткомплекс был большим, холодным и негостеприимным. Снаружи никого не было. Да и не должно было быть. Он располагался черт знает где, к тому же я опоздал и волновался из-за всех этих среднезападных штучек. Казалось, что это отдаленный привет мне из тех дней, когда я разбивал голову о басовую колонку в клубах Сиэтла, прыгал на сцену «Astoria» в слепом неистовстве, не тревожась насчет собственной безопасности, а вокруг меня грохотали инструменты. Казалось, что это отречение от всего, что я любил в рок-музыке, в Олимпии, в «Nirvana». Где то чувство спонтанности, живого общения? Не на лицах ли примерно тысячи охранников в оранжевых жилетах, сопровождавших меня через бессмысленную цепь баррикад? Не в звуках ли эхо, которое создавала сама арена, в той смертельной

клаустрофобии рока, которая чувствовалась в теплом, неподвижном вечернем воздухе? В рядах пластиковых сидений, на которых сидели фанаты «Aerosmith» и «Pearl Jam» и смотрели на группу, которая часто выступает на MTV?

Я просочился к двери и потребовал от стоявших при ней быков, чтобы меня впустили. Черт возьми, я же Эверетт Тру! Я приятель всех ваших сраных звезд! Один звонок Алексу Маклеоду – и я уже могу ходить где вздумается. Я встретился со своим товарищем по путешествию, фотографом «Мелоди мейкер» Стивом Галликом, которого привез из Нью-Йорка эксцентричный солист «Mercury Rev», Дэвид Бейкер. Стив развлекал нас, изрыгая алфавит по порядку, и вообще вел себя как герой фильмов о кунг-фу, с соответствующими звуковыми эффектами. Помню, что одной из причин, по которой Курт без малейших сложностей воспринимал Стива, был их «обмен репликами» при первой встрече: Курт громко рыгнул Стиву в лицо, а в ответ тот закинул голову и издал такую отрыжку, громче которой я в жизни не слышал. Курт был потрясен.

– У меня есть фотография Курта, на которой он напоминает Христа в Вифлееме, – замечает Стив, – и это довольно забавно.

Позже я представил Дэвида Бейкера Курту, а когда первый ушел, Курт отозвал меня в сторонку и заявил: «Не хочу больше даже рядом находиться с этим человеком». Странно, ведь Курт обычно терпимо относился к моим причудливым приятелям, а Дэвид вообще был очень приличный. Хотя, конечно, иногда мог напрягать своей паранойей.

Несмотря на малоприятную атмосферу вокруг, я тоже сохранил и об этом, и о последующих концертах хорошие воспоминания; это были лучшие выступления «Nirvana» с 1991 года. Толпы народа на большой хоккейной арене бросали на сцену ботинки и потом, словно бы по какому-то непонятному пенсильванскому ритуалу, шли домой босыми. Настроение было приподнятым, Пэт действительно оказался целебным средством для коллектива, Кортни не было рядом, и все обожали сестер Дил (Ким и Келли из «The Breeders»). К тому же очень интересно было взглянуть на «Half Japanese» в такой большой аудитории, а «Nirvana»… «Nirvana» звучала потрясающе.

На следующий день мы со Стивом поехали в Спрингфилд, штат Массачусетс, на туристическом автобусе Курта, вместе с Дэйвом, Кристом и Алексом – старая братва ненадолго воссоединилась. Мы смотрели фильм «Укуренные». На Дэйве была забавная футболка с Майклом Джексоном, и Стив рассказал Курту безвкусный анекдот о поп-короле. Курт предложил Стиву не смеяться над незнакомыми людьми.

– Теперь я все собираюсь в ад, – комментирует это Стив, – чтобы рассказать Курту несколько анекдотов о нем самом.

В тот вечер на концерте Курт стоял у края сцены, глядя на выступление «Half Japanese», и тут фанат окликнул его, спрашивая огоньку. Курт тут же метнулся в зал и дал ему прикурить, отчего парень прибалдел. Концерт вновь был великолепен, особенно едко звучала «On A Plain», а громкие концовки «Scentless Apprentice» и «Blew» оказались такими мощными и настолько затянулись, что согнать Курта со сцены стало возможно, только когда Пэт запустил в его направлении бутылкой воды «Эвиан», а то бы Курт так и стоял, кроша в опилки свою гитару. Старые песни вроде «About A Girl» и «Sliver», казалось, с каждым исполнением прирастают новыми смыслами, а все, кто сомневался в феминизме Курта, должны были уловить в этом турне его духовную самокастрацию в «Heart-Shaped Box» или в яростной «Frances Farmer».

В других обозрениях говорилось, что Курт на концерте выглядел истощенным – что ж, возможно. Помню, что мы до концерта раздавили по порции виски. Но шоу получилось что надо – прозвучали и «Territorial Pissings», и «Teen Spirit», и «Rape Me», и жгучий рефрен из первой песни «Radio Friendly Unit Shifter» – «What's wrong with me?», который особенно выиграл от его вызванной алкоголем спонтанности.

Позже кое-кто из нас решил устроить в другом клубном автобусе группы вечеринку, посвященную «Queen»: Крист, Стив, Келли Дил, биограф «Nirvana» Майкл Азеррад и я. «Вечер закончился на какой-то парковке, и закончился замечательно, – писал Галлик позже в своей фотокниге о „Nirvana“. – Крист подарил мне шар для боулинга и кусок сломанного телевизора, по которому мы когда-то смотрели клипы „Queen“. Видимо, это был приз за „лучшее впечатление о Фредди“. Клипы принадлежали Курту, который обычно ухитрялся как-то скрывать свою любовь к „Queen“ от прессы».

Назавтра был выходной: «Nirvana» посетила выступление английских панков старой школы «Buzzcocks» в Бостоне. Я тоже уехал, а вернулся с солистом «Sebadoh» и «Folk Implosion»[367] Лу Барлоу и его будущей женой Кэтлин Биллус уже в Фитчбург, Массачусетс, на концерт в Центр Джорджа Уоллеса 12 ноября, где и представил Лу Курту.

Я знал, что оба они ценили творчество друг друга.

Я: Помнишь, как впервые встретился с Куртом?

– Конечно, я, собственно, тогда его видел в первый и последний раз, – отвечает Лу. – Они играли на ледовом катке в

Массачусетсе. Ощущения были странные. Мы оба ценили друг друга, и разговор у нас получился как раз таким, какой обычно и выходит у людей, любящих музыку друг друга, при первой встрече. У него был концерт, кругом сновали люди, и первым делом он сказал мне, что ему жаль, что «Nirvana» не играет джэмы. По его мнению, «Sebadoh» чувствовала себя более раскованно. Ему, кажется, было неловко за то, что «Nirvana» погрязла во всей этой рок-рутине и разъезжает в больших автобусах.

Я: А что тебе нравилось в «Nirvana»?

– Они были похожи на «Melvins», но легче, – говорит певец. – Мне было жаль Курта, ведь он хотел, чтобы группа была экспериментальной и радикальной, но они писали хиты и превратились в модную группу. Дело было в голосе. Смесь «Black Sabbath» и «Bay City Rollers», как он говорил – по крайней мере, я так запомнил. Но я не попрекал их тем, что они больше не принадлежат к лоу-фай, инди-року, что они больше не экспериментальная группа.

Я: Ты считаешь, что «Nirvana» сильно продвинулась на рынке?

– Да, но не вовремя, – вздыхает Лу. – Я считал, что они просто приемлемо звучат, пишут отличные тяжелые песни, но им удается доводить свои альбомы до большого количества слушателей. Круто, когда у металлической группы нет соло-гитары, когда у них отличный вокалист, который поет не про секс или наркоту. Он поет свою импрессионистскую лирику. А это великая комбинация. Возможно, это моя любимая металлическая группа наряду с «Black Sabbath». Благодаря им я познакомился с лучшими образцами простой, но трогательной лирики и с отличным солистом. Это и есть «Nirvana». Я знаю, что Курт очень любил инди-рок, что ему не вполне нравилась собственная музыка по сравнению с творчеством других. Но то, что он делал, он в любом случае делал хорошо. Возможно, это удавалось ему слишком легко, что его и смущало.

На следующий вечер, в Вашингтоне, округ Колумбия, я стоял у сцены и следил за выходом «Nirvana» на бис, незаметно прикладываясь к виски, чтобы скрыть его от сердитого взгляда Алекса Маклеода. Предполагалось, что я не буду пить в турне с «Nirvana», так как это, по мнению менеджмента, послужило бы дурным примером. Но очень часто Алекс сам подходил ко мне, совал нос в мою кружку с черным кофе и подливал мне из припасенной в куртке бутыли, убедившись, что я хорошо себя веду. Вдруг я сообразил, что Алекс выкрикивает мое имя. «Вот черт, – подумал я. – Что я опять не так делаю?» Я испугался, что

он обнаружил мое участие во вчерашней проказе Пэта Смира, когда мы вывели с помощью двух полотенец из строя гостиничный туалет[368]. Я поднимаю глаза и вижу, как Маклеод несется ко мне.

«Курт хочет, чтобы ты тоже вышел петь. А ну на сцену, БЫСТРО!» – перекрикивает он шум. На записи с концерта можно услышать, как Курт говорит: «Пожалуйста, не бросайтесь обувью», а потом несколько раз кричит в микрофон: «Эверетт!» Жутковато, когда твое имя произносят с такой страстью.

До того я шутил с Куртом на тему того, что он должен пригласить меня на сцену, потому что последний раз я выступал с «Nirvana» в клубе «9:30» в том же городе, двумя годами раньше. Но я никак не ожидал, что Курт воспримет это серьезно. Я устремился на сцену, стянув на ходу через голову куртку, а Курт, как обычно, стал надевать на меня свою гитару, а это бесполезно, потому что у него гитара для левши, да я, впрочем, все равно играть не умею. «Не беспокойся, – засмеялся он. – Так лучше смотрится. К тому же потом ее всегда можно разбить».

Концерт в «Coliseum» – престижнейший, первое шоу «Nirvana» на Манхэттене со времен выступления в клубе «Marquee» в 1991 году – оказался еще более сюрреалистичным. Я стоял, помнится, в супер-VIP-зоне у сцены; рядом была только супермодель Наоми Кэмпбелл[369]. Да? Все время я думал: «Надо уже идти за сцену», – но не мог поднять голос хотя бы до шепота, так наорался прошлым вечером… Меня мучили нервы, главным образом потому, что я знал, что Курт собирается опять вызвать меня к микрофону, и оттого я глотал алкоголь, потому что говорить-то все равно не мог. Звук был ужасный: постоянное эхо гуляло по круглой формы арене, как по заброшенному самолетному ангару. Я настолько не мог петь, что когда Курт наконец-то вызвал меня, наш дуэт был просто кошмарен. «Курт даже не пел, – говорил Джим Мерлис Кэрри Борцилло-Вренна (пиратские записи доказывают, что это не совсем так). – Пел сам Эверетт, и это было что-то страшное. Курт выволок его на сцену, а тот просто визжал в микрофон».

На следующий день менеджерам «Nirvana» стали поступать звонки от нью-йоркских журналистов, которые хотели знать, что за загадочную «рок-звезду» вывели на сцену с «Nirvana».

– Спорим, ты обрадовался, – комментирует Эрни.

Охренительно смешно. Думаю, нелюбовь ко мне таких людей, как Джим, и сыграла решающую роль в том, что Курт попросил меня выступить. Я никогда его не спрашивал об этом, но казалось очевидным, что он хочет позлить народ.

– Кажется, это был тот концерт, откуда вышвырнули Кейт

Мосс, – вспоминает Эрни. – Кейт с приятелем зашли за сцену, и получилась какая-то ерунда. Как будто бы они подошли к охраннику, и тот пропустил их, хотя в списке гостей их не было. Ну, Алекс их и выставил.

– Концерт был замечательный, – комментирует Розмари Кэрролл. – Тот настрой, с которым они играли, – это одна из тех вещей, которые и сделали их великими: выражение чистой ярости и смятения, чувство солидарности с аудиторией, солидарности бессловесной и ненавязчивой… У Курта была такая способность устанавливать контакт с залом, которой могли похвастаться очень немногие.

На сцену на бис вышло множество народу – мы играли расширенную версию песни «The Stooges» «I Wanna Be Your Dog»[370]. Курт играл на барабанах, Дэйв бегал по сцене с бас-гитарой, я выкрикивал случайные строчки, которые мог вспомнить, Джед вопил в мегафон, Крист стучал по полу, а участники «Half Japanese» вышибали дух из своих инструментов. В довершение всего Пэт Смир вручил юному пасынку Джеда Фэйра, Саймону, одну из гитар Курта и кивнул ему, разрешая сломать инструмент, – парень справился после дюжины попыток. Когда он заканчивал, весь ансамбль уже стоял вокруг и подбадривал его.

Я не был на записи «MTV Unplugged» 18 ноября. Не помню почему. Я находился в Нью-Йорке, и попасть на шоу, уверен, было бы не так сложно. Возможно, я решил больше не связываться с бизнес-дерьмом, которое окружало «Nirvana». Только послушайте этих придурков на CD[371], которые радуются каждой ноте каждой песни, как на джазовом концерте. Поглядите только на все эти лилии, канделябры, черные свечи, фотоаппараты и тщательно задрапированные камеры. И не говорите мне, что я напрасно остался в стороне. Что у «MTV Unplugged» общего с Кристом и Дэйвом, да даже с Пэтом?

«MTV Unplugged» – это не Курт Кобейн, откровенничающий с миром: откровенничать надо в собственной ванной. Не особо пооткровенничаешь перед батареями высасывающих душу видеокамер и кучей техников. Я не могу отрицать, что когда Курт перепевает песню «Vaselines» («Jesus Doesn't Want Me For A Sunbeam») или Дэвида Боуи («The Man Who Sold The World») с настойчивым гитарным рефреном, то это затрагивает чувствительные струны где-то глубоко во мне и в сотнях тысяч фанатов. А кавер на песню Лидбелли («Where Did You Sleep Last Night?») – это настоящее золото; в голосе Курта звучит такая ненависть к миру, такое ощущение покинутости, а когда он

кричит… когда он кричит, то, Господи! Тысячелетия крови и похоти, разочарований и отвращения заключены в паре леденящих душу моментов. (Черт подери, просто очевидно, на кого направлена песня – особенно учитывая отсутствие Кортни.) Да, было интересно услышать эксперименты Курта с собственными песнями, их новое дыхание и расцвет.

Но… Господи! Ведь это MTV, кровный враг, в конце-то концов.

Насколько покровительственной была сама идея пригласить «Nirvana» на подобное шоу! Курт былых времен презрел бы ее за убогий фасад[372]. Но к тому времени певец увяз уже слишком глубоко, чтобы отказываться. Мы с Галликом ехали через весь город туда, где сидели наши старые приятели, чикагцы из «Urge Overkill», мечтая о том, как они станут такими же рок-звездами, как Нил Даймонд… или хотя бы как «Nirvana».

С самого начала «MTV Unplugged» окружал мерзкий запашок.

Как всегда, на MTV проявили себя наглыми воротилами от шоу-бизнеса, посчитав, что они способны судить о материале группы лучше, чем сама группа, – они требовали, чтобы «Nirvana» играла только хиты, никаких неизвестных песен. Курт не согласился и заявил, что желает видеть в качестве гостевой группы «The Meat Puppets», к явному разочарованию MTV, где ожидали по крайней мере Эдди Веддера. Сначала идея заключалась в том, чтобы «Nirvana» спела три песни «Meat Puppets» – «Plateau», «Oh Me» и «Lake Of Fire», все с их второго альбома, – но в результате, как объяснил Пэт Смир, «стиль игры Курта Кирквуда оказался настолько уникален, что мы не могли понять, как лучше их играть. И то ли Курт, то ли Крист предложили просто позвать их, и пусть поют сами».

Да и сам формат был не очень успешен: «Stone Temple Plagiarists» несколькими неделями раньше уже делали «Unplugged», и для записи «живого концерта» (да уж!) им понадобилось несколько часов.

Даже сам термин «unplugged», раз уж на то пошло, был здесь неуместен: большинство групп, в том числе и сама «Nirvana», выступали с усилителями, подключенными к инструментам. Просто они играли немного тише.

– Мы репетировали в Нью-Джерси, – говорит Эрни. – В тот день я работал над двумя «мустангами» Курта, а также над его «Jagstang». Мне и на сцену-то особо некогда было взглянуть. Но каждая песня по звучанию была какая-то сырая и неуклюжая, как будто группа собралась в таком составе вообще в первый раз.

Другие, впрочем, не соглашаются со мной и Эрни.

– Последний раз я видел Курта на концерте «Unplugged», – говорит нью-йоркский фотограф Майкл Лавайн. – Он позаботился о том, чтобы нам достались места в первом ряду, и от души обнял меня и Стива Брауна [видеооператора]. На сцене все прошло замечательно. Мы прошли за кулисы, и там он был в смятении, мрачный и закрытый. Кто-то дал ему те зеленые кеды «Converse», в которых он был в момент самоубийства.

– Концерт был невероятный, – замечает Дженет Биллиг. – Курт был настолько поглощен игрой, что это стало сюрпризом: к тому времени он был не в лучшем эмоциональном состоянии[373]. Он вкладывался в *каждую* песню. Он так хотел, чтобы песни воспринимались серьезно, чтобы в них вникали должным образом. Потом я сказала ему, что это был определяющий для его карьеры момент, что он играл на гитаре потрясающе, на что он возразил, что играл удивительно хреново. Да уж, комплиментов он не терпел. И это было частью того пути, на который он встал, – писать настоящие, честные песни.

– Курт очень нервничал по поводу этой записи, – комментирует Дэнни Голдберг[374]. – Он гордился концертом и считал, что тот обеспечит группе совершенно новую аудиторию.

– Я там не был, о чем очень жалею, – говорит Кали. – Вот что в точности было. Мы с Кортни торчали в Сиэтле и кололись весь уик-энд, и я не захотел ехать в Нью-Йорк. Мы доехали до аэропорта, даже сели в самолет, но пока ждали вылета, то убедили друг друга, что шоу для Курта пройдет успешнее, если нас там не будет. Впрочем, это могло быть недалеко от истины. Хотя, если честно, главной причиной не лететь было желание вернуться домой и принять там еще наркотиков, что мы и сделали. Так что я «Unplugged» не видел. Вместо этого я тусовался на Кэпитол-хилл.

И теперь я не сомневаюсь, что пропустил великий, величайший концерт, – смеется Кали. – Я даже не вспоминал о нем, пока через пару недель не услышал запись. Она была прекрасна. То, как они играли «The Man Who Sold The World», впервые в жизни заставило меня плакать.

За пару дней до выхода «Unplugged» рядом с гостиницей «Реджис», где группа жила в Нью-Йорке, произошел забавный эпизод.

– Есть такие нью-йоркские ребята, которые просто с ума сходят по знаменитостям, и они старше обычных фанатов; им по 20–21 – такой тип ребят из драмкружков, – говорит Лори Голдстон. – Трое из них стояли и ждали у гостиницы с CD наперевес. Мы вышли, и они бросились нам навстречу: «Курт, Курт!» А у него было плохое настроение. Они кричат: «Курт, мы

тебя любим!» – а он выходит из фургона, на шаг отходит и плюет в одного из этих ребят через машину. У них на лицах шок. Опустошение, крушение надежд – и притом это смешно. Я не такая уж злобная, но это правда было смешно. Плевал он и впрямь здорово, и это единственный рок-жест, который я видела в его исполнении.

Дополнение 1: Стив Тернер

Я: Почему «Nirvana» стала великой, а «Mudhoney» нет?

– Это очевидно! – восклицает гитарист «Mudhoney». – На этом альбоме [«Nevermind»] сплошные гимны. Это очень глубокая музыка. У нас тоже были серьезные песни, но здесь «Nirvana» и звучала потрясающе, а отчаяние этих песен проникало в самую душу.

Я: А я всегда считал, что как автор текстов Курт никуда не годится.

– Так и было, но таким голосом он мог петь хоть телефонную книгу, и это звучало бы по-настоящему убедительно. «Nirvana» начала поражать меня с тех самых пор, как стала знаменитой: как группа может совершать столько ошибок? Когда к ним пришел первый успех, то казалось, что они всё начали делать не так. Мне никогда не нравилось то, как спродюсирован «Nevermind»: он звучит как большой рок восьмидесятых. Мне больше нравились демо-версии: отличные мелодии, отличные песни, отличный голос. Грол на барабанах мне не нравится совсем. Он стучит слишком сильно. А меня привлекает утонченность. Поэтому мне больше нравился Чед – он барабанил более свободно и даже неряшливо, но эффект был сильнее.

Я: Как думаешь, Олимпия оказала на них большое влияние?

– Конечно. Крист всегда зависал с «Melvins», с самого начала. И к концу, думаю, влияние Олимпии стало больше негативным: Курт начал пытаться доказать, что он настоящий панк-рокер, в отличие от «Pearl Jam». Одна из их самых печальных ошибок: они отказались признать, что после «Nevermind» они всецело принадлежат Лос-Анджелесу, а это в конечном счете не так плохо. Они выпустили дорогой профессиональный альбом, заказали ремиксы для радио, они правили бал – и все шло прекрасно.

Но у них развился комплекс вины, и они стали доказывать, что всё еще принадлежат панк-року. В результате они предоставили слишком много воли своему менеджменту, юристам и прочим. Как будто они говорили этим: «Раз мы не заботимся о том, что делаем, значит, мы панки покруче, чем вы».

Почему?! – Стив недоуменно качает головой. – И вот «Nirvana» стали большими конформистами, чем те же «Pearl Jam». «Pearl Jam» полностью контролировали ситуацию, в то время как «Nirvana», когда они стали крутыми, пустили все на самотек и предоставили дела жадным менеджерам. Да уж, это точно настоящий панк-рок!

Я: Так возвращаясь к влиянию Олимпии…

– Олимпия для меня некоторая загадка. Они сыграли в Олимпии свой первый концерт. В начале пути казалось, что все, что они делают, органично и имеет куда меньшие масштабы соответственно меньшим целям: они хотели не успеха, они хотели быть хорошими людьми. «Nirvana» были как бы не из Сиэтла. Они куда больше подходили Олимпии и тамошнему стилю жизни – ребятам из колледжа и работягам. На меня большое впечатление оказало знакомство с друзьями «Melvins» и Мэтта [Люкина] из Абердина. Я думал: «Чертовски *стрррррранно*!» Это было совершенно не для меня.

Я: Множество идей Курта о панк-роке…

– Да, они прямо восходят к Олимпии и Кэлвину. Многое, кстати, еще идет из столицы, особенно по части политики.

Я: О том, что вы создали альтернативный стиль жизни вне общества…

– Великолепно! Я целиком за!

Я: Но тут и началась сдача позиций «Nirvana» – они неожиданно решили считать себя панк-группой, а панк всегда тесно соприкасался с мейнстримом…

– Да, их тянули и толкали, так что некоторые источники влияния они так и не решились признать.

Я: Думаю, частично проблема в том, что Олимпия – город элитарный.

– Ага, туда переезжают и становятся снобами. Очень странно. Там никогда не любили «Mudhoney».

Я: А элитарный подход плохо уживается со славой. Нельзя иметь и то и другое. Нельзя работать для элиты и записывать альбомы вроде «Nevermind».

– Да, если бы только они признались в своих желаниях и выбрали бы одно из двух – а ведь для этого нужно не так много. Это не так много значило бы в общем контексте. Просто местечковая разборка.

Я: В этой связи особенно загадочной мне представляется личность Криста.

– Крист настоящий панк-рокер, но он хочет, чтобы все любили друг друга. Он просто большой…[375]

Я:…старый хиппи.

– Да. Вот именно. Большой сраный хиппи. Он как будто погулять вышел. Он делал что-то, но хотел создать то, о чем мечтал.

Я: Кортни нанесла ему серьезный удар.

– Да, – смеется Стив. – Это смешало все карты.

Я: Думаешь?

– Странно, но они потеряли ход своего развития. В этом, на мой взгляд, и кроется их трагедия. Они не осознали, что переросли все свои предшествующие идеи. Все факторы, которые позволяли им ранее принимать решения, оказались не важными. Если бы они хоть раз сели и поговорили с «Pearl Jam», то, клянусь богом, это бы им *очень* помогло. Свое выгодное положение они просто профукали, доверяясь таким людям, как этот их менеджер [Джон Сильва]. Ублюдок! Меня всегда поражало, что с ним работали и «Sonic Youth». Я никогда не мог этого понять, еще до «Nirvana» я спрашивал их: «Что за парень ваш менеджер? Он же полный мудак!» Никогда не понимал, зачем он им.

Дополнение 2: Брюс Пэвитт

Я: Ты знаешь, что «The Legend!» выходил с «Nirvana» на сцену во время их последнего американского турне несколько раз? Пять или шесть. Мы вместе выходили на бис, и я пел.

– Я этого не знал! – восклицает Брюс.

Я: Да, одобренная Кортни версия истории («Тяжелее неба») об этом умалчивает.

– Похоже, Курт с группой еще были способны на оригинальные творческие ходы, хотя Кортни, по-видимому, старалась лишить их этой возможности. Судя по всему, Курта в последние дни окружали всякие поверенные, менеджеры, дельцы, в то время как его многолетние творческие друзья – я включаю в их число и себя, и Кэлвина, и так далее – оказались на расстоянии. Кортни не хотела, чтобы мы были поблизости.

Я: То же самое говорят Марк Арм и Стив Тернер. Они не могут понять, почему «Nirvana» решила отказаться от всякой власти и вручила себя одной из крупнейших в шоу-бизнесе компаний.

– Но та же компания работала с «Sonic Youth» и «The Beastie Boys».

Я: Да, но «Sonic Youth» могли делать что хотели.

– Что ж, я незнаком с внутренней динамикой этих взаимоотношений, но все крупные прогрессивные группы работали именно с этими менеджерами. Что меня совершенно не

удивляет.

Я: Опять же, Марк, Стив и Дэн ругают турне «In Utero» – они говорят, что турне было отстойным, притом по разным причинам. И все они проводят параллели с турне «Pearl Jam», в которое они поехали вскоре после этого.

– Да, я тоже слышал эти рассказы, но в то время это совершенно не рассматривалось как отражение политики менеджеров. Все было связано с Кортни Лав. Говорили: «Ой, мы поехали в турне с „Nirvana“, и у Курта с Кортни был личный автобус, отдельно от остальных участников группы». Это решение принимали не менеджеры. Это Кортни отделяла Курта от его друзей! Помню, что по возвращении все они говорили мне одно и то же: «И потом мы поехали на гастроли с „Pearl Jam“, и, несмотря на их принадлежность к бизнесу, та энергия, те связи, та культура, которые поощрялись в группе, были объединяющими, человечными». Это интересный парадокс. Альтернативная рок-группа ведет себя так грубо, так по-деловому, что большего и представить себе нельзя. А Джон Сильва здесь ни при чем.

Я: Пэт Смир ездил с Куртом в одном автобусе.

– Пэт Смир ездил с Куртом, – повторяет бывший босс «Sub Pop». – Действительно, очень интересно. Почему он, а не Крист?

Я: Пэт был из Лос-Анджелеса, и его кандидатуру одобрила Кортни. К тому же у Кортни были большие нелады с женой Криста, а Шелли не из тех, кто легко уступает.

– Да, Шелли крепкий орешек.

Глава двадцать седьмая
Падшие ангелы

Последний раз я разговаривал с Куртом на Рождество 1993 года, когда они с Кортни звонили мне домой, в Брайтон, в Англию.

– Ты единственный из всех наших друзей, о ком мы сегодня подумали, – объяснил Курт, помня об антирождественском спиче, который я держал перед ним и Ким Дил за две недели до того в Сиэтле. – Мы весь день ни с кем не разговаривали, кроме почтальона. Как ты? Все хандришь? С Рождеством, блин.

Я теперь рассказываю эту историю, но у меня такое ощущение, что, возможно, на самом деле последний раз я говорил с Куртом, когда позвонила Кортни и сказала: «Курт хочет тебя кое о чем спросить». Это прозвучало странно, потому что Курт редко говорил со мной по телефону. Полминуты прошло в ожесточенных спорах по ту сторону трубки, и Курт наконец-то ответил и промычал что-то по поводу того, что хорошо бы мне смотаться к его «доктору» в близлежащем городке, взять кое-что и перевезти в Сиэтл.

Я велел ему – очень вежливо, несомненно – идти на хрен.

– Что ты будешь делать на Новый год, Курт? – спрашивает Ким Дил.

– Нажраться в хлам и взрывать петарды, – отвечает солист «Nirvana». – Мы играем в Сан-Франциско и собираемся пригласить пиротехников с фейерверками. Разве не круто?

Я: Ты собираешься напиться? Ты же никогда не пьешь перед концертами.

– Хорошо, – признает он. – Напьюсь позже.

Я: А ты, Ким? Что ты обычно делаешь на Новый год?

– Накуриваюсь, – смеется она. – И выхожу на улицы. Да-а!

Курт интересуется, курю ли я траву. Я качаю головой.

– Нет? – изумленно продолжает он. – Неужели никогда не пробовал?

Я чувствую какое-то дежавю. То ли кассета вращается по кругу. То ли наконец сказывается недосып.

Я: Нет, ну конечно, курил.

Курта не устраивает ответ.

– У тебя не было периода в жизни, когда ты постоянно курил? – настаивает он.

Я: Нет. Но я как-то жил в сквоте. Знаешь, что это такое?

– Ты жил в каком-то месте без электричества?

Я: Да, что-то вроде того. У парня в соседней комнате тогда случился передоз.

– Но ведь нельзя перекурить травы! – смеется он.

Оба мы смотрим на Ким – она сидит на кровати между нами, покачиваясь в такт собственным грезам.

Я: Да, ты прав. Нельзя.

– Просто станешь… еще одним неспящим в Сиэтле.

Когда я приезжаю в город, чуть ли не первым делом я звоню домой Курту Кобейну; он ждет свою жену, которая должна прилететь из Атланты, где они пересводили новый альбом «Hole» с продюсером «R.E.M.» Скоттом Литтом. О чем можно говорить с человеком, которого не видел где-то шесть недель и чей стиль жизни настолько отличается от твоего собственного?

Мы обсуждаем: неприятности из-за недосыпа, который вызван разницей часовых поясов и/или алкоголем; свою усталость; как мы ненавидим Джеффа Амента из «Pearl Jam». Все это так по-американски! Курт только что вернулся из изнурительного турне «In Utero». Я летел 13 часов подряд, чтобы организовать это интервью для обложки рождественского «Мелоди мейкер».

– Ты все еще хочешь организовать это с Ким? – спрашивает певец, пока я усиленно стараюсь не заснуть.

Я: Да.

Так и есть.

– Тогда скажи мне когда. Сейчас мне надо поспать.

Взаимно.

Новогоднее шоу MTV – «Live and Loud» – очень интересно; в нем участвуют «Nirvana», рэп-команда «Cypress Hill», «Pearl Jam» и «The Breeders». Его записывали вживую на пирсе 48 в Сиэтле – холодном терминале со специфической акустикой. Подростки отстаивали восьмичасовую очередь под проливным дождем, чтобы засвидетельствовать анонсированное историческое воссоединение двух главных городских представителей гранжа – собственно говоря, тех групп, которые, выражаясь языком MTV, и определяли жанр.

Разрыв между «Nirvana» и «Pearl Jam» хорошо документирован. Говоря вкратце, он начался в те дни, когда Амент и Стоун Госсард играли в пользовавшейся дурной славой «Temple Of The Dog», а до того – в «Green River». Напряжение между группами росло и из-за их успехов и того, что их часто цитировали вместе в мировой прессе.

Это произошло, несмотря на очевидные различия групп. «Pearl

Jam» всегда играла классический американский рок для радио. «Nirvana» же казалась чем-то более экстремальным и в то же время ломающим шаблоны. Положение не улучшилось от того, что успехи «Pearl Jam» стали восприниматься производными от достижений «Nirvana», или от того, что продажи нового альбома «Pearl Jam», «Vs», на порядок превзошли продажи «In Utero».

Мистер Кобейн неоднократно рассказывал прессе, что презирает «Pearl Jam». «Pearl Jam» пыталась опровергнуть все слухи о разрыве, возможно, из-за разницы в доверии к группам, а возможно, просто потому, что жизнь коротка.

Недавно всплыли слухи о восстановлении отношений между Эдди и Куртом, но все равно для MTV – несмотря на все огромные возможности корпорации – собрать вместе обе эти группы стало выдающимся достижением.

Единственная проблема оказалась в том, где же, черт побери, Эдди Веддер?

Присутствие (или отсутствие) Эдди Веддера – одна из важнейших проблем шоу. По поводу того, почему он не появился, ходили различные слухи. Возможно, дело просто в восстановлении старой вражды с «Nirvana», хотя появление Стоуна Госсарда и Джеффа Амента на одной сцене с «Cypress Hill», похоже, опровергает это предположение.

Госсард говорит фотографу «Мейкер» Стиву Галлику, что Эдди «очень болен» и голос у него «ужасный». И что теперь? Нельзя, однако, не вспомнить недавнюю драку Веддера в Новом Орлеане, которую широко осветила пресса, а также то, что в последнее время он запил, – не свидетельство ли это чего-то более серьезного?

Однако все прикладывали отчаянные усилия к тому, чтобы отсутствие Эдди ничего не испортило. Без сомнения, люди с MTV были в ярости, но фанатов это, похоже, не особенно обеспокоило. Да и почему бы? Пускали бесплатно, а «Nirvana» отыграла одно из лучших шоу в истории. Так что представители пьющего сиэтлского братства явно не очень расстроились.

На одной стороне Мэтт и Стив из «Mudhoney» и их менеджер Боб Уиттакер – человек, который однажды отвозил меня домой по тротуару на личном «кадиллаке» после особенно замечательной вечеринки[376]. Братья из «The Screaming Trees» разговаривают с Кимом Тайлом из «Soundgarden». Крист Новоселич повсюду бродит с перевязанной головой – он серьезно поранился во время очередного апокалиптического выхода «Nirvana» на бис. Где-то здесь и его братец – такой же высокий и вообще точь-в-точь на Криста похожий; тут же и их сестра. Тут же приятель Курта Дилан из

«Earth»; люди из «Sub Pop»; Скотт Литт; кто-то из «R.E.M.»; «Chili Peppers» в женских платьях, ирландских костюмах – ведут они себя как обычно, то есть как придурки. Вокруг бегает Эрик из «Hole», пытаясь заснять наиболее компрометирующие ситуации. Курт поет песню «Pearl Jam», «Jeremy», в маске Эдди Веддера.

Но вашего репортера все это не касается – у него болит голова от того, что он пытается поймать одновременно Курта и Ким. У Курта препятствиями служат жена и дочь, которых он не видел уже слишком долго, а Ким постоянно зависает с «Cypress Hill» – еще одна группа, известная пристрастием к траве. К тому же, несмотря на взаимное восхищение музыкантов, Курт и Ким едва знают друг друга.

Я: Что ты подумала о Курте, когда его встретила, Ким? (Дело было в Нью-Йорке на сведении EP «The Breeders» под названием «Safari» – как раз в то же время выходил и «Nevermind». «Nirvana» проводила концерт в центре города, и я, зная о его любви к «The Breeders», затащил его в студию.)

– О да! – смеется она. – Я все равно была не в курсе, кто он, собственно, такой.

– Ты не знала, что я из «Nirvana»? – недоверчиво спрашивает Курт.

– Я знала, что ты, кажется, оттуда, – объясняет она. – И еще кто-то оттуда. Но может быть, и не оттуда. Я никого не знала – только то, что ты [она указывает на меня] привел кого-то из группы «Nirvana».

Я: А что ты подумал о Ким, Курт? Ты ведь тогда от нее фанател, правда?

– Да, мне так нравился «Pod», что я был рад с тобой познакомиться, – рассказывает он Ким. – Потом, когда я попал на студию, ты вела себя очень снисходительно. Но в то же время так великодушно. Я в то время как раз волновался по поводу того, что становлюсь рок-звездой, и думал, что надо мной все смеются.

Я: Когда вы чуть больше узнали друг о друге, насколько изменилось ваше восприятие?

– Но мы друг с другом незнакомы, – восклицает Курт. – Отличный способ познакомиться. Привет, Ким!

– Привет, Курт!

– Я редко показываюсь на их выступлениях, потому что я охренительно ленивый, – поясняет он. – Я за время турне видел их раз шесть. Чувствую себя засранцем.

– Я-то смотрю их каждый вечер, – говорит мне Ким. – Наш автобус обычно уезжает в полночь, так что как раз успеваю. И это просто супер! «Nirvana» делает лучшие песни в мире, черт бы

их взял! Черт бы взял – это я любя, как и с «Ramones».

Я: В ваших личностях есть какое-то сходство?

– Нет, – отвечает Курт. – Ким гораздо более дружелюбная, счастливая и позитивная. А я злобный тип. Мы противоположны.

Я: Ну да. Но в вас обоих есть черта, на которую мне указала Кортни: оба вы хорошо знаете цену своим вещам и не нуждаетесь в дополнительных доказательствах.

– Да, это круто, правда? – смеется Ким. – Так мы и думаем. Ты права, Кортни, черт возьми!

– У тебя разве нет вопросов о Рождестве? – спрашивает меня Курт, подходя к окну свого номера в «Фор сизонс», чтобы сплюнуть.

Я: Конечно есть. Вот, кстати, и первый из них. Ты ненавидишь Рождество?

– Нет, – отвечает Курт. – У меня о нем хорошие воспоминания. У нас в семье Рождество всегда было веселым – семья у меня очень большая. Все собирались вместе и хорошо отдыхали, по крайней мере до смерти моего дедушки. Обычно он был вдохновителем всех этих обрядов. Он напивался, надевал всякие дурацкие шапки и пел для всех.

Ким интересуется, сколько у Курта братьев и сестер.

– У меня, собственно, всего одна сестра, да еще одна сводная, – сообщает он[377]. – Остальные – родственники по материнской линии. У мамы было семь братьев и сестер, и у всех родились дети.

Я: А ты не считаешь Рождество угнетающим, Ким?

– Вовсе нет! – бойко отвечает она. – Эверетт, ну же, поговори с нами. Ты так считаешь, правда?

Я: Да.

Курт спрашивает почему.

Я: Плохие воспоминания. Но ведь это не вы меня интервьюируете.

– А мы хотим, – смеется он. – Так ведь договаривались? Каждый по вопросу!

Я: Ну ладно. Ненавижу Рождество, потому что все чувства окружающих становятся преувеличенными. Если большинство времени ты одинок, как почти все люди, то Рождество тебя засасывает. А тебе это не нужно. Неудивительно, что кривая самоубийств во время праздников идет в гору.

– Да, действительно, – серьезно подтверждает Ким.

– Ужасно, что нельзя сделать добро всем одиноким людям, пусть это и покровительственное отношение, – бормочет Курт. – Но всегда кто-то остается без бесплатной еды, без подарка, даже без привета.

Я: К тому же Рождество преумножает те традиционные

ценности, на которых построена западная цивилизация. А я не люблю эти ценности. Я считаю их лицемерными. Ничего хорошего в структуре семьи я точно не вижу.

– А я вижу, – возражает Курт, – если семья хорошая.

– Ты в это сам не веришь, Эверетт! – недоверчиво смеется Ким.

Я: Нет, верю. Прекрасно, если семья хорошая. Но пройдитесь по улицам, и вы уясните себе, что большинство семей несчастливы – матери шлепают детей, потому что устали с ними справляться, а отцы пренебрегают воспитанием. Большинство семей – это полный отстой. Большинство ныне живущих надо расстрелять. Дураки не должны воспроизводиться.

Следует неловкое молчание.

– Господи! – восклицает Курт. – Это ведь я тебе как-то говорил?

– А я-то думала, что я человеконенавистница! – охает Ким. – Слушай, да я рядом с тобой как Салли Филд [американская актриса]! Господи! Эверетт!

Я: Мне просто иногда все надоедает.

– Не вижу причин, по которым нужно притворяться, что любишь свою семью, – возражает Курт. – Вовсе не обязательно ехать на Рождество к родителям, если их не любишь.

Я: Но порой так и случается. В определенных случаях ты обязан.

– Я знаю, – отвечает он, помрачнев. – Так бывает со многими.

Нависает гнетущее молчание.

– Всем счастливого Рождества! – вдруг рычит Курт.

«Мелоди мейкер», 25 декабря 1993 года

Турне «In Utero» продолжилось в ноябре и декабре; четыре концерта во Флориде[378], Джорджии, Алабаме, Новом Орлеане, два шоу в Техасе…

23 ноября, когда группа оправлялась от «Unplugged», вышел саундтрек к мультфильму «Бивис и Баттхед», включавший песню «Nirvana» «I Hate Myself And I Want To Die» – Курту очень нравилось это шоу; он считал, что оно ближе к жизни, чем любая карикатура.

– Я ничего не понимал в деловой стороне «Nirvana», – говорит Кали. – Иногда Курт задавал мне вопросы типа «Нам предложили 60 000 долларов за песню для мультфильма „Бивис и Баттхед“. Мне не нравится эта идея, но почему? Как думаешь, идти на это?» Такие дискуссии возникали, когда его панковский идеализм вступал в противоречие с реальностью.

Мы любили «Бивиса и Баттхеда», – продолжает Кали. – Шоу

было забавное. Мы смотрели их чаще, чем что-то иное. Когда мы в Атенсе, штат Джорджия, тусовались с Майклом Стайпом [29 ноября], было круче всего, когда мы обнаружили куклы Бивиса и Баттхеда. Уже через неделю они были везде.

Курт любил все те телешоу, которые тогда показывали: «Бивис и Баттхед», «Рен и Стимпи», «Женаты, с детьми», «Мистер Роджерс», «Роузэнн», «Мир Уэйна», «Симпсоны»…

– Мы смотрели премьеру спецвыпуска «Мира Уэйна», где они играли свои любимые новые клипы, в том числе «Heart-Shaped Box», – вспоминает далее Кали. – Особенно интересно стало на том месте, где Курт говорит: «Эй, подождите». Клип остановился, и Уэйн сказал: «Он ведь только что сказал: „Эй, Уэйн?!“» Курт со смеху чуть с дивана не упал. Уэйн продолжает: «Курт, приятель, вовсе не нужно для этого писать песню, просто позвони мне. Я с тобой всегда поговорю».

Бостонская группа «Come» 26 ноября присоединилась к турне в Джексонвилле, штат Флорида, сменив «Half Japanese» в качестве второй группы разогрева. В тот вечер на сцену полетело куда больше обуви.

Курт и Кали на пару дней остановились у Майкла Стайпа в Атенсе, после того как «Nirvana» провела концерт в Атланте, штат Джорджия.

– Мы привезли Фрэнсис, – вспоминает Кали. – Хорошее было время. Курту «R.E.M.» нравилась гораздо больше, чем ты думаешь. Ему нравился Майкл Стайп, и они хорошо ладили. Мы торчали у Стайпа дома и гуляли по Атенсу, а это отличный город – или был таким. Кажется, из Атланты до него построили шоссе, так что теперь до него доехать проще.

В Атенсе был музыкант по имени Вик Честнатт[379], который нравился Курту, его прославляли критики, однако он оставался неизвестным публике, – продолжает экс-нянь. – Майкл предложил: «Давайте-ка съездим к Вику Честнатту». Вик Честнатт встретил нас в инвалидном кресле. Он открывает дверь, а на пороге Майкл Стайп и Курт Кобейн. Он закричал: «Вау-вау, круто-круто», – и начал разъезжать кругами. Атенс оставил впечатление милого городка. Курт сказал, что хотел бы тут жить. Мы спали на полу второго дома Майкла Стайпа – в холодной хибаре без мебели. В те дни Майкл Стайп отснял тонну пленки, наверное. Кое-что он отослал Кортни, и фотографии, конечно, затерялись в куче дерьма у ее кровати, а в итоге их, видимо, сожгли.

3 декабря в Новом Орлеане «Shonen Knife» заменили «Come». Было заметно, что энтузиазма, отличавшего многие ранние концерты, поубавилось; «Nirvana» не общалась ни внутри группы, ни с аудиторией. «Кобейн самое большее, – писали в одном

обзоре, – бросал быстрый взгляд на своих товарищей по группе, чтобы убедиться, что они готовы переключиться на следующую песню».

Шоу продолжались: Оклахома, Небраска, Миннесота… Курт иногда спрашивал зрителей, что они думают о новом альбоме «Pearl Jam», или совал себе в рот провод и притворялся пораженным током; или Крист так прыгал по сцене, что пропускал начало собственного соло; или случались проблемы с аккордеоном Криста на «Jesus Doesn't Want Me For A Sunbeam»; или Курт приглашал на сцену какого-нибудь мальца, чтобы тот разбил гитару; или говорил посреди песни какому-нибудь пацану, чтобы тот перестал лапать девчонку… но одно шоу в целом мало отличалось от другого. Это были бизнес-мероприятия, хорошо смазанная машина турне, имевшая только одну цель – помочь лейблу в продвижении продукта. «Nirvana», безусловно, проводила эти концерты не удовольствия ради.

Как мудро сказала тетушка Курта Мари в интервью Джиллиан Дж. Гаар, «когда Курт стал знаменит, у него не осталось выхода. Наступили кошмары „вдохновения по расписанию“ и типовых концертов. Он словно бы стал карикатурой на себя самого. Успех Курта только увеличил мои подозрения по поводу того, как работает музыкальный бизнес. Я имею в виду, что артист становится товаром, как банка фасоли, просто продуктом продажи. А есть ли что-то более унижающее человеческий дух?»

Ну, например, очередное дельце с MTV?

Запись «Live And Loud» 13 декабря стала последним концертом, на котором я видел «Nirvana» в живом варианте. И это был не лучший концерт, хотя несколько испуганное выступление «Nirvana» выдавало сгустившуюся атмосферу.

– Я поехал на пирс 48, – вспоминает Чарлз Питерсон, – и я был в списке, но снимать мне не разрешалось. Я очень разозлился, потому что меня заставили вернуться и оставить фотоаппарат в машине. Я проделал две трети пути и подумал: «Это не „Nirvana“». Того гляди, во время выступления они еще и рекламные паузы делать будут. Меня бесили дурацкие фигуры ангелов на сцене.

Близкий друг «Nirvana» украл кошельки Криста и Шелли из раздевалки, чтобы купить героина. Я сел за столик и ждал целую вечность, снова накачиваясь алкоголем, и тут девушка, которая отшивала меня много лет, внезапно дала понять, что я ее, возможно, интересую. Но выяснить это мне не пришлось. «Nirvana», однако, была великолепна: хотя Курт отговорил меня

выскакивать на сцену в маске Эдди Веддера, группа казалась просто чокнутой. Во время выхода на бис с «Endless, Nameless» одному из ангелов отрубили голову. Курт к тому же пригласил на сцену толпу парнишек, и с их помощью группа вдребезги разбила все инструменты и оборудование. Да, вдребезги и всё: усилители, мониторы, гитары, микрофонные стойки, части сцены – *всё*. Курт заходился яростью на «Serve The Servants» и «Rape Me», а на кавере песни Боуи казалось, что он пришелец из космоса. «Radio Friendly Unit Shifter» никогда еще не приходилась настолько к месту. Кто знает, насколько они поссорились с Кортни, когда она вернулась в тот же день ранее (к тому времени Курт был уверен, что его жена спит с Билли Корганом, особенно когда Билли предложил Кортни вместе поехать в отпуск), кто знает, какие наркотики он употребил, какие темные мысли его преследовали, но в тот раз все это воплотилось в яркое, мощное возрождение его прежней энергии, прежнего огня. Какой позор, что так произошло на съемках для MTV…

– Это было их последнее выступление, которое мне по-настоящему понравилось, – говорит Роб Кейдер. – Не как в старые добрые времена, но лучше, чем на аренах. Особенно по сравнению с последним турне, где они каждый вечер играли один и тот же набор песен. А ведь когда-то Курт отдавал каждую толику своей энергии. Но ко времени «In Utero» все это ушло. Это больше была не «Nirvana». Меня бы не удивило, если бы группа перестала существовать.

Когда дело дошло до фотосъемки для обложки «MM», Галлик устроил временную пещеру Санты у автобуса группы, задрапировал Курта и Ким боа с перьями, которое принадлежало Кортни, и Ким с Куртом еле вытерпели положенные 24 снимка. Ким устала и разозлилась уже после четырех.

– Сейчас этих снимков ходит целая куча, – комментирует Чарлз Питерсон. – Хотя мне не нравится идея с боа и солнечными очками. Это отдает печалью. Я рад, что мои фотографии отвергли.

На следующий день после записи «Live And Loud» место второй группы разогрева заняли «Melvins», и турне продолжилось.

Салем, Орегон. Родина Тэда – Бойс, Айдахо. Огден, Юта. («В Юте было просто отстойно, – замечает Лори Голдстон. – Вонючие крестьяне. В зале попахивало говном, как на арене для родео».) Денвер, Колорадо. Сакраменто, Калифорния – там «The Breeders» наконец завершили свою часть гастролей, да и вся компания ушла на краткие рождественские каникулы. Когда турне возобновилось 29 декабря в Сан-Диего, главной группой

разогрева стали кислотные техасские «Butthole Surfers» с Гибби Хейнсом, а открывала выступления группа с «AmRep» и «Chokebore»[380]. Эти две группы отыграли до конца гастролей.

На следующий вечер в Инглвуде, штат Калифорния, за сцену явился без приглашения известный отстойный гитарист Эдди Ван Хален и буквально на коленях пытался умолить Криста и Курта разрешить ему сыграть с «Nirvana» на бис. «Нет, нельзя, – резко сказал Курт. – У нас лишних гитар нет».

«Ну ладно, – закричал Эдди, показывая на Пэта Смира. – Тогда давайте я сыграю на гитаре мексикоса. Он же мексиканец? Или ниггер? Черный?»

Это было грубо и очень оскорбительно. Эдди взъелся не на того парня. Думаю, Курт считал само его присутствие в раздевалке «Nirvana» недопустимым, но Эдди как раз был одним из образцов для подражания для Пэта. Курту стало мерзко, и он ответил: «Знаешь что? Выходи на сцену после нашего биса и играй там один».

Тем временем Кортни буквально за дверью жаловалась Джону Сильве, что ее муж плохо обращается с Эдди Ван Халеном – с *Эдди Ван Халеном*!

– За сценой никакого праздничного настроения не было, – рассказывает режиссер Дэйв Марки. – Перед концертом все слонялись сами по себе. Эдди наслаждался собственным обществом и несколькими бутылками вина. Он напивался все больше и больше и становился все грубее и грубее. У меня с собой была камера, но я из жалости даже не стал ее включать. Потом он начал делать расистские замечания по поводу Пэта, и стало совсем неприятно. Все мы знаем, как это бывает, когда на вечеринке кто-то напьется и начнет ругать твоих друзей, и это выливается в драку – но это же был *Эдди Ван Хален.* Также он притворялся, что пришел к Кристу.

Во время разламывания гитар в конце выступления Курт стал играть на гитаре рукой одной из кукол. Потом он схватил дрель и начал сверлить дырки в инструменте, а потом с размаху разбил его. Тем временем Крист пел песню «The Kinks» «You Really Got Me».

– Я была в турне «In Utero» в продолжение всего его калифорнийского этапа, – говорит Джессика Хоппер. – Дела шли странно, потому что Кали не работал, и они с Рене постоянно были под кайфом. Меня это чертовски раздражало. Мы с Кали и Пэтом в лимузине поехали в Сан-Диего. «Chokebore» мне очень понравились. Помню, как Курт сказал, послушав запись «Chokebore», что такого звука он хотел бы добиться для следующей записи «Nirvana»: в то время у них были драматичные

переходы с тихого звука на громкий, неустойчивая, ранящая музыка. Голос Троя напоминал хриплые кошачьи концерты.

Все турне было грандиозным провалом, – продолжает она. – Происходило множество стычек, в основном из-за наркотиков.

Дело в основном было в закрытости Курта, – добавляет она. – Между участниками группы начался разлад. Даже предыдущим летом чувствовалось больше духа товарищества. Курт большую часть времени проводил с Фрэнсис.

В канун Нового года «Nirvana» сыграла в «Coliseum Arena» в Окленде, Калифорния; вел шоу Бобкэт Голдтуэйт. Это было что-то вроде фестиваля панк-рока.

– В то время Восточная бухта была центром панков Америки, – объясняет Джессика. – «Maximumrocknroll» держал там магазин под названием «Эпицентр», где работал Мэтт Вобенсмит[381]. Мы с Кали сходили туда и накупили кучу журналов и записей, и Кали сказал Мэтту, что может снабдить билетами и пропусками за сцену всех, кого только Мэтт захочет пригласить. В итоге пришли ребята из «Green Day», «Spitboy», «J Church» и «Monsula» [панк-группы из Окленда и Сан-Франциско]. «Green Day» только что подписали контракт с лейблом, и у них была легкая форма звездняка: «Вау, мы за сценой в „Coliseum“!» Человек тридцать панк-музыкантов молча сидели за столиками в зеленой комнате и смотрели на «Nirvana», и в полночь Бобкэт спустился с потолка в подгузниках, одетый младенцем Новым годом, и с потолка посыпались воздушные шары и прочее.

Наверное, этот концерт «Nirvana» был лучшим из тех, что я видела, – заканчивает Джессика. – Они были безумно хороши. Все эти панки с «настоящей панк-сцены» сходили с ума от счастья, что оказались там. То ли Курт, то ли Кали говорили, как важно было позвать всех этих идейных панк-рокеров, чтобы они потом рассказывали всем, какой замечательный был концерт, – хотя все билеты и до того были уже проданы. Думаю, меньше всего они ожидали, что встретят Новый год, попивая пиво за счет «Nirvana».

Последняя часть американского турне «In Utero» стартовала в Медфорде, Орегон, потом музыканты поехали в Спокан, Ванкувер[382], и наконец завершили гастроли двумя концертами в Сиэтле на Центральной арене 7 и 8 января.

Возвращение домой отмечалось шумно: на первом концерте Курт представил «Teen Spirit» как песню, которая «сделала Сиэтл самым популярным городом Америки».

– За сценой было весело, все-таки возвращение, – вспоминает Эрни Бейли (которому повезло оставить турне после «Unplugged»). – До концерта мы сидели дома у Криста, собираясь ехать в зал, когда к Курту подошла группа его родственников и

предложила прокатиться. Он не хотел ввязываться в разговор о старых добрых деньках и вообще держался скованно, ведь столько всего изменилось со времени их последней встречи. Поэтому, когда мы с Кристом собирались выезжать, он подскочил к нам и попросился залезть на среднее сиденье старого пикапа Криста и уехал с нами.

Второй концерт в «Centre Arena» оказался последним, который группа провела в Штатах.

Глава двадцать восьмая
Любовь-болезнь

19 января 1994 года Куртни купили новый дом – за 1,13 миллиона долларов: три этажа, пять спален, Лейк-Вашингтон-бульвар-Ист, 171, в престижном сиэтлском районе Мадрона. Из дома открывался потрясающий вид на озеро, он был почти изолирован, если не считать небольшого парка неподалеку. Сад был огромен – три четверти акра – и полон пышной растительности: магнолии, алтей, рододендроны. На верхнем этаже были большой холодный чердак и несколько неотапливаемых кладовок; на втором помещались спальни, в том числе главная, с собственной ванной; на нижнем располагались просторная гостиная, современная кухня и мастерская, по совместительству спальня Кали. Из середины гостиной вверх уходила большая лестница. Рядом с домом были теплица и гараж, где стоял Куртов «вэлиант».

Большинство соседей Курта и Кортни либо принадлежали к старому капиталу, либо же представляли новый, всё богатеющий Сиэтл[383] – например, Питер Бак из «R.E.M.» или Говард Шульц, организатор сети «Старбакс».

– Дом был потрясающий, – говорит Кали. – Для Курта он был даже слишком большой. Он еще сомневался: «Мы покупаем охренительный особняк. Оно нам правда надо?» Но Кортни его уговорила. Там оказалось больше роскоши, чем мы привыкли, но к тому же было в доме и что-то пугающее. Большой каменный фундамент, огромный чердак и море места. Дом купили, мы вселились, а потом они уехали [в турне] снова.

Я: Они распаковали вещи?

– Вроде того, – смеется он. – Даже не знаю, обжили ли они до конца хоть один дом, в котором поселялись.

Я: И продукты по-прежнему в основном были на тебе?

– Да-да, – отвечает Кали. – Я люблю ходить за продуктами. Я покупал газировку и овсянку тоннами – и кучу всякой вредной еды: замороженные обеды, мороженое, сладкие пироги.

К тому времени обязанности Кали свелись к тому, что он стал больше компаньоном Курта. Хотя он при случае приглядывал за Фрэнсис, его наркомания во время турне «In Utero» усилилась, поэтому наняли и других нянек – кого-то через агентства (девушки держались неделю-другую), кого-то из числа проверенных людей, например Сигрид Сольхейм или Джеки Фэрри (она порой все еще приезжала помочь).

– Кали был сиделкой, – разъясняет Джессика Хоппер. – Он служил буфером между Куртом и Кортни. Ему перепадало гораздо больше, чем я думала. Курт выдал ему кредитку с лимитом 50 000 долларов – это же с ума сойти. Мы не отдалялись друг от друга, но насколько можно быть близким с человеком, который находится в милях от тебя? Я нечасто говорила с Кортни – с тех пор как я стала девушкой Кали, я вращалась больше в его кругу, чем в их. Когда же я говорила с Кали, то выяснялось, что назревает очередная драма: например, «Nirvana» принуждали к участию в фестивале «Lollapalooza», а Курт не соглашался. Он грозил распустить группу.

Ситуация с «Lollapalooza» породила очередной взрыв напряженности между Куртом и Кортни, Куртом и его группой, Куртом и «Gold Mountain», Куртом и «DGC», Куртом и… короче, всеми. Сообщалось, что «Nirvana» предложили порядка 7 миллионов долларов за участие в дорожном рок-фестивале, но Курта больше не интересовали бизнес-игры, особенно в разгар собственного крупного турне. «Nirvana» предполагала сыграть еще 38 концертов в 16 странах за два месяца европейского этапа турне «In Utero». Курт не понимал, зачем нужны такие жуткие расписания. Ведь рок-музыка изначально должна быть отдыхом, развлечением?!

Однако, несмотря на суровые отповеди Курта, «Nirvana» была втянута в фестиваль «Lollapalooza».

– Похоже было на то, что их с Кортни дела плохи, – продолжает Джессика, – да и каждого в отдельности. Помню, как Кортни говорила мне, что Курт мешает героин с кокаином и стал на этой почве законченным параноиком.

Присутствие Кали было необходимо: дома Курт стал еще более закрыт для общения – он виделся только с Кали, Рене, Диланом Карлсоном, Эриком Эрландсоном и – очень редко – с друзьями вроде Пэта Смира. Большую часть месяца перерыва между американским и европейским турне «In Utero» Курт провел с Диланом за наркотиками.

– Казалось, что Курту постоянно подыскивали подходящих друзей, – говорит Рене Наваррете, – которые бы побуждали его соответствовать образу, желательному для Кортни, и притом не использовали его в своих целях. А он хотел просто вместе тусоваться и шутить. Это и давал ему Дилан: не слишком много мозгов, просто приятная дружба.

Кортни стала настоящей ханжой по поводу Курта и наркотиков, очень вовремя забыв о том факте, что сама лопает таблетки пачками. В итоге Курт стал просить друзей прятать наркотики в кустах…

– Я видел, как наркотики принимали они оба, – сухо комментирует Кали. – И я не уверен в истинности той части рассказа Кортни, где она заявляет, что пыталась прекратить визиты наркодилеров.

– Те три первые недели 1994 года, – поясняет Рене, – были ужасны. Я редко появлялся в доме из-за ситуации с Кали. [Кали переспал с девушкой Рене, Дженнифер Адамсон, «потерянной сестрой Калкина»[384]. Она известна тем, что снялась обнаженной для обложки альбома «Mono Men».] Мы с Куртом часто шутили на этот счет: он считал смешным, что я часто грозил Кали местью, да так и не претворил угрозу в жизнь. Он часто говорил при нас обоих: «Ну и когда же ты надерешь Кали задницу?»

Мы с Кали отвечали за все в доме, – продолжает Рене. – Потрясающе – два тинейджера-торчка занимаются ребенком и едой. Я жил у Кейтлин [Кейтлин Мур – одна из знакомых Куртни по наркотикам.]. Мы тогда встречались. Одна нянька прямо фонтанировала эмоциями. Но она недолго продержалась. Нас с Кали так достало все происходящее, что, когда она жаловалась на шприцы в ванной, мы отвечали: «Это не детская ванная. Детей ведь не пускают на взрослые фильмы? Вот и не надо тащить ребенка во взрослую ванную». Фрэнсис спала с нами в одной кровати – между мной и Кали, и у нас в комнате не было никаких наркотиков. Много где в доме творился беспредел, ведь это был дом наркоманов, но ребенка в те помещения не допускали.

Перед самым переездом из дома на Лейксайд-эйв в Лос-Анджелесе случилось Нортиджское землетрясение [перед рассветом 17 января 1994 года], – добавляет Рене. – Кали, я и Фрэнсис спали в нашей комнате внизу. Курт и Кортни спустились к нам, разбудили меня, позвали наверх и сказали: «Слушай, парень, мы хотим тебе сказать, что любим тебя, что все будет хорошо, но все твои знакомые в Лос-Анджелесе погибли», – и они включили телевизор, и там были огонь и вода повсюду, как будто настал Армагеддон. Потом мы все вместе спустились за Кали. Я стал его будить, а он отвечает: «Слушайте, тут ребенок, а если ребенок проснется, то будет Армагеддон – прямо здесь и прямо сейчас. Если кто-то умер, то они и утром останутся мертвыми. А сейчас погасите свет и идите спать». Это был милый жест – они сказали, что мы можем жить с ними вечно. Как будто мы были их дети, о которых надо заботиться.

Посреди всей этой лихорадки «Nirvana» вернулась в студию на свою последнюю, как выяснится позже, сессию – к Роберту Лэнгу в Северный Сиэтл с 28 по 30 января.

– Я был с ними на сессии у Боба Лэнга, – говорит Эрни

Бейли. – Пришли Крист, Дэйв и я… Дэйв привез свои барабаны – кажется, он тогда ездил на своем черном внедорожнике; Крист принес бас и маршалловский усилок. Мы расположились и стали ж дать…

Курт не появился ни в тот день, ни на следующий. В воскресенье он материализовался и начал носиться с некоторыми идеями – формально это была первая сессия записи почти за год, со времен «In Utero». Сэмплы 11 песен записали за 10 часов, но закончена была только одна – ошеломляющая «You Know You're Right». Это было глубоко саркастичное и гипнотизирующее резюме ситуации с Куртом: текст нацеленно бил по Кортни в пассивно-агрессивной манере; гитара звенела колоколом, бас и барабаны кружили в сумасшедшем водовороте эмоций и отчаяния. Песня продолжала традиции «тихо-громкого» шаблона «Nirvana», но только в этом смысле: она находилась где-то между «In Utero» и чем-то еще более резким.

«Ничто ее не заботит, она хочет любить только себя, – болезненно подчеркивает Курт, перед тем как пуститься в последний могучий саркастический рык: – Никогда еще все не шло так классно, никогда мне еще не было так прекрасно».

– В первый день мы в основном распаковывали вещи, – продолжает Эрни. – На второй день больше ждали, но потом еще записывали какой-то материал Дэйва. На третий день Курт наконец появился ближе к вечеру, в вельветовой куртке, притом без гитары и без усилка. Он предполагал, что мы ему всё достанем, а мы-то думали, что он принесет свою аппаратуру, потому что он не позвонил и не дал как-то иначе знать, что ему нужно. Крист и Дэйв злились, потому что Курта не было пару дней, а теперь еще и он нервничал, потому что остался без гитары и усилителя.

В итоге он взял мой пульт и недавно переделанную гитару «Univox» из моей машины и усилитель из студии. Подключив все это, мы пошли в пиццерию. Там мы смеялись и неплохо себя чувствовали, но стоило вернуться в студию, как Курт опять замкнулся, в воздухе повеяло напряжением. Инструменталы записали быстро, и дело дошло до вокала…

Я решил уехать и пошел к машине. Я уже собирался включить зажигание, когда у меня возникло странное и неприятное ощущение. Я решил, что от него нужно отделаться, – вернулся и начал не то провода собирать, не то еще что-то. Я ничего не сказал Курту, потому что мне не хотелось его отвлекать, а просто смотрел, как он играл на гитаре – спиной ко мне, – и думал, что ничего страшного не случилось, это просто смешно. Я вышел, сел в машину и уехал. Больше я его не видел.

2 февраля «Nirvana» вылетела в Европу.

С ними была Мелора Кригер из нью-йоркского готического виолончельного трио «Rasputina», которую Майкл Лавайн рекомендовал «Nirvana» в качестве замены Лори Голдстон. Особенностью группы Кригер было то, что они играли в викторианских корсетах и панталонах. Еще одно крупное изменение касалось того, что теперь на бэк-вокале был Пэт Смир, а не Дэйв Грол.

Для первого концерта – три песни на телешоу в Париже, Франция – вся группа облачилась в открытые черные жилеты и белые рубашки, как одевалась поп-группа начала 80-х «The Knack»[385]. Эффект был удивительный: в то время как у троих музыкантов волосы были короткие, аккуратно подстриженные, у Курта оставалась неуправляемая светлая копна – все вместе они казались ухудшенной версией того стиля, какой представлен на клипе «In Bloom». Курту все было, похоже, исключительно неинтересно, в то время как Крист во время «Pennyroyal Tea», напротив, *слишком* выкладывался. В середине последней песни – «Drain You» – Курт бросил гитару на пол и вместо этого схватил микрофонную стойку – так и стоял, кричал в микрофон и почему-то походил на уменьшенную копию Марка Арма.

Жены Дэйва и Криста поехали в турне с группой. Но не Кортни – хотя вроде бы в течение всего европейского турне она уже готова была вылететь, но так и не собралась. Шанса возобновить старое товарищество американских концертов не было: Курт находился в глубокой депрессии, переживая, что оказался вдали от своих наркотиков, своего дома и своей жены. Он опять был в завязке – но на морфии. «Он выглядел таким побитым, – прокомментировала Шелли Новоселич. – Очень печально».

Турне началось в Каскаише, Португалия, 6 февраля, с группой «Buzzcocks» на разогреве[386]. Это была отличная арт-панк-группа из Манчестера, у которой горькие тексты о покинутой любви сочетались с мощными гитарными риффами и яростными поп-элементами. Они начали штурмовать британские чарты еще в конце 70-х. После трех прекрасных альбомов они распались, а потом – когда солист Пит Шелли потерпел неудачу в сольной карьере – воссоединились в 1989 году, хотя стали бледной тенью самих себя. Но Курт любил панк-рок 70-х, который поддерживали такие журналы, как «Крим» и «НМЭ», – и этого было достаточно, чтобы привлечь своих бывших героев к турне. «Buzzcocks» играли с «Nirvana» до 18 февраля.

Курт очень скучал по Кортни, но заходился от ревности при

мысли, что она сейчас, возможно, спит с другим. Он позвонил ей после второго концерта «Nirvana» в Мадриде: плакал, говорил, как он всех ненавидит, хотел отменить все остальные концерты. Кортни позже заявила «Роллинг стоун», что Курт ей рассказывал, будто проходил по залу, а его фанаты курили героин через фольгу, выкрикивая: «Курт! Здорово!» – и поднимали большие пальцы, как будто он был их наркоманским кумиром. Вероятно, кое-кто опять все приукрасил, но совершенно точно, что диалог их – как и всегда – перешел в жестокую ссору. Потом Кортни утверждала, что это было вызвано ее переживаниями о наркомании мужа. Воз можно. Но скорее всего, ссора стала результатом его ревности, и постоянно давила Кортни на Курта, чтобы он продолжал сотрудничать с «Gold Mountain» и соглашался на все их «предложения».

– Думаю, он подозревал, что она обманывает его с Эваном Дандо и Билли Корганом, – вздыхает Кали. – Так ли это было? Думаю, да. То есть прямая измена была. Но насколько часто она спала с другими? Для мужа ведь это важно. Был ли настоящий роман? Думаю, нет. Забегу вперед и расскажу здесь, как однажды он позвонил мне из Италии, когда я с Кортни был в Лондоне. Мы его там уже не застали – опоздали на три недели. Он был очень серьезен и спокоен и спросил: «Я знаю, что ты не хочешь оказаться в центре наших раздоров и принять чью-то сторону, но могу ли я спросить тебя кое о чем как друг?» Все было серьезно, без дураков. Я ответил: «Да». И он спросил: «Она мне изменяет?» Помню, что подумал: «Мне кажется, да», – но не высказал этого. А ответил: «Не думаю, а если изменяет, то я об этом ничего не знаю». Я ведь точно не был уверен – как тут скажешь: «Думаю, что такое может быть»? Я бы ничем ему не помог, если бы ответил утвердительно.

Мы с Кортни долго откладывали поездку в Европу, – продолжает он. – Мы заехали на пару дней в Лос-Анджелес по каким-то ее делам. Она тут же сняла два бунгало в «Шато» [«Шато Мармон» – престижнейший отель в Голливуде] – одно мне с Фрэнсис, другое себе. На второй день она взяла напрокат машину и так далее. Недели через две я перестал ежедневно спрашивать, когда мы собираемся уезжать. Она все откладывала, я все спрашивал, когда же отъезд. Не помню, сколько времени мы там торчали, но Курт звонил и спрашивал: «Вы там едете или как?» Я отвечал: «Да я-то хоть сейчас. Вот когда Кортни будет готова, так сразу и поедем». Не помню, сколько мы там были, но чек из отеля я запомнил хорошо – нам насчитали 37 тысяч долларов.

Я: Кстати, я думаю, что с Билли она спала, а с Эваном нет.

– Да, Эван всегда с ней дружил, но настоящий роман –

пожалуй, нет, – соглашается Кали. – А Билли – да. Итак, я не знал, что она там делает. Я торчал в гостинице и развлекался. Рядом почти постоянно находился Рене. Я, Рене и Фрэнсис. Когда мы наконец вылетели в Европу, у «Nirvana» в турне был перерыв, и Курт ждал нас в Риме. Он снова спросил меня, обманывает ли она его, и я ответил, что нет.

Курт действительно решил было отменить турне, спросив менеджера Джеффа Мейсона о возможных последствиях. Ответ гласил, что «Nirvana» в этом случае несет ответственность за все расходы, а это сотни тысяч долларов. Турне продолжилось, но Курт почти перестал разговаривать с Кристом и Дэйвом, весь уйдя в пораженческое, угрюмое настроение.

13 февраля группа была в Париже, и Курт снялся у французского фотографа, где фигурировал со спортивным пистолетом – на одной из фотографий Курт, глубоко под кайфом, позировал со стволом во рту. Если это была и шутка, то дурного вкуса. Где-то в то время у Курта стал пропадать голос: годы крика, наркотиков и алкоголя брали свое. Купили спрей для горла, но это было лишь временное решение проблемы, и в каждом городе, где выступала «Nirvana», Алекс Маклеод таскал Курта по врачам – в Барселоне (9 февраля), в Тулузе и Тулоне, Франция (10 и 12 февраля), в Париже (14–15 февраля), в Ренне и Гренобле (16 и 18 февраля). Но и это не помогало. Врачи просто советовали Курту не нагружать горло месяца два и научиться петь «правильно». Курт отвечал как типичный панк: «Ну на х…»

19 февраля «Nirvana» играла в швейцарском Невшателе, где зрители бросали на сцену рулоны туалетной бумаги. Группой разогрева выступила французская саб-поповская хардкор-группа «Les Thugs» (судя по всему, большое влияние на нее оказали «Buzzcocks»). Перед концертом Крист и Дэйв со своими женщинами, а также Мелора и несколько техников пошли кататься на коньках на соседний каток. «Курт не пошел, – заметила Мелора журналистке Кэрри Борцилло-Вренна, – потому что он был, знаете ли, чем-то подавлен». На следующий день Курту исполнялось 27. Менеджер Джон Сильва подарил ему пачку сигарет.

Турне продолжилось. 21 февраля в Модене, Италия, программу открывали «Melvins». Во время «In Bloom» на сцену бросили портрет Курта, и он почти с радостью пытался нацепить его в качестве маски. Но вокалист уже серьезно пал духом: всем было очевидно, что он душой не на сцене, что он мечется, а никто не хочет или не может с этим ничего сделать. «Все вели себя, как будто ничего не случилось, – говорила Мелора журналистке. – И это было странно. Разговоры его то ли не касались, то ли

обтекали. Я не знала, в чем дело, но мне казалось, что этот парень жалок. Группа говорила мало. Казалось, Крист очень заботится о Курте, но я же не была в курсе, что там у них происходило все эти годы… его просто очень беспокоило состояние Курта».

Курт выглядел дерьмово – кожа вся изрыта рябинами и впадинами, жутко бледная, глаза почти ничего не видят – это было очевидно на выступлении «Nirvana» для итальянского телевидения в программе «Туннель» 23 февраля в Риме. Группа сыграла всего две песни – «Serve The Servants» и «Dumb», но было очевидно, что голос певца уже не тот. Первая песня была спета на барочных обертонах, напоминавших легендарное выступление в «Top of the Pops».

На следующий день у Курта и Кортни была вторая годовщина свадьбы. Ее пара отметила раздельно: Кортни в Лос-Анджелесе, где они торчали с Кали (а не в Лондоне, как она заявляла позже), постоянно обещая вылететь, а Курт в одиночестве в Милане: только он и несколько тысяч бешеных фанов, подпевавших каждому жалкому слову. Потом все сидели и веселились в раздевалке «Melvins»… все, кроме Курта, который просто молча лежал на кушетке.

На следующий вечер в Милане Курт эффектно сыграл рифф хита группы новой волны «The Cars», «My Best Friend's Girl», посреди вступления к «Radio Friendly Unit Shifter» – песня на вид очень позитивная, но в ней выражены темные, подавленные чувства – она рассказывает о девушке, которую герой любит, но он видел, как она гуляла за городом с его другом. После концерта Курт поговорил с Кристом и сказал ему, что хочет отменить все остальные концерты, что продолжать нет смысла – но следующий концерт намечался 27 февраля как раз в Любляне, Словения, и многие родственники Криста собирались прийти. Поэтому еще несколько концертов были проведены.

– Он продолжал ради меня, – сказал Крист Чарлзу Кроссу. – Но, похоже, он уже принял решение.

Все три дня в Словении Курт провел, закрывшись, в номере, в то время как его товарищи по группе активно исследовали город и страну.

Последний концерт «Nirvana» прошел в Мюнхене, Германия, 1 марта, в «Terminal Einz» – небольшом (вместимость 3050 человек) ангаре аэропорта. Весь день над группой висело какое-то предчувствие. Никому не понравилась акустика клуба – слишком большое эхо, – и депрессия Курта еще углубилась. После саундчека он потребовал вперед суточные у Джеффа Мейсона и

ушел. Вернувшись, он позвонил Кортни, ввязался в перебранку и тут же позвонил своему юристу Розмари Кэрролл и сказал ей, что хочет развода.

– Говорил ли он мне такое? – спрашивает Розмари. – Да, но не знаю, насколько он был серьезен. Он ее любил, но в то же время ему было очень тяжело. В любых отношениях есть медовый месяц радости, восхищения и подъема, а потом наступает время, когда двум людям нужно понять, насколько они совместимы и могут ли сосуществовать. Возможно, Курт решил, что с Кортни ему жить нельзя. Определяющим моментом в жизни Курта стал развод родителей, и он сделал бы что угодно, чтобы обойтись без развода самому, чтобы не впутывать в это Фрэнсис, – и когда он почувствовал, что развод становится неизбежен, боль была невыносимой.

– Он сходил с ума от болезненной любви и не знал, что теперь со всем этим делать, – говорит Кали. – Я ничего не знал о намечающемся разводе. Я только понимал, что ему надоела постоянная борьба и что он считал Кортни неверной. Он не хотел в это верить, но такие мысли его доводили до бешенства.

Ко всему прочему, Курт был очень болен. На следующий день врач диагностировал у него острый ларингит и бронхит.

– Курт болел, – говорила Мелора все той же Борцилло-Вренна. – Он не хотел выступать. Искали лекарства на травах и врачей. Отношения с менеджментом тоже не отличались теплотой.

Концерт начался полной, глубоко саркастичной версией «My Best Friend's Girl», которая тут же перетекла в «Radio Friendly Unit Shifter». В голосе Курта звучала мука, когда он выкрикивал рефрен «What is wrong with me?» («Что со мной не так?»). Закончилось выступление «Heart-Shaped Box», любовной песней, которую Курт написал для Кортни, задолго до того как весь его романтизм был так безжалостно растоптан.

На следующий день «Nirvana» отменила все концерты первой части европейского турне (еще два немецких шоу). Дэйв остался в Германии работать над саундтреком к «Бэкбиту», фильму о «Beatles» и Стюарте Сатклиффе. Крист и Шелли улетели домой, в Сиэтл. А Курт и Пэт Смир полетели в Рим, где поселились в роскошной гостинице «Эксельсиор» и стали ждать Кортни, Фрэнсис и Кали.

– Итак, на пару дней мы полетели в Лондон, – говорит Кали. – Предполагалось, что в Лондоне мы сразу пересядем в самолет на Рим, но Кортни решила зайти в магазины и немного позаниматься пиаром [второго альбома «Hole», «Live Through

This», который должен был выйти в начале апреля] – и это вылилось в два дня задержки.

Я: Да, вы заходили ко мне. Вы пришли в офис «Мелоди мейкер», и Кортни помогла мне с обозрением синглов. Среди записей была 7-дюймовка сольной саб-поповской песни Лу Барлоу «I'm Not Mocking You». «Он из тех парней, с которым можно переспать, а на следующий день повесить на дереве у себя во дворе, – прокомментировала Кортни. – Лу Барлоу и Стив Малкмус [солист „Pavement"]… кто круче? За кого выйти замуж, а с кем трахаться на стороне?»

Она еще наблевала в мусорку, когда ты менял Фрэнсис Бин подгузники на столе нашего художественного редактора. Девочка написала на гранки.

Кали смеется:

– И на следующий день мы полетели в Рим. Мы просто охренели. Мы живали в лучших гостиницах Америки, но этот отель в Риме, «Эксельсиор», был похож на дворец. Мы едем туда, и Курт так себя ведет… он не злится, не сердится… он изо всех сил хотел устроить для Кортни что-то романтическое. Их номер [541] весь был подготовлен, повсюду стояли цветы [красные розы] и гигантские канделябры по пятьсот баксов. [Курт также приобрел несколько сережек с бриллиантами по три карата.] Было заказано шампанское. [Курт не пил.] Он сказал: «Я так скучал по тебе», – а Кортни выпила таблеток и пошла спать. Он был в шоке и явно несчастлив.

Курт хотел романтики и секса. Это было бы очевидно даже самым нечувствительным наблюдателям – но не Кортни. Потом она призналась журналисту «Роллинг стоун» Дэвиду Фрику: «У меня не было настроения, но ради него надо было с ним лечь. Он просто хотел переспать».

– Через несколько часов я проснулся от ее крика – это было обычным делом, – делает недовольное лицо Кали. – Наши комнаты были смежными, я сразу прибежал и нашел его на полу, с открытыми глазами и кровью из носа. Она сказала: «Курт выпил весь рогипнол[387] и запил шампанским».

Кортни проснулась где-то между четырьмя и шестью и обнаружила, что мужа нет в кровати. Он был полностью одет, в кармане лежали 1000 долларов, а в руке он держал трехстраничную записку. «Записка была на бланке гостиницы, – рассказывала Кортни „Спину" в 1995 году, – и там он говорил, что я его больше не люблю, а развода он не вынесет [из-за родителей]».

В записке цитировался Шекспир. «Доктор Бейкер [врач из последнего для Курта Центра детоксикации] сказал, что я, как

Гамлет, должен выбрать между жизнью и смертью, – писал Курт. – Я выбираю смерть». Также упоминались имена тех, с кем, как считал Курт, Кортни ему изменяла.

«Скорая» приехала около половины седьмого и забрала Кортни и Курта, все еще без сознания, в больницу Умберто I, в центре города, где его подключили к системе жизнеобеспечения. Опорожнили его желудок – сообщалось, что там обнаружили 60 таблеток рогипнола, каждую из которых ему пришлось выковыривать из индивидуальных пластмассовых контейнеров, но привести его в чувство не удавалось. К полудню стали распространяться слухи о передозировке, а CNN и вовсе сообщил о смерти Курта.

«Gold Mountain» опроверг эти слухи, выступив с заявлением о том, что Курт «по неосторожности отравился смесью назначенных врачом лекарств и алкоголя, страдая от жестокого гриппа и переутомления».

– Он… это было ужасно, – говорит Кали. – Там же находился Пэт Смир, он тоже прибежал. Приехала «скорая» и забрала их, Курт был в коме. Невероятно, насколько быстро работает пресса и как быстро репортеры добрались до меня. В мой номер звонили, спрашивали меня по имени. Кажется, у Курта была в кармане пачка денег, он написал записку, но та вроде бы пропала. Там говорилось, что он уходит, и выглядело так, что это записка самоубийцы. Но я считаю, что это была записка «убегающего». Еще было дико, что он пил; он ведь не пил вообще. Действительно, он принял слишком много рогипнола.

Очередная ситуация из жанра: «Было или не было?» – продолжает Кали. – Можно перепутать случайную передозировку таблеток из-за депрессии с попыткой самоубийства. Непонятно, почему он был одет и при деньгах. Возможно, эти деньги… да ладно, можно день и ночь раздумывать о таких вещах. Сложно говорить, хотя я хорошо помню, что записку-то она спрятала.

Я: Она ее сожгла…

– Насколько я помню, ничего она не жгла, пока Курт не умер.
Я: Она рассказывала мне, что когда она сожгла ее, то случилось что-то странное.

– Когда она бросила записку в камин, тот взорвался, – подтверждает Кали. – Так рассказывали мне те, кто при этом был. Вот так-то – если верить в такие вещи. Я вот верю. В день, когда мне исполнился 21 год и началась реальная часть этого путешествия [когда умер Курт], все заснули, а я ехал по шоссе. И тут самая большая сова, которую я когда-либо видел, подлетела прямо к машине с распростертыми крыльями. Она с криком ударилась прямо в лобовое стекло. И я подумал: «Это дурной

знак!»

Согласно версии Кортни, Курт на следующий день – 5 марта – очнулся после 20 часов без сознания, написал записку «Уберите эти сраные трубки от моего носа», а когда смог говорить, потребовал клубничный молочный коктейль.

– На самом деле он сказал: «Уберите этот долбаный катетер!» – поправляет меня Кали. – Дело было не в носе, а в катетере. Я попал туда сразу после, и говорят, что он сказал именно это. С ума сойти. Мы с Пэтом держали осаду в гостиничном номере, но решили все равно выйти. Мы надели большие пальто, спрятали в одно из них Фрэнсис и поехали колесить по Италии. Курт был в коме, но это не казалось чем-то особо необычным. Нам было весело. Пэт покрасил мне волосы в розовый цвет. Когда мы доехали до больницы, Курт уже улыбался, выглядел счастливым и кричал: «Панк-рок!» Казалось, все идет своим чередом. Потом мы улетели в Сиэтл.

Я: Ты помнишь, как реагировала Кортни?

– Она говорила об этом как о несчастном случае.

Я: В те выходные мне позвонила Дженет Биллиг и сказала, что это был несчастный случай, а не попытка самоубийства: «С Куртом все хорошо, он сидит в кровати, разговаривает и шутит». Может, в это время все уже так и было.

– Так и было, – улыбается Кали. – Он рад был увидеть меня, Пэта и Фрэнсис. Лететь домой было забавно. В это время мы с Пэтом Смиром оба заболели гепатитом А и пожелтели, вроде бы как раз когда летели домой. В общем, заболели.

Курт вышел из больницы 8 марта и через четыре дня улетел домой – в самолете слышали, как он громко ссорится с Кортни, требуя дать ему рогипнол. Она отвечала, что спустила таблетки в унитаз. В аэропорт Си-Так его прикатили в инвалидной коляске.

Но даже после всего этого боссы «Gold Mountain», казалось, продолжали жить в иллюзорном мире: Мелору Кригер, как сообщалось, отправили 11 марта в Прагу, где должна была начаться вторая часть европейского турне «Nirvana», и велели ждать там. «Даже когда мне пришлось вернуться в Нью-Йорк, там никто ничего не хотел отменять, – сказала она Борцилло-Вренна. – Они наконец-то признали, что в Европе ничего не состоится, но велели готовиться к „Lollapolooza“, потому что фестиваль все еще стоял в плане».

В.: Цитировались твои слова о том, что последний концерт в Мюнхене был «просто изумителен». Что тебе запомнилось в этом концерте?

– У нас с Куртом был бронхит, – отвечает Пэт Смир, – и голос у него заметно садился с каждой песней. Когда мы пели вместе,

это напоминало крики дерущихся котов. С голосом у него было жутко плохо, но вместо того, чтобы это скрыть, он, казалось, с радостью повторял: «Я не смогу петь много дней».

В.: Много говорилось о сессиях дома у Кобейна 25 марта 1994 года, в которых участвовали ты, Курт и Эрик Эрландсон. Что ты можешь сказать о них?

– Мы просто поиграли и записали четыре песни. Курт пел и играл на барабанах, Эрик на басу, а я на гитаре.

В.: Что, кроме «Do, Re, Mi»[388]*, было записано?*

– Да я уже не помню.

В.: Ты не знаешь, собирался ли Курт записаться с «Nirvana»? И если да, то какие песни предназначались для этого?

– В то время больше разговоров было о турне. По сравнению с тем, что осталось, мы только начали… оставались концерты в Европе, Япония и Дальний Восток, Южная Америка, «Lollapalooza» и т. д. О новом альбоме я знал только то, что Курт что-то для него пишет, и еще он упоминал какие-то идеи о направлении альбома. Иногда он просил меня помочь что-то написать, пока мы ездили по Европе, но меня это пугало, да и взять акустические гитары в номера было невозможно. Я говорил ему, что у Дэйва хорошие записи, что им надо писать вместе, но не знаю, спрашивал ли он его.

В.: Каким был общий настрой группы в последние месяцы жизни Курта? Критики говорят, что Курт ненавидел товарищей по группе и что «Nirvana» по сути распалась.

– У всех групп это бывает. Я вижу такое регулярно и стараюсь всерьез не воспринимать. Я предполагал, что перерыв у нас временный, что мы закончим в Европе и поедем на «Lollapalooza». Даже когда я услышал, что турне отменили, я сперва не поверил.

В.: Какое твое самое яркое воспоминание о Курте?

– Он меня сломал.

Интервью Расмуса Холдена с Пэтом Смиром, www.nirvanaclub.com, сентябрь 2002 года

– Я каждый вечер разговаривал с Куртом, пока он был в Европе, – говорит Рене. – Говорил и перед Римом. Курт ждал там Кортни из Лондона – и спрашивал меня, что с ней происходит. Я не знал. Я остался в доме один. Сразу после того передоза в Риме я поговорил с Кали и понял, что творится какой-то маразм. Кали не знал, что делать, у него на руках остался плачущий ребенок. Кали нашел ту записку в Риме.

Я инстинктивно подумал, что Курт, наверное, обнаружил, что Кортни ему изменяет, – продолжает Рене. – Кто поймет, что

случилось на самом деле? Я знаю, что они любили друг друга, но отношения у них были безумные. Меня больше беспокоило, найдет ли он хоть какой-то покой. Когда они вернулись из Рима, я уловил его суицидальное настроение по тому, как он принимал наркотики. Я ощущал какую-то темноту или смерть, висевшую над ним. Если ты наркоман, то предчувствуешь, что будет с другими, которые тоже употребляют. И это было очевидно. Я думаю, что он не обязательно собирался покончить жизнь самоубийством, ему просто было все равно. Я знал, что, пока он на наркотике, с ним все будет нормально, но знал также, что в один прекрасный день это кончится.

Когда Курт вернулся домой, Рене позвонил маме Курта, Венди О'Коннор, и попросил приехать. Было решено, что Курту необходима домашняя еда, чтобы он почувствовал себя снова в своей тарелке. Венди приготовила пару раз ужин с любимым блюдом Курта – рыбными палочками.

– Я не упоминал попытку самоубийства, – говорит Рене. – Мы с Кали это обсуждали, но решили с остальными по этому вопросу не разговаривать. Мы собирались действовать исходя из того, что все хорошо. Если что-то шло не так, Курт уходил в свою комнату. И входить туда могли только Кали, я или Эрик [Эрландсон].

– Когда мы приехали домой, их ссоры разгорелись с новой силой, – говорит Кали. – Ничего особенного, просто сплошная враждебность. «Gold Mountain» вышибал из него мозги, требуя не отменять «Lollapalooza». [Курт в последний раз подтвердил отмену турне «Lollapalooza» на второй неделе марта. «Группе конец», – резко заявил Крист Чарлзу Кроссу.] Посреди всей этой суматохи Кортни пилила его еще и из-за денег: «Ты теряешь столько бабла! Как ты можешь так поступать по отношению к своей дочери!» – всегда верная линия поведения. Ему было всего 27 лет, а на плечах у него лежала тяжесть целого мира. Если ты чувствителен, а на тебя все орут: «Почему ты распоряжаешься нашими жизнями?» – в этом нет ничего хорошего. Он чувствовал себя загнанным в угол.

Я: Пару раз звонил его отец. На звонки отвечал ты?

– Да, я отвечал и говорил, что его нет, тут я уверен, – подтверждает Кали. (Сообщалось, что отец однажды ухитрился дозвониться до Курта, и у них произошел «короткий, но милый» разговор.) – Помню, как в прошлом доме на Лейк-Вашингтон его отец неожиданно позвонил в дверь. Курт был там, но сказал мне: «Меня нет дома». У меня не было выбора. Я смотрел на его отца и говорил: «Его нет, вы не можете зайти». Я не знал его, но чувствовал, что попал в центр какой-то истории, которая меня совершенно не касается.

Но самая крупная ссора случилась из-за оружия, – продолжает он. – Курт заперся в спальне со стволами, угрожая самоубийством и твердя: «Отстаньте от меня, оставьте меня в покое». Но даже тогда я не представлял себе, что он действительно может себе как-то навредить. Я подумал, что это преувеличение в пылу спора.

18 марта, через две недели после Рима, Кортни вновь позвонила 911, и в считанные минуты появилась полиция. Она сказала копам, что Курт собирается покончить счеты с жизнью. Курт это отрицал, объяснив, что он закрылся в комнате, просто чтобы Кортни от него отвязалась. Полиция конфисковала четыре пистолета Курта – «беретту» 38-го калибра, полуавтоматический кольт AR-15 и два «тауруса» – плюс 25 коробок с патронами, а также склянку с «различными неопознанными таблетками». При дальнейших расспросах Кортни призналась, что не видела, чтобы Курт держал пистолет, но ее заботила его безопасность, поскольку она знала о доступе к оружию.

(Эта версия противоречит более театральному рассказу Кортни журналисту «Спин» Крэйгу Марксу 1995 года о том, как она взломала запертую дверь и увидела разложенное вокруг Курта оружие: «Я схватила револьвер, приставила к собственной голове и сказала: „Я сейчас нажму курок сама. Не могу больше видеть, как ты умираешь“. Он схватил меня за руку. Он кричал: „Это небезопасно. Ты не понимаешь. Здесь нет предохранителя. Он выстрелит. Он выстрелит“».)

Полиция отвезла Курта в участок в городе, но не вынесла мер наказания.

– Он всегда радовался, когда приезжали копы, – утверждает Кали. – Даже начинал шутить. И копы, похоже, тоже веселились.

В последние недели жизни Курта некоторые дни остаются белыми пятнами. Один такой период покрывает несколько дней после возвращения Курта и Кортни из Рима – где-то между 12 марта (когда в полицию анонимно позвонили по 911 из резиденции на Лейк-Вашингтон, позднее отменив вызов) и 18 марта. Более чем кто-либо другой устрашенная кажущимся безразличием Курта к собственной судьбе, зная о том, что в Риме произошел не несчастный случай, а самая настоящая попытка суицида (хотя этот факт до самой смерти Курта держался в секрете), Кортни распорядилась, чтобы в доме больше не было наркотиков. Она даже запретила приходить Дилану, потому что считала, что он наркодилер Курта. По иронии судьбы, Дилан снабжал и Кортни.

Такое лицемерие жены стало для Курта последней каплей – какое право *она* имеет читать *ему* лекции о наркотиках.

Произошла жестокая свара, и Курт, в сопровождении Рене, ушел. Несколько дней Кортни не видела Курта. Товарищи по героину наплевали на все семейные обязанности и отправились по разным дешевым гостиницам на Аврора-авеню: «Марко Поло», «Крест», «Сиэтл-инн».

– Мы шли по Денни-Уэй, – начинает Рене. – Как будто Курт хотел в последний раз пройтись по городу. Это было наше маленькое приключение. Дело происходило ночью, и он не знал, где и что. Мы пошли в «Таверну Линды» [модный клуб в Кэпитол-хилл], тогда еще только открывшуюся, и там над ним все потешались. Сиэтл – очень маленький мирок. Потом мы заметили Нильса Бернстейна и подсели за его столик, но все было не как дома. Курт чувствовал себя чужим.

У нас не хватало наличности, все кредитки Курта были заблокированы, но у нас оставался чек моей мамы от «Вестерн юнион» на сто долларов. У меня удостоверения не было, воспользовались Куртовым. Мы пришли в магазин, где принимали любые чеки, и словно оказались на одной из телепередач, где неожиданно появляются знаменитости. Там был какой-то парень под кайфом; он хвалил Курта, но в шутливой манере, так что Курту понравилось. Вдруг появилось ощущение, что он снова наладил контакт с городом, но присутствовало оно недолго.

Мы сбежали из дома, потому что у него случилась ссора с Кортни. Кали только что ушел с Дженнифер [Адамсон], и дома остался один я. Кортни заявилась домой, а потом я услышал эту дикую перепалку. Это был единственный раз, когда Кортни на моих глазах ударила Курта. Они ссорились из-за каких-то таблеток.

Кто-то спрятал чужой рогипнол. Я зашел и увидел, как они молотят друг друга, и прежде чем Курт собрался ударить, я схватил его, перебросил через плечо и вышел из комнаты, а потом и из дома. Когда мы добрались до дороги, я опомнился и сбегал за его курткой, и мы пошли дальше. Мы шли от дома к городу. Нас не было пять дней; в первый вечер при нас все еще были кредитки. Инцидент в таверне случился на третий или четвертый вечер. Для Курта это было не лучшее время: он обычно никогда не покидал дома.

Мы направлялись к нашей подруге Кейтлин [она жила на пересечении 11-й улицы и Денни-Уэй]: собственно, это была наша основная цель. Мы остались там – немного поели и заказали такси до ближайшей гостиницы. Мы жили в трех разных отелях – или мотелях, какая разница. В основном мы шлялись по городу – такие подростки-бродяжки. Было очень здорово. После первого

вечера я боялся, что у нас будут проблемы. Я позвонил домой, чтобы понять, как там дела, и попал на Эрика, но он ответил: «Не надо меня впутывать». У Дженнифер Адамсон в Кэпитол-хилле мы наткнулись на Дилана Карлсона; в то время она уже ни с кем из нас не встречалась – я, Дилан, Кали приходили к ней и просто слушали музыку. Там тоже было здорово. Дилан оказался там случайно, но мы же его хорошо знали.

Мы с Куртом проторчали ту неделю вне дома, потому что у него благодаря этому поднялось настроение. И нам показалось, что будет лучше какое-то время побыть вдали от дома, глотнуть воздуха. Все мы пытались растормошить его после прилета из Рима.

– Дженнифер Адамсон считалась моей девушкой, – говорит Кали. – И Джессика Хоппер тоже. Джессика была хорошая девушка. Дженнифер тоже неплохая, но наркоманка, и она потом умерла. Она умерла через четыре или пять лет [в 2000 году] после этого от передозировки. Я жил в доме, там же жила и Джессика, но колоться я уходил к Дженнифер. И в те дни у Дженнифер Адамсон дома произошел удивительный вечер. Внезапно там появился Курт и позвонил в дверь. Я посмотрел в глазок, потому что мало кого пускал в квартиру, и спросил: «А что ты тут делаешь?» Он отвечал: «Просто нужно было уйти из дома. Мы с Кортни подрались. Можно зайти и послушать с вами музыку?» Ему очень нравилась «Elastica»[389], а я как раз достал их первый сингл.

– Он чуть больше становился собой, когда семьи не было рядом, – продолжает Рене. – У нас появлялась возможность почувствовать себя товарищами. Я шутил, что он так и не переспал с девушками, которые ему нравились, а стоило бы, и представлял себе реакцию Кортни.

Странная вышла прогулка. Я никогда не видел прежде, чтобы он много двигался или занимался физическим трудом – кроме сцены. Иногда он огорчался, что тратит слишком много денег на всякую херню, или высмеивал Кортни, которая поступала точно так же, говорил, что этак они разорятся. Курт никогда не понимал, насколько он богат. Кортни тогда ввела правила, запрещающие наркотики в доме: никакого кокаина, спидов, белых порошков, – и я отвечал ей: «А как насчет твоих таблеток?» Мы с Куртом пытались найти крэк, потому что никогда его не пробовали. Но не нашли и вместо этого мы покурили спидов через лампочку – и решили, что это очень прикольно.

Я не предполагал, что кредитки заблокируют. Это сделала Кортни. Ей всегда удавалось его сломить. Она знала, что нам нужны деньги, а у меня их нет, и она хотела, чтобы Курт

вернулся, потому что прослышала, что он там ведет шикарную жизнь, и это ее ранило. А со своими ранами Кортни справлялась, выпуская на окружающих торнадо своих чувств. Я был в шоке от блокировки кредиток, но не удивился суровости меры. Мы с Куртом знали, что это его деньги, – но не пошли в банк разбираться. Нам не хотелось создавать проблем. Мне было меньше двадцати, я был несовершеннолетним, да и Курта совершеннолетним, по большом счету, назвать сложно.

В то утро, когда Кортни заблокировала кредитки, Курт нашел газету, в которой говорилось, что «Nirvana» отменила что-то такое, о чем он и не знал. Он тут же куда-то позвонил: он не казался шокированным, скорее просто разозлился. Все время нашего отсутствия Курт кому-то звонил – в основном, подозреваю, Кортни. Не понимаю, зачем он это делал, потому что мне он на нее все время жаловался и твердил, что ее мнение его не волнует, но все равно ей звонил и вполне мило беседовал.

В «Марко Поло» у Курта случилась передозировка, и серьезная. Так порой бывало. Одной из причин, по которой меня держали, было то, что я хорошо умел возвращать людей к жизни. Моя должность называлась «личный помощник», но я в основном заботился о том, чтобы он не умер, чтобы его не ограбили и он не поймал передоз. В тот день я поднимал его на ноги двадцать минут: в первый раз за долгое время я так испугался. Я никому не говорил, но это был дохлый номер.

В конце дня он позвонил Розмари Кэрролл, чтобы что-то изменить у себя в завещании. Это меня напугало, потому что я все время боялся его самоубийства. Мы шутили по поводу этого: что все деньги он оставит не Кортни, а Фрэнсис и еще оставит что-то и нам с Кали.

Я предложил позвонить Кристу, и Крист тут же пришел. Он хотел, чтобы Курт поехал с ним в какую-то его хижину, где мог бы отдохнуть – в грузовике у Криста было полно спальных мешков и инструментов. Но когда мы уже собирались, Курт передумал и сказал, что, наверное, уже пора вернуться домой. Потом я узнал, что Крист должен был заставить Курта вернуться, но оказался, похоже, двойным агентом – интересно, что случилось бы, если бы мы поехали в ту хижину. Возможно, это все изменило бы. Но мы очень устали слоняться по городу все эти дни.

Последний абзац не очень стыкуется с иными версиями событий. Согласно одной из них, Крист в ту неделю сначала встретил Курта в «Марко Поло» 21 марта – через три дня после эпизода с оружием, так что Курт и Рене не могли тогда потеряться. Кроме этого факта, версии вполне сходятся. На 21 марта Кортни назначила «встречу с любовью» – но она была

отменено, потому что Кристу удалось забрать Курта. Крист считал, что подобная акция Курту бы не помогла, а, напротив, усилила бы его паранойю и отчуждение.

В «Марко Поло» Крист сообщил Курту, что хочет купить мотоцикл. Он не понимал состояния Курта и предложил съездить вдвоем в отпуск (вероятно, уже без Рене). Прежде всего, однако, Курт хотел поесть – Крист собирался было отвести его в модный ресторан, но Курт предложил закусочную «Jack In The Box». Только на полдороге к Кэпитол-хилл Крист сообразил, в чем дело: квартира наркодилера находилась в соседнем с закусочной здании. Друзья наорали друг на друга, и Курт ушел.

Глава двадцать девятая
Весенний дождь

– Все время поговаривали о героиновой зависимости Курта, – утверждает Розмари Кэрролл. – Слухи об этом впервые дошли до меня, наверное, когда я только с ним познакомилась. В конце концов, это повлияло на его отношения со всем миром: у людей появился повод излить свой гнев, свое смятение, свою неспособность иметь дело с гением – потому что он был наркоманом. Больше всего меня злит [в его смерти], что ему так много еще нужно было сказать и сделать – но он находился под чудовищным давлением! И что бы героин с ним ни сделал физиологически, куда хуже, что он дал людям оправдание, чтобы унижать Курта, а это в корне неверно. Его естественные жалобы воспринимались как выходки наркомана.

И это было очень существенно, – продолжает бывший юрист Курта. – Я этим не занималась. В последние недели своей жизни он два-три раза мне звонил. Я пыталась объяснить ему, что у него есть выбор, что то давление, которое он ощущает, можно облегчить. Что всех ужасов, которые ему предстоят, можно избегнуть. Он мог изменить свою жизнь. Он не обязан был оставаться в «Nirvana». Ему не нужно было поддерживать отношения, если те становились болезненными. Но я говорила ему, что нужно быть сильным, чтобы выбраться из этой ситуации, потому что его наркомания давала другим повод контролировать его действия.

Я говорила с ним только тогда, когда он звонил сам, потому что до него добраться было невозможно. Однажды он поговорил с моей дочерью, которой очень симпатизировал, и она пригласила его к нам прийти. Я хотела поговорить с ним с глазу на глаз и объяснить, как он может защититься. Для него все это было невыносимо, невероятно. Нам всем следовало больше стараться его защитить.

Я: Общее собрание планировалось 21 марта, но Курта предупредили…

– И он утек, – добавляет Кали.

Я: Ему рассказал Крист Новоселич, потому что считал идею глупой.

– Крист постоянно вел себя очень разумно, самым лучшим образом, – подтверждает Кали.

В тот день в доме на Лейк-Вашингтон была запланирована

«встреча с любовью», где присутствовали Кортни, Дэнни Голдберг, Джон Сильва и Дженет Биллиг из «Gold Mountain», Пэт Смир, Кали, Дилан Карлсон, Марк Кейтс и Гэри Герш из «DGC» и председательствующий советник Дэвид Бурр. Венди не было – она забрала Фрэнсис к себе в Абердин.

«Встреча с любвью», как предполагалось, должна была вернуть Курта к окружающей действительности: каждому присутствующему было велено заявить о последствиях, которые ждут Курта, если он не перестанет употреблять героин: Геффен расторгнет контракт с «Nirvana», «Nirvana» распадется, Кортни разведется с Куртом, «Gold Mountain» откажется работать с группой. Курт наверняка знал, что большинство подобных речей – блеф. Большинство присутствующих не могли ругаться с человеком, от которого во многом зависели их собственные жизни и доходы. «Вокруг него в тот день витала какая-то аура, – замечает Голдберг, – и мы чувствовали, что ходим по тонкому льду».

– Когда я приехал и встретил там Дилана, – вспоминает Рене Наваррете, – то понял, что происходит нечто странное, ведь Кортни совсем недавно изгнала его из дома. Но к тому времени Курт меня уже не слушался. Я говорил ему, что надо сматываться, но Дилан уже накачал его наркотиками, так что говорить с ним было бесполезно. Меня беспокоило настроение Курта. Он не очень беспокоился о своей возможной гибели.

У Дилана была дурь, так что мы все вместе ширнулись, – продолжает Рене, – но я чувствовал: что-то не так. Как только я увидел Эрика, то сказал ему, что мне надо отсюда сматываться, – и тогда Эрик одолжил мне денег на самолет до Лос-Анджелеса. Перед отъездом я зашел к Курту и сказал, что уезжаю и что скоро у меня день рождения – и если он не соберется в больницу, то я жду его на своем дне рождения 30 марта. Я позвонил в тот вечер в дом. Мы поговорили с Пэтом Смиром; он считал вмешательство просто смешным.

Во время сходки говорила одна Кортни: она требовала, чтобы Курт отправился лечиться в «Эксодус рекавери», реабилитационный центр в Марина-дель-Рей, Калифорния. Она бросила ему в лицо угрозу, от которой, как она знала, ему не отмахнуться: если они разведутся, он нечасто сможет видеть Фрэнсис.

Курт слушал всех молча, после чего ядовито разоблачил лицемерие и заблуждение многих присутствующих.

– Мне казалось, что там набилось человек двадцать от бизнеса, – говорит Кали. – Но, скорее всего, их было порядка восьми. Дэнни Голдберг, люди из «Gold Mountain» – все они не

имели к ситуации никакого отношения и не дружили с ним лично. Что им там было делать? Курт вел себя как загнанный в угол. Все это было для него уже невыносимо. Меня это особо не касалось, но я нервничал, беспокоился. Все досаждали ему своим вниманием. Кортни или кто-то еще постоянно говорили мне: «Кали, пройдись с ним». Я гулял с ним по двору, и мне вдруг пришло в голову, как все это нелепо. Мы были на лужайке, и я сказал: «Слушай, ты ведь и без меня можешь гулять». Я отпустил его, а он упал на траву. Он улыбнулся и посмотрел на меня с таким видом, будто хотел сказать: «Ты сам понимаешь, что не обязан меня выгуливать. Я вполне могу ходить и один». Как будто он глазами поблагодарил меня за то, что я его отпустил.

Я: Писали, что Дилан отказывался принимать участие…

– Дилан был там, – отвечает Кали. – Он старался обращаться к Курту как к другу. И тут проявилась другая сущность Курта – он начал кричать уже на тех людей, с которыми действительно дружил. Он заорал на Дилана. А тот был слишком хрупкий, чтобы это вынести. Курт кричал: «Какого хера ты тут делаешь? Ты ничем не лучше всех остальных!» Он бросил в Дилана мусорным ведром, в котором было стекло, стекло разбилось, Дилан заплакал и убежал. К тому времени Кортни уже так извела Курта, что он чувствовал себя как в ловушке. А теперь она еще привела в его дом тех, кого он считал врагами, чтобы они объяснили ему, как плохо он себя ведет.

Единственная цель «встречи с любовью» заключается в том, чтобы показать, как жестоко ты оскорбляешь близких людей, – объясняет Кали. – Мои самые лучшие друзья вместе с отцом устроили такую акцию для меня, и это произвело эффект, потому что всех этих людей я уважал. И они на меня не орали. Чтобы вышел толк, нужно было позвать Трейси и Тоби, людей, которых Курт знал многие годы, вроде Иэна Диксона, а не тех, кто прямо заинтересован в его дальнейших успехах. Кажется, припоминаю, что на встрече ему говорили что-то вроде «Надо пройти реабилитацию и выступить на „Lollapalooza“». Это было совершенно не в тему. Нужно было сказать, например: «Почему бы тебе не отдохнуть годик от турне, ничего не записывать, а просто общаться с дочкой и оставить все позади?»

Кортни пыталась уговорить Курта полететь с ней в Лос-Анджелес – где она собиралась платить в «Пенинсула-отеле» по 500 долларов в сутки за детоксикацию, – но он отказался, стал листать «Желтые страницы» в поисках «нужного» психиатра, и она уехала из дома в машине с Дженет Биллиг. Больше своего мужа в живых она не видела. Один за другим за ней последовали остальные.

– Да, все кончилось, и они уехали, – говорит Кали. – Мы остались в доме с мыслями: «Что за хрень? Что это было?»

Курт вернулся вниз, и они немного поиграли с Пэтом и Эриком. На следующий день Джеки Фэрри забрала Фрэнсис в Лос-Анджелес к Кортни.

– Джеки нужно было забрать Фрэнсис, – говорит Кали. – Я сказал ей: «Приезжай и забери Фрэнсис, потому что моя наркомания из-за всего этого дурдома выходит из-под контроля». Кортни велела мне: «Приклейся к Курту как банный лист. Не разрешай ему ничего делать самому». Она хотела, чтобы я тенью следовал за ним, звонил ей и рассказывал, что он делает. Теперь я попал в самый центр заварухи.

Наплевав на вмешательство, Курт вышел из-под контроля – и неизбежное случилось вновь. У него снова была передозировка; он одиноко лежал на заднем сиденье своего «вэлианта», куда его посадили другие наркоманы – испугавшись, что если знаменитая рок-звезда умрет у них на руках, то неизбежны проблемы с полицией.

Но он не умер. На следующий день он оклемался, весь разбитый. Он вернулся домой, не ответил ни на одно сообщение от Кортни на автоответчике и позвонил Розмари. Она убедила его, что нужно еще раз попробовать полечиться, и ему на 29 марта, вторник, забронировали билет на самолет в Лос-Анджелес. Криста попросили отвезти Курта в аэропорт Си-Так, но по дороге Курт опять передумал. Он попытался выпрыгнуть из машины Криста на шоссе Интерстейт-5, а у терминала ударил Криста в лицо. Они сцепились, Курт высвободился и убежал через главный зал аэропорта.

Так его последний раз видел Крист.

30 марта, в среду, Курт вновь передумал: он все-таки пойдет лечиться.

Перед этим он ширнулся и поехал домой к Дилану Карлсону, где попросил старого приятеля об услуге. Он хотел, чтобы Дилан купил ему ствол – «для защиты от бродяг», – потому что полиция забрала все его оружие. Они поехали в спортивный магазин Стэна Бейкера на Лейк-Сити-Уэй, 10000, и приобрели шестифунтовый двадцатизарядный «ремингтон-М-11» и коробку патронов к нему за 308 долларов 97 центов наличными. «Курт выглядел нормально, – отметил Дилан. – Да я ему и раньше одалживал оружие. Если у него и были намерения самоубийства, он это от меня скрыл». Дилан предложил сохранить оружие Курта, поскольку тот уже собирался в «Эксодус», но Курт настоял на том, чтобы оставить ружье у себя.

В лос-анджелесском аэропорту Курта встретили Пэт Смир и помощник Джона Сильвы, Майкл Майзель, который довез его до центра. Солист заселился в палату 206 и начал 28-дневный курс. За следующие пару дней он встретился с несколькими психологами, ни один из которых не отметил суицидальных настроений. Курт рассказал о своей озабоченности предстоящей тяжбой с Кевином Керслейком (по поводу клипа на «Heart-Shaped Box»), опасаясь, что суд его разорит, а когда к нему приехала Джеки Фэрри с Фрэнсис, поделился с ней содержанием ссор с Кортни по поводу «Lollapolooza». Но в основном он пребывал в добром расположении духа, а когда Джеки и Фрэнсис вернулись на следующее утро, то настроение у Курта было приподнятое, он засыпал Джеки комплиментами и играл с дочкой, подбрасывая ее в воздух.

Дело было 1 апреля – в тот самый день, когда вторая часть европейского турне «Nirvana», которая должна была стартовать 12 апреля в Бирмингеме, Англия, была официально отложена.

Позже в тот день Курт сидел в зале для курения и шутил с певцом «Butthole Surfers» Гибби Хейнсом об одном из приятелей Гибби, который убежал из «Эксодуса», перепрыгнув через шестифутовую заднюю стенку. Это было совершенно необязательно, поскольку главный вход никогда не закрывался, но зато сколько романтики. «Ну и придурок», – смеялись два музыканта. (Гибби также находился в «Эксодусе» на реабилитации. Такое уж было место: оно привлекало рок-знаменитостей.) Потом приехал Пэт Смир со своим приятелем, Джо «Мама» Нитцбургом. Они втроем прогулялись по заднему дворику, а потом присели на часик поболтать с Гибби.

Где-то днем Кортни ухитрилась дозвониться до Курта – она уже несколько раз пыталась его поймать – и немного поговорила с ним. «Так или иначе, – говорил он, по ее словам, – хочу, чтобы ты знала, что альбом очень хороший [альбом „Hole“ „Live Through This“]». Она спросила его, как дела.

– Просто помни: так или иначе, я тебя люблю.

В 19.25 Курт вышел из задней двери «Эксодуса» и перелез через стену. Через пару часов он сел на рейс «Дельты» 788 до Сиэтла – и в час ночи прибыл в Си-Так. Теперь он числился пропавшим: узнав, что он покинул «Эксодус», Кортни начала обыскивать весь Лос-Анджелес, обзванивать наркодилеров и друзей, опасаясь очередной передозировки.

– И тут на картине появляюсь я, хотя это и не предполагалось, – говорит Кали. – Считалось, что я полечу в Лос-Анджелес вместе с ним. Но вот они оба в Лос-Анджелесе, а я в Сиэтле и решаю там остаться [в доме на Лейк-Вашингтон]. Я

наркоман, и я в Сиэтле – зачем мне оттуда уезжать? Я рад, что их нет дома. Со мной в доме Джессика [«правильная» подружка Кали вылетела к нему на весенние каникулы за пару дней до того.]. Я иногда выхожу из дома за наркотиками, за едой или еще за чем-нибудь. И тут Курт сбегает из «Эксодуса», и никто не знает, где он находится. Каждый день, когда я захожу к себе в комнату внизу, у меня звонит телефон. Я отвечаю, но трубку вешают. Теперь я думаю, что это был Курт: он звонил из дома, чтобы убедиться, что это пришел я. [Кортни строго запретила Кали и Джессике заходить в другие комнаты, если они в доме одни.] У меня на полках была коллекция металлических игрушек, и однажды, придя домой, я обнаружил, что все они смотрят не в ту сторону. Я подумал: «Может, я сам их повернул?» Видимо, это Курт так надо мной подшутил.

Утром 2 апреля Курт на такси компании «Грейтоп» поехал на угол 145-й улицы и Аврора-авеню. Он искал наркотики и патроны; не найдя первого, он приобрел в тот день несколько обойм в «Сиэтл ганс». Кортни снова заблокировала все кредитки Курта. На следующий день, в еще большем отчаянии, она наняла частного детектива, который попался ей в «Желтых страницах». Но Курт исчез. Сообщали, что он вместе с неизвестным приятелем провел ночь в другом своем доме – в Карнейшн, – где полиция позже нашла синий спальный мешок и пепельницу с двумя видами окурков. Но, несмотря на различные сообщения о том, что Курта видели в парке рядом с домом и на Кэпитол-хилл, никто не знал, где же он.

Венди О'Коннор подала заявление о розыске в полицию Сиэтла 4 апреля, заявив, что «Курт купил оружие, возможно, с намерением совершить самоубийство». В заявлении в качестве возможного местонахождения был указан адрес Кейтлин Мур.

Прошло воскресенье, и настал понедельник…

– Мы действительно виделись, всего минутку, – говорит Кали. – Он толкнул дверь моей спальни и увидел меня. Он спросил: «Какого хрена ты тут делаешь? Ты же вчера должен был улететь в Лос-Анджелес». А я ответил: «А я не захотел. А ты что тут делаешь? Тебя все ищут, Кортни думает, что ты где-то в канаве умер». Он отвечает: «Хорошо, я ей позвоню». Я и подумать не мог, что он скрывается и хочет застрелиться. Но тогда я видел его в последний раз.

Где-то либо во вторник, 5 апреля, или в среду, 6 апреля, Курт Кобейн покончил жизнь самоубийством. Он вышел в теплицу над гаражом, закрыл двери, прислонил к окну табуретку, написал короткую прощальную записку красными чернилами,

адресованную его воображаемому другу детства Бодде, и выстрелил себе в голову – одна пуля, мгновенная смерть. Рядом с ним лежал портсигар с наркотиками и шприцами. На полу валялся открытый кошелек. Курт принял 1,52 миллиграмма героина – более чем достаточно для немедленной смерти для большинства наркоманов. Тело лежало там два-три дня, в то время как друзья сбивались с ног в поисках Курта.

Кортни отправила Эрика в дом на Лейк-Вашингтон, чтобы тот организовал поиски. Он был, похоже, очень разозлен на Кали и потребовал, чтобы Кали и Джессика обыскали все, особенно потайную комнатку в кладовой главной спальни. Но за дом они не выходили.

– Кортни наняла следить за домом частного детектива – блестящего Тома Гранта, – вспоминает Кали. – Я жил у Дженнифер Адамсон; я искал Курта там и сям, искал оружие, о котором она мне рассказала, но не смог найти. У меня началась настоящая паранойя, когда Кортни сказала, что за мной следит детектив, потому что я все время был под наркотиками. [Кортни в то время еще находилась в Лос-Анджелесе.] В итоге я заявил: «Я поеду к тебе в Лос-Анджелес, будет, как я хочу».

6 апреля организатор «Lollapolooza» Тэд Гарднер издал пресс-релиз, где официально подтверждалось, что «Nirvana» не будет хедлайнером фестиваля – «из-за плохого здоровья Курта Кобейна». Какая горькая ирония в том, что место хедлайнеров отдали «Smashing Pumpkins».

7 апреля из управления «Пенинсула-отеля» поступил звонок в полицию по 911. Когда приехали копы, Кортни забрали в городскую больницу «Сенчури» с подозрением на передозировку героина – ее задержали и обвинили в хранении героина и скупке краденого. Она заплатила залог в 10 тысяч долларов, и дело позднее было прекращено.

В тот же день Кали и Дженнифер Адамсон еще раз обыскали дом в 2.15 ночи – Джессика двумя днями раньше улетела в Миннеаполис. Они обнаружили в главной спальне расстеленную, но холодную кровать; по телевизору без звука шла передача MTV. В сумерках они вернулись с другими друзьями. Кали был не на шутку испуган. Он не хотел входить в дом.

Обыскав каждую комнату, Кали оставил Курту записку на главной лестнице: «Курт, неужели ты находишься в доме, не предупредив меня?! Ты засранец, что не позвонил Кортни или, по крайней мере, не дал ей понять, что с тобой все нормально. Она очень страдает, Курт, этим утром опять был приступ, и теперь она снова в больнице. Она твоя жена, она любит тебя, у вас общий ребенок. По крайней мере, дай ей знать, что с тобой все в

порядке, а то она умрет. Это несправедливо, парень. Сделай уже что-нибудь».

– Помнишь, у нас была восковая фигура старушки? – спрашивает Кали. – Это была точная копия Лиззи Борден[390]. Я выставлял ее в окне, чтобы попугать народ, или перед дверями гостевых ванных, когда туда кто-нибудь заходил. Я всегда ее очень боялся. В тот день Бонни [Диллард, подруга Дженнифер Адамсон], я и еще кое-кто пошли за едой, деньгами или еще чем-то. По дороге Бонни обернулась и сказала, что видела, как кто-то смотрел на нас из окна чердака. Я обернулся, но никого уже не было. Мне кажется, что это Курт смотрел, как мы уходили. Может быть, она видела восковую фигуру, но не исключено, что и его. Потом я говорил с его мамой. Она сказала: «При желании Курт умел двигаться совершенно бесшумно. Он мог просто сидеть в доме». Дом большой, я ширнулся и не знаю, был ли он там. Если бы я слышал скрип половиц, то был бы уверен, что он в доме. Заходил ли он к Кейтлин? Может быть. У него была машина. Да что теперь говорить, сейчас каждый может сочинить что угодно.

В полицейских рапортах отмечалось, что резиденцию Кобейна в четыре часа дня на такси покинул молодой человек, отвечающий приметам Кали.

Рано утром Кали вылетел в Лос-Анджелес.

– Когда я приехал в Лос-Анджелес, то был уже полным параноиком, – продолжает Кали. – Я пошел к одной девушке, но и там постоянно чувствовал, что за нами следят. Там был и Рене. Ту ночь я помню прекрасно. Я боялся до безумия. Через пару лет я узнал, что ее отец нанял частного детектива следить за этой девушкой совершенно по другому поводу. Она была наркоманкой, сексуальной садисткой и наследницей очень состоятельной еврейской семьи. Так что в обоих городах за мной следили.

На следующее утро – около 8.40 в пятницу, 8 апреля – электрик Гэри Смит обнаружил тело Курта Кобейна во время обычной проверки сигнализации в доме. Он позвонил 911, но сначала отзвонился своему боссу в «Века электроникс», а тот немедленно обратился на сиэтлское радио «KXRX» с «сенсацией века».

Официальный полицейский рапорт гласил: «Смит прибыл на Лейк-Вашингтон-бульвар-Ист, 171, для проверки электропроводки. Смит направился к западной стенке гаража и заметил жертву через стекла французского окна. Жертва находилась на полу, поперек тела лежало ружье, на голове виднелась рана».

«KXRX» сообщило новость в 9.40 утра.

– Утром нам позвонила мама Рене и рассказала, что

случилось, – говорит Кали. – В то утро нашли тело. Я выбежал, рванул в аэропорт и приехал в Сиэтл. Больше я в том доме не ночевал. Сюрреалистическое ощущение. Твой друг мертв, и об этом все газеты пишут на первых страницах. Усваивал я это годами: это было уже слишком. В день похорон мне исполнился двадцать один год. Не знаю, как я выдержал. Помню только, как все время звонил телефон.

Взгляд первый: Джессика Хоппер

– Я вряд ли понимала, насколько плохи дела, пока не приехала в Сиэтл на каникулы весной, – заявляет Джессика Хоппер. – Кали совсем дошел до ручки, Кортни была в отеле в Лос-Анджелесе, а Курт лежал в реабилитационном центре в Южной Калифорнии. И Кали покупал наркотиков на четыреста-пятьсот долларов в день. Он говорил: «Не бери трубку, это Кортни, она звонит каждый час или два». Он говорил с ней только время от времени, потому что звонила она постоянно. Настоящая драма, но при этом сплошные манипуляции. Дело было в тот период, когда Курт пропал. Я находилась там, кажется, пару дней – дом был пуст, только Кали и я. Я оказалась в новом доме впервые. Мебель была симпатичная, но казалось, что все здесь так же, как в старом доме, будто они и не переезжали. Хотя дом был, конечно, гораздо лучше, во всех комнатах стояли записи, какие-то безделушки, стереосистемы, но у Кали в комнате было очень погано: постоянный сигаретный дым, наркота, все время музыка.

Однажды я случайно подняла трубку, потому что сама ждала звонка, и это оказалась Кортни: есть ли известия от Курта, что делает Кали? Она сказала: «Пусть Курт мне позвонит». Кали разозлился, что я взяла трубку. В воздухе витало напряжение, ощущение жуткого хаоса. Все время казалось, что кто-то скоро умрет.

Я не хотела уезжать, потому что опасалась, что это будет Кали. Я часто общалась с наркоманами, но такого еще не было.

В тот вечер, когда я собиралась уезжать, Кали ушел на два часа – то ли за наркотиками, то ли со своей девчонкой [Дженнифер Адамсон] повидаться, то ли еще зачем-то, и я услышала, что в доме кто-то есть, мне даже почудилось, как кто-то крадется по холлу. Я подумала, что это Курт, и спросила: «Эй, кто это, черт возьми?» Я стояла в проеме, а потом услышала, как наверху что-то скрипит. Потом Кали там приколол записку. Я рассказала ему, что мне показалось, будто приходил Курт.

Да, и потом в доме объявился Эрик; он ехал в Каверн – в их

второй дом, в лесу. Он искал Курта и особенно Куртово ружье. Рядом со спальней Курта и Кортни была закрытая комната, и он пытался подобрать ключи к висящему на двери огромному замку. Он очень тщательно осматривал дом, спрашивал нас, не видели ли мы Курта. В тот день Кали нужно было найти что-то внизу, он попросил меня сходить с ним; он жутко боялся, потому что мы слышали чьи-то шаги в доме, и он решил, что Курт там. В доме стоял холод. Нечего было есть. Курта не было – или так считалось; не было и ружья. Я смутно припоминаю, что Кали считал, будто Курт объявится у их наркодилера. Он очень хотел найти Курта.

В то же время Кортни заблокировала все кредитки, в том числе и кредитки Кали, так что ему не на что было разжиться наркотиками, и он начал сходить с ума. Предполагалось, что он купит мне билет на обратный самолет, а он теперь не мог, и я запаниковала. Пришлось позвонить отцу и сказать: «Я тебе не могу всего сказать, но тут все очень погано, нужно выбраться отсюда, и мне нужен авиабилет за шестьсот долларов на завтра».

В последнее утро, что я там была [вторник, 5 апреля – хотя эти события могут относиться и к понедельнику], между шестью и семью утра, я проснулась и увидела Курта, который стоял рядом с кроватью. Он как ни в чем не бывало сказал «Привет», мы поговорили несколько минут, он пошутил насчет моей прически. В то время я обрилась наголо, и он отпустил какую-то шуточку, что-то связанное с песней «Unrest» – «Skinhead Girl». Проснулся и Кали, и мы начали твердить Курту: «Обязательно позвони Кортни, она вне себя, позвони ей». Мы дали ему номер из какой-то маленькой телефонной книжки, он присел на краешек кровати и попытался позвонить, но с ее комнатой не соединяли. [Курт забыл вымышленное имя, под которым остановилась его жена.]

Он продолжал попытки некоторое время, и я снова заснула. Проснулась я где-то через час, он все сидел на краешке кровати и листал журнал «Панкчер». Я спросила, дозвонился ли он до Кортни, и он ответил, что нет.

Работал телевизор. По MTV показывали клип «Meat Puppets». Кажется, он ничего на этот счет не говорил. Просто смотрел. Не помню, чтобы он был одет для выхода, – хотя, кажется, было уже настолько тепло, что на улицу можно было идти в одном свитере, – но у меня создалось впечатление, что он только что вошел. Он выглядел как обычно. Не под кайфом и не под таблетками. С ним все, казалось, было нормально, со мной он общался с удовольствием. Я не видела его с Нового года. Потом я опять заснула, и он ушел.

Я проснулась, и через несколько часов Кали вызвал мне такси

в аэропорт. Наверное, это было около одиннадцати утра. Я встала. Много дней я жила на бананах и диетической коле и чувствовала себя в этом доме ужасно. Когда я уезжала, то так переживала за Кали, что перед тем, как я села в такси, меня вырвало на дорогу. Все это от нервов. Я чувствовала, что скоро случится что-то страшное. Рядом с кроватью был поднос с подготовленным шприцем с нарканом[391], обернутым скотчем. Смерть поселилась в доме.

Кали был в ужасном состоянии. Когда он нес к камину горящее полено, то у него задрожали руки, и он уронил его на ковер. При этом были две мои подружки – девушки из моей группы, они как раз уходили… Кали пытался делать вид, что все в порядке: в три часа дня он ходит в пижаме, роняет на ковер горящие поленья, – и девчонки предложили мне уйти с ними, но я ответила, что не могу.

Я уехала домой, в Миннеаполис. Дело было в середине недели. Я болела два дня по возвращении и чувствовала себя очень плохо. Всю предыдущую неделю я представляла себе застреленного Кали. Кажется, в школу я вернулась в четверг, а когда шла из школы в пятницу, то кто-то сказал мне, что в новостях объявили, как кого-то со светлыми волосами обнаружили в доме мертвым. Я решила, что это Кали: всю неделю он говорил, что собирается покраситься, и я прямо с автостоянки вернулась в школу, позвонила родителям Кали, и они объяснили мне, что это Курт, а не Кали. Вот и все. Помню, как минуту-другую говорила с Кортни.

Джеки Фэрри звонила мне, чтобы спросить, что мне известно, потому что мы поняли, что я видела Курта последней. Все хотели знать, что я видела и слышала. От Кали не было никакого толку. Он решил, что Курт ему приснился. И яростно спорил на этот счет. Еще я помню из разговора с Джеки, как она сказала, что призрак Курта находится в доме и все это чувствуют.

Взгляд второй: Рене Наваррете

– В мой день рождения [30 марта] Курт позвонил мне из таксофона, но сказал только: «Эй…» Кажется, Курт тогда уже пропал. Я пришел домой, прослушал автоответчик и нашел сообщение от Курта и кучу безумных звонков от Кортни. Она визжала: «Я знаю, он там», – и так ближайшие несколько дней. Многие думали, что он со мной. Но нет. Я позвонил Кали, он сказал, что они с Джессикой в доме. Он признался, что ему приснился Курт с большой белой сумкой [похожей на

спортивную]. Я сказал ему, что все это жутко и что пусть он быстрее оттуда убирается. В тот вечер он улетел домой [в Лос-Анджелес]. Мы искали Курта. Кортни требовала, чтобы мы звонили, угрожали и запугивали тех, кто, по ее мнению, мог бы прятать Курта, – и я делал это, чтобы оправдаться самому: ведь думали, что Курт со мной.

Кали узнал, что Курт в Сиэтле, оставил ему записку и улетел в Лос-Анджелес. Мы с мамой встретили его в аэропорту. Кто-то от самого аэропорта следил за маминой машиной. Нам пришлось от них отрываться. Мы решили, что это полиция нравов. Когда мы приехали домой к Кэндис, позвонила мама и сказала, что там кто-то умер и что Кали лучше позвонить родителям и объяснить им, что это не он. С ума сойти.

К тому времени я не общался с Кортни по-дружески последнюю пару недель, у нее совсем крыша поехала. Нам позвонили к Кэндис, и кто-то из «Gold Mountain» заказал нам рейс из Лос-Анджелеса в Сиэтл. Самолет был набит людьми, которые летели по тому же поводу от «Gold Mountain». Мы вышли из самолета, нас стали фотографировать. В доме обстановка была странная. Перед входом вел передачу репортер MTV, кто-то расклеивал полицейскую ленту по деревьям, чтобы никто не вошел. Народу было полно. А мы искали только Фрэнсис.

Мы с Кали вошли в комнату; там тоже были люди. Мы услышали внезапный крик – это оказалась Кортни. Настоящий дурдом. Никто не знал, что делать. Мы хотели убедиться, что с Фрэнсис все в порядке. Мы говорили: «Нужно вырваться отсюда к чертовой матери», – помню, как ширнулся, поехал на похороны, разговаривал с Кристен Пфафф [басистка «Hole»]. Мы ничего не знали, и нам с Кали было очень плохо, мы же болели гепатитом. Сотрудники «Gold Mountain» забрали нас с собой в Лос-Анджелес. Все говорили: «Вам нужно слезть с наркотиков». Мама привезла нас в Эль-Пасо, Техас, чтобы нам помогли с реабилитацией. Там-то мы и заметили, что оба уже светло-желтые от гепатита. Мы поехали обратно и легли в больницу. Потом наступает некоторый провал.

Один парень позже разыскал меня через моего брата и высказал теорию заговора – о том, что Курта убили. Это смешно. Курт сам пару раз говорил мне, что если соберется покончить жизнь самоубийством, то только так, именно таким способом. Мы шутили над этим. Шутили, сколько нужно принять наркотиков, чтобы суметь поднести к собственной голове ружье, – и так оно и случилось. Такой уж у нас был юмор – мы по-детски потешались над людьми и вещами.

– В начале 1994 года у Курта был второй «Telecaster», модель «Sunburst», которую я чуть улучшил, добавив два хамбакера и еще кое-что. Я перетянул ее под него, считая, что «теле» – это следующий для Курта уровень в гитарном плане. Крист передал ему гитару и потом говорил мне: «Господи, да он в нее прямо влюбился».

Когда Крист заехал за ним, чтобы отвезти в аэропорт, Курт схватил пальто и гитару без чехла и уехал. В аэропорту они повздорили, сцепились, и Курт швырнул в него гитару. Он прямо заявил, что группе конец. Потом Крист приехал ко мне и заявил: «Хрен с ним, достаточно с меня этого парня». Я считал, что еще есть время, чтобы передумать, но Крист действительно выглядел так, будто у него камень с души свалился и разрыв окончателен…

Мы с Кристом в ночь, когда умер Курт, были на концерте, но не досидели и до середины. Мы себя чувствовали как-то неудобно и неловко. По MTV сказали, что группа распалась, или просто поползли какие-то слухи на этот счет, но везде, куда мы ни пошли бы, нам было некомфортно. Мы направились к клубу «Crocodile» и немного побыли там – где-то до начала ночи. Потом он уехал к себе на ферму [Крист и Шелли к тому времени приобрели недвижимость в сельской местности] остудить голову, а Шелли оставалась в Сиэтле.

Как-то утром я сидел в своем ресторане, зазвонил телефон, и это оказался Крист. Он сказал: «Прикинь, Курт умер. Не заедешь сейчас ко мне побыть с Шелли, пока я не доеду домой?» Я решил, что у Курта передоз. Я согласился, мы с Брендой [женой Эрни] закрыли заведение и уехали. Мы сидели с Шелли, смотрели новости на CNN и MTV, и там сначала говорили, что Курта нашли в его доме, а потом добавляли про самоубийство. Нам просто не верилось. Я бы никогда так не смог.

Потом начались трудности. Была панихида, и Крист попросил меня записать кассету, чтобы проигрывать после службы, и я составил список песен, которые, как я посчитал, понравились бы Курту. Там была песня «Vaselines». А первой, кажется, была битловская «In My Life».

Крист, Дэйв и я с женами поехали на службу в «тойоте» Криста. Сложнее всего было войти: на скамейке была фотография Курта в детстве с датами жизни. Такой шок – сразу ничего перед собой не видишь. Мы прошли к нашим местам и сели. Передо мной сидел Лэнеган с опущенной головой, и я начал всхлипывать. Я не мог остановиться до самого конца службы. Я словно застыл, но не мог перестать плакать. Я посмотрел через

проход и увидел, что на таком же месте сидит сгорбленный плачущий мужчина, и я узнал отца Курта.

На следующий, кажется, день «Сиэтл таймс» вышли с фотографией Курта, лежащего в оранжерее, на обложке, и видеть это было отвратительно. А если бы там лежал сын главного редактора – как бы они тогда запели? Я сложил газету вчетверо и тщательно порвал на множество кусочков над мусорным баком.

Дополнение: Эверетт Тру

8 апреля 1994 года я был в Цинциннати, штат Огайо, когда мы со Стивом Галликом впервые услышали о самоубийстве Курта Кобейна.

Мы приехали взять интервью у Бека, одной из восходящих звезд «Gold Mountain», записавшего модный гимн «Loser». Я приехал прошлым вечером, чтобы застать концерт такомской скейтгранж-группы «Seaweed» в местном клубе, который также являлся автоматической прачечной. Хотя у двух музыкантов был грипп, бывшие саб-поповцы были в отличной форме, напоминая мне о той потрясающей силе и энергии, которая когда-то пленила меня в сиэтлской музыке. Стив прилетел на следующее утро, и мы ждали, когда наш объект освободится. Это был день, какие часто выпадают в путешествиях: серый, скучный и нескончаемый. Впрочем, мы с нетерпением ждали, что на неделе пообщаемся с любителями «Cheap Trick» из группы «Guided By Voices» в соседнем городке, Дейтоне.

Нам уже сообщили, что и у Бека тоже грипп и что он, возможно, отменит и вечерний концерт все в той же прачечной (на разогреве должна была выступать малопонятная лос-анджелесская женская поп-группа «That Dog»), и наше интервью. И вот мы сидели у меня в номере, отдыхали, смотрели MTV и CNN, читали журналы. Альбом «Hole» «Live Through This» уже должен был выйти, и Стив, довольно целомудренный человек, был шокирован некоторым фотографиями Кортни. «Что на это сказал бы Курт?» – спрашивал он меня пару раз. Впрочем, несмотря на погоду, настроение у нас было хорошее: за последние лихорадочные недели мы встретились впервые. И тут зазвонил телефон. Было около 11 утра.

Трубку взял Стив. Это оказался Пол Лестер, мой редактор из «Мелоди мейкер» – не самый деликатный человек.

– Что там насчет смерти Курта Кобейна?

– Не знаю, о чем ты говоришь, – отвечает Стив. – Говори нормально, а?

Я смотрю на Стива. По его виду ясно: что-то не так.

– Это Лестер, – объясняет он. – Он утверждает, что ходят слухи о самоубийстве Курта.

Я беру трубку и говорю ему, что нам ничего не известно, но я сейчас позвоню в пару мест, узнаю и сразу же перезвоню. Он просит меня поторопиться, потому что в офисе «Мейкер» собралась толпа журналистов, которые специально припозднились, чтобы узнать, правда ли это. Мы со Стивом переглядываемся: кажется, что рушится мир… и тут мы оба понимаем, что это правда. Курт покончил жизнь самоубийством.

Не знаю, почему мы это поняли. Ни один из нас даже не представлял себе, что у Курта были суицидальные мысли. Оба мы считали эпизод в Риме простым несчастным случаем. Я был в этом уверен, несмотря на то что мне после этого звонила Кортни и спрашивала, нравится ли мне идея метода «встречи с любовью» для преодоления его героиновой зависимости. Я ничего не знал о таком методе, но ответил, что стоит попробовать все, что может помочь Курту разобраться в жизни. Потом мне звонила еще Дженет Биллиг из «Gold Mountain», личный менеджер Курта, чтобы убедить меня, что психически с Куртом все в порядке.

Следующие 30 минут прошли в давящей неизвестности; я звонил по всем номерам, какие помнил: в «Gold Mountain», в «Bad Moon» (пресс-агенты «Nirvana» в Британии), своим источникам у Геффена, в дом Куртни – нигде не отвечали. В итоге мне пришлось позвонить биографу «Nirvana» Майклу Азерраду в Нью-Йорк. Я не хотел. Мне этот человек не нравился. Я считал, что менеджмент «Nirvana» выбрал его для написания книги только по причине его «беззубости».

– Да, это правда, – сказал он. – Мы все собираемся в Сиэтл. И тебе советую.

Тогда меня это предложение поразило. И до сих пор удивляет. Какого лешего мне было делать в Сиэтле? Возможно, Майкл намекал на то самое определение моих занятий, которое проорали мне в поезде Брайтон – Лондон несколько лет назад и которое я тогда яростно отрицал: «Да ты просто сраный музыкальный журналист!» Неужели это все, что осталось от многолетней дружбы: я должен выполнять свою работу?

Я пересказал новость Стиву.

Потом вылил остатки бутылки «Мейкерс марк» в раковину, рассудив, что худшее в данной ситуации – это напиться. Стив попросил меня сообщить в «Мелоди мейкер», что он не хотел бы, чтобы его фотографии использовались в неизбежных трибьютах… Кажется, когда я перезвонил, то разговаривал с нашим главным редактором, Алланом Джонсом. Он сказал, чтобы я просто ехал и

делал что нужно: «Авиабилеты и все остальное, все это не важно, мы всё оплатим, и ты не обязан писать, если не хочешь». Этот диалог я буду вспоминать с вечной благодарностью.

Не могу точно описать, что было дальше. Происходящее казалось нереальным. Я не знал, что делать, куда ехать. Я не хотел лететь в Сиэтл, чтобы не сталкиваться с тем ужасом, который, как я знал, свалится на меня сразу после прилета. За последние пять лет я позабыл о своем прошлом и не сталкивался с печальными сторонами жизни. Я мечтал оказаться где угодно, но не в Америке, не в Сиэтле, не в Огайо… Я вспоминал те случаи, когда не желал звонить Курту или Кортни, считая, что знаменитостям не нужны друзья, когда вокруг столько менеджеров. Если бы Курту удалось потрепаться со мной и Стивом, сходить пару раз на концерт «Guided By Voices», напиться с Ким Дил, он никогда не дошел бы до такого конца…

Да.

Телефон проснулся вновь. Это звонил из аэропорта мой друг Эрик Эрландсон: «Кортни хочет, чтобы ты прилетел в Сиэтл». Так я оказался в стерильных, анемичных проходах аэропорта Цинциннати, вместе со Стивом и сумкой с виниловыми альбомами, которые я купил за день до того. Мы не знали, что сказать друг другу. Я отдал Стиву альбомы, чтобы он увез их с собой в Англию.

И вот я летел в Сиэтл в тот же день, когда нашли тело Курта Кобейна; слезы струились по моему лицу, а в голове постоянно вертелся рефрен песни «Hole». «Пройди со мной через это, – пел женский голос. – И я клянусь, что умру за тебя».

Эрик попросил меня по прибытии в Сиэтл позвонить, чтобы за мной прислали машину в аэропорт. Это было необходимо. Когда я добрался до ворот резиденции Кобейна на Лейк-Вашингтон, снаружи творился бедлам. Полицейская лента, кучки репортеров, зеваки на перекрытой дороге. Никого не допускали без особого приглашения. Я не мог отделаться от мысли, что добился высшей чести для рок-журналиста: быть в списке приглашенных на смерть рок-звезды. Простите за черный юмор, но вы же *знаете*, черт возьми, что мы любили так острить.

В самом доме царило непонятное молчание. В одном углу стоял Марк Лэнеган, ни с кем не разговаривая. Он выглядел одиноким, и я тоже чувствовал себя потерянным – оба мы были отделены от остальных ситуацией и собственным темпераментом. Казалось естественным, что мы должны держаться вместе.

Больше не было почти никого, пока не появились Крист и Дэйв с несколькими друзьями и семьей, встав в другом конце

комнаты. Лагерь Кортни и Эрика появился чуть позже… или раньше. Помню, что какие-то типы с лейблов смерили меня взглядом – я ведь был журналист, и я подумал: «Тупые, тупые придурки. Мне никто не платил за то, чтобы я притворялся другом».

Мы с Марком болтались по дому, когда большинство уже ушло. Между Кортни, Эриком и Кали вспыхивали резкие споры, но в этом не было ничего необычного. Кто-то хотел принять наркотики, чтобы как-то спрятать внезапную жуткую боль, другие с равным рвением требовали их запрета в доме. Кортни представила нас маме Курта, Венди, используя мое настоящее имя: «Это друг Курта Марк и мой друг Джерри». Нам обоим показали и прочли записку самоубийцы.

И больше мне почти нечего сказать о том печальном уик-энде. Мы с Марком все время жили в его квартире, где-то у начала монорельсовой дороги, в центре города. Мы никуда не выходили – может, только кофе выпить на углу. Мы почти не разговаривали. Меня больше заботило, все ли в порядке с Марком, и я почти уверен, что и он беспокоился обо мне. Однажды мы включили телевизор: там говорили о «Nirvana» и о бдении фанов, и мы сразу же выключили его. Деятели «Sub Pop» устраивали в «Crocodile» ежегодную вечеринку, которая теперь превратилась в поминки. Что ж, все верно, хотя Курт не очень ладил со своими бывшими товарищами в последние годы. Мы послушали несколько альбомов, побродили по дому, скрывая слезы. Однако в основном мы просто сидели и ждали звонка Кортни, если понадобимся ей.

Когда настал день панихиды, стояла прекрасная солнечная погода – такой день, когда Сиэтл кажется самым прекрасным городом в мире: ни облачка, горы Рэйнер и Олимпикс блистают за небоскребами и Спейс-Нидл. Всю прошлую неделю шел дождь, как обычно бывает на тихоокеанском Северо-Западе.

– Курт никогда не убил бы себя, если бы на прошлой неделе была такая погода, – задумчиво отметил Марк.

Через пару дней я вернулся в Англию.

На панихиде по Курту Дэнни Голдберг произнес речь, которая помогла мне окончательно понять, почему певец все-таки сдался. Этот спич не имел ничего общего ни с действительностью, ни с человеком, которого я знал. В ней о Курте говорилось как об «ангеле, который спустился с небес в человеческом обличье, который был слишком хорош для этой жизни, и поэтому он пробыл с нами так недолго». Да вашу же мать! Курт был таким же злым, переменчивым, нетерпимым, невыносимым, забавным,

скучным, как любой из нас; просто так оказалось, что он слишком близко к сердцу принял ту ситуацию, в которую попал. После службы я вышел из церкви и побрел – куда угодно, лишь бы подальше от этих самоуверенных идиотов, купающихся в собственной славе и важности.

На этом безумие не закончилось.

Я по-прежнему ездил по Америке, Австралии и Европе, все сильнее пил. А что еще было делать? Ведь все это не по-настоящему, правда? Я был уверен, что однажды мне позвонят Антон или Дженет и расскажут, что все это была гнусная шутка. Особенно остро я почувствовал абсурд происходящего, когда Кортни показала мне место, где нашли тело Курта и где она зажгла несколько свечей в память о нем, – но подчас смириться с крупными событиями сложнее всего. И я продолжал перепивать группы, их пиарщиков и просто случайных попутчиков, тщетно пытаясь вернуть свое ощущение жизни; я стал писать еще отчаяннее в поисках новых героев.

Только когда мой паспорт украли из номера в Чикаго, пока я лежал без сознания на полу по другую сторону кровати в собственной блевотине, я наконец перестал ездить в Америку. Вместо этого я продолжал биться головой о стену по другую сторону Атлантики, таскаясь по пабам, чтобы каждый вечер пытаться убить время, и даже не беспокоясь при этом собственно о концертах.

Музыка разрушила меня.

Глава тридцатая
Напоследок

– Последний раз я видела Кортни лично, когда она приезжала на музыкальную конференцию «Rockrgrl» в 2000 году, – говорит Джиллиан Дж. Гаар. – С ней были сестры Курта, Брайан и Ким. Было что-то мистическое в том, что Ким настолько походила на Курта. Особенно меня поразило, что она курила сигареты точно так же, как он. Как будто у Курта появился двойник. И она так же тихо говорила. Мы пошли в номер в гостинице и стали пить пиво из мини-бара. Ким открыла свое пиво, сделала глоток и пробормотала, как бы сама себе: «Ах… будто снова в школу вернулась».

Я: Как ты теперь относишься к «Nirvana»?

– Это было правда круто, – отвечает Чед Ченнинг. – Приятно знать, что я принимал участие в донесении такой музыки до публики. Просто замечательно было играть с Кристом и Куртом, и общались мы очень хорошо.

Я: А ты не находишь, что весь нынешний миф – это полное…

– Дерьмо? – прерывает меня барабанщик. – Да, нахожу. Дерьмо и есть. Почему люди всегда хотят возводить других людей на пьедестал, как богов? Это неправильно. Зачем так превозносить кого-то? Курт был обычным парнем, он просто сочинял музыку, писал хорошие песни и сумел оказаться в нужное время в нужном месте. Если бы мы начали пятью годами раньше, ничего такого бы не случилось.

Январь 2005 года

– Теперь мне кажется, что, проживи он еще пару месяцев, он был бы жив и сейчас, – говорит Кали Де Витт. – На самом деле Курт был наркоманом на ранней стадии. Я знал многих, которые в первые два-три года не сладили с зависимостью и покончили жизнь самоубийством. Многие же, как я знаю, смогли ее преодолеть. Это глупо и трагично. Ранняя стадия наркомании усугубилась яростным любовным безумием. А он был слишком умен, чтобы умереть таким образом.

Курта в биографиях превращают в какую-то жалкую личность, а ведь это неправда, – продолжает бывший нянь. – Чуть ли не первое, что я подумал после самоубийства Курта, было: «Ты

сказал именно то, что хотел. Нельзя было круче заявить „подите к черту“, чем так, как это сделал ты». Лучше бы этого не было, конечно, но я гордился, что Курт смог сделать то, что хотел. Меня обуревали смешанные чувства. Мой друг – он же мой герой – убил себя, а потом все это давление… Я не знал, как с этим справиться.

Я: И что ты сделал?

– Я вернулся в Лос-Анджелес, и мои родители очень серьезно перепугались, – отвечает Кали. – Они сказали: «Слушай, мы не хотели верить до последнего, но ведь ты явно сидишь на наркотиках». Родители очень меня поддержали. Возможно, именно это и спасло мне жизнь. Я ненадолго завязал с наркотиками, но не сумел выдержать, вновь сорвался. Но через пять-шесть лет я проснулся и сказал себе: «Теперь я способен справиться с тем, что случилось, когда мне было двадцать». Как раз незадолго до двадцативосьмилетия я завязал, так что в марте будет уже четыре года.

Что до Кортни, то я мало-помалу перестал ей звонить. Как любой наркоман, я ленив, и не так-то просто было отказаться от перспективы, которую она передо мной открыла: останься моим другом, работай на меня и у тебя все будет хорошо. Но я постарался заглянуть в будущее: когда мне будет тридцать, захочу ли я все еще жить и работать у Кортни? Жить у человека, который все время орет на официанток, – ну уж нет. Она считает, что я покинул ее, – что ж, отчасти так и есть. Я беспокоюсь о ней, хочу, чтобы с ней все было в порядке. Но я не могу смириться с такой жизнью, которая преследует одну цель: «Хочу быть голливудской актрисой». Я определенно считаю, что она сбилась с пути – а может, она никогда и не была на том пути, который, как я думаю, ей больше всего подошел бы.

Я: И я так считаю.

– Но я стараюсь больше об этом не думать. Мне хотелось бы последние десять лет чаще видеться с Фрэнсис, но большую часть времени я был бы бесполезен. Прошли годы, и набрать номер становится все труднее. Все равно трубку снимет кто-то новенький и скажет: «Да, я передам Фрэнсис, что вы звонили». Но полтора года назад я был на ее дне рождения. Было круто, я тусовался с ней весь день – к тому времени я уже давно ее не видел, а у нее на стене по-прежнему висели мои фотографии. Хорошо бы я в двадцать лет был таким, как сейчас, чтобы заботиться о ней все это время.

Я подумывал, не начать ли книгу копией того факса, который был послан на следующий день после панихиды по Курту и в котором содержался пасквиль на речь Дэнни Голдберга, потому

что считаю, что это неплохо подвело бы черту. Я хочу сохранить «Nirvana» для ребят-панков, вдалеке от шоу-бизнеса.

– И это хорошо, – кивает Кэндис Педерсен. – Это интересно и важно, но ведь не случайно, что Курт имел дело именно с этими людьми. Он выбрал их, потому что был амбициозен, его же никто не заставлял. Его выбор был взрослым. Но в конце он понял: он попал в такую ситуацию, из которой не выбраться.

Я: Я так и не видел этого факса. А если бы видел, то, может быть, чувствовал бы себя менее одиноким.

– Я читал факс только раз – как раз в то время, – говорит Рич Дженсен, – но он произвел на меня большое впечатление. Там подчеркивалось, что Дэнни Голдберг – ведь он такой профессионал – понимал интересы Курта лучше его самого. Лучший тому пример, как следует из факса, – это непонимание Куртом той важности, которую для его карьеры имело вручение наград MTV (сентябрь 1992 года). Он считал, что лучше остаться в больнице. Вместо этого ему пришлось подписать документ о выходе из больницы и посещении церемонии. Только благодаря высокопрофессиональным советам Дэнни Голдберга Курту удалось понять свои подлинные интересы. Факс был очень язвительный, сердитый и колкий, но точный. Он производил впечатление. Мы уже говорили о том, что «Nirvana» приходилось очень сложно: они одновременно и противостояли системе, и участвовали в крупном шоу-бизнесе, который был частью того, с чем они боролись. И этот факс был попыткой разобраться в этих противоречиях.

Он был разослан по самым разным местам, – продолжает Рич. – Пришел он анонимно и на факс в «Sub Pop». [До сих пор так и не ясно, кто же отправил факс – но многое указывает на одного из бывших друзей Курта по Олимпии, присутствовавшего на панихиде.] Он вызвал переполох, все мы бросились разглядывать текст. Каждый день постоянно звонили друг другу, чтобы понять, кто же все-таки его отправил. Но надо сказать в защиту Дэнни Голдберга, что быть продюсером чертовски сложно. Например, когда Курт умер, я занимал относительно высокую должность в «Sub Pop». В тот день я был за городом, сел на автобус из аэропорта и тащил чемоданы на работу. Не дойдя до офиса примерно квартал, я услышал эту новость. У нас был магазинчик – «Sub Pop Mega Mart» на Второй авеню, и я позвонил и велел его закрыть. Я знал, что сейчас туда набегут фотографы. А мне платят восемь долларов в час не за то, чтобы я устраивал кутерьму.

И потом все, до чего дотрагивался Курт Кобейн, стало в десять раз более ценно. Все записи расхватали, а компании,

которые их выпустили, оказались значимыми фигурами на рынке. Оказалось, что все мы как-то выиграли. Это самый жуткий, самый парадоксальный успех из всех возможных. Так что я защищаю Дэнни Голдберга. Курт не один такой. Дэнни Голдберг – умный парень с ясными ориентирами, который преуспел в жизни. И не только сам по себе, сколотив состояние, – но и сделал много добра другим. Не хотел бы я оказаться тогда в его шкуре.

Так что если говорить о факсе… Может быть, я бы отреагировал на речь Дэнни именно так, как и тот, кто послал факс, но надо держать в уме все сразу.

– Мне всегда казалось, что я с ним еще пообщаюсь – что мешает-то? – говорит Кэрри Монтгомери. – Но я решила подождать. Через пару лет мне показалось, что уже хватит ждать, и я позвонила им домой… как раз за день до того, как нашли тело. Наверное, смотрелось эксцентрично: я позвонила Дилану совершенно неожиданно и сказала что-то вроде «Я тут решила сегодня поболтать с Куртом». И он ответил: «Почему? Ты что, знаешь, где он сейчас?» Я стала названивать к нему домой и оставила два или три сообщения. На следующий день я узнала, что в тот момент, когда звонил телефон, он уже лежал на полу мертвый.

Я: Как ты думаешь, «Nirvana» была лучше тысяч других групп?

– Не знаю, – отвечает Тоби Вэйл. – Билли Чайлдиш говорит: «В музыке звук и само выступление значат не меньше, чем хорошие песни. Если бы это было не так, то успех бы имел каждый, кто играет песню „The Kinks“ „You Really Got Me“».

А у «Nirvana» были не только песни, но и звук и выступление. С самого начала, еще когда они играли в общежитиях и случайных залах с плохой акустикой, они выдавали сто процентов, даже если их слушало всего человек десять. Когда они выступали на разогреве у «Sonic Youth» с Дэйлом на барабанах, всем было ясно, что у них есть шанс стать великими. Тогда и песни стали подниматься до уровня звука и выступления. Есть группы, которые лично мне нравятся больше, но объективно они были хороши со всех сторон.

Я: Вот что меня все время смущает. Говорят, что «Nirvana» все изменила, но *что именно* она изменила? Разве что всяким фиговым группам типа «Smashing Pumpkins», «Bush», «Pearl Jam», «Silverchair» и другим в том же духе стало легче продавать альбомы. Да еще Кортни Лав обогатилась.

– А так всегда бывает, – соглашается Слим Мун. – Только

посмотрите на все эти эмо-группы – их породила «Rites Of Spring»; на все стрейтэджерские группы – их породила «Minor Threat»; на все ужасные инди-группы с их какофонией – здесь можно винить «Pavement». Главное наследие великих групп – это куча фиговых последователей. Причина, по которой о «Nirvana» говорят с безумным блеском в глазах, состоит в том, что ничто в «Nirvana» не было искусственным. Все еще жива мечта о том, как внезапно появляется великая рок-группа и сносит всем башню. Большинство понимает, что вот «Nine Inch Nails», например, подобное недоступно. А Курта, его песни и интервью все считают абсолютно честными и бесхитростными. А ведь даже наших любимых рок-звезд мы часто подозреваем в лукавстве.

Я: Как ты думаешь, почему «Nirvana» сейчас настолько популярна? Среди подростков, я имею в виду.

– Ответ простой, – реагирует Брюс Пэвитт. – Потому что это хорошая музыка. Она не зависит от времени. По той же причине и Нил Янг до сих пор звучит круто. Музыка «Nirvana» обладает эмоциональной цельностью, я бы сказал, а также стилем.

Я: Как думаешь, не связано ли это отчасти с тем, что Курт так и не пережил стадии растерянности?

– Да, это интересная идея, – соглашается Брюс. – Он выражает ту тревогу и растерянность, которая так близка подросткам. Так что я согласен: у меня есть племянники и племянницы, и все они слушают «Nirvana» и полностью погружены в эту музыку.

Я: Почему в 2005 году все еще говорят о «Nevermind»?

– Потому что все, что вышло с того времени, едва ли наполовину столь хорошо, да к тому же целиком растет из «Nevermind», – парирует Стив Фиск.

Я: Как так?

– Форма, – объясняет сиэтлский продюсер. – Стихи. Стиль громко-тихо-громко. Хрипотца в голосе. Поразительно, но со времен «Nirvana» никаких новых идей не появилось. Возьмите песню «Puddle Of Mud» «She Hates Me». Поставьте ее вслед за «Rape Me». Столько же битов в минуту, те же аккорды, то же звучание.

– Скажу тебе три вещи, – говорит Лейтон Бизер. – Об одной, уверен, мы думаем одинаково, а о другой, настолько же уверен, – по-разному. Ты видел обложку журнала «Тайм» [25 октября 1993 года] с Эдди Веддером – под названием «Гранж: Вся ярость»? Когда я увидел ее, то подумал: «О, господи-и-и-и! Кое-кто так ничего и не понял!» Гранж полон иронии. То есть, *мо-о-ожет*

быть, у Эдди и было что сказать массам, но… у нас в Сиэтле нет «сердитых». В гранже нет ни жестокости, ни гнева, ни тревоги.

Я: Здесь «Nirvana» и ошиблась. Они стали слишком серьезны…

– Да, но тут… а, погоди, значит, я тут прав, и ты не согласишься с моим вторым утверждением, – смеется Лейтон. – Оно состоит в том, что самоубийство Курта было кульминационным пунктом. Типа: «Ха-ха! Теперь-то вы видите!» Он понял, что дальше идти некуда и он достиг уже всего, чего можно достичь без самоубийства. На самом деле это произошло задолго до того. Ну как, пойдем дальше, будем доводить это до логического конца или нет?

Я: По такой логике главной иконой гранжа должна быть Кортни Лав.

– Так и есть. Ну, когда он на ней женился, это был его самый тупой поступок в жизни. Похоже, он действительно был в нее влюблен, я офигеваю… извини за выражение.

Я: Да нет проблем.

– Я занимаюсь программным обеспечением, – говорит бывший гитарист «Thrown-Ups». – И знаю многих очень-очень богатых людей в этом бизнесе. Одна из них купила старый дом Курта и дала вечеринку перед реконструкцией дома, чтобы мы посмотрели, как он выглядит. Ничего особо впечатляющего не было, кроме комнаты девочки. Курт на стене нарисовал херувимчиков и ангелочков, что напоминало о Сикстинской капелле, только у них у всех были лица Кортни! [На самом деле это сделал певец и иллюстратор комиксов Дэйм Дарси в 1996 году.] Она говорила, что хочет все это убрать, но я попросил этого не делать. Уверен, Курту от этого стало легче.

Мы много говорили о том, как с помощью «Nirvana» можно все изменить. Чем, однако, мы заменили бы старый порядок? Мы хотели чего-то *лучшего*. Что это значит? Менее мачистского, более женственного, чувствительного, спонтанного, веселого и захватывающего, вот чего хотели все мы. Мы хотели, чтобы наши друзья, наши коллеги, наши мечты и наши герои стали общими – разве это такое уж преступление? Мы хотели, чтобы задиры и хвастуны хотя бы не автоматически приходили к власти. Чтобы женщины не считались людьми второго класса по определению, ведь они – мы – уже часть нас. Чтобы коммерческое радио считали дерьмом.

Чего же мы хотели? Не многого: просто нирваны.

Дискография

(Составитель – Энрико Винченци www.sliver.it)

Синглы

Love Buzz / Big Cheese
1988 – США, «Sub Pop» (7 дюймов, SP23)
1200 экземпляров, черный винил, двойной бумажный конверт. 1000 экземпляров пронумерованы вручную красными чернилами на задней стороне обложки, на оставшихся 200 вместо номера отметка красным маркером. Существуют несколько пиратских версий, на черном и цветном виниле.

Sliver / Dive / About A Girl
1990 – США, Sub Pop (7 дюймов, SP72)
Первый выпуск: 3000 экземпляров на черном, синем и розовом виниле. Тройной бумажный конверт с клубной картой синглов «Sub Pop». Желтые ярлыки. Несколько оставшихся розовых экземпляров позднее распространялись в двойном конверте и без карты.
Второй выпуск: напечатан на виниле разных цветов (черный, прозрачный, розовый, светло-желтый, темно-розовый, персиковый). Очень незначительное количество было отпечатано на белом виниле специально для групп и сотрудников фирм грамзаписи «Erika» и «Sub Pop». Пластинки помещены в одинарные картонные конверты, на задней стороне или на желтых ярлыках которых указано название фирмы – «Erika». Подделки на черном виниле.
Третий выпуск: черный винил, черные ярлыки. Двойные или одинарные конверты.

Sliver / Dive / About A Girl – live (только CD и 12 дюймов) / Spank Thru – live (только CD)
1991 – Великобритания, «Tupelo» (7 дюймов, TUP25; 12 дюймов, TUPEP25; CD, TUPCD25)
7-дюймовка отпечатана в 2000 экземплярах: зеленый винил, одинарный конверт.
12-дюймовка отпечатана на голубом и черном виниле.

Molly's Lips – live
1991 – США, «Sub Pop» (7 дюймов, SP97)

4000 экземпляров на зеленом виниле и 3500 на черном виниле. Тройной конверт с клубной картой синглов «Sub Pop». Это сборный сингл, трек «Nirvana» записан на стороне «B». На стороне «A» песня группы «The Fluid» «Candy». Подделки на черном виниле.

Here She Comes Now

1991 – США, «Communion» (7 дюймов, COMM23)

Число выпущенных экземпляров до сих пор неизвестно, но предположительно их было 1000, на виниле разных цветов: черном, голубом, пурпурном, розовом, зеленом, сером, желтом, красном. За исключением черного, все виниловые экземпляры сделаны под мрамор, а несколько «главных» цветов имеют вариации (светло– и темно-голубой, три или более оттенка пурпурного и т. д.). Некоторые экземпляры имеют особый цвет (оранжевый, горчичный, грязно-белый). Похоже, на фабрике использовали остатки разных кусков винила…

Тройной бумажный конверт. Сборный сингл, трек «Nirvana» на стороне «A». На стороне «B» песня «Venus In Furs» группы «Melvins». Обе песни – каверы на «Velvet Underground».

Подделки на черном, красном, зеленом и пурпурном виниле.

Smells Like Teen Spirit / Even In His Youth / Aneurysm (только CD)

1991 – США, «DGC» (7 дюймов, DGCS7-19050; CD, DGCDS-21673; MC, DGCCS-19050)

7-дюймовки предназначались для музыкальных автоматов; конверты DGC одинарные голубые или серые.

Две различные рекламные 12-дюймовки: первая (PRO-A-4314), с «Aneurysm», на желтом виниле и в конверте с картинкой.

Вторая (PRO-A-4365) содержит на обеих сторонах только титульный трек; черный винил и простой белый конверт с названием.

Рекламный компакт-диск (PRO-CD-4308) в картонном конверте содержит только титульный трек (альбомную и радиоверсии). Несколько обычных компакт-дисков также использовались как рекламные – на них было напечатано красным «PROMOTIONAL». Две различные рекламные кассеты без кода, на обеих только титульный трек.

Smells Like Teen Spirit / Drain You / Even In His Youth (только 12 дюймов и CD) / Aneurysm (только CD)

1991 – Великобритания, «Geffen» (7 дюймов, DGCS 5; 12

дюймов, DGCT 5; 12 дюймов с картинкой, DGCTP 5; CD, DGCTD 5)

На первом выпуске этого CD были указаны даты британского турне, при перевыпуске даты убрали, а спереди добавили голубую кайму. На 7-дюймовке серебристые нарисованные ярлыки. Экземпляры без ярлыка и с большими дырками предназначались для музыкальных автоматов. Рекламная кассета (без кода), с радиоверсией титульного трека.

Come As You Are / School – live (только CD) / Drain You – live

1992 – США, «DGC» (7 дюймов, DGCS7-19120; CD, DGCDS-21707; MC, DGCCS-19120)

7-дюймовки предназначались для музыкальных автоматов, в простых голубых или серых конвертах «DGC».

Рекламная 12-дюймовка (PRO-A-4416) с титульной композицией на обеих сторонах; черный винил, простой белый конверт с названием.

Рекламный CD (PRO-CD-4375) в картонном конверте, содержит только титульный трек. Несколько обычных компакт-дисков также использовались как рекламные – на них было напечатано красным «PROMOTIONAL».

Come As You Are / Endless Nameless / School – live (только CD) / Drain You – live (только 12 дюймов и CD)

1992 – Великобритания, «Geffen» (7 дюймов, DGCS 7; 12 дюймов, DGCT 7; 12 дюймов с картинкой, DGCTP 7; CD, DGCTD 7)

На 7-дюймовке черные бумажные или серебряные нарисованные ярлыки; экземпляры с ненарисованными ярлыками и большими дырками предназначались для музыкальных автоматов.

Lithium / Been A Son – live / Curmudgeon (только CD) 1992 – США, «DGC» (CD, DGCDM-21815; MC, DGCCS-19134) Рекламный CD (PRO-CD-4429) в простом картонном конверте содержит только титульный трек. Несколько обычных компакт-дисков также использовались как рекламные – на них было напечатано красным «PROMOTIONAL».

Lithium / Been A Son – live / Curmudgeon (только 12 дюймов и CD) / D7 (только CD)

1992 – Великобритания, «Geffen» (7 дюймов, DGCS 9; 12 дюймов с картинкой, DGCTP 9; CD, DGCTD 9; MC, DGCSC 9)

На 7-дюймовке серебряные нарисованные ярлыки; экземпляры без ярлыка и с большими дырками предназначались для музыкальных автоматов.

Рекламный CD (WDGCT 9) содержит только титульный трек, без обложки. Рекламная кассета (DGCDM 21742) содержит все четыре трека.

In Bloom

1992 – США

Не для коммерческого использования. Рекламный CD (DGC, PRO-CD-4463) в простом картонном конверте.

In Bloom / Sliver – live (только CD) / Polly – live

1992 – Великобритания, «Geffen» (7 дюймов, GFS 34; 12 дюймов с картинкой, GFSTP 34; CD, GFSTD 34; MC, GFSC 34)

На 7-дюймовке серебряные нарисованные ярлыки; экземпляры без ярлыков и с большими дырками предназначались для музыкальных автоматов.

На рекламной кассете (без кода) все три трека.

Oh, The Guilt

Сборный сингл. Трек «Nirvana» на стороне «B». Песня группы «Jesus Lizard», «Puss», на стороне «A». Выпущен по всему миру в 100 000 экземпляров.

1993 – США, «Touch & Go» (7 дюймов, TG83; CD, TG83CD; MC, TG83C)

1993 – Великобритания, «Touch & Go» (7 дюймов, TG83; CD TG83CD)

7-дюймовка на голубом виниле, в некоторых экземплярах постеры.

CD в двух вариантах: картонный конверт и коробка.

1993 – Австралия, «Insipid Vinyl» (7 дюймов с картинкой, IV-23)

7-дюймовка с картинкой в прозрачном пластиковом конверте с красным или черным ярлыком с названием; вышло около 1500 экземпляров.

Heart-Shaped Box

1993 – США

Не для коммерческого использования. Рекламная 12-дюймовка (DGC, PRO-A-4558)

В конверте с рисунком, содержит титульный трек и «Gallons Of Rubbing Alcohol Flow Through The Strip» – последнюю песню можно услышать еще только на бонус-треке к неамериканским компакт-дискам «In Utero».

Рекламный CD (DGC, PRO-CD-4545) и рекламная кассета (DGC, без кода), на обоих только титульный трек.

Heart-Shaped Box / Milk It (только 12 дюймов и CD) / Marigold

1993 – Великобритания, «Geffen» (7 дюймов, GFS 54; 12 дюймов, GFST 54; CD, GFSTD 54; MC, GFSC 54)

На 7-дюймовке серебряные нарисованные ярлыки; экземпляры без ярлыков и с большими дырками предназначались для музыкальных автоматов.

Рекламная кассета (без кода) содержит только титульный трек.

1993 – Великобритания/Франция, «Geffen» (7 дюймов, GES19191)

Красный винил, изготовлена в Великобритании для французского рынка. 5000 экземпляров, пронумерованных на верхней части конверта.

1993 – Germany, «Geffen» (7 дюймов, GES19191)

Ограниченный тираж, красный винил.

All Apologies / Rape Me

1993 – США

Не для коммерческого использования. Два рекламных CD: на первом (DGC, PRO-CD-4581) только титульный трек, на втором (DGC, PRO-CD-4582) есть и «Rape Me».

All Apologies / Rape Me / MV (Moist Vagina)

1993 – Великобритания, «Geffen» (7 дюймов, GFS 66; 12 дюймов, GFST 66; CD, GFSTD 66; MC, GFSC 66)

На 7-дюймовке серебряные нарисованные ярлыки; экземпляры без ярлыков и с большими дырками предназначались для музыкальных автоматов.

На 12-дюймовке два варианта обложки с различными цветами фона.

Рекламный CD (NIRVA1) содержит только «Rape Me» и «All Apologies», без оформления. Рекламная кассета (без кода).

Pennyroyal Tea – Scott Litt remix / I Hate Myself And I Want To Die / Where Did You Sleep Last Night (In The Pines) – *Unplugged*

1994 – Великобритания

7-дюймовка, CD и кассета были запланированы, но так и не выпущены. Несколько вышедших экземпляров рекламного CD (NIRPRO) содержали только титульный трек; без оформления.

1994 – Германия, «Geffen» (CD, GED21907)

Отозваны и уничтожены тотчас после выхода. Позже на европейских и корейских рынках выплыли несколько сотен сохранившихся экземпляров, за которыми последовали почти совершенные подделки.

About A Girl – *Unplugged*

1994 – США

Не для коммерческого использования. Рекламный CD (DGC, PRO-CD-4688)

About A Girl – *Unplugged* / Something In The Way – *Unplugged*

1994 – Франция, «Geffen» (CD, GED21958)

Картонный конверт; вышли две версии, несколько различающиеся длительностью.

1994 – Австралия, «Geffen» (CD, GEFDS21958)

5000 экземпляров в пронумерованных картонных конвертах. 200 непронумерованных экземпляров использовано для рекламы.

Миньоны

Blew / Love Buzz / Been A Son / Stain

1989 – Великобритания, «Tupelo» (12 дюймов, TUPEP 8; CD, TUPCD 8)

12-дюймовки отпечатаны только на черном виниле. Фальшивки имеются на черном и цветном виниле и на дисках с рисунками.

CD также часто подделывался.

Turnaround / Aneurysm / D7 / Son Of A Gun / Even In His Youth / Molly's Lips 1991 – Австралия, «Geffen» (12 дюймов, GEF21711; CD, GEFD21711; MC, GEFC21711)

Эксклюзивный миньон австралийского турне-92.

12-дюймовка на красном и голубом виниле. 4000 экземпляров. Несколько фальшивок выпущено на белом, черном и цветном виниле.

CD имеется в двух версиях – наполнение одинаково, различается только внешний вид: первый оттиск (черный текст на серебристом фоне, код DGCDS21711 напечатан на диске) был сделан в США и отослан в Австралию. Второй оттиск (красный и белый текст на голубом фоне) изготовлен позднее на месте. Эта версия подделывалась.

Кассета вышла в 1000 экземпляров.

1991 – Япония, «DGC» (CD, MVCG 17002)

Графика отличается от австралийского релиза. Эту пластинку подделывали едва ли не чаще всех.

Альбомы

BLEACH

Blew / Floyd The Barber / About A Girl / School / Love Buzz (не на всех релизах) / Paper Cuts / Negative Creep / Scoff / Swap Meet / Mr. Moustache / Sifting / Big Cheese (не на всех релизах) / Downer (не на всех релизах)

1989 – США, «Sub Pop» (12 дюймов, SP34; CD, SP34b; MC, SP34a)

«Big Cheese» и «Downer» отсутствуют на виниле.

12 дюймов, первый выпуск: 1000 экземпляров, белый винил. В нескольких экземплярах черно-белые постеры.

12 дюймов, второй выпуск: 2000 экземпляров, черный винил. Может содержать клубную карту синглов «Sub Pop». В нескольких экземплярах черно-белые постеры.

12 дюймов, третий выпуск: цветной винил (прозрачно-красный, прозрачно-розовый, розовый под мрамор, голубой под мрамор, пурпурный под мрамор, зеленый под мрамор, красно-белый). 500 экземпляров красно-белого издания были проданы как нумерованный сет вместе с голубым 7-дюймовым синглом «Sliver».

12 дюймов, не вышел: несколько экземпляров отпечатано на зеленовато-белом виниле под мрамор, но их не выпустили, испугавшись, что их примут за первое ограниченное издание на белом виниле. Большинство экземпляров поступили в коллекции сотрудников «Sub Pop» или участников групп.

12 дюймов, четвертый выпуск: переиздан в 2000 году только на черном виниле; легко опознать по штрихкоду на обратной стороне конверта.

CD впервые вышел в 1990 году. Для всех переизданий использовалась версия после ремастеринга. Несколько экземпляров в длинных картонных боксах.

На первых кассетах с альбомом отсутствовала «Big Cheese», но при ремастеринге песня была добавлена.

1989 – Великобритания, «Tupelo» (12 дюймов, TUPLP6; CD, TUPCD6; MC, TUPMC6)

«Love Buzz» и «Downer» отсутствуют на виниле, в первом издании компакт-диска и на кассетах.

12 дюймов, первый выпуск: 300 экземпляров, белый винил. Второй выпуск: 2000 экзмепляров, зеленый винил. Третий выпуск: черный винил.

На первом компакт-диске только 11 треков, затем перевыпущен с 13 треками.

1992 – Великобритания, «Geffen» (CD, GFLD 1929; MC, GFLC 19121)

Версия после ремастеринга.

2002 – Великобритания, «Warner Music» (12 дюймов,

9878400341)

Белый винил, внутренний конверт с рисунком и стикером «Back to vinyl» («Обратно к винилу») на обложке.

Первый выпуск, до 2500 экземпляров, 13 треков. Второй выпуск, только 11 треков (без «Big Cheese» и «Downer»).

1989 – Австралия, «Waterfront» (12 дюймов, DAMP 114)

Без «Big Cheese» и «Downer».

Восемь цветов винила в соответствующих конвертах. Предположительно каждая версия вышла в 500 экземпляров, но некоторые встречаются значительно реже остальных, поэтому, возможно, цифра неверна.

Черный винил, черный фон с серебристыми буквами на обложке.

Желтый винил, черный фон с желтыми буквами на обложке.

Пурпурный винил, пурпурный фон с серебристыми буквами на обложке.

Красный винил, красно-оранжевый фон с серебристыми буквами на обложке.

Голубой винил, голубой фон с серебристыми буквами на обложке.

Синий винил, черный фон с голубыми или серебристыми буквами на обложке.

Зеленый винил, зеленый фон с серебристыми буквами на обложке. На внешней обложке указано, что это «Австралийское турне-92, до 500 экземпляров». Включает постер с дизайном обложки, вложен в белый хлопковый конверт, на котором красным и зеленым шелком обозначены названия и даты концертов турне.

NEVERMIND

Smells Like Teen Spirit / In Bloom / Come As You Are / Breed / Lithium / Polly / Territorial Pissings / Drain You / Lounge Act / Stay Away / On A Plain / Something In The Way / Endless, Nameless (только на некоторых релизах на CD и кассетах)

1991 – США, «DGC» (12 дюймов, DGC24425; CD, DGCD24425; MC, DGCC24425; DCC, DGCX24425)

На рекламных экземплярах 12-дюймовок золотое тиснение «For promotion only» («Только для рекламы») на обратной стороне обложки.

Первые экземпляры компакт-дисков помещались в длинные картонные боксы, на них не было последнего трека – «Endless Nameless». На переизданиях его сначала добавляли, потом опускали, потом вновь добавляли… То же самое происходило и с кассетами.

Три различные рекламные кассеты (без кода).

1995 – США, «Mobile Fidelity Sound Lab» (12 дюймов, MFSL1-258; CD, UDCD666)

Переиздание с оригинальных мастеринговых кассет на 12-дюймовке (5000 экземпляров, пронумерованных на обратной стороне обложки, винил высокой четкости, картонный конверт) и компакт-диске («Ultra disc II golden CD»).

1991 – Великобритания

В Великобритании распространялись немецкие релизы («Geffen», 12 дюймов, GEF24425; CD, GED24425; MC, GEC24425). На месте делались только рекламные кассеты («DGC», без кода). Две версии: на одной альбом целиком, на другой только четыре песни.

1998 – Великобритания, «Simply Vinyl» (12 дюймов, SVLP 0038) Релиз для аудиофилов на виниле «180g». Два оттиска – серебристые или золотистые стикеры на внешнем прозрачном пластиковом конверте.

1992 – Чехия, «Globus» (12 дюймов, 2101101311; 12 дюймов с рисунком 0235)

Зеленый винил. Несколько рекламных экземпляров на черном виниле. Первое (официальное) издание – черные ярлыки с серебристыми названиями и глянцевые конверты. В 1999 году переиздания (неофициальные?) вышли на черном, зеленом, синем, прозрачном с цветными пятнами и зеленом с цветными пятнами виниле. Серебристые ярлыки с черными названиями. На диске с рисунком синий ободок. Два тиража различаются только наличием нескольких лишних цифр на матрице.

INCESTICIDE

Dive / Sliver / Stain / Been A Son / Turnaround / Molly’s Lips / Son Of A Gun / (New Wave) Polly / Beeswax / Downer / Mexican Seafood / Hairspray Queen / Aero Zeppelin / Big Long Now / Aneurysm

Компиляция редких и не выпускавшихся треков.

1992 – США, «DGC» (12 дюймов, DGC24504; CD, DGCD24504; MC, DGCC24504)

Голубой винил под мрамор – 12-дюймовка, 15 000 экземпляров.

Первые выпуски компакт-дисков выходили в длинных картонных боксах и содержали несколько дополнительных страниц буклета с заметками самого Кобейна. Затем их убрали, но на переизданиях вновь добавили. Несколько экземпляров использовали как рекламные – об этом свидетельствует черный штамп «PROMOTIONAL» на диске.

Три различные рекламные кассеты (без кода).

1992 – Великобритания

В Великобритании распространялись голландские («Geffen», 12 дюймов, GEF245040) и немецкие («Geffen», CD, GED24504; MC, GEC24504) релизы. На месте изготовлена только рекламная кассета («DGC», без кода).

IN UTERO

Serve The Servants / Scentless Apprentice / Heart-shaped Box / Rape Me / Frances Farmer Will Have Her Revenge On Seattle / Dumb / Very Ape / Milk It / Pennyroyal Tea / Radio Friendly Unit Shifter / tourette's / All Apolo gies / Gallons Of Rubbing Alcohol Flow Through The Strip (только CD, не для американских релизов)

1993 – США, «DGC» (12 дюймов, DGC24607; CD, DGCD24607; MC, DGCC24607)

Прозрачный светло-зеленый 12-дюймовый винил, 15 000 экземпляров. Рекламные экземпляры помечены золотистым штампом «For promotion only» на обратной стороне обложки.

Несколько экземпляров компакт-дисков использовали как рекламные – об этом свидетельствует белый штамп «PROMOTIONAL» на диске.

Три различные рекламные кассеты (без кода).

1993 – США, «DGC» (CD. DGCD24705; MC, DGCC24705)

Прошедшая цензуру версия; для продажи в магазинах «Уолмарт» и «Кей-март»: «Rape Me» переименована в «Waif Me», изменена графика на обратной стороне обложки. Использован ремикс Скотта Литта «Pennyroyal Tea».

1997 – США, «Mobile Fidelity Sound Lab» (CD, UDCD690) Переиздание с оригинальных мастеринговых кассет на компакт-диске («Ultradisc II golden CD»).

1993 – Великобритания

В Великобритании распространялись голландские («Geffen», 12 дюймов, GEF24536) и немецкие («Geffen», CD, GED24536; MC, GEC24536) релизы. На месте изготовлена только рекламная кассета («Geffen», без кода, с дополнительным треком).

1998 – Великобритания, «Simply Vinyl» (12 дюймов, SVLP 0048) Релиз для аудиофилов на виниле «180g». Два оттиска – серебристые или золотистые стикеры на внешнем прозрачном пластиковом конверте.

2001 – Германия, «Geffen» / «Universal» (12 дюймов, 424 536-1) Для этого переиздания использованы оригинальные миксы Альбини, а не ремиксы, как в других релизах.

UNPLUGGED IN NEW YORK

About A Girl / Come As You Are / Jesus Doesn't Want Me For A Sunbeam / The Man Who Sold The World / Pennyroyal Tea / Dumb / Polly / On A Plain / Something In The Way / Plateau / Oh Me / Lake Of Fire / All Apologies / Where Did You Sleep Last Night

Записано вживую для шоу «MTV's Unplugged» на «Sony Studios», Нью-Йорк, 18 ноября 1993 года.

1994 – США, «DGC» (12 дюймов, DGC24727; CD, DGCD24727; MC, DGCC24727)

12-дюймовка на черном и белом виниле.

Несколько экземпляров компакт-дисков использовали как рекламные – об этом свидетельствует черный штамп «PROMOTIONAL» на диске.

Нумерованные рекламные кассеты (без кода).

1994 – Великобритания

В Британии распространялись немецкие релизы («Geffen», 12 дюймов, GEF24727; CD, GED24727; MC, GEC24727). На месте изготовлена только рекламная кассета («Geffen», без кода).

1998 – Великобритания, «Simply Vinyl» (12 дюймов, SVLP 0053)

Релиз для аудиофилов на виниле «180g». Два оттиска – серебристые или золотистые стикеры на внешнем прозрачном пластиковом конверте.

FROM THE MUDDY BANKS OF THE WISHKAH

Intro / School / Drain You / Aneurysm / Smells Like Teen Spirit / Been A Son / Lithium / Sliver / Spank Thru / Scentless Apprentice / Heart-Shaped Box / Milk It / Negative Creep / Polly / Breed / tourette's / Blew

Компиляция живых выступлений с различных концертов.

1996 – США, «DGC» (12 дюймов, x2 DGC2-25105; CD, DGCD25105; MC, DGCC25105)

На четвертой стороне винилового варианта набор концертных шуточек, которого нет на CD и кассетах. Несколько экземпляров компакт-дисков использовали как рекламные – об этом свидетельствует красный штамп «PROMOTIONAL» на диске.

Две различные рекламные кассеты: первая (без кода) длительностью 57 минут, предназначена для ротации альбома на радиостанциях; вторая (DGCC-A-25105) содержит все треки.

1996 – Великобритания

В Великобритании распространялись голландские («Geffen», 12 дюймов, GEF251052) и немецкие («Geffen», CD, GED25105) релизы. На месте изготовлена только рекламная кассета («Geffen», без кода).

NIRVANA

You Know You're Right / About A Girl / Been A Son / Sliver / Smells Like Teen Spirit / Come As You Are / Lithium / In Bloom / Heart-Shaped Box / Pennyroyal Tea – Scott Litt remix / Rape Me / Dumb / All Apologies – *Unplugged* / The Man Who Sold The World – *Unplugged* / Something In The Way – *Unplugged* (только на 12-дюймовке) / Where Did You Sleep Last Night – *Unplugged* (не для американских CD)

Компиляция избранного с одним не выпускавшимся до того треком «You Know You're Right».

2002 – США, «DGC» (CD, 0694935072)

2002 – ЕС, «Geffen» (12 дюймов, x2 439 523-1; CD, 439 523-2; MC, 439 523-4)

SLIVER – THE BEST OF THE BOX

Spank Thru (*) – с демо «Fecal Matter»; 1985 / Heartbreaker – live / Mrs. Butterworth – репетиционное демо / Floyd The Barber – live / Clean Up Before She Comes – домашнее демо / About A Girl – домашнее демо / Blandest – студийное demo / Ain't It A Shame – студийное demo / Sappy (*) – 1990, студийное demo / Opinion – акустическая сольная версия для радио / Lithium – акустическая сольная версия для радио / Sliver – домашнее демо / Smells Like Teen Spirit – бумбокс-версия / Come As You Are (*) – бумбокс-версия / Old Age – из не вошедшего в «Nevermind» / Oh The Guilt / Rape Me – домашнее демо / Rape Me – демо группы / Heart-shaped Box – демо группы / Do Re Mi – домашнее демо / You Know You're Right – домашнее демо / All Apologies – домашнее демо

Компиляция треков с сета «With The Lights Out» плюс три не выходивших ранее трека (*).

2005 – США, «UMe» (CD, B0005617-02)

Рекламный CD (без кода), все экземпляры нумерованные и с водяными знаками, чтобы предотвратить несанкционированное использование. Содержание стандартное.

2005 – Великобритания

Диски, сделанные в Евросоюзе («Geffen», CD, 602498867181), распространялись в Англии. Только рекламный CD (без кода) изготовлен на месте, все экземпляры нумерованные и с водяными знаками, чтобы предотвратить несанкционированное использование. Содержание стандартное.

Бокс-сеты

SINGLES

1995 Германия, «Geffen» (CD, x6 GED24901)

Переиздание всех шести синглов на CD с альбомов «Nevermind» и «In Utero» в картонном боксе с рисунком.

«Smells Like Teen Spirit» / «Come As You Are» / «Lithium» / «In Bloom» / «All Apologies» / «Heart-Shaped Box»

WITH THE LIGHTS OUT

Аудиотреки:

Heartbreaker – live / Anorexorcist – радиовыступление / White Lace And Strange – радиовыступление / Help Me I'm Hungry – радиовыступление / Mrs. Butterworth – запись репетиции / If You Must – demo / Pen Cap Chew – демо / Downer – live / Floyd The Barber – live / Raunchola/ Moby Dick – live / Beans – акустическое соло / Don't Want It All – акустическое соло / Clean Up Before She Comes – акустическое соло / Polly – акустическое соло / About A Girl – акустическое соло / Blandest – демо / Dive – демо / They Hung Him On A Cross – демо / Grey Goose – демо / Ain't It A Shame – демо / Token Eastern Song – демо / Even In His Youth – демо / Polly – демо / Opinion – акустическое соло / Lithium – акустическое соло / Been A Son – акустическое соло / Sliver – акустическое соло / Where Did You Sleep Last Night – акустическое соло / Pay To Play – демо / Here She Comes Now / Drain You – демо / Aneurysm / Smells Like Teen Spirit – демо / Breed – сырой микс / Verse Chorus Verse – из не вошедшего в альбом / Old Age – из не вошедшего в альбом / Endless, Nameless – радиовыступление / Dumb – радиовыступление / D-7 / Oh, The Guilt / Curmudgeon / Return Of The Rat / Smells Like Teen Spirit – миксы Буча Вига / Rape Me – акустическое соло / Rape Me – демо / Scentless Apprentice – репетиционное демо / Heart-Shaped Box – демо / I Hate Myself And I Want To Die – демо / Milk It – демо / Moist Vagina – демо / Gallons Of Running Alcohol Flow Through The Strip / The Other Improv – демо / Serve The Servants – акустическое соло / Very Ape – акустическое соло / Pennyroyal Tea – акустическое соло / Marigold / Sappy / Jesus Doesn't Want Me For A Sunbeam – репетиционное демо / Do Re Mi – акустическое соло / You Know You're Right – акустическое соло / All Apologies – акустическое соло

Видеотреки:

Love Buzz – Scoff – About A Girl – Big Long Now – Immigrant Song – Spank Thru – Hairspray Queen – School – Mr. Moustache – декабрь 1988, дома у матери Криста, Абердин, штат Вашингтон / Big Cheese – июнь 1989, «Rhino Records», Лос-Анджелес, Калифорния / Sappy – февраль 1990, «Богартс», Лонг-Бич, Калифорния / In Bloom – клип «Sub Pop» / School – сентябрь 1990,

гараж «Motor Sports International», Сиэтл, штат Вашингтон / Love Buzz – октябрь 1990, Олимпия, штат Вашингтон / Pennyroyal Tea – Smells Like Teen Spirit – Territorial Pissings – апрель 1991, «OK-отель», Сиэтл, штат Вашингтон / Jesus Doesn't Want Me For A Sunbeam – октябрь 1991, «Парамаунт-театр», Сиэтл, штат Вашингтон / Talk To Me – октябрь 1993, «Crocodile Cafe», Сиэтл, штат Вашингтон / Seasons In The Sun – январь 1993, «BMG Ariola Studios», Рио-де-Жанейро, Бразилия

Компиляция редких и не выпускавшихся треков. Три аудиодиска и один видео-DVD в трехслойном контейнере с печатной металлической табличкой на обложке. 60-страничный буклет с записями во внутреннем кармане. «Темные» поверхности бокса покрыты рисунками теплочувствительными чернилами, которые проявляются при нагревании.

2004 США, «UMe» (BOX, B0003727-00)

2004 ЕС, «Geffen» (BOX, 0602498648384)

Другие различные рекламные релизы

NEVERMIND IT'S AN INTERVIEW

1992 США, «DGC» (CD, PRO-CD-4382)

Рекламный CD для радио. Содержит эксклюзивное интервью, взятое Куртом Сент-Томасом, а также все живые треки с концерта в «Парамаунт-театре» в Сиэтле 31 октября 1991 года («About A Girl», «Aneurysm», «Drain You», «On A Plain», «School») и другие студийные и живые записи на заднем плане.

On A Plain

1991 – США, «DGC» (CD, PRO-CD-4354)

I Hate Myself And I Want To Die

Великобритания, «Geffen» (кассета, без кода)

All Apologies – *Unplugged* / All Apologies – версия для LP 1994 – США, «DGC» (CD, PRO-CD-4618)

The Man Who Sold The World – *Unplugged*

1994 – США, «DGC» (CD PRO-CD-4704)

Where Did You Sleep Last Night – *Unplugged*

1994 – Великобритания, «Geffen» (CD NIRVPRO 1)

Lake Of Fire – *Unplugged* / Where Did You Sleep Last Night –

Unplugged

1994 – Австралия, «Geffen» (CD, PROCD-4265)

Aneurysm – live

1996 – США, «DGC» (CD, PRO-CD-1033)

1996 – Великобритания, «Geffen» (CD, PRO CD 1033)

Drain You – live

1996 – США, «DGC» (CD, PRO-CD-1070)

Smells Like Teen Spirit – live

1996 – Франция, «Geffen» (CD, MCA F0010). Картонный конверт.

You Know You're Right

2002 – США, «DGC» (CDR, INTR-10853-2). Обычный CDr.

2002 – Великобритания, «DGC» (CD, INTR-10853-2)

SELECTIONS FROM WITH THE LIGHTS OUT

White Lace And Strange – радиовыступление / Blandest – демо / Polly – демо (только на американских CD) / Lithium – акустическое соло / In Bloom – версия «Sub Pop» (только на американских CD) / Heart-shaped Box – демо / You Know You're Right – акустическое соло.

Подборка треков из бокс-сета «With The Lights Out».

2004 – США, «UMe» (CDR, без кода). Семь треков, обычный CDR.

2004 – ЕС, «Geffen» (CD, NIRVBOXCDP1). Пять треков, картонный конверт.

NIGHTLY NIRVANA

НЕДЕЛЯ 1

Smells Like Teen Spirit / *Кобейн: откуда взялось название «Smells Like Teen Spirit»* / Even In His Youth

Serve The Servants / *Альбини: о профессиональной этике* / Rape Me – вживую на «SNL»

Sliver /*Новоселич: проявления андеграунда* / Oh Me – *Unplugged*

On A Plain / *Виг: впечатления от первой записи «Nirvana»* / About A Girl

Heart-Shaped Box / *Вся группа: о нелепости таких групп, как «Extreme»* / Spank Thru

НЕДЕЛЯ 2

Lithium – акустика / *Кросс: Курт был песенным гением* / Aneurysm

Dumb / *Кобейн: как я пишу тексты* / You Know You're Right

In Bloom / *Виг: вместе с «Sub Pop»… и «Nirvana»* / Immodium (Breed) – «Smart Studios» 04/90 (*)

Verse Chorus Verse / *Кобейн: о продажности* / Polly – live. Рим, 22 февраля 1994 (*)

Stay Away / *Альбини: о людях вокруг Курта* / Pennyroyal Tea

НЕДЕЛЯ 3

Drain You / *Виг: о важности Криста и Дэйва* / Marigold

Come As You Are / *Кобейн: нужный альбом в нужное время* / Verse Chorus Verse – из неизданного

Love Buzz / *Кросс: Кобейн хотел славы* / I Hate Myself And I Want To D i e

Jesus Doesn't Want Me For A Sunbeam – live, саундтрек с DVD / *Кобейн: об «„All Apologies“* Unplugged» / All Apologies – *Unplugged*

Something In The Way / *Поунмэн: я знавал двух разных Куртов Кобейнов* / Seasons In The Sun – саундтрек с DVD

НЕДЕЛЯ 4

Negative Creep / *Кобейн: как писались песни к «Bleach»* / Downer

Ain't It A Shame / *Эндино: объяснения жюри* / Where Did You Sleep Last Night – *Unplugged*

Lounge Act / *Виг: о перепадах настроения Курта* / Old Age

Lithium – live / *Крист: о метании бас-гитары на VMA* / Territorial Pissings

Breed / *Эндино: Дэйв Грол был слишком громкий* / Milk It

НЕДЕЛЯ 5

School / *Эндино: Фрэнсис Бин на «Rape me»* / Rape Me – demo

Dive / *Кросс: о статусе Курта как иконы* / The Man Who Sold The World – *Unplugged*

Been A Son – live / *Кобейн: о прыжках со сцены* / Aneurysm – live

Pay To Play – demo / *Виг: «Nevermind» бил по нервам* / Come As You Are – *Unplugged*

Opinion / *Эндино: записи с бокс-сета, сделанные в последнюю секунду* / Token Eastern Song

НЕДЕЛЯ 6

All Apologies / *Альбини: его мнение о поведении «Nirvana» при записи* / Frances Farmer Will Have Her Revenge On Seattle

Heart-Shaped Box – demo / *Джерри Кэнтрелл о Курте Кобейне* / Something In The Way – *Unplugged*

Aero Zeppelin / *Крист: мы боялись, что «Teen Spirit» покажется плагиатом у «Pixies»* / Smells Like Teen Spirit – микс Буча Вига

Turnaround / *Грол: о песне «You Know You're Right»* / You Know You're Right – demo

Pennyroyal Tea – акустичесое соло / *Эндино: о музыке «Nirvana» за пределами бокс-сета* / Curmudgeon

НЕДЕЛЯ 7

Dumb – радиовыступление / *Эндино: на бокс-сете нет хитов* / Return Of The Rat

Oh, The Guilt / *Кобейн: о выборе режиссера клипа для «Heart-Shaped Box»* / Heart-Shaped Box – live

Molly's Lips / *Кросс: Курт был проблемный ребенок* / Tourette's

Lake Of Fire – *Unplugged* / *Эндино о песне «Do Re Mi»* / Do Re Mi

Breed – live / *Виг: о наследии «Nevermind»* / D7

НЕДЕЛЯ 8

Plateau – *Unplugged* / *Кросс: Курт был проблемный ребенок* / Jesus Doesn't Want Me For A Sunbeam – репетиционное демо

Mexican Seafood / *Эндино: о первой сессии «Nirvana» на студии* / If You Mu st

About A Girl – *Unplugged* / *Виг: о любимой песне на «Nevermind»* / Smells Like Teen Spirit – live

Come As You Are / *Кобейн: «Nevermind» был записан идеально* / Lithium – live на Рединг ском фестивале (*)

Here She Comes Now / *Эндино: о песне «They Hung Him On A Cross»* / They Hung Him On A Cross

НЕДЕЛЯ 9

On A Plain / *Новоселич: «Nevermind» как ритуал инициации*/ Polly – live

Sappy / *Эндино: создание бокс-сета* / Where Did You Sleep Last Night – акустическое соло

Son Of A Gun / *Роллинс: о «Nirvana» и Курте* / Radio Friendly Unit Shifter

Old Age / *Виг: ранние записи «Nevermind»* / Dive

Sliver / *Кобейн: где он черпал идеи для некоторых текстов* / MV

НЕДЕЛЯ 10

Hairspray Queen / *Виг: о перепадах настроения Курта* / Scentless Apprentice

Serve The Servants / *Кобейн: динозавров старой школы нужно искоренить* / The Man Who Sold The World – *Unplugged*

Even In His Youth / *Кросс: победа выскочки* / Been A Son

Very Ape / *Поунмэн: о сиэтлской музыкальной сцене тех времен* / Negative Creep

All Apologies – акустическое соло / *Эндино: обо всем, чего нет на бокс-сете* / Endless Nameless

2004/2005 – США, «UMe» (CDR, без кода)

Еженедельные радиорекламы бокс-сета «With The Lights Out». Стартовали в конце 2004 года, когда вышел бокс, продлились 10 недель – до конца января 2005 года.

На каждом CD полная радиопрограмма с интервью и

подборкой треков, некоторые из которых больше нигде не услышишь (*). Обычные CDr с сопроводительными листками.

SLIVER – РАДИОСПЕКТАКЛЬ

Smells Like Teen Spirit – бумбокс-версия / *Кобейн: откуда взялось название «Teen Spirit» /*

Old Age – из неизданного / Lithium – акустическое соло / *Джек Эндино: Фрэнсис Бин на «Rape Me»* / Rape Me – групповое демо / Sliver – домашнее демо / *Буч Виг: «About A Girl» – любимая песня с «Bleach»* / About A Girl – домашнее демо / You Know You're Right – домашнее демо / *Грол: о записи студийной версии «You Know You're Right»* / Ain't It A Shame – студийное демо / *Стив Альбини: о людях вокруг Курта* / Heart-Shaped Box – групповое демо / All Apologies – домашнее демо / *Джек Эндино: о песне «Do Re Mi»* / Do Re Mi – домашнее демо

2005 – США, «UMe» (CDR, без кода)

Радиореклама альбома «Sliver: The Best Of The Box». На компакт-диске полная радиопрограмма с интервью и подборкой треков. Обычные CDr с сопроводительными листками.

Треки на компиляциях

SUB POP 200 Spank Thru

1988 – США, «Sub Pop» (12 дюймов, x3 SP25)

Три 12-дюймовки в черном картонном боксе, 20-страничный буклет с фотографиями и информацией о группах. 5000 экземпляров.

1989 – Великобритания, «Tupelo» (CD, TUPCD4)

1991 – США, «Sub Pop» (CD, SP25b)

1995 – США, «Sub Pop» (CD, SP25-2)

Переиздание в черном картонном боксе и с 20-страничным буклетом – точная копия винилового бокс-сета.

SUB POP ROCK CITY

Spank Thru

1989 – Германия, «Glitterhouse» (12 дюймов, GR0052)

Немецкое издание компиляции «Sub Pop 200» без нескольких треков. Картонный конверт.

TERIYAKI ASHTMA Vol. I

Mexican Seafood

1989 – США, «C / Z» (7 дюймов, C / Z009)

Двойной бумажный конверт, шелкография. 1000 экземпляров.

TERIYAKI ASHTMA Vols. I–V
Mexican Seafood
1991 – США, «C / Z» (CD, CZ037; MC. CZ037)
1991 – Голландия, «C / Z» (12 дюймов, x2 CZ037)
Картонный конверт.

HARD TO BELIEVE
Компиляция каверов на «Kiss»
Do You Love Me?
1990 – США, «C/Z» (12 дюймов, CZ024; CD, CZ024; MC CZ024)

Изначально на обложке предполагалась размытая фотография участников «Kiss», затем из-за угрозы правового преследования со стороны этой группы CD и кассету перевыпустили с иной графикой обложки. На разных релизах списки треков разные, но песня «Nirvana» присутствует на всех.

12-дюймовка сначала вышла на пурпурно-красном виниле в картонном конверте, а затем на черном виниле как в простом, так и в картонном конвертах.

1990 – Великобритания, «Waterfront» / «Southern Studios» (12 дюймов, DAMP 121; CD, DAMP 121CD)

12-дюймовка в картонном конверте.

1990 – Великобритания, «Waterfront» (12 дюймов, x2 DAMP 121)

Двойной релиз на 12-дюймовке, на черном и красном виниле, в картонном конверте.

HEAVEN AND HELL Volume 1
Компиляция каверов на «Velvet Underground»
Here She Comes Now
1990 – Великобритания, «Imaginary» (12 дюймов, ILLUSION 016; CD, ILL CD 016; MC, ILL CASS 016)
1991 – США, «Communion» (12 дюймов, 20; CD, 20 CD; MC 20)

HEAVEN AND HELL Volumes 1–3
Компиляция каверов на «Velvet Underground»
Here She Comes Now
1992 – Великобритания, «Imaginary» (CD, x3 ILL CD 016 / ILL CD 017 / ILL CD 022)

Коллекция на трех дисках, в пронумерованных картонных боксах.

KILL ROCK STARS
Beeswax

1991 – США, «Kill Rock Stars» (12 дюймов, KRS-201; CD KRS-201)

12 дюймов, первый выпуск: 1000 экземпляров в конверте ручной работы. Подписано вручную и пронумеровано дизайнером обложки. Обратная сторона обложки пустая.

12 дюймов, второй выпуск: обычный конверт, без подписей и шелкографии. На обратной стороне обложки список треков и фотографии группы.

THE GRUNGE YEARS

Dive

1991 – США, «Sub Pop» (CD, SP112b; MC, SP112a)

На внутренней стороне обложки CD ироническая подпись: «Ограниченный тираж – 500 000».

EIGHT SONGS FOR GREG SAGE AND THE WIPERS

Компиляция каверов на «Wipers»

Return Of The Rat

1993 – США, Тим Керр (7 дюймов, x4 TK 917010 TRIB2)

Картонный бокс вмещает четыре 7-дюймовые пластинки, каждая в специальном конверте с рисунком, а также информационную листовку на рифленой бумаге.

Всего вышло 10 000 боксов, из них 4000 с черным винилом и 6000 с цветным. Каждый сингл напечатан в нескольких цветах, которые разложены по боксами случайным образом. Возможно, на заводе просто взяли все остатки, какие нашли… Сингл «Nirvana» напечатан на прозрачном, сером, прозрачно-красном, прозрачно-голубом, зеленом под мрамор (разных оттенков), зелено-голубом (цвета морской волны) под мрамор виниле. Также (но не для сингла «Nirvana») использовались цвета: розовый под мрамор, красный под мрамор, персиковый под мрамор, белый, прозрачно-желтый (золотистый), прозрачно-зеленый, прозрачно-оранжевый, светло-голубой под мрамор, синий под мрамор, светло-пурпурный под мрамор, прозрачно-пурпурный.

FOURTEEN SONGS FOR GREG SAGE AND THE WIPERS

Компиляция каверов на «Wipers»

Return Of The Rat

1993 – США, Тим Керр (CD, TK 91CD10 TRIB2)

NO ALTERNATIVE

Sappy

Два различных конверта – с фотографиями мальчика или девочки. Трек «Nirvana» «спрятан», и его название нигде не

упоминается. По этой причине до выпуска «With The Lights Out», когда выяснилось официальное название, песня также называлась «Verse Chorus Verse» или «Another Rule».

1993 – США, «Arista» (CD, 07822-18737-2; MC 07822-18737-4)

1991 – Великобритания, «Arista» (CD, 07822-18737-2)

THE BEAVIS AND BUTT-HEAD EXPERIENCE

I Hate Myself And I Want To Die

1993 – США, «DGC» (CD, GEFD-24613; MC, GEFC-24613)

Несколько компакт-дисков использовались как рекламные – на них напечатано красным «PROMOTIONAL».

1991 – Великобритания, «Geffen» (12-дюймов, с рисунком, GEF24613; CD GED 24613)

12-дюймовка, диск с рисунком в прозрачном пластиковом конверте.

DGC RARITIES Vol. 1

Pay To Play (ранняя демоверсия «Stay Away»)

1994 – США, «DGC» (CD, DGCD-24704; MC, DGCC-24704)

Промо-диск ((DGCD-A-24704) с обычной обратной стороной конверта и красной надписью «ADVANCE CD» на нем.

Несколько экземпляров обычного диска также использовались в рекламных целях и имели белую надпечатку «PROMOTIONAL».

GEFFEN RARITIES Vol. 1

Pay To Play (ранняя демоверсия «Stay Away»)

1994 – Великобритания, «Geffen» (12 дюймов, GFL-19247; CD GFLD-19247; MC GFLC 19247)

FIFTEEN MINUTES

Компиляция кавер-версий песен «Velvet Underground»

Here She Comes Now

1994 – Великобритания, «Imaginary» (CD, ILLCD 047P)

FENDER: 50th ANNIVERSARY GUITAR LEGENDS

Come As You Are

1996 – США, «Pointblank» / «Virgin» (CD, 7243 8 42088 2 0)

В ограниченном количестве экземпляров есть сувенирный медиатор.

HOME ALIVE – THE ART OF SELF DEFENCE

Radio Friendly Unit Shifter – live

1996 – США, «Epic» (CD, x2 E2K67486; MC, x2 E2T 67486 ET 67487)

HYPE!

Negative Creep

CD-вариант содержит укороченную версию «Smells Like Teen Spirit» в качестве скрытого трека.

1996 – США, «Sub Pop» (7 дюймов, x4 SP378; CD, SPCD371)

Виниловое издание представляет собой картонный бокс с четырьмя синглами-семидюймовками на виниле различного цвета (сингл «Nirvana» мраморно-зеленый) в индивидуальных конвертах с рисунками и с черно-белым постером.

1996 – Великобритания, «Sub Pop» (CD, SPCD371)

SNL 25 – SATURDAY NIGHT LIVE The Musical Performances, Volume 2

Rape Me – live

1996 – США, «Dreamworks» (CD, 0044-50206-2)

На обратной стороне конверта указаны только названия групп. Вкладыш со списком треков находится в боксе или на обертке, но название песни «Nirvana» удалено по цензурным соображениям.

Рекламный CD обычный, печатный (без кода).

Kurt Cobain's side projects

FECAL MATTER – Spank Thru /…

1995

Состав этой преднирвановской группы был таким: Курт Кобейн (гитара, вокал, перкуссия), Дэйл Кровер (вокал, бас, барабаны), Грег Хокансон (барабаны).

В декабре 1995 года Кобейн и Кровер сделали демозапись на четырехдорожечном магнитофоне дома у тети Кобейна. Затем Курт отредактировал и подогнал треки на кассетах, которые распространял среди друзей. Из 15 или более записанных песен только «Spank Thru» имеется на официальном релизе – бокс-сете «Nirvana» «With The Lights Out» 2004 года.

THE JURY – Where Did You Sleep Last Night / They Hung Him On A Cross / Grey Goose / Ain't It A Shame

1989

Состав группы: Курт Кобейн (гитара, вокал), Марк Лэниган (гитара, вокал), Крист Новоселич (бас), Марк Пикерел (барабаны).

В августе 1989 года четверо музыкантов записали четыре блюзовых трека на «Reciprocal Studios» у Джека Эндино. «Where

Did You Sleep Last Night» позже вошла в альбом Лэнегана «The Winding Sheet» 1990 года. Три остальных попали на бокс-сет «Nirvana» 2004 года «With The Lights Out».

MARK LANEGAN – THE WINDING SHEET

Кобейн исполняет бэк-вокал на «Down In The Dark» и играет на гитаре на «Where Did You Sleep Last Night». Новоселич на «Where Did You Sleep Last Night» играет на бас-гитаре.

1990 – США, «Sub Pop» (12 дюймов, SP61; CD SP61B; MC SP61a)

12-дюймовки вначале вышли на красном виниле в 1000 экземпляров. Позднее переизданы на черном виниле.

MARK LANEGAN – Down In The Dark / I Love You Little Girl

Кобейн исполняет бэк-вокал на «Down In The Dark».

1990 – Германия, «Glitterhouse» (7 дюймов, GR0101)

Двойной бумажный конверт в двух вариантах – на обратной стороне конверта по-разному расположены выходные данные.

THE GO TEAM – Scratch It Out / Bikini Twilight

«The Go Team» – проект Кэлвина Джонсона, главы «K records». В этом сингле принимали участие Кэлвин Джонсон – гитара, Курт Кобейн – гитара, Тоби Вэйл – барабаны. Кобейн играет на «Bikini Twilight».

1989 – США, «K» (7 дюймов, GTJL 89)

Черная виниловая 7-дюймовка в простом белом конверте из прессованной бумаги. По словам Кэлвина Джонсона, было сделано около 700 экземпляров. Название группы и состав были напечатаны красными чернилами на резиновом ярлыке на одной стороне конверта. На нескольких экземплярах надписи есть на обеих сторонах. Оба трека на стороне «A», а на стороне «B» – синий логотип группы, выполненный шелкографией. На нескольких экземплярах логотипа нет, вместо него белый ярлык. На очень небольшом количестве экземляров есть логотипы на белом ярлыке и на виниле.

EARTH – EXTRA-CAPSULAR EXTRACTION

Состав группы: Дэйв Харвелл, Дилан Карлсон и Джо Престон. Курт Кобейн и Келли Кэнери обозначены как «специально приглашенные». Кобейн поет в треке «A Bureaucratic Desire For Revenge».

1991 – США, «Sub Pop» (CD, SP123b)

Картонный конверт, в котором может присутствовать картонный вкладыш с рисунком обложки и наклейкой «Earth featuring Dylan» спереди.

2002 – США, «Sub Pop» (12 дюймов, SP 123; CD, SPCD 123)

Переиздание в 1000 экземпляров на 12-дюймовках и 3000 экземпляров на компакт-дисках в обычных футлярах для CD.

EARTH – SUNN AMPS AND SMASHED GUITARS LIVE

Изначально выпущен на «Blast First» в 1995 году, потом переиздан с добавочными треками. На одном из них, «Divine And Bright», есть вокал Кобейна.

2001 – США, «No Quarter» (CD, nqr001)

EARTH – Divine And Bright – demo / Divine And Bright – live

На демоверсии присутствует вокал Кобейна.

2003 – США, «Autofact» (7 дюймов, FACT 01)

Первое издание – 1000 экземпляров в простых пластмассовых конвертах. По словам владельца лейбла, 700 экземпляров отпечатаны на черном виниле, 276 – на белом (возможно, с бледными черными пятнами), а 24 – на прозрачно-зеленом. Несколько дополнительных экземпляров были отпечатаны при смене цвета винила и в итоге получились черно-белыми под мрамор. Конвертов с рисунками не было, и записи распространялись в простых прозрачных пластиковых конвертах.

Второе издание – 500 экземпляров в конвертах с рисунками – вышло в 2004 году. Напечатано на виниле буквально десяток различных цветов, все более или менее под мрамор или с разводами. Среди использованных цветов были черный, белый и прозрачно-зеленый, но экземпляры второго издания легко отличить, потому что они немного «грязноваты», а цвета первого оттиска яркие и чистые. Конверты с рисунками были уже готовы, и их можно было использовать. Намекают, что это переиздание, даже несмотря на использование тех же печатных плат, что и первое, не было авторизовано владельцем лейбла.

WILLIAM S. BURROUGHS – KURT COBAIN – THE ‘PRIEST’ THEY CALLED HIM

Берроуз читает одно из своих мрачных произведений на фоне гитарного шума в исполнении Кобейна. Новоселич позировал для обложки.

1993 – США, Тим Керр (10 дюймов, 9210044; 10 дюймов с обложкой 9210044; CD, 92CD044)

На десятидюймовках трек записан на стороне «A». Сторона «B» чистая, на ней приведены подписи исполнителей.

Первый оттиск: черный винил.

Второй оттиск: диск с рисунком и черной стороной «B». 5000 экземпляров, пронумерованных от 1 до 5000 на стороне «A».

Третий оттиск: диск с рисунком и желтой стороной «B». 5000 экземпляров, пронумерованных от 5001 до 10 000 на стороне «A».

Четвертый оттиск: диск с рисунком – фотографиями Берроуза и Кобейна. 5000 непронумерованных экземпляров.

MELVINS – HOUDINI

Hooch / Night Goat / Lizzy / Going Blind / Honey Bucket / Hag Me / Set Me Straight / Sky Pup / Joan Of Arc / Teet / Copache / Pearl Bomb / Spread Eagle Beagle (только CD) / Rocket Reducer #62 (Rama Lama Fa Fa Fa) (только 12-дюймовка)

Кобейн помогал в продюсировании и сведении некоторых треков, а также играл на гитаре в «Sky Pup» и дополнительной перкуссии в «Spread Eagle Beegle».

1993 – США, «Amphetamine Reptile» (12 дюймов, 532-1)

Фальцованный конверт, 10 000 экземпляров. Может содержать наклейку с названием группы, выдержанным в стиле логотипа «Kiss».

Трек «Spread Eagle Beagle» оказался слишком длинным и был заменен песней «Rocket Reducer #62».

1993 – США, «Atlantic» (CD, 7 82532-2; MC, 82532-4)

На CD может различаться количество и сочетание использованных для печати цветов.

Промо-кассета (7567-82532-4 CA 491) с обычным вкладышем.

MELVINS – Hooch / Sky Pup

Кобейн помогал в продюсировании обоих треков и сыграл на гитаре в «Sky Pup».

1993 – США, «Rise» (7 дюймов с рисунком, RR76)

Диск с рисунком, дизайн Козика, 1000 экземпляров. Пятицветная шелкография многослойного конверта. Это «трудно открывающаяся штука» (так написано на конверте), и когда (если) вы сумеете без особого вреда открыть ее, то лучше больше не закрывать…

HOLE – LIVE THROUGH THIS

Курт еле слышно поет на «Asking For It» и является соавтором вырезанной «Old Age», которая вышла на сингле «Beautiful Son» («City Slang», 1993) и на компиляционном альбоме ранних треков «Hole», «My Body The Hand Grenade» («City Slang», 1997). Версия «Old Age» в сольном исполнении Кобейна включена в бокс-сет «Nirvana» «With The Lights Out» 2004 года.

1994 – США, «DGC»

Благодарности

«Nirvana». Курт. Крист. Дэйв. Чед. Спасибо, что вы были и есть.

Большие фрагменты повествования взяты из моей предыдущей книги о гранже – «Live Through This: American Rock Music In The Nineties» («Переживи это: Американская рок-музыка девяностых») (издательство «Virgin», 2001). Приношу извинения тем, кто уже купил эту книгу и обнаружил явное сходство. Я просто подумал, что этот рассказ заслуживает большей аудитории.

Большинство моих цитируемых статей изначально появились в «Мелоди мейкер», а также в «Стрейнджер», «Анкат», «НМЭ», «Хит ит ор квит ит», «Плэн Би» и в других изданиях. Некоторые являются специально сделанными расшифровками записей, до того десяток лет пролежавших без дела. Я благодарен «IPC Magazines» за дарованное разрешение цитировать статьи о «Nirvana» и Курте Кобейне, которые я написал для «Мелоди мейкер» с 1989 по 1994 год. И я хотел бы поблагодарить своих редакторов, и особенно Аллана Джонса, за то, что в начале девяностых они подарили мне возможность так много путешествовать.

Выражаю благодарность нижеперечисленным людям, которые любезно согласились на интервью для этой книги: Дон Андерсон, Джулианна Андерсон, Марк Арм, Черил Арнольд, Лу Барлоу, Эрни Бейли, Джеймс Бердишоу, Рууд Берендс, Лейтон Бизер, Дэнни Блэнд, Курт Блох, Кэрри Браунстейн, Антон Брукс, Карлос ван Хийфте, Тоби Вэйл, Джиллиан Дж. Гаар, Дэнни Голдберг, Лори Голдстон, Ким Гордон, Джон Гудмэнсон, Стив Галлик, Кали Де Витт, Меган Джаспер, Рич Дженсен, Баррет Джонс, Иэн Диксон, Майки Дис, Питер Дэвис, Уолли Кемптон, Келли Кэнэри, Роб Кейдер, Розмари Кэрролл, Майкл Лавайн, Эл Ларсен, Мэри Лу Лорд, Дэйв Марки, Никки Макклюр, Джим Мерлис, Крэйг Монтгомери, Кэрри Монтгомери, Слим Мун, Торстон Мур, Рене Наваррете, Джо Ньютон, Кэндис Педерсен, Дэн Питерс, Чарлз Питерсон, Джонатан Поунмэн, Брюс Пэвитт, Ли Раналдо, Дженет Биллиг-Рич, Джон Робб, Стивен Свит, Аарон Стауфер, Корин Такер, Стив Тернер, Расти Уиллоуби, Ким Уорник, Дженнифер Финч, Стив Фиск, Джессика Хоппер, Том Хэйзелмайер, Чед Ченнинг, Дебби Шейн, Бен Шеперд, Кристоф Эллингхаус, Джек Эндино, Эрик Эрландсон.

Особенно хотелось бы поблагодарить Джиллиан Дж. Гаар за разрешение процитировать ее многочисленные статьи о

«Nirvana». Также я хотел бы публично поблагодарить за ту дружескую поддержку, которую оказали мне в процессе написания книги многие люди – прежде всего Тоби, Крэйг, Джек, Эрни, Эрик, Джессика и Кали. Это очень много для меня значило. Спасибо вам.

Нижеперечисленные оказали мне поддержку, хотя интервью у них взято не было: Райан Айгнер, Нильс Бернстейн, Кэлвин Джонсон, Кортни Лав, Крист Новоселич, Джон Сильва, Ким Тайил, Боб Уиттакер. Спасибо.

Также благодарю: редактора «Плэн Би» Мэй Морган за ее внимательную и резкую корректуру, без которой эта книга, честно говоря, по большей части была бы полным дерьмом; мою главную помощницу в Сиэтле Натали Уолкер за проведенную огромную работу по расшифровке пленок и проверке цитат и не меньшую – по предоставлению оригинала абердинского дневника из главы 1; моего издателя из «Омнибус» Криса Чарльзуорта за его терпеливую и добродушную поддержку; Лору Райт и Бетт Кэппер в Брайтоне и Чикаго и Мелиссу Брэдшоу в Лондоне за дальнейшую корректуру и просто за то, что они вовремя меня пинали; моих других помощников в Сиэтле Уильяма, «Билла» Баллока, Кэти Шоу, Ари Спула и Эбби Уэйсдорф, за энтузиазм и самоотверженность при расшифровке пленок и присутствие на интервью; Алекс Робертс с www.livenirvana.com за предложения, контакт-листы и непрекращающийся поток DVD с записями концертов «Nirvana»; Крэйга и Ив за предоставление мне жилья в Сиэтле; моих коллег по журналу «Плэн Би», в особенности Криса, Эндрю и Фрэнсис – за то, что они меня так долго терпели; мою мать, Маргарет Текрей, за то, что сидела с внуком Айзеком в последние решающие месяцы.

Наконец, я благодарен за терпение и поддержку моей прекрасной жене Шарлотте Текрей, которая остается со мной и продолжает вдохновлять меня, хотя работа над этой книгой перевалила уже за шестнадцатый месяц. Я люблю тебя. И обещаю, что такого больше не повторится.

www.planbmag.com
everett_true@hotmail.com

notes

Примечания

1

Вокалист «Mudhoney», классической сиэтлской группы 80-х – именно для обозначения их музыки был изобретен термин «гранж». Арм оказал огромное влияние на Курта Кобейна. – *Здесь и далее, кроме специально оговоренных случаев, примеч. авт.*

2

Мэри – сестра Венди – утверждает, что именно она первой вложила гитару в руки Курта, когда тому было два года. Ей было 15 лет, и она сама играла на гитаре. «Он переворачивал гитару на другую сторону, ведь он был левшой», – рассказывала она журналистке из Сиэтла Джиллиан Дж. Гаар.

3

Пэвитт, основатель лейбла «Sub Pop records». Ледж – имеется в виду мое сценическое имя «The Legend!» («Легенда»); многие из героев этой книги впервые узнали меня именно под этим именем.

4

Строго говоря, это самый северо-западный штат среди всех смежных 48 штатов. Но не будем забывать и про Аляску.

5

Что вдвое превышает уровень по стране в 1991 году – 27 человек из 100 тысяч. В июле 1979 года двоюродный дедушка Курта Берл Кобейн покончил жизнь самоубийством (выстрелил из ружья в живот). Пять лет спустя брат Берла, Кеннет, выстрелил себе в голову. Избрав способ самоубийства, Курт – сознательно или нет – принял образцовую абердинскую смерть.

6

Журнал «Файнэншл таймс», 18 мая 2005 года.

7

Курт описывал свой родной город следующим образом: «„Твин Пикс“, только не так интересно». В действительности «Твин Пикс» снимался 162 милями вверх по шоссе в достаточно живописном курорте, рабочем городке Снокуэлми-Фолс.

8

Второй сингл с альбома «Nevermind».

9

Именно так Курт сначала писал свое имя в «Nirvana». Он также какое-то время писал свою фамилию через латинскую букву К – «Kobain».

10

Рядом с Олимпией располагается военная база Форт-Льюис.

11

Бин – «боб» (англ.) – в имени дочери Фрэнсис Бин Кобейн является намеком на кусок угля – собственная интерпретация Курта подарка, якобы полученного в детстве.

12

Сразу вспоминается Кэлвин, неутомимый, гиперактивный мальчик, и его воображаемый друг, игрушечный тигренок Хоббс, из блестящего комикса Билла Уотерсона «Кэлвин и Хоббс». На одной полосе из четырех картинок Кэлвин забивает гвозди в обеденный стол. Мама кричит на него: «ЧТО ТЫ ДЕЛАЕШЬ?» Кэлвин останавливается на минуту, думает, поднимает на нее глаза – сама невинность – и говорит: «Это что, вопрос на засыпку?»

13

Три обладающие яркой индивидуальностью и неповторимостью музыкальные единицы. «Boredoms» играют японский шумовой террор, который часто грозит выбиться из рамок под давлением их собственной уникальности. «Sonic Youth» определяют независимую американскую рок-музыку (ну хорошо – «Sonic Youth», «Beat Happening» и Иэн Маккей). А Кэптен Биф-харт был известен своими маниакальными, потусторонними танцевальными ритмами блюз-рока в ту эпоху (70-е), когда усы обрекали их носителя на жизнь пышной посредственности.

14

Иэн Маккей – с помощью «Fugazi» и своего столичного лейбла «Dis-chord» – дал трибуну тысячам требовательных эмо-рокеров в то время, когда на молодежь косились с опаской. Маккей отказался быть как все и случайно вместе со своей первой группой «Minor Threat» основал стрейтэджерство – движение, признающее музыку единственной необходимостью для тела (долой наркотики и алкоголь, эти капиталистические изобретения для запудривания мозгов рабочего класса). «Dead Kennedys» стали американским ответом на кислотную ярость «Sex Pistols», они затрагивали политические темы в таких, например, синглах, как «Holiday In Cambodia». «Bikini Kill» – три девушки и парень из Олимпии, вдохновленные культурой «сделай сам» и возрастающей необходимостью борьбы с патриархальной гегемонией рок-н-ролла.

15

«„The Wipers“ основали сиэтлский гранж-рок в 1977 году в Портленде, – говорил мне Курт. – Их первые два альбома были настоящей классикой и повлияли на „Melvins“ и другие панк-группы. Я пишу тексты, очень похожие на Грега Сэйджа [солист группы]. Сэйдж был такой же романтик, тихоня и визионер».

16

Из Олимпии. Музыка «Beat Happening» – смесь теплоты, враждебности и веселости, почерпнутой из взрослого восприятия «Гекльберри Финна». Едкие и непосредственные, обманчиво инфантильные, эти трое сочетали мрачные метафоры и шумовые эффекты. Большая часть той музыки, о которой вы прочтете на этих страницах, прямо следует их призыву к оружию в форме двух аккордов без баса.

17

Джими был коренным жителем Сиэтла: памятник ему до сих пор стоит на Кэпитол-хилле, являя собой довольно нелепое зрелище.

Очевидно, Курт был хорош в спринте.

19

Возможно, тут я слегка поправил цитату, чтобы вышло смешнее. Я в то время часто так поступал.

20

Две причины, по которым британцы никогда не поймут американцев, – «The Grateful Dead» и «Dave Matthews Band».

21

«Stairway To Heaven» служила основным вариантом пробы гитары в музыкальных магазинах Запада почти двадцать лет, хотя в некоторых магазинах даже брали штраф 5 фунтов за ее исполнение. По причудливому капризу судьбы, в начале 90-х в этом качестве ее на короткое время сменила «Smells Like Teen Spirit».

22

Очень подходяще: грязная гаражная версия «Louie Louie» от «The Kingsmen» 1963 года – одна из самых знаменитых рок-песен, которые ассоциируются со штатом Вашингтон (хотя сама группа «The Kingsmen» была из Портленда, штат Орегон).

23

Сэмми Хэгер – рок-звезда 80-х, знаменитый своей стрижкой «под пуделя». Позднее присоединился к «Van Halen».

24

Сам Курт заявлял, что видел Хэгера в седьмом классе, то есть в 1979 году, когда Курту было 12.

25

Дневники Курта были обнародованы женой после его смерти, несмотря на его запрет.

26

«Melvins» обязаны названием беджику продавца абердинского секондхенда.

27

Арт-панк группа из Сан-Педро, штат Калифорния, с басистом Майком Уоттом, на которого особое влияние оказал Кэптен Бифхарт – ранние песни «Minutemen» представляли собой безумные и неуклюжие минутные вспышки агрессии и юмора.

28

Сокращение от «Миллионы мертвых копов», «Миллионы мертвых детей» или даже «Миллионы проклятых Рождеств».

29

Роллинс известен своими татуировками и резко женоненавистническими заявлениями. Талантливый поэт и эстрадный комик, он стал ведущим на MTV и сейчас выступает перед американскими войсками в Ираке и Афганистане.

30

Сокращение от «Миллионы мертвых копов», «Миллионы мертвых детей» или даже «Миллионы проклятых Рождеств».

31

Типичная металлическая группа начала девяностых из Нью-Йорка, которую, однако, часто записывают в гранж. Певец Пейдж Хэмилтон ранее работал в гораздо более интересном коллективе диссонансной музыки «Band Of Susans».

32

Солисту Шеннону нравилось играть на трубе в одной лишь широкополой шляпе – плюс еще более широкая улыбка. «Cows» всегда были в авангарде; их вибрирующие, мрачные шумовые взрывы всегда сочетались с удивительно мелодичной поп-структурой.

33

Триумвират «Hűsker Dű», «The Replacements» и «R.E.M.» практически изобрел «альтернативный рок» восьмидесятых, добавив к грубым панковским корням душевную, мелодичную струю. Особенно замечателен альбом «Hűsker Dű» 1984 года – «Zen Arcade», а также их сносящий крышу кавер на песню «The Byrds» «Eight Miles High». «The Replacements» играли роскошный рок с блюзовым оттенком, круче всего проявившийся на их дебютном альбоме 1981 года – «Sorry Ma, Forgot To Take Out The Trash». Даже «R.E.M.» были хороши – когда-то…

34

Боб Уитакер многие годы был менеджером «Mudhoney», а сейчас является тур-менеджером в «R.E.M.»; все, кто с ним знаком, легко могут обнаружить его полупьяные следы в деле 2004 года с «безумием в воздухе» Питера Бака.

35

Вторично он сбежал оттуда через несколько месяцев после того, как поселился там на пенсии в 1991 году, когда сербская артиллерия начала обстрел соседнего города Задар; но в 1994 году вернулся.

36

Отличная и притом удивительно мейнстримовая группа из Акрона, штат Огайо; играла отрывистый, хаотичный грув с едкими сатирическими текстами, напоминающими арт-панков «Talking Heads» с Дэвидом Бирном. Их дебютный альбом 1978 года – «Q: Are We Not Men? A: We Are Devo!» – настоящее порождение порочного гения.

37

Уоррен учил играть на гитаре и Курта.

Нижний регистр названия выбран умышленно: он отражает презрение рок-звезд к махинациям в индустрии звукозаписи.

39

Ответ Такомы группе «The Cramps», одной из лучших ранних панк-команд Америки: эти ребята в фетишевых одеяниях возникли из той же материи, что породила гаражные группы 60-х, такие как «The Sonics» и «The Rats».

40

«GESCCO», среди прочих, управлялась Бретом Лансфордом из «Beat Happening» и художницей из Олимпии Лоис Маффео. Согласно Слиму, «GESCCO» – «это просто тупая аббревиатура, которая была призвана впечатлить колледж, чтобы тот отвалил нам немного денег. Собственно, – добавляет он, – расшифровывается это как Великая Вечнозеленая Общественная Организация Государственного Колледжа – никто об этом, впрочем, не знал, это я занудствую».

41

Беспощадная, великолепная шумовая группа 80-х, ключевые роли в которой играли продюсер Стив Альбини и драм-машина.

42

«The Mentors» – шутейная хардкор-группа 80-х, певшая в основном всякую чушь о сексе и обо всем, что с ним связано. Их солист Эль Дуче в «документальном» фильме «Курт и Кортни» заявил, что Кортни Лав предлагала ему 30 тысяч долларов за «слежку за Куртом Кобейном». Эль Дуче настолько явно издевается здесь над простоватым режиссером Ником Брумфилдом, что больно смотреть.

43

Также известным как Майки Дис, вокалист зажигательной панк-группы из Олимпии «Fitz of Depression».

44

«Skid Row» сначала именовались «Yesler Way» – по названию обрывистой улицы, ведущей к Пьюджет-саунд в Сиэтле. Лесорубы использовали ее для транспортировки деревьев на лесопилку. В 30-е годы ее название стало синонимом бедности.

45

«Я там была, – говорит жительница Сиэтла Кэндис Педерсен. – По дороге в Олимпию есть железнодорожные мосты, под которыми вполне можно переночевать. Так что этот миф может быть и правдой».

Курт играл в школьной группе на барабанах.

Вполне возможно. В «Come As You Are» также упоминается безуспешная попытка записи с двумя приятелями в заброшенной бойне в лесах, где Курт играл на одолженной гитаре для правшей.

48

Предполагается, что Крист ходил в ту же баптистскую церковь в Центральном парке.

«Beachcombers» выпустили несколько сорокапяток, в том числе «Purple Peanuts», «Chinese Bagpiper» (1963), «Tossin' And Turnin'» (1964), «All To Pieces» (1965). Дядя Курта Чак некоторое время играл с ними. Также они создали весьма неплохую версию «Louie Louie», которая приведена на их компакт-диске 1997 года «The Legendary Beachcombers, Live In the Great Northwest».

Крист также играл в нескольких группах из окружения «Melvins» – возглавлял, например, «The Stiff Woodies». Состав «Woodies» все время менялся; там поиграл на барабанах и Курт.

Позднее Курт отзывался об этом кратком периоде своей работы с детьми как о лучшей работе в своей жизни.

52

«Mötorhead» – возможно, величайшая в истории хеви-металлическая группа, британские современники «Ramones». Както я видел, как Лемми порвал все четыре струны на своей бас-гитаре на первых же аккордах «Ace Of Spades». Не упустив ни ноты, он отшвырнул инструмент, роуди бросил ему новый бас, и группа продолжала. Без «Mötorhead» не существовала бы «Metallica».

Один из таких фильмов, обнаруженный недавно, довольно типичен: это 10-минутная короткометражка, снятая Куртом, Кристом и Дэйлом Кровером на улицах Абердина и известная как «Фильмы ужасов». Камера скачет с черепашки на окровавленную руку, на Курта в маске Мистера Ти, на жуткую женскую статую, снова на Курта, который перерезает себе горло тупым ножом, на фотографию какого-то онаниста перед толпой народа, на разных собак… и всё это под саундтрек «Melvins».

Это как раз стыкуется с тем, что в этой же главе говорит Джеймс Бердишоу – что Курт «попробовал одним из последних». Но тут уж ничего нельзя сказать точно.

55

«Самая неорганизованная группа в Сиэтле, – вспоминает продюсер Джек Эндино. – „Cat Butt“ однажды отыграли со мной сессию, будучи абсолютно пьяными, и в итоге им пришлось вернуться и перезаписать ее полностью».

56

Джон Спенсер возглавлял наркоманскую нью-йоркскую группу «Pussy Galore». Сейчас он руководит командой «The Blues Explosion», возрождающей блюзовые традиции. Из «Pussy Galore» также выросли, в числе прочих, девичья группа «STP» и «Royal Trux».

57

Эвергрин – хиппи-колледж в Олимпии, оазис либеральной мысли и педагогики в рабочем окружении.

58

Ответ Сиэтла извращенным вариациям «The Birthday Party» на тему Игги Попа.

59

Сборники северо-западных групп, составленные Кэлвином и распространявшиеся через его свежесозданную розничную сеть «К».

«Scratch Acid» были родом из Остина, штат Техас. Это современники «Butthole Surfers» и «Big Black» – лавина жуткого шума и ударных риффов.

61

«Live Skull» – старшие современники «Sonic Youth» с Восточного побережья. Солистка Талия Зедек позднее возглавляла мощную нарколептическую саб-поповскую команду «Come».

62

Эл Ларсен – солист «Some Velvet Sidewalk», игравших тяжелую, грубую музыку, не особенно далекую от «Nirvana», но более открытую и личную. Эл объясняет: «„Some Velvet Sidewalk“ – это результат чтения Уильяма Блейка и посещения курсов литературоведения. Такая вот перепутанная история».

63

Дилан как-то говорил мне, что на создание «Earth» его вдохновил живой концерт «The Legend!» вместе с «Nirvana», «Tad» и «Screaming Trees» в Портленде в Пайн-стрит-театре в 1990 году: «Ну уж если ЭТИ выходят на сцену…»

64

Ричард Бротиган – американский писатель, наиболее известный своей «Ловлей форели в Америке». Родился в Такоме, штат Вашингтон. Покончил жизнь самоубийством в 1984 году в возрасте 49 лет.

Если вас интересует, кто же двое других, то это Кортни Лав начала 90-х и Ник Кейв периода «Bithday Party».

66

Дэниел Джонстон – поэт и исполнитель-неудачник, распространявший свои записи прямо на улицах Остина, штат Техас. Всю взрослую жизнь провел, скитаясь по различным клиникам для душевнобольных. Однажды выбросил женщину из окна третьего этажа, решив, что она одержима дьяволом. Его песни глубоко личные и трогательные.

67

«Frightwig» – девичья панк-группа из Сан-Франциско, напоминающая «Flipper».

68

Отсылка к книге Стивена Кинга «Сияние».

Фрагменты «Montage Of Heck» позднее фигурировали на «Bleach» и «Incesticide».

Его издавала некоммерческая организация «LMN». Связь такая: «К» (лейбл) – «LMN» – «Оор».

71

Две блестящие и тесно связанные между собой британские девичьи панк-группы. Общим у групп были барабанщица Пальм Олив и недоверие к тупой английской публике того времени.

72

«The Marine Girls» – школьный девичий проект начала 80-х, выпустивший два минималистских мелодичных чарующих поп-альбома.

73

«The Shaggs» – американская группа начала 70-х, которую часто считают первыми выразителями «музыки аутсайдеров» в их наивном, не-смелом и тем не менее чарующем подходе к поп-музыке. «Все они были сестрами, – говорил мне в 1992 году Курт, – а планы за них составлял злобный дядюшка. Я слышал одну их живую запись – похоже, они играли в детском саду, потому что крики сзади заглушают музыку. „The Shaggs“ – это архетип группы с лейбла „К“».

Если вы ищете группу, которая ближе всего внутренне подобралась к музыке «Nirvana», то это ньюйоркцы из «Half Japanese».

И «Buttholes», и «The Meat Puppets» наводнили Америку изощренным нервным психоделическим блюзом. Особенно рекомендуется альбом 1987 года «Locust Abortion Technician».

76

«SST» – один из главных независимых американских лейблов 80-х. Под руководством Грега Джинна из «Black Flag» он издавал «Dinosaur Jr», «Minutemen», собственно «Black Flag», «Screaming Trees», «Hűsker Dű», «The Meat Puppets», «Sonic Youth»… У Кэлвина и Тоби было там ночное шоу по вторникам.

77

«Seaweed» – саб-поповская группа из Такомы, популярная среди ребят со скейтами и первых эмо.

«Pigeonhed» – задушевный саб-поповский дуэт из Сиэтла, в начале 90-х выпустивший танцевальный гранж-хит. Стив также спродюсировал пару сессий записи «Nirvana» и работал с «Beat Happening» и «Screaming Trees». До того Фиск выступал с риффовыми и психоделичными «Pell Mell», подписавшими контракт с «SST».

Джин Смит – солистка вдохновенного смешанного дуэта «Mecca Normal», одной из первых групп движения «Riot Grrrl».

80

«Talulah Gosh» – еще одна замечательная английская группа середины 80-х. Прекрасный бит в стиле девичьих групп 60-х и инфантильные песни вроде «The Day I Lost My Pastels Badge». Сами «The Pastels» тоже образовались в середине 80-х и продолжают существовать. Шотландская группа повлияла в инструментальном отношении на такие разные группы, как «Jesus And Mary Chain», «Belle And Sebastian», «The Vaselines». Фронтмен Стивен Пастел работает в музыкальном магазине – классический тип меломана от панк-рока.

81

«X» – лос-анджелесские панки начала 80-х; Кортни многим обязана их солистке Эксен Червенка и ее нервному, но бодрому голосу. Очень рекомендую их дебютный альбом 1980 года «Los Angeles».

82

«Форсд экспожер» – замечательный американский фан-журнал Байрона Колли, рассказывающий обо всех вариациях эзотерической музыки, и притом эзотерическим же образом; предтеча британского издания «Уайр».

83

«Killdozer» – брутальная группа со Среднего Запада, прямые предшественники гранжа, известны свирепыми тяжелыми аккордами, гроулингом Майкла Джеральда и бесстрастными, но очень смешными текстами. Особенно прекрасен кавер на «American Pie» с альбома каверов 1989 года «For Ladies Only».

Документальный фильм Би-би-си 2005 года «Классические альбомы: „Nevermind“».

85

«The Walkabouts» – одна из первых групп «Sub Pop», вероятно, недооцененная из-за того, что их мощный и резкий кантри-рок не вписывался в концепцию гранжа.

86

В серии «Seattle Syndrome» выходили «The Fastbacks», «The Fartz» и «The Beakers».

87

«Gas Huffer» – гаражная группа из Сиэтла, больше относящаяся к моду, чем к гранжу.

Три из записанных тогда песен оказались в итоге на первом альбоме группы, «Bleach»; четыре – на «Incesticide», а две – на сете 2004 года «With The Lights Out». Версия «Spank Thru» с Чедом на барабанах, которая вышла на «Sub Pop 200», записана на сессиях «Love Buzz» в июне 1988 года, а не с демки Дэйла, как часто говорят.

89

Название «Ted Ed Fred» было взято в честь приятеля бойфренда матери.

90

Когда «Atlantic Records» решили переманить «New Order» с легендарного манчестерского постпанковского лейбла, то обнаружили, что глава лейбла Тони Уилсон так и не озаботился подписать с группой хоть какой-то контракт, так что команда досталась им даром.

91

Из Такомы, штат Вашингтон: «The Sonics» – типичные представители гаражного рока 60-х: грубого, сырого и дикого. Особо отметим их песни «Strychnine», «The Witch» и «Psycho».

Зануда; грязнуля (англ.). – Примеч. пер.

93

Линк Рэй – звезда рок-н-ролла 50-х, король фузза. Пит Тауншенд из «The Who» однажды сказал: «Если бы не Линк Рэй и не „Rumble“ [инструментальный хит 1958 года], я бы гитару и в руки не взял».

Конечно, все настоящие панки знают, что стрижка «ирокез» не имеет НИЧЕГО общего с музыкой – ее изобрели в конце 70-х в Английском совете по туризму.

95

«King Dome» – монструозных размеров такомская арена в форме чаши, которую хорошо видно с шоссе I-5 каждый раз, когда едешь из Олимпии в Сиэтл.

«The Angry Samoans» – неполиткорректная лос-анджелесская панк-группа.

97

Билли Чайлдиш – настоящий человек эпохи Возрождения: поэт, музыкант и художник. Его несложная трехаккордная музыка исполняется, однако, на старинных инструментах, он выступает в сценическом костюме. Особенно любим в Сиэтле и Олимпии.

98

«Huggy Bear» – мятежные британские девчонки начала 90-х, вдохновлявшиеся в равной степени «Sonic Youth», «Bikini Kill» и хардкор-группа-ми из Сан-Диего.

Потому что так говорит сама Кортни.

100

«Spacemen 3» – психоделическая гипнотическая английская группа 80-х; их высшее достижение – сингл 1989 года «Revolution», где с помощью грозных повторов достигается потрясающий эффект.

101

Перечислены ранние саб-поповские группы.

102

Так всё и было, но не в тот раз и без Брюса. Это Джонатан предложил «Nirvana» сотрудничество – через несколько дней по телефону.

103

Не наследство, как ошибочно предполагалось, а облигации правительства США на сумму от 15 до 19 тысяч долларов.

Здесь Джеймс очень точно описывает «Sifting» – действительно, «Melvins» и есть.

105

«Thrown-Ups» – легендарная хаотичная сиэтлская «говногруппа», которая отказывалась выступать. Участниками ее были и Стив из «Mud-honey», и Марк. Эндино считает, что это лучшая группа в истории Сиэтла. «Гранж в чистейшей фармацевтической концентрации. 99,9 %, – поясняет он. – Без всех этих досадных примесей типа „песен“».

106

Владелица «Альфа фимэйл букинг» Джулианна Андерсон может похвастаться песней группы «Supersuckers» о себе – «The 19th Most Powerful Woman In Rock».

107

«The Magnet Man» были переименованы в «Tic-Dolly-Row», после того как Бен стал их солистом. «Tic-Dolly-Row» – моряцкое слово для обозначения корабля-скитальца.

108

Аббревиатуры расшифровываются как «Dirty Rotten Imbeciles» («Грязные вонючие кретины») и «Corrosion of Conformity» («Ржавчина конформизма»).

109

«Shonen Knife» – чудесная японская девичья группа, настоящий кич, но притом очаровательный. Возникла в Осаке в 1983 году и по-прежнему играет наивный гаражный поп 60-х, яркий и красочный. «Burning Farm» – кассетное переиздание их дебютного альбома на лейбле «К». «Когда я все же увидел их живьем, – рассказывал Курт, – я превратился в девятилетнюю истеричную девочку на битловском концерте».

110

Вероятно, это меланхоличный шедевр гранжа и пауэр-попа 1986 года «Especially For You». «The Smithereens» – современники «The Replacements» и «R.E.M.».

111

Группа Слима Муна, которую не надо путать с одноименной британской женской группой.

112

«Treehouse» – наивный хипповский полакустический гранж-поп.

113

Крист и Курт также звали на барабаны Тэда Дойла.

114

Солистом «Leaving Trains» был переодетый в женское платье Фоллинг Джеймс, первый муж Кортни Лав. Кортни как-то сказала мне, что вышла за него замуж только потому, что тот тогда встречался с ее лучшей подругой Кэт Бьелланд.

Не совсем: трио записало каверы и на «Led Zeppelin», и на «Scratch Acid».

116

«Название означает, что это просто совершенно, невероятно неплохо, – сказал мне в феврале 1989 года солист Крис Корнелл. – Когда я пою, то стараюсь имитировать голос моей мамы, как она кричала на меня, чтобы я убрал коноплю перед приходом полиции». Несмотря на заслуженную репутацию мрачной группы, в музыке «Soundgarden» всегда ощущалась сильная струя юмора.

117

Иногда «Alice In Chains» ошибочно относят к гранжу, но это типичные представители сабербан-метал, а не панки. К «гранжевому звучанию» они пришли, как и тысячи других групп, только после прорыва «Nirvana».

118

«Homestead» возглавлял Джерард Кослой, пока не ушел в середине 90-х в «Matador records», доминировавший в независимом секторе американской музыки. Родной дом для «Big Black», «Dinosaur Jr», «Butthole Surfers», Джи Джи Аллина…

119

Эта сборная двенадцатидюймовка вышла в Великобритании на лейбле «53rd And 3rd», где издавались также «The Vaselines».

120

Дебютный альбом «The Beatles», «Please Please Me», был записан 11 февраля 1963 года за 10 часов. Брутальные рокеры с примесью соула «The Animals» записали «The House Of The Rising Sun» за 14 минут с двух заходов, причем первый был лучше. «The Who» записали «Anyway Anywhere Anyhow» за час между саундчеком и концертом в «Marquee» 13 апреля 1965 года.

121

«Helios Creed» играли задумчивый кислотный рок.

122

Одна из старейших песен «Nirvana» – появляется уже на демо «Fecal Matter».

123

Собственно, «The Who» разбивали инструменты задолго до Хен-дрикса. Притом тогда у них и денег не было.

124

Курт придерживался такого написания вплоть до выхода «Never-mind», а порой и позже. Это поклон в сторону Курдта Вандерхуфа, гитариста абердинской трэш-металлической группы «Metal Church».

125

Верное написание – «Pufnstuf», американская телепрограмма 60-х для детей, известная своими психоделическими образами и метафорами.

126

«Морской мальчик» – мультфильм 60-х о приключениях мальчика, который мог дышать под водой, жуя «кислородную жвачку».

127

«Young Marble Giants» – минималистское валлийское трио, выпустившее в 1980 году свой единственный альбом, пугающий «Colossal Youth». Их солистка Элисон Уиттон вышептывала слова под странную мелодию. Когда она пела о том, как девочка красит себе ногти, почти можно было услышать звуки опустевших валлийских деревень при угольных шахтах. Гитарист Стюарт Моксхэм позднее стал продюсером «Beat Happening». В 1992 году Курт включил «Colossal Youth» в число своих любимых 10 альбомов. «Я впервые услышал „Colossal Youth“ за год до того, как мы выпустили „Bleach“, – рассказывал мне Курт. – Я фанател некоторое время от их солистки, а кто не фанател-то?» Позднее «Hole» перепели песню «Giants» «Credit In The Straight World», которую Курт изначально застолбил для «Nirvana».

128

«Jane’s Addiction» – эстетствующая готическая лос-анджелесская рок-группа Перри Фаррелла; они выпустили два студийных альбома, в том числе напыщенный «Ritual de lo Habitual» 1990 года, после чего распались из-за проблем с наркотиками.

129

Как и многие группы из Олимпии, детройтское гаражное трио Ми-ка Коллинза «The Gories» не озаботилось приглашением басиста.

130

«4AD» – британский лейбл, давший приют бостонским группам «Pixies» и «Throwing Muses». Стилизованный, эстетский, по происхождению готический.

131

За дизайн обложки на манчестерском лейбле отвечал гениальный Питер Сэвил.

132

«Redd Kross» – лос-анджелесские братья, любители попсовой жвачки с извращенным чувством юмора.

133

На самом деле первый контракт с «Sub Pop» заключила Джесси Бернстайн.

134

Шоу Энди Гриффита – очень популярная комедийная американская телепрограмма 60-х; имена Флойд, Опи, Тетушка Би, Энди и Барни появились в песне как раз оттуда.

135

Проходило в рамках симпозиума в Кэпитол-Хилл и записывалось на пленку. Не помню почему.

136

Музей рок-музыки в Сиэтле – «Проект музыкального опыта».

137

Собственно, впервые «Nirvana» дала концерт за пределами штата именно в «Satyricon» 6 января 1989 года.

138

На том интервью Курт упомянул забытое было название группы – «Ying Yang Valvestem».

139

«The Fluid» – взрывная ранняя саб-поповская группа из Денвера, чью концертную ярость – как, например, и у «MC5» и «Minor Threat» – так и не удалось передать на виниле в полном объеме.

140

Представьте себе концентрированную ярость «The Who», «The Kinks», «The Jam»…

Особенно меня, помнится, впечатлило, как Джона и Брюса в толпе передавали над головами.

142

Сознательно или нет, Джонатан перечисляет здесь и те два вида деятельности, которыми занимался отец Курта.

143

Это случилось в первый же визит Брюса на квартиру к Курту и Трэйси в Олимпии – тогда Брюс принес альбомы «The Shaggs» и Дэниела Джон-стона, пытаясь уговорить «Nirvana» присоединиться к «Sub Pop».

144

«Tuxedomoon» – экспериментальная авангардная группа новой волны из Сан-Франциско.

145

Когда в середине 90-х был основан «EMP», я хотел подарить им пишущую машинку, заявив, что на ней написал этот текст. Из нее торчал бы лист бумаги, где вместо слова «grungy» («гранжевых») я собирался сначала написать «sludgy» («грязных»), потом вычеркнуть и написать «grunty» («мычащих») и наконец «grungy» – и три восклицательных знака после слова!

146

Единственная сессия Эвермана с группой, записывалась в Эвергрине. Сборник «Hard To Believe» позднее вышел на сиэтлском лейбле «C/Z».

147

Нодди Холдер – популярнейший фронтмен лидеров английского глэм-рока семидесятых – «Slade».

148

У саб-поповских групп всегда были прикольные слоганы: мне больше нравилась футболка «Охренительно божественно» от «Soundgarten» и лозунг «Трахни меня, я богатый», но и этот совсем неплох.

149

Может, сейчас это уже и не так круто, потому что Купер постоянно появляется в телешоу вроде «Топ-100» по всему миру в качестве малобюджетного варианта Оззи, но тогда это было истинной правдой, хотя бы из-за «School's Out».

Позднее этот лейбл стал европейским представителем «Hole».

151

Джейсон всего несколько месяцев продержался в «Soundgarden» и был заменен Беном Шепердом, после чего стал гитаристом в «Mindfunk».

В частности, в «Breakfast In Bed» / «Safe Little Circus» на вокал позвали «The Legend!».

153

Кавер получился насквозь ироничным, потому что манера Кэлвина во многих отношениях была прямой противоположностью вдохновенного, но театрального подхода Игги к рок-н-роллу.

Сейчас на месте этой студии находится цветочный магазин на углу Саммит и Пайк. Здесь записывались и другие группы – «Screaming Trees», «Soundgarden», «Love Battery», «Some Velvet Sidewalk», «Beat Happening» и Кенни Джи.

EP в итоге вышел в декабре на «Tupelo», когда турне уже закончилось: «Blew», две песни из «Music Source» и две с альбома «Bleach».

Теперь они доступны с оригинальным вокалом на «With The Lights Out» (2004).

157

Солист «Swans», близких к «Melvins» и «Earth», – тяжелых, медленных и очень громких, но на десять лет раньше.

Также они провели концерт в клубе «Iguana» в Тихуане, Мексика, а летом в основном играли в родном штате.

159

«Steel Pole Bathtub» – медленная психоделическая рок-группа – но не слишком медленная не слишком психоделическая.

Это сейчас они воспринимаются как новые «R.E.M.» или что-то в этом духе, но тогда чокнутая кислотная психоделическая панк-группа Уэйна Койна была одной из самых мощных команд.

161

Шеперд попал в «Soundgarden» в 1991 году. «Прямо из гаража я отправился в Копенгаген играть на фестивале в Роскильде», – вспоминал он.

162

Тут могу подтвердить: мы с Беном пили в Японии в 1994 году, и тогда он бросался стаканами на улицу.

163

Скорее всего, имеется в виду резкий и искусный альбом бывшего клавишника «Roxy Music» «Here Comes The Warm Jets» 1973 года, а не его последующие опыты в жанре эмбиента.

164

«Dwarves» печально известны откровенной обложкой своего альбома 1990 года «Blood Guts And Pussy» и инсценировкой смерти собственного басиста. Да, и еще их солист Блэг Джизес имел привычку мочиться на публику.

165

Похожи на малобюджетный вариант «Kiss» – в костюмах монстров играли хард-рок, обливая при этом слушателей якобы кровью.

166

Сама идея «Dickless», собранных Дэнни Блендом из «Supersuckers», основывалась на фильме группы «Redd Kross» 1984 года – «Desperate Teenage Lovedolls».

167

В «Sub Pop» заявляли, что тяжеловес из Айдахо – бывший мясник и сумасшедший лесоруб.

168

«Nirvana» начала с кавера на простую риффовую композицию «The Vaselines», «Molly's Lips». У меня где-то до сих пор должен быть факс от Брюса Пэвитта, где он просил меня связаться с солистом Юджином Келли и спросить у него от имени Курта разрешения записать этот кавер.

169

Мелодичная поп-группа, подписавшая контракт с битловским лейблом «Apple»; больше всего известна мегахитом Нильссона «Without You» и самоубийством двух участников группы.

170

У большинства групп в Сиэтле были проблемы с английской кухней: «Mudhoney» даже назвали в ее честь альбом – «Boiled Beef And Rotting Teeth» («Вареная говядина и гнилые зубы»).

171

Однажды «The Legend!» финишировала 44-й, на четыре места опередив «Soundgarden», на разогреве у которых я выступал.

172

Скорее две.

173

Описание этого концерта просто мистически соответствует тому амстердамскому концерту «Hole», на котором я был в 1995 году, когда Кортни по колонне усилителей забралась на балкон, преследуя чувака, который что-то выкрикнул в ее адрес. Нам с ее гитаристом Эриком Эрландсоном пришлось гнаться через толпу за ней самой, чтобы она не размозжила оскорбителю голову.

Дженни Бодди позднее стала героиней одной из самых саркастичных песен «Hole», «Jennifer's Body» – Кортни написала текст, несправедливо решив, что я сплю с Дженни. Об этом свидетельствует строчка «Sleeping with my enemy…».

175

Одно из последних выступлений Келли с «Dickless». Ее заменила Меган Джаспер. «Это было суперкруто, суперглупо и супербезумно, – комментирует Меган. – Но я не очень об этом задумываюсь, честно говоря. Я не жалею, что так вышло. Особенно мне нравится, что не приходилось больше одеваться русалкой и орать, как будто мне по почкам дали. Славные деньки, да?»

Там же репетировали «Screaming Trees», «Tad» и психоделическая гранж-группа «Love Battery».

177

«Eleventh Dream Day» – чикагская рок-группа, находившаяся под влиянием Нила Янга.

178

Этот бывший моряк держал в офисе «AmRep» полуавтоматический пистолет – на случай, если мир станет таким же, как в «Безумном Максе», или если в Миннеаполисе случится собственная версия лос-анджелесского бунта Родни Кинга: офис находился в «плохой» части города.

179

Родина мятежников 70-х «The Stooges».

180

По совершеннейшей случайности именно это шоу снималось на камеру.

181

Солист группы Дэвид Йоу и басист Дэвид Симс до того участвовали в «Scratch Acid». «The Jesus Lizard» играли безумный мощный рок, напоминающий «Birthday Party» Ника Кейва: во главу угла ставилось шоу – Йоу часто обвиняли в недостойном поведении, так как он имел привычку размахивать на сцене пенисом. Впервые я брал интервью у этой чикагской группы в баре, полном стирптизерш – от пятидесяти и старше. Мой фаворит – альбом «Goat» 1991 года.

182

Для сборника «Sub Pop Video Network Program 1», где «In Bloom» фигурирует вместе с клипами «Beat Happening», «Mudhoney», «Afghan Wings» и Марка Лэнигана.

183

Прекрасная Мишель – это та солистка «Mamas And The Papas», которая не Мама Касс. Также она мама одной из участниц кошмарного трио 90-х «Wilson Phillips».

Дилан Карлсон, Тоби и Курт также объединились в проект под влиянием «Gang Of Four»: Тоби на гитаре и вокале, Дилан на басу, а Курт на барабанах.

185

Влияние Йоко Оно на эксперименты 70-х до сих пор непреодолимо: уже на обратной стороне «Happy Xmas (War Is Over)» можно познакомиться с ее исключительно трогательной музой.

186

Группа из Атенса, штат Джорджия, более всего известна своим мегахитом 1989 года «Love Shack». Использовали поп-однодневки 60-х и сложные искусственные конструкции.

187

Сейчас Тоби поет в правоверной группе движения «Riot Grrrl» – «Spider And The Webs».

188

Отсылка к великолепному документальному фильму Дэйва Марки о гастролях «Sonic Youth» – «1991: The Year Punk Broke» («1991: Год, когда умер панк») – само название отсылает к успеху «Nirvana». Марки же снимал и «Desperate Teenage Lovedolls».

Другими словами, третий и заключительный альбом «Nirvana» – это экзорцизм и крик отчаяния, частично вызванный успехом. «Cold Turkey» Джона Леннона – известное изложение опыта наркомана, пытающегося добыть героин.

190

Вероятно, слишком строго: в рекламных кампаниях саб-поповцы были всегда хороши.

191

Этому парню определенно причитаются роялти!

Позднее Джон стал менеджером «The Beastie Boys». Чарлз Питерсон любит рассказывать, как я однажды ухитрился заставить Сильву на крупном выступлении «Beasties» расчистить с края сцены пространство для Чарлза и только для Чарлза.

Таким образом, Дэнни Голдберг прошел школу Питера Гранта, воинственного менеджера «Zeppelin», которого в равной мере побаивались и уважали.

Записав отрывок из диалога, «Nirvana» – возможно, ненамеренно – отдала дань «Soundgarden», которые применили тот же прием в качестве коды к песне «Sub Pop Rock City» на «Sub Pop 200».

195

«Teenage Fanclub» – шотландская группа, на которую оказали влияние тяжелые риффы «Dinosaur Jr» и мятежных кантри-рокеров 70-х «Big Star», действовавшая на той же рок-сцене Глазго, что породила «The Vase-lines» и «The Pastels». Их альбом 1991 года «Bandwagonesque» – один из моих главных фаворитов; он записан у меня на обратной стороне кассеты с «Nevermind» – и эту кассету я слушаю от начала до конца!

Если вас интересует, то вот они: сладострастный «Justify My Love» Мадонны, исполненный тоски «Retarded» от «Afghan Wings» (уже после распада «Replacements», вышел на «Sub Pop») и переизданный «Winter Wonderland» Дорис Дэй.

197

Ах да… эта истекающая кровью «You’re So Vain»…

198

«2112» – легендарный концептуальный альбом жирных канадских рокеров: будущее, вся рок-музыка запрещена, и тут к мальчику водопадом выносит гитару… В итоге парень кончает жизнь самоубийством. В своем первом обзоре «Nevermind» я иронически сравнил «Nirvana» и «Rush», потому что обе группы являлись трио.

199

Большие старые залы общественных организаций, обычно связанных с трудовым, политическим или благотворительным движением.

200

Мелодичная антиэстетичная чикагская панк-группа середины 80-х.

201

«Bad Brains» – влиятельнейшая американская хард кор группа 80-х, которая играла головокружительный трэш и мелодии, навеянные регги. Могла сделать из «Black Flag» «Destiny's Child».

202

«Corrosion Of Conformity» – панк-группа из Северной Каролины, одна из тех, кто размыл границы между трэшем и чистым металлом.

203

«Trouble Funk» в начале 80-х царили на танцплощадках родного Вашингтона со своим гоу-гоу-стилем, смесью темпового фанка 70-х и стилизацией под 60-е.

«Lunchmeat» переименовались в «Soulside», а затем в «Girls Against Boys». Представьте себе, что вышло бы, если Ричард Батлер, солист «Psychedelic Furs», вместо того чтобы всю жизнь слоняться по художественным галереям, вырос на общении с Иэном Маккеем и Стивом Альбини.

Так же организовал свою студию и Джек Уайт из «Third Man»: записывались в передней его дома.

206

«Groovy Hate Fuck» – пронзительный, глухой, требующий ответа, вызывающий, минималистский… вот это я и называю нью-йоркским арт-панком!

207

Анатомически разъятое рокабилли. Как и предполагает название, это дуэт. Оказал большое влияние на «The White Stripes».

208

Группа из Бостона, штат Массачусетс, прозвучала в начале 80-х несколькими могучими риффами – смесь современной классической музыки и «The MC5». Пластинку 1981 года «Signals, Calls And Marches» с неровной, параноидальной «That's When I Reach For My Revolver», безусловно, стоит купить.

209

Отсылка к получившей это название попытке вашингтонского панк-сообщества летом 1985 года дистанцироваться от своих самых агрессивных и жестких участников, замедлив лихорадочный трэш до более мелодичной и созерцательной музыки. Те три группы, что упомянул Дэйв, первыми сделали шаги в этом направлении: например, «Rites Of Spring» считаются изобретателями эмо.

210

Барабанщик «White Stripes» Мег Уайт именовался «маленький Бонэм» – отголоски того, как Курт на радио «KAOS» представил Дэйва как «маленького Кровера».

211

Юджин Келли перешел в более открытую рок-группу «Captain America», которая позднее сменила название на «Eugenius», поскольку издательство одноименных комиксов «Марвел» пригрозило судебным преследованием. То, что группе Курта предложат контракт, стало очевидно, когда Курт надел на фотосессию футболку «Captain America».

У меня есть запись этого концерта. Слова почти не слышны – постоянный фоновый шум и какие-то вопли.

213

Печальный британский телекомик Тони Хэнкок известен своим образом меланхолического, но язвительного обывателя. Немного напоминает мне Джонатана Поунмэна.

Очень удобным для себя образом боссы лейблов всегда забывают, что их кусок хлеба зависит от тех самых музыкантов, на которых они смотрят снизу вверх.

215

Идея записать совместный сингл – на одной стороне Тоби и Курт, на другой Дебби и Дэйл – так и была похерена.

216

Абсолютно независимая группа из Чэпел-Хилла, Северная Каролина. Их самиздатовский сингл 1989 года «Slack Motherfucker» («Merge») – мощный рев недовольства того поколения.

217

Сайд-проект басиста «Dinosaur Jr» Лу Барлоу. Трио из Бостона, Массачусетс, начало «реальное» существование в 1989 году, когда Джей Массис сначала развалил «Dinosaur Jr», а через пару дней собрал заново, не сказав об этом Лу. Записав несколько очень отличающихся друг от друга альбомов, группа «Sebadoh» стала представителем определенной ветви американского андеграунда. Шучу – вряд ли они ставили такую цель. Но на язвительном «Bakesale» 1994 года, разношерстном «Harmacy» 1996-го, растянутом «Sebadoh III» 1991-го «Sebadoh» предстают носителями стандартов поколения – панковскими выродками, которых забыли, когда их более умные товарищи по классу шастали по ночным клубам или свиданиям. Прелесть сольных записей Барлоу («Sentridoh») не в краткости песен, не в треске и шуме на пленке, не в том, что гитара не настроена. Она в том, что Барлоу записывается, когда считает нужным. Она в его дрожащем голосе; в словах, над которыми он не парится и на которых не задерживается; в мелодиях, где он спотыкается, потому что не ищет вечности.

218

«Страдания молодого Вертера» – роман Гёте об обреченной любви в форме дружеских писем. Предполагается, что самоубийства, подобные описанному там, совершили более двух тысяч читателей.

219

Вот ссылка на текст «Anthem» и эссе, написанное Тоби осенью 1991 года: www.bumpidee.com/yokoanthem.html.

Торги продолжались до 30 апреля 1991 года.

«Нуре!» смотрится исключительно интересно: там записаны горячие живые концерты таких групп, как «Mudhoney» и «The Gits», а также резкие комментарии местных светил вроде Стива Фиска, Джека Эндино и Марка Арма. На DVD также имеется бонусный «гранжевый» мультик Питера Бэгга.

222

В «Одиночках» (1992) есть множество мест и лиц, знакомых саб-поповским фанатам (даже «Pearl Jam»), но вообще-то это стандартная голливудская романтическая комедия.

223

Сьюзи Теннант – рекламщица «DGC» в Сиэтле, главная точка соприкосновения лейбла и «Nirvana». Всегда открытый для вечеринок дом на Кэпитол-Хилл, где жили Сьюзи и солистка «Fastbacks» Ким Уорник, приобрел репутацию тусовочного места, наряду с жилищами Чарлза Питерсона и пиар-директора «Sub Pop» Нильса Бернстейна.

Дон Диксон вместе с Митчем Истером выступил продюсером дебютного альбома «R.E.M.» «Murmur».

225

Курт украл пленки к альбому Нивела и переслал их в Олимпию, позвонив на следующий день Дэйлу Кроверу, чтобы похвастаться.

226

Из пацифистского хита «Youngbloods» конца 60-х «Get Together».

227

Только на CD, да и то не в должном количестве – из-за неразберихи на заводе-производителе.

228

«Steppenwolf» – рокеры из Сан-Франциско, известные главным образом своим хитом «Born To Be Wild», звучащим в классическом байкерском кино Денниса Хоппера «Беспечный ездок». Как считают некоторые, именно они изобрели хеви-метал.

229

История первой встречи Курта и Кортни в книге Чарлза поразительно сходится с тем, что произошло на самом деле. Главное различие в том, что у Кросса этот случай передвинут на 18 месяцев раньше и старательно приукрашен.

230

Ультрамодный американский журнал для девочек. Любим деятелями альтернативного рока за поддержку движения «Riot Grrrl» и за то, что не делает из читательниц идиоток. Редактор Кристина Келли выступала с отличным сайд-проектом «Chia Pet», чей семидюймовый диск 1992 года «Hey Asshole» все еще действует на нервы (мужские).

231

На самом деле «Nirvana» не выступала в Портленде до января 1989 года.

Фестиваль, на котором несколько «Ангелов ада» до смерти избили ни в чем не повинного чернокожего прямо на глазах у Мика Джаггера, что стало предметом выдающегося документального фильма режиссеров Дэвида и Альберта Мэйлсов «Gimme Shelter».

Также она не побрезговала нажиться на славе дочери, выпустив бессовестные мемуары «Дочь своей матери» (2006), что доказывает: яблоко от яблони недалеко падает.

234

«Номер пять: соблазнить Майкла Стайпа», – гласила особенно пророческая запись.

235

Слово «hole» («дыра») созвучно слову «whole» («цельный»). – Примеч. пер.

236

«Live Through This» вышел через неделю после самоубийства Курта в 1994 году. В Британии первый альбом «Hole», «Pretty On The Inside», появился на той же неделе, что и «Nevermind». В «Мелоди мейкер» рецензии на них находятся на одном развороте.

Это один вариант. Согласно второй версии, Курт позвал Кортни и предложил принести наркотиков. Она отказалась. Он ей не нравился.

238

Эта цитата была напечатана после смерти Курта в журнале «Селект» как вероятный факт.

Да? По-моему, эту цифру я выдумал.

Их дочерней компанией и был «Geffen».

241

Классическая британская гитарная группа своего времени; на сцене вечно таращились себе под ноги. Циники отметили бы, что «Coldplay» сверхъестественно на них похожи.

То есть «Sonic Youth», «Mudhoney», «The Breeders», «Upside Down Cross» (псевдосатанистская бостонская хардкор-группа, в которой некоторое время играл на барабанах Джей Мэскис), «Shonen Knife», «Nine Inch Nails» (кливлендская поп-индастриал-группа Трента Резнора)…

243

С которой в то время еще не начал встречаться…

Отсылка к названию второго альбома «Sonic Youth».

245

Название появилось благодаря фразе самого Дэйва Марки, которую он отпустил, увидев живое выступление «Motley Crue» с «Anarchy In The UK» на MTV. «Ба, в 1991 году панк наконец прорвался», – язвительно заметил режиссер.

246

Сумасшедшая хеви-пауэрпоп-группа из Нью-Йорка. Солист Дон Флеминг также участвовал в продюсировании альбомов «Pretty On The In-side» группы «Hole», «Bandwagonesque» группы «Teenage Fanclub», сиэтлской поп-группы «The Posies» и Элиса Купера.

247

Ларри Флинт – известный деятель порноиндустрии, герой фильма 1996 года «Народ против Ларри Флинта», где играла также Кортни Лав.

248

В Дублине Курт нашел редкий экземпляр «Завтрака нагишом» Уильяма Берроуза. «Он был счастлив как дитя», – замечает Дэйв Марки.

249

Как ни странно, еще в 1990 году Рединг вовсе не был «чем-то»: он погряз в трясине плохих чарт-групп 80-х и саб-метала. Так что от прорыва гранжа выиграли не только на MTV.

250

Отличные бесшабашные и шумные ребята из Кэмдена, основатели «Camden Lurch».

251

Это был Тони, барабанщик гранжевой группы «Bivouac» из Ноттингема.

Похоже, все-таки знали благодаря семидюймовым пиратским синглам с сессий «Nevermind».

253

Вопреки другим источникам, могу заявить, что ни «Mudhoney», ни «Hole» не выступали на Редингском фестивале.

254

Телефонный номер агентства «Paperclip» имелся в записной книжке каждой американской группы конца 80-х. Они организовали турне по Европе для десятков выдающихся и совсем не выдающихся американских коллективов.

255

Отсылка к пугающему альбому «Smashing Pumpkins» 1991 года.

Хотя, судя по всему, спал он все же у приятеля на полу.

257

Эээ… по словам самой Кортни Лав. Не уверен, что это правда. Кажется, Лоис вселилась уже после отъезда Кортни.

Актер, прославившийся ролями в сериалах. – Примеч. пер.

259

Какое-то время «Das Damen» – приторные рокеры с SST, любители битлов и металла, считались ровней «Soundgarden». Альбом 1991 года «Triskaidekaphobe» стоит купить. «Das Damen» также отметились на саб-поповском сборнике «Legend!» на стороне «B».

Больше всего известны своим напряженным альбомом 1993 года «Saturation», вышедшим на «Geffen» и навеянным «Cheap Trick».

261

Довольно заурядная рок-группа из Остина, штат Техас. Вероятно, были востребованы из-за того, что двое участников до того состояли в легендарной английской панк-группе 80-х «The Dicks».

Насчет автора сомнительно: обычно Мэри-Лу Лорд перепевает песни других исполнителей, по-детски шепелявя.

263

Диджей WFNX Курт Сент-Томас первым представил «Nevermind» в полном объеме – в 7 вечера 29 августа.

Не совсем так: Фрэнсис Бин родилась недоношенной.

265

Кистевой туннельный синдром – заболевание, при котором раздражается срединный нерв, проходящий по кистевому туннелю. Сам туннель состоит из костей и сухожилий в области запястья, так что это профессиональное заболевание гитаристов и машинисток.

266

Надо было залезать с другой стороны.

267

Розмари, конечно, может тут оказаться права, но, согласно недавним признаниям самой Кортни, она собиралась продолжить охоту за Корганом.

Правда, неясно, как это вяжется с достоверной наркоманией Кортни.

Это противоречит поведению Криста на «Come As You Are», где группа делала вид, что они спокойны и не волнуются по поводу собственного успеха.

Позднее часть пленки была использована в клипе «Lithium».

Точнее, шорты-боксеры, потому что плавки тигрового окраса Корт-ни очень не понравились.

272

Альтернативная коммерческая радиостанция в Сиэтле.

Вряд ли он стал бы говорить прежней девушке, с которой продолжал спать, о новой, правда?

Дженет занималась делами как Кортни, так и Билли.

Йоко Оно пользуется в контркультуре гораздо большим уважением, чем в мейнстриме.

В основном это были слова Кортни – она постоянно обзывала меня сексистом за мое предположение об автобиографичности третьего сингла «Hole» – «Teenage Whore». Но позже она поняла, что со мной лучше не ссориться.

277

Легендарный третий альбом мемфисской группы «Big Star», записанный в 1974 году и выпущенный через четыре года – мрачный, исповедальный, переполненный великолепными, меланхоличными, изломанными мелодиями, навеянными «Beatles» и «Byrds».

Никогда не слышал, чтобы Крист где-то еще так поступал, так что нужно отнестись к этому сообщению с долей скепсиса.

279

Бутлегеры и спекулянты – постоянная проблема всех гастролирующих рок-групп, особенно воинственные и вооруженные. Нас с Эриком Эрландсоном однажды чуть не избили, когда мы пытались вырвать из их лап пару бесплатных билетов.

280

Бывшая участница «Pussy Galore», а также дочерней группы «Sonic Youth» и лично Ким – ядовитой фри-нойз команды «Free Kitten».

281

Широко известна история о том, как Эдди Веддер, солист «Pearl Jam», сорвался с фотосессии для обложки одного из наших конкурентов, после того как ему попался мой обзор их концерта, который я написал для «Мело-ди мейкер». Там я сравнил его звучание с голосом похмельного Фила Коллинза. В фильме «Одиночки» вымышленная рок-группа «Pearl Jam» плевать хотела на плохие рецензии как совершенно не относящиеся к делу. Но это утопия.

Это не наезд на «Soundgarden».

Откровенно детская, без басиста, без музыкального таланта… Стоп! Разве это не «Beastie Boys»?

Этот альбом вышел также на лейбле «Atlantic». Его выпустил тот же человек, который сделал прекрасный ремастеринг альбомов «Led Zeppelin».

285

Роб Морроу – американский актер и режиссер, был звездой культового и язвительного шоу того времени «Северная выставка».

286

В следующий понедельник во всех школах Америки были отмечены ученики с розовыми волосами цвета напитка «Кул-эйд». Представьте себе, что было бы, если бы Курт не обратил внимания на возмущение Кортни и остался прежней масти!

Или же это относится ко второму появлению «Nirvana» на этом шоу, в сентябре 1993 года? Рене Наваррете вспоминает, как ему говорили, что у Курта передозировка и он лежит на полу гостиницы.

Надо сказать, что я по части наркотиков был наивнее чуть ли не всех, кто упоминается в этой книге, и не сознавал, что Курт и Кортни употребляют героин, пока Кортни не сказала мне об этом напрямую в 1992 году. Или же мне было все равно – я считал, что это не мое дело. Я сильно пил. Они употребляли наркотики. Так что кто я такой, чтобы их судить?

289

Брайан О’Коннор родилась у Венди О'Коннор и Ламонта Шиллингера прямо перед Рождеством 1985 года.

290

«Возможно, когда была зачата Фрэнсис Бин, ты была в сортире», – заметила Кортни Кэрри Монтгомери, когда я вновь познакомил их в 1999 году в Сиэтле.

291

Фрэнсис – в честь Фрэнсис Макки из «The Vaselines», которая к тому времени уже работала учительницей.

292

Через пять дней после 23-го дня рождения Дэйва Грола и через пару дней после того, как Дэйв и Крист выступали с «Melvins» на сцене в «Crocodile».

Позднее «Come As You Are» угрожали иском, но дело до суда так и не дошло.

К турне в Австралии и Японии был выпущен EP «Hormoaning» из шести песен, включая «Even In His Youth» и «Aneurysm» со стороны B «Teen Spirit», а также четыре кавера, среди них и на «The Vaselines» с сессии 1990 года с Джоном Пилом.

295

Хорошая, солидная старомодная панк-группа – даже с мелодиями!

296

«Big Day Out» – крупный ежегодный путешествующий рок-фестиваль на открытом воздухе в Австралии, аналог американской «Lollapalooza», только гораздо круче, потому что он австралийский.

297

Стала легендой история о том, как мисс Лорре бросила своими кроссовками в менеджера компании звукозаписи и написала ему на рабочий стол, потому что он отказался играть с ней в мяч.

Кортни сыграла наркотически опустошительную версию «Pale Blue Eyes», песни «The Velvet Underground», и посвятила ее отсутствовавшему Курту.

Так оно и было. Джилл и Кэролайн после концерта покинули группу, и «Hole» взяла паузу на несколько месяцев.

300

Как ни странно, ни в одном интервью, данном мне, Курт о проблемах с желудком и не заикался.

301

Курт и Крист уже знали о существовании другой «Nirvana», но не посчитали это серьезной проблемой.

Таким образом, она присвоила себе строчку, посвященную на самом деле Тоби Вэйл.

303

Влияние Марка Лэнигана на Курта всегда недооценивают – наверное, потому что Марк человек очень закрытый. Но близкая дружба этих двоих подтверждается тем фактом, что Марк был одним из двух людей, которых попросили произнести надгробное слово на панихиде. Однако Марк отказался.

304

Концептуальный альбом Базза Осборна 1992 года. «Boner» выпустил сольные альбомы трех музыкантов «Melvins» – Базза, Дэйла и Джо Престона – в честь «Kiss», которые поступили так же в 1978 году.

Хотя барабанные партии Грола для «Nevermind» уже в основном были прописаны.

Кортни постоянно называла меня настоящим именем, и после брака Курт также приобрел эту привычку, хотя иногда скатывался на саб-поповское обращение Легенда.

Схватки могут начаться за несколько часов или дней (даже недель в случае с Кортни) до собственно родов.

А не два ряда кресел, как сообщалось!

309

Того же дизайна, что и та, на которой играл Джонни Рамон – определенно, по этой причине Курт и купил этот инструмент.

310

Некобейновская сторона «B» альбома «Melvins» гениальна: кажется, что все песни – это одно длинное падение барабана с лестницы. Курт не осознал смешной стороны дела.

311

Эрик стал встречаться с бывшей звездной девочкой, после того как она наблевала ему на ботинки в одном из ночных клубов Лос-Анджелеса. В ту же ночь он мне позвонил об этом рассказать, но я не поверил и высмеял его. Они встречались два года.

312

Дело было в Финляндии, на фестивале «Ruisrock». К тому же именно эта песня «Pearl Jam» жутко раздражала Курта, и он даже изменил в «Teen Spirit» припев на «Even fl ow / Even fl ow / Even fl ow / Even fl ow».

Но это везде приводится как достоверный факт – только год меняется.

Наши беседы с Кортни по поводу статьи в «Вэнити фэйр» нашли свое отражение в развлекательно-мусорной книге Мелиссы Росси «Кортни Лав: Королева шума»: «Перед интервью с репортером Линн Хиршберг, известной своим мастерским передергиванием, Кортни наткнулась на журналиста „Мелоди мейкер“ Эверетта Тру; он, как всегда, перед ней просто расстилался. Она спросила его, как ей себя вести на интервью, и тот порекомендовал ей быть собой. Когда Кортни увидела Эверетта в следующий раз, то посетовала, что совет был плох».

315

Британская агит-панковая группа середины 80-х, популярная среди «пацанов».

316

Донита также известна тем, что на молодежной британской телепрограмме «Слово» как-то сняла штаны в прямом эфире.

Может быть, в тот же год палатку «Mean Fiddler» сорвало со стоек и унесло течением навстречу закату.

318

Сначала я сравнивал нью-йоркскую группу «Pavement» с жесткими, едкими пост-панками «The Fall», но это подобно сравнению горных потоков с айсбергами. Как и любая великая группа со времен «Sex Pistols», «Pavement» хотели разрушить старую форму рока или хотя бы насытить ее новым значением. Можно провести параллели между умной, изысканной музыкой солиста Стивена Малкмуса и хитрым хамелеоном Дэвидом Боуи, но Стив никогда не казался мне циничным. Возможно, тревожным, но не циничным. Дебютный альбом «Pavement», все еще блестящий «Stanted And En-chanted», потрясает утонченной свежестью, напоминающей о группе Джонатана Ричмена «Modern Lovers».

Обыгрывается название группы «Mudhoney». – Примеч. пер.

320

Стив Альбини, человек, создавший «Big Black» и «Rapeman», был оплотом как «Touch and Go records», так и независимой американской рок-сцены. В студии Альбини был и остается известен тем, что ему удается добиться «живого» звучания группы, притом особое внимание он уделяет барабанам и настройке микрофонов. Он предпочитает называться «звуко-инженером», а не «звукорежиссером», поскольку видит свою задачу в том, чтобы уловить звучание группы, а не подчинить его своим желаниям. Он отказывается от роялти и берет гонорар в объеме дневной оплаты за квартиру. Курта привлекла в Альбини его работа над альбомом «The Pixies», «Surfer Rosa», а также, что еще более важно, над дебютом «The Breeders» – «Pod». Также Альбини плотно работал с «Jesus Lizard», гитарными романтиками из Англии «The Wedding Present» и жесткой английской певицей Полли Харви.

«Выбор зрителя», «Лучший клип», «Лучший клип в области альтернативной музыки» и «Прорыв года».

322

Есть какой-то сюрреализм в том, что Дафф Маккэген когда-то играл в маститом сиэтлском пауэр-поп-трио «The Fastbacks».

323

Балаганная, тяжелого звучания группа из Сан-Франциско с женским вокалом.

324

В этой песне проводились параллели между очернением в прессе Джона и Йоко и Курта и Кортни.

Последние – действительно крутая чокнутая группа из Нью-Йорка, игравшая тяжелый рок. В ее составе блистали Дон Флеминг, владелец лейбла «Shimmydisc» Крамер и «The Rummager». «Трудный» третий альбом группы, «Trouble Doll» 1989 года, нужно слушать. Другая группа Крамера, которую он основал вместе с актрисой Энн Магнусон, – сексуально дерзкая, забавная и отвязная «Bongwater» – еще лучше. Их невероятный четвертый альбом 1991 года «The Power Of Pussy» содержит неизбывную печаль – и в то же время буйные непристойности. Те, кто записывался на «Shimmydisc», – «Dogbowl», «King Missile», «B.A.L.L.», «Bongwater», «The Tinkles», Дэниел Джон-стон, «Boredoms» – офигительны.

По крайней мере, так тогда заявляла сама Кортни…

327

Солистка «The Staple Singers» Мэвис обладала задушевным контральто госпелного типа. У Курта играл альбом «Mavis Staples» 1969 года (продюсер Стив Кроппер).

Обе группы – «Aerosmith» и «Led Zeppelin» – не считались панк-библиотекарями Олимпии за музыку, хотя некоторые хипстеры все же порой неохотно признавали, что «Zeppelin» – это рок.

329

С демоверсии Дэйла было взято пять песен; «Mexican Seafood» впервые появилась на EP-сборнике «Teriyaki Asthma», часть 1, с лейбла C/Z, а «Beeswax» – с «Kill Rock Stars».

«Sliver» позднее выпущен в США синглом для рекламы «Incesticide». Клип был снят в гараже Курта на зернистую пленку «Super-8» режиссером Кевином Керслейком и запечатлел, среди прочих, и Фрэнсис Бин. Группа играла вживую на фоне коллекции странных предметов Курта.

Это интервью Курт назначил сам, что вызвало раздражение у отдела по связям с прессой в «Geffen».

Также тихоокеанский Северо-Запад тесно связан с «Симпсонами». Когда я впервые посещал «Sub Pop», то заметил там открытку с автографом Мэтта Гроунинга на стене у Брюса Пэвитта. Создатель «Симпсонов» учился в колледже Эвергрин.

333

Песня навеяна романом Патрика Зюскинда «Парфюмер» (1986).

Но не «Pearl Jam» – «Потому что „Pearl Jam“, хе-хе-хе, типа сосут», – как пояснял Баттхед, более интеллектуальный из парочки.

«В гостиничных книгах, – вспоминает Эрни, – Курт и Кортни часто записывались как мистер и миссис Саймон Ритчи, а Дэйв – как Рой Роджерс».

336

Название отсылает к растительному абортивному средству. «Ребята, оно не помогает», – едко записал Курт у себя в дневнике.

Сторонники Фрэнсис Фармер считали, что ее демонизировали прежде всего из-за того, что в 17 лет она написала стихотворение «God Is Dead» («Бог мертв»), а потом посетила Советский Союз в разгар холодной войны.

338

Возможно, отсылка к альбому «AC / DC» «Back In Black».

339

Лесли Харди изображена на обложке альбома, но не играет на нем.

340

Солист «Alice In Chains», скончавшийся от передозировки героина в 2002 году.

341

Блестящая, политически ангажированная, остроумная хип-хоп-группа из Сан-Франциско с фронтменом Майклом Франти.

Легко недооценить силу прессы: например, «Эмнести интернейшнл» очень выиграла от того, что такая группа, как «U2», напечатала их адрес на обложке альбома.

343

MTV имели обыкновение приглашать рок-звезд в огромную студию для акустического выступления – предположительно без усилителей, но обычно не так уж тихо. За несколькими исключениями – на ум сразу приходит Нейл Янг – формат провалился и стал всего лишь еще одним панибратским опытом корпорации.

344

Сомнамбулическая наркоманская поп-группа из Нью-Йорка, испытавшая влияние «Velvet Underground». Ни один из альбомов не дотягивает до уровня концертов, хотя дебютный – «Bring It Down» (1993) – очень неплох.

Безуспешно. Заявление Кортни о том, что она «сидит на соке» (ежедневно пьет свежевыжатый сок), нужно воспринимать со скепсисом. Эта причуда появилась у нее не раньше 1997 года.

346

Кали делил свои обязанности с мамой Нильса Бернстейна, Сигрид Сольхейм.

347

Акустическая гитара – редкий гость в песнях «Hole», но именно так Кортни мне ее и играла – почти сразу после написания, по телефону, в 4 утра, пьяная и одинокая на вечеринке. Я сказал ей, что песня прекрасна, и велел ничего не менять.

348

Злобная и непристойная австралийская гранж-группа конца 80-х.

349

На одной пиратской записи этого концерта здесь отчетливо слышно, как Кортни говорит, что ее мужу лучше бы обойтись без Дэйва Грола.

Спокойная, гармоничная, построенная вокруг акустического риффа, с мягким вокалом самого Грола, «Marigold» обещала будущую карьеру Грола как лидера любимой на радио группы «Foo Fighters».

351

Альбом появился в США неделей раньше только на прозрачном виниле – ограниченным тиражом в 25 000 экземпляров. Также 14 сентября датируется британский релиз (винил и CD).

Сказав это, я не могу не сделать оговорки, что Дэнни Голдберг оказал большую помощь и поддержку в написании этой книги, и я серьезно пересмотрел свое мнение о нем.

В списке значились: Дэнни и Розмари, Ким Кобейн, Дженет Биллиг, Эрик Эрландсон, Джеки Фэрри, Никки Макклюр… и только затем его собственная мать, Венди. Завещание это он так и не подписал. Судя по всему.

Одной из барабанщиц «The Germs» была Дотти Дэйнджер, она же Белинда Карлайл, позже сформировавшая девичью группу «The Go-Go's», постоянно присутствовавшую в чартах и лучше всего известную песней «We Got The Beat».

355

Пэт Смир и Кортни Лав подружились на съемках хип-хоповского фильма Джоэла Силберга 1984 года «Прорыв».

356

Помните портлендский список Кортни «Как стать знаменитой?». Номер пять: соблазнить Майкла Стайпа…

357

Крэйг Монтгомери больше не ездил с группой: он уволился, после того как они не сошлись во взглядах на звук на «SNL».

358

Хардкор-группа второго поколения из Санта-Моники. Их третий альбом, «24 Hour Revenge Therapy» 1992 года, очень выиграл от работы с ним Альбини. В конце 1994 года они на прицепе «Nirvana» подписали контракт с «Geffen». Этого не следовало делать.

359

По иронии судьбы, впоследствии Кортни Лав сотрудничала с Линдой Перри, продюсером «4 Non Blondes», в своем просто ужасном сольном альбоме 2004 года «America's Sweetheart».

Сет включал: «Radio Friendly Unit Shifter», «Drain You», «Breed», «Serve The Servants», «About A Girl», «Heart-Shaped Box», Sliver», «Dumb», «In Bloom», «Come As You Are», «Lithium», «Pennyroyal Tea», «School», «Polly», «Milk It», «Rape Me», «Territorial Pissings», «Smells Like Teen Spirit», «All Apologies», «Blew», «Endless, Nameless».

361

Изначально права на песню заявляла Кортни, исполнив ее с «Hole» на «MTV Unplugged». Позднее песня вышла на сборнике лучших хитов «Nirvana», изданном в 2002 году «DGC».

362

Несмотря на упоминания об этом в «Тяжелее неба», «Nirvana» никогда не исполняла госпельную песню «Jesus Wants Me For A Sunbeam».

Например, в конце выступления в Канзас-Сити, когда «Endless, Nameless» завершилась оргией вытянутых гитарных струн, Курт заявил, что оставит гитару включенной в сеть (она была прислонена к усилителю), пока все не разойдутся.

364

Из Осаки, Япония; взрыв цвета, света, всеобщего бардака, живого общения, ревущих труб; блестящие, поразительно смешные!

365

Теда Дэнсона за несколько недель до того высмеяли за то, что он появился с зачерненным лицом в обществе своей подружки, Вупи Голдберг.

В том же месяце «In Utero» был признан в США платиновым (миллион проданных экземпляров), так что Геффен, возможно, хоть немного успокоился по поводу продаж. Тем временем «Nevermind» преодолел уже пятимиллионную отметку.

367

Личная группа-гибрид Лу – к тому времени «Sebadoh» уже слегка поистрепались. Самый известный сингл – хит «Natural One» 1995 года – взят из саундтрека к фильму «Ребята».

Эрни Бейли: «В то время Маклеод штрафовал всех и за всё. Только год назад Пэт сказал, что впервые получил от „Nirvana“ чек, в котором с него ничего не удержали».

Позднее в раздевалку группы как-то зашел Джон Макинрой, звезда тенниса, и выглядел там решительно не к месту.

«Mudhoney» тоже часто приглашали людей на сцену, когда играли на бис ту же композицию.

371

«MTV Unplugged» вышел уже после смерти Курта. Звук почистили, диалоги между песнями и случайный шум убрали. Да уж, не упустили свой шанс.

Сами MTV только позже посчитали эту программу «классической», уже после смерти Курта. До того концерт даже не показывали.

373

Курт был в завязке, да к тому же нервничал из-за акустического выступления.

Крист, со своей стороны, охарактеризовал альбом в пресс-релизе к нему как «Nirvana»-лайт.

Это чуть ли не непременное условие для каждого басиста: готовность разнимать дерущихся музыкантов.

Ее устроила звукозаписывающая компания. В какой-то момент стало ясно, что мы никак не впишемся в просвет между изгородью с одной стороны и фонарным столбом – с другой. И я принялся мутузить все еще рулящего Боба. Это был единственный вариант. Он снес пол-изгороди. Не стоит и говорить, что в итоге «Mudhoney» так и не подписали контракт с тем лейблом.

377

У Курта еще был сводный брат, Чед Кобейн, родившийся от отца Курта, Дона, и мачехи, Дженни Уэстби.

378

На концерте в Майами появились «Sonic Youth». Курт сыграл там отрывок из песни «Led Zeppelin», «Heartbreaker», на которую много лет назад «Nirvana» записала кавер.

379

Парализованный фолк-музыкант. Его прямые, исповедальные депрессивные песни порой напоминают Дэниела Джонстона.

380

Очень мачистская хардкор-группа с Гавайев, с беспокойными ритмами и еще более беспокойной тенденцией превратиться в чуть менее стадионный вариант «Chili Peppers».

381

Мэтт издавал странный рок-журнал «Аутпанк», который в итоге вырос в записывающий лейбл. В 1992 году выпустил две отличные пластинки-сборники: «There's A Faggot In The Pit» и «There's A Dyke In The Pit» – на последней засветились «Bikini Kill» и «7 Year Bitch».

382

Два концерта: на первом кто-то все время орал, требуя сыграть «To-urette's». Курта достало, и он в конце концов ответил: «Черт возьми, я что, музыкальный автомат?»

383

В Сиэтле или его окрестностях расположены главные офисы «Амазон», «Майкрософт» и «Старбакс». Первый «Старбакс» находится на Пайк-Плейс-маркет, в паре домов от «Sub Pop».

384

Речь о звезде фильма «Один дома», Маколее Калкине.

385

В тот вечер даже рифф, открывший первую песню – «Rape Me», – звучал как запинающиеся гитары в песне «The Knack» «My Sharona».

386

В программу «Nirvana» на том концерте вошли: «Radio Friendly Unit Shifter», «Drain You», «Breed», «Serve The Servants», «Come As You Are», «Smells Like Teen Spirit», «Sliver», «Dumb», «In Bloom», «About A Girl», «Lithium», «Pennyroyal Tea», «School», «Polly», «Very Ape», «Sappy», «Rape Me», «Territorial Pissings», «Jesus Doesn't Want Me For A Sunbeam», «The Man Who Sold The World», «All Apologies», «On A Plane», «Scentless Apprentice», «Heart-Shaped Box», «Blew».

387

Рогипнол – лекарство от сильной бессонницы, а также средство при выходе из героиновой зависимости. Кортни часто называла его при мне «детским успокоительным». Я раз взял пару таблеток перед полетом в Японию, и они меня вырубили на все 27 часов полета.

388

Акустическая версия песни фигурирует на бокс-сете 2004 г. «With The Lights Out». Звучит, как ни странно, похоже на Пола Маккартни – или на какую-то из песен, которые Курт пел на радио «KAOS» в Олимпии. Голос ломается и взмывает в стратосферу. Душераздирающая песня.

389

Британоп-группа середины 90-х с женским вокалом, очень многим обязанная угловатым панкам старой школы, «Wire».

390

Дама из Новой Англии, которую судили и казнили за жестокие убийства топором отца и мачехи в конце XIX века. После суда над ней появилась детская считалочка: «Lizzie Borden took an axe / And gave her mother 40 whacks / When she saw what she was done / She gave her father 41» («Лиззи Борден взяла топор и сорок раз ударила мать. Когда она увидела, что сделала, то сорок первый удар пришелся на отца»).

391

Лекарство, которое используют фельдшеры для борьбы с передозировкой героина. «Это как впрыск адреналина: очень неприятно, но может спасти жизнь, – поясняет Кали. – Конкретно эта доза была украдена из „скорой помощи“».